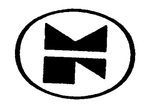
2 Иван Стаднюк

Иван
Стаднюк
2



СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ЧЕТЫРЕХ
ТОМАХ

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ВТОРОЙ

ПОВЕСТИ

МОСКВА · 1983

84Р7
С76

С $\frac{4702010200-023}{078(02)-83}$ Подписное

Повести

ЧЕЛОВЕК НЕ СДАЕТСЯ

1

Вагон мягко вздрагивал на стыках рельсов и дробно пристукивал колесами. За окном стелилось зеленое с сизыми проседями тумана поле. Затем поплыли отцветшие сады, среди которых белели под соломенными замшелыми крышами мазанки. Под самым окном замигал крынками и горшками на кольях хворостяной с крутобедрым изгибом плетень, где-то внизу тускло блеснула взлохмаченная ветром заводь с раскоряченными ветвями затонувших верб.

Петр Маринин был в купе один. Час назад он проснулся, и первая мысль, пришедшая в голову, заставила его радостно засмеяться. Ведь не надо, как было два года подряд, суматошно вскакивать с постели, торопливо одеваться, чтобы успеть через три-четыре минуты после подъема встать в строй. Можно лежать сколько душе угодно, не боясь грозного окрика старшины или замечания дежурного по роте. И тем не менее Петр вскочил с постели быстро, как по тревоге, оделся, умылся и только позволил себе не сделать физзарядку, хотя отдохнувшие за ночь мышцы сладко ныли, требуя разминки.

И вот он, накинув на плечи плащ, сидит у открытого окна, наблюдая, как там, за вагоном, разгорается утро, как по земле рассыпается под первым лучом солнца росное серебро.

Не верилось, что это он едет в поезде — вчерашний курсант военно-политического училища, что это на его гимнастерке, если поднять руку и потрогать петлицы, холодят пальцы два квадратика, а на рукаве горит красная звезда с золотыми серпом и молотом... Да, теперь он уже не рядовой, а политработник, младший политрук. И не будет больше для него казармы, строгого старшины, не будет привычных и так надоевших команд: «Подъем», «Строиться», «Шагом марш», и многого другого не будет, без чего немыслима курсантская жизнь и вполне мыслима жизнь младшего политрука, самостоя-

тельного человека, назначенного на солидную для двадцатидвухлетнего парня должность секретаря газеты мотострелковой дивизии.

Петр с благодарностью вспомнил старшего лейтенанта Литвинова — своего командира роты в училище. Это он выхлопотал у начальства для него, Маринина, разрешение сделать по пути к месту службы короткую остановку в Киеве, чтобы повидаться с Любой...

При мысли о Любе, о скорой встрече с ней гулко забилось сердце, стиснутое радостью — безотчетно-тревожной и нетерпеливым желанием быстрее оказаться там, в Киеве... И чем ближе встреча, тем беспокойнее, что окажется она не такой, какую видел в мечтах. Ведь сколько раз уже так бывало: задумает одно, а получается все наперекор. Вроде судьба, если есть она, испытывает его сердце, его мужское самолюбие и делает все так, чтобы не Люба страдала по нему, а он терзался оттого, что счастье, казавшееся таким близким, вдруг исчезало, как мираж, и снова манило к себе откуда-то издалека...

Они вместе с Любой кончали десятилетку. Маринин мыслями уносится в родной Тупичев (есть такое село на Украине), вспоминает, как все было.

...После десятилетки условились продолжать учиться в Харькове: она в институте иностранных языков, он в институте журналистики. Уехал Петр из Тупичева к брату в Чернигов, где и готовился к поступлению в институт. Переписка с Любой прервалась. Но это не беда, раз они скоро должны были встретиться в Харькове.

Однако в Харьков Люба не приехала. Только потом узнал Петр, что мать уговорила ее поступить в Киевский медицинский институт: и к дому ближе, и родичи в Киеве живут.

Но и с этим можно было смириться: существовала же почта, летние каникулы. Верил Петр в скупые — вполнамека, стыдливые девичьи заверения... Дружба продолжалась.

Из института Петра Маринина призвали на военную службу. Располагая неделей свободного времени, он не мог удержаться, чтобы не съездить в Киев. Да и зачем удерживаться? Должен же он повидаться с Любой перед уходом в армию!

И поехал... Лучше было бы ему не ездить. Разыскивая общежитие мединститута, Петр на улице случайно увидел Любу. Или это не она? С парнем под руку?.. Стройная, тонкая, в знакомой ярко-зеленой кофточке,

Люба хохотала, поигрывая дугами бровей, когда парень наклонялся к ней и что-то говорил. Смеялись ее губы, глаза, вся она светилась и смеялась — весело, самозабвенно, то и дело встряхивая гордо приподнятой головой, чтобы откинуть золотистый локон, спадавший на лоб. Все это Петр отметил сразу и в короткое время успел перечувствовать многое: недоумение, сомнение, обиду от того, что Любе может быть так весело, когда его, Петра, нет рядом с ней, и, наконец, ревность — мучительную, злую.

Петр хотел было свернуть в переулок, но Люба заметила его. Остановилась, перестала смеяться и потускнела, точно не обрадовалась Петру. Ее ясные, всегда доверчивые глаза источали тревогу. Она быстро высвободила свою руку из-под руки парня.

Петр подошел к ней, холодно поздоровался и, будто ему очень некогда, тут же попрощался: «Уезжаю в армию, счастливо оставаться...» — и стремительно зашагал по тротуару.

Ждал, что вот-вот раздастся голос Любы, что она остановит его, скажет слово, объяснит... Ведь он, Петр, уходит, уходит совсем, а она... с другим... О, как он ждал ее оклика!

Итак, Петя Маринин уехал. Он нашел в себе силы ни разу не написать Любе.

Прошел год. Петр учился в военно-политическом училище в одном из южных городов Украины. Неожиданно его постигло несчастье. Пришла телеграмма, сообщавшая о смерти отца. В тот же день, получив двухнедельный отпуск, Маринин уехал домой.

Через десять дней возвращался в училище. Когда поезд остановился в Киеве, Петр вышел на перрон, чтобы отправить Любе заранее написанную открытку: все же они были друзьями, школу вместе кончили. Дважды прошелся мимо почтового ящика и точно не замечал его: открытку опускать не хотелось.

Раздались звонки отправления, Маринин бросился в вагон, схватил свой чемоданчик и сошел уже на ходу поезда.

В общежитии Любу не застал. Пошел в институт. Слонялся у входа, пока наконец на ступеньки широкого парадного не вывалила из дверей пестрая толпа студентов. И снова почти сразу же увидел Любу. С замирающим сердцем шагнул ей навстречу. Но вдруг остановился: Люба опять шла с тем же парнем...

Петр повернулся спиной к журчавшему говором и смехом потоку студентов и полез в карман за папиросой. Когда зажег спичку, возле него остановился студент, чтобы прикурить.

— Простите, вы Любу Яковлеву случайно не знаете? — неожиданно для самого себя спросил у него Петр.

— Знаю. Вон она Диму повела в общежитие.

— Какого Диму?

— Студент наш. Он плохо видит, почти слепой... По очереди его в общежитие водим.

— Слепой? — переспросил Петр, чувствуя, как запылало его лицо.

— Угу. — И парень громко позвал: — Яковлева! Люба!

Сколько затем пришлось Петру умолять Любу, чтобы она простила его, дурака...

Воспоминания Петра вспугнул задорный, с наглинкой голос, раздавшийся в раскрытых дверях купе:

— О чем так глубоко и обстоятельно думаем, товарищ младший политрук?

Петр оторвал взгляд от окна и повернул голову. Перед ним стоял...

— Морозов! Виктор! Ты откуда? — радостно удивился Маринин.

— Оттуда же! — глухо хохотнул Морозов. — Мы с Гарбузом к поезду чуть не опоздали. В соседнем купе загораем...

— Гарбуз тоже здесь? Куда же вас назначили?

— Угадай!

— Я не знахарь...

— Политруки танковых рот!.. В танковой бригаде служить будем... У самой границы.

Виктор Морозов — высокий костистый парень с худощавым лицом спортсмена — славился в курсантской семье своим неуемным аппетитом (в столовой всегда требовал добавки) и ворчливым характером (он был недоволен всем на свете: частым посещением бани и редким увольнением в город, придирками старшины в казарме и чрезмерной заботой преподавателей о том, чтобы курсанты конспектировали лекции). Сейчас это был совсем другой Морозов — довольный собой и всеми, сияющий и не в меру разговорчивый.

Не дав Петру раскрыть рта, он подхватил его чемодан и понес в свое купе, где сидел, томимый бездельем,

третий их товарищ по роте, такой же вновь испеченный политработник — младший политрук Гарбуз...

Опять говорили о том, кто куда назначен, вспоминали командира роты старшего лейтенанта Литвинова. Литвинов, прощаясь со своими бывшими подчиненными, то ли в шутку, то ли всерьез советовал не спешить с женитьбой. «Послужите, осмотритесь, — напутствовал бывалый армеец, — может, в академию кто надумает поступить. А женитьба не уйдет...»

— Видать, горький урок получил наш командир роты, — глубокомысленно рассуждал сейчас Морозов.

Младший политрук Гарбуз — вислоносый чернобровый кубанец, — сверкнув глазами, стукнул огромным кулачищем по острой коленке и категорически заявил:

— А я все равно женюсь! В первый же отпуск.

И Гарбуз, тая в уголках губ счастливую усмешку, нарочито грубовато стал рассказывать, что в Краснодаре ждет не дождется его девушка, да такая девушка, что по ней хлопцы всей Кубани сохнут.

Маринин слушал товарища и улыбался. Улыбался своим мыслям. Нет, он, Маринин, никогда не сумел бы так просто и открыто рассказать кому-нибудь о своей любви. Да и зачем рассказывать? Где найдешь такие слова, чтобы передать, сколько настрадался Петр Маринин из-за Любы Яковлевой?

За разговорами и воспоминаниями не заметили, как поезд сбавил ход и за окном поплыли привокзальные здания.

— Киев! Подъезжаем! — заволновался Петр, бросив на стриженую голову фуражку и надвинув ее на крутой лоб. Схватив чемодан и плащ, он в волнении кинулся к дверям купе, но здесь ему преградил дорогу Гарбуз.

— Не спеши, хлопец. Так не годится, — Гарбуз деловито вырвал у Петра из рук чемодан и, сдвинув черно-смоляные брови, приказал Морозову: — Бери, Виктор, его плащ! Проводим жениха с музыкой.

— Не надо, ребята!.. Не выходите на перрон, неудобно, — смущенно отбивался Петр.

— Ха! Ему неудобно! — басовито рокотал Гарбуз, направляясь к выходу. — Сейчас познакомлюсь с твоей Любой. Имей в виду, и отбить могу...

И вот они все трое, одетые в новое, с иголочки, командирское обмундирование и хромовые сапоги, стоят на людном говорливом перроне. Из глубокой сини неба поднявшееся солнце лило слепящие потоки света, в ко-

торых клубилась станционная гарь, искрились вокзальные окна и смеялись на перронном асфальте лужицы воды.

Петр Маринин, тонкий, подтянутый, с литыми плечами и крепкой грудью, пламенея румянцем под смуглой кожей лица, взволнованно и нетерпеливо оглядывался по сторонам.

— Где же твоя Люба? — скрывая за беспечным тоном тревогу, удивлялся Гарбуз.

— Видать, телеграмму не получила. Это точно, — высказал благополучную догадку Морозов, стараясь не встретиться взглядом с Петром.

А Петр все надеялся. Напряженно всматривался он в людскую сутолоку, и чем больше перрон пустел, тем грустнее делались его глаза, блекло лицо.

— Ну, я пойду, хлопцы, — наконец выдохнул он. — Оставайтесь.

— Проводим! — категорически заявил Гарбуз, все еще делая вид, что ничего не случилось. — Наш поезд больше часа простоит здесь.

— Не надо, — устало попросил Маринин.

2

Нельзя сказать, что Виктор Степанович Савченко не нравился Любе Яковлевой. Ей было приятно ощущать на себе во время практических занятий по хирургии пристальный, чуть насмешливый взгляд его серых цепких глаз. Она замечала в них иногда горячий блеск, немой вопрос и таила в своих глазах и уголках губ улыбку. Было любопытно, как это такой взрослый человек (Савченко — за тридцать), перед которым на экзаменах трепещут все студенты, и вдруг пытается за ней, девчонкой, ухаживать. Однажды он даже приглашал ее на спектакль в театр русской драмы. И хотя ей очень хотелось пойти в театр, она отказалась.

Отказалась потому, что однокурсницы, уловившие необычное отношение хирурга Савченко к студентке Яковлевой, уже шептались по углам, снедаемые ненасытным девичьим любопытством.

И сегодня Люба, выбежав из дверей общежития, ничуть не удивилась, что ее окликнул Савченко. Он стоял напротив, на бульваре, в белом элегантном костюме, соломенной шляпе, высокий, широкоплечий, красивый той определившейся мужской красотой, которая приходит

после тридцати лет при налаженном ритме жизни и устоявшемся характере.

— Здрасте, Виктор Степанович! — шустро поздоровалась Люба, скользнув по точеному лицу хирурга озорными глазами.

— Вы куда-то спешите, — не отвечая на приветствие, не то спросил, не то утвердительно произнес Савченко.

— Да. На вокзал, поезд встречать. — Люба неспокойно мотнула кудряшками выбившихся из-под синего берета волос: ей передалась неизъяснимая тревога.

— Положим, не поезд, — дрогнули в короткой усмешке резко очерченные губы хирурга. — Мне очень надо поговорить с вами. Сейчас же...

Они разговаривали и медленно шли по бульвару, вдоль которого во всю мочь цвела акация. В напоенном солнцем воздухе первого июньского дня вился тополиный пух.

— Какой вы непонятливый, Виктор Степанович. — Люба уже поборола смущение, охватившее ее при неожиданной встрече, отогнала тревогу, сообразив, о чем хочет говорить с ней Савченко. — Я ведь могу опоздать!

Виктор Степанович остановился, взял Любу за руку и испытующе посмотрел в ее улыбающееся лицо с большими зеленоватыми глазами, которые в тени густых ресниц казались темными.

— Неужели вы верите, что ваша привязанность к школьному другу — это любовь?.. Ведь улетучится она!.. Поверьте мне, — убеждал он.

— Нет, — тихо отвечала Люба. — Не улетучится. — В глазах ее полыхнул жаркий огонек девичьего упрямства.

Савченко горько усмехнулся и отпустил Любину руку. С чувством превосходства взрослого над ребенком сказал:

— Удивляюсь еще, как это вы вдвоем не оказались в медицинском институте.

— А вы угадали! — Люба вдруг засмеялась звонко — так, что умолкли свиристевшие в белой кипени акации воробьи. — Петя, верно, хотел вместе со мной идти в медицинский.

— И чего же не пошел?

— А я ему не разрешила! Велела в военное училище поступать, чтоб мужчину там из него сделали. — И Люба снова засмеялась звонко и самозабвенно.

— И он послушался? — безразлично спросил Савченко.

— А меня все хлопцы слушаются!

Савченко помолчал, вздохнул и с грустью промолвил:

— Я бы тоже был счастлив вас слушаться...

— Пожалуйста! — Люба, тонкая, гибкая, как молодая березка, крутнувшись на каблучках, резко повернулась к Савченко и озорно повела глазами. — Исправьте на нашем курсе все тройки на пятерки!

— Не удастся, Люба, — устало улыбнулся Савченко. — Меня призвали в армию... Завтра уезжаю в Гродно и сейчас хотел бы...

— А кто у нас будет вести практику по хирургии? — встревожилась Люба.

— Да не об этом речь! — морща лицо, с досадой махнул рукой хирург. — У меня очень, очень важный разговор... — И как человек, решившийся на все, вдруг выпалил: — Люба... выходите за меня замуж!

Люба с изумлением смотрела в лицо Виктору Степановичу, в его застывшие в ожидании, полные страсти глаза, не зная, что ответить. Чувствовала, как горели ее щеки и навертывались слезы. Ей стало мучительно жалко этого хорошего большого мужчину и почему-то нестерпимо стыдно. Отвернувшись и потупив взгляд, она срывающимся голосом произнесла:

— Я вам не давала повода, Виктор Степанович... Но я понимаю: вы уезжаете... Я... я вам очень благодарна...

Савченко молчал, выжидая. А Люба, вдруг овладев собой, посмотрела на него ясными, честными глазами и очень будничными, как ей показалось, слишком простыми, не подходящими для такого случая словами досказала:

— Благодарю вас... Многим кажется, что я лишь хохотушка. Даже на комсомольском собрании прорабатывали. А вы поверили, поняли, что я не только озоровать умею...

— Все это понимают! — воскликнул Савченко. — Вы же умница, лучшая студентка! — И лицо его оживилось, посветлело, в глазах загорелись трепетные счастливые огоньки.

— А мне кажется — меня забавным ребенком считают, — продолжала Люба, волнуясь оттого, что Виктор Степанович не понял, к чему она клонит. — Благодарю

вас... Только зря вы... Я действительно очень люблю Петю. А вот сказать ему все стесняюсь. Но сегодня скажу...

Петр Маринин, держа в одной руке чемодан, а на другую перекинув плащ, стоял у подъезда вокзала и сумрачно смотрел на шумную, наполненную перезвоном трамваев и гудками автомобилей привокзальную площадь. Захлестывала обида, подступая к горлу твердым комом и медной звенью стуча в виски. Не пришла... Не нашла времени встретить его. А может, случилось что?..

И вдруг губы его задрожали в улыбке, из глаз лучисто брызнула радость, полыхнул по щекам огонь и теплой волной разлился по телу. Петр увидел, как с подножки подошедшего трамвая легко спорхнула... она, Люба!.. Быстро ступая по каменным плитам, Люба, запрокинув голову, озабоченно смотрела куда-то вверх. Петр догадался — смотрела на часы, что схлестнулись стрелками высоко на фасаде серого вокзального здания. Окликнул.

— Петенька-а! — звонко крикнула Люба, увидев Маринина.

Вихрем налетев на Петра, чмокнула его в щеку, обдав ароматом недорогих духов.

— Петенька, извини! Только на десять минут опоздала... Ой какой смешной! — тараторила Люба, повизгивая от восторга и со всех сторон рассматривая Маринина. — А важный!.. И взаправду командиром стал!

— Младшим политруком, — осторожно поправил ее Петр, смущенно улыбаясь и не отрывая глаз от Любы.

— А почему не старшим?.. Ну ладно, — смилостивилась Люба, — ты мне младшим еще больше нравишься. Не будешь нос задирать.

— А я и не собираюсь задирать.

Люба вдруг перестала смеяться и тихо проговорила:

— Ты бы хоть поцеловал меня, Петя...

Румянец на щеках Маринина погустел. Он поставил чемодан, оглянулся на сновавших вокруг людей и с досадой проговорил:

— Народу кругом пропасть...

— Ну и пусть! — счастливо засмеявшись, Люба стала на цыпочки и коротко прильнула своими губами к губам Петра. Затем, смутившись, тоже оглянулась на лю-

дей и взяла его чемодан. — Пойдем, а то опоздаю. Через сорок минут у меня консультация, а завтра экзамен по анатомии.

— Люба! — Петр испуганно посмотрел на девушку. — Я ведь только на три часа. Следующим поездом на Сарны должен уехать.

— Никуда ты не поедешь! Я договорюсь с нашими мальчиками, переночуешь у них в общежитии.

— Нет, нет. Ты пойми: не имею права опаздывать. Лучше не ходи на консультацию... В загс пойдем!

— Куда? — Люба смотрела на Петра смеющимися, во влажной зелени, глазами, высоко подняв тонкие брови.

— Пойдем распишемся... Мы же договорились: кончу училище — и ты выйдешь за меня замуж.

Люба вдруг затряслась от смеха, запрокидывая голову и обнажая иссиня-белые мелкие зубы. Петр смотрел на нее с недоумением, тревогой и обидой.

— Чего ты гогочешь?

— Ой, не могу, — сквозь смех отвечала Люба, скрестив руки и прижав их к маленьким тугим грудям. — У меня сегодня урожай на женихов!

— Ну, знаешь... Ничего смешного!.. — Петр, обиженно взглянув на девушку, отвернулся.

— Не дуйся, Петух! — все еще смеясь, говорила Люба. Взяв его под руку, она заглянула ему в глаза. — Разве так сразу можно? Что мне мама скажет? И тебе со своими поговорить надо... Пойдем, а то я опаздываю.

— Никуда ты не пойдешь.

— Сумасшедший! Хочешь, чтоб я завтра на экзамене провалилась?

— А ты хочешь, чтоб я начал службу с опоздания в часть?

— Ну тогда уезжай! — В голосе Любы зазвенели металлические нотки, хотя в глазах продолжал теплиться смешок.

— И уеду! — Петр взялся за чемодан. — Поезд, которым приехал, еще не ушел.

— Уезжай... Только не забудь, что у меня консультация заканчивается через три часа, а потом я свободна.

— Люба, я не шучу... Уеду.

— Уезжай, уезжай. Чего ж стоишь?

И Люба метнулась к тронувшемуся с места трамваю. Уже с подножки, удаляясь, крикнула со смешком:

— Не забудь чемодан в камеру хранения сдать!..

И снова знакомая обстановка вагона, снова татакают под полом колеса. У дверей купе митинговал, размахивая длинными руками, младший политрук Морозов:

— Правильно сделал, что уехал! Вот дурак только, что переживаешь!

Петр Маринин, к которому обращены эти слова, дугой согнув спину, сидел у столика, уставив неподвижный взгляд в окно, где томился в июньском зное день. Напротив Петра — младший политрук Гарбуз.

Сдвинув черно-смоляные брови, Гарбуз стучал кулаком по своей острой коленке и не соглашался с Морозовым:

— А по-моему, надо было растолковать ей, что к чему, — скрипел его хрипловатый голос. — Ты же сколько этой встречи ждал! А она — консультация! Плевать на консультацию! Сдала бы экзамен в другой раз.

— Не верила, что уеду, — с грустью и оттенком виноватости заметил Петр. — Раньше я всегда ее слушался.

— Ну и дурак! — гаркнул Гарбуз и, сердито засопев, достал папироску.

— Оба вы тюфяки! — безнадежно махнул рукой Морозов. — А еще политработники... Ведь война может грянуть! А вы?.. Только и разговоров, что про женитьбу. Приспичило!.. Я б на твоем месте, Петро, года три послужил бы, а потом в Военно-политическую академию. Женитьба не уйдет!

— Постой, постой! — Гарбуз, подбоченившись, дьяволом посмотрел на Морозова. — А что это за студенточка провожала тебя на вокзале?

Морозов заморгал глазами, облизал сухие губы.

— Ну, я — другое дело, — развел он руками. — Во-первых, я на целый год старше вас. А во-вторых...

Что «во-вторых», трудно было услышать, так как Гарбуз загромыхал раскатистым смехом. Не выдержав, рассмеялся и Петр.

— Хватит ржать! — рассердился Морозов. — Давайте лучше «козла» забьем.

После пересадок в Сарнах и Барановичах приехали в Лиду. Разыскав в городишке автобусную станцию, направились от Лиды на восток — в Ильчу.

И вот — небольшое местечко Ильча, о существовании которого ни Петр, ни его друзья раньше и не подозревали. Узкие, пыльные улицы со щербатыми мостовыми,

островерхие черепичные крыши домов, заросшая камышом речушка — приток Немана. За речушкой на горе — костел. Его долговязое серое тело двумя шпилями тянулось высоко в небо и бросало угловатую тень на плац, растянувшийся между костелом и казармами. В этих казармах размещались штабные подразделения и сам штаб мотострелковой дивизии.

Дивизия только формировалась. Рождение ее и подобных ей частей означало тогда рождение нового рода войск Красной Армии — моторизованной пехоты. Части молодого соединения пополнялись только что призванной в армию, необученной молодежью. Командиры — одни переводились из разных частей Западного Особого военного округа, другие, как Маринин, Морозов, Гарбуз, приходили из военных училищ. Костяком будущего соединения явилась танковая бригада, которая находилась близ границы в летних лагерях и готовилась к переформированию в два танковых полка.

Старший батальонный комиссар Маслюков — начальник политотдела формирующейся мотострелковой дивизии — сидел в своем кабинете за непокрытым канцелярским столом и листал личное дело младшего политрука Маринина Петра Ивановича. Сам Маринин был здесь же. Он уселся на уголке табуретки и со смешанным чувством любопытства, робости и удивления рассматривал Маслюкова. Близко встречаться с таким большим начальником ему приходилось впервые.

«Губы толстоваты», — мелькнула у Петра нелепая мысль, и он усмехнулся, потупив взгляд. Боялся, что Маслюков заметит на его лице улыбку.

Подавив в себе беспричинный приступ смеха, Маринин снова стал рассматривать лицо старшего батальонного комиссара — полное, чуть румяное, с ямочкой на подбородке. Неопределенного цвета глаза — внимательные, задумчивые, взгляд прямой и требовательный. В Маслюкове угадывался властный, настойчивый характер, выработанный трудной армейской службой.

— Учились в институте журналистики? — нарушил вдруг тишину старший батальонный комиссар, уставив на Петра внимательные глаза.

Во взгляде этих глаз и в голосе, каким был задан вопрос, Петр уловил нечто такое, что заставило его встревожиться...

— Да. Из института призван на действительную.

— Хорошо-о, — протяжно вымолвил Маслюков, и это «хорошо» усилило неизъяснимую тревогу Маринина.

— Вы, конечно, знаете, — начал издалека старший батальонный комиссар, — что вас рекомендуют секретарем дивизионной газеты.

— Знаю.

— А не лучше ли вам месяца два поработать политруком роты? Посмотрите, чем живут солдаты, как складывается их служба в условиях нового рода войск... Потом будет легче в газете...

— Я готов, — облегченно вздохнул Маринин.

— Очень хорошо. Идите представьтесь редактору и работайте пока в газете. А как только поступят бойцы в дивизионную разведку, пойдете туда политруком.

Петр поднялся, сказал краткое «есть!», круто повернулся кругом и рубленым шагом вышел из кабинета.

А в крохотной приемной сидели притихшие Морозов и Гарбуз. Теперь наступила их очередь представляться «высокому начальству», прежде чем ехать к месту службы — в танковую бригаду.

3

Уже прошло полмесяца с тех пор, как Петр Маринин прибыл после окончания училища к месту службы. Успел обвыкнуть в редакции маленькой дивизионной газеты, подружился с инструктором-организатором газеты младшим политруком Гришей Лобом, а дивизионная разведрота еще не комплектовалась...

— Кто же за тебя в редакции будет работать, если уйдешь в роту? — удивлялся Лоб. — Это не дело...

Гриша Лоб — стройный, собранный, невысокий парень с черной жесткой шевелюрой, острым, суровым взглядом и побитым оспой лицом. Не в меру горячий и резкий, Лоб вначале не понравился Петру.

Недавно, когда приехал вновь назначенный редактор политрук Немлиенко, Маринин и Лоб вместе вышли в поле, где мотострелки занимались тактикой. Нужно было написать «гвоздевую» статью для первого номера газеты. Не надеясь на Маринина — новичка в газетном деле, — Лоб суетился, записывал фамилии солдат, фиксировал в блокноте каждое их действие. Часто подбегал к командиру взвода, засыпая его вопросами.

Петр же, когда отделенные командиры производили

боевой расчет, только записал их фамилии и фамилии солдат. После в течен е двух часов не вынимал блокнота из кармана, ограничиваясь наблюдением. Лоб посматривал на Маринина с недоброй усмешкой. А когда Петр, заметив, что один сержант неправильно поставил задачу ручному пулеметчику и употребил неуставную команду, поправил его и попросил взводного командира указать на это другим сержантам, Лоб резко бросил:

— Не вмешивайся не в свое дело!

Маринин смутился, ибо действительно не знал, правильно ли поступил.

По пути в редакцию Маринин спросил:

— Как будем писать?

— Почему ты говоришь «будем»? — едко заметил Лоб. — Ведь тебе нечего писать — блокнот пуст.

Петр с удивлением посмотрел на товарища и ничего не ответил. Придя в редакцию, он сел за работу. А через несколько часов явился к политруку Немлиенко, редактору газеты, с готовым материалом. Но редактор уже читал корреспонденцию, которую написал Лоб.

Не замечая растерянности младшего политрука Маринина, Немлиенко взял его рукопись.

Затаив дыхание Петр следил, как глаза редактора бегали по строчкам. Кончив читать, редактор сказал:

— Ничего. Начало статьи — о подготовке к занятиям — возьмем у Лоба, а ход занятий — у Маринина...

После работы Лоб подошел к столу Петра:

— Идем хватим по кружке пива.

Когда вышли на улицу, он спросил:

— Обижаешься?

— Нет, — ответил Маринин.

— И правильно делаешь. Не стоит.

С тех пор они и подружились. Петр узнал, что Гриша, несмотря на резкость характера и внешнюю суровость, добрый, отзывчивый парень. Он все время тревожился о своей беременной жене Ане, боялся, что не успеет вовремя отвезти ее в родильный дом.

Петр видел Аню только мельком, когда она однажды принесла Грише в редакцию забытую дома планшетку. Запомнилось простое, полногубое, чуть курносое лицо, светлые, гладко причесанные с пробором волосы, застенчивые, добрые глаза. Несмотря на беременность, которая портила фигуру, от Ани веяло домашним уютом и располагающей простотой.

Сегодня Гриша Лоб был особенно насторожен. Ждал,

что вот-вот прибежит за ним соседка. Надо было бы совсем не ходить на службу, но редактор политрук Немлиенко уехал в Смоленск за своей семьей, и Лоб замещал его.

В маленькой комнатке-клетушке, где располагалась редакция, было жарко и накурено. В раскрытое окно, из которого виднелся широкий унылый плац между казарменными зданиями, лениво тянулся табачный дым.

Лоб сидел за столом и с сердитым видом правил написанную Марининым статью. Перед ним — чугунная пепельница с горой окурков.

За соседним столом — Петр. Гранки, тиснутые на длинных лоскутах бумаги, уже вычитаны, и Петру нечем заняться. Он делал вид, что снова читает корректуру, а на самом деле рассматривал фотографическую карточку, на которой был изображен он сам. Это первый фотоснимок, где Петр Маринин выглядел солидно — в командирской форме, по два кубика в петлицах, сверкающая портупея через грудь. А взгляд!.. Глаза Петра смотрели со снимка строго, с достоинством и, нечего скрывать, самодовольно. Жаль только, что волосы не успели отрасти. А без них коротко остриженная голова казалась совсем мальчишеской.

Петр думал над тем, стоит ли посылать Любе фотоснимок или дождаться ответа на письмо, которое он послал ей недавно. Что она ответит? Обиделась? Ну и пусть! У него тоже характер. А вообще-то зря он тогда уехал. Ничего бы не случилось, если б задержался на сутки. И все было бы по-иному. А теперь?.. Если б Люба приехала в Ильчу!

Маринин посмотрел вокруг себя, и ему стало горько. Уж слишком скромно размещена редакция — в одной комнатке, а во второй — типография.

Очень захотелось, чтобы Люба увидела его за каким-нибудь важным делом, в строгой, солидной обстановке или во главе танковой разведроты на параде, чтоб поняла, что он уже не тот Петька, которому она столько попортила крови.

Но это мечты. Люба не такая, чтобы приехать. Прислала бы хоть письмо...

И Петр так глубоко вздохнул, что из его груди вырвался стон.

Лоб метнул на него насмешливый взгляд и не без едкости произнес:

— Ох и здоров же ты слюни распускать, товарищ ответственный секретарь!

— При чем здесь слюни?!

— Работать надо!..

— А я что, пузо на солнце грею?

— Было б оно у тебя. — И Лоб так засмеялся, что Петру стало обидно. — Скоро в щепку сухую превратишься от своего любовного психоза... Эх ты, Отелло недопеченный!.. Деваха на письма не отвечает. Плюнь и разотри!

Петр, уставив на Лоба негодующие глаза, мучительно подбирал самые злые и резкие слова. Но так ничего и не придумал. Только поднялся за столом, одернул гимнастерку и с подчеркнутой официальностью спросил:

— Какие будут приказания, товарищ исполняющий обязанности редактора?

Лоб взорвался густым хохотом. Не выдержал серьезного тона и Петр: он тоже прыснул смехом, отвернулся к распахнутому окну и вдруг заметил, что через плац, зажатый с двух сторон казарменными зданиями, идут полковник Рябов — командир дивизии и старший батальонный комиссар Маслюков.

Маслюков — тучный, с широкими, немного вислыми плечами, полногубым, распаренным от жары лицом. Рябов по сравнению с могучим Маслюковым казался мальчишкой — сухощавый, невысокого роста, но собранный, стройный, что называется — с военной косточкой.

— Долго что-то формируют нас, Андрей Петрович, — вытирая платком смуглую шею, говорил Маслюков Рябову. — Только наименование — мотострелковая дивизия. Вместо полков номера одни: людей мало, а транспорта вовсе нет.

— Брось ты говорить о том, что мне и без тебя известно, — с усмешкой ответил Рябов. — Новый же род войск рождается. Через какой-нибудь месяц будут и машины, и людьми полностью укомплектуемся. Потом не забывай пословицу: берегись козла спереди, коня сзади, а плохого работника со всех сторон. Вот и подбирают нам достойные кадры, командиров я имею в виду.

— Вообще-то неплохими ребятами нас комплектуют, — сказал Маслюков и вдруг разразился хохотом.

— Чего смеешься?

— Больно расторопные работнички попадаются. Младший политрук Маринин есть у меня в редакции...

Только приехал, а следом за ним уже невеста мчится. Даже не посоветовался...

Лоб и Маринин настороженно следили в окно за начальством. Вдруг они заметили, что Маслюков, отдав честь и пожав руку Рябову, направился к их домику.

— Наводи порядок! — взволнованно кинул Маринину Лоб и начал быстро складывать на своем столе бумаги.

Маринин, схватив в углу веник, принялся торопливо разметать на полу во все стороны сор. Лоб бросил в пепельницу недокуренную папиросу и заметил, что там окурков уже целая гора. Высыпал их на лист бумаги, завернул. Поискал глазами, куда бы бросить, и сунул сверток в карман.

Когда зашел старший батальонный комиссар Маслюков, Лоб и Маринин были «углублены» в работу. Лоб, словно невзначай, заметил ухмыляющегося начальника политотдела, вскочил на ноги и громко скомандовал Маринину:

— Смирно! — Затем начал докладывать: — Товарищ старший батальонный комиссар, редакция газеты «За боевой опыт» занимается...

— Вольно, вольно, — махнул крупной рукой Маслюков. — Вижу, что горите на работе... Что это?..

Из брючного кармана, в который Лоб спрятал окурки, струился дым. Лоб перепуганно хлопнул обеими руками по карману, окатил полным страдания взглядом начальство и вылетел в коридор.

Несколько минут не утихал в комнате басовитый хохот Маслюкова. Затем старший батальонный комиссар обратился к Маринину:

— А вы, товарищ младший политрук, извольте свой домашний адрес девушкам давать. Чтоб на штаб депеш не слали, — и он подал Маринину телеграмму.

Петр, растерянно захлопав глазами, развернул телеграфный бланк.

«Еду к тебе. Встречай поезд Лиде воскресенье 12 часов дня. Люба», — прочитал вполголоса.

— Это значит — завтра, — глубокомысленно констатировал Лоб, незаметно возвратившийся в комнату. — А говорил — холостой. Или только женишься?

— Не знаю, — еле проговорил ошарашенный Петр. — Ничего не знаю. — На его сиявшем радостью лице блуждала глупая, блаженная улыбка.

Тут же встал перед Петром до неприятного буднич-

ный вопрос: как с квартирой? А вдруг Анастасия Свиридовна, хозяйка дома, в котором он снимает комнату, заупрямится? Одинокому же сдавала!

И Маринин, взволнованный, побежал домой.

От радости не чуял под собой ног. Ведь было чему радоваться. Кто бы мог поверить, что все так хорошо устроится! Любаша едет к нему. Та самая Любаша, которая когда-то не разрешала взять себя под руку, которая насмехалась над Петькой. А теперь едет! И они поженятся. А вообще-то Люба, конечно, дуреха. Пошла учиться в киевский, а не в харьковский институт. И зачем столько крови попортила Петру? Может, потому он так и любит ее?

Над узким тротуаром, выложенным из каменных плит, томились в полуденном зное ветвистые молодые клены. Со стороны недалекой речки слабый ветерок доносил пряный запах скошенного, привядшего разнотравья. В мари сине-блеклого, без единого облачка неба плавилось солнце. Так же безоблачно было на душе у Петра Маринина. Вот только квартира...

За поворотом улицы он увидел идущих в том же направлении, что и он, высокого чопорного военврача второго ранга Велехова и его дочь Аню — стройную и гибкую, как хворостина краснотала. Замедлил шаги, чтобы не догнать их и дольше побыть наедине со своей радостью.

Но мысли переметнулись к Ане. Петр познакомился с ней на второй день после приезда в Ильчу, когда блуждал по местечку в поисках квартиры. Он стоял у калитки тенистого двора и расспрашивал у сидевших на скамейке женщин, где бы можно снять комнату. Мимо проходила девушка. Услышав, о чем идет речь, она остановилась и непринужденно вступила в разговор.

— Наша соседка ищет квартиранта, — сказала она, окинув Маринина смелым, дружелюбным взглядом. — Пойдемте, я вас провожу.

И они пошли вдвоем. Это была Аня Велехова — дочь начальника санитарной службы дивизии. Она рассказала Петру, что приехала из Москвы к отцу погостить и ужасно скучает в этом тихом городишке. В прошлом году Аня окончила десятилетку, поступала в Московский театральный институт, но не прошла по конкурсу и теперь снова готовится к экзаменам.

Сейчас Петру вдруг захотелось поделиться с Аней радостью. Он нащупал в кармане хрустящий телеграфный

бланк и ускорил шаги. Вот уже совсем рядом дробно перестукивали по каменным плитам каблучки Аниных туфель и размеренно, со скрипом ступали сапоги военврача Велехова. Доносился знакомый, трогающий задушевностью звонкий голос Ани:

— Папочка, ты не спеши отправлять меня в Москву... Знаешь, мне здесь так хорошо отдыхается.

— А по маме не скучаешь? — спрашивал густой, уверенный голос Велехова.

— Чуточку, но это ничего.

— Ой, смотри, дочка. Не влюбилась ли ты в нашего молодого соседа?.. Как этого младшего политрука фамилия?

Петр почувствовал, что в лицо ему будто плеснули горячим. Замедлил шаги, растерянно озираясь, куда бы спрятаться: боялся, что Аня сейчас оглянется и увидит его.

— Папочка! И тебе не стыдно? — доносился между тем ее ласково-негодующий говорок. — Он такой застенчивый, этот Маринин, смешной. Я еле уговорила его вчера пойти со мной на танцы...

Что Аня говорила дальше, Петр не слышал. Он, с опаской глядя ей в спину, нырнул в первую попавшуюся калитку. На удивленный взгляд бравшей из колодца воду молодицы спросил:

— Квартира не сдается?

— Одинокому ай семейному? — Женщина взвела дуги густых черных бровей, с любопытством оглядывая ладную фигуру младшего политрука.

Петр потоптался, раздумывая над вопросом, затем сказал:

— Женатому. — И, не дожидаясь ответа, вышел со двора.

Аня и ее отец успели отойти за перекресток. Маринин, облегченно вздохнув, поплелся следом. Со смущением раздумывал над невольно подслушанным разговором, припоминал вчерашний вечер.

...В клубе было людно. Он замечал, что на Аню и на него устремлены многие взгляды, и ему было приятно, что она, такая красивая, какая-то по-особому светлая, занята только им, запросто держит его под руку, непринужденно, вроде они знакомы уже много лет, ведет разговор. Петр танцевать не умел, и они вскоре ушли из клуба. Долго бродили над речкой, вдыхая в дремотной тишине густой аромат разнотравья и запах болотной

плесени. В сонной воде купалась звездная россыпь неба и рожок луны.

Аня читала стихи Есенина, а Петр молчал и боялся, как бы она не догадалась, что он ничего не знает на память из Есенина. Аня как бы угадала его мысли и спросила, кого он любит больше всего из поэтов. Он назвал Тараса Шевченко и Степана Руданского и очень обрадовался, когда Аня созналась, что о Руданском даже не слышала. Тогда Петр по-украински начал читать ей великолепные юморески, и над речкой долго звенел ласкающий слух Анин смех.

А сегодня ему удалось раздобыть потрепанный томик Есенина...

Петр вспомнил о приезде Любы и подумал, что ее надо будет обязательно познакомить с Аней. Они наверняка подружатся...

«Едет Люба! Едет Люба!» — билась в голове мысль, и радость с необыкновенной силой захлестывала его всего.

Не заметил, как оказался возле своего дома. Увидел, что у калитки напротив стоит Аня и с приветливой улыбкой глядит на него.

— Вы почему такой сияющий, Петр Иванович? — спросила она через улицу.

— Вас увидел, — смутился Маринин.

— Подойдите-ка сюда.

Когда перешел улицу, Аня, потупив взор, тихо проговорила:

— Петя, что вы будете завтра делать? Выходной ведь...

— Я с утра еду в Лиду.

— Чего вы там не видели?.. В лес лучше пойдем.

— Не могу. Мне поезд надо встретить. — И Петр, утопив свой взгляд в глубокой сини Аниных глаз, почему-то не сказал, кого едет встречать.

Отвел взгляд, остановив его на ромашке, выглядывавшей на улицу сквозь забор. Бездумно сорвал ее, подал Ане и молча зашагал через улицу в свой двор.

Предстояло объяснение с квартирохозяйкой — Анастасией Свиридовной. Как она отнесется к приезду Любы?

Анастасия Свиридовна — крупная, дородная женщина с властным голосом и рябым мясистым лицом. Своим квартирантом она распоряжалась, как собственностью: «Столуйся у меня, дешевле обойдется», «Не сиди вече-

ром дома. Молодость прохлопаешь», «Смотри, чтоб Сонька Кабанцева из соседнего дома не окрутила тебя. Поганые они люди».

Анастасию Свиридовну он застал дома. Она сидела на широкой скамейке у окна и, зажав в коленях огромную глиняную миску, терла большим деревянным пестом размоченный горох. Завтра воскресенье, а по воскресеньям Анастасия Свиридовна печет пироги с горохом.

Хозяйка встретила Петра хитроватым взглядом; догадался, что она видела в окно, как он разговаривал с Аней. Молча подал телеграмму и с замирающим сердцем уселся на топчан. Хозяйка читала телеграмму медленно, потом подняла на Маринина гневные глаза:

— Чего ж раньше молчал?

— Полная неожиданность... — развел руками Петр.

— Рассказывай! Какая дура так ехала б? — Анастасия Свиридовна отставила в сторону миску, спустила ноги на пол и посмотрела в окно. Там, у калитки, что напротив, все еще стояла Аня и медленно срывала с ромашки лепестки.

— Неразумный ты хлопец, — покачала головой Анастасия Свиридовна и снова покосилась на окно. — Вон твоя судьба! Як ягодка дивчина, и отец начальник большой. Думаешь, я не вижу, как она караулит тебя, когда на службу идешь или домой возвращаешься?

— Да не выдумывайте! — испуганно махнул рукой Петр, чувствуя, как у него загорелись уши, лицо. — Знали бы вы Любу...

— А-а, заладил: Люба, Люба! — сердилась хозяйка. — Комната у меня тесная! Как вы там вдвоем поместитесь?

Петр захлопал глазами:

— Почему вдвоем? Я буду спать на чердаке сарая или на службе...

Анастасия Свиридовна с изумлением смотрела на своего квартиранта...

4

Вот-вот должно было выглянуть из-за покрытого лесами горизонта солнце. Возвещая об этом, кричали красно-кровянистым цветом пластавшиеся в блекнущей небесной хмури облака. Наступил еще один день на земле,

еще раз Земля-планета, вращаясь в вечном своем движении, показывала солнцу необъятные, наполненные живой жизнью просторы.

Прошла минута, и слепящий поток солнечных лучей, скользнув по земле, высек мириады неугасающих искр на белесых росных травах, на колосьях желтых разливов хлебов, на листве буйно-зеленого лесного половодья. Ясным взглядом смотрело солнце на Белоруссию, и румяная улыбка его отражалась в светлых, живых водах Немана и Березины.

Даже малая речонка Ия, над которой в зеленом паводке молодого сосняка маячили паруса брезентовых солдатских палаток, подрумяненно щурилась в усмешке, тихо перешептываясь с берегами, радуясь солнцу и птичьему разноголосому щебету в березовой рощице, что прильнула к молодому сосняку.

Сладко зоревал лагерь танковой бригады: мирно спали под парусиной палаток солдаты; на фланге лагеря, куда убегали ровные линейки, задернутые тонким покрывалом желтого песка, дремотно стыл в ожидании дневного тепла танковый парк.

Бодрствовал только суточный наряд. Топтались у грибков дневальные, другие подметали дорожки между палатками и у закрытых пирамид с оружием, звякали ведрами, наполняя питьевой водой бачки в глубоких погребках, вылавливали окурки из вкопанных в землю бочек. Все делали неторопливо, с ленцой: сегодня воскресенье — выходной день, и команду «Подъем» горнист заиграет на целый час позже, чем обычно.

В эти сутки дежурным по лагерю был младший политрук Виктор Морозов. Уже третью неделю служит он вместе с Гарбузом в этой части. Оба — политруки танковых рот.

Возвращаясь после проверки постов в свою палатку, Морозов услышал, как в кустах за передней линейкой затрещали сучки. Он замер на месте, прислушался. Кто бы это мог перемахнуть через переднюю линейку? Посмотрел на желтое покрывало песка: ни одного следа... Еще прислушался Тишина. Доносилось только журчание родника на берегу речушки, да в парке хлопал брезент, слабо натянутый на танке.

«Показалось», — вздохнул Морозов и тихо двинулся по линейке вперед. У грибка, под которым застыл дневальный — щупленький, с облупившимся носом солдат, — остановился и, когда тот, вдохнув воздух и смеш-

но выпучив глаза, намеревался по всем правилам отдать рапорт, махнул рукой.

— Порядок? — тихо спросил у дневального.

— Полный, товарищ младший политрук! — бодро рубанул солдат.

Морозов зашагал дальше вдоль линейки в направлении видневшегося впереди резного деревянного постамента. На нем стояло под ажурным навесом зачехленное боевое знамя бригады. Поравнявшись с постаментом, Морозов отдал честь знамени, придирчивым взглядом скользнул по ладной фигуре часового — широкогрудого спортсмена со значком ГТО на гимнастерке. Часовой, держа приклад у ноги, откинул винтовку на вытянутой руке в сторону, приветствуя «по-ефрейторски на караул» дежурного и шельмовато улыбаясь — не придерешься, мол.

Хотелось хоть где-нибудь заметить непорядок, чтобы проявить власть дежурного, но, как назло, солдаты несли службу исправно, и придраться было не к чему. Морозов, поеживаясь от утренней прохлады, постоял у огромного фанерного щита, лениво перечитал знакомые объявления: «В воскресенье, 22 июня, состоится концерт артистов эстрады», «Выезд на рыбалку в 5 часов утра. Сбор у клуба...», «Сегодня в пионерском лагере родительский день...»

Из недалекой палатки послышался приглушенный говор. Морозов узнал бубнящий голос младшего политрука Гарбуза и вспомнил, что сегодня Гарбуз уезжает в свой первый отпуск — на Кубань. Вздохнул с завистью, подошел к палатке и, увидев откинутый полог, нырнул под парусину.

На пирамидальной верхушке палатки играли блики только что взошедшего солнца, и изнутри казалось, что парусина источает мягкий желтый свет. При этом свете Морозов разглядел в палатке трех офицеров, среди них — Гарбуза. В одних трусах и тапочках на босу ногу все они занимались кто чем, беззлобно переругиваясь.

— Уже поднялись, краса и гордость танковых войск? — насмешливо спросил Морозов, присаживаясь на табуретку.

— А я почти не спал, — ответил Гарбуз, откусывая нитку, которой пришивал к гимнастерке свежий подворотничок. — Попробуй усни: три года дома не был... Эх, и погуляю! На всю Кубань свадьбу отгрохаю!

— Зря командир бригады отпускает тебя сейчас, —

недовольно заметил чистивший на гимнастерке пуговицы белоголовый лейтенант.

— Ты насчет футбола? — насторожился Гарбуз.

— Угу. Продуем без тебя артиллеристам как миленькие.

Гарбуз, сверкнув своими глазищами, помолчал, сердито посопел, раздумывая, как бы едче, по своему обыкновению, ответить, и, видать ничего не придумав, приглушенно зашипел:

— Знаешь что, хлопче?.. Я родился человеком, а не футболистом. Вот вернусь с молодой женой, тогда и в футбол будем играть.

— С женой? — изумился Морозов, хитро щуря глаза.

Молодежь грохнула смехом. Густо захохотал и Гарбуз.

— Тише, черти! — затряс кулаками Морозов. — Лагерь разбудите!

И вдруг, словно в насмешку над его словами, прокатился тяжелый, стонущий гул. Мелко задрожала земля от артиллерийских ударов.

В стороне границы, от края до края, полыхали вспышки орудийных залпов, отражаясь в широко раскрытых, встревоженных глазах выскочивших из палатки Морозова, Гарбуза, белоголового лейтенанта.

— Братцы, война! — выкрикнул лейтенант. Его глаза горели жаждой подвига.

— Война! — хрипло повторил Гарбуз.

— Война! — шепнули побелевшие губы Морозова.

Умолкли птицы в недалеком березняке, стыдливо спряталось за багровую тучу взошедшее солнце. А на западе бухало и гремело; серая ветошь редких курчавых облаков озарялась кровавыми отсветами.

Младший политрук Морозов вдруг вспомнил, что он дежурный. Опрометью бросился к штабной палатке. Влетел туда вихрем, чуть не сбив с ног заспанного сержанта — помощника дежурного, который уже тянулся к зеленой коробке полевого телефона.

Опередив сержанта, Морозов схватил трубку, ожесточенно крутнул ручку.

— «Неман»! «Неман»! Алло!.. «Неман»!

Штаб бригады не откликался.

Морозов рванул трубку второго телефона.

— Застава!.. Погранзастава! Алло! Погранзастава!

На лбу младшего политрука выступили крупные капли пота: не отвечала и ближайшая пограничная заста-

ва. Чья-то рука уже успела перерезать все провода. Молчал и квартирный телефон полковника — командира танковой части. Он жил в местечке Свинеж, где находились зимние квартиры танкистов. Там же размещались штаб, склады, парк не выведенных в лагерь боевых и транспортных машин.

Морозову ничего не оставалось, как объявить тревогу.

Вдоль палаток, от дневального к дневальному, перекатывалась холодящая душу, разноголосая команда:

— Тревога! Тревога!.. В ружье!..

Где-то на краю лагеря рассыпал серебряную трель горнист.

Лагерь ожил. Танкисты и шоферы, чьи машины находились в лагерном парке, стремглав мчались туда. Все остальные, захватив оружие, бежали на тыльную линейку, где уже раздавались команды к построению.

...С дороги, ведущей к лагерю, на переднюю линейку свернула легковая машина и на большой скорости подъехала к палатке дежурного. Из машины выскочил моложавый полковник с заспанным, небритым лицом — командир бригады.

Морозов, подав собравшимся здесь офицерам команду «Смирно», кинулся к нему с рапортом, но полковник, нетерпеливо махнув рукой, коротко спросил:

— Приказы есть?

— Никак нет. И связь почему-то не работает.

Измерив Морозова суровым взглядом, точно он, дежурный по лагерю, чего-то недоглядел, командир бригады задумался, нервно потирая ладонью небритую щеку.

В стороне, в просветленной сини неба, плыла на восток еле различимая армада бомбардировщиков. Проводив ее глазами, в которых гнездились тревога и желчная горечь, полковник обратился к командирам:

— Обстановка неизвестна. Приказов никаких. Надо полагать, немцы напали без объявления войны... А это значит... Сами понимаете: до границы тридцать километров.

Он еще с минуту прислушивался к артиллерийской пальбе, отчетливо доносившейся с запада, а затем отдал распоряжение:

— Действовать по плану боевой тревоги! Майор Новиков!..

— Я! — отозвался из группы командиров щеголеватый майор.

— Поставьте мотоциклистам задачу на разведку.

— В наличии только два экипажа, товарищ полковник, — доложил Новиков. — Остальные на соревнованиях мотогонщиков.

— Какие там мотогонщики? Ах, да... — Полковник зло сплюнул, почесал затылок и приказал: — Пошлите два экипажа и бронеавтомобиль.

— Есть!

— Первому батальону... — Командир бригады выжидательно смотрел на офицеров, кого-то искал глазами. — Командир первого батальона!

— Майор Бабинец с вечера уехал на зимние квартиры, к семье, — доложил Морозов.

Негодующе ворохнув глазами, полковник спросил:

— Капитан Волков здесь?

— Я! — раздалось из группы командиров.

— Приготовить батальон к бою...

— А как с боеприпасами? — послышался чей-то, похожий на бабий, голос. — В лагере ни одного снаряда!

— Знаю! — зло прервал полковник говорившего. — Командиру автороты («Я!» И один из офицеров взял под козырек) доставить личный состав второго и третьего батальона на зимние квартиры. Там загрузиться боеприпасами и прибыть сюда.

— Есть доставить людей на зимние квартиры и привезти в лагерь боеприпасы!

— Второму и третьему батальонам — на зимних квартирах снять с консервации танки, получить боеприпасы и выдвинуться к месту сосредоточения бригады согласно плану боевой тревоги.

— Есть! — в один голос произнесли два командира.

— Штабной автобус на месте? — повернулся полковник к младшему политруку Морозову.

— Никак нет. Ушел в Гродно за артистами... Сегодня концерт...

— Концерт... — Полковник кивнул головой в сторону границы, где бушевала война.

5

В лагере ждали снарядов с таким напряженно-тревожным нетерпением, с каким ждут врача, уже одно появление которого может спасти жизнь умирающему человеку, беспредельно дорогому всем.

Солнце поднималось выше и выше, синева неба блек-

ла, делалась белесо-голубой; в ней непрестанно гудели моторы, уносившие косяки крестатых бомбардировщиков на восток. На западе же, там, где находилась государственная граница, вскипал грохот канонады...

А снарядов не было.

Примчались из разведки мотоциклисты. Сообщили, что немецкие танки пересекли границу, достигли Августовского шоссе и движутся одной колонной на Гродно, другой на Домброво. Не позже чем через двадцать минут они будут здесь, в лагере...

А снарядов нет.

Нет и танковых батальонов, которые должны прибыть с зимних квартир сюда — в район лагеря, к поросшим непролазью мелколесья оврагам, что раскинулись за недалекой березовой рощей. Там — место сосредоточения по тревоге.

Полковник — командир бригады — хотел было отдать приказ единственному танковому батальону, который находился в лагере, выдвинуться к оврагам с тем, чтобы там, рассредоточившись, загрузиться снарядами, как только подоспеют грузовики. Но вспомнил, что автомашинам не пробиться сквозь одичалые кустарники к оврагам... Приказал вывести танки из парка и разбросать в сосняке — на случай бомбового удара.

В воздухе вдруг послышался надсадный нарастающий свист. За речушкой Ия ухнули, всколыхнув землю, разрывы тяжелых снарядов. После небольшой паузы, зазвеневшей тишиной, снаряды легли за речкой целой серией. Два взрыва взметнулись среди палаток, кинув в небо обломки нар, обрывки парусины и солдатских постелей. По лесу пополз приторный запах гари.

У полковника между бровями врубилась складка, тугими узлами заходили на скулах под кожей желваки. Стало ясно, что лагерь — под непосредственным ударом. Надо действовать.

Но снарядов нет.

Нет потому, что по инструкции они выдаются со склада только для боевых стрельб на полигоне. Полковник со злостью отшвырнул незажженную папиросу и с горечью подумал:

«А инструкции о боеготовности?.. Почему я не имел права держать в лагере хоть по одному боекомплекту на танк?..»

И все надеялся, что вот-вот появится офицер связи с приказом из штаба армии, в котором будет сказано, ка-

кая стоит перед танковой бригадой задача и что ему, командиру бригады, надо делать сейчас...

С зимних квартир примчались наконец груженные снарядами и патронами машины.

Командир autoроты, высокий, сутуловатый старший лейтенант, плакал, как мальчишка, растирая на посеревшем лице слезы, и рассказывал полковнику, что он убил на зимних квартирах, в местечке Свинеж, человека. Застрелил красноармейца, потому что не было иного выхода...

Полковник, туго сжав челюсти и уперев в старшего лейтенанта потемневшие от негодования глаза, слушал его рассказ...

Когда авторота прибыла в Свинеж, местечко дымилось в пожарах. Шесть немецких бомбардировщиков разгрузились над казармами военного городка, над штабом бригады. Первая фугаска попала в караульное помещение, похоронив под обломками всех, кто там находился...

Грузовики автороты пересекли местечко, миновали военный городок и остановились у колючей проволоки, которой было обнесено складское помещение. Надо было открыть склад и взять снаряды. Но у склада стоял часовой — молоденький синеглазый солдат с комсомольским значком на груди.

— Стой! — крикнул часовой ломким голосом.

Старший лейтенант остановился и объяснил солдату, что приехал за снарядами.

— Без разводящего или начальника караула не подходи!

— Убиты! Война, — коротко объяснил старший лейтенант и подумал, что даже такими доводами не убедить солдата.

Согласно Уставу караульной службы часового мог снять или отдать ему приказание о допуске в склад только разводящий или начальник караула. При их гибели — дежурный по воинской части, начальник штаба или начальник гарнизона. Но никого не было. Начальником гарнизона являлся командир бригады. Он — в лагере. Дежурный по части — тоже там. Ведь наряд для несения службы в гарнизоне посылался из лагерей.

— Война, немцы напали. Танки без боеприпасов, — доказывал командир роты часовому.

А тот, часто моргая полными слез глазами, держал на изготовку ружье и твердил одно:

— Не подходи! Буду стрелять!

— Ты же сам видел, как самолеты бомбили городок!

— Видел, но не могу.

— Черт с тобой! Стреляй! — взбесился старший лейтенант и двинулся на часового.

Тот, не задумываясь, загнал патрон в патронник и вскинул винтовку. Командир автороты остановился:

— Что ты делаешь?!

У машин зашумели водители и красноармейцы-грузчики. Всей толпой начали уговаривать солдата.

— Сволочи! — плаксиво закричал на них часовой. — Сами устав знаете! При чем здесь я?!

— Тогда я буду стрелять, — твердо сказал старший лейтенант, расстегивая кобуру.

Часовой поставил к ноге винтовку и, глядя в упор побелевшими от страха и волнения глазами, из которых медленно катились слезы, сказал трясущимися губами:

— Стреляйте!.. Так-то будет лучше...

Старший лейтенант вскинул пистолет, прицелился в затвор винтовки, надеясь заклинить оружие часового. Выстрелил. Часовой тихо вскрикнул, повалился на землю, скорчился, засучив, как подстреленный зайчишка, ногой... Пуля, скользнув по затвору, срикошетила и попала солдату в живот...

В лагере кипела работа. Торопливо разгружали автомобили и тащили тяжелые ящики к открытым люкам танков. Загрузившись боеприпасами, танки один за другим уходили сквозь сосняк и березовую рощу к оврагам.

Артиллерийский обстрел внезапно прекратился. Было явственно слышно, как где-то близко трещали пулеметные очереди и ревело множество моторов.

В лагерь примчался еще один мотоциклист.

— Фашисты близко! — взволнованно сообщил он, вытирая со лба холодный пот.

Командир части уже не нуждался в докладе разведчика. Он отчетливо видел, как далеко за пересохшей речушкой Ия по болотистому полю ползли широко развернутой цепью танки, похожие на дымящиеся копны. Скоро они нырнут в зеленое половодье мелколесья, раскинувшегося за Ией, и вынырнут у самого лагеря...

— Товарищ полковник, — вдруг взволнованно заговорил мотоциклист, часто моргая покрасневшими глазами, — что же это такое? Может, недоразумение? Может, поговорить надо с немцами? Как же это? Мы же никого не трогали... Неужели сразу стрелять?..

— К бою! — хрипло скомандовал полковник экипажу своего командирского танка.

Легко скомандовать к бою, нетрудно зажечь сердца людей, готовых сделать все, чтобы победить лютого врага. Но как, не имея приказа, завязать этот бой, как победить врага, не зная его численности, не видя, как широк фронт, на котором развернулись его силы, не имея поэтому замысла боя и, главное, при наличии всего лишь одного танкового батальона и двух батальонов где-то там, в тылу, спешащих из местечка Свинеж и уже явно опаздывающих и ускоряющих этим опозданием неминуемую трагическую развязку.

По мнению полковника, оставалось только одно: скопив батальон на склонах большого, поросшего ивняком оврага, ощетиниться жерлами пушек и бить по тем фашистским машинам, которые, выйдя к оврагу, попадут под прямой выстрел, а затем атаковать на узком участке, надеясь, что у оврага окажется фланг стальной армады. А потом? Что потом?.. Как воевать без линии фронта, не чувствуя ни справа, ни слева локтя? Ответственность за жизнь многих людей, за дорогостоящую материальную часть легла на плечи одного человека тяжелым грузом...

Случилось так, что фашисты не вышли к оврагу, а, перемахнув через мелководную Ию, левым крылом проутюжили линейки опустевшего лагеря, обстреляли неизвестно для чего безмолвные парусиновые палатки, ударили из пушек по деревянному зданию столовой и, подминая скрежетавшими гусеницами молодые сосенки, устремились в сторону огромного изумрудно-зеленого квадрата клеверного поля и желтых хлебных массивов. Фашисты спешили вперед, на восток, туда, где за лесом, за железнодорожной насыпью, пролегали из Осовца и Белостока дороги на Гродно.

...Танк младшего политрука Морозова стоял на пологом скате оврага так, что из его забросанной срубленными ветвями башни можно было наблюдать за просвечивающейся насквозь березовой рощей, разделявшей овраг и лагерь. Не отрываясь от бинокля, Морозов, высунувшись из люка, сумел разглядеть несколько танков с черными на тускло-желтоватой броне крестами. Что за люди сидят в железных внутренностях этих машин, чего они хотят и что думают?.. С ненасытным любопытством и острым чувством опасности смотрел, как танки, выбрасывая тучи перегоревшей солярки, пофыркивая, со

стальным равнодушием кромсали молодой лес, прокладывали себе дорогу вперед.

«Почему с открытой грудью встречаем врага? — обжигали мозг страшные мысли. — Почему все так неожиданно?..»

И было странно, что там, в лагере, где он только сегодня, совсем недавно ходил по линейкам как хозяин, там уже все стало недоступным, чужим. Туда уже нельзя запросто вернуться...

В груди шевельнулся страх. Стало страшно оттого, что все случилось вот так непонятно, когда он и его товарищи почти бессильны, когда можно погибнуть, ничего не успев сделать и даже толком не узнав, что же произошло... Нет места для разбега, нет времени для раздумий. Неизвестно, что ждет через минуту, что будет через час... Не хотелось смириться со всем случившимся, не верилось, что это не дурной сон.

Пришла в голову нелепая мысль об оставленном в палатке чемодане. Некстати стало жалко альбома с фотографиями. Там — она, девушка Поля, с которой связаны пылкие юношеские мечты о будущем. Там коллективный снимок друзей — выпускников военно-политического училища. Училище... Сколько раз на тактических занятиях разыгрывались жаркие бои, атаки, засады! Но ничего не было похожего там вот на все это.

Кажется, Морозов только сейчас по-настоящему ощутил страшную опасность, всем существом почувствовал, что действительно пришел враг — грозный, неумолимый и пока непонятный...

Из оцепенения вывела команда полковника:

— В атаку!.. Пристраиваться в хвост и бить без команды!..

— Вперед! — крикнул Морозов, ныряя в башню.

Механик-водитель, томившийся от неизвестности, резко включил скорость, и машина рванулась с места.

Фашистская танковая колонна широким фронтом шла вперед. Немцы стремились к дороге, чтобы там свернуться в походный строй. Видать, были уверены фашисты, что впереди никто не посмеет оказать сопротивление.

Не заметили гитлеровцы, как вслед им из лесу вышли десятки чужих машин. Да где там заметить! От пыли и копоти, казалось, солнце потемнело. А гитлеровцев и при хорошей видимости до этого никто еще не учил оглядываться назад. А если бы оглянулись? Разве

разберешь в таком угаре, чьи машины замыкают строй?

Под гусеницы часто попадали твердые кочки, пни — здесь когда-то был лес. Танк клевал носом, бодался, устремляясь всем своим бронированным телом вперед. На развороте в смотровую щель, в прицел попадал косой, ослепляющий луч солнца. Морозов щурился, старался сквозь рябящие в глазах расплывчатые пятна разглядеть цель, чтобы верно послать снаряд.

— Стоп!

Младший политрук увидел, как над башней одного вражеского танка поднялась крышка люка. Над люком показалась голова гитлеровца. Морозову почудилось, что он встретился с ним взглядом. Мучило желание поймать голову фашиста в перекрестие прицела. Немец, видимо узнав чужие машины, нырнул в люк. И тотчас рявкнула пушка танка Морозова. Снаряд высек из вражеской машины столб огня. Из клубов дыма вынырнула сорванная башня и, описав дугу, грузно рухнула под гусеницы проходившего невдалеке танка. Танк вздыбился и замер.

— Огонь! — скомандовал Морозов, уступая место у прицела наводчику...

Справа и слева от танка Морозова выползали из зарослей тридцатьчетверки, и из стволов их пушек вырывались грозные вспышки. Резко ахали выстрелы. Снаряды легко прошивали тыльную броню немецких машин...

6

Виктор Степанович Савченко двадцать дней назад получил назначение в танковую бригаду. Прибыв в лагерь, принял от уезжавшего на учебу врача санчасть и включился в размеренную, однообразную жизнь. В этом высоком, плечистом военном с цепкими серыми глазами — военвраче третьего ранга — трудно было узнать того Виктора Степановича, который совсем недавно предлагал руку и сердце Любе Яковлевой.

Канонаду у границы он услышал, когда был на кухне, где следил за закладкой в котлы продуктов. Сбросив халат, он выбежал из кухонного помещения и направился к палатке дежурного по лагерю.

Савченко был свидетелем, как примчался в лагерь взволнованный командир бригады, как авторота отправи-

лась на зимние квартиры за снарядами, увозя с собой экипажи тех танков, которые находились на консервации в местечке Свинеж. Хотел было подойти к полковнику за указаниями, но подумал, что комбригу не до него, и начал заниматься тем, чем должен был заниматься войсковой врач в подобном случае.

Созвал санинструкторов батальонов и санитаров рот, приказал получить индивидуальные пакеты и раздать их танкистам, напомнил, что медпункт организуется в отроге ближайшего оврага и что раненых, если они появятся, надо эвакуировать в Свинеж после оказания первой помощи на медпункте.

Виктор Степанович понимал: это довольно общие указания, но что скажешь более конкретное, если пока неясно, какую задачу и где будет решать танковая бригада.

Так было шесть часов назад.

А сейчас... Сейчас кругом грохот снарядов и визг пуль. Он уже потерял счет раненым, которым оказывал помощь. Сбились с ног санинструкторы и санитары. Из оврага они тащили раненых на опушку березовой рощи, где стояли машины, и грузили их в кузова.

Обстановка накалялась с каждой минутой. Танковый батальон, вырвавшись из оврагов, вклинился в боевые порядки немецкой танковой колонны, нанес врагу огромные потери, но и сам лишился больше половины танков. Он был бы уничтожен полностью, потому что немецких танков было во много раз больше. Но из Свинежа подоспели еще два батальона. Они с ходу атаковали врага в направлении лагеря... Это был первый в этой войне танковый бой. На зеленом квадрате клеверного поля, в разметах ржи темными дымящимися копнами стояли десятки подбитых и сгоревших танков.

Немцы откатились за речушку Ия. Тотчас подоспела их мотопехота и артиллерия. Наблюдатели сообщили, что много танков обходят овраги с юга, пытаясь окружить бригаду.

Виктор Степанович стоял возле вернувшейся из боя тридцатьчетверки командира бригады, переступая в нерешительности с ноги на ногу. Он сам не замечал того, что держал в руках черноталовую хворостину и ломал на мелкие кусочки. Сейчас только Савченко перевязывал тяжелую рану полковника. Осколок раздробил ему правую ключицу, задел легкое. Надо срочно эвакуировать раненого. А полковник, бледный, обессилен-

ный, расстелил на земле топографическую карту и лежа смотрел в нее, точно надеясь найти там выход из положения, труднее которого даже на войне быть не могло.

— Вы почему не уезжаете? — сурово спросил полковник у Савченко, морщась и глядя на него помутневшими от боли глазами.

— Я должен вас эвакуировать. Рана очень серьезная, — твердо произнес Виктор Степанович и непроизвольно убрал голову в плечи от взвизгнувшей над ухом пули.

— Сколько у вас раненых?

— Четыре машины нагрузил. Легкораненых не берем...

— Пробивайтесь с ними на Гродно, — ослабевшим голосом произнес полковник. — А может... может, и дальше... Санинструкторов и санитаров в машины не брать...

— Я не могу вас оставить, — Савченко беспомощно развел руками, понимая свою правоту и не имея власти над этим суровым человеком.

— Выполняйте приказ!..

Взяв под козырек, Виктор Степанович повернулся кругом и с тяжелым чувством направился к машинам. Где-то справа загрохотала целая серия разрывов, и он подумал о том, что и ему с ранеными вряд ли удастся вырваться из этого пекла...

Когда Савченко был уже далеко, к командиру бригады подбежал с окровавленным лицом младший политрук Морозов.

— Товарищ полковник, знамя в опасности!.. — взволнованно доложил он.

Услышав это, полковник, ухватившись левой рукой за гусеницу своего танка, с трудом поднялся на ноги, уставив на Морозова мутные, точно хмельные глаза, в которых одновременно томились боль, тоска и испуг.

— Немцы прорвались в соседний овраг, окружили знаменный взвод. Командир взвода погиб, танк подбит, — задыхаясь, продолжал докладывать Морозов. — Красноармейцы отбиваются гранатами...

— Третью роту к бою! — тихо скомандовал полковник. — Садитесь в мой танк, младший политрук!.. Знамя... Знамя... — Полковник не договорил. Лицо его покрылось крупными, с горошину, каплями пота, побледнело вдруг, и он, потеряв сознание, упал на землю, ударившись головой о гусеницу танка.

7

В это воскресное утро Маринин поднялся в шесть часов, хотя автобус уходил в Лиду в девять. Было не до сна.

День предвиделся жаркий. Но Петр надел суконную гимнастерку, синие галифе, до черного огня начистил хромовые сапоги. К ремню пристегнул портупею, нацепил кобуру с наганом.

В комнату вошла Анастасия Свиридовна. Сложив руки на большом вялом животе, она, скупо улыбнувшись, залюбовалась бравым видом молодого квартиранта.

— Почему железную дорогу к вашей Ильче не проведут? — обратился к ней Петр, расправляя под ремнем складки гимнастерки.

— А ты меньше спрашивай. Плащ лучше захвати, а то на дождь гремит, — добродушно ворчала хозяйка.

— Какой там дождь! — махнул рукой Петр, прислушиваясь, как от далекого гула мелко дрожат стекла в окне. — Летчики бомбить учатся.

И, робко осведомившись, все ли Анастасия Свиридовна приготовила к приезду Любы, он вышел из дому, хотя до отхода автобуса оставалось больше часа.

Заметив, что девушки, собравшиеся у ворот поболтать, с любопытством провожают его взглядами, Маринин деловито перешел на левую сторону улицы и правой рукой взялся за портупею, чтобы была виднее новенькая кобура с наганом.

...Десять часов утра. На узком, мощенном плитами тротуаре, у телеграфного столба, на котором был прибит фанерный щит с надписью: «Остановка автобуса Лида — Ильча — Лида», томилась группа пассажиров. Автобус опаздывал, и Маринин озабоченно посматривал на ручные часы. Не хватало еще не поспеть к поезду!..

Мимо проходил строй солдат. Над строем жаворонком взмывал звонкий тенорок запевалы:

...Артиллерией, танками, конницей
Мы дорогу проложим вперед.

Солдаты дружно, сильной, стоголосой глоткой подхватили песню:

Белоруссия родная,
Украина золотая,

Ваше счастье молодое
Мы штыками, штыками оградим!..

В плывущей над улицей песне утонули все звуки, даже рубленый шаг кованых солдатских сапог по булыжнику.

К старшине, шедшему во главе колонны, вдруг подбежал красноармеец с противогазом через плечо и тесаком на ремне.

«Посыльный», — догадался Маринин.

Посыльный что-то взволнованно зашептал старшине, а тот, сбившись с шага, смотрел на него ошалелыми глазами, затем резко повернулся к строю и отрывисто скомандовал:

— Отставить песню!.. Правое плечо вперед, бегом марш!..

Оборвалась на полуслове песня. Часто и размеренно затопали солдатские сапоги...

Петр с недоумением смотрел вслед повернувшемуся назад и удаляющемуся строю. Вдруг обратил внимание: то тут, то там снуют по местечку посыльные, спешат в направлении штаба командиры.

Мимо, запыхавшись, пробегал младший политрук Лоб. На его покрытом оспинками лице — раздражение и недовольство.

— Что случилось, Григорий Романович?! — кинулся к нему Маринин.

Сверкнув потемневшими от негодования глазами, Лоб сокрушенно махнул рукой:

— Штаб не успели сформировать, а уже тревогу затеяли! Да еще в выходной! А у меня жена на боевом взводе: вот-вот в роддом надо...

— А мне как? Ведь я в Лиду еду. — Петр с надеждой и опаской ждал ответа Лоба, а тот, поразмыслив, оглянулся вокруг и зашептал:

— Ну и давай бог ноги! Я тебя не видел. Ясно?

Скользнув насмешливо-удивленным взглядом по нарядной форме Петра, Лоб уже на ходу спросил:

— Зачем вырядился как на свадьбу?

— Как зачем? — конфузливо улыбнулся Маринин.

— Чудак! Ты бы попроще. Прилизанный можешь не понравиться. — И, невесело засмеявшись, Лоб побежал в направлении мостка через речонку, за которой размещались казармы и штаб мотодивизии.

А автобуса из Лиды все не было.

Петр подумал уже о попутной машине, как вдруг

рядом, скрежетнув тормозами, остановилась, сверкая черным лаком, «эмка».

— Петр Иванович! — раздался из нее звонкий голос Ани Велеховой. — Поехали с нами, мы тоже в Лиду — гулять едем.

Маринин растерянно глядел на Аню, нарядную, улыбающуюся, светлую, на военврача Велехова, важно восседавшего рядом с шофером, и не знал, как поступить. Он догадался, что Аня ради него уговорила отца ехать в Лиду, и его охватило чувство неловкости. Ведь не знала Аня, что он, Петр, едет встречать другую девушку — невесту свою...

С надеждой посмотрел вдоль улицы: не покажется ли автобус, и уже собрался было шагнуть к машине Велехова, как вдруг у «эмки» остановился распаренный солдат-посыльный. Скороговоркой, взволнованно, проглатывая слова, он затараторил, обращаясь к Велехову:

— Тва-иш-воэ... вач вто... ого... анга!.. В штаб...

Последние слова посыльного были заглушены нарастающим непонятным грохотом. Неожиданно скользнули по земле и замелькали на островерхих черепичных крышах размашистые тени; это откуда-то из-за недалекой рощицы вырвались на бреющем полете три бомбардировщика с черными крестами на желтовато-пепельных крыльях. Всколыхнулся от взрыва бомб воздух, брызнули стеклянной звенью окна домов, застонала земля. Железной дробью отчетливо заклекотали пулеметы, над соседним домом вскинулись в небо клубы рыжего дыма. Ошалело метались по улицам и дворам люди...

Ошеломленный Петр так и остался стоять на тротуаре, не сообразив, что случилось, и не успев испугаться. Напряженно смотрел вслед самолетам, по которым из расположения казарм яростно ударили счетверенные пулеметы и откуда-то из-за речки начала бить зенитная артиллерийская батарея. Бомбардировщики круто набрали высоту и стороной начали обходить местечко.

Петр оглянулся вокруг. Увидел, что из кювета поднимаются, отряхиваясь, военврач Велехов и солдат-посыльный. Велехов, кривя полные губы, жалко улыбнулся дочери, которая так и осталась сидеть в «эмке». Потом, словно очнувшись, со сдержанным волнением заговорил:

— Аня! Собирайся в Москву. Немедленно!..

Затем к шоферу — строго, внушительно:

— Довезите ее до Минска... Посадите в поезд.

Тон, каким говорил Велехов, был строгим, деловым, выражал глубочайшее понимание военврачом нависшей опасности, и лишь глаза... глаза Велехова выдавали его смятение.

Впрочем, ничего в этом удивительного не было. Душевная сумятица охватила и Петра. Он силился собраться с мыслями и ответить себе на какой-то очень важный вопрос, томивший его.

В это время рядом с ним оказался солдат-посыльный.

— Товарищ младший политрук, война. Немцы напали, — «по секрету» шепнул он на ухо Маринину, со страхом следя глазами за самолетами, которые уже снова бороздили над онемевшим от ужаса местечком глубокую синь неба.

8

В штабе дивизии Маринин узнал, что всем приказано прибыть с личными вещами и приготовиться к отъезду.

Чтобы сократить путь, он бежал на квартиру по берегу речушки, через огороды. В сенцах встретил Анастасию Свиридовну и не узнал ее. Рябое лицо хозяйки — красное от слез, толстые губы стали еще толще, и вся она, большая, полнотелая, была сейчас беспомощной, растерянной, совсем непохожей на ту властную и твердую Анастасию Свиридовну, которую знал раньше Маринин.

— Беда!.. Ох, беда!.. — стонала она. — Неужто придут хвашисты?..

— Пускай просят бога, чтобы помог им унести ноги от границы! — ответил Петр и как бы в неопровержимое доказательство этого вынул из кобуры револьвер и, невольно заставив притихнуть Анастасию Свиридовну, с деловитым видом протер его тряпочкой. Маринин, походивший сейчас на молодого задиристого петушка, нисколько не сомневался в том, что так именно и будет, что фашисты не пройдут дальше границы. Он был убежден, что, хотя их дивизия еще не сформировалась, ее все равно немедленно бросят в бой.

Мысли о том, что ему, Петру Маринину, возможно, сегодня или завтра придется участвовать в настоящем бою с врагами, наполняли его чувством нетерпеливости, торжественной приподнятости. Фантазия рисовала необыкновенные подвиги. Петр даже позабыл, что он за-

нимает скромный пост секретаря редакции дивизионной газеты и что не ему поручат вести солдат в атаку на штурм вражеских позиций.

Хозяйка, несколько успокоенная, вдруг опять заголосила.

— Сыночек мой несчастный, не дождался ты своей голубки! Как ей-то, бедненькой? Куда она денется одна? Чего же ты не встречаешь ее? Ищи голубку и присылай ко мне. Как родненькую приму...

Причитания хозяйки вернули Петра к суровой действительности.

«Эх, Люба!.. Хоть на один бы день раньше!» Ему представилось, как на вокзале выходит из вагона Люба и смотрит на пылающие дома, ищет его, Петра...

Где выход? Как попасть в Лиду? Как отлучиться из части, когда, может, сейчас прикажут идти в бой?

Война... Она где-то у границы, малоощутимая еще, а большое горе Петра было уже здесь, рядом с ним — в его мыслях, в сердце, в его комнате. Маринин, подавленный им, собирал свои вещи, укладывал книги, снова протирал револьвер...

С двумя чемоданами, с плащом под мышкой, через огороды, по берегу речки он бежал, задыхаясь, к штабу — в редакцию.

Возле домика, в котором размещалась редакция дивизионной газеты, стояли два грузовика с откинутыми бортами кузова. Шла спешная погрузка. По двум бревнам втащили в кузов печатный станок, два рулона бумаги. Погрузили кассы со шрифтами, запас бензина и прочее имущество. Чемоданы уже некуда было класть. Пришлось часть личных вещей вместе с подшивками газет, свертками корректуры оставить под замком в помещении типографии.

— Никуда не денутся. Всыплем фашистам и вернемся, — говорил Маринин, оставляя один свой чемодан в типографии.

Лоб, который тоже здесь бросал половину вещей, заметил:

— Тебе, Петро, болтать — точно воде с горы бежать...

Жители с тревогой смотрели вслед машинам, уходящим с войсками к границе. По местечку полз слух, что гитлеровцы придут не сегодня-завтра и будут расстреливать тех жителей, у которых квартировали командиры Красной Армии, что с фашистами идут польские паны и

будут отбирать бывшие свои владения. Со стороны Лиды навстречу автоколонне штаба мотострелковой дивизии ехали грузовики с женщинами, ребятишками, с домашним скарбом.

...День был погожий, жаркий. Дорожная пыль, поднятая машинами, почти неподвижно висела в воздухе, прилипая к разгоряченным, потным телам людей, оседая на их одежду, оружие. На диск солнца можно было смотреть сквозь серую пелену, не прищуривая глаз. Он казался багрово-красным. А по сторонам от дороги, на которой клубилась пыль и кипел людской поток, стояли дозревающие хлеба. Налившиеся ядреные колосья скорбно склонялись к разомлевшей под солнцем земле, словно прислушивались к тому, что происходит вокруг.

Маринин примостился в кузове на рулоне бумаги и всматривался вперед. Надеялся попасть в Лиду: дорога лежала туда; не свернули б только в сторону.

Впереди зеркальной поверхностью блеснул приток Немана — Гавья. У Петра внутри словно все оборвалось: броневик, шедший в голове колонны, не доезжая реки, повернул к лесу, а за ним потянулась вся длинная вереница машин.

...Машины были быстро замаскированы в молодом ельнике. Штабные командиры готовились к работе в непривычных условиях — без прочной связи с полками, в неведении, где противник.

День клонился к исходу — незабываемый, длинный день. Сколько впечатлений, чувств, сколько передумано и пережито в это жаркое воскресенье!

9

Второй день войны...

На опушке леса стоял командир дивизии полковник Андрей Петрович Рябов. Его невысокая фигура подалась вперед, серые внимательные глаза были устремлены на дорогу, бежавшую и Лиде через Липнишки, затем одним рукавом — в Субботники, вторым — в Ильчу.

Худощавое, гладко выбритое лицо полковника не то опечалено, не то озабочено. Он обдумывал каждое слово, услышанное вчера днем от командующего армией.

Андрей Петрович Рябов был знаком с командующим — моложавым пехотным генералом с посеребренными висками — многие годы. Когда-то Рябов служил в его полку, затем в дивизии.

Генерал встретил полковника радушно. Но в глазах его Рябов уловил тревогу и напряженное раздумье.

— Полки дивизии на марше? — спросил генерал.

— Так точно, товарищ командующий. Но полки-то... Номера одни. Нечего сосредоточивать...

— Знаю... — Генерал сочувственно посмотрел на Рябова, потом, растягивая слова, точно сам прислушиваясь к ним, заговорил: — Постараемся держать вас подольше в резерве. Продолжайте формирование и готовьте личный состав к бою. Ждите пополнения. И учтите, что привилегия вам дана ненадолго. Противник может лишить вас этой привилегии, может навязать бой.

— Все понятно, товарищ генерал.

— Если понятно, то и с богом... Ознакомьтесь у начальника штаба с приказом.

— Какие последние новости с фронта? — спросил Рябов, прежде чем уйти.

Генерал помолчал, потом, не отрывая глаз от стола, где лежала карта, сказал:

— Могу сообщить вам, что бывшая ваша танковая часть нанесла немцам сильный контрудар. Сейчас ее непрерывно бомбят. На других участках тоже туго. Словом, хорошего мало. Напали же тайком... По-бандитски!.. А как удержаться на границе, если войска мы не подтянули? Не было приказа. — Командующий зло усмехнулся и продолжал: — Придется отступать... Но забудьте это слово, полковник. Никто из ваших подчиненных не должен услышать его от вас.

Лицо генерала покрылось нездоровым румянцем. Он на минуту замолчал, вытирая платком испарину со лба.

— Забудьте это слово! — повторил командующий. — Нужно сдерживать врага, гибнуть, но сдерживать, пока наша армия не отмобилизуется и не примет полную боевую готовность. Иначе... катастрофа...

Вспоминая вчерашний разговор с командующим, полковник Рябов глядел на дорогу. Там все чаще появлялись беженцы, группами и в одиночку — пешие, на подводах, машинах. Многие везли свой скарб на тележках, в детских колясках. Среди этой пестрой, распыленной толпы нередко можно было увидеть красноармейцев — раненых и здоровых, с оружием и без оружия. В поблекшем небе часто на восток и запад проходили немецкие бомбардировщики.

Андрея Петровича Рябова беспокоила полученная шифровка. В ней сообщалось, что еще вчера вечером

немцы мелкими танковыми группами прорвались на рокадную дорогу Гродно — Белосток и с юга и с севера пытаются обойти Гродно и оседлать шоссе, идущее на Скидель и Лиду. В любую минуту здесь можно ожидать появления прорвавшихся танков врага.

К Рябову подошел начальник штаба подполковник Седов, пожилой, с бледным, несколько измятым годами, но еще красивым лицом.

— Что нового? — обратился к нему командир дивизии.

— Без изменений.

— Мотоциклисты задержались в разведке... Почему, как думаете?

— Видать, случилось что-то.

— Нужно послать броневик по тому же маршруту,— приказал полковник и, немного помедлив, добавил: — И предупредите по радио командиров полков, чтоб тоже о разведке не забывали. Вот-вот с гитлеровцами встретятся.

Два грузовика, в которых размещалась типография дивизионной газеты, стояли среди зарослей ельника. В одном со звоном хлопала печатная машина. В другом над шрифтовыми кассами склонились наборщики. Петр Маринин, примостившись на пне, вылавливал корректорские ошибки из приготовленной к печати газетной полосы.

Рядом, устроившись под кустом орешника и положив на планшетку лист чистой бумаги, страдал младший политрук Лоб: хмурил брови, грыз кончик карандаша, потом чесал им за ухом. Он сочинял листовку.

Раздвинулись кусты, и на полянку вышел старший батальонный комиссар Маслюков.

Заметив начальника политотдела, Маринин и Лоб проворно вскочили на ноги, расправили под поясными ремнями гимнастерки и отдали честь.

— Что нового по радио? — спросил Маслюков.

— Сводка та же, товарищ старший батальонный комиссар, — отчеканил Лоб.

Маслюков потоптался на месте, потом полез в карман за папиросами, устремив на младшего политрука Маринина вопрошающий взгляд.

Прикурив от зажженной спички и глубоко затянувшись табачным дымом, Маслюков спросил:

— Удалось вам встретить вчера свою девушку?..

Начальник политотдела ждал ответа, а Петр не находил слов. Ему почему-то было совестно. Совестно оттого, что он столько думает о Любе, что ночью почти не сомкнул глаз.

— Война же... Не до этого, — наконец произнес Маринин, отводя в сторону ввалившиеся за ночь глаза, в которых светилась тоска и боль.

— Это верно, — вздохнул Маслюков. Помолчав, добавил: — Плохо, что девушка оказалась ближе к фронту, чем мы с вами... Вот что! — вдруг оживился старший батальонный комиссар. — Пойдемте к комдиву. Он сейчас броневик посылает в разведку. Доедете до Лиды и ищите там свою невесту. Если разыщете — везите на попутных машинах в Ильчу. Там эвакуируются сейчас наши семьи; отправьте и ее в тыл...

Броневик мягко катился по шоссейной дороге. Тесно стоять, высунувшись из башни, рядом с плечистым сержантом-пулеметчиком, но Петр предпочитал тесноту духоте. В броневике, там, где сидели командир машины лейтенант Баскаков и водитель, от накалившегося под солнцем металла нечем было дышать, а здесь, над башней, лицо обвевал свежий поток воздуха.

Впереди уже виднелась Лида. Над ней поднимались столбы дыма, образуя в небе сплошное серое облако.

Броневик миновал одинокий двор. Это, впрочем, был только след от двора. В щепы разнесен фугаской сарай, перевернута взрывной волной цементная надстройка колодца, а от дома осталась куча пепла с высившейся посредине порыжевшей трубой. Во дворе лежала корова с раздутым брюхом. Нигде ни души.

...Въехали в местечко. Машина медленно пробиралась по улицам, местами заваленным обломками. У стыка дорог на Гродно и Ораны броневик остановился. Еще в лесу, ориентируясь по карте, Маринин и лейтенант Баскаков условились здесь расстаться.

Баскаков, невысокий крепыш с широким смуглым лицом, разминая затекшие ноги, сказал Маринину:

— Проеду в сторону Ораны километров двадцать. Через час вернусь. Дорогу на Скидель и Гродно разведаем вместе. Если же задержишься или уедешь — приди и переверни вон тот камень, — лейтенант указал на небольшую известковую глыбу у ворот ветхого домишка.

Маринин с потемневшим от бессонной ночи лицом побежал на вокзал, а Баскаков, заметив, что по дороге, ведущей из Радуни, едет несколько грузовиков, решил подождать их здесь, на перекрестке, чтобы расспросить у шоферов и сидящих в кузовах людей об обстановке под Гродно.

Петр Маринин шагал вдоль железнодорожных путей, забросанных обломками вагонов, кирпичом, грудами земли. Местами зияли огромные воронки, и от их закраин дыбились в небо рельсы. Где-то за водокачкой бушевал пожар.

Среди рельсов заметил распластанное тело. Сжалось сердце, по спине побежали мурашки. Приблизившись, увидел девушку. Раскинутые руки, растрепанные белокурые волосы, лицо, покрытое ровным слоем пыли, будто густо напудренное. Ни царапины, ни следов крови.

С запада явственно донесся гром, а затем глухие тяжелые удары. Казалось, что где-то далеко по щербатой мостовой перекатывают громадную пустую бочку.

Навстречу шел старик железнодорожник.

— Папаша, — обратился к нему Маринин, — посоветуйте, пожалуйста, как мне быть?

— Небось уехать побыстрее хочешь? — со злой усмешкой спросил старик. — Много вас таких. Дорога не работает! — И, нахмурив брови, пошел дальше.

— Постойте! — кинулся вслед за ним Петр.

Железнодорожник остановился.

— Ко мне вчера днем должна была приехать... сестра. Я не мог встретить ее... Где теперь искать?

Старик внимательно посмотрел в усталое лицо молодого офицера, уловил в напряженно-ожидающих глазах затаенную боль и, вздохнув тяжело, уже мягче ответил:

— И не ищи, сынок. Не пришел вчера этот поезд. Разбомбили его на последнем перегоне...

10

Грузовики, шедшие из Радуни (их оказалось четыре), были битком набиты ранеными. Лейтенант Баскаков, стоя на перекрестке у броневика, энергично махнул рукой шоферу передней машины. Небольшая колонна остановилась, и из кабины переднего автомобиля вышел измученный, запыленный военный. Это был военврач третьего ранга Савченко Виктор Степанович.

Баскаков, рассмотрев по одной шпале в петлицах

военврача, лихо откозырял и попросил разрешения обратиться. Савченко окинул его усталым, безразличным взглядом и, повернувшись к остановившимся на дороге машинам, хриплым голосом скомандовал:

— Пополнить запасы воды, залить радиаторы!..

Только после этого стал отвечать на вопросы лейтенанта.

К недалекому колодцу суматошно бежали с ведерками в руках шоферы, спешили с флягами и котелками ходячие раненые. Через борт кузова заднего грузовика с трудом перевалил младший политрук Морозов, держа на весу перебинтованную левую руку и болезненно морща отекшее желтое лицо; на голове Морозова, охватывая затылок и лоб, сидела огромная, порыжевшая от пыли и проступившей крови, похожая на шапку-ушанку повязка. Морозову подали из кузова котелок, и он тоже побрел к колодцу.

К остановившимся грузовикам со всех сторон устремились беженцы. Угадав в военвраче Савченко старшего, дружно атаковали его.

— Товарищ начальник, подвезите, — с мольбой и надеждой в голосе просила красивая большеглазая женщина, держа на одной руке запеленутого ребенка, в другой — узелок.

— Сынок, умаялась я совсем, — молила немощная старуха, вытирая слезящиеся глаза, — ноги не несут...

Подошла пожилая женщина с цепочкой детей. Шесть ребятишек, примерно от пяти до двенадцати лет, еле ковыляли, широко расставив руки. Оказывается, рукава их рубашонок пришиты друг к дружке, чтобы не растеряться в дороге. Самый маленький — пятилетний мальчишка, как только цепочка детей остановилась, сел прямо в дорожную пыль, и его поднятая рука, прикрепленная к руке сестренки, как бы молила о помощи, а глаза — большие, умные и печальные — смотрели на людей, на мир с немым укором.

Савченко, увидев детей, точно впервые ощутил всю глубину детской беды, которую принесла война. Встретился с грустным взглядом мальчика, свалившегося с ног от недетской усталости, и почувствовал, что ему нечем дышать, что к горлу подступило, кажется, само сердце...

— Родные... куда же я вас? — с трудом выговорил он. — У меня раненых полно... Иные стоя едут.

И все-таки жалость взяла верх. Из кузова передней

машины столкнули на обочину дороги бочку из-под бензина, бочку, которую так надеялись наполнить. Подсадили в кузов пожилую женщину. Коренастый шофер в замусоленном комбинезоне начал разрезать ножом нитки на сшитых рукавах, дробить цепочку детей и по одному ребенку подавать в кузов.

— Товарищи, идите! — устало уговаривал Савченко остальных беженцев, столпившихся у машин. — Ни одного человека не могу больше взять...

Вдруг Виктор Степанович, словно почувствовав на себе еще чей-то особенный взгляд — пристальный, напряженный, — повернулся лицом к проулку, выходившему к перекрестку, и увидел девушку с чемоданом в руке... Запыленная, усталая и... такие знакомые глаза! Недоумевающие и скорбные...

— Люба?.. — прошептал Савченко.

Это была действительно Люба Яковлева — невеста Петра Маринина... И никакой случайности. Впрочем, конечно, случайность... Но на войне ничему удивляться не приходится. Тебя случайно может задеть шальная пуля; или ты пройдешь по минному полю и случайно не наступишь на мину; в людской сутолоке ты случайно столкнешься с братом или совсем не встретишься с ним, хотя, может быть, ночь и ненастье загнали вас под одну крышу... Случайность на войне еще в большей мере, чем в других условиях, — проявление необходимости. Это всем известно, однако все и всегда поражаются случайностям.

— Яковлева?.. Как?.. Как вы сюда попали?

Люба горько улыбнулась потрескавшимися губами и почти шепотом ответила:

— К Петру своему ехала... А теперь иду... после бомбежки... Со вчерашнего дня иду, — обессиленная, она села на чемодан, облокотилась на колени, закрыла руками лицо.

— Куда? Зачем в такое время?

— В Ильчу, — сквозь слезы ответила Люба.

— Куда же вас посадить? — Савченко озадаченно посмотрел на свои машины.

— Ишь, для девки найдется небось место!..

— Совести никакой! — раздались из толпы голоса.

Савченко нахмурился и повернулся к Любе:

— Идемте, я вас посажу...

Люба отрицательно покачала головой.

— Мне в Ильчу, к Пете...

— Товарищ Яковлева! — повысил голос хирург. — Вы же медик! Смотрите, сколько раненых!.. К тому же я на Ильчу еду...

Неторопливо возвращался Петр Маринин к перекрестку дорог, где должен был встретить броневик лейтенанта Баскакова. Последняя надежда разыскать Любу потеряна...

Увидев, что броневик до сих пор стоит на оживленном перекрестке, Петр ускорил шаг и вдруг узнал в раненом, несшем в руке котелок с водой, младшего политрука Морозова:

— Виктор!..

— Маринин!.. Петька!..

Хотя не прошло и месяца с тех пор, как расстались друзья, встретились они, словно после предолгой разлуки. С любопытством смотрели друг на друга, стараясь уловить новое во взгляде, в улыбке, в движениях, в манере говорить. Первые два дня войны, казалось, на несколько лет отбросили те недавние времена, наполненные радостным стремлением в будущее, когда Маринин, Морозов, Гарбуз заканчивали училище, когда они впервые надели офицерскую форму...

— Уже воевал? — с некоторой завистью спросил Маринин, глядя на забинтованную голову и перевязанную руку Морозова.

— Пришлось, — устало улыбнулся Морозов.

— И Гарбуз?..

— Убили Гарбуза... В танке сгорел...

Не хотелось верить, что нет больше в живых Гарбуза — того самого Гарбуза, который собирался ехать в отпуск на Кубань, чтобы жениться...

В один-два дня все перевернулось! Мечты, радость жизни, близкое счастье, да какое счастье!.. И все сразу рухнуло. Все стало не так... Гарбуза убили, Морозов ранен... Разбомбили поезд, в котором ехала к нему Люба...

А Морозов тем временем рассказывал о боях на границе, о беспримерном танковом сражении, в котором он участвовал.

— Большое дело — победа в первом бою, — заканчивал свой рассказ Морозов. — Хоть маленькая, с птичий нос, но победа. Черт возьми! И сказать не знаю как. Понимаешь, солдата она рождает. Вот мы... Растрепали танковую колонну немцев. А потом нас растрепали.

Но первыми набили фашистам морду мы! А это большое дело. Каждый понял, что можно бить фашистов в хвост и в гриву.

Морозов умолк, поправил повязку на своей раненой руке и задумался. Маринин вынул блокнот, но записывать ничего не хотелось. И без этого помнился до мельчайших подробностей рассказ Морозова, живо представлялась вся картина танкового боя.

— Как же теперь? — спросил Маринин. — Неужели не остановим их на границе?

Морозов снисходительно засмеялся.

— Эх, Петр, Петр, ты еще не веришь, что фашисты перешагнули границу. Мы на этих машинах из-под самого носа немцев выскользнули, а от бригады нашей почти ничего не осталось.

— Вся бригада погибла?! — Петр вскинул брови, в глазах его полыхнул горячечный блеск.

— Почему погибла? Живет бригада! — И Морозов, поставив на землю котелок, сдвинул вперед сумку от противогаза, расстегнул ее. Маринин увидел там сверток красного атласа.

— Что это?

— Боевое знамя. Комбриг приказал в штаб дивизии доставить.

— Знамя бригады?! — шепотом произнес Петр, благоговейно притрагиваясь к свернутому полотнищу и изумленно глядя на Морозова.

С неба донесся грозный гул бомбардировщиков.

— Воздух! — послышался чей-то взвинченный голос.

Друзья поспешно распрощались...

11

Через несколько минут броневик мчался по дороге на Скидель. Петр занимал то же самое место — в башне, рядом с сержантом-пулеметчиком.

Навстречу все чаще среди беженцев попадались группы красноармейцев с посеревшими от усталости и пыли лицами, воспаленными глазами.

— Где немцы? — спрашивали у них.

Толкового ответа ни от кого нельзя было добиться. Но из рассказов можно заключить, что танки противника далеко углубились в нашу территорию. Нужно быть готовыми к встрече с ними.

Чем больше удалялись от Лиды, тем заметнее пусте-

ло шоссе. Люди, шедшие на восток, сворачивали на проселочные дороги, а то брели и напрямик — через леса и поля дозревающей пшеницы. Нередко, заметив катившийся по дороге броневик, они вдруг исчезали, словно проваливались сквозь землю. А на том месте, где только что шли люди, спокойно колыхались белесые хлеба, переливаясь волнами, которые бесшумно разбивались об опушки лесов, обступивших зреющие нивы.

Маринину казалось, что пустынная дорога таила в себе какую-то опасность. Он напряженно всматривался вперед, вопросительно глядел на лейтенанта Баскакова, когда тот останавливал машину, вываливался из-за бронированной дверцы и, низкорослый, плотный, расставив ноги и подав корпус назад, подносил к глазам бинокль.

Миновав неширокую речку Лебеду, заметили на дороге двух людей. Один — красноармеец, второй — в гражданском платье. Боец, угрожающе направив на гражданского винтовку, что-то требовал от него. Когда бронеавтомобиль приблизился, Маринин расслышал резкий голос:

— Руки вверх! Застрелю!..

Броневик остановился, и Баскаков с Марининым, выскочив на дорогу, торопливо подошли к неизвестным.

— В чем дело?..

Не успел Баскаков произнести эти слова, как боец и гражданский мгновенно направили на него и на Маринина оружие:

— Руки вверх!

Человек в красноармейской форме четырехгранным штыком прикасался к груди Баскакова. В лицо Петра смотрел пистолет коренастого мужчины в рыжем поношенном костюме.

Это случилось так неожиданно, что Маринин, не успев ничего сообразить, машинально сделал шаг к своему так внезапно появившемуся противнику.

— Приехали, комиссары. Ни с места! Машина под прицелом, на водителя не надейтесь... — И человек в гражданском, чуть скосив глаза в сторону придорожных кустов, крикнул по-немецки:

— Schnell hierher! *

В эту долю секунды перед глазами Петра встало родное училище, спортивный городок и старший лейтенант Иванов — преподаватель физподготовки. Два года учил

* Скорее сюда! *(нем.)*

он курсантов рукопашному бою, твердя на каждом уроке: «Нападай, соображай, парируй и снова нападай...» Будущие политработники восхищались его искусством и добросовестно учились владеть штыком, прикладом, лопатой, кинжалом...

И в это мгновение, когда Петру впервые в жизни глянул в глаза вражеский пистолет, из которого вот-вот могла вырваться пуля, он вдруг отчетливо увидел своего преподавателя...

Миг — и Маринин носком сапога резко ударил своего противника в пах, схватил и вывернул правую руку. Мужчина в рыжем костюме заскрежетал от боли зубами, свалился на пыльную дорогу. Его пистолет отлетел далеко в кювет.

Лейтенант Баскаков тоже сделал движение, но оглушительно грохнул выстрел, и он, ухватившись руками за штык винтовки, начал медленно оседать на землю. Петр метнулся к лейтенанту и, позабыв, что при нем наган, цепко ухватился за цевье винтовки. Баскаков выпустил штык и затих на нагретой солнцем дороге, словно стараясь прижаться раной к земле.

Справа, из кустарника, к месту схватки и к броневику спешила группа людей. Пепельного цвета мундиры, засученные рукава, пилотки набекрень, черные автоматы. Так вот какие они, фашисты!

По бегущим неожиданно хлестнули пулеметные очереди из броневика. Это вступил в бой сержант — башенный стрелок бронеавтомобиля. О его присутствии враги, видимо, не подозревали, так как было известно, что экипаж броневика состоял всего лишь из трех человек.

Маринин крепко держался за винтовку, отводя ствол в сторону. Не выпускал ее и человек в красноармейской форме. Секунду, может, меньше, они смотрели друг другу в лицо. Глаза фашиста — холодные, чужие, напуганные. Заметив страх врага, Петр с силой потянул к себе оружие. Фашист начал яростно вырывать винтовку, словно чувствуя, что в своих руках он держит собственную жизнь.

А из броневика непрерывно палил пулемет. В ответ из кустарника ударила по машине длинная автоматная очередь.

Маринин сильнее потянул винтовку и стал пятиться к броневику, таща за собой гитлеровца. Тот вдруг выпустил из рук оружие и, как заяц, метнулся через кю-

вет в поле, в рожь. От неожиданности Петр упал почти под колеса своей машины.

На дороге лежал Баскаков, по полю удирал фашист, застреливший его, по кювету уползал на карачках человек в рыжем костюме. И из кустов стреляли немецкие автоматчики.

Маринин вскочил на ноги и метнулся за броневик, чтоб укрыться от пуль автоматчиков. Водитель распахнул бронированную дверцу и, бледный, перепуганный, крикнул:

— Залезайте скорее!..

В десяти шагах впереди лежал мертвый Баскаков. Маринин кинул на него взгляд, полный недоумения, горечи и еще какого-то чувства, смежного со страхом, растерянностью, ошеломленностью. До его сознания не доходило, что все это произошло на самом деле, — ведь все случилось так неожиданно, нелепо, в одну минуту... Водитель, включив скорость, медленно, чтобы не оставить открытым Маринина, подал броневик вперед — к мертвому Баскакову.

— Помогай! — крикнул ему Маринин.

А над головой, из башни броневика, хлестали по кустарнику пулеметные очереди.

Водитель и Маринин втиснули в узкую дверцу машины тело лейтенанта. Еще десяток секунд — и бронеавтомобиль развернулся в сторону Лиды.

— Стоп! Стоп! — вдруг закричал Маринин. Петру живо представились строгие глаза полковника Рябова — командира дивизии. «Что буду ему докладывать? Где враг?» — мелькнула мысль.

— Задний ход!

Броневик медленно пополз по дороге назад. Когда напротив открытой дверцы показался скорчившийся в кювете фашист в рыжем костюме, машина остановилась. Петр вместе с водителем быстро втащили фашиста в броневик и затолкали под ноги сержанту-пулеметчику.

Бронеавтомобиль помчался к Лиде.

...В штабе пленному оказали медицинскую помощь и допросили его. Фашист рассказал немногое: с отрядом десантников выброшен ночью с парашютом; десантники имели задачу — захватывать в плен солдат и офицеров и узнавать от них о передвижениях советских частей. Фашистское командование преследовало цель — всеми средствами воспрепятствовать отходу боеспособных единиц Красной Армии в глубь своей территории.

12

Когда над лесом сгустились сумерки, хоронили лейтенанта Баскакова. Вечер был тихим, в небе мерцали первые звезды. На опушке, вокруг свежевырытой могилы, стояли командиры, политработники, солдаты. Никому не хотелось верить, что пришла война, что она уже здесь, рядом, что вот ее первая жертва из штаба мотострелковой дивизии. Баскаков лежал на носилках, такой же полный коротыш, каким его все знали. Рядом шелестела колосьями рожь. Легкий ветерок бил в лицо запахами ромашек, полыни, мяты. Где-то неугомонно стрекотал кузнечик, кричала на дождь лягушка.

Вдруг откуда-то со стороны Гродно докатились глухие удары. Только тогда все обратили внимание, что небо там багровое и этот багрянец то густел, то бледнел, точно его смывали и снова подкрашивали...

Треснул нестройный залп, второй, третий — воинская почесть погибшему. Затрепетали листья на деревьях, и по лесу волной прокатился ветерок, путаясь в ветвях, заставляя их громче шелестеть листвой.

Баскакова опустили в яму. Его товарищи, склонив головы, прятали оружие.

Ночь была неспокойной. По дороге, раскинувшейся рядом с лесом, непрерывно шли беженцы, подразделения, потрепанные в первых схватках с фашистами, одиночные бойцы и командиры, которым удалось после неравного боя на границе оторваться от противника. Над дорогой стоял скрип телег, шум автомашин, приглушенный говор множества людей. Ветерок заносил в лес облака невидимой в темноте пыли. Она била в лицо знакомым сухим, терпким запахом.

В стороне границы продолжало греметь. Отсветы пожаров кровенили небо. Очевидно, Гродно... Сколько пожаров перенес на своем веку этот древний город! Расположенный близко к границам нескольких враждовавших в старину государств, он являлся важным стратегическим пунктом. Дороги от него вели на Августов, Сувалки, Мариамполь, Вильнюс, Лиду, Волковыск, Барановичи, Белосток, Ломжу. В своей истории многострадальный Гродно побывал в руках ливонских рыцарей, поляков, шведов. И вот сейчас он снова охвачен огнем, снова на его улицы ступила нога захватчика.

— Приготовиться к выезду! Всем командирам — к

хозяину! — пронеслась по дремавшему лесу приглушенная команда.

У Лоба глаза зоркие, как у кошки. Он уверенно шагнул в темноту, в сторону палатки полковника Рябова. Следом за ним, прикрывая руками лицо от упруго хлеставших веток, часто спотыкаясь о пни, которые днем даже не замечались, пошел Маринин...

Туго натянутая огромная брезентовая палатка была битком набита военными. В одном углу, под крохотной, но очень ярко горевшей электрической лампой, развешана большая топографическая карта. Возле карты — полковник Рябов, командир дивизии. Андрей Петрович держал в руках свежесломанный прут-указку и нетерпеливо смотрел, как раз за разом откидывался клапан-дверь палатки и входили командиры.

Маринин стоял недалеко от полковника и, точно загипнотизированный, смотрел на карту, на грозные синие стрелы, обозначавшие направления ударов танковых дивизий, вклинившихся в территорию Советского Союза и продвигавшихся в направлениях Вильнюса, Гродно, Белостока, Барановичей.

— Начинаем, товарищи! — полковник несколько раз хлестнул прутом по голенищу сапога. — Я собрал вас, чтобы ознакомить с задачей, которую получила дивизия. Но прежде всего коротко об обстановке... — Рябов помедлил, обводя озабоченным взглядом хмурые, встревоженные лица собравшихся. Затем повернулся к карте и заговорил приглушенным, с душевной болью, голосом: — Сплошная линия фронта с нашей стороны, как указывается в утренней оперативной сводке штаба армии, отсутствует. Поэтому судить с полной определенностью об обстановке трудно. Ясно одно: наши войска не успели выдвинуться в районы прикрытия и принимают бой на местах расквартирования. А это значит — врага надо ждать в любом месте, в любую минуту...

Наша мотострелковая дивизия находится в стадии формирования. Мы не готовы для того, чтобы вступить в бой. Поэтому нам приказано передислоцироваться вот в этот район... — И указка полковника обвела на карте кружок вокруг Дзержинска, небольшого районного города километрах в сорока юго-западнее Минска.

— Отступаем?! — вырвалось у младшего политрука Маринина.

Воцарилась напряженная тишина. Маринин, нахохлившийся, чуть побледневший, стоял прямо перед полковником, уставившись на него немигающими, застывшими глазами. Рябов в упор глядел на Маринина — строго, задумчиво, с какой-то затаенной тоской. Казалось, полковник забыл обо всем на свете и напряженно вдумывался в страшное слово «отступаем», смысл которого, может быть, только сейчас дошел до него. Тишина становилась невыносимой. Люди точно задержали дыхание и мучительно ждали момента, когда можно снова дышать. А полковник все молчал. Наконец заговорил:

— Разумеется, наш марш к Дзержинску наступлением не назовешь. Но приказ есть приказ... Понятно, товарищ младший политрук?

— Так точно, — Маринин потупился, шумно вздохнул.

— Так вот. Вперед нам идти не приказывают; полки наши, прямо скажем, малобоеспособны. Дивизия месяц как родилась и даже не успела как следует укомплектоваться, не говоря о том, что и людей своих мы только-только начали обучать. Но обстановка такова, что в бой нам вступить придется, и очень скоро. — Полковник повернулся к карте: — Видите, главные магистрали, ведущие на Минск, находятся севернее и южнее. За спиной у нас верховья Немана — местность малоудобная для ведения боя, для маневра... В ходе передислокации нам приказано пополниться людьми, подготовиться к встрече с врагом. Наша задача — занять оборону в районе Дзержинска, чтобы прикрывать Минск с юго-запада... — И командир дивизии расстегнул планшетку, доставая оттуда исписанные листы бумаги с боевым приказом.

Наступал третий день войны.

В середине ночи штаб дивизии покинул лес. Предстоял двухсоткилометровый путь к Дзержинску. В обычных условиях его можно было бы преодолеть за одну ночь, но сейчас дороги запружены эвакуировавшимися в тыл, к тому же штаб дивизии не мог отрываться от мотополков, которые только назывались «мото», а на самом деле были обыкновенными пехотными полками, так как машины еще не успели получить. Иначе говоря, дивизия могла занять указанный ей рубеж обороны не ранее чем через пять дней.

Золотая россыпь пустынного «Чумацкого шляха»

перечеркнула глубокое ночное небо. Подслеповато щурились далекие звезды. Кажется, и до них доносился пресный терпкий запах пыли, брошенный ввысь многими сотнями автомобильных колес.

Длинная колонна машин цедила из затемненных фар на утопающую в мареве пыли дорогу туго натянутые струйки синего света и шла на восток. А с запада сполохами далеких зарниц доносилось грозное, опаляющее дыхание войны.

Вот и местечко Ильча, в котором до войны (всего лишь два дня назад!) располагался штаб мотострелковой дивизии.

В местечке, на магистральной улице, колонна почему-то остановилась. Этим воспользовались командиры, чтобы сбегать домой и узнать — эвакуировались ли их семьи. По улицам и переулкам засновали люди. Скрипели и хлопали калитки.

Побежал на квартиру и младший политрук Лоб. Он даже почернел от тревоги за свою беременную жену: уехала ли она, и если уехала, то как перенесет дорогу, не разродится ли в пути?

Спешил к дому Анастасии Свиридовны и Петр Маринин: вдруг там дожидается его какая-нибудь весточка от Любы? У знакомых ворот Петр столкнулся со своей квартирохозяйкой. Анастасия Свиридовна скорбно смотрела на запруженную машинами улицу и прикладывала к глазам подол фартука.

— Утекаете! — набросилась она на Маринина. — На погибель покидаете нас?! Панам да хвашистам?..

— Что вы! — возмутился Петр. — Никто не удирает! Война, она тоже по плану ведется...

— Вижу, доплановались... Иди лучше ищи свою, может, не уехала еще.

— Люба?! — почти шепотом спросил Петр. — Где? Где же Люба?!

13

Как только грузовики с ранеными остановились в центре Ильчи, военврач Савченко побежал хлопотать о продуктах и медикаментах, а Люба, не имея ни малейшей надежды застать дома Петра, все-таки пошла искать его квартиру.

Анастасия Свиридовна встретила Любу во дворе. И хотя уже второй день мимо ее дома катился со сто-

роны Лиды поток беженцев и многие заходили во двор или в дом напиться, передохнуть, умыться, Анастасия Свиридовна сразу угадала в Любе невесту своего квартиранта — угадала по пытливому, с затаенной надеждой взгляду девушки, еще по чему-то необъяснимому — и кинулась ей навстречу, обливаясь горючими слезами.

Зашли в дом. Люба остановилась у порога, обвела грустным взглядом комнату, в которой жил Петр, уловила невыветрившийся запах табака и с болью подумала, что вот здесь, именно здесь, и нигде больше, ждало ее счастье. И она не поспела к нему...

Подошла к столу, с уголка придвинула к себе стопку тетрадей, исписанных таким знакомым, родным почерком. Это были конспекты Петра, привезенные из училища. Бездумно перелистала верхнюю тетрадь, остановила взгляд на какой-то странице, заметив, что слово «надломленный» написано с одним «н». Взяла в стакане карандаш и, исправив ошибку, жирно подчеркнула ее.

За спиной в голос, по-бабьи рыдала Анастасия Свиридовна. Брызнули скупые слезы и из глаз Любы. Она тут же вытерла их, присела на стул, не зная, что делать дальше, о чем говорить с этой некрасивой, но такой сердечной женщиной.

— А он-то, бедненький, как убивался по тебе! — причитала Анастасия Свиридовна. — Я и комнату приготовила, двуспальную кровать поставила...

— Это Петя так распорядился?! — с горечью улыбнулась Люба.

— А то кто же? Ты ведь невеста ему... И нет вам счастья — молоденьким да славным... Только жить да жить бы...

— Невеста... — тихо повторила Люба, как бы прислушиваясь к звучанию этого чистого, весеннего слова — «невеста».

Вскоре Анастасия Свиридовна провожала Любу. Вышли на улицу, остановились у калитки. У двора напротив Аня Велехова — гибкая и подвижная — складывала в «эмку» чемоданы и узлы. Шофер ведерком наливал в радиатор воду, готовясь в дальнюю дорогу.

Увидев Анастасию Свиридовну, Аня кинулась к ней:

— Петя не приезжал?! Ничего от него не слышно?..

Люба настороженно посмотрела на девушку, затем перевела вопросительный взгляд на Анастасию Свиридовну.

— Нет, не приезжал, — ответила та. — Это соседка наша, — пояснила она Любе, указывая на Аню. — Дочка Велехова — начальника военных дохторов. А это, — обращаясь к Ане и кивая головой на Любу, — невеста моего квартиранта... Не довелось встретиться...

— Невеста Пети? — не то с испугом, не то с крайним удивлением прошептала Аня. Она критически оглядела Любу. — Ты... вы его невеста?..

— Да, невеста! — вызывающе ответила Люба, уловив в словах Ани не праздное девичье любопытство. После некоторого раздумья добавила: — Была невеста, а теперь вот... жена.

«Бреши, бреши!» — усмехнулась про себя Анастасия Свиридовна, догадавшись о тревоге Любы и смятении Ани, глядя на последнюю с сожалением.

— Так, значит, это он вас вчера собирался встречать? — заметно побледнев, допытывалась Аня.

— А то кого же? — Люба не сводила с Ани откровенно враждебного и чуть торжествующего взгляда. — Конечно, меня.

Так они и расстались. Не успев познакомиться, уже ненавидели друг друга. Никто из них не подозревал, что расстаются ненадолго и что это внезапно родившееся чувство очень скоро, так же внезапно, пройдет и сменится другим, но самой дорогой ценой заплатит одна из этих милых девушек за то новое чувство...

Машины с ранеными стояли в узком переулке, в тени высоких ясеней. В кузовах остались только лежачие и те, кто не мог передвигаться, да в передней машине — женщина с шестью ребятишками. Все остальные разбрелись по ближайшим дворам, сидели на завалинках. Ильчанские женщины, девушки, старики угощали раненых молоком, медом, пирогами, расспрашивали о боях у границы, все еще не веря, что враг вторгся в пределы Белоруссии.

Когда Люба подошла к машинам, ее окликнул младший политрук Морозов:

— Сестрица, просьба у меня к вам.

Люба подошла к Морозову, который сидел на подножке кабины грузовика и, прислонив свою перебинтованную голову к дверце, с трудом откусывал и жевал хлеб с маслом.

— Беспокоят раны? — участливо спросила Люба.

— Рука терпимо, а голова... Жевать трудно. Но это ничего, — усмехнулся он. — В жару пить меньше буду

хотеть... Просьба у меня к вам: напомните военврачу насчет штаба дивизии. Я ему уже говорил. Дело у меня туда. — И Морозов поправил на коленях сумку от противогаза, в которой было спрятано знамя бригады.

— Он еще не возвращался? — спросила Люба о Савченко.

— Вон в тот дом недавно зашел.

Люба направилась к дому с высоким крыльцом. Поднялась по ступенькам, прошла по пустому коридору и остановилась у полуоткрытой двери, из которой доносился разговор.

Заглянула в кабинет и увидела в кресле за столом моложавого капитана — щеголеватого, важного, с черными усиками и бакенбардами на самодовольном лице. Это был капитан Емельянов. Перед ним стоял Виктор Степанович Савченко и взволнованно доказывал:

— Мне надо обработать раненых и запастись на дорогу продуктами. Вы же старший сейчас в гарнизоне. Возьмите медикаменты в аптеке, а продукты в магазине!

— А денежки? Кто денежки будет платить? — Капитан Емельянов ехидно сощурил глаза, нагловато улыбнулся.

— Какие там денежки?! — Савченко сердито махнул рукой. — Завтра немцы здесь будут. А у меня раненые!

Лицо Емельянова вдруг побагровело, глаза остекленели.

— Что-что?! — прохрипел он и, вскочив на ноги, схватился за пистолет. — Панику сеете в близком тылу Красной Армии? Слухи распускаете? Пораженческие настроения?! Предъявите документы!

Савченко с горькой усмешкой подал удостоверение личности.

— Ну вот, военный врач третьего ранга, а такие разговорчики! — важно хмурился Емельянов, листая документ. — Кишка тонка у немцев, чтобы заставить нас потесниться. Да мы им как наступим на мозоли, вмиг опомнятся. А там, глядишь, и международный пролетариат зашевелится. Через три месяца в Берлине будем!

По коридору заухали чьи-то шаги, и Люба, поймав себя на том, что подслушивает чужой разговор, решительно зашла в кабинет. Хотела передать Савченко просьбу раненого младшего политрука и напомнить о комплекте красноармейского обмундирования для себя. Как-никак она же медсестра.

Но сказать ничего не успела. Вслед за ней стремительно вошел запыхавшийся незнакомый лейтенант в запыленном комбинезоне. Представившись офицером связи, он доложил:

— Товарищ капитан, срочный приказ...

— Слушаю, — насторожился Емельянов.

— Готовьте гарнизонное хозяйство к эвакуации...

— Как?! — не поверил своим ушам капитан.

— Прут немцы, — хмуро пояснил офицер связи.

Наступила тишина. В ней родилось вначале тихое, прерывистое урчание моторов, затем оно усилилось, стало нарастать. На Ильчу шли самолеты.

Шестерка немецких бомбардировщиков плыла в вылинявшей голубизне неба. Над местечком она выстроилась в цепочку, и вдруг передний самолет сорвался в крутое пике. За ним — второй, третий... Стенящий свист бомб... Тяжело охнула земля под первым ударом, стряхнув с себя и превратив в груду развалин деревянный дом над речкой. Затем застонала под серией новых взрывов.

По магистральной улице неслась «эмка». Это шофер военврача Велехова пытался вывезти из-под бомбового удара его дочь Аню, замешкавшуюся в местечке. Вдруг впереди машины взметнулся столб земли. «Эмка» вильнула в сторону, взвизгнула тормозами и завалилась в кювет. На руль безжизненно упала голова сраженного насмерть шофера.

Распахнулась дверца «эмки», и из нее выскочила Аня — бледная, растерянная, не зная, куда деть себя, что предпринять. Упала в кювет и подняла лицо с трясущимися губами к небу. Зачем? Зачем они бомбят?

Рядом пылал дом. Из него донесся истошный детский крик. Он точно подхлестнул Аню. Девушка вскочила на ноги и бросилась в распахнутую дверь, из которой валил дым. Вскоре выбежала на улицу с плачущим трехлетним мальчишкой. Посадила его в кювет и снова кинулась в дом. С силой вытолкнула на улицу упиравшуюся, очумевшую от ужаса старуху.

Над самыми крышами домов прогрохотал моторами бомбардировщик. Хвостовой стрелок выбивал железную дробь из пулемета, поливая свинцом дворы, улицу, дома. На мостовой густо вспыхнули облачка каменной пыли. Упали на землю ссеченные ветки клена. Вскрикнула, скрежетнув зубами, Аня. Она точно наклонилась

за упавшими ветками, но выпрямиться уже не могла. Лицо ее перекосилось от нестерпимой боли, ослабевшие руки подломились, и девушка ударилась лицом о горячую каменную плиту тротуара, приникла к ней всем телом...

Из дверей дома с высоким крыльцом выбежала Люба. Увидев Аню, она кинулась к ней, упала на колени, повернула лицом кверху. Тут же подоспел Савченко. Он поднял на руки обмякшее тело Ани, посмотрел в ее искаженное мукой лицо и понес в дом. На тротуаре осталось черное пятно крови.

Ветер трепал на голове Ани рассыпавшиеся волосы, колыхал лацкан жакетки с комсомольским значком.

14

Машины с ранеными задержались в Ильче до поздней ночи. Здесь, в местной больнице, Люба Яковлева впервые стояла у операционного стола с хирургом Савченко. Виктор Степанович оперировал Аню Велехову... А потом — перевязка раненых.

Когда на магистральной улице остановилась огромная колонна машин, идущих на восток, Савченко побежал искать среди них санитарный автобус. А вдруг окажется такой в колонне! Надо было эвакуировать в госпиталь Аню Велехову: в кузов грузовика ее не положить после тяжелой операции.

Виктору Степановичу повезло. Где-то в середине колонны он увидел «санитарку» — малогабаритный газовский автобус. В кабине его дремал военврач второго ранга Велехов... О, если б знал Савченко, что это отец той самой девушки — Ани, которую он сегодня вырвал из лап смерти. Но он не знал этого, как и не знал, что Велехов — прямой его начальник, прибывший недавно в дивизию, и униженно молил:

— Возьмите, ради бога... У вас подвесные носилки, амортизация. В кузове она может не выдержать... Три часа назад я снял ее с операционного стола.

— Понимаю, всем сердцем понимаю, — отвечал, недовольно морщась, военврач Велехов. — Но у меня нет места. Потом я привязан к штабу, а раненую надо везти в госпиталь. Не могу.

— Как же быть? — разводил руками огорченный

Савченко. — Девушка — дочь военнослужащего. Где ее оставишь?

— Извините, никак не могу. — Велехов захлопнул дверцу кабины. — Поймите меня правильно...

А в это время в другом конце колонны Петр Маринин делал еще одну попытку разыскать Любу, надеясь и не надеясь, что девушка может быть еще здесь. Он останавливался то у одного, то у другого грузовика и неизменно спрашивал:

— Яковлевой Любы нет среди вас?.. Яковлева!..

Чаще отвечали молчанием, реже — шуткой.

Из кузова одного грузовика в ответ на вопрос Петра раздался хриплый старушечий голос:

— Я! Я Яковлева! Здеся! Вы от Володи? Где он, живой? Где Наденька с детьми? — в голосе женщины послышались слезы.

— Нет, я другую Яковлеву... — растерянно ответил Петр, устремившись дальше вдоль колонны.

У одной машины он заметил девичьи стройную фигуру, которая показалась ему знакомой.

Кинулся к ней. Но... к нему повернула заплаканное лицо незнакомая молодая женщина. Она задыхалась от слез. Даже в темноте было заметно, что в глазах ее — мука и жаркий ужас.

— Скажите, где оперативный отдел? — с трудом выговорив слова, спросила женщина.

— В голове колонны... А чего вы плачете? — не удержался Петр от вопроса.

— Ой, не могу, — прошептала женщина дрожащими губами. — Обоих, обоих насмерть — Витеньку и Олю... Бомбой...

Пошатываясь, она побрела вперед, а Маринин, потрясенный, с болью глядел ей вслед.

— К маме хочу! — раздался в соседней машине сонный плач девочки. — Где моя мама?..

— Найдем маму твою, — успокаивал ее мужской голос. — И папу найдем...

Зажав голову руками, Петр стремительно зашагал к своей машине. Ему показалось никчемным собственное горе по сравнению с тем, что творилось вокруг... Было только жалко Любу.

Но где ее найдешь? Ничего не мог сделать человек, чтобы отыскать в водовороте войны другого человека.

Ведь встали на колеса миллионы. Надеяться на случай, на неожиданную счастливую встречу? Но такие встречи бывают чаще в романах... И все же могла состояться их встреча и здесь, наткнись Петр на четверку машин с ранеными в соседнем переулке. Эти машины готовились влиться в колонну, которая шла на восток.

Разыскав свой грузовик, Маринин молча забрался в кузов. В кабине сидел наедине со своим горем младший политрук Лоб. Он узнал, что его жена уехала из Ильчи вместе с другими семьями военнослужащих сегодня утром и мало надежды, что вынесет она трудную дорогу к Полоцку, куда держала путь. Ведь родовые схватки начались у нее еще вчера вечером — так сказала Лобу соседка по квартире.

...Ехали долго, медленно, но без остановок. Дорога ровная, широкая. Справа лес — темный, зловещий; слева — разметы хлебов. На западе небо мерцало огнями ракет и зарниц от артиллерийской пальбы.

Приближался рассвет. Шедшие впереди мотоциклы и броневик загремели колесами по мостку через небольшую речушку, а потом свернули на узкий проселок. За ними направилась вся нескончаемо длинная вереница машин, кроме тех, которые не относились к штабу дивизии и штабным подразделениям. Проселок завихлял вверх, и вскоре колонна втянулась в густой лес, разбудила его, и он уже не казался таким мрачным и молчаливым.

15

Обстановка на минском и вильнюсском направлениях накалялась с каждым днем. Части нашей армии вели упорные оборонительные бои с фашистской пехотой на рубеже Волковыск — Лида, вдоль Немана и по обе стороны его притока Шара. А немецкие танковые колонны уже протаранивали себе путь к Минску, прорываясь крупными массами со стороны Барановичей и Вильнюса. Немецкое командование собиралось замкнуть клещи и сразу покончить с группировкой советских войск, ожесточенно обороняющихся на дальних подступах к Минску. Фашисты бросали в бой все новые и новые дивизии, стараясь своей массовостью, своими во много раз превосходящими по численности силами окончательно парализовать действия частей Красной Армии, лишить их воли к сопротивлению.

А дивизия полковника Рябова продолжала марш к Дзержинску. Полки шли параллельными дорогами, чтобы дивизия сильно не растянулась в глубину; шли главным образом ночью. Штаб дивизии днем пережидал, пока полки обгонят его, и ночью делал очередной бросок на юго-восток.

Медленно тянулось время в эти «пережидания». Досаждали немецкие бомбардировщики, которые, выискав цель, начинали остервенелую бомбардировку; томила сама обстановка — напряженно тревожная, с различными слухами, с забитыми дорогами, с происками фашистских диверсантов, разведчиков, агентов.

Четвертый день шла война...

На опушке леса стояли старший батальонный комиссар Маслюков и полковник Рябов. Круглое жестковатое лицо Маслюкова нахмурено, в ввалившихся глазах — тревога. Андрей Петрович Рябов — стройный, подтянутый — не отрывал глаз от бинокля. Оба они смотрели на лежавшую внизу дорогу, по которой шли пешие, ехали повозки и автомашины.

— Пойдем потолкуем, — предложил начальник политотдела, кивая головой в сторону дороги. — Глазами других посмотрим на события.

Полковник Рябов, опустив бинокль, молча зашагал по косогору вниз, к дороге. За ним пошел Маслюков.

Слова старшего батальонного комиссара: «Глазами других посмотрим на события» — напомнили Рябову совсем недавние дни, когда он командовал танковой бригадой, и Маслюков, так же как и сейчас, был замполитом и возглавлял политотдел. Между ними состоялся однажды острый разговор, в котором старший батальонный комиссар употребил почти эти же самые слова, прозвучавшие тогда для Рябова не очень приятно.

Андрей Петрович вспоминает, как это было...

Он зашел в кабинет начальника политотдела, чтобы поговорить о завтрашней охоте. Был канун выходного дня, и заядлые охотники уже начинали волноваться.

— Значит, на косачей, Андрей Петрович? — спросил тогда у Рябова Маслюков.

— Апрель, самое время, — ответил Рябов. — Соорудим шалашик. Я тут одно токовище знаю...

— Шалаш сами будем строить? Или бойцов возьмем?

— Конечно, сами! — удивился Рябов и, уловив непонятную иронию в голосе старшего батальонного комиссара, спросил: — Зачем же бойцов?

— В помощь. Ты же, Андрей Петрович, привык, чтоб тебе во всем помогали. Даже по хозяйству.

Рябов в упор глядел на своего заместителя по политчасти и чувствовал, как лицо его заливала краска. Он вспомнил, что не в меру расторопный комендант штаба без его ведома прислал к нему на квартиру целое отделение солдат, которые должны были идти на стрельбище, и те за несколько часов перепилили, покололи и сложили в сарае все дрова, привезенные накануне.

— Ты на дрова намекаешь?

— И на дрова, Андрей Петрович, и на то, что жинка твоя на базар ездит в твоей легковой машине и что конюха специального держишь при рысаке, который тебе для парадных выездов служит. Поставь-ка себя на место этих бойцов. Пришел ты в армию Родине служить, выполнять свой самый почетный долг гражданина, а тебя вместо этого превращают в батрака.

Все это было так неожиданно, что Андрей Петрович не находил слов в свое оправдание. Многое, что говорил Маслюков, казалось преувеличенным. Однако была в его словах и правда. В самом деле, почему он до сих пор не наказал коменданта штаба, почему сквозь пальцы смотрит на то, что заведующий подсобным хозяйством бригады толстяк Сорока каждую субботу привозит ему на квартиру всякой всячины? Почему он не мог нанять пильщиков?..

Старший батальонный комиссар Маслюков, прервав молчание, спросил:

— Скажи, Андрей Петрович, откуда у тебя такие барские замашки? Можно подумать, что ты и твоя жена — люди белой кости, привыкшие равнодушно взирать, как ухаживают за ними другие. Ты, конечно, можешь и не отвечать мне. Ты командир, я хожу под твоим началом. Но можешь и ответить: ведь мы товарищи, ну и... коммунисты.

Андрей Петрович оторвал взгляд от лица Маслюкова и перевел его в окно, где виднелась унылая, по-весеннему раскисшая улица, подсохший спуск к реке. Какая там белая кость! Перед его взором прошла трудная, напряженная жизнь: в гражданскую войну мальчишкой ушел на фронт. Потом служба на Дальнем Востоке, ко-

мандирские курсы, служба в Средней Азии, военная школа, Халхин-Гол, академия...

Как на экране, проходили перед мысленным взором Рябова прожитые им годы. Что мог ответить он этому человеку — простому, беспощадно-справедливому? Рассказать о прошлом, рассказать, как стал он солдатом революции, как посвятил себя военной службе? Ведь все это ему известно. И все это не вяжется с тем, что говорил Маслюков.

Ничего не мог ответить полковник Рябов начальнику политотдела.

— Я помогу тебе, дорогой Андрей Петрович. — И Маслюков начал говорить сам. Каждое его слово — что капля расплавленного металла: — Я так думаю: ты полагаешь, что тебе, ветерану гражданской войны, орденоносцу, человеку заслуженному, все дозволено. Ты видишь себя и забываешь, что в гражданской войне участвовали миллионы. Тебе кажется, что ты занимаешь какое-то особое место среди людей. Короче говоря, ты, дорогой Андрей Петрович, зазнался чуток! Поверь, что это так! Мне со стороны видней...

Рябов молчал. Упреки начальника политотдела казались ему несправедливыми, но он не находил слов, чтобы возразить, чтобы доказать его неправоту, чтобы поиному объяснить эти факты, которые назвал Маслюков.

А Маслюков между тем продолжал:

— Запомни мой совет, Андрей Петрович. Каждому человеку нужно уметь видеть себя со стороны. Нужно глазами других иногда посмотреть на себя. Еще Ленин учил нас, что о человеке мы судим не по тому, как он сам о себе говорит. Теперь пораскинь умом: как могут думать о командире бригады, который умышленно или по недомыслию (это безразлично) использует труд подчиненных для удовлетворения своих личных потребностей?

— Но ведь это не совсем так! — возразил наконец Рябов. Ему хотелось сказать, что у него больная жена, что самому ему недосуг заниматься домашними делами, что, наконец, ничего зазорного нет в заботе подчиненных о старшем начальнике, если начальнику действительно нужна помощь.

— Это тебе так кажется, — опередил его Маслюков. — А люди составляют свои представления о вещах и понятиях по своим собственным восприятиям, впечатлениям. Верно? Верно! И ты обязан заботиться о том,

чтобы у тебя было доброе имя. Ты ведь государственный человек. И партии, государству нашему нужно, чтобы тебя уважали, верили тебе, без тени сомнения в душе повиновались твоей воле. А вот ты зазнался...

Рябов поморщился: ему показалось, что тот малозначительный, как теперь кажется, полузабытый разговор имеет прямое отношение ко всему происходящему сейчас. Да, возможно, он, полковник Рябов, подзазнался. Командир дивизии ведь, единоначальник! Мечтал побыстрее укомплектовать полки и полюбоваться их силой, выучкой в строю, на параде... А в бою?..

С досады Рябов отшвырнул ногой кем-то брошенную во ржи каску и, шагая рядом с Маслюковым к дороге, кусал нижнюю губу. Почему не приходили ему в голову мысли о том, как будет управлять дивизией в бою? Впрочем, приходили. Думал он и об этом. Ведь о возможности нападения на нас говорилось много — в приказах, на совещаниях, на сборах в штабе армии... Вот именно — говорилось... И даже неплохо обучали войска и штабы. А как же организовать оборону в случае нападения? Плохо об этом думали. И главное — должных мер не приняли. Убеждали себя в другом, что, если грянет война, будем воевать только на чужой территории, малой кровью, на территории того, кто нападет на нас. А то, что готовится нападение, проглядели, не отмобилизовали вовремя армию, не сосредоточили в нужных местах силы.

И лично он, Рябов, еще надеялся, что в случае нападения Германии на Советский Союз — первое в мире пролетарское государство — немецкий пролетариат поднимет революцию. Об этом он вчера спросил у пленного гитлеровца, которого доставил в штаб младший политрук Маринин. Гитлеровец усмехнулся и ответил:

— Когда мы завоюем Россию, вы узнаете, что такое гестапо, виселица и концентрационный лагерь. А для немецкого народа, кроме этого, существует еще пропаганда. Фюрер продумал все...

«А что же происходит сейчас? Нужно, как говорит Маслюков, глазами других посмотреть на события».

За этими мыслями полковник Рябов не заметил, что осталось позади ржаное поле и они, перепрыгнув через запыленный кювет, оказались на людной дороге.

Остановили первую подошедшую группу красноармейцев.

— Из какой части? — спокойно спросил Рябов.

— Из разных, — невпопад ответили солдаты.

— Куда путь держите?

— На сборный пункт.

— Где же он находится?

— Кто его знает... Где остановят, там и собираться будем. Говорят, формируют части не то в Минске, не то под Минском.

— Так, так, — помедлил полковник, — а где же ваши роты?

— От наших рот остались рожки, ножки да мы. Окружили всех — и амба. Кто вырвался — драпает без оглядки, — ответил высокий солдат с воспаленными глазами на небритом лице.

— А наш инженерный батальон саперными работами занимался, когда фашисты напали, — стал рассказывать рыжеусый солдат с перевязанной рукой. — Оружие наше в козлах стояло, а фашисты вдруг по этому месту из минометов ударили. В пять минут из винтовок и пулеметов щепки сделали. А мы с лопатами остались. Дрались, сколько могли...

— Как же понимать вас, товарищи «окруженцы»? — недоумевал полковник Рябов. — Говорите — всех разбили, разгромили. Но где же фашисты? Почему их до сих пор здесь нет? Кто же не пускает вражескую пехоту, артиллерию к этим отдельным танковым группам, которые прорвались в наши тылы? Молчите? Может, послушаем, что другие скажут?.. Садись! — скомандовал полковник.

Солдаты расселись на обочине. Каждый глядел на полковника, на старшего батальонного комиссара внимательными глазами, с какой-то надеждой, с готовностью делать все, что они прикажут. А Рябов и Маслюков смотрели вдоль дороги, по которой, вздымая пыль, шел танк Т-34.

Когда танк подъехал ближе, все обратили внимание на его изуродованную пушку, обилие вмятин на броне. Танк тащил на буксире огромнейший автоприцеп, битком набитый ранеными солдатами и командирами, женщинами и ребятишками. Рябов решительно махнул рукой, машина остановилась. Мотор ее заглох, из люков высунулись головы танкистов.

— Подойдите сюда, — приказал им полковник.

Танкисты, заметив на петлицах начальства шпалы, поспешно вылезли из машины, подошли и отдали честь. Один из них оказался младшим лейтенантом.

Женщины и раненые смотрели из прицепа настороженно, боясь, что начальство прикажет им высадиться.

— Куда следуете, товарищ младший лейтенант? — спросил Рябов.

— До первой станции, где смогу сдать своих пассажиров, — улыбаясь, ответил танкист.

— Гитлеровцы машину покорежили?

— Так точно. Но мы им тоже накорежили.

— Где дрались?

— Под Гродно.

— Какова там обстановка?

— Атакуют. Фашисты город забрали. Наш танковый полк понес большие потери, но сейчас держит оборону — отход пехоты прикрывает. Много немецких танков сожгли.

Полковник Рябов многозначительно посмотрел на сидевших красноармейцев.

— Один наш броневик даже самолет сбил, — продолжал рассказывать младший лейтенант. — Пикировал бомбардировщик на него, а командир орудия не растерялся и пушку — под наивысший угол. Как ахнул, так самолет в щепки.

— А как пехота дерется? — спросил Маслюков.

— Да, да, расскажите, как пехота дерется и почему это так много людей сборные пункты ищут? — поддержал комдив, указывая рукой на сгрудившихся на дороге красноармейцев.

— Ничего здесь непонятного нет, товарищ полковник. Фашистов много, а нас мало. Самолетов и танков у них больше. Наступают они по всем дорогам, а у нас сил нет обороняться везде. Так и оказываются немцы в нашем тылу. А то еще обманом берут.

— Но все же, говорите, наши не бегут? — спросил Маслюков.

— Всяко бывает. В окружении дерутся до последнего патрона. Потом вырываются. А собраться после этого уж трудно, особенно если ночью пробивают кольцо. Вот и ищут сборный пункт. Да вы лучше вон с капитаном поговорите. — И младший лейтенант кивнул головой в сторону автоприцепа.

Полковник Рябов взялся руками за борт запыленного кузова и взобрался на колесо. Капитан, смежив вздрагивающие веки, лежал среди густо сидевших людей; его перебинтованная голова покоилась на коленях молодой женщины с большими испуганными глазами.

Под расстегнутой гимнастеркой капитана тоже виднелись бинты с ржавыми следами крови.

Рябов некоторое время молча смотрел в посеревшее, небритое, с заострившимися чертами лицо раненого, потом участливо спросил:

— Говорить можете?

Капитан медленно открыл глаза, тяжело вздохнул, и все услышали его хриплый, негодующий голос:

— Говорить?.. Кричать нужно, а не говорить! — В воспаленных глазах раненого сверкнули злые огоньки. — Вдалбливать всем в головы, чтобы никогда не выветрился из памяти урок, который фашисты нам дали!.. Да, да! Позабыли мы, что среди волков живем! Вот и учат нас уму-разуму — пулями, бомбами учат!

Было похоже, что этот израненный человек обезумел от физических страданий и всего того, что он видел.

— Успокойтесь, капитан. Толком расскажите, — тихо, но твердо промолвил Рябов.

Капитан подобрал под себя руки и с трудом приподнялся.

— А что рассказывать?.. Напали, а мы не готовы... Думаете, только в беспечности дело? Черт его знает в чем! В субботу еще командиры в отпуск уезжали, на воскресенье смотр боевой техники затеяли. И никто не догадывался, что фашисты уже пушки на нас навели, диверсантов в наши тылы забросили... А мы... мы... — В переполненном душевной болью голосе капитана послышались слезы. — Разве такая нужна готовность, когда змея рядом?! Нужно было дневать и ночевать на огневых позициях, летчикам из самолетов не вылазить. А мы... И вот народ гибнет, часть техники бросили. Ведь из моих пушек фашистские танки насквозь можно пробивать!.. Эх!.. — Капитан крепко зажмурился, и по его темным щекам скатились две прозрачные капли.

Всхлипнула и молодая женщина, поддерживавшая голову капитана, потом истерично закричала:

— Кого ж проклинать?! Кто виноват, что там дети и женщины под бомбами?..

— Фашистов проклинать, — хмуро бросил Рябов, слезая с колеса на землю.

— Их бить нужно, как собак бешеных! — Женщина уставила на комдива гневные глаза. — А с вас, с начальства, спросить нужно...

Рябов и Маслюков возвращались в лес молчаливые, задумчивые. Старший батальонный комиссар рвал ко-

лоски ржи, рассматривал их, бросал и снова рвал. Наконец не выдержал и заговорил:

— Хоть и не виноваты мы с тобой, Андрей Петрович, а все же стыдно перед людьми.

— А перед собой? — Рябов даже остановился. — От себя, от совести своей никуда не уйдешь. Вот разумом понимаю: фашисты тайно подготовились, сосредоточили силы и в один миг бросились на нас. А сердце еще и другое знает. Можно было встретить их не так. Надо было знать, что готовится нападение, заранее вывезти из опасной зоны женщин и детишек, по возможности войска подтянуть.

— Слова все это! — с раздражением заметил Маслюков. — Правильные слова, но неуместные сейчас. Факт совершился, фашисты наступают, сил у нас пока мало, и нужно действовать. Ты мне, Андрей Петрович, лучше скажи свое мнение о бойцах, которые бредут по дорогам, сборные пункты ищут.

— Солдаты как солдаты. Напуганные только, подавленные.

— И я так думаю. Бойцы они необстрелянные, неопытные, ошарашенные таким поворотом событий. Может, у некоторых в трудную минуту не нашлось хорошего командира. А многие действительно попали в кольцо и, вырвавшись, не могут найти пристанища.

— Не собираешься ли ты приютить их, комиссар? — спросил Рябов.

— А что? Это даже необходимо. Ведь в сторону фронта, несомненно, идут войска. Представь себе настроение красноармейцев из свежих подразделений, которые видят на дорогах бегущих солдат и только слышат от них: «Разбили, окружили, уничтожили...»

Комдив слушал внимательно и сосредоточенно думал. Потом усмехнулся какой-то своей мысли и достал портсигар:

— Закурим.

Когда задымились папиросы, Рябов продолжал разговор:

— Что, если из людей, задержанных на дорогах, отобрать обученных солдат, проверить их и усилить наши пулеметные и минометные подразделения?.. А остальных — в стрелковые роты.

— Конечно, стоит. — Маслюков в знак одобрения кивнул своей крупной головой. — Воевать же придется, и фашисты не спросят, молодая мы дивизия или нет.

— Ближе к делу, — прервал его полковник, — поручаю это мероприятие политработникам.

— Есть, товарищ комдив!

К вечеру на опушке леса было собрано около двухсот красноармейцев и сержантов, задержанных на дороге. Их разделили на взводы, составили списки, в красноармейской книжке каждого сделали запись о причислении к войсковой части. Комдив решил пока держать этих людей ближе к штабу, чтобы лучше проверить их, выяснить военную подготовку, а затем влить в полки.

Ночь была неспокойной. На северной опушке леса, где в окопах отдыхали задержанные на дороге солдаты, не стихала ружейная стрельба. Началось со случайных выстрелов, которые всех насторожили. Потом пролетел самолет, и из-за дороги кто-то начал бросать в направлении отдыхающих войск ракеты. В сторону ракетчика пустили добрую сотню пуль. Словом, ночь показала, что собранное на дороге пополнение нервничает.

Утром выяснилось: несколько человек убежали, а двух нашли застреленными. Одного, который выстрелил в своего, красноармейцы поймали. Документы его оказались в порядке, в красноармейской книжке — вчерашняя приписка к части. На допросе выяснилось, что он — переодетый фашистский агент.

Задержали и одного сбежавшего ночью.

— Почему дезертировал? — спросил его старший батальонный комиссар Маслюков.

— Я не дезертировал, а ушел, — ответил солдат, прямо посмотрев ему в лицо.

Маслюков достал папироску, закурил и глубоко затянулся. Его задумчивый, спокойный взгляд как бы пронизывал душу солдата и читал, что там делается.

— Ну, расскажи, почему ты ушел? Почему изменил Родине?

Красноармеец поднял потемневшие глаза, губы его задергались.

— Не плакать! — сурово приказал Маслюков.

Пересилив спазму, сдавившую горло, солдат быстро, боясь, что разрыдается, начал говорить:

— Товарищ старший батальонный комиссар, я не изменял Родине. Я хочу воевать по-настоящему. А тут не поймешь, где война. Фронта никакого нету. Фашистов в любом месте жди.

— Ну и что же?

— Как что?! Чего мы тут сидим? Уходить нужно

отсюда, к Минску, где войск наших побольше, где фронт, наверное, есть. И ни в жисть тогда врагу не пройти! А останемся здесь, так они нас разгонят по лесам и по одному перебьют...

Об этом разговоре старший батальонный комиссар Маслюков рассказывал вечером на собрании партийной организации штаба дивизии.

— Люди неправильно понимают обстановку, не знают своих задач, — говорил Маслюков. — Коммунисты должны рассказать бойцам, что фронт — здесь, где мы, что наш долг всеми силами задерживать врага, изматывать его силы, не пропускать немецкую пехоту вслед за танками. Этим временем пополнятся ряды нашей армии. Нужно истреблять диверсантов, шпионов, трусов и паникеров. Наша сила — в организованности, в бдительности, в стойкости.

Очень хорошие, правильные слова. Они глубоко западали в душу каждого еще и потому, что их говорил человек большой храбрости, справедливый, умный, проницательный. Маслюков обладал удивительной способностью — по взгляду человека, по интонации его голоса, по еще каким-то только ему известным приметам определить, что человек что-то утаивает, чего-то недоговаривает, кривит душой. Среди таких людей Маслюков искал врагов и нередко находил.

Был такой случай. Маслюков остановил на дороге группу красноармейцев и разговорился с ними о делах на границе. Бойцы рассказывали о боях, о бомбежках. Старший батальонный комиссар слушал, всматривался в лица солдат. От его внимания не ускользнуло то, что сержант, у которого через плечо висел автомат, смотрел на него с каким-то особым напряжением и старался быть подальше. Глаза этого человека щупали звездочки на рукаве комиссара, прямоугольники в петлицах, добротный ремень с портупеей.

— Кто из вас коммунисты, комсомольцы?.. — обратился Маслюков к красноармейцам и остановил взгляд на сержанте. — Вы, например?..

Сержант с готовностью расстегнул карман гимнастерки и достал коричневую книжечку.

— Кандидат в члены партии, — сказал он, протягивая старшему батальонному комиссару документ.

Маслюков раскрыл кандидатскую карточку, пропитанную солдатским потом, увидел замусоленную фотографию, печать, подпись начальника политотдела; член-

ские взносы уплачены вовремя. Кажется, все в порядке. Но у Маслюкова цепкий глаз. Он обратил внимание, что кандидатская карточка сержанта прошита сверкающей проволочкой из нержавеющего металла, и вспомнил ржавые полоски, сделанные проволочной прошивкой в своем партбилете... Молча возвратил документ и полез в карман за куревом. Сержант настороженно проследил за рукой комиссара, а когда Маслюков вынул «Казбек», кинул любопытный взгляд на скачущего всадника. Старший батальонный комиссар закурил, а затем поднес коробку к самому носу сержанта.

— В Германии таких не видел? — спокойно спросил он. Заметив, как в глазах сержанта метнулась тень страха, Маслюков ловким и сильным движением рук отнял у него автомат.

Сержант попытался выхватить из кармана крохотный пистолет, но бойцы успели скрутить ему руки...

За спиной, в вещевом мешке этого гитлеровского агента обнаружили портативную радиостанцию...

Полковник Рябов одобрил выступление Маслюкова на партсобрании и призвал коммунистов повышать организованность и бдительность.

После собрания большинство работников политотдела во главе со старшим батальонным комиссаром Маслюковым уехали в полки, которые находились на марше.

16

Пятый день шла война...

Уже три раза налетали немецкие самолеты. Воздух раздирал холодящий душу визг сирен, установленных на бомбардировщиках. Взрывы потрясали лес, валили на землю долговязые сосны. Люди прятались в щели и после каждого взрыва тревожно смотрели на свои машины: целы ли?

От работников оперативного отдела Маринин по секрету узнал, что штаб снимается вот-вот, не дождавшись ночи.

Положение весьма опасное. Прорвавшись из района Барановичей, немецкие танки оказались ближе к Минску, чем мотострелковая дивизия полковника Рябова, которой было приказано занять рубеж под Дзержинском и контролировать дороги, ведущие с юго-запада и запада на Минск.

Фашисты подбрасывали свежие силы, и обстановка на фронте с каждым часом усложнялась. Впрочем, нельзя было сказать «на фронте». Фронта как сплошной линии боевых порядков войск пока не существовало, и в то же время он был везде. Бои шли на каждой дороге, в каждом населенном пункте пограничных районов Западной Белоруссии. Случалось и так, что по одной дороге вырывались далеко вперед немецкие танки. Следом за ними отступала советская часть, сдерживая напор пехоты врага и ведя разведку на флангах.

До леса на высоте, где укрывались машины штаба и штабных подразделений, отчетливо доносились отзвуки боя. Они летели с запада, севера, юга и иногда даже с востока. Это заставляло людей еще больше настораживаться.

И вот приказ: «Выводить машины на дорогу!..»

Двигались на восток. Всех угнетало сознание, что не сегодня-завтра здесь будет враг, который смял наши разрозненные части у границы и сейчас спешит дотянуться бронированными кулаками до Минска, Могилева, Смоленска.

Длинная, растянувшаяся на много километров автоколонна, пробиваясь сквозь висящие над дорогой облака пыли, подъезжала к городу Мир. Это тот самый Мир, который в восемнадцатом веке был столицей цыган. Им покровительствовали тогдашние хозяева Мира князья Радзивиллы. Здесь всегда происходили выборы цыганского старшины, или, как его называли, «короля».

Не доезжая Мира, колонна, уткнувшись головой в деревню Песочную, остановилась. Навстречу ей, со стороны Мира, на предельной скорости мчалось несколько десятков машин. Среди них оказались и четыре грузовика с ранеными, которые вел на восток военврач третьего ранга Савченко и с которыми задержался в Мире, чтобы сделать нескольким раненым не терпевшие отлагательства операции.

Встретившись у Песочной с автоколонной штаба дивизии, машины остановились. И тут полковнику Рябову стало известно, что путь вперед закрыт: в район Мира прорвались крупные силы немецких танков и мотопехоты. Дорога на Столбцы перехвачена. Положение осложнялось и тем, что с севера, запада, востока путь колонне преграждал Неман с притоками Уша и Сервеч, ограничивая свободу маневра.

Полковник Рябов сидел в своей легковой машине и,

нахмурив косматые брови, немигающим взглядом смотрел в раскрытую топографическую карту. Перед ним вырисовывалась обстановка — тяжелая, смертельно опасная для наших войск, находящихся западнее Минска. Было ясно, что фашисты наносят один из главных ударов в направлении Брест — Кобрин — Барановичи — Минск. Сейчас их танковые колонны достигли Мира. До Минска осталось сто километров. Сто километров отделяют танковые колонны врага от столицы Белоруссии! А кто знает, какая обстановка севернее Минска? Вчера было известно о серьезном прорыве немецких танков из района Вильнюса. Над Минском занесены две клешни, которые нужно обрубить во что бы то ни стало. Но как обрубить? Какими силами? Кому решать эту задачу? Превосходство в танках, авиации, в численности пехоты на стороне врага.

Дивизии полковника Рябова приказано занять оборону у Дзержинска и прикрывать Минск. Успеют ли полки достигнуть намеченного рубежа? Вероятнее всего, что не успеют. Имеются ли на этом рубеже другие силы?.. Связь со штабом армии нарушена.

Андрей Петрович поднял голову от карты и чуть охрипшим голосом отдал приказание давно стоявшему у открытой дверцы машины офицеру с усталым лицом:

— От Песочной поверните колонну влево к Неману. Командирам полков передайте по радио новый маршрут.

И снова пыльная дорога, частые остановки, тряска на выбоинах.

Впереди — небольшая речушка Мирянка. Когда первые машины загремели колесами по мосту, на колонну налетели немецкие бомбардировщики. Шестерка самолетов сделала заход и начала пикировать на переправу.

Фашисты бросали бомбы с уже знакомыми всем сиренами. После первых взрывов по обеим сторонам дороги внезапно вырос лес винтовок. Это выполнялось распоряжение командира дивизии, который приказал: при налетах не оставлять оружие в машинах, а обязательно брать с собой и стрелять по пикировщикам.

Выстрелы затрещали недружно. После страшного грохота бомбовых разрывов они казались безобидными щелчками. Но это только казалось. После второго, хотя и нестройного, залпа задымился ведущий бомбардировщик. Под восторженные крики солдат он упал за рекой в лесу. Оттуда донесся тяжелый, глухой удар о землю.

17

...Солдаты часто поглядывали на солнце. Быстрее садилось бы! С наступлением сумерек можно будет не крутить во все стороны головой, не наблюдать за воздухом. Осточертели частые налеты бомбардировщиков и истребителей. У всех нервы напряжены до предела. Ведь самолетов не услышишь, когда рядом шумит мотор автомобиля, и своевременно не увидишь сквозь непроницаемые тучи пыли, клубящиеся над дорогой. Поэтому наблюдали не только за воздухом, но и за соседними машинами. Остановится одна — значит, едущие на ней заметили что-то.

Но никто не придал значения тому, что в колонну, ближе к ее голове, с проселочной дороги влились одна за другой четыре автомашины. В них сидели усталые, запыленные солдаты. Впрочем, ничего удивительного. Уже после переправы через Неман колонна выросла вдвое. Людей влекло к ней то, что машины уверенно двигались по маршруту. Каждый понимал — нужно держаться коллектива, действовать сообща. Тогда не так страшны немецкие танки и парашютисты-автоматчики, тогда сподручнее бить переодетых фашистов, заставлять развертывать и принимать бой целые колонны врага.

...Солнце, словно спеша укрыться от пыли, поднятой на дорогах и брошенной в небо, окунулось за горизонт. Наползали долгожданные сумерки, и вместе с ними спадало нервное напряжение, вызванное непрерывным ожиданием бомбежки. Кажется, и машины прошли ровнее, увереннее.

Плавно катилась по дороге «санитарка» военврача Велехова. Следом за ней бойко шла полуторка капитана Емельянова; бакенбарды и усы капитана — серые от пыли, и весь он — серый, измученный.

Один за другим мчались грузовики различных отделов штаба дивизии; в них ехали оперативники, разведчики, артиллеристы, инженеры, связисты, интенданты. Кучно держались машины политотдела, редакции, клуба, партучета. Их возглавляла «эмка», в которой дремал старший батальонный комиссар Маслюков, возвратившийся ночью из полка. Где-то ближе к хвосту колонны шли грузовики с ранеными.

Люба, уже одетая в новое красноармейское обмундирование, сидела в переполненном — семечку негде

упасть — кузове, у борта, возле Ани Велеховой. Аня лежала рядом с тяжело раненным майором, покрытая жакеткой, из-под которой белели бинты. Лицо ее заострилось, было искажено страданиями, глаза закрыты. Люба, усталая, задумчивая, устремив взгляд на далекое зарево пожара, слушала тихий разговор, который велся рядом.

Рассказывал младший политрук Морозов. Слова текли неторопливо, в раздумье и были адресованы главным образом его соседу — молоденькому, щуплому бойцу, руки которого от намотанных на них бинтов напоминали огромные культи.

— Боевое знамя — это, брат, что сердце у человека, — тихо, но внятно говорил Морозов. — Есть у части знамя — будет она жить, если даже все до последнего бойца погибли. Потеряли знамя — нет части. Нет и не будет, пусть уцелел ее личный состав. И никакого прощения никому. Позор и презрение! А чтоб искупили вину за потерю знамени, всех командиров и бойцов рассылают по разным полкам, а номер части навсегда вычеркивают из списков Красной Армии.

— Да-а, — поежился раненый солдат, прижимаясь к спинке кабины грузовика. В его широко раскрытых глазах отражались отблески далекого пожара. — Я под знаменем, — задумчиво произнес он, — присягу воинскую принимал...

Любе представилось это знамя — огромное, тяжелого красного бархата; оно чуть колышется во главе выстроенных для парада войск, к нему по очереди подходят солдаты и клянутся в верности Родине... Подходит Петя Маринин — красивый, стройный, такой, каким видела она его на вокзале в Киеве... Это было всего три недели назад, а кажется — целая вечность. Где он — Петя?..

Не догадывалась Люба, что Петр Маринин едет по этой же дороге, в этой же колонне, метрах в двухстах впереди. Не подозревал и Петр, что Люба рядом с ним. Усталый, он пристроился у кабины грузовика и не заметил, как задремал. Ему приснилось, что колонна выехала на асфальтированную дорогу и машина ровно, без тряски, понеслась вперед. Хорошо ехать. Машине тоже легко, не слышно, как и мотор работает. И вдруг — самолеты! Летят над самой дорогой и строчат по колонне из пулеметов. Петр не может подняться. Кажется, ноги и руки свинцом налились.

— Маринин, Маринин! — услышал он голос Гриши Лоба.

А потом:

— Маринина, кажется, убило...

От этих слов Петр одеревенел. Теперь понятно, почему он не может пошевелиться...

— Маринин, Маринин, ты живой или нет?!

И тут Петр проснулся. Машина стояла, в кузове — ни души, где-то били пулеметы, а над машиной пролетали светлячки трассирующих пуль.

— Маринин! — донесся голос Лоба из-под машины.

Придя в себя, Петр тотчас свалился на землю.

— Где мы? Что делается? — растерянно спросил он.

— Черт его знает! Заехали невесть куда — вдруг со всех сторон стрельба. Минут пять как бьют. Ждем, что начальство решит. Наверно, броневик вперед послали...

Лоб и Маринин, припав к земле, настороженно осматривались. Поле убегало от дороги в густую, непроглядную темень. На фоне неба впереди колонны чернела хребтина не то далекого леса — лиственника, не то близкого кустарника. Ластящийся к земле легкий ветерок дышал в лицо запахами чебреца, тротила и перегоревшей земли.

Огонь прекратился. Впереди загудели моторы, и все бросились к машинам. Но только голова колонны тронулась, как с трех сторон опять раздалась трескотня пулеметов и в воздухе замелькали трассирующие пули. Машины остановились. Обстрел снова прекратился.

От головы колонны прибежал взволнованный старший батальонный комиссар Маслюков.

— За мной! — скомандовал он Маринину и Лобу.

— А что случилось? — заволновался Лоб.

— Черт его знает! — Маслюков зло, раздраженно выругался. — Броневик и передние машины куда-то исчезли. Ни комдива, ни начальника штаба, ни оперативного отдела...

Маслюков был прав. Машины части отделов штаба дивизии вместе с машинами командования исчезли. Остались подразделения саперов, связистов, грузовики политотдела, интендантства, финчасти и те, которые пристали к колонне в пути. Всего — около трехсот автомобилей. Колонна растянулась на несколько километров.

Начали искать шофера и людей с машины, оказавшейся в голове. Требовалось выяснить, куда ушла пе-

редняя часть колонны. Но тщетно. Из четырех передних машин исчезли шоферы и солдаты. Водитель пятой машины ответил сонным голосом:

— Я ехал за передней машиной, мое дело маленькое. Спрашивайте с передних...

Начали ориентироваться по карте. Слева колонны лесок, а за лесом, как говорила карта, болото и речушка.

— Правильно, слышно, как лягушки кричат.

Справа — высота.

— Точно. Вон на ней табун лошадей на фоне неба выделяется.

Впереди кустарник и небольшой лес. У леса поворот дороги к деревне Боровая.

— Не проверишь. Впереди ничего не видно.

— Может, эти четыре машины увели нас с маршрута — с дороги на Дзержинск? — высказал предположение Маринин и ткнул пальцем в карту. — Зачем? Нужно узнать у тех, кто ехал на передних машинах...

Но куда делись люди с передних машин? Рождалась страшная догадка, что колонну завели в ловушку...

Солдаты тем временем сидели в кюветах, покуривали, некоторые тут же, у колес машин, на всякий случай рыли ячейки. Многие спали, измотанные бессонными ночами и тяжелым днем.

Из хвоста колонны донесся шум, выкрики, ругань. Оттуда шла группа людей.

— Что вы, так-разэдак, разлеглись под колесами? Почему люди спят? — гремел сердитый голос из подходившей группы.

— Вон начальство, у него спрашивайте, — ответил кто-то из солдат, указывая на командиров, собравшихся вокруг Маслюкова.

— Кто старший?! — грозно спросил полный высокий мужчина с автоматом через плечо. На его петлицах разглядели четыре шпалы. Полковник. Вместе с полковником подошли два батальонных комиссара с орденами на груди, майор, капитан и еще человек восемь командиров. Все с автоматами.

— Я старший, — выступив вперед, сказал Маслюков, присматриваясь к подошедшим.

— Почему беспорядки в колонне?!

— Выясняем обстановку, товарищ полковник.

— Что вы путаетесь в трех соснах? Продвигаться нужно!

— Как только заводим моторы, кто-то открывает огонь.

— «Кто-то, кто-то»! А кто? — раздражался все больше полковник. — Вот что, товарищ подполковник...

— Я старший батальонный комиссар, — поправил полковника Маслюков.

— Тем более... Я буду распоряжаться, а то мы до утра здесь простоим, пока нам немцы в хвост штык не воткнут... Слушай мою команду!..

— Позвольте, — сделал шаг вперед Маслюков. — Почему вы командуете в чужой колонне? Кто вы такой?

— Во-первых, товарищ старший батальонный комиссар, колонна состоит не только из ваших машин. Эти чьи, например? — Полковник указал на передние грузовики.

— Эти?.. Не имеет значения, — сухо ответил Маслюков, скользнув взглядом по номерному знаку ближайшей машины и убедившись, что она не принадлежит к дивизии.

— Имеет значение, — многозначительно ухмыльнулся полковник и начал рыться в нагрудном кармане своей гимнастерки. — А во-вторых, я уполномочен штабом армии. Вот документы.

В это время откуда-то из-за машины вынырнул высокий, тонкий, как жердь, младший лейтенант и, подбежав к полковнику, бойко отрапортовал:

— Товарищ полковник, ваше приказание выполнено. Раненые красноармейцы и семьи начсостава эвакуированы в Минск.

Появление адъютанта полковника стерло зародившиеся вначале сомнения. Однако Маслюков взял протянутые ему документы. Документы были в порядке.

— По ма-ши-на-ам! — зычно и протяжно скомандовал полковник.

Из кюветов, из-под машин начали вылезать солдаты и поспешно карабкаться в кузова, гремя винтовками, противогазами, котелками. То там, то здесь — в кювете или под колесами грузовиков — оставались уснувшие. Их тормошили, расталкивали, сдобряя толчки шутками:

— Подвинься, чего разлегся!

— Приехали, вставай!

— Не храпи, дьявол, немца накличешь!..

Было заметно, что все подбодрены решительной командой и уверенным голосом полковника, который между тем продолжал распоряжаться:

— Интервал триста метров, по одной машине, первая машина — вперед!

К удивлению Маслюкова, Маринина, Лоба, в первых машинах оказались люди, в кабинах сидели шоферы. Где же они были раньше?

Один за другим уходили в ночь грузовики. Колонну больше не обстреливали. Уехала пятая машина. Полковник и командиры, прибывшие с ним, строго следили, чтобы преждевременно не тронулся с места ни один грузовик.

Вдруг впереди затрещали выстрелы, раздались вопли, вспыхнул свет фар. Яркая полоса света вырвала из темноты бегущих людей.

Грянул пушечный выстрел, свет потух, и вместо него костром загорелась машина.

Снова онемело, застыло все в колонне. Тысячи глаз напряженно устремились вперед, на пылающий грузовик.

— Отставить заводить моторы! — скомандовал с металлом в голосе старший батальонный комиссар Маслюков. — Снять пулеметы! Окопаться...

Команду эту передавали от машины к машине. Услышав ее, полковник забеспокоился:

— Кто приказал?! Очередная машина, вперед!

Но водители видели пылающий впереди костер. Боясь, что их машины может постигнуть такая же участь, и получив приказ «своего» комиссара, они решили уйти от глаз крикливого незнакомого полковника. Кабины грузовиков опустели.

Из темноты к колонне приближалась человеческая фигура. Через минуту перед Маслюковым, Марининым, Лобом и другими собравшимися в голову колонны командирами и политработниками стоял окровавленный красноармеец. Из рассеченной осколком головы хлестала кровь.

Пока бойца перевязывали, он хриплым, простуженным голосом рассказывал о случившемся:

— ...В первых четырех машинах были фашисты. У танков своих остановились, гады! А когда мы подъехали, вскочили на подножки нашей машины, наставили автоматы, кинжалы и шипят: «Ни звука, слезайте, оружие оставляйте в кузове». Готовились, гадюки, следующую машину встречать. А наш шофер молодец: как дал газ — и в сторону. Мы стрелять начали. Тогда танк, ко-

торый стоит посреди дороги, выстрелил из пушки. Многих побило, а машина горит...

— А что на это скажет полковник? — недобро спросил Маслюков, оглядываясь вокруг.

Но... полковник со своей свитой куда-то исчез. Командиры недоуменно и встревоженно переглянулись. Маслюков приказал:

— Всем разойтись по колонне. Проверить готовность пулеметов. Занять круговую оборону... Кто знает артиллерию?

Отозвался Маринин, который перед тем, как попасть в военно-политическое училище, был курсантом полковой артиллерийской школы.

— Сколько орудий в колонне?

— Видел четыре пушки. Может, в хвосте еще есть, — ответил Петр.

— Проверь и прикажи приготовиться на случай нападения танков. Через полчаса собраться у моей машины.

18

Зримая, непосредственно ощутимая опасность не так страшна, как неизвестная. Только не допустить паники в минуту, когда враг — вот он, вот!.. Не допустить, чтобы кто-нибудь побежал от колонны, остановить первого же, бросившего вопль малодушия. Солдаты должны чувствовать, что не каждый из них сам по себе, а что есть железная, направляющая рука, есть командиры, которые знают, как нужно поступить даже в такой трудной, страшной своей непонятностью ситуации.

И паники не допустили. Вовремя, без истерики поданная команда, приказание, близость командиров сделали свое дело. Колонна начала готовиться к обороне. Надо было переждать ночь.

К тому же это — пятые сутки войны. Бомбежки и обстрелы, слухи о прорывах и окружениях, немецкие диверсанты и ракетчики уже были не в диковинку.

Командиры, политработники, интенданты разошлись по колонне.

Петр нашел машины, буксировавшие пушки. Из кабины одного грузовика вышел младший лейтенант и представился:

— Младший лейтенант Павленко. Временно командую второй батареей семьсот пятьдесят четвертого полка!

Маринин сообщил ему, что прислан старшим в колонне начальником, и приказал собрать командиров орудийных расчетов. Через несколько минут артиллеристы узнали, что ожидается нападение немецких танков.

Младший лейтенант Павленко взял инициативу в свои руки. Он указал сержантам места огневых позиций, решив поставить две пушки впереди колонны, а две — справа. Слева же колонну защищали лес и болото...

Вскоре все разосланные Маслюковым по колонне опять собрались у «эмки» начальника политотдела. Отошли на обочину дороги и улеглись на траве. Начали докладывать Маслюкову о проделанном. Младший политрук Полищук Сергей Иванович, помощник начальника политотдела по работе с комсомольцами, белозубый, чернобровый красавец, рассказал, что люди, пришедшие с полковником — отличить их легко по автоматам и брезентовым ремням на гимнастерках, — заглядывают в кузова машин, распространяют панические слухи. Полищук подозревает, что все они переодетые фашисты, бывшие белогвардейцы и сейчас присматриваются к нашему оружию, оценивают наши силы...

У пушки, которую недалеко окапывали артиллеристы, послышался шум.

— Поставь орудие на левую сторону! — требовал чей-то голос.

— Зачем? По воробьям стрелять? — Это возражал сержант, командир орудия. — Со стороны леса танки не подойдут, товарищ младший лейтенант.

— Не рассуждать! От имени полковника из штаба армии приказываю: сейчас же перетащить орудие на левую сторону! Я адъютант полковника!

Младший политрук Лоб торопливо поднялся и побежал к орудию.

— Ты кто такой? — грозно спросил он и, не дожидаясь ответа, твердо приказал: — Руки вверх! Брось автомат!

Младший лейтенант испуганно вытаращил глаза, скосил их на поднятый пистолет. Вдруг он шарахнулся в сторону, и железная дробь автоматной очереди разбудила задремавшую колонну.

Крутнулась земля под ногами Лоба, стала дыбом вместе с колонной, с мечущимися рядом людьми и тупо ударила по голове...

А младший лейтенант продолжал стрелять. Веером

разлетались стремительные светлячки трассирующих пуль, кусали борта машин, секли стекла кабин, уносились в звездную глубину неба.

Лежал на обочине дороги и бился головой о пересохшую землю младший политрук Лоб. Бросились в кювет, в траву все, кто был рядом. А «адъютант» «полковника» все стрелял и быстро пятился в поле, надеясь растаять в предрассветных сумерках. Вот он уже минул огневую позицию орудия...

Сержант, ловкий и крепкий парень, улучив момент, когда «адъютант» повернулся к нему боком, подхватился на ноги и со всего размаху ударил его прикладом винтовки по голове. Автомат захлебнулся...

К месту схватки подбежали Маринин, Маслюков, бойцы...

Маринин дрожащими руками расстегнул набухшую от крови гимнастерку Лоба, а тот в беспамятстве захлебывался в собственной крови, легшей темной дорожкой между уголком рта и подбородком.

— Не надо, товарищи... Не поможет... — вдруг прошептал он. — Жене... Ане передайте в Полоцк, пусть сына назовет Гришей... Бейте фашистов... Отомстите...

Его мокрые, в запекшейся крови губы еще что-то шептали, но разобрать слов уже было нельзя. Лоб раз-другой вдохнул воздух, и глаза его покрылись смертной мутью, застыли, а голова безвольно свалилась набок*.

Молча стояли вокруг товарищи, потрясенные этой неожиданной, нелепой смертью. Не было больше беспокойного, горячего парня Гриши Лоба — хорошего товарища, настоящего коммуниста...

Подошли к убитому «адъютанту». Сержант уже успел расстегнуть его гимнастерку.

— Полюбуйтесь, — встретил он подошедших горькими словами, — полюбуйтесь на этого «адъютанта».

На земле лежал фашист-эсэсовец. Под гимнастеркой оказалась черная танкистская форма. В петлицах бле-

---

* Младший политрук Лоб Григорий Романович погиб на рассвете 28 июня 1941 года близ деревни Боровая (примерно в 45 километрах юго-западнее Минска). Шестнадцать лет спустя автору этой повести удалось узнать, что жена Григория Лоба — Анна Иосифовна Лоб, эвакуировавшаяся вместе с другими семьями военнослужащих из местечка Ивье Барановичской области, в ночь на 24 июня 1941 года добралась до деревни Теплухи, что в пяти километрах от города Осиповичи, и 25 июня родила там сына, которого назвала Григорием. Сейчас семья Лобов живет в городе Полоцке.

стели металлические черепа над скрещенными костями. На груди — фашистский знак. В карманах — немецкие документы и деньги.

— Ясно, что теперь делать? — сурово спросил Маслюков.

— Ясно.

И все, кто был здесь из командиров и политработников, захватив с собой по два-три солдата, пошли вдоль колонны, чтобы уничтожить переодетых гитлеровцев, которые хотели разоружить колонну хитростью, пытались не дать людям организоваться для отпора. Узнавали их по автоматам, по брезентовым ремням на гимнастерках. Без предупреждения стреляли в упор. На ходу говорили с солдатами, объясняли им обстановку.

Не удавалось найти «полковника» — «представителя штаба армии». Он как в воду канул.

19

Время шло. Приближался рассвет шестого дня войны. Темень ночи делалась синеватой и не такой густой. И вместе с этим росло напряжение людей. Готовились к бою.

На случай, если фашисты упредят готовившуюся на них атаку и бросят на автоколонну танки, вырыли щели, одиночные ячейки, приготовили связки гранат. Нескончаемая цепь окопов тянулась по обеим сторонам дороги. В некоторых из них теснились женщины и ребятишки. Брустверы ощетинились стволами винтовок и пулеметов.

Машины укрыть было некуда, так как враг — сзади, спереди и справа. Слева лес, обрамленный глубоким рвом, а за ним болото.

Старший батальонный комиссар Маслюков и младший политрук Маринин, держа наготове пистолеты, шли вдоль колонны в ее хвост — один по одну сторону машин, второй по другую. Напоминали людям, что скоро в атаку, подбадривали, отдавали приказания пулеметчикам — в атаке не отставать от цепи... И все надеялись столкнуться с «полковником».

Маслюков — суровый, собранный, непохожий на того добродушного насмешника, каким многие знали его совсем недавно; даже походка комиссара стала какая-то по-особому энергичная, а взгляд — властный, повелевающий. Маслюков и не догадывался, что уже само его

присутствие в автоколонне, попавшей в хитро расставленную ловушку, придавало людям силу и уверенность. Но наверняка никто не догадывался, что он — этот крупный мужчина с твердым, суровым взглядом — задыхался от злости на самого себя; ведь это он хоть ненадолго, но позволил переодетым фашистам распоряжаться в колонне. Может, поэтому так мучительно хотелось ему лично, своей собственной рукой расправиться с тем «полковником».

Петр Маринин в другое время был бы очень польщен тем, что начальник политотдела дивизии из всех офицеров в колонне взял себе в помощники именно его. Но недавняя смерть Гриши Лоба и то напряжение, которое, кажется, даже в воздухе витало и мешало дышать полной грудью, та угарно-тяжелая атмосфера ожидания боя с настоящим, стреляющим по тебе врагом и все-таки боя, как в глубине души полагал Петр, ненастоящего — все это заставляло думать о другом, держать сердце и нервы в кулаке, настороженно приглядываться к окружающему. Петр помнил слова старшего батальонного комиссара Маслюкова, сказанные им недавно на партийном собрании, что фронт там, где мы, что главное для нас то, что мы сейчас делаем, сию минуту. Значит, и здесь фронт. Фронт — это мы. Однако предстоящий бой, как и вся эта обстановка, в которую попали многие сотни людей, казался ему нелепостью. И Петр внутренне содрогнулся от таких мыслей. Стало не по себе, что и многие другие (а это точно!) думают так же, как и он. Всем страшно погибнуть в этом ненастоящем бою с каким-то случайно встретившимся на пути отрядом фашистских диверсантов-десантников, страшно безвестно остаться лежать убитым на этом зловещем поле, в то время как автоколонна при первой же возможности устремится на восток, туда, где наверняка уже появилась стабильная линия фронта. И что бы там комиссар ни говорил, но фронт — впереди, где-то на старой границе с панской Польшей... Ах, нет, старая граница уже километрах в семи позади! Значит, фронт под Минском, чего тут сомневаться. И надо скорее вырываться из этого пекла, скорее туда, к фронту, и там уже стоять насмерть.

Да, но чтобы вырваться, надо идти в бой, в атаку, надо кому-то погибнуть и, может быть, остаться несхороненным лежать под открытым небом, под знойным солнцем. И это — необходимость, жестокая и ужасная

закономерность войны. И нечего здесь распускать слюни, прикидывать, где бой настоящий, а где нет. Фронт — это мы! Здесь, на этом фронте, погиб сегодня чудесный парень Гриша Лоб, разоблачив смертью своей переодетых фашистов и сохранив этим, может, десятки жизней наших людей...

Значит, чтобы ударить по врагу как следует и вырвать из ловушки колонну, надо приказать идти в атаку всем, а командирам и политработникам — впереди...

— Маринин! — окликнул Петра Маслюков, оторвав его от мыслей, которые после сумятицы в голове начали приобретать стройное течение.

Когда Петр перешел на другую сторону колонны, старший батальонный комиссар сказал ему:

— Надо проследить, чтоб народ из приблудных машин не отсиживался в колонне, когда в атаку поднимемся. Видишь, наиндючились как! — И старший батальонный комиссар указал на группу бойцов, молча куривших у грузовика. — Небось думают: влипли с этой колонной, сами бы проскочили. На таких надежды мало.

Петр с восхищением посмотрел на Маслюкова. Ведь начальник политотдела говорил почти о том же, о чем он, Маринин, только сейчас размышлял...

Когда пошли дальше, Петр неожиданно столкнулся у санитарного автобуса с отцом Ани — военврачом Велеховым. Поблекший, сникший, с блуждающим взглядом, он не был похож на того недавнего, чопорного и гордо носившего себя Велехова.

— Здравствуйте, мой молодой друг, — первым поздоровался он с Марининым каким-то болезненным голосом.

Петр взял под козырек и хотел было пройти дальше, но Велехов придержал его за руку повыше локтя.

— Не дай бог, чтоб Аня моя в такую заваруху попала, — со вздохом вымолвил он, опасливо взглянув по сторонам своими темными, чуть выпученными глазами. — Как думаете, добралась она до Минска?

— Конечно, добралась, — твердо ответил Маринин, хотя далеко не был убежден в том, что говорил. Ему просто было жаль этого растерявшегося человека и неудобно за него.

— А что толку, — хмуро бросил из автобуса шофер, который раздвигал там на полу ящики, узлы, чемоданы, готовя, видимо, «убежище» для начальства. — Говорят, десант в Минске.

— Болтают, а вы повторяете! — зло сказал Петр и, боясь отстать от Маслюкова, пошел вдоль колонны.

Но тут же опять остановился. Он услышал, что шофер — молодой широкогрудый солдат, стоя у своей полуторки, кому-то говорил:

— Товарищ капитан, ваш окоп готов...

— Поглубже делай, — ответил из кабины притворно-сонный голос. — Чертовски голова болит...

«Капитан? — удивился Маринин. — Неужели в колонне есть капитан, который отсиживается в машине, когда вот-вот в атаку?» И он заглянул в кабину полуторки. Встретился с вызывающе-враждебным взглядом мужчины с усиками и бакенбардами. На нем была замусоленная солдатская гимнастерка без знаков различия, измятая пилотка. Это был капитан Емельянов, тот самый Емельянов, который в Ильче грозился пистолетом военврачу Савченко и обвинял его в том, что он «сеял панику в близком тылу Красной Армии».

Но младший политрук Маринин не был знаком с этим капитаном. Правда, видел его несколько раз в колонне — бравого и подтянутого...

Зло сплюнув, Петр пошел дальше. С горечью и омерзением думал о том, что в жизни иные подделываются, играют, маскируются словом и позой, создают видимость. А здесь, когда рядом смерть, все слетает — остается то, что есть. Вот и капитан этот, да и Велехов тоже — тут они настоящие, без подделки — жалкие и трусливые.

А ведь всем было страшно. Очень страшно оттого, что не мы, а фашисты наступают, что не враг, а мы отходим в глубь своей территории. И пока непонятно многое. Почему так случилось? Но сбросить с себя командирскую форму, спрятаться в кабину?.. Как же могло такое прийти в голову здоровому человеку?

Петр как бы внутренним взором оглянулся вокруг себя. Да, все-таки кое-кто поддался панике. Но это одиночки, те, которые, может, в силу обстоятельств оторвались от коллектива — от своих частей, да такие, как этот капитан с бакенбардами, — трусы и шкурники. Остальные — армия настоящая, советская. Каждый готов повиноваться приказу, готов идти на любое испытание бок о бок с товарищами, хотя всем очень трудно.

— Чего отстаешь? — недовольно спросил Маслюков, когда Маринин нагнал его.

— Да там... на суку одну наткнулся, — хрипло отве-

тил Петр, — сбросил форму командира Красной Армии! А вместе с капитанской гимнастеркой небось и партбилет выбросил...

— Сейчас все дерьмо всплывает на воду, — угрюмо ответил Маслюков. — А не знаешь, откуда этот капитан? Не из нашего штаба?

— Не знаю...

— Ладно, разберемся потом. Вон у машин, где раненые, мелькнул, кажется, тот тип — «полковник». Пошли скорее.

«Полковник», накинув на себя красноармейскую шинель, действительно бродил возле раненых. И причиной этому был... младший политрук Морозов.

Прослышав, что в колонне появились представители штаба армии, Морозов случайно наткнулся на «батальонного комиссара» из свиты «полковника» и по секрету сообщил, что он везет с собой знамя танковой бригады, которое ему приказано доставить в штаб дивизии. «Батальонный комиссар» потребовал немедленно передать знамя ему, разумеется, под расписку и, когда Морозов заколебался, побежал разыскивать «полковника».

А затем по колонне пополз слух, что «представители штаба армии» — переодетые фашисты. То там, то здесь начали раздаваться выстрелы. Вскоре младший политрук Морозов увидел на обочине дороги убитого знакомого «батальонного комиссара», разглядел эсэсовскую форму под красноармейским обмундированием. Поеживаясь от мысли, что он чуть самолично не передал врагу святыню, сердце бригады, Морозов достал из противогазной сумки знамя и спрятал его на своей груди под гимнастеркой.

Но «полковник» уже знал о младшем политруке с перебинтованной головой и выжидал удобного случая.

Младший политрук Морозов, приметный среди других ходячих раненых по огромной белой повязке на голове, руководил отрывкой щелей. Часть щелей была готова, и в них снесли с машин тяжелораненых. Работали все. Люба Яковлева уже успела натереть на руке водяную мозоль. Она приглядывалась ко всему с любопытством и, наверное, была чуть ли не единственным человеком в колонне, который не понимал серьезности сложившейся обстановки.

Держась поближе к Савченко, Люба то и дело донимала его вопросами или делилась впечатлениями.

Вот и сейчас... Ночь поблекла, потускнели на небе звезды, и стала отчетливо просматриваться уходящая вправо и влево, в предрассветную мглу, цепочка окопов. Глядя то на окопы, то на полыхающие где-то в стороне вспышки ракет, прислушиваясь к грому отдаленной канонады, Люба, толкнув локтем стоящего рядом Савченко, восторженно прошептала:

— Как интересно, Виктор Степанович...

— Вы сумасшедшая! — сухо ответил ей Савченко.— Это не война, а черт знает что! — Он забрал из ее рук лопатку и направился к роющим землю солдатам.

Люба еще немного постояла, а потом кинулась вслед за хирургом и тут же натолкнулась на вынырнувшего из-за машины «полковника» — переодетого диверсанта.

— А! Что?! — «Полковник» испуганно шарахнулся в сторону, уронил накинутую на плечи красноармейскую шинель, схватился за автомат.

— Здрасте!.. — Люба стрельнула глазами в «полковника». — Спрячьте свою пушку! — И отвела от себя его автомат.

— Ты что, слепая? — ворчал тот, поднимая шинель и стараясь скрыть бившую его дрожь.

— Только на один глаз. А вторым вижу... — Хохотнув, Люба соскользнула в щель, на дне которой лежала Аня Велехова, зажгла электрический фонарь, подаренный ей кем-то из раненых.

— Пить... пить, — шептали черные, потрескавшиеся губы Ани.

Люба присела к девушке, отстегнула от ремня флягу. Сделав глоток, Аня открыла глаза, страдальчески посмотрела на Любу.

— Спасибо тебе... — зашептала она. — Ты хорошая... а я помру. И мама умрет, если узнает... Передай папе... Ты не знаешь моего папу? Он красивый такой, большой... Военврач Велехов... Ох, если б был папа здесь, он бы меня спас...

— Не надо говорить, тебе вредно. — Люба часто заморгала глазами, сдерживая слезы.

— Мне уже все равно... — тихим, покорным голосом ответила Аня, и в уголках ее губ, в маслянистой сини глаз затрепетала смертная тоска. — А ты его... любишь очень?

— Кого?

— Петю... Маринина?..

— Да-а... Очень люблю.

— Я его тоже полюбила... Первый раз в жизни полюбила... — Голос Ани утих.

— А он?! — Люба прижала к груди руки, чувствуя, как дробно застучало сердце. — А он?..

Но Аня не отвечала.

— Виктор Степанович! — в ужасе закричала Люба, выскочив из щели. — Скорее сюда! Она... С ней плохо!..

А дальше Люба не помнила толком, что и как произошло. У машин раздался револьверный выстрел, и тотчас там началась свалка. У самых ног Любы шлепнулась кем-то брошенная граната. Она с шипением завертелась на земле и... соскользнула в щель, где лежала умирающая Аня.

Ужасный взрыв в щели бросил Любу на землю...

Случилось все неожиданно. Старший батальонный комиссар Маслюков, заметив «полковника», ускорил шаг, шепнув Маринину, чтоб тот охранял его сзади. В это время к Петру присоединился коренастый, с бледным актерским лицом мужчина в военном, без знаков различия. В его правой руке был зажат пистолет.

— Зря ходишь один, — безразличным тоном произнес военный. — За переодетого диверсанта могут принять.

— Вот «полковника» этого нужно... — Петр указал глазами вперед.

— Да что его проверять! — раздраженно ответил попутчик. — В Барановичах квартиры наши рядом были...

«Неужели и он фашист?» — похолодел Маринин. И оттого, что сейчас нужно было выстрелить в лицо этому человеку, по спине забегали мурашки.

Но как выстрелить? Наган Маринина находился в его левой руке, а в правой — саперная лопатка, которую некстати подобрал недавно на дороге. И только Петр намерился незаметно перехватить оружие в правую руку, как увидел, что Маслюков настиг «полковника» и поднес к его голове пистолет. Человек, шагавший рядом с Марининым, словно наткнулся на стену. Он метнул взгляд на Петра и догадался, что тот понял его мысли, уловил его страх, разоблачил. Маринин, заметив, как дрогнула у его попутчика рука с пистолетом, стремительно отскочил в сторону и со всей силой замахнулся лопаткой. Но человек ловко увернулся от удара, кинулся за ближайшую машину, в секунду успев выстрелить в Маринина и бросить гранату в Маслюкова, который уже расправился с «полковником».

Маринину повезло: взвизгнув над ухом, пуля не попала в него. И он, ослепленный яростью и чувством опасности, так и не успев перехватить в правую руку туго взводившийся пистолет, настиг своего противника за грузовиком и с остервенением рубанул его лопаткой по черепу...

В это время ахнул взрыв гранаты, оборвавший жизнь славной девушки Ани Велеховой... В колонне все ожило.

— Немцы! — испуганно закричал кто-то из солдат.

На Маринина и Маслюкова тотчас же набросились. Миг — и Петр был сшиблен наземь.

— Разойдись, дай стрельну в заразу! — кричал кто-то, загоняя патрон в патронник.

— Стой, хлопцы, не стреляй! — Маринин, закрывая руками от ударов лицо, старался говорить спокойно. — Посмотрите сперва, кого я убил...

Красноармейцы расстегнули на убитом гимнастерку. Под ней — уже знакомая многим черная эсэсовская форма...

В том месте, где набросились на Маслюкова, продолжалась свалка.

— Отойди, дурак, это начподив наш! — вопил кто-то.

— Маринин!.. Сюда! — звал на помощь Маслюков.

Когда Петр подбежал к Маслюкову, его уже поставили на ноги, с виноватым видом отряхивали.

— Сгоряча не признали, товарищ старший батальонный комиссар! — оправдывался кто-то из бойцов.

И тут на Петра вихрем налетела Люба. Она услышала, как Маслюков назвал знакомую фамилию, и, не опомнившись еще от ужаса, какой охватил ее после взрыва гранаты в щели, где лежала Аня, кинулась искать Петра. Увидела его среди солдат, растолкала их и бросилась к нему на шею.

— Петька! Петенька!.. — В эти слова она вкладывала и радость встречи, и горечь пережитого, и все то, что переполняло ее сердце. Невольно брызнули слезы.

А Петр, не успев даже осмыслить, что произошло и почему повис у него на шее этот маленький солдатик в новом обмундировании, вдруг узнал знакомый, заставивший встрепенуться сердце голос, узнал мелькнувшие перед его лицом такие родные глаза и понял, что нашел наконец Любу. Ошпаренный внезапно свалившейся радостью, вытолкнувшей из груди все другие чувства — страх, который испытал в схватке с дивер-

сантом, нечеловеческое напряжение, — он ошалело целовал Любу в глаза, в нос, в губы и шептал что-то глупое, ненужное и трогательное.

Опомнился, когда рядом уже не было Маслюкова, а от головы колонны донеслась его команда: «Приготовиться к атаке!» В это время в воздухе зашуршало и недалеко от машин ухнул снаряд, второй... Все, кто был вокруг, кинулись к окопам. Петр тоже подтолкнул Любу к кювету, где военврач Савченко перевязывал раненого и где сидел, ожидая Петра, Морозов.

Люба и Петр не знали, о чем говорить, потому что сказать надо было очень многое. И еще не давала сосредоточиться, собраться с мыслями команда: «Приготовиться к атаке». Петру надо было уходить. И он уже сказал Любе, что после боя разыщет ее и они будут вместе.

Но только Петр поднялся, чтобы бежать в голову колонны, как увидел капитана Емельянова.

— Меня ранило! — истерично закричал Емельянов, подбежав к Савченко и зажимая рукой окровавленное плечо.

— Вижу, товарищ красноармеец, садитесь, — ответил Савченко.

— Я капитан, — уточнил Емельянов, позабыв от страха, что на нем нет знаков различия.

— А вот этого не вижу, — сухо проговорил Савченко, глянув в его посеревшее, с трясущимися губами лицо.

— У него баки заменяют шпалы в петлицах, — пошутил младший политрук Морозов.

И только теперь Петр обратил внимание на Морозова.

— Витька! И ты здесь?

20

Оказывается, не так легко развернуть в атаку людей, растянувшихся вместе с автоколонной на несколько километров. Проще было построиться в боевой порядок тем, которые находились в голове колонны, ближе к противнику. Красноармейцам же из самых задних машин, чтобы стать в общую цепь, пришлось подаваться вправо километра на два.

Однако люди, держа локтевую связь, развертывались дружно. И тут случилось непредвиденное. Справа,

километрах в двух от дороги, паслись лошади. Их заметили давно. Но никакого подозрения они не вызывали, хотя ночью с той стороны тоже кто-то стрелял по колонне. И сейчас, когда бойцы из задних машин, чтобы развернуться для атаки, поравнялись с лошадьми, во фланг им ударил пулемет. Внезапность ошеломила людей, и они, не обстрелянные, не бывшие в бою, побежали в направлении передних машин, начав свертывать цепь.

— Ложись! — что есть мочи закричал Маринин, которого Маслюков послал на правый фланг обеспечивать атаку. Вместе с младшим политруком Марининым пошел и раненый Морозов.

— Ложись! — передавалась по полю команда.

Красноармейцы залегли.

Маринин вырвал из рук лежавшего рядом солдата связку гранат и, прикрикнув на Морозова, чтоб лежал на месте, пополз к высотке, где метались испуганные стрельбой лошади.

«Для маскировки приколоты», — догадался Петр.

Действительно, вскоре он заметил темнеющую массу легкого танка, а на ней мигающий светлячок — вспышки выстрелов.

Лошади теперь укрывали Маринина от глаз и огня противника. Пользуясь этим, он привстал и стремительно перебежал к ним. Когда упал, ближайшая лошадь испуганно всхрапнула, метнулась в сторону и сорвалась с прикола. Петр прижался к земле и увидел фашистский танк с черным крестом на башне совсем рядом — в десяти метрах. И все так просто. А враг представлялся каким-то грозным, непонятным. И хотя Петр уже видел солдат в мундирах темно-пепельного цвета, когда с лейтенантом Баскаковым ездил на броневике в разведку, хотя сталкивался с переодетыми диверсантами, ему казалось, что все это не то и не так, как должно быть. А здесь — черный, зловещий крест на броне. Это враг настоящий, фашисты могут вот-вот заметить его, а может, уже заметили и приникли к прицелам. Но пулемет бьет в сторону, туда, где залегли наши.

Петр чувствовал, как бешено колотится его сердце, как напряглось все тело, а правая рука намертво зажала связку гранат. Одна только связка! Метнешь под гусеницу — танк будет стрелять с места, ударишь по башне — гусеницы тоже для солдат страшны.

Над головой пропело несколько пуль.

«Еще свои убьют!» — кольнула неприятная мысль.

Одна лошадь вдруг вздыбилась, потом грохнулась на землю. Пуля попала ей в голову. Маринин переполз к затихшей лошади и оттуда заметил: сзади танка следы костра — две рогатки из дерева, перекладина, пепел. Рядом — бачок из-под горючего.

«Дрова соляркой поливали», — догадался Петр.

Башня танка повернулась, и Петру уже не были видны вспышки пулемета. Воспользовавшись этим, он быстро подполз к самому танку. Броня мелко дрожала от неугомонного клекота пулемета. Поднял бачок, взболтнул.

«Хватит фашистов напоить». Торопливо снял сапог, сдернул с ноги портянку и надел сапог на босу ногу. Все это делал будто во сне, еле сдерживая озноб, в котором билось его тело. Было страшно. Очень страшно!.. Но танк стрелял, а там гибли люди... Портянку обильно полил горючим, а остальное выплеснул на щели в броне — жалюзи, под которыми находился мотор. Сверху положил портянку и зажег спичку. Как взрыв, вспыхнуло пламя.

Маринин отбежал от горящего танка и с ожесточением метнул в башню, в открывшийся люк, связку гранат.

На востоке все больше разливался багрянец, загорались кромки облаков, расступались сумерки.

— В атаку, вперед! — пронеслась команда.

— В атаку-у!.. — повторил Петр Маринин, вскакивая с земли. Вскоре он уже был рядом с Морозовым, впереди цепи.

После того как поджег немецкий танк, он был переполнен чувством, похожим на озорство и злобную радость. Ему казалось, что с ним теперь ничего не случится, что самое главное, трудное, опасное он уже сделал и новые трудности нипочем. Что-то подобное испытывает только что побывавший в проруби человек, и второй раз ему уже не так страшно окунаться в ледяную воду.

— Ур-р-а! — кричал Петр, не узнавая своего голоса, но радуясь, что ему повинуются.

Вся масса людей, обозленная, остро ощущающая каждой клеткой тела опасность, ринулась вперед. Неотвратимость схватки с врагом заставляла до скрежета зубов, до боли напрячься каждый нерв, каждый мускул,

С побледневшими, перекошенными от напряжения лицами, со страшными глазами они неслись, как горная лавина. Каждый чувствовал, что его жизнь зависит сейчас от его силы, ярости, смелости...

Маринин, задыхаясь от бега и сжимая в руках наган, различил на опушке леса окопы, заметил вспышки над их брустверами: фашисты стреляли из автоматов. За окопами шевельнулись кусты, и показалась башня танка. В башню врезался снаряд; взрыв разметал зелень и поджег танк.

Оказывается, машины фашистов — с легкой броней, поэтому-то гитлеровцы и не нападали первыми.

Во вражеские окопы полетели гранаты.

— А-а-а! — протяжно неслось по полю.

В несколько минут фашисты, засевшие в окопах, были смяты.

Маринин стоял на бруствере окопа и вертел в руках черный немецкий автомат. С детской радостью рассматривал он свой первый трофей, добытый в бою. Рядом с Петром топтался младший политрук Морозов, завистливо поглядывая на автомат и причмокивая губами.

Все. Казалось, бой кончился. К дороге уже брели толпы разгоряченных боем людей, вели и несли раненых, стояли над убитыми, не зная, что с ними делать.

Зашагали к дороге Маринин и Морозов. Петру хотелось скорее явиться к Любе с новеньким немецким автоматом.

Никто в эти минуты не думал, что вражеский десант не добит...

Из недалекого леса выползли семь легких танков с черными крестами на башнях и бортах. За ними бежала цепь автоматчиков. Хлестнули из танков пулеметы, ударили пушки.

— Ложись!.. Ложись!.. — Эта команда Маслюкова бросила всех на землю. — Гранатометчики, впе-ре-ед!.. Огонь по смотровым щелям!..

И бой с новой силой загрохотал над полем. Со стороны дороги опять ударили прямой наводкой три пушки (четвертая была разбита немецким снарядом). Несколько солдат быстро ползли навстречу танкам.

Никто не знал имени красноармейца, бросившегося с гранатами под гусеницы передней машины. Многие не видели, как он подбирался к танку. Заметили только столб огня и услышали оглушительный взрыв.

Нужен был еще бросок в атаку... Наступил момент, от которого зависело все. Или бой примет затяжную форму, и тогда с первыми лучами солнца неизбежно ударят по густой колонне наших машин бомбардировщики; или, еще хуже, уцелевшим немецким танкам вместе со своими автоматчиками удастся смять атакующих, а затем растрепать колонну. Но был и третий выход: еще усилие с нашей стороны, еще несколько человеческих жизней оборвется под гусеницами вместе с грохотом гранатных ударов, еще схватка с автоматчиками — и тогда победа, путь вперед открыт.

Это понимали все. Понимал и старший батальонный комиссар Маслюков, чей голос — зычный и такой нужный для оробевших и нужный для всех — не умолкал в цепи атакующих, которая вновь поднялась над полем боя и устремилась к опушке леса, где опять укрылись, получив отпор от артиллеристов и гранатометчиков, немецкие танки и автоматчики.

Морозов!.. И зачем он, раненный, пошел в атаку? Без него Петру было бы куда легче. Маринин бежал вперед и чувствовал, что у него общий ритм дыхания со всеми атакующими, одинаковое напряжение, одно чувство опасности. А бежавший рядом Морозов часто спотыкался на кочковатой земле, из его горла вырывался свистящий хрип: тяжело было Морозову. И Петр не мог заставить его остаться в колонне. Понимал: каждый человек должен уважать сам себя. А разве будет младший политрук Морозов уважать себя, если, имея возможность держать в здоровой правой руке пистолет, отсидится в тылу, не пойдет в атаку?..

Петр чуть сбавил шаг, и Морозов оказался рядом с ним. Стволом пистолета он на бегу поправляет сползшую на глаза повязку, жадно глотает воздух широко открытым ртом; но глаза — ликующие, озорные. И вдруг Морозов точно споткнулся. С размаху тяжело упал, ударившись лицом о сухие комья земли. Выскользнул из его руки пистолет, и пальцы судорожно заскребли чернозем. Петр кинулся к другу, повернул его лицом вверх и увидел помутневшие, сатанеющие в смертной муке глаза... Не хотелось верить, что случилось непоправимое.

— Пе-тя... — прерывисто выдохнул Морозов. — Я уже не жилец... Знамя... знамя... возь...

И все. Просто и быстро. Застыли в смертной тоске глаза, на полуслове задубели побелевшие губы... Уже

не было Морозова... А ведь смерть всегда казалась чем-то непостижимым, таинственным, потрясающе-ужасным...

Визжат над головой пули. Где-то недалеко ревет танк, захлебывается в свинцовом лае пулемет.

Петр быстро расстегнул на Морозове гимнастерку, достал знамя и спрятал его у себя на груди. Что же делать дальше? Оглянулся и увидел, что прямо на него несется танк — приземистый, крестатый и... совсем нестрашный. Петр даже не подумал о себе, не догадался об опасности: танк мчался на мертвого Морозова.

— Стой, гадина! — дико закричал Маринин и, вскинув автомат, бросился навстречу танку.

Почувствовал, как толкнуло что-то в левую ногу выше колена, а затем поползла в сапог горячая струйка. Споткнулся и всем телом упал в окоп. И тотчас над головой — грохот и лязг железа. Стало темно и смрадно, дохнуло горячим. А потом страшный взрыв и после этого... ничего, пустота.

Младший политрук Маринин очнулся от боли в ноге и от тишины. Может, еще от приторного запаха горелой краски. В окопе было сумрачно и душно. Виднелась вверху небольшая краюшка неба. Петр понял, что танк так и остался над окопом. Но почему тихо? В груди прокатился холодок страха. Встав на ноги, он прикладом автомата начал поддалбливать выход из окопа, перекрытого гусеницей.

Когда выбрался наружу, увидел, что борт танка разворочен снарядом... Вокруг — пустынное поле. Дорога тоже пустынная, вроде и не было на ней сотен машин. Только вон там, далеко впереди, виднеется чей-то «пикап» — полугрузовая машина, а возле нее — люди.

Наспех забинтовав левую ногу поверх брюк (к счастью, пуля не задела кости), повесив на шею автомат, Петр побрел к дороге.

Подошел к одинокому «пикапу», возле которого суматошно хлопотал шофер. Увидел в кабине техника-интенданта Либкина. Он опасливо оглядывался по сторонам и торопил шофера:

— Крути... крути, может, заведется.

— Искры нет? — с горькой усмешкой спросил Маринин.

Либкин кинул на Петра негодующий взгляд:

— Далась всем эта искра!..

Маринин познакомился с Либкиным несколько дней назад, когда колонна переправлялась через какую-то речушку. У одной машины, как раз на мосту, отказало зажигание. Шофер суетился, проверял электропроводку, гривенником натирал контакты. Вокруг собралась группа людей. Одни пытались помочь делом и советом, другие озлобленно ругали шофера.

От хвоста колонны подбежал низкорослый, плотный, с явно обозначавшимся животиком человек, запыхавшийся, рассерженный. Это был техник-интендант Семен Либкин. На его носу прочно сидели очки в большой желтой роговой оправе, лишавшие круглое бледное лицо мужской суровости.

— Что такое? Почему не едете?! — напустился он на шофера.

— Искра в колесо ушла, — спокойно бросил тот устаревшую шутку водителей.

— Так возьмите запасную, — невозмутимо посоветовал Либкин, не вникая в смысл услышанного и не подозревая насмешки.

Кругом дружно засмеялись.

— Чего ржете? У меня секретные отчеты в интендантство, а сзади немецкие танки...

— Что же, интендантский склад оставил фашистам, а отчеты спасаешь? — едко спросил кто-то.

Либкин посмотрел на всех удивленными, наивными, почти детскими глазами. Конфузливая улыбка расплылась по его лицу.

Маринин знал, что Либкин побаивается бомбардировщиков. Шум моторов заставлял техника-интенданта тревожно осматриваться по сторонам. В такие минуты на его лице была написана беспомощность. Близорукие глаза не могли увидеть в небе самолет. И Либкин наблюдал, как ведут себя окружающие. Стоило кому-нибудь соскочить с машины или побежать в сторону, как техник-интендант приказывал шоферу сворачивать с дороги и маскировать машину.

Ночью, когда колонна у деревни Боровая попала в ловушку, Либкин штыком (именно штыком, потому что лопатки у него не оказалось) вырыл себе щель под своим «пикапом». Там просидел до рассвета. Потом, наказав шоферу не задерживаться на дороге, Семен вместе со всеми побежал в атаку.

И вот сейчас нужно ехать вперед, не задерживаться, а мотор у машины не заводится.

Услышав, что Маринин просит подвезти его, Либкин развел руками:

— Я что, машина бы не возражала.

Маринин с трудом забрался в невысокий кузов, где на мешках и ящиках с интендантскими бумагами сидели солдаты.

21

Седьмой день войны.

Штаб мотострелковой дивизии полковника Рябова пережидал светлое время в лесу на берегу Птичи. Дзержинск уже остался на западе, по его улицам патрулировали немецкие танки. И теперь всем было ясно, что дивизия не успела перекрыть фашистам дорогу на Минск и что главное сейчас — оторвать полки от противника.

Об этом и вел разговор полковник Рябов, собрав старших командиров у своей «эмки».

— Трудно, товарищи, — говорил он. — Мы потеряли большинство танков бригады, поредели наши полки. Утеряно знамя бригады, которое должно было стать знаменем дивизии. Очень трудно... Помимо тяжелейшей обстановки на фронте, у всех нас и личное горе: мы не знаем, где наши жены, дети, удалось ли им выбраться из опасной зоны...

Лица командиров суровые, сосредоточенные, усталые. В глазах каждого гнездились тоска, раздумье, тревога. Каждый был углублен в тяжелые думы.

— Но мы — солдаты, — продолжал Рябов. — Никакая боль, никакая беда не должны помешать нам выполнить наш долг. Ведь мы не только солдаты нашей армии, но и солдаты партии большевиков... Итак, каждый едет в намеченный ему полк. Задача для всех одна: любыми средствами сберечь личный состав, технику и вывести их из-под удара.

— Разрешите доложить, товарищ полковник! — прервал Рябова чей-то звонкий голос.

Командиры расступились, и к Рябову протиснулся капитан Емельянов. Но не тот Емельянов — жалкий, растерянный, переодетый в замусоленную солдатскую гимнастерку, каким он был в колонне под деревней Боровая. Этот — при знаках различия, бравый и подтянутый, с прямым, говорящим о готовности к повиновению взглядом. Из-под его небрежно расстегнутой гим-

настерки виднелись бинты; левая рука покоилась на подвязке.

Рябов оживился, шагнул навстречу Емельянову, спросил:

— Вы один или с оторвавшейся частью колонны?

— Почти все прибыли, товарищ полковник.

— Что же случилось? Отстали или вперед проскочили? Почему разведчики не могли разыскать вас?

— Нас увели с маршрута.

— Кто?

— Переодетые диверсанты.

— Ну...

— Затянули колонну в засаду. Но ничего у них не вышло. Мы спешились, развернулись в боевой порядок и атаковали. Уничтожили восемь фашистских танков, отряд пехоты, две минометные батареи...

— Одна тактика у фашистов!.. — воскликнул Рябов, оглядываясь на командиров. Он думал сейчас о том, что вчера и позавчера переодетые в нашу форму немцы пытались уничтожить командование артиллерийского и одного мотострелкового полков дивизии и захватить материальную часть. Но командный состав полков не дал себя одурачить: диверсанты были разоблачены и перебиты... Конечно, в полках — там проще, там во главе каждого подразделения командир. А здесь — огромнейшая сборная колонна, в которой, кроме малорасторопного штабного офицера Емельянова, кажется, и командовать-то некому было.

— А начальник политотдела разве не с вами был? — обратился Рябов к капитану Емельянову.

— Старший батальонный комиссар Маслюков? — переспросил Емельянов, силясь что-то припомнить и морща лоб. — Кажется, был... Вроде видел я его.

— М-да... — озадаченно произнес Рябов, потупив глаза. — Вас-то в атаке ранило?!

— Да, но это пустяки! — бодро ответил капитан, уставив преданные глаза на полковника.

А тот молчал, размышляя о чем-то другом, видать о старшем батальонном комиссаре Маслюкове. Наконец вспомнил, что надо закончить разговор с Емельяновым, снова обратился к нему:

— Ну, молодцом! — и с теплой улыбкой похлопал капитана по здоровому плечу. — Я так и полагал: в оторвавшейся колонне есть командиры, политработники, значит, порядок будет. Только вот что, капитан,

сбрейте-ка вы баки! Такой геройский командир, и вдруг... гусарский вид.

— Есть сбрить баки! — с готовностью повторил Емельянов под смех оживившихся офицеров. — Разрешите выполнять?

— Выполняйте.

И только ушел Емельянов, как возле «эмки» появились старший батальонный комиссар Маслюков, военврач Савченко, Люба. Все отдали Рябову честь, кроме Любы, которая, казалось, ничего не замечала вокруг и ко всему была безразлична. Только нервически подрагивавшие тонкие дуги бровей да сухой блеск в зеленоватых глазах выдавали ее душевную муку.

Маслюков коротко доложил:

— Прибыли, товарищ полковник...

— Мне уже известно, — сухо оборвал его Рябов.

— Я должен повиниться, — грустно усмехнулся Маслюков. — Не распознал переодетых немцев... Позволил вначале командовать... — и осекся под тяжелым взглядом комдива.

— Потери большие? — сурово спросил Рябов, но тут заметил подошедшего военврача Велехова. — Впрочем, об этом начсандив доложит. Подсчитали потери, товарищ Велехов?

— Одиннадцать убито и сорок ранено, — уверенно ответил начсандив.

Взгляд Любы чуть оживился, и она толкнула локтем Савченко.

— Велехов — отец Ани... — И зажала ладонью рот, заметив, как Савченко приложил к губам палец.

— Так, так... — задумчиво произнес Рябов.

Наступило тягостное молчание. Его нарушил Маслюков:

— Редактор газеты Лоб погиб... Младший политрук Маринин тоже... Маринина танк подмял...

22

Солнце уже поднялось высоко. Давно улеглась пыль на дороге после прошедшей автоколонны. Только тогда тронулась с места машина техника-интенданта Либкина. Катилась она легко и быстро по широкому, ровному проселку. Вокруг стояла зловещая тишина. От земли, увлажненной росой, поднимался теплый, еле уловимый пар, неся с собой запахи ромашки и полыни. Как будто

бы и не было пыльных людных дорог, не было ночного боя.

На душе у Маринина муторно. Где враг? Не столкнуться бы вот так — один на один, внезапно... Где колонна?..

Вскоре машина поднялась на пригорок. Впереди раскинулась широкая лощина, посреди которой сверкал ручей. Вниз к ручью коленом спадал тракт. Он стлался через мосток и там, далеко, на противоположном склоне, поднимался вверх. Вся дорога по эту сторону ручья на два-три километра была запружена машинами. Влево, на примыкавшем к тракту небольшом проселке, сгрудилась вторая автоколонна. Все — без движения.

В чем дело?

«Пикап» техника-интенданта Либкина пристроился к хвосту колонны. Шофер побежал вперед выяснять обстановку. И тут же вернулся.

— Мост диверсанты повредили, — сообщил он. — Ремонт заканчивается.

Через час колонна двинулась вперед. Но это была уже другая колонна, не та, которую увел после боя старший батальонный комиссар Маслюков. В машинах, ехавших на восток, теснились главным образом женщины, ребятишки и раненые красноармейцы. Ехали без остановки несколько часов. Объезжали по проселочным дорогам занятый немцами Дзержинск. Машины тряслись по кочкам, переваливали кюветы и уходили в поле, чтобы выехать на другую дорогу.

Прислонившись спиной к кабине, Маринин прислушивался, как ныла рана. Туго стянутая бинтами нога особенно не беспокоила, если машина шла ровно. Но при толчках Петру казалось, что на больное место давят чем-то тупым.

Наконец колонна выехала на ровную дорогу. Дзержинск остался позади. И вдруг мотор машины опять закапризничал — зачихал, стал оглушительно стрелять, тянуть рывками. Съехали на обочину. Шофер начал копаться в моторе. А время шло. Давно промчалась мимо последняя машина. Кончился день, наступила ночь. Вокруг стояла необычайная для этих дней тишина. Только где-то высоко прерывисто гудели немецкие бомбардировщики, а в стороне Минска тяжело бухало. Маринин видел, как там устремлялись в ночное небо пунктирные дорожки трассирующих пуль.

Наконец мотор машины заработал, и «пикап» тронул-

ся с места. Через полчаса догнали длинную вереницу подвод с узлами, чемоданами, среди которых сидели женщины и ребятишки.

Снова остановка. Дорога здесь раздваивалась.

— Куда теперь: прямо или направо? — спрашивал шофер, разглядывая на пыльной дороге следы машин. Но здесь успела пройти голова обоза беженцев, и трудно было разобраться, по какому пути направилась колонна.

— Поворачивай куда-нибудь, не стой, — нервно торопил Либкин. — Сейчас все дороги на восток ведут.

— Очень плохо, что они туда ведут, — угрюмо ответил шофер и повел машину вправо.

...«Пикап» выехал на широкий тракт, по которому, поднимая облака пыли, проходила автоколонна. Вклинившись в нее, машина уменьшила скорость, ибо колонна двигалась не очень быстро. Изредка она останавливалась, и тогда спереди был слышен рев мощных моторов. Маринин решил, что в голове колонны идут танки, и поделился своими соображениями с соседями. Это подбодрило всех. Солдаты оживились, полезли в карманы за табачком.

— У кого есть прикурить?

Спичек в машине больше не оказалось.

Когда колонна остановилась, один красноармеец перемахнул через борт наземь. Через минуту он возвратился и дрожащим голосом прошептал:

— Братцы, колонна-то немецкая! Фашисты... Самые настоящие...

По телу Петра пробежал холодок. У кого-то рядом дробно застучали зубы.

Не успели сидевшие в машине оправиться от неожиданности, собраться с мыслями, как к «пикапу» подошел солдат в немецкой форме. Взявшись рукой за борт, он что-то спросил. На него тотчас же навалились. Кто-то ударил гранатой по голове, тускло блеснул в чьей-то руке штык. Но фашист успел пронзительно закричать.

Спереди и сзади к «пикапу» побежали немцы.

Машина мгновенно опустела. Треснули ружейные выстрелы. Полоснула автоматная очередь. Маринин перевалился через борт на правую сторону «пикапа» и от боли скрипнул зубами. Заскорузлая повязка сдвинулась с места во время прыжка и разбередила рану. По ноге в сапог побежала теплая струйка.

Не успел он сделать и шагу, как на него сразу налетело несколько человек...

Петр, позабыв о боли в ноге, направо и налево бил автоматом. Непослушные руки не могли нащупать и поставить на боевой взвод спуск. На Петра наседали. Упала под ноги сорванная планшетка. Треснула гимнастерка на груди: чья-то сильная рука вырвала карман, в котором лежали документы. И вдруг его автомат заработал. Хлестнула длинная очередь, трассирующие пули ударили в упор по врагам.

Кольцо вокруг Петра раздвинулось вмиг: немцы прятались за машину, падали в кювет, а автомат не утихал. Рывок, и Маринин уже был во ржи. Остервенело трещали сзади автоматы. Но Петр бежал, падал, полз, опять бежал...

Техник-интендант Семен Либкин не сообразил, что случилось. Злой шуткой показалось ему появление гитлеровцев у машины. Сквозь тяжелую дрему слышал стрельбу, возню у машины и никак не мог понять — снится это или наяву. Догадался, что попал в руки врага, лишь тогда, когда его выволокли из кабины «пикапа» и бросили на землю. Близорукими недоумевающими глазами смотрел Семен на людей в зеленых тужурках, и больше всего его сейчас занимал вопрос: «Откуда они так неожиданно свалились?» И оттого, что враги появились так внезапно, Либкин даже не успел испугаться. Мысли разбежались бог весть куда. Ни одну из них Семен не мог поймать, чтобы найти себя, чтобы, зацепившись за нее, начать думать, соображать, что же в конце концов произошло.

— Комиссар? — на ломаном русском языке спросил Либкина высокий молодой немец.

— Ко-ми-сса-ар, — растерянно, не то утверждая, не то переспрашивая, проговорил Семен, совсем позабыв о своем интендантском чине.

Гитлеровцы вокруг зашумели, оживленно заговорили.

— Предупредите конвойных, чтобы не пристрелили комиссара. Его нужно доставить в штаб живым, — распорядился кто-то из офицеров.

Либкин свободно владел немецким языком. Услышав такие слова, он сразу не догадался, что речь идет о нем. Когда его ткнули автоматом в грудь, приказывая идти к машине, Семен съежился, посмотрел в сторону офицера и обиженно по-немецки промолвил:

— Почему у вас допускают хулиганство?

В ответ раздался дружный смех. А офицер, подойдя вплотную к Либкину, посмотрел ему в лицо и сказал:

— Совсем удачная добыча: комиссар, владеющий немецким языком.

Под усиленным конвоем Либкина везли на запад. Большой крытый брезентом грузовик, прерывисто воя мотором, катил по шоссейной дороге, омытой ночным дождем. Навстречу нескончаемой лавиной шли немецкие войска — танки, артиллерия, мотопехота.

Либкин сидел в углу огромного кузова и остановившимися глазами глядел на запруженную войсками ночную дорогу, которая была видна сквозь откинутую стенку заднего брезента, словно на экране. На боковых скамейках примостились два автоматчика. У стенки кабины, рядом с Либкиным, на подушке, снятой с какой-то разбитой советской машины, сидел офицер.

Только теперь Семен Либкин понял безвыходность положения, в которое он попал. До этого он, привыкший мыслить медленно, смотреть на все вокруг добродушно, надеялся, что все само собой сложится хорошо.

Офицер, молчавший всю дорогу, вдруг обратился к Либкину:

— Разве известно было русским, что мы собираемся нападать?

Либкин посмотрел на гитлеровца спокойными глазами и ответил:

— Еще как известно...

Офицер вздохнул и, отвернувшись, про себя забормотал:

— Черт возьми! Теперь понятно, почему мы до сих пор не в Смоленске.

В первом же местечке грузовик свернул резко на юг и запетлял по малонаезженным проселкам. Колеса часто громыхали по бревнам мостков, перекинутых через речушку, буксовали в мокром песке на бродах. Либкину было странно, что его увозят куда-то в глушь, далеко в сторону от больших дорог и населенных пунктов.

Ехали через луга, перелески и наконец остановились на опушке небольшой рощи. Здесь Либкину приказали сойти с машины.

Роща, через которую два солдата и офицер конвоировали Либкина, была небольшой. Сразу же, ступив под сень деревьев, можно было увидеть, как впереди, в про-

галинах между стволами, светилось небо — виднелась противоположная опушка, за которой раскинулся огромнейший луг.

Вот и опушка. Здесь Либкин увидел два транспортных самолета, забросанных ветками. Недалеко от них были сложены ящики, бочки — склад боеприпасов и горючего.

На лугу Либкин заметил множество следов от гусениц. Догадался, что легкие танки немцы перебрасывали тоже по воздуху... «Так вот как они оказались в нашем тылу!..» Но о другом не догадывался Либкин: этот аэродром основали переодетые в форму командиров Красной Армии фашистские диверсанты за два дня до начала войны... Никто еще не знал о войне, а на глухой луг, оцепленный «красноармейскими постами», садились по ночам немецкие самолеты... Но об этом — потом...

В лесу взревели моторы. Огромная машина, сбрасывая с плоскостей ветки, вырулила из тени.

Открылся люк, на землю упал трап.

— Быстрей, морда жидовская! — крикнул на Либкина офицер.

Потемневшими глазами смотрел Семен в лицо врагу. За всю жизнь его впервые хлестнули такими словами. Но не от слов было больно. Они, давно отжившие, забытые в Советской стране, утратили всякий смысл и были пустым звуком. Было больно, что вдруг на своей земле, в родном доме его хотят оскорбить, унизить.

Либкин нервным движением руки снял очки, зачем-то протер их и спрятал в карман.

Фашист толкнул пленного к трапу, и Семен медленно начал подниматься по ступенькам.

— Быстрей, свинья! — И гитлеровец снизу больно ударил его в бок.

Либкин резко повернулся. Его бледное лицо выражало ярость. Казалось, он сейчас нанесет фашисту страшный удар сапогом в лицо. Но от неумелого поворота нога Семена соскользнула со ступеньки, и он, беспомощно хватаясь за обшивку самолета, свалился офицеру на грудь. На пленного посыпались удары — тяжелые, остервенелые.

Когда самолет вырулил на край луга, чтобы развернуться и взять разбег, Либкин пришел в чувство. Он увидел себя лежащим на гофрированном, как и вся обшивка машины, полу. Рядом на откидной скамейке сидел автоматчик, прильнув к квадратному целлулоидному

окну и следя, как уползала под крылья огромной металлической птицы трава.

Не поднимаясь, Семен достал из кармана очки и надел их. Самолет потряхивало на неровностях... Каким далеким казался сейчас Либкину его интендантский кабинет, каким далеким был тот добродушный, безобидный Либкин — техник-интендант... Медленно поднялся, ступил к автоматчику и, внезапно навалившись на него всем своим плотным телом, ухватил обеими руками за горло.

Солдат забился, пытаясь вывернуться, жадно ловя ртом воздух. Его правая рука тянулась к рукоятке затвора автомата.

Прочно упершись ногами в гофрированную нижнюю обшивку, Семен душил врага.

Немец задохнулся, посинел, и по его телу волной прокатилась последняя судорога. Тогда Либкин осторожно, как бы боясь разбудить своего противника, отпрянул, поднял скользнувший на пол автомат.

В передней части «юнкерса», за узкой перегородкой, в которой чуть обозначалась дверца, находился экипаж. Не успел Семен сообразить, что делать дальше, как узкая дверца вдруг распахнулась и в ней показался сопровождавший его офицер.

Самолет в это время приблизился к противоположной стороне луга и медленно стал разворачиваться, чтобы потом начать разбег для взлета.

Либкин и не подозревал о присутствии в самолете офицера. При неожиданном появлении фашиста Семен напрягся, подбросил автомат и нажал на спуск. Но автомат не стрелял. Либкин забыл, что вначале нужно оттянуть рукоятку затвора. А фашистский майор, увидев направленное на него оружие, побледнел и, ступив шаг назад, вдруг метнулся в кабину экипажа, захлопнув за собой дверь. Либкин, в свою очередь, кинулся искать выходной люк самолета...

Превозмогая режущую боль в ноге, Петр Маринин все дальше убегал от дороги. В лицо били ядреные колосья не то ржи, не то пшеницы.

...Дорога осталась далеко позади. Там еще трещали выстрелы. Над полем прошуршало несколько снарядов, и тяжелые взрывы ухнули где-то далеко.

Вокруг — ни души. Красноармейцы, устремившиеся

вправо и влево от дороги, рассеялись, разбрелись по ночному полю.

Рана не давала покоя. Маринин шел медленно, заметно хромая. В сапоге хлюпало. Нужно было перевязать рану. Но он продолжал идти подальше от дороги. Да и перевязывать было нечем.

И все думал... Вчера, до боя у деревни Боровая, казалось, что самое трудное позади, что дивизия скоро достигнет Дзержинска, займет оборону, подойдут с востока новые силы, и тогда не пройти фашистам. А сейчас? Что же случилось? Гитлеровцы прорвались к Минску. Далеко ли еще удастся им продвинуться? Ведь не может же быть, чтоб они победили! Не может хотя бы потому, что он, Петр Маринин, парень из крестьянской семьи, ставший вместе с миллионами других простых людей хозяином в своей стране, не мыслит для себя иной жизни, чем та, которой он жил.

И вдруг... «Где партбилет?!» — эта мысль ударила, словно током, обожгла, заставила остановиться. Петр судорожно схватился за грудь, где висели клочья гимнастерки.

Правый наружный карман болтался на уголке. Удостоверение личности исчезло. Потрогал левую сторону груди и, счастливый, тихо засмеялся. Потайной карман, пришитый к гимнастерке изнутри (по курсантской привычке), цел. А в нем прощупывалась жесткая книжечка... Под гимнастеркой и широким командирским ремнем плотно облегало тело знамя... Вроде темнота раздвинулась вокруг и боль раны притихла. Кажется, и земля под ногами стала тверже. Сердце забилось ровно и спокойно. Ощутил в руке автомат, а в мускулах силу...

Но что делать ему сейчас? Переодеться? Где-нибудь в деревне выбросить свою военную форму?

Вспомнилось, как совсем недавно, 30 мая, он впервые надел ее и стал офицером. Два года в военном училище от рассвета до темна учился в классах, в поле, на стрельбище, в лагере. Очень тяжело было. Но он твердо решил посвятить себя армии. И после того как сбылась его мечта, как стал он командиром — воспитателем защитников Родины, — снять с себя военную форму, лишить себя высокого звания, уронить честь? Ни за что! Ну а как же? Ранен ведь. Вспомнил, как надевал парадное обмундирование, когда собирался встречать Любу... Люба... Где она? Что думает о своем Петре?..

Петр не знал, что ему делать. Нужно дождаться утра, осмотреться.

Рана ныла все сильнее. Боль наконец взяла верх, и Маринин, подмяв стебли пшеницы, сел на землю. Стрельба на дороге прекратилась. Колонна, видимо, ушла, так как воцарилась тишина, нарушаемая только шуршанием колосьев и порывами ветра. Темнота сгущалась, небо заволакивалось тучами. Надвигалась гроза.

Где-то далеко бесновались собаки. Петр прислушался к этим вестникам людского жилья и сел лицом в сторону, откуда доносился лай. После передышки решил держать туда путь.

...Через час Маринин стучался в окно крайнего дома деревни. Вышел старик — босиком, в белых полотняных штанах и расстегнутой рубахе.

— Чего? — угрюмо спросил старик, покосившись на немецкий автомат в руках младшего политрука.

— Ранен я, папаша. Перевязаться нужно...

— Сильно ранен?

— Не очень, в ногу.

— Коли не сильно, терпится, могу свести к фершалу, а коли сильно, сюда дохтора позову.

— Фашистов не было у вас?

— Покуда нет. Но раз бежите, ждать долго не придется.

Старик возвратился в сени и крикнул в хату:

— Степка, за фершалом!

Через минуту из хаты выбежал мальчишка лет восьми и, метнув на Петра любопытный взгляд, припустился по темной улице. Старик зашел за угол дома и стал прислушиваться к далекой канонаде у Минска.

Вскоре вернулся Степка.

— Уехал фершал!.. Вакуировался!.. — выпалил он, переводя дыхание.

В сухую землю ударили первые капли дождя. Старик позвал Маринина в хату, завесил окна, зажег лампу и, обернувшись к Петру, ахнул: вся грудь под его разорванной гимнастеркой была красная. Но это не кровь, это пламенело боевое знамя...

Из другой комнаты выглянуло заспанное лицо женщины.

— Мария, поставь на стол еду! — повелительно промолвил хозяин.

Пока Мария ходила за молоком, Маринин начал пе-

ревязывать рану. Хозяин достал из сундука чистую холстину, нашелся в доме и йод.

Когда рана была перевязана, старик положил на лавку черные штаны, рубаху и обратился к Петру:

— Надень. Твои Мария постирает и зашьет. А то вишь, гимнастерка — рванье одно, а галифе не прогнешь от крови...

В окна барабанил дождь. Хорошо быть в такое время под крышей, есть ржаной хлеб, аппетитно хрустящий под зубами корочкой, и запивать его молоком. Глаза Петра слипались.

— Мария, приготовь постель, — распорядился хозяин.

Наступал восьмой день войны...

— Хлопец, а хлопец! Не знаю, как по имени чествуют тебя. Проснись!

Маринин открыл глаза и увидел над собой хозяина дома.

— Иди глянь в окно. По дороге кого-то несет. Может, упаси господь, немцы? — озабоченно промолвил он.

Приковыляв к окну, Петр увидел, как с пригорка к селу по размокшей за ночь дороге медленно спускались бронетранспортеры с пехотой и машины.

— Немцы!

Оберегая раненую ногу, Маринин быстро оделся. Его обмундирование было выстирано, высушено, отремонтировано и отглажено. Хозяин пытливо смотрел на Маринина, который прятал под гимнастерку знамя.

— Куда пойдешь?

— Наверное, в поле, а там в лес.

— Негоже. С твоей ногой далеко не ускачешь. Ступай за мной.

Пришли на гумно.

— Лезь к стенке, за сено!

Маринин втиснулся между сеном и бревенчатой стеной гумна. В нос ударил запах моха, прелой соломы и мышиного помета. Энергично пошевелив плечами, раздвинул сено и сделал пещерку. Пощупав пальцами стену, догадался, что мохом законопачены щели между бревнами. Из одной щели Петр выковырял мох и начал смотреть на улицу, где вот-вот должна была появиться колонна врага.

Но фашисты остановили свои бронетранспортеры и

машины на околице. Солдаты спешились и разошлись по хатам, сгоняя народ на окраину. Над селом висели лай собак, кудахтанье кур, визг поросят. Иногда трещали короткие автоматные очереди. Враги хозяйничали.

Через полчаса на улице, как раз против гумна, где нашел убежище Петр Маринин, собрались женщины, старики, подростки. Толпу крестьян оцепили автоматчики.

Перед людьми появился офицер — маленького роста, с узкими серебряными погонами на мундире.

— Мы пришель вас освободить, — сказал он, — вы нас будете встречать. Мы вас будет фотограф. Поняль?

Крестьяне угрюмо молчали.

— Вы нас будет встречать клеб, соль. Поняль?

Из толпы вышел высокий старик — в капелюхе, сапогах, суконном армяке. Пошлепывая палкой по раскисшей дороге, теребя рукой бороду, он промолвил:

— Понять-то понял, гражданин немец или как там тебя. Но вот что понял? Если слушать тебя — значит, стыд под каблук, а совесть под подошву?

— Никс подошву, никс! Клеб, соль... — распинался гитлеровец, приподнимаясь на носках, словно стараясь казаться выше. — Мы будем фотограф делай.

Решив, что крестьяне не могут его понять, офицер отдал распоряжение солдату. Тот быстро побежал в дом, в котором Маринин провел ночь, и через минуту вынес оттуда большую круглую буханку хлеба, вышитый рушник и солонку.

Взяв у солдата хлеб, офицер подошел к крестьянам.

— На, матка, клеб, — гитлеровец сунул буханку в руки пожилой женщине и вытолкал ее на середину улицы. Женщина испуганно смотрела на офицера, не зная, что делать ей с хлебом.

— Дожила, Меланья, врагов хлебом-солью встречаешь! — промолвил из толпы тот же высокий старик.

Не успела Меланья ответить, как где-то над крышами соседних домов грохнул выстрел. По селу опять залаяли собаки. Офицер, намеревавшийся было положить Меланье на руки рушник, упал. Меланья вскрикнула и бросилась в толпу, уронив буханку в грязь.

Загалдели, забегали солдаты. На околице фыркнули моторы бронетранспортеров.

Оправившись от испуга, поднялся офицер. Стряхивая грязь, он что-то взволнованно говорил солдатам, указы-

вая пальцем на буханку. Потом поднял хлеб и внимательно осмотрел в нем след пули.

Крестьяне, пораженные таким «чудом», затаив дыхание смотрели на гитлеровцев. Только одна старушка крестилась и шамкала:

— Слава тебе господи... Хорошая примета, хорошая. Не есть им нашего хлебушка! Горький он будет для них, с дымом, с огнем, как эта буханочка...

В щель Петр видел, что солдаты начали шнырять по селу, обыскивая дома, сараи, огороды. Надеялись поймать стрелявшего.

Но поиски были тщетны. Тогда, отделив от толпы крестьян человек двадцать мужиков и баб, фашисты окружили их плотным кольцом.

— Всем остальным ушель! — объявил офицер. — Через десять минут будем стрелять заложников, если не приведете того, кто нас стрелял.

Крестьяне не двигались с места. Толпа словно онемела. Десятки пар глаз напряженно, недобро смотрели на гитлеровцев.

— Ну, пшоль! — закричал офицер.

Солдаты принялись расталкивать, разгонять людей.

Маринину из своего убежища хорошо были видны крестьяне-заложники. Одни были угрюмы, сосредоточенны, другие растерянно смотрели по сторонам, третьи, казалось, спокойно посасывали люльки. Женщины, утирая слезы, теснились отдельной стайкой.

До сих пор Петр Маринин, наблюдая за тем, что происходит на улице, не мог остановиться ни на одной мысли. Смотрел, стараясь расслышать слова, и чувствовал, что его руки и ноги онемели, сделались непослушными, а где-то в груди сосало, щемило. Казалось, там образовалась какая-то непонятная пустота, и было очень тяжело, тяжело так, что мозг отказывался мыслить, а перед глазами плыли темные пятна, в ушах нудно гудело.

Когда гитлеровцы отделили от толпы крестьян группу мужчин и женщин, Петр понял, что сейчас произойдет что-то ужасное, непоправимое. И стало мучительно больно, стыдно, досадно от своей беспомощности. И страшно оттого, что он оказался в тылу врага, хоть и на своей земле, оказался один, без товарищей, без патронов (в магазине трофейного автомата осталось два патрона), раненый, и не было у него твердого понимания, что́ он должен делать, как поступать. Петр знал одно: он ни за что не снимет с себя военной формы, не

смирится со своим положением... Нужно что-то делать. Но что?.. Главное — не попасть в руки фашистов...

Внимание Петра отвлек появившийся на улице красноармеец. Опираясь на винтовку, он прыгал на одной ноге. Вторая нога — вся в бинтах. Сквозь них выступили пятна сукровицы. Правая рука также забинтована.

Приблизившись к офицеру, красноармеец промолвил хриплым слабым голосом:

— Я стрелял, людей отпустите. — А затем повернулся к крестьянам, как бы извиняясь, добавил: — Один патрон для себя берег... Увидел гада, не удержался. Жаль, что промахнулся. Левой рукой несподручно стрелять.

Офицер с некоторым страхом смотрел на красноармейца, потом повернул его к себе спиной и, подняв пистолет, выстрелил в затылок...

В середине дня, когда гитлеровцы уехали из села, двустворчатые двери гумна скрипнули, и появился хозяин, неся в руках глиняную крынку. За ним, виляя хвостом, плелся рыжий пес. Хозяин был молчалив, угрюм. Косматые, густые брови сдвинулись над переносицей. Из-под них смотрели затуманенные горем глаза.

— Снимай тряпки с болячки! — потребовал сердито.

Маринин поднял удивленный взгляд.

— Снимай, снимай. Лекарь пришел... — И старик потрепал рукой рыжешерстную собаку. — Тебе, товарищ командир, засиживаться в селе нечего, а с такой ногой далеко не уйдешь.

Хозяин сел и поставил рядом на сено наполненную чем-то крынку.

Петр начал разбинтовывать ногу.

— Ты слышал такую притчу: «Заживет, как на собаке»? — спросил старик.

— Слышал.

— А вот скажи, почему на собаке рана быстро зарастает? Не знаешь?

С этими словами старик поднял крынку и наклонил ее. На разорванную ногу Петра полилась густая холодная сметана. Собака завиляла хвостом и начала облизываться.

— Лижи, Рыжий, не жалко. — Старик взял собаку за ухо и подтащил к сметане. Пес начал лакать языком, а затем вылизывать ногу, рану...

— Так разочка три в сутки полечит, и завтра-после-

завтра от твоей болячки останется только рубец, — пояснил хозяин.

Петр старательно перебинтовал ногу, а хозяин все молчал, уставив отсутствующий взгляд в угол сарая.

— Что же делать? Как жить будем? — наконец прервал молчание старик. — Нельзя же ему, идолу, спуску давать.

Петр ждал этого вопроса. Конечно, он же политработник, представитель партии в армии, и кому, как не ему, правильно разбираться в происходящем. Он обязан сказать этому суровому и доброму старику, что надо делать. И Петр уверенно произнес:

— Видали, как они сегодня с красноармейцем? То же и с ними нужно. Стрелять надо.

— Оно-то так, — промолвил старик, — сами знаем. Но медведя руками не изнудишь. Вот и я гадаю: может, не следует тебе уходить отсюда? Если много таких здесь останется, не будет идолу спокойствия.

— Нет, — возразил Маринин. — Так можно всю армию распылить, а фашисты тем временем до Смоленска, Киева доберутся. — Худшего Маринин не предполагал. — Я вот, папаша, другое хотел у вас выяснить.

Старик вопросительно посмотрел на Петра.

— Много ли в вашем селе осталось хлопцев, которые могут служить в армии?

— Кто его знает... Есть, — ответил хозяин.

— Их нужно обязательно оповестить: кто сегодня вечером не явится ко мне, тех буду считать дезертирами.

Старик хмыкнул.

— Да, да, дезертирами...

— Ты не стращай! — отрубил вдруг старик. — Они и сами уже оружие собирают...

Деревня, в которой задержался раненый Маринин, лежала в стороне от больших дорог, по которым устремились к Минску части 39-го танкового корпуса гитлеровцев. Вот-вот можно было ожидать, что в деревне опять появятся фашисты. И Петр спешил скорее стать на ноги.

Вечером рыжая собака опять лизала его рану. Наложив повязку, Петр, опираясь на палку, попробовал ходить по гумну.

— Больно? — спросил хозяин.

— Немного чувствуется, но идти можно. А если удастся коня раздобыть — совсем хорошо будет.

Разговор прервали шаги, донесшиеся со двора.

На гумно вошел низкорослый мужчина в соломенном капелюхе. Разглядеть его лицо в полумраке было трудно.

— Куда будем собирать хлопцев? — спросил он.

— Много их? — отозвался Маринин.

— Покуда еще неизвестно. Десятка три наберется.

— Хорошо. Тогда пускай захватят харчи, оружие, если у кого есть, и на рассвете собираются на выходе из села...

Когда на дворе стемнело, на гумно прибежал Степка.

— Мать велела вечерять идти.

Маринин зашел в хату. На столе стояла большая глиняная миска, наполненная блинами, рядом поменьше — со сметаной.

Петр отодвинул от себя миску, которая поменьше, и начал жевать душистые, пухлые блины.

— Кушайте со сметаной, — упрашивала хозяйка. Но Петр упрямо отказывался. Перед его глазами стояла крынка, из которой хозяин поливал раненую ногу.

В сенцах стукнула дверь. В хату зашел мужчина в соломенном капелюхе. При свете лампы Маринин вгляделся в его загорелое, заросшее светлой щетиной лицо. Раздвоенный подбородок, глаза — строгие, умные, брови — густые, вылинявшие.

Мужчина присел на лавку, снял капелюх, рукавом рубахи вытер со лба пот.

— Сорок шесть человек на рассвете будут готовы, — сказал он. — Село наше большое, народу много.

— Сорок шесть человек! — обрадованно воскликнул Петр.

Кто-то постучал в окно. Мужчина со стариком, который молча готовил для своего временного постояльца мешок с продуктами, переглянулись и вышли в сенцы. Через минуту они вернулись, пропуская через порог впереди себя двух красноармейцев.

Увидев младшего политрука, солдаты остановились, насторожились.

Все молчали, сверля друг друга испытующими взглядами.

— Долго будем так переглядываться? — спросил Маринин.

— А как знать, наши вы или немецкие? — ответил один из солдат.

— Вы одни или есть командир? — спросил Маринин.

Солдаты молчали.

— Зовите сюда командира. С ним мы быстрее договоримся.

Один красноармеец вышел и вскоре возвратился с военным невысокого роста, в накинутой на плечи плащпалатке.

— Сержант Стогов, — представился вошедший. — Пробиваемся проселочными дорогами на восток.

— Младший политрук Маринин. — Петр протянул сержанту руку. Стогов неуверенно пожал ее и потребовал:

— Разрешите удостоверение личности...

Маринин машинально пощупал нагрудный карман и вдруг сник. Уронив голову, он дрогнувшим голосом сказал:

— Нет удостоверения... Фашисты с мясом вырвали... Вот и ранен.

Стогов пристально смотрел на младшего политрука и с сомнением качал головой.

— Так, так... — затем взял на скамейке автомат Маринина, с любопытством повертел его в руках. — А автоматик-то немецкий...

— В атаке добыл, — пояснил Петр.

— Слушайте вы его! — сердито бросил от порога один из солдат. — Мы уже насмотрелись на таких в нашей форме!.. А этот еще и со своим автоматом. К стенке его!

— Ишь какой скорый на расправу! — вступился хозяин дома. — Эдак ты и меня за чужого примешь.

— Верно, хлопцы, разобраться надо, — поддержал хозяина мужчина с капелюхом в руках.

Вдруг распахнулась дверь, и в дом влетел боец.

— Товарищ сержант, немцы! — взволнованно выпалил он.

Сержант Стогов заколебался, глядя на Маринина:

— Ходить можешь?

— Смогу, если надо.

— Пошли! Вздумаешь бежать — пристрелю.

— Полегче, сержант, — строго сказал ему Маринин. Еще хотел что-то сказать, притронувшись рукой к левой стороне груди, где под гимнастеркой, в потайном кармане, был спрятан партбилет, но его перебил хозяин дома:

— А как же с хлопцами нашими? — старик стоял у порога и требовательно смотрел на Маринина, на Стогова.

— Возьми пополнение, сержант, — посоветовал Маринин. — Четыре десятка парней деревенских.

— Ха! — хмыкнул Стогов. — Я вон бойцов с оружием в отряд свой не принимаю...

— Ну и дурак! — негодующе сверкнул глазами Маринин. — Хозяин, спасибо за хлеб-соль. Может, увидимся еще. А ребята ваши пусть сами действуют, не маленькие.

И ушли...

— Ящук, посчитай, сколько нас, — устало говорил утром сержант Стогов, сидя на стволе сваленного, полуистлевшего дерева. На его коленях — немецкий автомат, отобранный у Маринина. Вокруг — глухой лес, просвечиваемый косыми лучами только что взошедшего солнца.

— Тридцать два штыка! И семеро раненых, — ответил Ящук — высокий, худой, заросший рыжей щетиной пулеметчик. Он лежал на траве среди таких же смертельно усталых, испачканных землей и кровью бойцов. Белели свежие повязки раненых...

— А этот — в форме младшего политрука — не сбежал? Давай-ка его сюда.

Привели под ружьем Маринина — без фуражки, усталого, злого.

— Ну? — повысил голос сержант Стогов.

— Что «ну»? — сердито переспросил Петр. — Воевать не умеете. Кто же переходит через шоссейную дорогу без разведки? Ведь в тылу противника!

— Мои люди, я командую, — раздраженно ответил сержант.

Маринин едко улыбнулся, покачал головой и повернулся к солдатам:

— А по-моему, тут ни моих, ни твоих нет. Есть наши, советские люди, красноармейцы...

— Ну, допустим, — Стогов недобро скосил глаза на Маринина. — А как знать, кто ты такой?..

— Да наш, чего сомневаться! — сказал кто-то из бойцов. — Разве не видели, как в бою он?..

— Верно! — раздался еще чей-то голос.

— Товарищи, не митинговать! — поднял руку Маринин. — Сержанта Стогова смущает то, что при мне не оказалось удостоверения. Подозрение законное. Однако нельзя забывать, что немцы своих диверсантов в наши

тылы без документов не забрасывают. А во-вторых, я вам могу доказать, что... Ну, в общем, сами судите... — Маринин расстегнул пояс и из-под гимнастерки достал знамя, развернул его.

При виде знамени сержант Стогов недоуменно захлопал глазами, затем вскочил на ноги, принял стойку «смирно»; торопливо поднялись с земли и вытянули руки по швам все бойцы, даже раненые.

— Это боевое знамя танковой бригады, которая первой приняла на себя удар фашистов под Гродно, — вдохновенно заговорил Петр. — Бригада остановила врага, уничтожила более ста его танков, но затем была окружена... Мы обязаны сохранить знамя и доставить командованию...

Маринин бережно свернул красный атлас.

— Товарищи, — продолжал он, — наша задача не только сберечь знамя... Представьте себе, что сейчас по лесам движется сто таких отрядов, как наш. И если каждый отряд будет хоть как-нибудь мешать врагу, почувствуют немцы нашу силу?

— Почувствуют, — вразнобой ответили солдаты.

— Да, почувствуют, — подтвердил Маринин. — А мы с вами этой ночью только прятались от немцев, да и то троих человек потеряли. А надо делать так, чтоб враг нес потери, товарищ сержант Стогов! — Голос Маринина зазвучал тверже: — Надо, чтоб для фашистов со всех сторон был фронт... Отряд, слушай мою команду!

— У нас свой командир есть, — недобро сверкнув глазами, подал голос пулеметчик Ящук.

— Свой командир? — переспросил Маринин и, чуть задумавшись, обратился к Стогову: — Постройте, сержант, свой отряд.

Стогов испытующе смотрел на Маринина и молчал. Заметно было, что сержант колеблется, не знает, как поступить. Наконец, вздохнув, скомандовал:

— В две шеренги становись! Раненые — на левый фланг!.. Равняйсь!.. Смирно... — и, повернувшись к Маринину, четко доложил: — Товарищ младший политрук, по вашему приказанию отряд построен.

— Вольно! — разрешил Маринин.

— Вольно! — скомандовал отряду сержант и пристроился на правый фланг.

Маринин стал перед строем, молча расстегнул гимнастерку и из нагрудного потайного кармана извлек крас-

ную книжечку, заклеенную в целлофан. Развернул целлофан и поднял красную книжечку над головой.

— Все вы знаете, — сказал он, — что политработники Красной Армии — это представители партии в наших войсках. Вот мой партбилет! Он удостоверяет мою принадлежность к партии большевиков.

Маринин медленно шел вдоль строя, держа на уровне солдатских глаз раскрытый партбилет. И видел, как в десятках глаз загорались трепетные огоньки, выдавая чувства людей. Нетрудно было догадаться, что это за чувства. Парни — дети рабочих, крестьян, служащих, — выросшие при Советской власти, научились понимать, что такое партия большевиков, кто такой коммунист.

— Эта книжечка, — продолжал Маринин, — не дает мне права командовать вами. Она дает мне другое право: быть впереди в бою, быть там, где трудно и опасно. И это не только право, но и обязанность коммуниста. Я ее буду выполнять...

Петр помедлил, повел взглядом по лицам затихших в строю людей.

— Но у меня есть и другая обязанность... Повторяю — обязанность! — Маринин, подтянутый, с посуровевшим лицом, повернулся к Стогову: — Сколько вы, сержант, служите в армии?

— Полтора года! — отрубил Стогов.

— Ну, а я три, — улыбнулся Маринин. Заулыбались и солдаты в строю. — Но дело, товарищи, не в арифметике. Дело в том, что из трех лет службы я два года учился в военном училище. Командовать учился и солдат воспитывать. Об этом свидетельствует мое воинское звание. Вот оно-то — воинское звание — и обязывает меня взять на себя ответственность за судьбу каждого из вас... Итак, принимаю командование отрядом! Своим заместителем назначаю сержанта Стогова.

— Есть! — с готовностью воскликнул сержант.

— Вопросы будут?

— Нет!.. — дружно выдохнул отряд. И разноголосо: — Все ясно!.. Понятно!.. Командуйте.

— Предупреждаю всех, — напомнил Маринин. — В силу чрезвычайных условий, в которых действует отряд, за нарушение порядка, за невыполнение приказаний буду принимать самые суровые меры, вплоть до расстрела... Сержант Стогов, назначьте головной и боковые дозоры!

— Есть!..

23

Сердце, обожженное пламенем войны... Так часто пишут в книгах. Красиво звучит. А вот если подумать, каково было человеку, когда сердце его только опалялось, когда обугливалась от постигшего несчастья его живая плоть? Не дай бог кому-нибудь узнать эту боль...

И все же сколько людей испытало ее! Испытала ее и Люба Яковлева.

Совсем недавно — восемь дней назад — она сидела в вагоне пассажирского поезда, глядела в окно и мечтала. Мечтала о своем будущем, мечтала о Петре, о всем том новом, загадочном и желанном, что называется счастьем... И вдруг — ужасные взрывы бомб, треск пулеметов, душераздирающие крики. Поезд остановился, из вагонов высыпали люди. А в небе кружили два самолета и хлестали по разбегавшимся пассажирам из пулеметов.

У вагона Люба увидела лежавшего на земле с раскинутыми руками мальчика и женщину, которая, еще не веря, что случилось страшное, непоправимое, судорожно ощупывала дрожащими руками безжизненное тельце.

Пешком добиралась до Лиды. Всю дорогу перед ее глазами стояла леденящая кровь картина: распластавшееся тельце мальчика и рыдающая мать.

А затем — случайная встреча в Лиде с хирургом Савченко, Ильча, Аня Велехова, страшная ночь под деревней Боровая, встреча с Петей и потеря его...

Только восьмой день шла война. Восьмой день!.. А кажется, что позади целая вечность страданий и душевной боли.

И вот наконец они сдали своих исстрадавшихся раненых в полевой госпиталь и сами остались в нем работать.

Госпиталь размещался в двухэтажной деревянной школе и в окружающих ее сельских домах. Жизнь в госпитале, хотя он только позавчера переехал сюда из-под Столбцов, шла своим чередом. Принимали раненых, сортировали, распределяли по палатам.

В палате тяжелораненых — большом светлом классе на втором этаже — дежурила Люба. В воздухе висел знакомый и уже опостылевший запах лекарств. Сидя у окна, Люба задумчивым взглядом смотрела в сторону

недалекой автострады, пролегавшей между Минском и Могилевом. Автострада запружена людьми. Нескончаемый пестрый людской поток лился в сторону Могилева...

В раскрытое окно донесся еле уловимый прерывистый шум моторов. Еще несколько томительных минут — и завывающее урчание наполнило палату. Раненые, до этого переговаривавшиеся между собой, умолкли. Наступила тишина...

Люба уловила знакомый нарастающий свист бомбы. Нет ничего хуже, если не видишь, куда она падает, эта свистящая бомба. Поэтому так страшны бомбежки в лесу и в населенных пунктах.

Люба отпрянула от окна, прижалась к стене, съежилась в напряженном ожидании. В такие мгновения хочется стать горошинкой, чтобы в тебя не попал осколок.

Страшный взрыв тряхнул стены. С потолка обвалилась штукатурка, колючими слезами брызнули из окон стекла. Люба кинулась к открывшейся двери. Но на пороге остановилась. Что-то заставило ее оглянуться, и она увидела десяток пар устремленных на нее глаз.

Воздух всколыхнулся от нового близкого взрыва. Люба метнулась к лестнице. Ей казалось, что взгляды тяжелораненых сверлили ей спину и тогда, когда она стремглав бежала по ступенькам вниз, когда вынырнула из завешенной одеялом двери во двор. Но побороть страх и остановиться не хватало сил.

Люба не помнила, как она попала в глубокую щель, вырытую под дощатым забором. Но страх ее не проходил и здесь. Прижавшись к глинистому углу щели, она смотрела вверх — на пикировавший бомбардировщик. Любе казалось, что если бомба упадет даже рядом, то земляные стенки щели сдвинутся и раздавят ее.

Вой самолета уже над самой головой. От его брюха отделился рой черных точек. Мелкие зажигательные бомбы устремились к земле.

Деревянное здание школы вспыхнуло мгновенно. Из щели Любе было видно, как над крышей заплясало пламя. Слух и сердце резанули крики, несшиеся со второго этажа. Перед глазами встала палата, раненые на койках, напряженные взгляды, устремленные на нее, убегающую вниз по лестнице. Люба вскочила на ноги и тут же увидела, как из окон нижнего этажа выскакивали легкораненые. Им помогали санитары.

— В палаты! На второй этаж! Не трусить! — раздался знакомый голос Виктора Степановича Савченко.

Это «не трусить» точно вытолкнуло Любу из убежища. Когда бежала к завешенным одеялом дверям школы, почему-то вспомнила спор ведущего хирурга госпиталя с дежурным врачом о том, где размещать тяжелораненых — на первом или втором этаже. Решили, что тяжелораненые задержатся надолго в госпитале и им спокойнее будет на втором. А зря...

Согнутая фигурка девушки в белом халате скрылась в дверях горящего дома.

Навстречу дохнуло жаром, в нос, в глаза ударил едкий дым. Люба стремглав пронеслась вверх по знакомой лестнице. Вбежав в палату, наткнулась на ползущих к дверям раненых.

Но какую надо иметь девушке силу, чтоб поднять взрослого беспомощного мужчину? Люба попыталась взять на руки первого попавшегося на пути раненого, однако ей удалось только приподнять его. Волоком потащила к краю лестницы. Потом бросилась за вторым, третьим, четвертым... Израненные люди, превозмогая рвущую тело боль, стараясь заглушить ее диким, нечеловеческим криком, катились вниз по ступенькам, где их подхватывали санитары. Некоторые задерживались на лестнице, их толкали катившиеся сверху.

Грохотали взрывы фугасок. Огонь свирепел с каждой секундой. Горел потолок, горели матрацы на кроватях, еще откуда-то било пламя — в дыму не разберешь. А Люба, тяжело переступая, задыхаясь в дыму, продолжала выносить к лестнице раненых. Уже осталось немного. Две койки, и на них стонущие, задыхающиеся люди... Жгло лицо, шею, приторно пахли обгорелые волосы. Тлела одежда раненого и обжигала руки. Люба слышала над головой треск и, задыхаясь, спешила к лестнице. Казалось, еще минута, и она упадет.

С грохотом рухнул потолок. В лицо ударил сноп искр — колючих, злых. Люба кинулась вниз, вслед за раненым, по уже горящей лестнице. В дыму на ощупь искала дверь. В горячке ударилась головой о какой-то выступ, и тупая боль заставила до дрожи напрячься все тело.

В это время рука наткнулась на дверную ручку. Люба, собравшись с силами, дернула ее. Дверь распахнулась, но это была дверь в какой-то класс. Оттуда в лицо, в глаза Любы с гулом и треском ударило пламя.

От нестерпимой боли она дико закричала и, зажав

ладонями обожженные глаза, отпрянула назад... Ее подхватили чьи-то руки.

Вскоре Люба Яковлева лежала на операционном столе. Две медсестры, с красными от слез глазами, заканчивали накладывать повязки на обожженное тело своей подруги. Все лицо Любы было тоже перебинтовано.

У окна стоял госпитальный окулист — высокий сутулый мужчина — и, разводя руками, говорил Виктору Степановичу Савченко:

— Надежды на сохранение зрения мало.

24

Отряд младшего политрука Петра Маринина действовал так, как десятки других подобных ему отрядов. Больше шли ночью, нападали на фашистов; днем двигались только лесом, не показываясь на открытых местах. Отдыхали урывками. Уже на вторую ночь у большинства бойцов, не имевших раньше оружия, появились винтовки, немецкие автоматы.

Самое трудное было переходить шоссейные дороги. Терпеливо выжидали, выслеживали врага. Держали путь туда, где ночью висели в небе ракеты, куда днем пикировали немецкие бомбардировщики.

Отряд заметно увеличился. В него вливались мелкие группы «окруженцев», пробивающихся на восток.

Возле большой деревни Яченки взяли у колхозников для нужд Красной Армии шесть лошадей. Колхозники с радостью отдали коней и еще принесли в лес три седла, только взамен потребовали оружие — хотя бы по винтовке за лошадь.

Теперь часть боеприпасов и продукты вьючили на лошадей. Один конь шел под младшим политруком Марининым: раненая нога Петра давала себя знать.

Лес, лес и лес... В верхушках сосен резвится ветер. Шумя и посвистывая, он спадает вниз и перебирает невидимыми руками листья густого подлеска — орешника, клена, граба. Петру чудится, что где-то недалеко шумит водопад. И странно — этот лесной шум кажется ему зеленым... Зеленый лесной шум. И жужжание пчелы — зеленое, и грива коня... И запах прелой листвы, взбитой десятками солдатских ног и копытами лошадей, тоже кажется зеленым. Перед глазами чертит замысловатые линии зеленая искра... Петр уже ничего не видит

и не слышит. Лес навеял на него зеленую дрёму, и он забылся в коротком тревожном сне.

Позади трудная, полная опасностей ночь. Вчера немецкий самолет разбросал над лесом листовки. В них предлагалось красноармейцам сдаваться в плен. А на обороте листовок — инструкция о том, как выводить из строя автомашины, принадлежащие воинским красноармейским частям. Немецкие специалисты рекомендовали бросать в баки с горючим по щепотке сахару... Вот Маринин и решил воспользоваться этим советом при первой же встрече с немецкими машинами.

Но сахару в отряде не оказалось. Маринин решил заменить его солью, которую добыли в одной деревушке.

А когда наступила ночь, начали действовать. Заприметили огромную немецкую автоколонну, остановившуюся на ночевку на окраине какой-то деревни... Удалось засыпать соли в баки всего лишь двенадцати машин. А потом немцы обнаружили убитого часового и подняли тревогу. Но сержант Стогов с группой бойцов, прежде чем скрыться в лесу, успел высыпать остатки соли в два бензовоза...

Маринин услышал, как зачавкало под ногами лошади болото, и проснулся. Пропустил мимо себя отряд, шедший вразброд, колонной по два. Увидел, что люди устали. Особенно тяжело было раненым. Когда снова вошли в чащобу соснового леса, передал по цепи команду:

— Стой!.. Привал!

Солдаты, сняв оружие, молча валились на траву. Маринин спешился и, пустив пастись коня, достал топографическую карту. Вместе со Стоговым вышел на опушку леса.

Из густой поросли молодого ельника смотрели на дорогу, которая в километре от них простерлась за ржаным полем. На дороге застыла огромная колонна немецких грузовиков. У всех подняты капоты, и было видно, как, забравшись под них, копались в моторах водители.

— Не зря ночь поработали! — Маринин радостно хлопнул по плечу сержанта. — Стоят!..

Отряд тем временем продолжал отдыхать на поляне.

Никто не придал значения тому, что высокий рыжий солдат по фамилии Ящук, оставив на траве свой ручной пулемет и прихватив вещевой мешок, воровато оглянувшись на товарищей, подался в кусты.

— Ты куда, Ящук? — окликнул его кто-то.

— До ветру.

За кустами он остановился, прислушался, не идет ли кто следом за ним, и вдруг кинулся бежать в глубь леса...

Вскоре на поляну возвратились младший политрук Маринин и сержант Стогов.

— Барахлят фашистские машины, товарищи! — радостно сообщил Маринин.

— Вся колонна загорает, — подтвердил Стогов.

И тут сержант заметил сиротливо лежавший на траве ручной пулемет.

— А где Ящук? — удивился он. — Ящук!

Ответа не было. Стогов и Маринин прошлись в глубь леса и в кустах наткнулись на брошенное красноармейское обмундирование. Ясно: здесь дезертир переодевался в гражданский костюм... Это первое дезертирство из отряда.

Сержант Стогов в ярости бросился бежать дальше в чащу леса, надеясь настигнуть подлеца.

Вдруг он остановился и взмахом руки позвал к себе младшего политрука. Вскоре они уже вдвоем сквозь кусты орешника смотрели на небольшую поляну, сплошь занятую отдыхающими красноармейцами.

— Оцепить! — коротко приказал Маринин сержанту, а сам, держа наготове автомат, вышел на поляну.

Красноармейцы, заметив неизвестного, вскочили на ноги, схватились за оружие.

— Кто старший? — строго спросил Петр.

— Нету старших.

— Здесь каждый сам себе начальник, — послышались в ответ голоса.

— Это как же? — недоумевал Петр. — Ну, а кто хотя бы охранение назначает?

— Зачем здесь охранение? — ответил коренастый боец с чуть раскосыми глазами. — В лесу все слышно. Треснет сучок, мы в ружье.

— Эх вы, вояки... А ну, слушай мою команду! В две шеренги становись!

Солдаты переглянулись. Некоторые пытались строиться, но большинство стояли на месте.

— Зачем же строиться? — спросил кто-то.

— Что значит «зачем»? — нахмурился Петр. — Или считаете, что уже конец, крышка?

— Насчет конца никто не говорит, — ответил тот же боец. — Кишка тонка у фашистов, чтоб русских побороть. А нам, верно, крышка, видать.

— Больно спешите панихиду по себе петь. — Маринин оглядел суровым взглядом солдат. — Кто отказывается выполнять мой приказ, отойдите вправо. Вон туда, под охрану.

Бойцы с недоумением посмотрели в ту сторону, куда указывал рукой младший политрук, и заметили, что там из кустов на них направлены стволы винтовок, пулеметов. Оторопело оглянулись вокруг и увидели, что вся поляна окружена. После минутного замешательства, сконфуженные, начали проворно становиться в строй.

— Ну вот, так-то лучше, — заключил довольный Маринин, оглядывая строй. — Можно хоть поговорить, как военный с военными.

Подошел сержант Стогов.

— Составьте список пополнения нашего отряда, — приказал ему Маринин. — По красноармейским книжкам — с указанием частей, места рождения, призыва и времени принятия воинской присяги. Документы смотреть внимательно.

— Есть!

Стогов принялся за дело, а Маринин продолжал знакомиться с отрядом.

— Коммунисты есть?

— Нет, молодежь все. Комсомольцы есть.

— Я комсомолец!

— И я.

— И я.

— Я тоже! — раздавались голоса.

— Прекрасно, — радовался Петр.

Вдруг его внимание привлек стоявший на левом фланге человек с зелеными петлицами на гимнастерке; в каждой петлице — по два кубика. Сам коренастый, плотный, и очень знакомое лицо... Вглядевшись в него, Маринин вдруг узнал... Семена Либкина! На носу техника-интенданта не было, как всегда, очков, и от этого лицо его казалось каким-то странным, чужим. Близорукие глаза непрерывно щурились.

— Техник-интендант Либкин? — шагнул к нему Петр.

— Ах, это вы, юноша? — без особого энтузиазма ответил тот. — Слышу — знакомый голос, а распознать без очков не могу... Теперь узнаю.

Отошли в сторонку, чтобы не мешать сержанту Стогову составлять списки.

— Удивительная встреча! — все еще не мог прийти в себя Петр.

— А чему удивляться? — устало ответил Семен. — Я сейчас бы не удивился, если б даже самого себя в лесу встретил.

25

Начались взаимные расспросы.

Либкин поведал Маринину историю своего побега из плена.

— Задушил одного гада, а майора перепугал до смерти и выскочил из самолета. Добро, что взлететь «юнкерс» не успел... Ну а потом — в рожь, в кустарник. Удирал, сколько сил было. Только вот очки потерял! — сокрушался Семен. — Теперь слепой. Заметил ночью в поле коня, хотел поймать, чтобы подъехать на нем. А подойти боюсь — никак не разберу, где у него хвост, а где грива. Вдруг цапну за зад, а он ногой в зубы. Так и пошел пешком... А под утро познакомился с председателем колхоза, — Либкин указал глазами на пожилого красноармейца-усача, который разговаривал со Стоговым. — Любопытные вещи рассказывает!

Стогов же недоумевал: перед ним стоял в красноармейской форме усатый дядька с морщинистым, загорелым лицом и, показывая военный билет, убеждал, что он добровольно вступил в Красную Армию, разжился по дороге обмундированием и сейчас пробирается на фронт.

«Диверсант», — с холодком в сердце подумал сержант Стогов, но не знал, как убедиться в своей догадке.

В это время подошел Маринин. Взял военный билет усача, полистал его, посмотрел на новенькое, чуть примятое обмундирование, в которое был одет председатель колхоза, и приказал: «Пойдем, поговорим».

Председатель рассказал действительно невероятную историю... Родом он из небольшого села, которое затерялось среди лугов и болот в средней пойме Припяти. Колхоз его из-за недостатка пахотной земли маломощный. Главное богатство артели — сенокосные луга.

И вот за два дня до начала войны в село пришли три командира — майор и два капитана, все в летной форме. Потребовали собрать правление колхоза.

На правлении показали свои документы и объявили: дальние луга колхоза занимаются на неделю для нужд

Красной Армии. Будут маневры. За потраву сена командование вносит в кассу артели компенсацию — сумму денег, которую назначит колхоз.

Председатель колебался: с районом надо бы посоветоваться. Но тут же майор объяснил, что вопрос согласован с областью и, больше того, луга уже оцеплены красноармейскими постами. Надо объявить населению, что появляться там никому не разрешается.

Делать было нечего. И если говорить по правде, колхоз даже выигрывал: сено в этом году зародило так, что не хватит рабочих рук вовремя убрать его. К тому же командиры не торговались — согласились уплатить сумму, которую назначило правление. Затем подписали договор в двух экземплярах, закрепили его гербовой печатью. Оформили бумагу для перечисления воинской частью денег на банковский счет колхоза.

А ночью крестьяне видели, как мигали на дальних лугах огни, слышали рокот приземлявшихся там самолетов.

Только спустя несколько дней после того, как началась война, председатель узнал ужасную правду: на луга его колхоза садились немецкие самолеты, выгружали они там отряды автоматчиков, легкие танки, горючее, боеприпасы. Узнал случайно, после того как в селе появились немецкие мотоциклисты, и председатель, сев на лошадь, умчался в луга, чтобы предупредить своих. Но вместо своих увидел пепельные мундиры гитлеровцев и желтокрылые «юнкерсы» с черными крестами на фюзеляжах.

Маринин был потрясен. Как все просто! И как все страшно! Многое фашисты взвесили: любовь и доверие народа к Красной Армии, чью-то беспечность, оторванность далекого села от районного центра... Но ведь самолеты немцев пересекали нашу границу не один и не два раза! А самолет — не муха! Замечали же их, докладывали... Неужели никого не беспокоило, куда и зачем они летают? Где и кто те люди, которые должны отвечать за это?.. Многое казалось непонятным. Ведь слышал же Петр, что первые часы после начала войны не было приказа открывать огонь по врагу. Где-то в высших штабах не верили, что на границе не провокация, а решительные боевые действия германской армии...

А сейчас, когда Петр услышал рассказ председателя колхоза, ему впервые стало страшно оттого, что он может погибнуть. Казалось, он узнал, понял такое, чего не

знают, не поняли там, за линией фронта, да и в самой Москве... Надо обязательно выйти к своим, чтобы рассказать все.

Вдруг вспомнил, что из отряда дезертировал пулеметчик Ящук. Скорее, скорее уходить от этого места, запутать следы!..

Не стали дожидаться ночи. Назначив головной и боковые дозоры, Маринин скомандовал отряду двигаться вперед.

26

Одиннадцатый день шла война...

Отдых в глубине леса близ шоссе, по которому катился непрерывный поток немецких танков, артиллерии, грузовиков, был тревожным. Отряд Маринина ждал ночи, чтобы незаметно переправиться через небольшую с заболоченными берегами речку Птичь — приток Припяти.

Перед вечером из разведки вернулась группа солдат. Старший группы доложил Петру:

— Путь разведан до дороги, что идет за Птичью с севера на юг. Дорогу можно перейти в любое время. Когда возвращались, то в лесу, в двух километрах отсюда, обнаружили замаскированную машину. На посту стоит красноармеец — уже пятый день. Ждет, что за ним вернутся...

— Что в машине?

— Не говорит...

— Может, продовольствие? — забеспокоился Либкин. Он теперь ведал продснабжением отряда.

Через двадцать минут Маринин, Либкин и пять бойцов были у машины.

Вид у красноармейца, охранявшего грузовик, был страшный: потемневшее, густо заросшее лицо с ввалившимися щеками, глаза точно больные трахомой; гимнастерка заскорузла от пота и пыли, и, может быть, поэтому комсомольский значок на ней сверкал такой неестественной свежестью и чистотой.

Красноармеец вначале подпустил только Маринина.

— Документы, — потребовал он.

— Не видишь разве? — Петр указал на звезду на рукаве своей гимнастерки.

— А родом откуда?

— Из-под Винницы.

— Может, земляк, товарищ младший политрук?! — издали бросил кто-то в шутку.

Услышав слово «товарищ», красноармеец оживился. Губы его растянулись в улыбке, измученное, посеревшее лицо прояснилось.

— Свои, свои! — радостно повторил он несколько раз, а затем осторожно вынул из гранаты запал. — Это я приготовил, чтобы в машину бросить, если фашисты придут, — пояснил боец и жадно посмотрел на флягу, висящую на ремне Маринина, облизнул сухие, потрескавшиеся губы.

Петр перехватил его взгляд, подал флягу. Солдат пил жадно, долго. Потом рассказал о себе.

Оказывается, пять дней назад на Бобруйск отступал какой-то саперный батальон. Невдалеке отсюда колонну атаковали немецкие бомбардировщики. Несколько машин и этот грузовик с саперным имуществом были повреждены. Грузовик оттащили в глубь леса. Командир роты поручил охранять его бойцу Скорикову.

— Ждите здесь, пока не пришлем машину под груз, — приказал он.

Сейчас Скориков не знал, как быть. Он и сам уже не верил, что смогут вернуться за имуществом. Но приказ...

— Снимаю вас с поста и зачисляю в отряд, — объяснил солдату Маринин.

Из машины выгрузили часть взрывчатки, бикфордов шнур. Остальное вечером, перед уходом, облили бензином и подожгли.

В пути Маринин услышал, как один парень, белорус, сказал Скорикову:

— Командир-то твой хорош! Оставил, мол, под охраной, и с плеч долой. А сколько ты еще стоял бы?

— Сколько нужно, — сердито ответил Скориков.

— Пока фашисты смену не прислали бы, — бросил кто-то.

На привале Маринин построил отряд. Ночь звездная, непривычно тихая. Рядом на поляне аппетитно щипали траву лошади.

— Красноармеец Скориков, пять шагов вперед! — скомандовал младший политрук.

Боец вышел из строя и повернулся лицом к товарищам.

Маринин не умел говорить красивых речей. Но на этот раз слова его проняли душу каждого. На самом деле, разве не подвиг совершил Скориков? Зная, что

кругом враги, что каждую минуту его могут обнаружить, он все же не покидал своего поста, свято выполняя приказ командира.

— За честное служение Советской Родине, — заканчивал свое слово Петр, — за отличное выполнение боевого задания от лица службы красноармейцу Скорикову объявляю благодарность!

— Служу Советскому Союзу! — взволнованно ответил солдат.

Идти стало труднее. Взрывчатка, которую взяли в автомашине, хотя и была распределена между тремя десятками солдат, легла на плечи отряда тяжелым грузом. Вскоре Маринин вынужден был спешиться и отдать свою лошадь под вьюки. Рана беспокоила уже меньше, и, если не встречалось на пути болото или непролазь мелколесья, Петр шел бодро.

Великое дело карта и компас!.. Как идти по ночному лесу, по бездорожью, не рискуя попасть в трясину, в карьеры торфоразработок или войти в деревню, занятую врагом? Как узнать, что ждет впереди, какие неожиданные преграды?

Спасали топографическая карта и компас. Засветло сориентировавшись на местности, проложив по карте маршрут и определив азимуты на каждый отрезок пути, Маринин выделял счетчиков шагов. Солдат, которому поручено было отсчитывать шаги на глухих, безориентирных участках, через каждые сто пятьдесят шагов клал в специально освобождавшийся карман палочку. Десять палочек — километр пройденного пути... И это позволяло в любую минуту знать, где, в какой точке находится отряд, позволяло намечать наиболее короткий и безопасный путь. Если же впереди отряду предстояло пересечь дорогу или речонку, шагов не считали, а шли напрямик, сверяя направление своего движения с компасом. Впрочем, таких отрезков пути было больше.

Этой ночью тоже шли напрямик, через лес, перелески, луга и массивы хлебов, зная, что к рассвету должны упереться в небольшую речушку. А там еще несколько переходов, форсирование Птичи — и Березина! Все были уверены, что на Березине стоит фронт.

Говорят, что в летние месяцы туман рождается на рассвете. Ничего подобного. Уже к середине этой ночи туман стоял на каждой поляне, клубился в низинах —

даже самых маленьких. Он пластался по земле и до того был густой, что, шагая в нем, солдаты не видели своих ног, и чудилось, что ты несешь свое тело по воздуху.

На рассвете вышли к речке. Она вся тоже утопала в белесом тумане. Вроде и речки самой не было, а стоял между двумя стенами леса туман — густой, белый. Казалось, войдя в него, взмахни руками — и поплывешь.

Где-то недалеко слева грохотали моторы. Привычным ухом Маринин легко различил танки. Посмотрели на карту. Если не отклонились в сторону, то рядом деревня Залужье. Через нее пролегает дорога, которая затем раздваивается и одним рукавом уходит на север, к автостраде Минск — Могилев, другим — на юго-восток, к Бобруйскому шоссе. На краю деревни — мост через речку; это, видать, у моста грохочут танки.

Вскоре вернулся из разведки сержант Стогов с двумя бойцами. Доложил, что рядом действительно деревня, но, как называется, не выяснил. Мост через речку у деревни взорван. Рядом с ним немцы навели понтонную переправу. По ней проходят сейчас танки и тягачи с пушками.

Бойцы отряда, разлегшись на росной траве, отдыхали, кормили размоченными сухарями лошадей.

Маринин подозвал к себе Скорикова — солдата, которого сняли с поста у машины со взрывчаткой.

— Вы сапер? — спросил у него.

— Да.

— Сумеете точно рассчитать количество бикфордова шнура, чтоб горел он, пока плот со взрывчаткой доплывет к мосту?

— Один момент, товарищ младший политрук, сейчас проверю скорость течения воды...

Через час все было готово. Точно рассчитали расстояние к понтонной переправе немцев, отмерили нужное количество бикфордова шнура, связали плот и уложили на него почти всю взрывчатку, которая была в отряде. Затем подсоединили шнур к капсюлю-детонатору, заложили зажигательные трубки в толовые шашки, и... огонек от спички побежал в глубь шнура. Оттолкнули плот со взрывчаткой на середину речки и сами — быстрее к броду, на ту сторону...

Ускоренным шагом шли в глубь леса, стараясь скорее оказаться подальше от речки, и напряженно прислушивались к тому, что делалось там, на переправе. Не прибьет ли плот к берегу? Не заметят ли его фашисты рань-

ше времени? Но не должны бы. Русло речки прямое, и туман такой — в двух шагах ничего не видно...

В стороне переправы по-прежнему урчали моторы, раздавались выкрики команд. И вдруг лес озарился яркой вспышкой. Кажется, в чистом небе полыхнула молния. И тотчас тяжелый грохот подмял, сдавил все живое. Дохнуло упругим ветром, всколыхнуло на полянах туман. Грохот оборвался, а затем снова родился где-то впереди, в лесной чаще. Но это уже было эхо.

Моторы на переправе утихли, и оттуда донеслись истошные вопли. Было ясно, что плавучая мина достигла цели...

Когда рассвело, отряд находился уже далеко от деревни Залужье. Над лесом несколько раз пролетал самолет-разведчик, и Маринин отдал приказ усилить маскировку.

В это утро еще одно событие взволновало отряд.

Дозорные наткнулись на дом лесника, и, когда доложили об этом Маринину, он принял решение наполнить фляги колодезной водой — всем уже надоела пахнущая болотом и торфом речная вода.

Сержант Стогов зашел в дом, чтобы попросить ведро, и вдруг увидел там... пулеметчика Ящука, сбежавшего из отряда. Ящук, переодетый в измятый гражданский костюм, заросший и усталый, сидел за столом и жадно хлебал щи. У печки возилась старуха хозяйка.

— Руки вверх! — грозно скомандовал дезертиру Стогов.

Под ружьем привел Ящука к месту стоянки отряда. Его тотчас окружили солдаты.

— Братушки... товарищи... — срывающимся голосом шептал Ящук, затравленно озираясь по сторонам. Вокруг — хмурые лица, негодующие глаза.

— Змея тебе товарищ! — оборвал его Маринин. — Куда собрался?

— У меня дом рядом... Мать старая, куда же я пойду с вами? — Ящук упал на колени, поднял трясущиеся руки. — Братушки... Пощадите...

— Шкура!

— Предатель!

— Пулю ему! — раздавались возгласы.

— Становись! — сурово, отрывисто скомандовал Маринин отряду. — Равняйсь!.. Смирно!.. — Затем повернулся к Ящуку, все еще стоявшему на коленях: — Встать!

Вид дезертира был жалок — у него тряслись колени, руки, дрожали губы, глаза безумно метались из стороны в сторону.

— Военную присягу принимал? — спросил Маринин. Потемневшие глаза Петра — грозные, колючие.

— Принимал... — еле выдавил из себя Ящук.

— Как наказать предателя? — обратился младший политрук к отряду.

— Расстрелять! — твердо ответил Стогов.

— Расстрелять, — повторил Скориков.

— Расстрелять... — прошептал Либкин.

— Расстрелять... Расстрелять... Расстрелять... — перекатывалось от человека к человеку вдоль строя. Лица людей суровые, полны решимости и воли. Нет, это не остатки разбитых войск, не деморализованные силы. Это солдаты, которых ничто не сломит.

— Именем Советской Родины приказываю: расстрелять дезертира Ящука! — сухо произнес Маринин.

— Расстрелять из его же пулемета, — добавил кто-то.

— Братцы... братушки! — Ящук ляскал зубами, задыхался. — Как же так сразу?.. Братушки... пощадите... Я в бою лучше, я что угодно сделаю...

Но ни тени сочувствия в десятках глаз. Только презрение и ненависть. И Ящук, точно в нем что-то надломилось, безвольно уронил голову, обмяк весь. Он понял, что пощады не будет.

Короткая пулеметная очередь оборвала жизнь дезертира.

Тревожно шумели ели... Отряд продолжал путь.

Маринин вел своего коня на поводу и поддерживал разговор с Либкиным. Семен, впервые видевший, как расстреливают человека, не мог прийти в себя.

— Как можно в такое время дома отсиживаться?! — возмущался он. — И вообще... Побыл я одну ночь в руках фашистов и многое понял... Не умели мы ценить ту жизнь, которой жили.

— Положим, не все не умели, — перебил его Петр.

— Не знаю, кто как. Я о себе скажу, — волновался Либкин. — Вот призвали меня зимой в армию, и я готов был жалобу писать. «Какой же из меня, очкарика, военный?!» — думал я. А сейчас понимаю: не хотелось мне расставаться со всем привычным. У меня в Нежине

семья, квартира большая, старики родители... Хорошо жилось. Каждое лето в Одессу или в Крым на курорт ездили.

— А я никогда моря не видел, — вздохнул Маринин.

— Да ну?..

— Во сне только видел море, курорт, — продолжал какую-то свою мысль Маринин. — Бывало, мальчонкой, проснусь и думаю: стать бы мне сразу большим и сильным да поехать к морю...

— Летом красота там! — заметил Либкин.

— Я в селе рос. В селе самая работа летом. — Петр вздохнул. — А о курорте слышал я от нашего сельского фельдшера. И мечтал: стать большим, поехать к морю, отыскать тот курорт, где от туберкулеза лечат, и свезти туда мою покойную мать... Туберкулезом она болела...

— А я все о том, — перебил Либкин, — что не всегда ценили мы блага, которые нам дала Советская власть. Полагали, что иначе и быть не может. Понимаешь?.. А я понимаю. Я особенно понял, когда фашист начал бить меня в морду и обзывать всякими непотребными словами. Я даже ужаснулся, что кто-то, оказывается, еще может так обращаться с человеком. Это же ужасно! Он себя считает человеком, а тебя скотом и заявляет, что тебе нет места на земле.

— В том-то и дело, — согласился Петр. — Драться надо... Иначе ни тебе, ни мне, никому, кто не захочет быть рабом, не найдется места под небом. В землю вгонят нас фашисты.

— Вот-вот! Я об этом и говорю. Фашистов мы победим, это факт. Но это еще не все. Ведь что было? Жили мы настоящей жизнью, а все же исподтишка поругивали ее. То нам не нравилось, что на базаре сало без шкурки продают, то в поездах казалось слишком тесно... Нет, побьем немцев, приеду я в свой Нежин, соберу родню и скажу: давайте жить лучше.

— В общем, ты правильно мыслишь, Семен. — И Маринин дружелюбно похлопал Либкина по плечу. Ему все больше нравился этот добродушный и откровенный человек.

27

Надвигался вечер, неся желанную прохладу.

Петр Маринин, взобравшись на грушу-дичок, что росла на опушке соснового бора, пристально всматривался

в сторону недалекого села. Хорошо бы заскочить туда ночью да пополнить скудные запасы продуктов. Но надежд мало. По дороге, огибавшей село, часто проходили колонны грузовиков. Многие из них сворачивали на проселок, нырявший в невидимый отсюда овраг, над которым возвышалась четырехгранная верхушка трубы какого-то небольшого завода, не обозначенного на карте Петра. Что там, в овраге?

Было видно, что по селу разъезжают мотоциклисты, прохаживаются солдаты. Да, пробираться в село опасно.

Вдруг откуда-то со стороны донесся женский голос — протяжный, плачущий. Вскоре Петр заметил и саму женщину. Она вышла из лесу немного впереди того места, где залег отряд, и направилась через луг, поросший мелколесьем, к деревне. Вслушавшись в причитания женщины, Петр разобрал слова:

— ...Чтоб мать так плакала твоя!.. Чтоб твои дети без молока остались!.. Ворюга бессердечный!..

— Задержать! — приказал Маринин сержанту Стогову, стоявшему под грушей.

Через несколько минут немолодая женщина, всхлипывая, рассказывала Петру:

— Спрятала корову от немцев, так свои нашли. А чем мне детей кормить?.. Все фашисты забрали...

— Кто забрал корову?

— Наши хлопцы. За оврагом огонь расклали. Уже, наверное, зарезали Маньку.

— Ведите скорее туда, — распорядился Маринин и вместе со Стоговым и тремя бойцами направился в сторону, куда указала женщина.

Пробежали овраг, по дну которого протекал ручеек, и услышали запах дыма. Вскоре увидели пляшущее пламя костра; возле него сидело человек десять красноармейцев. Все обросшие, грязные, смертельно усталые. Недалеко стояла привязанная к дереву корова.

— Стойте, — тихо приказал Петр Стогову и бойцам. — А то сдуру стрелять начнут.

Подоспела отставшая было женщина.

— Вон тот басурман забрал корову, — взволнованно объяснила она, указывая из-под куста на огромного детину, что точил на камне плоский штык.

Совсем недалеко Маринин заметил часового. Он сидел на пне и, уставив невидящие глаза в землю, стран-

но, точно спящий, покачивался. Услышав за кустом шорох, часовой с трудом приподнялся и тут же упал на землю, громыхнув винтовкой о пень.

— Голодный обморок, — вздохнул Петр и решительно направился к костру.

Огромный детина — грудастый, широкоплечий — оказался сержантом. Перестав точить штык, он скрестил напряженно-настороженный взгляд со строгим взглядом Маринина. Потом нехотя поднялся на ноги, сделал шаг навстречу Петру. Рассмотрев на его гимнастерке знаки отличия политработника, вдруг начал истерично хохотать.

— Братцы! Политрук к нам пожаловал! — сквозь хохот проговорил сержант. — Пришел политинформацию читать на тему «Ни шагу назад, вперед — на Берлин!».

На лицах бойцов мелькнуло подобие улыбок — горьких, усталых, безразличных.

— Давай, товарищ политрук! — скоморошничал сержант, подступая к Маринину. — Засвети вопрос о солидарности мирового пролетариата. Только извини, конспектировать не станем, не то время. Крой, начинай с трехаршинной цитаты о том, что будем воевать только на чужой территории!..

Петр почувствовал, как стыд жаром обдал его лицо. Ощутил какую-то вину перед этими опустившимися парнями. И в то же время в груди шевельнулась злоба: сержант издевался над его, Маринина, душевной болью, глумился над общей бедой...

Петр не удержался, когда сержант надвинулся на него грудью и приблизил в страшном оскале лицо, одним ударом свалил его на землю. Этот удар словно вернул сержанту силы: он мгновенно вскочил на ноги и поднял кулак, в котором был зажат штык. В дикой ярости Петр кинулся навстречу. Но в это время Стогов резко оттолкнул его в сторону и, рванув на своей груди гимнастерку, тихо сказал сержанту:

— На, бей...

Сержант будто протрезвел. Беспомощно оглянулся на своих товарищей, которые вскочили на ноги и схватились за оружие, опустил руку и, по-детски всхлипнув, обессиленно опустился на траву, выронив штык.

— Мародерствуете? — не мог прийти в себя Петр. — Своих грабите?

— А ты глазелки протри! — подал от костра голос

щуплый, с перебинтованной рукой солдатик. — Мы у немцев корову отняли. Вон они!

Маринин вопросительно посмотрел на раненого красноармейца и перевел взгляд туда, куда тот указал рукой. Увидел под кустом распластанные тела двух гитлеровцев.

— Убили? — укрощая злость, с любопытством спросил Петр.

Женщина, до этого с испугом наблюдавшая за происходящим, робко подошла к Петру и извиняющимся голосом заговорила:

— Товарищ начальник... пусть режут корову. Мы перебьемся как-нибудь. Все равно не упрятать ее от немцев... У меня на огороде картошка молодая поспевает, муки трохи осталось... Пусть режут...

— Заберите корову, — хрипло ответил ей Маринин. Затем подошел к костру, к красноармейцам, смотревшим на него с недоуменной тревогой, и, приложив руку к козырьку, представился: — Младший политрук Маринин, командир боевого отряда!

Петр обратил внимание, что на гимнастерках красноармейцев черные петлицы.

— Артиллеристы? — спросил он, будто ни к кому не обращаясь.

— Минометчики, — ответил кто-то.

— Впрочем, все равно, — горько усмехнулся Маринин и повернулся к сержанту Стогову: — Накормите людей и включите в список личного состава. И пусть приведут себя в божеский вид...

Влившиеся в отряд красноармейцы были очень усталыми, и Маринин решил этой ночью не продвигаться на восток. После скудного ужина углубились в лес и, облюбовав песчаную высотку, поросшую молодыми сосенками, расположились на отдых. Для охраны выделили из отряда полевой караул и два секрета, выдвинув их в направлении опушки леса, откуда могла угрожать опасность.

Петр чувствовал на себе хмурые взгляды сержанта, которого вгорячах свалил сегодня ударом на землю. Уже знал, что фамилия его Москалев. Хотелось заговорить с сержантом, но не находил повода. Было стыдно. С детства Петр никогда не дрался. Только в бою: на дороге под Скиделью, а затем под Боровой. Но одно

дело бить врага, а другое — поднять руку на своего, хоть и озлобленного неудачами, поддавшегося панике. Нет, вины за собой Петр не чувствовал, однако все же ощущал неловкость, что не хватило выдержки, не сумел взглядом, словом, наконец, командой подчинить своей воле строптивого сержанта. Ну, не сумел!

Маринин сидел у небольшого костерка и при тусклых бликах пламени рассматривал карту. Надо было решить: нельзя ли завтра сделать бросок вперед не только на рассвете, но и днем?

А сержант Москалев развертывал под недалекой сосенкой скатку шинели — собирался спать. Он помылся, побрился, отчего его щеки казались еще более впалыми, а глаза смотрели болезненно и устало...

Среди ночи Маринин сквозь сон услышал в стороне опушки непонятный шум: приглушенные возгласы, разговор, ржание лошади.

— Отряд, в ружье! — резко скомандовал Петр, вскакивая на ноги и хватая автомат. — Сержант Стогов, к полевому караулу!

Но тревога оказалась напрасной. Вскоре Стогов препроводил к месту расположения отряда повозку. На ней сидели, понукая лошадь, пожилой крестьянин-белорус и женщина, которой Маринин возвратил корову.

На повозке под соломой оказались мешки. В них — хлеб, картошка, сало, два окорока.

— Еле пробились к вам, — устало и невесело рассказывал крестьянин, разгружая повозку. — Полное село немцев.

— А на кирпичном заводе их как муравьев! — со страхом говорила женщина. — Все что-то таскают туда на грузовиках.

Оказывается, недалеко от села находился небольшой кирпичный завод. Вокруг него образовалось несколько глубоких карьеров, откуда годами выбирали глину.

— Доверху загрузили карьеры снарядами, минами, бочками с бензином, — продолжал рассказ крестьянин. — Это сразу же за шоссейкой, в полукилометре.

Петр оглянулся на Стогова, на бойцов, заметно приободрившихся при виде хлеба и сала. Встретился с угрюмым взглядом сержанта Москалева. Понял, что все ждут от него какого-то решения.

Протянул крестьянину руку:

— Спасибо за помощь продуктами. И за все спаси-

бо... — Затем пожал руку женщине и приказал двум бойцам: — Проводите их за опушку.

Когда повозка скрылась в лесу, Маринин обратился к Стогову:

— Ну, давайте думать... Не имеем права уйти отсюда, пока не взорвем склад.

— Как же до него дотянешься? — вздохнул Стогов.

Топтавшийся до этого в стороне сержант Москалев вдруг сказал:

— Недалеко отсюда минометы мы закопали... Может, вернуться за ними?

— Где?! — кинулся к нему Петр. — Какие минометы?

— Восьмидесятидвухмиллиметровые. Четыре ствола. И пять ящиков с минами. Минометы тащили на себе из-под самого Слонима.

— И мины из-под Слонима? — с недоверием спросил Стогов.

— Нет, на мины мы в лесу набрели. Штук сто выстрелили по немецкой колонне, а пять ящиков захватили с собой. Потом троих наших бойцов немецкие автоматчики накрыли и на наш след напали. Не было мочи нести дальше. Закопали... А буссоли с нами.

Маринин молчал, пораженный тем, что красноармейцы больше двухсот километров тащили на плечах минометы. А что это такое, он знает: в училище во время учений сам несколько раз вьючил на себя опорную плиту и, обливаясь потом, горбатился в солдатском строю до изнеможения. И сейчас понимал: иметь в отряде минометную батарею, — значит, не только удастся поднять в воздух склад боеприпасов врага, но, если посчастливится раздобыть мины, многое можно сделать.

— Найдете то место, где закопали? — спросил Петр у сержанта Москалева.

— Найду. Три часа ходу отсюда.

— А если там немцы?

— Что им в лесу делать? Немцы на дорогах и в деревнях.

Маринин задумчиво посмотрел в усталое лицо Москалева и после паузы коротко приказал:

— Собирайтесь. Поднимайте своих людей, берите две лошади и отправляйтесь за минометами.

— Сбегут же, товарищ младший политрук, — убежденно зашептал сержант Стогов Маринину, когда Мос-

калев ушел к своим бойцам. — Верное слово, сбегут!.. Накормили их, сухарями наделили. Не видите разве, что этот сержант чертом смотрит?.. Да еще лошадей отдаете!

— Не сбегут.

— Ну меня с ними пошлите!

— Не надо. Зачем обижать недоверием?

Петр Маринин наблюдал за кирпичным заводом, который хорошо был виден ему с вершины высокой сосны. На сосну забрался с трудом — еще беспокоила рана. Здесь, в вышине, особенно заметен терпкий, дурманящий запах разомлевшей от жары хвои. На земле этот запах так не чувствовался, как среди ветвей. Коричневый ствол сосны облит смолой; она пачкала обмундирование, липла к рукам. Но Петр не обращал на это внимания: не отрывался от бинокля. Отчетливо видел карьер, заполненный штабелями ящиков; во втором карьере — множество бочек. Там же стояло несколько тучных бензовозов.

А сержант Москалев все не возвращался. Неужели оправдались опасения Стогова?.. Не хотелось верить. Петр в который раз определял по сетке бинокля расстояние к карьерам. Этому хорошо помогали телеграфные столбы у дороги. Знал, что высота столба — шесть метров. Шесть делил на угловую величину, которую показывала сетка бинокля, и умножал на тысячу. От опушки леса к дороге — шестьсот сорок метров. От дороги к заводу — метров пятьсот. Надо три-четыре мины для пристрелки, и склады будут накрыты.

Но минометов пока нет. Москалев и его солдаты, по расчетам Маринина, должны были возвратиться часа три назад. Чем же вызвана задержка? Возможно, ночью сбились с направления, не смогли отыскать место, где закопано оружие. А может, что другое?

В глубине леса томился от безделья отряд. Стогов нервно прохаживался среди лежавших под кустами бойцов. Либкин с тремя добровольными помощниками собирал на поляне заячий щавель: грозился на следующем привале покормить отряд зеленым борщом.

Солнце поднималось все выше. В лес заползала духота. И росла тревога: что стряслось с группой Москалева? Не опасно ли оставаться на месте?

Вдруг издали, с той стороны, откуда должны были прийти минометчики, донеслись звуки стрельбы: нетрудно было различить стрекот немецких автоматов, разме-

ренную дробь нашего ручного пулемета, редкие щелчки ружейных выстрелов.

Это самое худшее, что мог предположить Петр. Ощутив холодок в груди и слабость в руках, он перевел бинокль влево, где опушка леса загибалась к самой дороге. Но ничего там не увидел.

Положил бинокль в чехол и, обдираясь о сучья, начал поспешно спускаться вниз, напряженно думая над тем, что он сейчас должен предпринять.

А стрельба не утихала. Но что это? Ухо Петра уловило хлопки минометных выстрелов. Взглянул на завод и глазам своим не поверил: увидел взметнувшиеся взрывы мин рядом с карьерами. Не обман ли зрения? Быстро достал бинокль... Совсем близко увидел султаны взрывов. Откуда летят мины? Чьи они? И вдруг перед самыми стеклами бинокля в небо вздыбилась огненно-черная стена...

Еще не осмыслил, что произошло, но инстинктивно крепко обхватил руками ствол дерева. И тут ужасающей силы грохот встряхнул лес, больно ударил по барабанным перепонкам. Взрывная волна упруго качнула ели; Петр даже скрежетнул зубами, так стиснул ствол, чтобы не слететь на землю.

Еще взрыв!.. Страшно было смотреть в сторону кирпичного завода. Над ним клубилась, будто перекипала, черная с огненными жилами туча, из которой во все стороны летели какие-то темные комья. Петр понял: это падали поднятые в воздух гильзы и неразорвавшиеся снаряды. Многие из них шлепались близ опушки, а некоторые, просвистев над головой, залетали даже в лес.

Через минуту Петр был на земле. Тут же к нему подбежал Стогов.

— Связной из группы сержанта Москалева! — с испугом доложил он, толкнув к Маринину запыхавшегося красноармейца.

Еле переводя дыхание, связной докладывал:

— Утром, после того как откопали и почистили минометы, столкнулись с немцами. Начали отступать. Чтоб не привести их сюда, сержант приказал всем занять оборону, а сам с наводчиками развернул минометы на опушке и ударил по кирпичному заводу. Вам надо уходить...

Маринину все было ясно.

— Сержант Стогов, остаетесь за меня, — начал он скороговоркой отдавать распоряжения. — Берите ране-

ных, лошадей с грузами и идите строго на юг три километра. Там замаскируйтесь и ждите нас. Выставьте цепочку часовых постов фронтом на север, чтобы не разминуться. Остальным — в ружье!.. Пойдем выручать минометчиков.

Прямо здесь же отряд развернулся в линию и побежал вдоль опушки туда, где еще слышалась перестрелка.

Но вскоре перестрелка утихла, и это заставляло тревожиться еще больше. Не слышно было и минометов. По лесу стлался дым, пахло гарью: ветерок дул со стороны кирпичного завода.

Рядом с Марининым, тяжело дыша, бежал солдат-связной.

—Скоро канава, там надо осторожно! — предупредил он.

Но до канавы не добежали. Встретили сержанта Москалева и с ним четырех бойцов. Правый рукав сержанта был в крови, а сам он еле держался на ногах.

— Где остальные? — спросил Петр.

— Потом, — прохрипел Москалев. — Надо уходить.

Раненого Москалева и его солдат, которые тоже еле переводили дыхание, подхватили под мышки и всем отрядом повернули в глубь леса.

Нужно было спешить. Теперь, после взрыва склада, немцы всерьез займутся прочесыванием леса. Наверняка пойдут с собаками.

— Четырех наших убили, — на бегу докладывал сержант Москалев. — Минометы пришлось бросить... Лошадей немцы постреляли.

28

Третьего июля ночью отряд младшего политрука Петра Маринина подошел к Березине. Лес здесь подступал вплотную к реке, тихо несшей свои воды меж буйной зеленью берегов. По ночной глади Березины стелился пар, лениво поднимаясь ввысь и тут же тая.

Маринин, прижавшись к толстому стволу ели, напряженно всматривался в противоположный берег, который казался безжизненным. Там мирно дремали густые кустарники, бросая на светлеющую кромку неба контуры своих кудрявых, плотно увенчанных листвой ветвей. Ничто не говорило о том, что за водной преградой расположились советские войска.

Зато на этой стороне Березины, где притаился в лесной чаще отряд Маринина, было неспокойно. Фашисты, оседлав дороги, непрерывно патрулировали вдоль реки на мотоциклах, танках, бронетранспортерах. Ракетчики, находясь где-то слева, то и дело стреляли из ракетниц, озаряя местность бледным мерцающим светом.

Маринин дожидался возвращения своих разведчиков, которым поручил исследовать берег реки. Наконец разведчики возвратились. Красноармеец Скориков доложил:

— Вот там, за изгибом, болото страшнющее! Прямо к берегу подходит. Самое место для переправы. Немцы туда ни-ни...

Через час отряд сосредоточился в зарослях, раскинувшихся на болоте. Даже лошади и те были надежно упрятаны от взора вражеских патрулей, носившихся на мотоциклах по дороге, за густым лозняком.

Солдаты деловито, без суеты, готовились к переправе: опустошали и выворачивали карманы, снимали сапоги и плотно, голенищами вниз, пристегивали их ремнями к животу. Тот, кто плохо плавал, собирал хворост, сухой камыш и делал из них вязанки. Для раненых (их было в отряде девять человек) сооружали плот.

Только Либкин не находил себе дела в эти томительные минуты. Мысль, что ему неотвратимо придется шагнуть в неизвестную реку и перебраться через ее широкое русло на далекий противоположный берег, совершенно невидимый для него, приводила в смятение. Он не умел плавать. Даже вязанка сухого хвороста, которую предложили ему бойцы, не казалась надежной.

— А если я кувыркнусь под нее? — не унимался Либкин. — И вообще, что это за дикий способ переправы? Кто может мне гарантировать, что этот сноп поплывет вместе со мной через реку, а не вдоль нее — прямо к фашистам?..

Красноармейцы сдержанно посмеивались. Посмеивался и Маринин. Он уже решил переправить Либкина вместе с ранеными на плоту, но пока не говорил об этом. Хотелось до конца испытать людей в трудную минуту.

К переправе все было готово. Ожидали лишь сигнала с противоположного берега, куда Петр отправил сержанта Стогова с двумя бойцами. Наконец после томительного ожидания по ту сторону Березины в небо устремились три очереди трассирующих пуль. Это сигнал,

о котором Маринин условился со своими посланцами. Он означал, что отряд может приступить к форсированию реки.

Маринин подал команду. Спустили плот, усадили на него раненых. Затем в воду шагнули лошади, неся на себе по одному седоку.

Маринин приказал Либкину сесть к раненым. Семен рьяно заартачился и самоотверженно шагнул в реку со своей вязанкой хвороста.

Когда люди отряда, переправлявшиеся последними, достигли середины Березины, Петр Маринин направил к реке своего коня. В это время фашисты обнаружили переправу. В ночном небе загорелись ракеты, вдоль русла ударили пулеметы, заухали взрывы мин. В ответ с другого берега на гитлеровцев обрушились огнем несколько советских артиллерийских и минометных батарей, застрочили станковые пулеметы.

Лошадь Маринина, поплясав на вязком берегу, испуганно всхрапывая, ступила в Березину.

Прильнув к гриве коня, Маринин напряженно всматривался вперед, туда, где добирались к противоположному берегу его люди. Каждый фонтан воды, поднимавшийся над рекой от взрыва немецкой мины, болью отдавался в сердце. Кого недосчитается он на той стороне?..

Почти до середины реки беспрепятственно добрался Петр со своим конем, укрытый изгибом русла от вражеских глаз. А на середине, где ездока стало сносить по течению, вдруг справа и слева, впереди и сзади вздыбились в небо оглушительно рокочущие столбы воды и пены. Подводные взрывы мин, казавшиеся со стороны глухими, здесь тупо, больно били по барабанным перепонкам. В воздухе над бурлящей от взрывов рекой неслись навстречу Петру невидимые, мелкие, как пыль, облака водяных брызг.

Взрыв мины взметнулся рядом. Чудовищная сила схватила Маринина за плечи и вместе с лошадью, завертев, швырнула в водяную бездну. Задыхаясь, Петр вскочил на спину коня, оттолкнулся и усиленно начал грести руками. Еще несколько секунд, и его голова появилась над поверхностью реки.

В десяти метрах от Маринина вынырнула лошадь. Всхрапывая, она поплыла в обратную сторону.

В небе вновь загорелись ракеты, и новые взрывы заухали на реке. Петр лег на спину и, выставив над водой

только лицо, энергично заработал руками и ногами. Стопудовыми казались сапоги на ногах, автомат на ремне, наган на боку...

Вдруг в то место, где был пристегнут наган, из-под воды чем-то больно ударило и одновременно оглушило страшным взрывом. Вздыбившийся в небо фонтан обрушился прямо на Маринина, вдавливая его в бурлящие воды Березины.

Тело словно схвачено железными путами. От удара в бок онемели руки и ноги, но мысль работала четко. Петр ясно понимал, что идет ко дну, что еще десяток секунд — и он начнет глотать воду. Нечеловеческими усилиями сбросил с себя железные путы. Почувствовал, что нет на шее автомата. Взмахнул руками и поставил тело в вертикальное положение. Начал грести. Еще взмах руками, еще два взмаха. А вода не размыкается над головой. Один бы глоток воздуха, одну бы секунду дать передышку легким. Но передышки нет, и он из последних сил рванулся вверх. И река расступилась...

Над Березиной воцарились тишина. Не ухали больше взрывы мин, не строчили пулеметы. А Петр Маринин все плыл к берегу, оставляя за собой кровавый след.

Где-то из глубины души, из тайников человеческого организма поднялись последние силы. Петр плыл. Словно в бреду почувствовал он, как его подхватили чьи-то руки.

— Знамя, — прошептал он. — У меня на груди знамя...

29

Наступил тринадцатый день войны.

В глубине леса, у зеленых шалашей, где размещался политотдел дивизии, собирались люди. Все переговаривались между собой и нетерпеливо посматривали в сторону грузовика, в кузове которого ожесточенно трещала пишущая машинка.

А над лесом, над примыкавшим к лесу полем с дозревающей пшеницей, над недалекой Березиной, зажатой с двух сторон буйной зеленью, стояла непривычная тишина. Еще не появлялись фашистские бомбардировщики, не неслись из-за реки вражеские снаряды.

Из шалаша показалась могучая фигура старшего батальонного комиссара Маслюкова. Он подошел к грузовику и у «машинистки Маши», как шутливо называли

рыжеусого политотдельского писаря, взял страницы бумаги с уже знакомым ему свеженапечатанным текстом. Затем повернулся к столпившимся командирам и политработникам, окинул всех внимательным, оценивающим взглядом. Знакомые лица. И в то же время Маслюков видел перед собой совсем других людей, чем те, которых он знал тринадцать дней назад.

Остановил взгляд на младшем политруке Полищуке, своем помощнике по комсомолу. Это он вместе с комиссаром одного из мотострелковых полков организовал под огнем переправу двух батальонов через Березину. Что же изменилось в нем? Тот же острый, нетерпеливый взгляд, та же улыбка — то добрая, то едковатая, та же складка меж бровей. И все-таки это был другой Полищук, с горечью и решимостью в коричневых глазах, с сознанием своей ответственности за все, что происходит вокруг.

Но вокруг уже не та гнетущая атмосфера растерянности и подавленности, какая была в самые первые дни войны. Враг остановлен, хотя неизвестно — надолго ли. Полки дивизии сумели, хотя и потеряв часть техники и личного состава, вырваться из клещей фашистских танковых колонн и уйти за Березину. Сейчас они закопались в землю и держат прочную оборону вдоль восточного берега.

Маслюков увидел, как через просеку переходил строй людей. Это спешил на позиции отряд, который сегодня ночью переправился через Березину из вражеского тыла. Люди усталые, но радостные, оживленные. Да, оправился народ от первого удара... Подошел полковник Рябов. Потемневшее лицо с ввалившимися, воспаленными глазами, жесткие складки у рта, усталый, озабоченный взгляд... Командиры подтянулись, отдали честь...

— Начнем? — обратился Маслюков к командиру дивизии.

Рябов молча кивнул.

—Товарищи! — голос Маслюкова зазвучал взволнованно, с нотками торжественности. — Получен приказ Военного совета фронта. Это приказ Родины, приказ партии, и каждое слово его, каждую букву мы обязаны донести до сознания, до сердца бойцов и командиров. Наш святой долг — выполнить приказ любой, даже самой дорогой ценой — ценой жизни.

Маслюков начал читать.

С волнением слушали собравшиеся суровые слова

правды. В приказе говорилось, что части нашей армии, располагавшиеся в западных областях Белоруссии, приняли на себя мощный внезапный удар фашистских танковых колонн, что советские воины проявили беспримерные образцы мужества, героизма, самоотверженности. И хотя наряду с этим были случаи растерянности и паники, они пресекались самыми решительными мерами военного времени. В целом, говорилось в приказе, бойцы, командиры и политработники в схватках со злобным, численно превосходящим врагом продемонстрировали горячую любовь к Советской Родине, безграничную преданность Коммунистической партии и Советскому правительству. В числе соединений, сохранивших боеспособность, упоминалась и дивизия полковника Рябова.

В подтверждение этих слов старший батальонный комиссар Маслюков рассказал собравшимся и о том, что сегодня ночью работник политотдела дивизии младший политрук Маринин вывел из вражеского тыла крупный отряд бойцов и вынес с собой знамя танковой бригады, прославившейся в боях с фашистами близ границы.

И сейчас, когда враг рвался через Березину, где на основных участках его встретил сплошной фронт советских войск, Военный совет призывал:

«Не щадить крови и самой жизни во имя победы над врагом. Советская Родина в смертельной опасности!..»

30

Пять месяцев идет война.

Долгими днями лежала Люба на больничной койке — замкнувшаяся в себе. Иногда тишину палаты пробуждала песня, робкая, как первый ручеек весны, грустная. Это пела Люба. По вибрирующим ноткам ее мягкого голоса, по скорби, гнездившейся в уголках губ, медсестра Наташа догадывалась, что мысли, одна не радостней другой, бередят душу подруги. Но больше Люба молчала, и Наташа не знала, как развлечь ее, чем утешить.

Медсестра Наташа — худенькая, остроплечая девушка с маленькими юркими глазками на веснушчатом курносом лице. Такой запомнила ее Люба Яковлева, когда они вместе всего лишь один день работали в госпитале. Знала еще, что Наташа бойка на язык и неутомима в споре.

И вот эта Наташа стала для ослепшей Любы самым близким человеком. Она привезла Любу с фронта в Москву — в клинику знаменитого профессора-окулиста. И уже сколько месяцев они неразлучны! Любе казалось, что рядом с ней — совсем другая Наташа. Не верилось, что у той языкатой и вездесущей Наташи может быть такой голос, полный искренней душевной доброты и ласки.

Сегодня день какой-то особенный. Люба чего-то ждала. На душе было тревожно и тоскливо.

— О чем ты все думаешь, Любашенька? — спросила Наташа, откладывая в сторону клубок шерстяных ниток и недовязанную варежку. — Почему не хочешь поговорить со мной? Или пой лучше. А то прямо плакать хочется...

О многом думала Люба. Часто до мельчайших деталей вспоминала те ужасные минуты, когда горел госпиталь, когда она выхватывала из тлеющих постелей тяжелораненых, беспомощных людей... Если бы раньше покинул ее тогда страх и она не убежала в окоп! Может быть, и горящий потолок рухнул бы лишь после того, как она успела вынести последнего раненого...

Где-то в потайном уголке души Любы теплилась надежда, что профессор вернет ей зрение. С этой надеждой легче было жить. Вот только Наташа... Милая Наташенька! Она все время старается утешить Любу... Не надо!.. В утешениях подруги, в ее робком голосе сквозили жалость и неверие в то, на что так надеялась Люба...

В палату часто заходил ассистент профессора. Люба угадывала его по шаркающим шагам, резкому запаху тройного одеколона, по нарочито уверенному голосу.

— Только не хандрить! — говорил ассистент. — Профессор соорудит вам такие глаза, что ни один парень не устоит...

Ох, зачем ее утешают? Ведь от этого еще труднее. К тому же Люба и не собиралась хандрить. Обида на судьбу, на нелепый случай еще не означала, что упали ее душевные силы. В коридоре раздались шаркающие шаги, потом в палате запахло тройным одеколоном.

— Как чувствует себя больная? — спросил ассистент. В его голосе Люба уловила что-то такое, что заставило насторожиться.

— Будете снимать повязку? — дрогнувшим голосом отозвалась Люба.

— Повязку? — деланно удивился ассистент. — Прошу в кабинет. Сейчас посмотрим, в каком состоянии ваши глаза. Может, скоро и снимем.

Люба поняла, что наступило время, когда выяснится результат операции, когда решится ее судьба.

Наташа вела Любу по длинному коридору, и Люба чувствовала, как в мелкой дрожи бьется рука подруги. Когда вошли в кабинет профессора, Наташа заметила, что две санитарки, проверявшие, как закрываются темные шторы на окнах, вдруг замерли на месте.

Наташа взволнованно глядела на профессора, на санитарок. Усталое немолодое лицо профессора озабоченно. Он строго посмотрел на Наташу и приложил к губам палец. Затем обратился к Любе:

— Здравствуй, героиня!.. Не надоела тебе еще повязка?

Люба повернула к профессору забинтованное лицо, как бы намереваясь взглянуть ему в глаза, и выжидающе застыла в таком положении. Потом робко спросила:

— Скажите, профессор, это уже?..

— Нет, нет, мы только посмотрим, — ответил торопливо профессор. — Медицина спешки не любит.

— Вы боитесь сказать мне правду?

— Не говори глупостей, садись!.. Не люблю экзальтированных девиц.

Но почему дрожат руки ассистента, снимающие повязку? И Наташа молчит...

— Открой глаза! — приказал профессор.

Люба почувствовала, что повязки на глазах нет, что непослушно открылись веки с обстриженными ресницами... Но глухая темнота не расступается, Люба ничего не видит...

31

Декабрь 1941 года. Шестой месяц идет война.

Младший политрук Петр Маринин возвращался из госпиталя на фронт...

Тяжело груженная пятитонка неслась по шоссе, непривычно оживленному для дневного времени. Грузовики со снарядами, тягачи с пушками, колонны танков, цепочки пехоты по обочинам — все это двигалось в том же направлении, куда ехал, сидя в кабине рядом с шофером пятитонки, Петр.

Упрямо продиралось сквозь стремительно несущую-

ся по небу рваную кисею туч обескровленное солнце. Стыли в морозном воздухе заиндевелые сосны Подмосковья. Зима сковала землю. Зиму сковала война. Поперек заснеженного шоссе — узкий проезд в частоколе ежей из сваренных рельсов и в стене из мешков с песком. Ежи, перемахнув через кюветы в разные стороны, схлестывались с линией проволочных заграждений и убегали в белесую хмурь поля.

Давно остались позади Химки. Шоссе было все таким же запруженным, и Петр опасливо посматривал сквозь боковое стекло в мглистое небо.

— Не бомбят? — спросил он у молчаливого немолодого шофера с потемневшим от усталости лицом и воспаленными глазами.

— Отбомбились, — коротко простуженным голосом ответил тот. — Теперь сами на брюхе ползают под нашими бомбами.

Петру хотелось расспросить шофера о делах на фронте: ведь уже второй день идет наступление. Но шофер был не из разговорчивых. И Маринин начал читать на пробегавших мимо машины фанерных щитах надписи, звавшие не щадить жизни в борьбе с фашистскими захватчиками.

Вправо и влево от шоссе, по унылому заснеженному полю, тянулись уходящие вдаль все новые линии железных ежей, опутанных колючей проволокой. Местами громоздились пирамидальные глыбы железобетона — тоже противотанковые препятствия.

Петр перенесся мыслями в Москву. Только сегодня на рассвете приехал он в столицу, и она уже позади. Шумно вздохнув, Маринин поморщился... Досадно. И нужно же было так случиться, что пассажирский поезд, которым он ехал из тылового госпиталя, на двое суток опоздал! Уступал дорогу воинским эшелонам, спешащим на фронт. А Петр не догадался где-нибудь на станции зайти в военную комендатуру и поставить на предписании отметку, что задерживается он не по своей вине.

В Москве его остановил комендантский патруль, потребовал документы. Затем объяснения в комендатуре, сердитый, раздраженный голос майора, рассматривавшего его направление из госпиталя, подозрения в том, что он, младший политрук Маринин, умышленно не спешит на фронт. Нечего было и думать о том, что ему удастся повидаться в Москве с Любой Яковлевой...

Наконец-то он нашел ее. С благодарностью подумал о незнакомом городе Бугуруслане, в котором находилось Центральное справочное бюро. Узнав, что существует такое, Петр из госпиталя написал туда письмо, надеясь узнать, удалось ли выехать из Киева его старшему брату с семьей. И получил ответ: брат в Ридере Восточно-Казахстанской области. Наладилась переписка. Брат сообщил Петру адрес Любы Яковлевой. Она разыскала его тоже через справочное бюро. Спрашивала о нем, Пете, писала, что встречалась с ним за Минском, слышала о его гибели, но не верила в нее. Надеялась, сама не зная на что.

А сердитый майор из комендатуры выговаривал Петру за опоздание и грозился трибуналом. В это время привели еще двух задержанных командиров. Они приехали в Москву тем же поездом, что и Петр Маринин. Недоразумение стало очевидным, и майор сменил гнев на милость. Петр даже осмелился спросить у него, не знает ли он, где находится клиника известного профессора-окулиста, и объяснил, что ему очень нужно справиться о здоровье одной медсестры. Майор подозрительно покосился на Петра и начал кому-то звонить по телефону.

— Медсестра Яковлева находится у вас на излечении? — наконец спросил он в телефонную трубку.

Петр затаил дыхание, не спуская глаз с усталого лица майора, которое было совсем не злым.

— Переключите, пожалуйста, — сказал майор и протянул телефонную трубку Петру. — Садитесь, можете поговорить. Сейчас соединят с тем отделением, где находится она.

И Петр услышал знакомый грустный голос Любы...

Он не мог толком припомнить, что говорил ей, что она отвечала. Все как во сне. Голос его скованный, деревянный; совсем не такой представлялась ему встреча с Любой.

А она плакала и смеялась, бессвязно рассказывала о хирурге-окулисте, который наконец вернул зрение ее одному глазу и обещает спасти второй. Просила писать, но заходить к ней не разрешила. Люба не хотела, чтобы Петр увидел ее со следами ожогов на лице, с повязкой на глазах. В ответ на это Петр назвал ее дурой. Хотел еще что-то сказать, но услышал недовольное покашливание майора: нужно было заканчивать разговор...

За воспоминаниями не заметил, как грузовик свер-

нул с шоссе и уже с трудом пробирался по ухабистой дороге. Наступал вечер, и нужно было успеть разыскать штаб своей дивизии, в которую посчастливилось получить назначение. А машина все медленнее и медленнее ползла по разбитой колее. Впереди, перед полусгоревшей деревней, — фанерная будка контрольно-пропускного пункта. Девушка-регулировщик в белом полушубке, валенках и шапке-ушанке флажком остановила машину и приказала свернуть в сторону. Почему? Петр нетерпеливо ерзал на сиденье: надо же спешить!

Но из деревни показалась колонна людей. Вели пленных гитлеровцев. Куцые шинельки с поднятыми воротниками, замотанные тряпьем шеи. Петр всматривался в посиневшие от холода, заросшие щетиной лица пленных... Да, это были не те немцы, которых он видел в Белоруссии, не тот вид у них. И Петру стало радостно. Он открыл дверцу кабины и с подножки начал всматриваться вперед. Колонне пленных не видно конца.

— Девушка! — крикнул Петр регулировщице. — А может, господа фашисты посторонятся? Куда им спешить? А у нас снаряды!

Девушка засмеялась и, озорно сверкнув глазами, махнула флажком. Шофер резко тронул машину с места. Пленные шарахнулись в сторону, по колено увязая в снегу.

Деревня осталась позади. Справа и слева к дороге подступал лес. В лесу снег вытоптан, местами чернели закопченные воронки. Петр осматривался. Скоро лес должен кончиться, а там, как ему рассказывали, находится дачный поселок, в котором разместился штаб дивизии.

Чуть в стороне от дороги, за мелким сосняком, заметны неясные очертания каких-то машин. Это совсем рядом. Вдруг там раздался невероятной силы грохот, сверкнули столбы огня, взметнулись облака снега. От неожиданности шофер выпустил из рук руль, и грузовик рванулся в кювет. Петр выскочил из кабины и плюхнулся в снег. Когда грохот утих, послышался плачущий голос шофера:

— Черти окаянные! Не могут маяка выставить, чтоб предупреждал...

— Что случилось? Что это? — недоумевал Маринин, оправившись от испуга.

— «Катюши», будь они неладны! — стонал шофер.

Петр, сконфуженный, отряхнулся от снега и только теперь толком разглядел длинную шеренгу машин с какими-то рельсами над кабинами. Вот они какие, «катюши»!..

Грузовик со снарядами безнадежно застрял в кювете. Петр зашел на огневые позиции «катюш», попросил, чтоб помогли вытащить машину, а сам, захватив сидор — вещевой мешок, пошел вперед. Нужно было спешить, ведь и так опоздал.

И вот он — дачный поселок, в котором разместился штаб. Разыскал домик политотдела. Но застал там одного писаря — незнакомого Маринину солдата в очках. Писарь сказал, что все политотдельцы в полках, а полковой комиссар Маслюков вот-вот должен приехать. Когда писарь узнал, что Маринин прибыл из резерва «для назначения на вакантную должность по усмотрению командования дивизии», то посоветовал, не теряя времени, идти в четвертую часть штаба и предъявить там предписание, чтобы «стать на довольствие».

Очень пожалел Петр, что послушался совета писаря. Начальником четвертой части оказался Емельянов. Тот самый капитан Емельянов, который под деревней Боровая в конце июня срывал с себя знаки различия командира Красной Армии. Только теперь он уже стал майором. Как ни странно, встретил майор Емельянов младшего политрука Маринина на первый взгляд радушно. Выслушал рапорт, посмотрел предписание и усадил на табурет перед своим столом.

— Что же мы будем делать? — озабоченно спросил Емельянов, потирая пальцами высокий лоб.

Петр уловил фальшь в голосе майора и напряженно смотрел в его увертливые глаза — холодные, бесстрастные и действительно встревоженные. Отведя взгляд в сторону, Емельянов забарабанил пальцами по столу.

— Понимаете, какая петрушка... Использовать вас нет сейчас никакой возможности...

Петр молча смотрел в красивое, уже без бакенбард, как было в июне, лицо Емельянова. Красивые, полные, четко очерченные губы под смоляного цвета усиками. Но какими-то деревянными были эти губы. Кажется, все детали точеного лица Емельянова жили самостоятельно. Глаза его не подтверждали того, что он говорил. Усмешка, в которой вытягивались губы, не передавалась глазам. Вроде кто-то другой выглядывал сквозь глазные щели из этого человека.

— Я политработник, — наконец заговорил и Маринин. — Нет места в газете, пойду в роту...

— Да не в этом дело. — Емельянов от огорчения сморщил лицо. — Понимаете... вы были в окружении, вышли оттуда без удостоверения личности. И непонятно, как еще уцелел партбилет...

— Это что, недоверие? — холодно спросил Петр, еще более насторожившись.

Емельянов передернул плечами, помедлил, всем своим видом подтверждая, что Маринин понял его правильно. Потом сказал:

— Давайте не будем усложнять этот вопрос. Я вам советую возвратиться в резерв политотдела армии, а там решат, где вас лучше использовать.

— В резерве мне делать нечего... А во-вторых, я зашел к вам только для того, чтобы включили меня в строевую записку. А где служить буду — начальник политотдела решит...

— Зря, зря вы горячитесь, — миролюбиво ответил Емельянов. — Я ведь тоже здесь что-то да значу... И боюсь, что все-таки вам придется...

— Вам нечего за меня бояться! — вскипел вдруг Маринин. И, гневно глядя в глаза Емельянову, уже не владея собой, со слезами в голосе твердо выговорил: — Я никогда в бою не трусил, никогда не снимал с себя формы, в которую меня одела Родина, не бросал с этой формой документов, как это делали некоторые военные за Минском...

Ни Емельянов, ни Маринин не видели, что в полуоткрытых дверях стояли Маслюков и Рябов, прислушиваясь к их разговору.

— Встать! — заорал на Маринина побагровевший Емельянов. — Что это за дурацкие намеки?!

Маринин медленно поднялся, принял стойку «смирно» и, овладев собой, уже спокойно смотрел на майора.

И тут Емельянов заметил начальство. После короткого замешательства он выскочил из-за стола, попытался доложить Рябову:

— Товарищ генерал-майор...

Рябов махнул на него рукой, заставив умолкнуть, а Маслюков шагнул к Маринину, обнял за плечи.

— Наконец-то явился, бродяга!.. Ну, основательно подремонтировали тебя? — рокотал бас начальника политотдела.

— Здравствуйте, товарищ полковой комиссар! — об-

радовался и смутился Петр. — Стою, как видите, крепко.

— Стой, стой! Держись, не поддавайся! — добродушно посмеивался Рябов, пожимая Маринину руку. Затем, кивнув в сторону Емельянова, спросил: — Чего сцепились?

— Недостойно дерзит, товарищ генерал! — пожаловался Емельянов командиру дивизии.

— Ай, Маринин, Маринин... — качал головой Рябов, похохатывая. — Дерзите, да еще недостойно. Достойно надо дерзить!

А Маслюков почему-то умолк, посуровел, над чем-то раздумывая. Вдруг он уставил твердый взгляд на майора Емельянова и, обращаясь к Маринину, промолвил:

— Ты сейчас говорил о людях, которые за Минском сбрасывали с себя командирскую форму. А ну уточни-ка.

Петр опустил глаза, приглушенно сказал:

— Разрешите мне не отвечать на этот вопрос... Старая история.

— Старая история... — задумчиво произнес Маслюков, все еще не спуская сурового взгляда с растерянного Емельянова. — Я думал, что тогда речь шла о чужом капитане, не из нашего штаба. И очень жалел, что не добрался до него...

— А-а, понятно, — перебил его Рябов, что-то припоминая. — Речь идет о ловушке под Боровой?

Наступило неловкое молчание. Его нарушил Рябов. Он положил руку на плечо Маринину и задумчиво произнес:

— Запомните, младший политрук, если в бою кто-нибудь струсил, то это не история и тем более не старая. Это напрасно пролитая кровь людская. И никогда, никому ее прощать нельзя. Верно?

Маринин, прямо глядя в глаза Рябова — суровые и вопрошающие, — в знак согласия кивнул. А тот, в белом полушубке, шапке, румяный с мороза, весь дыша силой и энергией, продолжал:

— Вот вы, коммунист, не испугались врага, хотя в июне там, за Минском, за Березиной, было очень, очень страшно. Верю: не струсите и впредь... Партия воспитала молодежь с крепким позвонком и гордым сердцем. Не зазнавайтесь только. Я, как старый коммунист, бывший рабочий, говорю вам эти слова для того, чтобы их суть такие, как вы, в чьих руках будущее, всегда напо-

минали молодежи. Когда наступит мирное, светлое завтра, обязательно скажите ей: «Товарищи! Не забывайте, что счастье... ковать... трудно... Умейте ценить жизнь, которой вы живете! Помните, что она принесена вам в муках и крови. И если среди вас найдутся нытики и хлюпики — презирайте их! В трудную минуту они спрячутся за ваши спины, они не пойдут первыми в атаку на врага! Настоящий человек не должен сдаваться...» — Генерал Рябов резко повернулся к Емельянову: — А вы в первом же бою сдались! Потом еще за героя себя выдали. Придется начинать вам все сначала...

Раскинувшийся на склонах небольшой речки дачный поселок содрогался от рева моторов. Из недалекого леса на центральную улицу поселка выползала нескончаемая вереница тракторов-тягачей с тяжелыми пушками на прицепе. Петр Маринин стоял на обочине и с восхищением смотрел на массивные стволы орудий, на оживленные лица артиллеристов. Западный фронт наступал, тот самый фронт, который из Западной Белоруссии откатился под Москву... Да, пришли другие времена.

Облегченно вздохнув и выбив ударом сапога вмерзшую в лед еловую шишку, Маринин направился вслед за тягачами разыскивать полк, куда он назначен комсоргом. Полк находился в движении, и его придется догонять, может, целую ночь пешком или на попутных машинах, по заминированной местности. И пусть! Ведь вперед, на запад пошли, в ту сторону, откуда начали наступать фашисты.

И хотя еще много, ой как много беды на нашей земле, беды, принесенной фашистами, уже не давит сердце гнетущее чувство. Тверже земля под ногами, зорче взгляд, крепче рука. А вокруг несметные силы: первоклассная техника, выкованная на советских заводах, и люди, полные решимости и отваги. Теперь можно помериться силами с фашистами, пора отплатить им за все: смерть, пожарища, за позор отступления, который перенес Петр Маринин и тысячи таких, как он.

Никогда больше не повторится для Советской Армии июнь 1941 года!

1946—1955 гг.
(Симферополь — Москва)

ПЕРЕД НАСТУПЛЕНИЕМ

1

Полевой госпиталь разместился в небольшой полуразрушенной белорусской деревне Бугры. Такое название деревня носила потому, что раскинулась она на склонах продолговатой плоской высоты.

Пустыми проемами окон уцелевших домов деревня глядела на небольшую извилистую речушку — Быстрянку — приток Припяти, на пестрый в золоте солнца сухой луг. Луг распростерся за Быстрянкой и тянулся до большака, по которому проходили в направлении притихшего фронта машины. Среди деревни возвышалось двухэтажное здание школы.

Быстрянка полукольцом огибала высоту, оттесняя деревню к сосновому лесу, с севера подступавшему могучей стеной к самым огородам и садам.

Стоял погожий июнь 1944 года. Буйная зелень вперемежку с цветами точно выплеснулась из леса, заполонив все окрест. Луг за Быстрянкой пестрел яркими красками. Опьяняющий аромат цветов и трав незримо струился над прогретой солнцем землей. Казалось, что нет войны, нет страданий, крови, смерти. Неистребимая жизнь властвовала вокруг. Об этом говорила каждая травинка на израненном снарядами поле, каждая щепа и стружка в деревне, встававшей из пепла...

В такое время никому не сиделось в помещении. Выздоравливающие раненые, которые могли ходить, свободные от работы санитары, медсестры, врачи — все тянулись под открытое небо, на воздух, густо настоянный на весенних травах и цветах. Особенно людно было вокруг школы, в которой размещались основные отделения госпиталя.

Школьный двор был обнесен полуразвалившимся деревянным забором. В его дальнем углу, под старой грушей, сложены парты. На них расселись выздоравливающие раненые. Дымя самокрутками, раненые вели

бесхитростный солдатский разговор о последних новостях.

Две подружки, Сима Березина и Ирина Сорока, выбрали себе уголок в сторонке — за грудой обгорелых бревен, возле пролома в заборе. Отсюда хорошо была видна дорога, юлившая через луг от большака к селу. Сидя в траве, девушки штопали чулки и изредка бросали взгляды сквозь пролом. Пока не едут санитарные машины с ранеными, у них свободное время.

Штопали молча, каждая думая об одном и том же. «Как там дома? Живы ли?..» Сима и Ирина родились и выросли в Олексине — белорусской деревне, которая раскинулась между Червонным озером и речкой Птичь — притоком Припяти, среди живописных лесов, лугов, обширных торфяных болот.

В один из первых дней июля 1941 года напротив дома, где жила Сима Березина, остановились две грузовые машины. В кузовах на соломе лежали раненые красноармейцы. Измученные люди просили пить, требовали, чтобы сменили на их ранах заскорузлые, причинявшие нестерпимую боль повязки. Кроме шоферов, никого с ранеными не было.

Сима, увидев, как шофер неумелыми, грубыми руками пытался поудобнее уложить раненного в грудь сержанта, предложила свою помощь. Вместе с Симой взялась за дело ее школьная подружка Ирина Сорока. Потом девушки, наспех собрав узелки и попрощавшись с родными, уехали сопровождать до госпиталя машины. Ни Сима, ни Ирина не думали тогда, что не скоро им придется вернуться домой. Вместе с госпиталем, который разыскали в Копаткевичах, дошли они до верховьев Дона. И теперь, три года спустя, военная судьба возвращала их к родным местам. От Бугров до Олексина оставалось совсем недалеко. Но, к великому горю подружек, линия фронта остановилась. Родное село находилось в руках врага.

По всему чувствовалось, что приходит конец затишью на фронте. Все больше поступало в госпиталь раненых, участвовавших в крупных разведывательных операциях, все чаще пролетали в сторону фронта советские самолеты, все оживленнее по ночам делался за лугом большак. С наступлением темноты оттуда доносился грозный рев танков.

Да и днем не затихала жизнь на большаке. Сейчас, сидя на траве и штопая чулки, Сима и Ирина видели,

что над дорогой клубились облака пыли, поднятые колесами идущих к фронту машин. И еще старательнее склонялись девушки над работой. Шелковые чулки они мечтали надеть дома: хоть и в сапогах, а все же частичка чего-то довоенного, мирного.

Трудный у них путь позади... В 1941 году, когда Сима и Ирина пришли в госпиталь, их назначили палатными сестрами. Потом стали привлекать к работе в перевязочной. Они разбинтовывали и забинтовывали раненых, усваивали обязанности перевязочной сестры, обучались делать внутривенные вливания, изучали хирургический инструментарий. Потом помогали заготавливать перевязочный материал и укладывать белье, знакомились со стерилизацией, с приготовлением шовного материала, учились надевать стерильный халат и маску.... А через год Симу поставили у стерильного стола на подачу хирургу инструментов.

Теперь Сима Березина уже старшая операционная сестра — правая рука хирурга.

— Какая ты счастливая! — не раз говорила ей Ирина. — А мне не доверяют...

Счастье... Разве это счастье? Ведь ни одна мечта не сбылась. Сердце изнывает от тоски по родным. Где Павел? Не забыл ли ее, думает ли о ней?

Сима, отложив в сторону недоштопанный чулок, подняла голову и сквозь раскинувшиеся над дорогой ветви ясеня посмотрела на чистое небо. На вершине ясеня заметила большое птичье гнездо, и ей сразу вспомнился один давний летний день.

Симе было тогда лет двенадцать. Захватив глиняный кувшин, вместе с подружками пошла она в лес собирать землянику. На краю большой поляны, недалеко от дороги, которая ведет на деревню Боровая, девочки встретили Пашку Кудрина. Босоногий, вихрастый, с подвернутыми штанами, в полосатой ситцевой рубашке, Павел с клеткой в руке шагал, озабоченно всматриваясь в верхушки деревьев. По проволочным решеткам клетки беспокойно металась молоденькая белка. Павел поймал ее на дереве в старом сорочьем гнезде.

Увидев девочек, Павел насмешливо сказал:

— Нашли где ягоды собирать! Наверное, с утра по штучке щиплете. А за грибным рвом ягоды сами в руки лезут — полным-полно!

— Так уж и лезут! — ответила Сима и строго спросила: — Ты зачем белочку посадил в коробку?

— Это не коробка, а клетка. А зачем — не твоего ума дело, — самодовольно ответил Паша и снова, запрокинув голову, устремил взгляд на вершины деревьев. Вскоре среди листвы высокого граба, почти на самой его макушке, он заметил гнездо. Подошел к стволу дерева и стукнул по нему палкой. Девочки тотчас увидели, как вверху мелькнул рыжий пушистый хвост.

— Есть! — радостно воскликнул Паша. Прицепив клетку к поясу, он ловко начал взбираться по ветвистому стволу.

Сима с подружками присела в сторонке на траву и с любопытством наблюдала за пареньком. К гнезду Павел подбирался осторожно: боялся, чтобы не разбежалась беличья мелюзга. Он был уверен, что сейчас посадит в клетку целый выводок. Вот он уже у гнезда, осторожно занес над ним руку. И вдруг:

— Ай!..

Девочки испуганно вскочили на ноги. С Павлушей что-то неладное. Закричав страшным голосом, он сорвался с ветки, упал на другую и повис. Но не удержался и снова начал падать. На самой нижней ветке опять зацепился, повисел и... рухнул в траву, оставив в ветвях клетку с белкой.

Сима подбежала к нему первой. Увидела бледное, расцарапанное лицо, закрытые глаза. На мгновение она оцепенела от страха. Но тут же опомнилась. Повернулась кругом и что было сил побежала к недалекому ручью. На бегу вытряхивала из кувшина в траву землянику, которую собирала с самого утра.

Принесла воду, но Павел уже пришел в себя. Он сидел на том самом месте и покачивался из стороны в сторону. Сима дала ему попить из кувшина, промыла царапины на лице.

Как бы извиняясь перед девочками, Пашка со страхом поглядел вверх, на гнездо. И вдруг одна из девочек закричала:

— Смотрите! Уж, уж!

Все увидели, как по стволу граба скользил между ветками большой уж. Он был в гостях у белок. Девочки, глядя на Пашку, захихикали. Сима насмешливо сказала:

— Больше не будешь белочек трогать...

И часто она что-нибудь вспоминала. Всплывали в памяти давно забытые картины, случаи, разговоры. Вот и сейчас, когда в другом конце двора густой бас затянул

«Катюшу», Сима вспомнила, как однажды ее мать выгнала Пашку из хаты за то, что он начал насвистывать в комнате. Потом они в саду учили алгебру.

Давно все это было. И выпускной вечер после окончания десятилетки давно был... Закончился концерт, и они с Павлом до утра бродили по дорожкам колхозного сада. У молодой яблоньки на краю сада Павел каким-то чужим, охрипшим голосом сказал ей то, что она так хотела услышать от него... Потом началась война...

Так и жила Сима с мыслями о Пашке — вихрастом, задиристом сверстнике. Мечтала встретиться с ним...

А тут еще занял какое-то место в ее мыслях капитан Пиунов — прославленный разведчик. Не хотела Сима себе сознаться в этом, но даже подруга, Ирина Сорока, заметила, что внес сумятицу в ее девичью душу бравый, насмешливый капитан.

Пиунова привезли в госпиталь с осколочным ранением в плечо. Рана неопасная, но быстро ее не залечишь.

Капитан был ходячим раненым. Он целые дни слонялся по госпиталю, шутил с медсестрами и молодыми врачами, а вечерами, когда в какой-нибудь хате собиралась свободная от службы молодежь госпиталя, чтобы попеть и потанцевать под патефон, Пиунов приходил туда первым. Шутник и весельчак, он перезнакомился со всеми девушками, начинал ухаживать за одной, другой, и, наконец, остановил свой выбор на Симе Березиной. Все замечали, как он ревниво следил за ее взглядом, как украдкой оглядывал с головы до ног и становился вдруг задумчивым.

Однажды рано утром Сима побежала к кастелянше Степановой получить свежие простыни для операционной. Степанова, пожилая женщина с басовитым голосом и прямолинейным характером, была всегда в курсе всех новостей, и ее острый язык не щадил никого. Когда Сима появилась на пороге просторной хаты, в которой размещалось бельевое хозяйство госпиталя, Степанова встретила ее ядовитым вопросом:

— Ну как, держишься?

— Вы о чем? — насторожилась Сима.

— Не знаешь? Капитан-то небось домогается? Да вот и он сам. За тобой спешит, — и кастелянша показала в окно.

Сима увидела, что через двор торопливо шагал к хате капитан Пиунов, и почувствовала, как загорелось

ее лицо. Она перевела умоляющий взгляд на Степанову.

— Меня здесь нет, — зашептала Сима и юркнула за дверь соседней комнаты.

Сима слышала, как вошел Пиунов, поздоровался и спросил:

— Березина не у вас?

— Нет, — мрачно ответила Степанова.

— Куда же она пошла? Вроде сюда направлялась... Ну, я пойду.

— Погоди, — остановила его Степанова. — Садись да послушай, что я тебе скажу.

— Интересно, что вы мне можете сказать?

— А скажу то, что ты, капитан, повеса. Ни совести, ни стыда у тебя нет.

— Погодите, погодите! — пытался остановить Степанову Пиунов.

— Молчи!.. За сколькими девчатами ты уже охотился в госпитале? Теперь Березину приглядел? Понравилась? Хорошая дивчина, да не про тебя!

— Обождите же вы! Дайте проглотить первый заряд! — И Пиунов раскатисто захохотал, смутив своим смехом опытную кастеляншу. — Теперь меня слушайте. Войне скоро конец? Скоро. Должен я жениться? Должен. Вот и ищу себе невесту.

— Не так ищешь!

— Так. Присматриваюсь к одной, ко второй, третьей. Не нравятся!

Сима вспоминает, как кольнули ее в сердце эти последние слова Пиунова. А капитан между тем продолжал:

— А потом действительно приглядел это лупоглазое чудо. Сразу понял: она, которая на всю жизнь мне суждена. Мечта моя!..

— Не говори красивых слов! — опять перебила его Степанова.

— Красивое красивым и называется. В душу мне Березина запала — вам первой об этом говорю. И еще скажу вот что. Здесь, на фронте, каждого человека можно узнать в два-три дня лучше, чем в другом месте за год. А девушку — тем более! Здесь ее и дом, и работа, и отдых. Вся она как на ладони.

— Что ж, по-твоему, всех невест на войну посылать надо?

Капитан опять захохотал и ответил:

— Не обязательно на войну. Можно на лесозаготовки, в экспедиции разные — словом, подальше от привычных домашних условий. — И, снова громко рассмеявшись, Пиунов вышел из хаты.

Так и не поняла тогда кастелянша Степанова, всерьез говорил с ней капитан или шутил. А Сима угадала, что за смехом Пиунова скрывалась правда, и это окончательно повергло ее в смятение.

Как-то вечером, когда Сима после работы шла отдыхать, ее встретил Пиунов и пригласил прогуляться по улице.

Стоял тихий апрельский вечер. Капитан взял Симу под руку, и она, поколебавшись, не отняла ее. Шли молча. Сима понимала, что Пиунов сейчас скажет то, чего она так боялась, понимала, что рано или поздно ей придется решить трудный, очень трудный вопрос. Ведь, если сказать правду, Симе нравился Пиунов — веселый, умный, двадцатитрехлетний капитан. С ним приятно говорить, танцевать, приятно чувствовать на себе его взгляд. Такой не может не нравиться... Но ведь она любит Пашку Кудрина!..

И Симе очень хотелось как-нибудь оттянуть этот разговор. Она заметила, что ворот гимнастерки Пиунова не застегнут, а шинель из-за раненого плеча внакидку. И чтобы напомнить ему, что она все-таки госпитальный работник, а он раненый, посоветовала застегнуться. Свежо ведь.

Пиунов тщетно пытался одной рукой продеть пуговицы в петельки, и Сима предложила ему помощь. И когда она, приблизив свое лицо к лицу Пиунова, стала застегивать ворот его гимнастерки, он неожиданно обнял ее и поцеловал в губы.

Сима вспыхнула, растерялась. До сих пор не поймет, как решилась на такое — влепила Пиунову пощечину.

Пиунов отшатнулся от нее и... бросился вслед за проходившим мимо грузовиком. Сима видела, как он на ходу кинул в кузов свою шинель, потом, ухватившись одной рукой за задний борт кузова, тут же очутился в машине.

Так, недолечившись, уехал сгоряча храбрый разведчик на передовую. Даже не выписался из госпиталя, не захватил свой вещмешок, чем привел в немалое замешательство госпитальное начальство и вызвал нарекания девушек за то, что Сима Березина свела с ума такого симпатичного ходячего раненого.

Потом Сима получила от Пиунова письмо, на которое до сих пор не ответила. А в письме — славненький березовый листик; почему-то красный, точно сейчас не июнь, а ноябрь. Зачем Пиунов вложил этот листик в конверт?.. Нужно ответить капитану. Должен же он знать, что она любит другого. «Где только он — этот другой?»

Мысли Симы неожиданно разлетелись, как вспугнутые воробьи. Сидевшая рядом, молча штопавшая чулок Ирина вдруг приложила козырьком руку ко лбу и уставила взгляд в сторону большака.

— Раненых везут.

Сима тоже увидела, что через луг к деревне едет санитарная машина. Нужно идти готовиться к приему.

Девушки, собрав нитки, чулки, вскочили на ноги.

Операционно-перевязочная — большая светлая комната. На ее дверях сохранилась табличка: «7-й класс». Один угол отгорожен простынями. В большой половине стояли в два ряда операционные столы.

За занавеской Сима и Ирина надевали халаты. Тут же, у умывальника с педалью, мыл руки, готовясь к операции, ведущий хирург Николай Николаевич Рокотов — высокий, полный, уже немолодой мужчина, в очках, прочно сидевших на мясистом, слегка горбатом носу.

Девушки о чем-то перешептывались и украдкой смеялись.

— Какой он славненький!.. — расслышал Николай Николаевич слова Ирины. — Нос как струнка, ровненький, на подбородке ямочка. Неужели в разведке все хлопцы такие красивые?

— Тебе каждый холостяк красив, — засмеялась Сима.

— Вот и не каждый! — Ирина надула губы.

Николай Николаевич, поняв, что речь идет о раненом лейтенанте-разведчике, тихонько хмыкнул. Девушки настороженно посмотрели в его сторону. Заметив их взгляд, хирург добродушно рассмеялся и сказал:

— Давайте-ка сюда этого вашего красавца. — Басистый голос хирурга звучал твердо, уверенно.

В операционную внесли на носилках раненого лейтенанта. Бледное красивое лицо, усталые глаза, болезненная улыбка. У лейтенанта раздроблена ступня.

— Где это вас? — участливо спросила Сима.

— На мину напоролся. — Глаза лейтенанта оживи-

лись. — Дружка своего в тыл к фашистам переправлял, Павку Кудрина...

Все: палата, раненый на носилках, операционный стол, хирург Николай Николаевич, — все поплыло перед глазами Симы, и сердце ее, кажется, остановилось. Она, пересиливая непонятную слабость в коленях, как бы превратилась вся в слух, всеми мыслями и чувствами устремилась к услышанному, точно желая угнаться за улетевшими, отзвучавшими словами, чтобы еще раз слухом прикоснуться к ним и заставить сердце поверить, что она не ослышалась.

— Как вы сказали? — прошептала Сима, опираясь похолодевшей рукой о стенку. — Павку Кудрина?.. Павла?..

2

Лесная поляна. Спокойствие и тишина царят вокруг. Слышно даже, как жужжат проворные пчелы. Они озабоченно обследуют колокольчики медуницы — синие, фиолетовые, голубые. В воздухе, под мягкими лучами утреннего солнца, струится тонкий аромат лесных цветов и трав.

На краю поляны, в тени вековой ели, прилег на расстеленную плащ-палатку капитан Пиунов — командир разведроты. Позади бессонная, трудная ночь, но ему не спится. Положив подбородок на большой кулак, Пиунов посасывает сладкий стебелек перловника и следит, как муравей, пробираясь сквозь густую траву, деловито тащит куда-то белую личинку.

А недалеко от поляны, у шалаша, сложенного из сосновых веток, расположились разведчики. Сидят солдаты, и хотя бы кто слово сказал — молчат. Один прилаживает целлулоидный подворотничок к гимнастерке; другой, пристроив на кустике можжевельника маленькое зеркальце, согнулся в три погибели и скоблит бритвой щеку; третий чинит гранатную сумку. А большинство ничем не занято — сидят кто где и в землю смотрят. Тяжело у всех на душе, как и у командира. Из-за линии фронта не вернулись их товарищи — четыре разведчика, с которыми бывали в трудных поисках, переносили бомбежки и обстрелы, ели из одного котелка, укрывались одной шинелью... Еще четыре жизни... Можно вычеркнуть из ротного списка фамилии погибших или пропавших без вести, но из сердца не выбросишь.

А сколько друзей сложило головы в прошлых боях! Чей теперь черед?

Целую ночь провел капитан Пиунов на переднем крае. Все ждал возвращения группы разведчиков во главе со старшим сержантом Кудриным. Не вернулись!..

Налетел легкий ветерок и, запутавшись в вершинах елей, тихонько заскулил. А Пиунову после бессонной ночи кажется, что это шумит в его голове.

«Что же случилось с Кудриным? — задавал он себе один и тот же вопрос. — Может, нарушил приказ и зашел в Олексино — в родную деревню, а там попался в руки гитлеровцев? Может, допустил какую-либо другую оплошность?»

Но ни во что это верить не хотелось. Пиунов хорошо знал Павла Кудрина.

В подробностях помнится Пиунову день, когда он, тогда еще лейтенант, принял командование взводом и впервые познакомился с Кудриным.

Это было два года назад. Он пришел в свою еще не обжитую землянку. В руках — пахнущая клеем, хрустящая топографическая карта с нанесенной обстановкой. Расстелил карту на столе и начал ее рассматривать. Перед взором предстали зеленые массивы приильменских лесов, паутинки дорог и тропинок, голубая извилистая лента Ловати. Наискосок через карту переползала линия немецкого оборонительного рубежа, прикрытая синими горошинками минных полей, изломанной чертой проволочных заграждений, стрелками пулеметных гнезд, дзотов, ракетных постов. А за этой линией — флажки штабов, кружки артиллерийских и минометных батарей, квадратики пунктов боевого питания и много других знаков.

Рассматривал карту и думал о налетах на немецкие траншеи, засадах во вражеском тылу, дерзких поисках днем. И во главе разведчиков — он, лейтенант Пиунов.

Пылкие мысли Пиунова прервал шорох плащ-палатки, которой был завешан вход в землянку. Раздался спокойный голос:

— Товарищ лейтенант, вас вызывает командир дивизии в землянку начальника разведки.

Пиунов окинул внимательным взглядом молодого, коренастого солдата, на котором ладно сидело поношенное обмундирование, и, начав складывать карту, ответил:

— Хорошо. Можете быть свободным.

Но солдат почему-то не спешил уходить. Он (это был Павел Кудрин) переступал с ноги на ногу, что-то хотел сказать. Наконец решился:

— Товарищ лейтенант...

— Что еще? — Пиунов, пряча карту в полевую сумку, поднял голову.

— Сбрили бы вы, товарищ лейтенант, бакенбарды... Не любит этого командир дивизии.

Пиунов вспылил:

— Это что? Замечание командиру?! Идите!..

Настроение было испорчено. И правда, зачем он отпустил эти баки? От нечего делать, когда в резерве находился. Но теперь не сбреет — принципиально. И наведет порядок во взводе, чтобы младшие не смели указывать старшим.

...Когда вошел в просторную землянку начальника разведки, там уже было несколько офицеров. За столом над картой склонился генерал Ребров.

Пиунов доложил о своем прибытии. Генерал Ребров скользнул по нему усталым взглядом и опять уставился в карту. Вроде ни к кому не обращаясь, произнес:

— Офицер как офицер, а лицо испохабил...

Пиунову показалось, что под ним загорелась земля. Чувство неловкости, стыда перемешивалось с чувством возмущения. Хотелось выкрикнуть: «Какое вам дело до моего лица?! Уставом не запрещается...»

Но тут же снова прозвучал голос генерала:

— Сделайте, прошу вас, лейтенант, одолжение старику. Приведите себя в божеский вид...

Пиунов пробкой вылетел из землянки и опять наткнулся на Кудрина. Разведчик сидел на стволе поваленного дерева и кисточкой разводил в пластмассовом стаканчике мыло. На коленях у него лежали бритва и зеркальце.

— Товарищ лейтенант, пожалуйста... — обратился он к своему командиру.

Пиунову показалось, что глаза разведчика смеются. Скрывая смущение, лейтенант взял бритву...

В ту же ночь взвод Пиунова ушел во вражеский тыл за «языком». И случилось так, что, если бы не Павел Кудрин, не вернуться бы тогда командиру взвода из разведки. Прямо в упор в голову ему прицелился из пистолета фашистский офицер. И на какую-то долю секунды Кудрин успел опередить его — из ракетницы выстрелил в лицо офицеру...

«Да-а... Кудрин, Кудрин», — тяжело вздохнул капитан Пиунов, отрываясь от воспоминаний.

Солнце поднялось выше, и на поляне становилось жарко. Капитан встал, оттянул свою палатку глубже в тень, ближе к шалашу, возле которого сидели разведчики, и опять улегся. Теперь ему стало слышно, что разведчики изредка перекидываются короткими, скупыми фразами. И каждая фраза полна глубокого смысла.

— Нэ вэрю, чтобы нэмэц провел Кудрина! — взволнованно говорил Бакянц, щупленький солдат-чернушка, и вопросительно смотрел на товарищей своими большими темными глазами. — Нэ вэрю. Помнишь, Нэстэров...

Но Пиунов не расслышал, что должен был помнить Нестеров. Лес вдруг наполнился гулом моторов. В небе, над поляной, пронеслись, возвращаясь с задания, краснозвездные штурмовики. Пиунов успел заметить, что крыло одного Ила, шедшего в середине строя, просвечивалось. «Снарядом продырявило», — подумал Пиунов. И почему-то вспомнился полевой госпиталь. Над ним, наверное, пролетят самолеты. Перед глазами встала Сима Березина — светлая, смеющаяся... Пиунов глубоко вздохнул: «А на письмо не отвечает...»

Стих гул штурмовиков, и стало слышно, что в шалаше звенит телефон.

— «Полюс» слушает! — отозвался телефонист. — Есть, двадцать второго к хозяину!

Пиунов вскочил на ноги и, не дожидаясь, пока телефонист передаст ему приказание, направился в глубь леса, где виднелись землянки штаба дивизии. Он знал: вызывает генерал Ребров.

— Товарищ капитан! — Знакомый голос оторвал Пиунова от его мыслей. Он повернул голову и на лесной тропинке увидел... Симу Березину.

— Вы?.. — прошептал Пиунов вдруг побелевшими губами и нетвердо шагнул навстречу девушке. — Вы решились?.. Сима-а... Я знал, что поверите мне...

Каждая клетка тела зазвенела в нем от внезапно нахлынувшего счастья, от буйной человеческой радости. Мгновения растерянности прошли, и Пиунов, с засветившимся лицом, с повлажневшими глазами, не чуя под собой ног, кинулся к Симе.

— Симочка! Я же умру от счастья! Здравствуйте!..

Сима стояла перед ним красивая и... непонятная. Безучастно глядела она на Пиунова своими серо-голубы-

ми глазами, над которыми взметнулись крутые, чуть надломленные посредине брови. Круглое лицо с загорелой матовой кожей, тонкий, чуть вздернутый нос, упругие губы... Из-под пилотки падали на круглые плечи светлые пушистые волосы. Гимнастерка, туго затянутая солдатским ремнем, короткая синяя юбка, кирзовые сапоги на ногах. Вся ее фигура, удивительно легкая, весь ее вид — гордый и простой, печаль в ее глазах — все будто сказало капитану: «Остановись».

— Сима... — прошептал Пиунов. — Вы не рады встрече со мной?..

Сима вздохнула.

— Кудрин не вернулся... — не то спрашивая, не то утверждая, тихо произнесла она, устремив взгляд мимо Пиунова. — Мне уже сказали...

3

Что же случилось с Павлом Кудриным и его разведчиками?

В тыл противника проникли они ночью по топкому болоту. Для Павла Кудрина это были знакомые места. Не один раз зимой бродил он здесь на лыжах с двустволкой в руках. Случалось, снег перестанет идти с вечера, и к утру по пороше — замысловатые строчки звериных следов. Среди облепленных снегом кустов — следы рябчика. Местами зеленеют из-под снега веточки брусники: это рябчики добывали себе пищу. В стороне, точно вышитые бисером, дорожки, оставленные лесной мышью. Тут же петляет свежий заячий след.

Павел — опытный охотник, и разобраться в звериных следах для него не сложно...

Но то было зимой, когда все вокруг ослепляюще сверкало — даже сосновые ветви, согнувшиеся под мохнатыми папахами снега. А в темную ночь по топкому болоту, обозначенному на карте как непроходимое, нелегко найти нужную дорогу.

Еще готовясь к разведке, Павел Кудрин забрался на высокую ель и долго изучал болото, рассматривая его в стереотрубу. Он пытался угадать, в каком месте можно ступить ногой без риска для жизни.

Светло-розовые цветочки кипрея, белые — багульника, пепельно-зеленые — дремлика, лилово-пурпурные — ятрышника, сочная трава, местами деревца осины, березы... Как трудно разобраться в них! А без этого не най-

дешь путь сквозь болота, изобилующие бездонными трясинами.

Войсковой разведчик Павел Кудрин расчетлив, смел, решителен. Каждый раз, получив задание, он, уже сидя над картой, мысленно разыгрывал ход операции. Умел увидеть десятки различных осложнений, неожиданностей, которые подстерегали разведчиков, и учитывал, что обстановка может сложиться совершенно по-иному, чем он предполагал. Но и он не застрахован от ошибок, от просчетов.

Слово старшего сержанта Кудрина — закон для его подчиненных. Не потому только, что он командир взвода. Каждый разведчик видел в этом парне человека дела. Хоть и молодой он, хоть нередко прорывался из-под его напускной серьезности мальчишеский задор, однако каждый был уверен: отдает старший сержант приказание — значит, оно выполнимо, если даже и сопряжено с большим риском. А главное, каждый понимал, что самую трудную часть задачи, самое опасное дело Кудрин берет на себя. Правда, это ущемляло самолюбие некоторых разведчиков. Но такое «злоупотребление» командиром взвода своей властью обжалованию не подлежало.

Для выполнения задачи в тылу врага Кудрин отбирал из своего взвода наиболее надежных солдат. Старался, чтобы группа была небольшой, но боеспособной.

На этот раз разведгруппа состояла всего из четырех человек. Кроме Павла, в нее входили Петр Стреха, Семен Туркин и Михаил Лукашкин — разведчики, с которыми Кудрин уже не раз бывал за линией фронта.

На это задание и не требовалось брать много людей. Кудрин учитывал, что предстоит трудный и опасный переход через болота. А там за каждым не усмотришь. Но и такая малочисленная группа могла сделать большое дело. В Стрехе, Туркине и Лукашкине Павел Кудрин был уверен, как в самом себе.

Петр Стреха — мужчина тридцати шести лет — необычайно храбрый и сметливый разведчик. В голосе его звучит мягкий украинский говор. Петр любит рассказывать, умеет при этом складно приврать. На красноватом курносом лице Стрехи, в его серых острых глазах сквозит добродушное лукавство, светится какая-то озорная мысль, от которой Петру весело. Кажется, вот-вот он поделится своей мыслью с товарищами и заразительно рассмеется. Но Стреха не смеется даже и тогда, когда

ему смешно. Он только широко улыбается, хлопает ладонью себя по коленке и приговаривает: «О цэ да!..»

По красновато-матовым щекам Стрехи, от того места, где нос почти под прямым углом загибается кверху, спадают вниз две глубокие морщины и, прикоснувшись к складке на жирноватом подбородке, образуют круг. Похоже, что лицо Петра долго давили горшком и следы от закраин горшка так и остались на нем. Когда Стреха улыбается, круг этот делается приплюснутым. И ни за что не удержишься, чтобы не улыбнуться, когда улыбается Петр Стреха.

Родом Петр из Винницкой области. До войны работал в колхозе ездовым. В разведку пришел добровольно. Нравилась Стрехе эта военная профессия, полная приключений и опасностей. Нравилась тем, что в обороне или в наступлении — всегда он был в курсе всех дел на фронте, что не требовалось ему долго засиживаться на одном месте. Любил Петр новые места, новую обстановку. Радовался тому, что вдруг обнаружил в себе большую храбрость, о существовании которой раньше и не догадывался.

Семен Туркин и Михаил Лукашкин — люди другого склада. Семен Туркин — мешковатый, молчаливый двадцатилетний парень. Его широкое, скуластое лицо с чистой, гладкой кожей, черными глазами и правильным носом всегда задумчиво.

Миша Лукашкин старше Туркина года на два, но с виду он щупленький, хилый. Быстрые и острые глаза Миши сидят на лице чуть-чуть ближе, чем им положено, и от этого кажется, что они слегка косят, напоминают глаза какого-то шустрого узкомордого зверька.

Туркин был не очень поворотлив, Лукашкин отличался непоседливостью. «Вертлявый ты, как белка, а любопытный больше, чем сорока», — говорил о нем Петр Стреха. Мишу старались реже посылать на наблюдательные пункты. Наблюдал он плоховато — не хватало терпения; зато в поиске никто ловче Лукашкина не мог подобраться к вражескому часовому. Ошеломлял внезапностью, стремительностью. Увертливый, как вьюн, он никогда не давал врагу схватить себя.

А Семен Туркин считался богом на наблюдательном пункте. Разведчики, бывало, еще только поговаривают, что фашисты думают выдвинуть куда-нибудь свою новую огневую точку, а Семен уже знает это место. По самым незначительным признакам умел он распознавать

на переднем крае расположение вражеских наблюдательных пунктов, пулеметных гнезд, огневых позиций орудий и минометов. Один раз Туркин ухитрился разглядеть в стереотрубу нарукавные нашивки у гитлеровцев. Раньше этих нашивок, похожих на дубовые листья, не было. И по такой незначительной детали определил: в наблюдаемом секторе появилась свежая часть противника.

...Утро застало разведчиков в лесу, километрах в трех от деревни Боровая. Они забрались в давно не видавший топора густой подлесок и здесь, в непролазных дебрях, уселись позавтракать. Консервы, галеты казались после хлопотливой, напряженной ночи необычайно вкусными.

Петр Стреха, как всегда, начал еду с луковицы. Он очистил ее, затем насыпал на плоский бок фляги горсть соли и ладонью с хрустом раздавил на ней луковицу.

Лукашкин с ухмылкой косился на Петра и с аппетитом уминал мясные консервы; лук ему не нравился.

Семен Туркин в это время лежал в пяти шагах от товарищей и прислушивался к лесным шорохам. Он нес охранение. Семен удивлялся, что здесь, в глушине, так мало зелени. Земля почти голая, пахнет плесенью. Только кое-где зеленеет похожий на папоротник кочедыжник, стебелек лесного хвоща да пахнущий перцем грязно-пурпурный копытень — завсегдатай тенистых и сырых лесных уголков.

Кудрину есть не хотелось. Он с трудом прожевывал сухие галеты и запивал глотком воды. Перед глазами стояло родное село таким, каким знал с детства: хаты в садах, тенистые улицы, сосновый лес, подступивший к огородам. А на краю села, у речки, — дом, в котором Павел родился, рос. Соломенная крыша, молодые ясени на подворье, узкая тропинка через огород к лугу. На лугу — криничка с прозрачной, холодной до ломоты в зубах водой.

Ведь стоит только минуть Иваньковскую гать, пройти час леском — и уже Олексино! Живы ли его старики — отец с матерью? Изболелись, видать, сердца их по Павлуше. Может, и не чают увидеть его... А Сима... Что с Симой? Где она?

Сима... Она вошла в его жизнь, в его мысли, в сердце как что-то не отделимое от него самого... Тяжелые походы, холод и грязь, сырые, тесные землянки, лихие налеты на передний край врага, жестокие бомбежки с воз-

духа, атаки фашистских танков, засады в тылу немцев, госпиталь... И никогда не забывал о ней — такой простой и далекой Симе Березиной. А не было б ее, насколько труднее казались бы ему дороги войны!

Павел представлял себе лучистые серо-голубые глаза Симы, милые, такие знакомые черты ее лица, сдержанную улыбку на упругих губах, и ему верилось, что нет такого дела, которого он не осилил бы, нет препятствия, которого не смог бы преодолеть. От этих мыслей легче становилось дышать, мускулы наливались новой силой, а сердце — храбростью.

Только сейчас в груди Павла тесно. Тесно потому, что здесь, в родных местах, чувства к этой светлоглазой девушке вспыхнули с невиданной силой. И мало им места в его груди.

Павел вздохнул. Мысли переметнулись от прошлого к сегодняшнему, и он почувствовал: не удержаться, чтобы не зайти в родную деревню. Ведь можно незаметно, через луг, подползти к своему огороду, а там и хата рядом. Вот только надо захватить пленного вначале...

Петр Стреха с тревогой посматривал на командира. Уже Лукашкин сменил в охранении Туркина, и Туркин кончал завтрак, а старший сержант Кудрин все сидел, уставив глаза в землю. По его худощавому лицу с прямым носом, обветренными губами, с карими, чуть зеленоватыми глазами пробегали тени. То засветится оно на мгновение, то померкнет.

Стреха осторожно, точно невзначай, прокашлялся и этим вывел Кудрина из задумчивости. Старший сержант, взглянув на часы, поднялся на ноги. Поднялись и остальные разведчики.

— За мной! — скомандовал Кудрин.

Цепочка разведчиков осторожно пробиралась сквозь лес в направлении к дороге, которая пролегала между Боровой и Выселками. Кудрин знал, что дорогу отделяет от леса широкий заболоченный луг. Значит, вероятность встречи здесь с фашистами невелика. Однако разведчики шли со всеми мерами предосторожности: держали наготове автоматы, ступали так, чтобы под ногой не треснул валежник, зорко всматривались вперед и по сторонам.

Только что настало солнечное утро, и лес шумел многоголосым говором птиц. С детства знакома Павлу эта лесная музыка, которая всецело завладевает чувства-

ми, подчиняет волю. Человек перестает ощущать себя, ощущать бег времени и точно растворяется в птичьем щебете, в мерном гудении верхушек деревьев, в этой неповторимой красоте, которая обступает его со всех сторон. Павел знал чарующую силу леса и старался не поддаваться ей, оградить от нее своих товарищей. Время от времени Кудрин поднимал над головой руку. Разведчики замирали на месте и прислушивались.

Наконец началось мелколесье. Березки, осины, кусты боярышника, волчьего лыка, крушины точно выбежали из векового леса и в беспорядке рассыпались по кочковатому лугу, над которым еще висела, чуть колеблясь, прозрачная пелена тумана.

За мелколесьем открылся широкий луг. Только справа, где протекала, пересекая видневшуюся впереди дорогу, крохотная речушка Ять, стеной столпились приземистые кусты. Кудрин окинул их внимательным взглядом. И всем разведчикам — Стрехе, Туркину, Лукашкину — стало ясно, что лучшего подхода к дороге, чем заросший кустами берег речушки, не найти.

Прямо перед разведчиками маячили вытянувшиеся в одну линию редкие тополя. Они росли над дорогой, к которой стремилась группа Кудрина. Капитан Пиунов сообщил Кудрину, что, по имеющимся сведениям, в деревне Боровая и в трех километрах от нее, на хуторе Выселки, разместился штаб немецкой дивизии. Трудно угадать, какие отделы штаба находились в Боровой, а какие в Выселках, но было известно, что по дороге между ними проезжают мотоциклисты, легковые машины, проходят пешие.

Речушка Ять протекает как раз на полпути между Боровой, находящейся ближе к фронту, и Выселками. Это даже не речушка, а ручей, через который можно перепрыгнуть. Он берет свое начало в болотах, раскинувшихся на десяток километров за дорогой, и вихляет через луга и лес к самой Припяти.

Разведчики подошли к ручью, а затем, укрываясь кустарником, разбросанным по берегу Яти, начали пробираться к дороге. Под ногами хлюпала рыжая торфяная вода. Местами берег, точно тонкая доска, прогибался под ногами и еле заметно гудел, будто под травяным покровом таилась пустота.

Дорога уже совсем близко. Виден дощатый мосток через ручей. Разведчики залегли, притаились. От Выселок на Боровую двигался большой крытый грузовик.

У мостка машина затормозила и, перебирая колесами каждую доску, переехала через него. Кудрин успел рассмотреть на сером брезенте грузовика желтые скрестившиеся молнии в белом квадрате. Похоже, что проехала почтовая машина.

Не ускользнуло от его внимания и то, что мосток гремел каждой доской под колесами грузовика. Значит, давно не чиненный.

Перед разведчиками стояла задача — захватить «длинного языка». Нужно охотиться за офицером.

Остановить проезжающую машину или мотоцикл — не проблема. Любой из разведчиков, не задумываясь, назовет десяток способов. «Важно не задержаться долго на дороге, не наделать шума, не навлечь погони», — размышлял Кудрин.

Вдалеке послышался грохот. Было похоже, что едет несколько пустых телег. Кудрин с досадой поморщился. Так и есть: от Боровой приближались две пароконные подводы. Теперь пережидай их. Павел приложил к глазам бинокль. Подводы ничем не груженные. Солдаты-ездовые курят и нахлестывают лошадей, торопятся. Обычные обозники; захватить такого в плен — и толку от него, что от пня: ничего не знает, только дрожит от страха...

Прошел час, второй... Кудрину стало ясно, что нужно схватить первого появившегося на дороге офицера. Пока же они видели только обозников, шоферов, посыльных да санитарные машины.

План действия прост. Кудрин и Лукашкин выйдут «чинить» мост. В маскировочных костюмах они сойдут за немецких солдат.

Все случилось очень неожиданно.

На выезде из Выселок закружилась пыль. Кудрин рассмотрел в бинокль, что мчится легковая машина. В машине двое.

— К мосту, — тихо скомандовал он и, смахнув с головы пилотку со звездой, пригибаясь, первым направился на дорогу. Спокойно, не торопясь, прошелся по мосту, похлопал рукой по перилам и повернулся спиной к еще далекой машине. Лукашкин тужился выхватить из настила доску. Но без лома это было не под силу.

Немецкая машина завизжала тормозами в десятке метров от моста. Но десять метров — это тоже расстояние. Его нужно преодолеть. Пока сделаешь десять шагов, даже и стремительных, враг успеет выхватить оружие...

Из машины выскочил высокий, стройный офицер с сухим, немолодым лицом.

«Майор! — искрой мелькнула мысль в голове Кудрина. — Майор инженерных войск!» Павел хорошо разбирался в знаках различия гитлеровской армии.

Майор, держась за кобуру с парабеллумом, нахмурив брови, что-то сердито спросил.

— Штанен! — ляпнул нетерпеливый Лукашкин, запомнив, что в немецком звучании мост напоминает «штаны», и чуть было не погубил дело.

— Мины! — твердо выговорил по-немецки Кудрин, приближаясь к майору. — Партизаны положили мину.

— Мины?.. — переспросил майор, сделав шаг назад.

В этот миг из кювета метнулись к машине Стреха и Туркин. Гитлеровский майор выхватил парабеллум, но он тут же полетел куда-то в бурьян, выбитый ловким ударом приклада автомата. Еще секунда — и к месту схватки подоспели Кудрин и Лукашкин.

Кудрин кинулся к машине, но шофер успел включить заднюю скорость и дать полный газ. Машина рванулась назад. Кудрину ничего другого не оставалось, как полоснуть по ее лобовому стеклу из автомата. Машина сделала резкий кивок в сторону и завалилась в придорожную канаву.

Майор отбивался руками, ногами, визжал, кусался, не давая заткнуть кляпом рот и опутать себя. Но Стреха, Туркин и Лукашкин быстро управились с ним. А Кудрин тем временем осмотрел машину. Шофер-солдат наполовину вывалился из полуоткрытой дверцы и так лежал, застигнутый смертью. На заднем сиденье Павел обнаружил офицерскую кожаную сумку...

Еще минута — и группа разведчиков вместе с пленным бежала от дороги вдоль ручья к лесу. И вдруг в воздухе тоненько запела мина, вторая. Взрывы ухнули в стороне.

— Стой! — скомандовал Павел.

Разведчики остановились, недоуменно глядя на командира. Мгновение Кудрин раздумывал:

«Раз стреляют — значит заметили...»

Кудрину было известно, что многие населенные пункты в Белоруссии, где находились немецкие гарнизоны, превращены в своего рода крепости. Не только подступы к ним прикрывались колючей проволокой и дзотами, а и непрерывно велось из них наблюдение. Возможно, наблюдатель в Выселках или Боровой услышал ав-

томатную очередь, которую дал Кудрин по машине, и в бинокль рассмотрел свалку на дороге.

«...Значит, заметили... — Кудрин представил себе, как сейчас торопливо усаживаются в машины гитлеровские солдаты. Через несколько минут они будут здесь. — А если из Выселок бросят заслон по лесной дороге, тогда путь к отходу закрыт».

— За мной! — снова скомандовал Павел и побежал в противоположную сторону, к мостку, который только что они оставили.

Гитлеровский майор, со скрученными назад руками, понял безвыходность своего положения и, поддерживаемый Стрехой и Туркиным, расторопной рысцой бежал вслед за Кудриным.

Разведчики по колено в воде протиснулись под мостком на другую сторону дороги и, укрываясь мелким кустарником, продолжали бежать. Ручей, поворачивавший к Боровой, остался позади. Перед ними расстилалась широкая заболоченная равнина, покрытая очеретником, осокой, ситнягом. И только кое-где виднелись облесенные островки. Было ясно, что под зеленью вокруг этих островков таятся непроходимые болота. Но у разведчиков другого пути не было. Сзади, за дорогой, продолжали ухать разрывы мин, а лес, который покинули разведчики утром, наполнился автоматными очередями. К мостку мчалась группа мотоциклистов.

Предположение Кудрина оправдалось: фашисты организовали погоню. И теперь самое главное — не выдать своего истинного пути отхода.

Они шли час, другой, медленно пробираясь вперед. Сумерки сгущались все больше. Дальше двигаться по топкому болоту стало невозможно — трудно разглядеть, где растет осока, пушица, а где — трава вперемежку с полевыми цветами. Сделаешь неверный шаг — и попадешь в трясину. Да и пленный майор окончательно выбился из сил. Он еле переставлял ноги.

Стреха время от времени озабоченно поглядывал на фашиста. В схватке на дороге гитлеровец потерял фуражку, и теперь над его лысой головой неотступно висела туча комаров. Пришлось развязать майору руки, чтобы он мог защищаться от насекомых. Но пленный и не пытался защищаться. Он весь обмяк, поник. Его обвисшие щеки посерели, точно за них налили свинца.

Кудрин облюбовал небольшой островок и здесь, среди молоденьких березок и осинок, — кто знает, как за-

бравшихся в такое гиблое место, — приказал остановиться на привал. Ему было ясно, что перейти линию фронта в назначенное время не удастся. Ночью по болоту не пойдешь, следовательно, ночь при этих обстоятельствах не союзница разведчиков...

Первым долгом нужно было защититься от комаров. Это обязанность Туркина. Он достал из сумки предусмотрительно захваченные с собой баночку с вазелином, пакетик с нафталином и в крышке от баночки расплавил над зажженной спичкой жир. Потом начал смешивать с ним порошок. Этой смесью каждый разведчик смазал руки, лицо, шею. Вначале немножко пощипывало кожу, зато ни один комар не осмеливался прикоснуться к ней. Пленный тоже воспользовался этой удивительной мазью, хотя не без опаски.

Наломали веток и положили их где посуше — среди отцветающего светло-розового кипрея и белеющего в сумерках, дурманящего своим запахом багульника. Начали готовиться к ужину. Конец напряжению. Можно отдохнуть, перекинуться словом. Стреха устроился на ночлег рядом с Лукашкиным.

Кудрин уселся в стороне и, подсвечивая электрическим фонариком, рассматривал документы, захваченные в машине. Пленный несколько раз услужливо пытался помочь в этом, но Туркин, первым заступивший на пост, указал майору место на куче хвороста под карликовой березкой и выразительным жестом дал понять: «Сиди — и ни с места».

4

Темнота над болотом стала непроглядной. Разведчики, утолив голод, молчали, наслаждались отдыхом. Молчал и Петр Стреха, хотя был подходящий случай поговорить. А поговорить он любил. Такой уж характер у Стрехи. Нравится человеку, когда его слушают. Но, наверное, крепко устал Петр. Ведь тяжелые сутки позади, не до разговоров.

Вдруг рядом заворочался Лукашкин и озабоченно проговорил:

— Как бы зубы не простудить в этой сырости.

— Зубы? — ухватился за слово Петр Стреха. — Не беспокойся, Миша. Я тебе такое про зубы расскажу, что они у тебя и после смерти болеть не будут.

— А-а-а, — Туркин даже повернулся на другой бок,

чтобы не слушать Петра. — У тебя на каждый случай сто баек!

— При чем тут байки? — понизив голос, шептал Стреха. — Если хочешь знать, я чуть-чуть в ученые по зубной части не выбился.

— То-то у тебя полрта без зубов, — съязвил Туркин.

— А ты слушай... Разболелся у меня зуб кутний. Мочи моей нет, так болит. И горилку лил на него, и одеколон, и отваром дубовой коры полоскал. Не помогает. Хоть на стенку лезь. А врачей зубных я тогда не признавал. Да и щипцов их боялся.

Но дело не в этом. Заболел у меня зуб как раз после какого-то праздника. А на праздник я поросенка зарезал. Ну и перестарался, когда за столом с гостями сидел. На второй день живот схватило. Но, когда начал болеть зуб, махнул я на живот. Махнул и только зуб лечу — уже пирамидоном. А живот все-таки дает о себе знать. Даже ноги гудят, так набегался я за сарай. Надоело. Взял и выпил касторки. Что после этого бывает — всякому известно. Но факт в другом: зуб перестал у меня болеть! Как рукой боль сняло.

— От касторки? — зашевелился Лукашкин.

— А ты слушай.

— Только потише, — раздался голос Кудрина.

Стреха продолжал:

— Так вот, перестал у меня зуб болеть. Удивительное дело! Два дня я все раздумывал: как могло такое случиться? И понял: это же я открытие научное совершил! До меня никто не знал, что касторкой зубы можно лечить. Раз так, надо сообщить куда следует. И сообщил: написал большое письмо в районный отдел здравоохранения. А на второй день прислали из района специального врача в село. Пришел он ко мне в дом, заставил раздеться до пояса, глаза смотрел, язык, стучал молоточком по коленной чашечке, спрашивал, не забываю ли я свою фамилию и все такое прочее.

В темноте послышался сдавленный смешок Туркина. Он тихо, сквозь смех спросил:

— А в больницу не приглашал переселиться?

— Нет, не приглашал, — серьезно ответил Стреха. — Сказал, что я вполне здоров.

— А как же с письмом о касторке? — спросил Кудрин.

— На письмо я ответ получил. А касторку мы испробуем на Мише, когда у него зубы заболят.

Лукашкин что-то неопределенно хмыкнул и сердито засопел.

С болота тянуло сыростью. Разведчики, докурив самокрутки, притихли. Только Туркин с автоматом наготове стоял под березкой и прислушивался к ночным шорохам.

Кудрин проснулся на рассвете, почувствовав, что куча ольховых и березовых веток под ним пропиталась выступившей из почвы водой. Маскировочный костюм на боку заскоруз от сырости, холод сковал тело.

Вскочив на ноги, Павел зябко потянулся, оглянулся вокруг. Стреха и Лукашкин с автоматами в руках прохаживались среди тонкостволых, застывших в безмолвии березок. Туркин, несмотря на предутреннюю прохладу, сладко спал в обнимку с автоматом под хилым кустом жимолости и по-детски причмокивал во сне губами. Над болотом клубился туман. Казалось, он поднимался из самых недр этой прогнившей насквозь земли.

Пленный майор неподвижно сидел на том же месте и в той же позе, как и два часа назад, когда Стреха и Лукашкин сменили на посту Кудрина и Туркина.

— Не спал? — спросил Павел у Стрехи, кивнув головой в сторону фашиста.

— Нет, не спится фону-барону. Все думает. Есть, конечно, о чем подумать их благородию. Не к теще ведь на пироги едет.

Услышав голоса, гитлеровец поднял еще больше посеревшее за ночь лицо с красными, воспаленными глазами.

— Развяжи его, — распорядился Кудрин.

Стреха распутал на руках майора веревку. Гитлеровец поднялся, поежился и вдруг неудержимо заляскал зубами, словно только сейчас предутренняя свежесть прикоснулась к его телу.

«Дрожишь здесь, как цуцик, — со злостью подумал о пленном Кудрин, — а там ждут «языка», выглядывают нас из каждой траншеи...»

Мысль о том, что в роте, в штабе дивизии беспокоятся об их судьбе, ждут нужные сведения о противнике, ждут контрольного пленного, будто подстегнула Кудрина.

— Подъем! — скомандовал он.

Туркин мгновенно вскочил на ноги и очумелыми от сна глазами оглянулся вокруг.

Разведгруппа продолжала путь.

К всеобщему удивлению, недалеко от островка, где разведчики провели короткую июньскую ночь, протекала небольшая речушка. Речка среди болота! Только Кудрин — местный житель — не удивился этому. Между зыбкими берегами речушка медленно несла прозрачную, чуть красноватую воду. Этот цвет придавали воде тысячи красных, тонких, как иголки, червячков, кишевших на дне.

Препятствие показалось пустяковым: ширина речки не больше двух метров. Лукашкин с ходу попробовал перепрыгнуть на другую сторону, но... не тут-то было: нога его глубоко нырнула в густое месиво. Стреха еле успел подхватить товарища, чтобы он не плюхнулся в речку.

Потом с ехидцей спросил у него:

— Ты, Лукашкин, наверное, не знаешь, в каком случае трудно вытянуть человека из болота, застрявшего в нем по щиколотку?

— Когда его за пятку крокодил держит, — зло ответил Лукашкин, настораживаясь. Тон Петра явно насмешливый.

— А вот и нет, — возразил Стреха. — Тогда, когда этот человек застрял по щиколотку вниз головой.

Разведчики сдержанно засмеялись и начали палкой прощупывать дно речки. Но палка так ни на что и не наткнулась.

Пришлось бежать к месту ночлега за ветками. И они вымостили трамплин, добрую охапку перебросили на другой берег и только потом отважились прыгать...

По ту сторону речки оказался участок кочковатого торфяного болота. Наверстывая упущенное время, разведчики ускоренным шагом двигались вперед, ловко перемахивая с кочки на кочку. Старались не ступать вслед друг другу. Податливые моховые подушки плавно уходили из-под ноги, погружаясь в рыхлую тину, и требовалось без промедления искать новую опору — прыгать на соседнюю кочку. Надо было поскорее добраться туда, где за колеблющейся в воздухе пеленой тумана притаилась гряда высот, на которых находились опорные пункты линии обороны врага.

Кудрин хорошо знал, что склоны этих высот изрезаны глубокими оврагами, густо заросшими колючими кустами боярышника. Там легко найти скрытую от людских

глаз звериную тропу или промоину и по ним проползти между опорными пунктами...

Пленный гитлеровец понимал, что каждый его неосторожный шаг грозит ему гибелью, поэтому проворно прыгал по кочкам.

Но вот торфяное болото кончилось. Разведчики вышли на новый островок, пересекли его и увидели, что впереди — длинный и еще более трудный путь. Туман рассеялся. Гряда высот виднелась километрах в двух. Но как их преодолеть, эти два километра! Начиналось болото, покрытое редкой осокой, камышом. Нигде ни полевой травинки, ни цветка, ни кустика. Это верные признаки, что болото непроходимо.

Где-то сзади, в гуще молодых березок, раз-другой щелкнула варакушка. Павел Кудрин приложил к глазам бинокль и тотчас же увидел на нижней ветке белоствольной березки маленькую пичужку. На ее грудке и шее пестрело ярко-голубое пятно, окаймленное двойной полоской из черного и красного цвета. Варакушка снова защелкала, перепрыгнула с ветки на ветку и, точно почувствовав на себе взгляд человека, камнем упала на землю. Павел проследил, как заколебалась трава, сквозь которую пробиралась проворная птичка.

«Ей и горя мало, что нам так трудно», — ухмыльнулся Кудрин.

Петр Стреха в это время напряженно всматривался вперед, что-то прикидывая в уме, Семен Туркин сосредоточенно прощупывал палкой болото, а Михаил Лукашкин вынимал из своего кармана длинную бечевку. Он готовился мастерить болотоступы, вязать кольца для палок и не хотел терять времени. Гитлеровец, присев на кочку, безразлично уставил взгляд в землю.

«Один выход — вязать болотоступы», — решил Кудрин. Ему вспомнились недавние занятия, которые проводил с разведчиками капитан Пиунов. Вся рота участвовала в этих занятиях.

Каждый разведчик, срезав с елки шесть ветвей метровой длины, клал по три ветки на землю выпуклой стороной вниз. Затем спереди и сзади скреплял их бечевкой, а для верности проплетал длинной березовой хворостиной или лозой. Получалось что-то вроде лодочки для ноги. Привязав к обеим ногам такие «лодочки», разведчики шли через самое топкое болото, не рискуя завязнуть. Для большей устойчивости брали в руки палки с двойными кольцами, подобные лыжным. Кольца без

особого труда мастерили из веток березы, орешника, лозы, граба. Покрепче их связывали и крепили веревкой к концу палки с рогульками.

Кудрин еще раз посмотрел на облесненный островок. Елей там не было. Но и березовые болотоступы не хуже еловых, если взять побольше веток и хорошенько их скрепить...

— Рубите березки, — промолвил Кудрин. — Первые болотоступы для пленного. Пока будем готовить остальные, Стреха поучит майора ходить на них.

— Слушаюсь, — ответил Стреха.

Торопливо мастерили болотоступы. Острым тесаком Петр Стреха ловко подравнивал березовые прутья. Мелкая листва на них вздрагивала, точно ей было больно. Вдруг Стреха увидел среди зеленых листьев красный, с белыми прожилками листочек. Он осторожно сорвал его, положил на большую грязную ладонь и начал рассматривать. Потом расстегнул маскхалат и спрятал листик в нагрудный карман гимнастерки.

— Зачем? — удивился Кудрин.

— Капитану Пиунову отдам. Он красные листики какой-то девчонке в госпиталь посылает, — Стреха ухмыльнулся и покачал головой. — Влюбился, видать, наш капитан... Молодость... Захожу я к нему в землянку, а он вкладывает в конверт письмо и вместе с ним вот такой же листочек березовый. Говорит, каждая березка в лесу ему эту дивчину напоминает. Потом я понес письмо на почту и полюбопытствовал.

— Письмо прочитал? — удивился Кудрин.

— Не-ет. Адрес на конверте. И понял, почему это березки ему так по душе. Фамилия дивчины — Березина.

— Березина?.. — Павел поднял на Стреху недоумевающий взгляд.

— Эге. Красиво так вывел, стервец, на конверте: «Медсестре Серафиме Березиной»...

Слова Стрехи кольнули Павла в самое сердце. Ощутил какую-то сосущую пустоту в груди. Совершенно в ином свете встал перед ним разговор с капитаном Пиуновым после того, как тот вернулся из госпиталя. Пиунов, по своему обыкновению делясь с Кудриным самым сокровенным, сказал, что раз и навсегда влюбился. Влюбился в белорусскую девушку и сокрушался, что сгоряча покинул госпиталь, не поговорив с ней как следует, но убежден: полюбит и она его, потому что такого парня, как он, нельзя не полюбить и потому, что его чув-

ства к ней такие, каких еше ни у кого ни к одной девушке не было...

Через час разведчики продолжали путь. Шли медленными, длинными шагами, чуть приподнимая переднюю часть болотоступов, похожих на большие необстриженные веники. Пленный гитлеровец, опираясь на палки, со страхом глядел себе под ноги. Каждый раз, как он делал шаг вперед, сквозь болотоступы фонтанчиками била вода, и казалось, что, чуть задержись на месте, болото расступится под ногой...

Камуфлированные костюмы разведчиков хорошо маскировали их на поросшей осокой и камышом равнине. Но вот пепельного цвета мундир гитлеровца мог привлечь внимание какого-нибудь наблюдателя на высотах. Поэтому Стреха разукрасил костюм майора березовыми ветками, травой, водорослями. Пленный был похож сейчас на лешего из старинных сказок...

Гряда высот становилась все ближе...

Наконец группа Кудрина достигла зарослей боярышника. Каждый шаг на твердой земле после большого перехода по зыбкому болоту доставлял наслаждение. Петр Стреха с пребольшим удовольствием забросил в кусты длинную палку, с которой так долго не расставался. Лукашкин несколько раз притопнул ногой, как бы удостоверяясь, действительно ли нет больше опасности завязнуть.

Перебежали через разбитую грунтовую дорогу и углубились в дикие заросли. Чутье охотника подсказывало Кудрину, где и как лучше пройти. Он замечал звериные тропы и, согнувшись, на четвереньках, а то и ползком под густо переплетавшимися над головой ветвями, уверенно вел разведчиков вперед. И неотступно следовала за ним мысль: «Серафима Березина... Капитан Пиунов переписывается... А вдруг это она?.. Неужели позабыла?..»

5

Генерал Ребров ходил в полутьме землянки по скрипучим половицам и думал. Шесть шагов вперед, шесть назад. Мысли его были напряженно-тревожные. Он чувствовал, что чего-то не сделал — очень важного, необходимого. И беспокойство давило, мешало дышать полной грудью, путало мысли.

Дивизия генерала Реброва приготовилась к наступле-

нию. Опустели штурмовые полосы в ее тылах, где батальоны целую весну поочередно тренировались атаковать противника. Уже намечены границы наступления каждого полка, поставлены задачи по рубежам и определены направления главных ударов. Уже распределены поддерживающие средства, пристреляны и занумерованы цели. Уже все договорено между командирами — стрелками, артиллеристами, танкистами, саперами, связистами. Приказ о начале наступления мог прийти в любое время.

Антон Павлович Ребров думал над тем, как сложилась обстановка на участке левофлангового полка его дивизии, и досадовал, что до сих пор нет контрольного пленного, за которым отправилась в тыл врага группа дивизионных разведчиков. Нужно было срочно подтвердить сведения, полученные по другим каналам разведки. И это мог сделать только «язык».

Он подошел к столу, поднял руку к толстому черному шнуру, на конце которого под небольшим абажуром-рефлектором виднелась электрическая лампочка, и щелкнул кнопкой-выключателем. В мгновение землянка преобразилась. Казалось, яркий свет раздвинул ее стенки, обшитые фанерой, придал правильные очертания узкому топчану, двум раскладным стульям, столу, на котором громоздились бумаги.

Антон Павлович повернулся к топографической карте, развешанной на стене землянки, и начал внимательно рассматривать ее. Стройный, затянутый в узкий китель, Ребров, несмотря на свои годы, напоминал молодого офицера, который ждал прихода большого начальника и со всем старанием позаботился о своем внешнем виде. Он неотрывно глядел на карту, где значились знакомые ему места — села, дороги, леса. По этим местам в 1941 году его молодая, еще не сколоченная дивизия отступала на восток.

Реброву вспомнилась сейчас другая карта Белоруссии, карта, на которую была нанесена обстановка первых дней войны, обстановка в районах Белостока, Гродно, Вильно. Ребров, тогда еще полковник, сосредоточенно глядел на синие ромбики с флажками, обозначавшие немецкие танковые дивизии, на грозные стрелы, вонзившиеся в советскую территорию в обхват наших малочисленных войск. Каждому человеку, знающему военное дело, если бы он попытался тогда оценить обстановку только по тем синим стрелам на карте, только по на-

правлениям главных и вспомогательных ударов врага, по количественному превосходству его сил, могло показаться, что Красная Армия стоит перед лицом страшной, непоправимой катастрофы... Тяжелые были дни.

В памяти всплыл разговор по радио с членом Военного совета фронта дивизионным комиссаром Лестевым. Это было на третий день войны в лесу. Антон Павлович сидел в автобусе — походной рации — на откидной скамеечке рядом с шифровальщиком и записывал в блокнот.

«Родина требует от нас, — говорил дивизионный комиссар, — сделать все возможное, чтобы не только измотать и обескровить врага, но и сберечь людской состав, технику, боеспособность. Нам нужны резервы, опытные кадры для будущих сражений...»

Антон Павлович перевел взволнованный взгляд на правую сторону карты, где с юга на север, обозначенная двумя извилистыми линиями — красной и синей, тянулась линия фронта. Она передвинулась сюда с востока после жестоких боев под Москвой, Сталинградом и на Кавказе, под Курском и Смоленском, под Ленинградом и в Донбассе, на Днепре и в Крыму, в районах Правобережной Украины, Днестра и на Карельском перешейке. А теперь подготовлено новое наступление — в Белоруссии; оно должно закончиться полным разгромом группы гитлеровских армий «Центр» и всех резервов, которые будут брошены врагом на выручку этой группы...

А контрольного пленного пока нет. Где же Кудрин и его разведчики?

Пиунов застал генерала Реброва за чисткой оружия. Антон Павлович стоял у покрытого газетой стола, на край которого были сдвинуты чернильный прибор, телефонный аппарат и стопка книг, и протирал кусочком бинта одну за другой части пистолета.

— Заходите, разведчик, — пригласил Ребров, увидев Пиунова. — Сейчас я закончу за этой игрушкой ухаживать. — Он указал на стол, где были разложены детали пистолета.

Пиунова неприятно поразил спокойный, добродушный тон генерала. Ведь такие неудачи... там люди гибнут...

— Свое оружие никому не доверяю чистить, — гово-

рил между тем Ребров. — Только сам. На то оно и личным называется. А как же иначе?! — воскликнул он, хотя Пиунов и не думал возражать.

Пиунову показалось, что генерал намекает... Ведь, правда, сам он, Пиунов, никогда не чистит свое оружие, а поручает кому-нибудь из разведчиков. Но это сейчас не задело.

Антон Павлович Ребров — мужчина в летах. Сухощавый, прямой, с порывистыми движениями. Но выглядел он моложаво. И даже седая шевелюра не старила его. Генерал не любил бездеятельности, не терпел скучных людей. Взглянув в нахмуренное лицо Пиунова, Ребров спросил:

— И чего вы, капитан, такой насупленный? Вроде на весь свет сердитесь...

— А чему радоваться, товарищ генерал?

— Как чему? А хотя бы тому, что мы вернулись в Белоруссию! Я, брат, по этим же дорогам отступал в сорок первом вот с этим самым пистолетом. И сейчас каждой деревне, каждому знакомому дереву кланяюсь. Мечтаю в знакомое село на Немане зайти и доложить там одной старенькой бабке, что вернулся... Здорово ругала она меня в сорок первом. «Куда, — говорила, — вы отступаете? Куда?..» Эх, хотя бы живой бабку застать!

Улыбка вдруг исчезла с лица Реброва, и он спросил:

— Кудрина не слышно?

— Не слышно. А тут еще невеста его объявилась.

— Какая невеста?

— Обыкновенная. Медсестра из госпиталя.

— Ну, знаете, капитан!.. — Ребров метнул на Пиунова недовольный взгляд. — Об этом могли и не докладывать.

— Так невеста же, товарищ генерал! — Пиунов приложил руку к груди.

— «Невеста»! «Невеста»! — Ребров сунул собранный пистолет в кобуру и, вытирая бинтом руки, вплотную подошел к Пиунову. — Фронт, брат, неподходящее место для любви.

Пиунову хотелось возражать. Но разве поймет его Ребров — престарелый генерал, который, видать, считает, что любовь была только в те давние времена, когда он сам был молод? И он махнул рукой, не стал даже доказывать, что Сима Березина — настоящая невеста старшего сержанта Кудрина...

Сознаться бы генералу, что он, капитан Пиунов, тоже

любит эту девушку и попал сейчас в дурацкое положение... А вдруг Кудрин в самом деле погиб?..

И Пиунову стало не по себе. Почувствовал, что горит лицо. Не потому ли, что в глубине души шевельнулась подленькая мысль: как ему относиться к Симе, если Кудрин не вернется? Как Сима к нему станет относиться, когда утихнет боль утраты?.. Это же черт знает что! Выходит, он может стать счастливым потому, что убили Пашку Кудрина, того самого Пашку, который спас его от смерти, с которым он уже два года дружит крепкой, мужской дружбой...

— Товарищ генерал, — нарушил минутное молчание Пиунов. — Товарищ генерал... Разрешите мне в тыл к фашистам отправиться. С Кудриным случилось недоброе, нужно выручать...

— В тыл идти надо, вы правы, — спокойно ответил генерал. — Но не Кудрина выручать — это вам не под силу, если его схватили. А «язык» нужен. Срочно!

— Товарищ генерал... И «языка» добудем... Кудрина надо спасти... Поймите...

— Кудрин вернулся!.. Кудрин вернулся!.. — орал в телефонную трубку ошалелый от радости телефонист.

— Где капитан? — устало улыбаясь, спросил Павел Кудрин у столпившихся вокруг разведчиков.

— Будэт и капитан и всэ будут! — хлопал по плечу Павла суматошный Бакянц. — Гэнэрал капитана вызывал. Там дэвушка приехала. Хорошая дэвушка!

Все окружавшее Павла — товарищи, лес, зеленые шалаши, — все вокруг куда-то отодвинулось, исчезло. Не слышал оживленного говора разведчиков, не видел, что Бакянц стоял перед ним с котелком воды, готовый полить командиру, чтоб он умылся. Даже смертельная усталость больше не ощущалась. Был только он, Павел Кудрин, и мысль: «Нашлась Сима... Но к кому она? К нему или к капитану Пиунову?» Эта мысль стала физически ощутимой, причинявшей мучительную душевную боль. Стопудовая тяжесть легла на сердце. Не знал, куда деть себя, что сделать, как поступить. А капитан Пиунов? Острая неприязнь и даже злоба шевельнулись в груди Павла к этому человеку, за которого еще недавно он был готов пойти на любую опасность. А может, это не она, не его Сима?..

— Чего думаешь, командыр?

Голос Бакянца вывел Кудрина из оцепенения. Он с удивлением оглянулся вокруг, словно недоумевая, как попал в это знакомое место, и решительно начал снимать мешок, маскировочный халат.

Только Миша Лукашкин не спешил разамуничиваться. Не выпуская из рук автомата, он стоял возле полулежавшего в тени немецкого майора и, гордый и довольный собой, рассказывал товарищам о подробностях проведенной операции. Миша считал безрассудным заниматься сейчас чем-нибудь иным, когда вокруг гремит слава о бесстрашных разведчиках, в том числе и о нем — рядовом Лукашкине. И еще Мише хотелось, чтоб увидел его, грязного и усталого, командир роты Пиунов.

И тут Миша заметил капитана. Пиунов бежал через поляну к шалашам разведчиков, а вслед за ним спешила девушка в солдатской форме. Мгновение Лукашкин оценивающим взглядом смотрел на девушку, а потом опрометью кинулся к ведру с водой.

— Дайте умыться человеку!

Кудрин — усталый, измученный, с ног до головы в грязи, — увидев капитана, шагнул к нему навстречу и вдруг заметил приближающуюся Симу... Он узнал ее...

С трудом оторвав взгляд от родного, знакомого лица, Павел, побледневший, охрипшим голосом доложил Пиунову:

— Товарищ капитан... Задание выполнено. Потерь нет... Задержались...

Пиунов не дал ему договорить. Радостно захохотав, он крепкими руками облапил Кудрина.

— Дьяволы! Живые?! — смеялся Пиунов, то стискивая в объятиях Павла, то отстраняя его и окидывая теплым, любящим взглядом Стреху, Туркина, Лукашкина. — Черти болотные!..

Павел осторожно оттолкнул от себя Пиунова.

— Измажетесь, товарищ капитан, — растерянно улыбаясь, проговорил он. Но глаза Павла смотрели мимо Пиунова, на Симу, которая, спотыкаясь, бежала к нему.

Пиунов перехватил взгляд Кудрина и вдруг нахмурился, лицо его приняло свирепое выражение.

— Куда смотришь?.. На меня гляди! Ну! — И капитан опять захохотал. — Вот дьявол!.. Так, говоришь, без потерь вернулся? Зато с прибылью. Гляди, какое чудо лупоглазое ждет тебя! — И Пиунов, круто повернувшись, почти столкнулся с Симой. Схватил ее за руку и

остановил перед Кудриным. — Получай! Только с условием: освободим ваше село — меня с такой же познакомьте, если, конечно, лучшей там не найдется...

Капитан опять хохотнул, но, после того как Павел и Сима кинулись друг к другу, сник и, приняв озабоченный вид, крикнул на разведчиков, высыпавших из шалашей на поляну:

— Чего столпились?! Приготовиться к занятиям! Пленного — к командиру дивизии!..

1949 г.

СЕРДЦЕ ПОМНИТ

1. ВОСПОМИНАНИЯ ПАВЛА КУДРИНА

Летом 1945 года младшего лейтенанта Павла Кудрина выписали из госпиталя. С чемоданом в руках он шагал по улицам Москвы, ошеломленный сутолокой, взволнованный необычностью обстановки, хмельной и радостный оттого, что чувствует себя сильным, здоровым и что госпитальная палата с опостылевшим запахом лекарств осталась позади. Пять месяцев он был прикован к койке!.. Ранение, полученное в дни наступления на Висле, оказалось весьма серьезным.

Павла захватил поток людей, устремившихся к входу в метро. Москвичи спешили на работу. В вагоне было тесновато. Кудрина прижали к широкому окну, за которым с шумом неслась стена туннеля. В стекле Павел увидел свое отражение. До сих пор он видел себя только в маленьком зеркальце, когда намыливал щеки перед бритьем, и теперь с неудовольствием отметил, как осунулся и похудел. На бледном лице еще отчетливее выделялись широкие и прямые черные брови, глаза запали глубже, губы казались припухшими.

«На девушку стал похож», — с досадой подумал Павел и отвернулся от окна в смущении: он уловил короткую улыбку молодой белокурой соседки, заметившей, с каким вниманием рассматривал себя Кудрин.

Младший лейтенант ехал в управление кадров за назначением. В душе была тревога. Посчастливится ли вернуться в родную дивизию? Удастся ли побывать в Берлине?

...В управлении Кудрину вручили предписание.

— Езжайте в Потсдам, — сказали. — Если там найдут нужным, пошлют в дивизию, где вы раньше служили.

«Значит, в Берлин, — с облегчением подумал Павел, пряча предписание, — значит, побываю «в гостях» на Вальденштрассе. Эх, найти бы этого Курта!..»

Выйдя на бульвар, Кудрин свернул к свободной ска-

мейке. Сел, закурил папиросу. Затем поставил на колени чемодан, приоткрыл его и с самого дна достал потертый конверт с берлинским адресом. Больше года хранил Павел этот конверт. В нем были письмо и фотография капитана войск СС Курта Бергера. Кудрин скользнул взглядом по вытянутому лицу фашиста и до мельчайших подробностей вспомнил тот страшный день...

Это было весной 1944 года, когда немецко-фашистское верховное командование непрерывно держало свою войсковую и агентурную разведки за горло, требуя от них точных данных: на каком именно фронте и когда советские войска готовят новую наступательную операцию. Гитлеровцы чувствовали, что гром грянет вот-вот. Но где? Где?! Первый Украинский фронт заносит над их головой бронированный кулак или Белорусские фронты? А резервов, особенно танковых, у фашистов было мало. Требовалось держать их именно в том месте, где последует удар.

Фашистская разведка сбилась с ног. Командование требовало от нее добывать пленных советских солдат и офицеров, не считаясь ни с какими своими потерями.

И вот в это самое время старший сержант Павел Кудрин, командир отделения из разведроты Н-ской дивизии 3-го Белорусского фронта, именно того фронта, который одним из первых должен был накинуть фашистам петлю на шею, попал в руки врага.

А случилось все так. Дивизия, в которой служил Павел, занимала оборону в девяти километрах от его родного села Олексина, находившегося по ту сторону фронта. И неудивительно, что именно Павлу Кудрину незадолго до начала наступления, которое готовилось в строжайшей тайне, поручили проникнуть в тыл к фашистам и разведать позиции двух их тяжелых батарей, искусно маневрировавших вдоль линии фронта.

Павел Кудрин был не только одним из храбрейших разведчиков в своей разведроте, где храбрость считалась нормой поведения, но и самым искусным следопытом, хитрым, сообразительным и очень упорным в достижении цели военным специалистом. Не раз ему удавалось выходить победителем из самых невероятных переделок. Последним его нашумевшим подвигом был захват в плен немецкого майора, который оказался начальником инженерной службы дивизии. Этого майора Кудрин вместе с

группой разведчиков вывел из вражеского тыла по болотам, считавшимся совершенно непроходимыми.

В очередную разведку вместе с Павлом Кудриным отправлялся его друг — рядовой Шестов, человек по натуре замкнутый и угрюмый. Павел уважал Шестова за немногословие и рассудительность: он никогда не торопился высказывать свое мнение, а если говорил, то каждое его слово звучало веско. Когда Шестов был чем-нибудь недоволен, его глаза темнели, над бровями собиралась складка, четче обозначались на коротком носу крапинки веснушек.

К разведке Шестов готовился обстоятельно, тем более что он из-за легкого ранения уже давненько не ходил во вражеский тыл. Вместе с Кудриным Шестов долго сидел над картой, выходил на наблюдательный пункт. Воображение разведчиков рисовало десятки ситуаций, которые могли создаться в тылу врага, и они искали правильные решения, как поступить в том или ином случае. Павел хорошо знал местность, где им предстояло действовать. Ведь родные места! Да и за линию фронта он уже не первый раз ходит на этом участке, используя только ему одному известные волчьи тропы, петляющие в густых зарослях между топкими болотами. Сколько раз он испытал страх перед трясиной, где станешь на кочку ногой и чувствуешь, как погружается она в бездну! Надо делать шаг вперед, но тело обливается холодным потом, а ноги не слушаются. А позади надвигаются товарищи. Им тоже страшно, но они верят Павлу — старожилу этих мест — и, сжав зубы, ловят ногами кочки над болотной пучиной.

Все точно так же повторилось и теперь. Непроходимые болота помогли Кудрину и Шестову оставить линию фронта позади. Затем они ползли по звериной тропе сквозь густой кустарник. Ветки низкорослого орешника, побеги молодого граба, кусты шиповника, опутанные цепкими жилами хмеля, все теснее прижимали разведчиков к сырой, отдававшей плесенью земле, цепляясь за их автоматы, за сумки с гранатами. Лучи солнца не могли пробиться в этот темный, зеленый туннель. Когда овраг кончился, Кудрин и Шестов поднялись на ноги и вошли в лес.

Разведчики, стараясь, чтоб под ногами не треснула сухая ветка, не зашумели кусты, пробирались сквозь заросли кудрявого подлеска. Зеленым паводком он со всех сторон обступал крепкие стволы деревьев.

Шли долго. Тяжелую артиллерию гитлеровцев нужно было разыскивать где-то километрах в семи за линией фронта. Павел всю дорогу молчал и озабоченно осматривал знакомые места. Он по памяти определял, где их путь будет скрещиваться с лесной дорогой или тропой. Там останавливались и прислушивались.

За просекой, перерезавшей лес, Павел начал забирать вправо и незаметно для себя ускорил шаг. Шестов догадался, что Кудрину не терпится хотя бы издали взглянуть на свое село, до которого теперь было рукой подать. Не произнося ни слова, он следовал за Кудриным.

Вдруг Павел остановился и, подняв руку над головой, замер. Разведчики залегли и после короткого наблюдения выяснили, что наткнулись на склад боеприпасов. Вдоль ограды ходили вражеские солдаты с автоматами. За колючей проволокой виднелись штабеля ящиков со снарядами, прикрытые для маскировки ветками деревьев.

Отползли в глубь леса. Кудрин достал карту, отыскал на ней нужный квадрат и там, где был обнаружен артиллерийский склад, синим карандашом поставил птичку.

В этот момент послышался нарастающий шум моторов. По звуку разведчики определили, что идут американские бомбардировщики. Где-то за лесом застучали зенитки, залаяли крупнокалиберные пулеметы. Лес мешал разведчикам увидеть, что делается у них над головой.

Не теряя времени, Кудрин и Шестов обогнули место, где был расположен вражеский склад, и вышли на опушку. Их взорам открылось небо, усеянное белыми облачками от разрывов снарядов. Между этими облачками тянулась полоса черного дыма. Она с каждой секундой удлинялась, выматываясь из-под брюха подбитого самолета, стремительно несшегося к земле. В воздухе болтались три парашютиста. Ветер относил их на лес, значительно левее того места, где, прислонившись к стволам деревьев, стояли Кудрин и Шестов.

Вдруг над их головами со свистом пронеслись пули, а затем послышалась автоматная очередь. Шестов первым увидел, как по направлению к ним бежали человек восемь автоматчиков. Те спешили к месту приземления парашютистов и случайно обнаружили советских разведчиков.

Разведчики залегли и открыли ответный огонь. Гитлеровцы, прячась за деревьями, продолжали стрельбу. Им на помощь торопились еще несколько солдат.

Положение осложнялось. А когда из села вырвалась группа мотоциклистов и устремилась на лесную дорогу, чтобы перехватить пути отхода разведчикам, Шестову и Кудрину стало ясно, что они в ловушке.

— Бежим к складу! — крикнул Кудрин.

Все произошло очень быстро. В лесу они наткнулись на двух вражеских солдат, охранявших подступы к складу. Застрелили их в упор. Затем бросили гранаты в ближайший штабель, а сами прильнули к земле за стволом могучего дуба: они ждали, что снаряды сдетонируют.

Тяжелый удар потряс землю. Но ящики в этом штабеле оказались пустыми. Взрыв гранат разметал их по лесу, свалил в бесформенную пылающую груду. Шестов и Кудрин вскочили на ноги и перебрались через проволочную ограду, порванную осколками. От склада во все стороны убегали гитлеровцы. Казалось, никто не обращал внимания на советских разведчиков, а они, охваченные мыслью взорвать склад, спрыгнули в ровик, снова метнули в штабеля гранаты. И тут обжигающей волной дохнул на них лес, качнулась под ногами земля, что-то тяжелое навалилось на плечи...

2. О ЧЕМ НЕ ЗНАЛ ПАВЕЛ КУДРИН

Полевой госпиталь, с весны обжившийся в белорусской деревеньке Бугры, готовился к страдным дням. Вот-вот начнется наступление наших войск, а это значит — многие сотни раненых... И госпиталь готовился. У каждого врача, медсестры, санитара были свои дела, заботы, и люди в белых халатах непрестанно сновали между домами, в которых размещались отделения госпиталя.

Неразлучные подружки Сима Березина и Ирина Сорока, сдав свою смену, бежали через школьный двор в столовую, как вдруг внимание привлек надсадный металлический гул в вышине. Они сразу насторожились: гул незнакомый. Сима первая разглядела в голубизне июньского неба плывущий к фронту огромный косяк четырехмоторных бомбардировщиков. Рокот моторов усиливался.

Все, кто был на школьном дворе, глядели сейчас в

небо. Даже шофер, с утра копавшийся под машиной, вскочил на ноги и поднял вверх лицо.

— Американские? — с любопытством спросила Сима. — А истребители наши! Видишь, как купаются в небе?..

Действительно, это были американские бомбардировщики, летевшие к линии фронта под прикрытием советских истребителей.

— Сквозным полетом идут, — заметила Ирина тоном знатока.

Вчера она читала раненым свежую газету, в которой рассказывалось, что американские бомбардировщики поднимаются с баз Италии или Англии, летят на Румынию и Германию, затем садятся на советской территории. Заправившись горючим и бомбами, самолеты идут в обратный рейс. С наших аэродромов американцев сопровождают советские истребители, а потом их встречают «мустанги» — американские истребители дальнего полета.

Хотя Симе все это было известно, Ирина скороговоркой продолжала объяснять:

— Понимаешь, челночные операции делают. Как челнок у ткацкого станка.

— Да-а-а, — промолвила Сима. — Вот и увидели наконец мы своих союзников. Наверное, на самый Берлин летят...

Ирина не переставала глядеть вслед удаляющимся бомбардировщикам. Потом вдруг спросила:

— Как думаешь, видно им оттуда наше Олексино?

Сима с грустью вздохнула: «Одним бы глазком посмотреть, что делается дома, в родном селе...»

С запада, куда только что ушли самолеты, донеслась яростная дробь пулеметных очередей. Завыли на виражах невидимые истребители.

Где-то далеко в небе начался воздушный бой. Он был скоротечным, и девушки снова направились было к столовой. Но вдруг со стороны синевшего за большаком леса низко над землей показался тяжелый бомбардировщик, похожий на те, которые несколько минут назад проплывали над деревней. Возле бомбардировщика вились два наших «ястребка».

— Неужели «мессеры» подбили? — И девушки, встревоженные, остановились.

Самолет, выпустив шасси, начал снижаться за речушкой Быстрянкой на луг...

Из дверей школы выбежал дежурный по госпиталю — высокий подвижный капитан медицинской службы. Он метнулся по двору, кого-то разыскивая. Увидев девушек, крикнул:

— Березина! Сорока! Захватите санитарные сумки и бегом к машинам! — Дежурный махнул рукой в сторону приземлявшегося самолета.

Через минуту на луг умчались две «санитарки» — легкие автобусы с узкими продолговатыми кузовами.

Капитан Гарри Дин — командир экипажа «летающей крепости» — сидел в автобусе на боковой скамейке между Симой Березиной и плечистым пожилым санитаром. Автобус слегка потряхивало, а американец что-то выкрикивал, придерживая правой рукой забинтованную левую руку. Сима, вслушиваясь в незнакомую речь, догадывалась, что капитан ругается, и попыталась успокоить раненого:

— Не волнуйтесь, пожалуйста, вам вредно, — и девушка прикоснулась к его повязке.

— Вредно? Вы говорите, мне вредно волноваться? — с раздражением переспросил Дин.

Услышав от американца русские слова, Сима с удивлением и даже растерянностью посмотрела ему в лицо.

— Вы удивлены? — улыбнулся капитан. — Русский язык я немного знаю. Пять лет изучал, год во Владивостоке жил... Но как не волноваться?! Подбили же меня мои коллеги! Когда ваши истребители дрались с «мессерами», мы, не меняя курса, тоже палили из пулеметов. И какая-то скотина из соседнего бомбардировщика, когда тот сделал крен, не успела убрать руку со спуска пулемета. Влепил мне целую очередь! Один мотор заклинило, приборы в штурманской кабине разбиты, и мне пуля в руку досталась. И еще сесть заставили черт знает где. Мог же я свободно дотянуть до вашего аэродрома! Так нет! Эта жирная свинья приказала мне по радио сесть на луг.

— Кого же вы так величаете? — с любопытством спросил санитар, хранивший до сих пор молчание.

— Есть у нас такая птица в полковничьих погонах. Доллингер — командир авиакрыла.

Капитан Дин не отличался сдержанностью. Высказавшись, он в сердцах отвернулся к окошку, за которым убегала назад покрытая воронками и убранная зе-

ленью русская земля. Капитан постепенно остывал и с любопытством осматривал новый для него ландшафт.

На обочине дороги мелькнул указатель с красным крестом и надписью: «ХППГ». Санитарная машина мчалась в том направлении, куда указывала стрелка.

Въехали в село. На стене соседнего со школой дома углем выведено: «Сортировочное отделение». Здесь машина остановилась.

Сима первой выскочила из автобуса, откинула заднюю ступеньку и подала руку раненому. Капитан Дин прищурился от света, хлынувшего в раскрытые дверцы, и, взяв руку девушки, поставил ногу на ступеньку. Взглянув при свете на Симу, американец на мгновение замер, приятно пораженный миловидным лицом девушки.

— О-о-о! — выдохнул он. — Простите меня ради бога. Ругался я, точно на скотном дворе. В машине не разглядел, что еду в обществе такой прекрасной феи...

— Выходите же! — нетерпеливо прикрикнула Сима, чувствуя, что щеки ее заливает румянец.

— Позвольте, позвольте... — не унимался капитан, — а перевязывали меня тоже вы?

— Ну, я...

Дин схватился здоровой рукой за голову и застонал:

— Какая дубина! Проклятый темперамент! Был зол как дьявол и ничего вокруг не замечал...

Дин ступил на землю, продолжая беззастенчиво рассматривать девушку.

Не выдержав бесстыжего взгляда Дина, Сима повернулась кругом и строго приказала:

— Идите за мной!

Поглядеть на американца сбежались многие сестры, санитарки и санитары. В стороне топтались, перекидываясь словами, выздоравливающие раненые.

Капитан Дин, поспевая за Симой, с улыбкой оглядывался на людей, кивая головой в знак приветствия. Рослый, молодой, красивый, он знал, что производит на всех хорошее впечатление, и чувствовал себя уверенно. На ходу отряхнул здоровой рукой свои длинные на выпуск брюки песочного цвета, поправил кожаную куртку, на спине которой были выстрочены контуры материков Северной и Южной Америки и от рукава к рукаву — огромная надпись: «USA».

В просторной хате, ярко освещенной переносной электролампой, получавшей энергию от трещавшего во дворе школы движка, было людно. Здесь собралась молодежь — медсестры, санитары, врачи. Пришли некоторые ходячие раненые.

Хрипло играл патефон. Девушки танцевали.

Сменили пластинку, и зазвучал гопак. Девушки и ребята, охая и ахая, пристукивали об пол каблуками.

Открылась дверь комнаты, и на пороге появился капитан Дин. Он широко улыбался, щурился от яркого света. В сенях, за спиной Дина, толпились еще четыре американца и среди них уже знакомые Симе сержанты Мэлби и Хатчинс. Мэлби — авиатехник, прилетевший вчера на По-2 к месту аварии «летающей крепости», а Вилли Хатчинс — бортстрелок из экипажа Дина. Все, кроме сержанта Мэлби, были чуть навеселе.

Пляс прервался, шум стих, икнул и умолк патефон. Молодежь с любопытством смотрела на пришедших.

— Принимайте в компанию, — промолвил капитан Дин. — Хотим повеселиться. Мой экипаж в неполном составе...

— Пожалуйста, заходите! — приглашали наперебой.

Гостям освободили лучшие места на скамейке, стоявшей у завешанных одеялами окон.

Американцы вошли в комнату, потоптались у порога, а затем, по русскому обычаю, начали знакомиться, пожимая всем присутствующим руки.

При ярком электрическом свете Сима хорошо рассмотрела молчаливого сержанта Мэлби. Лицо у Мэлби маленькое, кругленькое, щеки обвислые. Глаза так прищурены, что трудно разглядеть их цвет. Брови — маленькие черненькие треугольнички, нос прямой, острый, с широкими ноздрями. Рта почти не видно — он безгубый, точно складочка между обвислыми щеками. А уши! Большие, в синих прожилках. Не будь их, лицо Мэлби было бы похоже на печеную тыкву.

Всеобщее внимание привлек широкоплечий, короткорукий, с простым улыбчивым лицом сержант Хатчинс. Он с интересом оглядывал комнату.

— Впервые в русском доме, — пояснил Дин, заметив, что все наблюдают за сержантом.

А тот вначале пощупал вышитый красными петухами и маками рушник, которым была увенчана икона, потом начал разглядывать полки с посудой. Увидев покрытую золотистым лаком, расписанную цветочками дере-

вянную ложку, сержант пришел в восторг. Он схватил ложку и с любопытством начал рассматривать ее. Ложкой заинтересовались и другие летчики.

У печки сидела на табуретке хозяйка дома — пожилая женщина в белой вышитой сорочке, повязанная белым ситцевым платком. Скрестив на груди руки, она наблюдала, как веселится молодежь, и о чем-то думала. А когда пришли американцы, хозяйка поднялась и перенесла табуретку в самый угол, где стояли ухват, кочерга, веник, чтобы было больше места для гостей. Увидев, что сержант интересуется ложкой, хозяйка незаметно прибрала с полочки веретено, ножницы, клубок ниток и сунула их в кувшин, потом зачем-то переставила на другое место веник. Сима заметила тревогу хозяйки, и ее начал душить смех. Но смеяться было неловко, и она отвернулась к Ирине, которая рассматривала патефонные пластинки, не зная, какая из них больше понравится американским летчикам.

— Никак не выберешь? — упрекнула Сима подругу.

— Выбирай сама, — ответила Ирина. Потом вдруг тихо спросила, кивнув на летчиков: — Неужели их сбили свои же? Просто не верится.

— Не сама я придумала. Раненый капитан сказал мне это. — Сима повернулась и увидела, что совсем рядом стоит сержант Мэлби. Девушку поразили его глаза. Раньше незаметные, прятавшиеся в морщинах лица, они теперь округлились и были настороженными. Сима даже успела разглядеть, что глаза у Мэлби густо-серые, с прозеленью, как первый лед на запущенном пруду.

«Он понимает по-русски, — вдруг мелькнула догадка у Симы. — Но почему скрывает, почему его встревожили мои слова?»

Лицо сержанта Мэлби тут же приняло обычное выражение. На нем заиграла натянутая улыбка. Сима почувствовала какую-то непонятную тревогу.

«Зачем этому сержанту скрывать, что он понимает по-русски?» — мучил ее вопрос.

Аэродром, где базировались американские тяжелые бомбардировщики авиакрыла полковника Джеймса Доллингера, находился в одном из предместий Лондона. Жизнь на аэродроме давно утихла. Обезлюдел командный пункт, опустели площадки, на которых, широко раскинув мощные крылья, стояли зачехленные машины.

Позади — полный напряжения, тревог и опасностей день. Завершена очередная челночная операция.

Полковник Доллингер не в духе. Он сидел в глубоком мягком кресле в углу просторного кабинета и со стороны смотрел на свой рабочий стол, на массивный канцелярский прибор из серого, под мрамор, в медных прожилках сплава. Между двумя приплюснутыми чернильницами, которых полковник никогда не открывал, так как обходился цветными карандашами и авторучкой, вздыбилась пара лосей. Уставив взгляд на лосей, он сосредоточенно думал...

У Джеймса Доллингера полное круглое лицо, короткая красная шея. Выбритые щеки отсвечивали синевой. Он еще молод, однако уже отяжелел.

Полковнику хотелось курить, но лень было поднять руку за сигарой. Тянуло еще раз посмотреть на карту Белоруссии, где среди болот остался экипаж капитана Дина, но трудно расстаться с креслом. Вспомнился неприятный разговор с командиром авиадивизии. Высокий генерал с худощавым умным лицом кричал на него и говорил, что ему, полковнику Доллингеру, впору командовать экипажем, а не двумя сотнями самолетов. Но не только история с экипажем Дина удручала полковника. Война, кажется, шла к концу, а он многого еще не понимал. И это пугало. Доллингеру казалось, что из-за своей неполной осведомленности он остается в проигрыше. Правда, известно ему немало. Иногда он даже побаивался, как бы с ним, человеком, которому столько известно, что-либо не произошло. Ведь были в Америке подобные случаи... Поэтому Доллингер и на операции вылетал очень редко: в воздухе все может произойти. Но несколько успокаивало то, что вокруг него есть люди, которые знают гораздо больше его.

Вчера перед вылетом с русского аэродрома к Доллингеру подошел майор Мэлби. Он почему-то носит сержантские погоны и числится в команде аэродромного обслуживания. Мэлби спросил у полковника:

— Вы идете флагманом или в звене Д?

— В звене Д, — ответил Доллингер, настораживаясь. Полковнику показалось, что Мэлби догадывается, почему он не идет ведущим авиагруппы. Доллингер знал, что, если в воздухе атакуют «мессершмитты», они стараются в первую очередь сбить флагмана — машину, которая возглавляет боевой порядок. Не мог об этом не знать и Мэлби...

Мэлби хотел сказать что-то важное. Полковник чувствовал на себе пронизывающий взгляд его прищуренных глаз. Доллингер не мог понять, почему он испытывает страх перед этим тщедушным человечком.

Майор Мэлби наконец заговорил. От первых же его слов Джеймса Доллингера бросило в жар.

— Ваш правый, в звене Д, сегодня будет сбит «мессерами» в квадрате двадцать восемь — пятьдесят один, — сказал Мэлби. — Учтите, в этом квадрате, южнее населенного пункта Бугры, на лугу находился когда-то аэродром немецких бомбардировщиков. Если «крепость» будет только подбита, прикажите ей сесть на луг... Обязательно! Даже и при пустяковом повреждении. Ни в коем случае не возвращаться сюда — на аэродром. Вы за это отвечаете... — Последние слова одетого в сержантскую форму майора прозвучали многозначительно и угрожающе.

Полковник Доллингер понимал, что майор Мэлби представляет здесь американскую военную разведку, и не мог не принять всерьез сказанное им. Охрипшим, взволнованным голосом Доллингер попросил Мэлби:

— Если вы мне доверяете, объясните подробнее. Может случиться что-либо непредвиденное...

Майор усмехнулся и посмотрел на Джеймса Доллингера снизу вверх открыто, чуть вызывающе.

— Доверяем, — твердо сказал Мэлби и опять улыбнулся. — Мы кое-что помним, например, как вы водили «крепости» на бомбежку Кайсгофена, как разнесли в пух весь город, а самолетостроительные заводы Фидлера и газовые заводы пощадили... Так что не доверять вам пока не имеем основания. А нам нужно любой ценой приземлить или разбить, это все равно, свой самолет близ линии фронта — в тылах советских войск. Преследуется цель — получить возможность проехаться по русским фронтовым дорогам к потерпевшему аварию или сбитому бомбардировщику. Русские затевают что-то колоссальное. Нужно определить, где и примерно когда. Конечно, выгоднее было бы приземлиться севернее, но передвинуть трассу нашего полета еще больше — невозможно.

— Позвольте, — возразил Доллингер, — но откуда вам известно, что нас встретят «мессершмитты», а если и встретят, то их русские не прогонят? Наконец, мой правый может сам отразить нападение, да и весь наш

боевой порядок рассчитан на самооборону. И почему именно ваш выбор пал на экипаж капитана Дина?

Мэлби оглянулся на проходивших к соседнему бомбардировщику летчиков и, понизив голос, сказал:

— Не будем вдаваться в детали, полковник! Дин знает русский язык, и если он уцелеет, то окажет нам помощь... «Мессершмитты» вас встретят. Их будет много, и советские истребители не сумеют справиться с ними. Экипаж Дина с правого борта стрелять не сможет. Мы об этом позаботились. А боевой порядок подчинен вам... Ну... — майор Мэлби помедлил, раздумывая, — а если «мессерам» все же не удастся сделать свое дело, то по правому бомбардировщику нужно ударить из вашей машины. Она — по соседству.

— Из моей? — похолодел Доллингер.

— Да!.. Вам только нужно будет выбрать удобный момент и положить машину на левое крыло. Двух секунд для стрельбы в упор достаточно...

Дальше продолжать разговор было невозможно. Подошел экипаж и начал проверять подвеску бомб. Наступало время вылета.

«Дьявольски хитро и в то же время просто, — думал сейчас Доллингер, развалившись в кресле в своем кабинете. — Конечно, можно было только симулировать аварию самолета. Но в такой близости от аэродрома — кто поверит! Другое дело — взрыв в воздухе, однако при групповом полете это очень опасно для других экипажей. И, черт возьми, жалко наших парней, при взрыве никто не спасется...»

И другое не давало покоя Джеймсу Доллингеру: «Похоже, что по каким-то каналам осуществляется связь с нашим противником».

Ему было давно ясно, что в основе этих связей — экономические интересы некоторых американских концернов, интересы группки могущественных людей. И конечно, Америка не несет здесь никакого урона. Но не дай бог, чтоб узнали об этом его подчиненные — офицеры и солдаты ,— чтоб узнал народ или сам президент... или кто-нибудь из тех сенаторов, которые больше всего кричат о демократии... Расценят это как предательство!..

И оттого, что он, полковник Доллингер, теперь причастен к связи с нацистами без приказа сверху, без убежденности в том, что так угодно начальству, а не одному майору Мэлби, ему было не по себе. Какая-то

холодная, давящая пустота ширилась в груди, томило недоброе предчувствие. Доллингеру казалось, что душа у него расклеилась, расслоилась, и эти полоски безнадежно перепутались. Трудно было сосредоточиться на одной мысли.

В самом деле, а вдруг капитан заметил, кто стрелял по его машине, а майор Мэлби откажется от всего?.. Почему от Дина нет до сих пор радиограммы? Удалось ли ему благополучно приземлить самолет?..

Доллингер уже не мог сидеть. Он поднялся и, взволнованный, начал ходить по кабинету, освещенному матовым светом настенных ламп, ввинченных в бра. Ему припомнилось, как два года назад в Штатах шумели газеты по поводу раскрытия в стране фашистского заговора, как негодовали рабочие. Федеральным следственным бюро были арестованы и преданы суду сотни людей, в том числе видные политические деятели. Был арестован даже генерал Каллагэн — ярый противник большевиков, один из руководителей изоляционистского комитета «Америка прежде всего». От своего бывшего начальника генерала Эдвардса Доллингер слышал, что Каллагэн в 1919 году набил себе карманы в России. Он, тогда полковник американской армии, под командованием британского генерала Финлесона принимал участие в вывозе с оккупированного севера России всех ценностей. Много пароходов ушло из Архангельского порта, груженных мехами, лесом, пенькой, медом... Видимо, богатство, связи и спасли Каллагэна. Он отделался небольшими неприятностями.

Размышления полковника Доллингера прервал звонок. Он подошел к столику с телефонами и только теперь заметил, что стрелка часов уже приближается к полуночи. С волнением взял трубку:

— Хэллоу!

Услышал незнакомый рокочущий голос:

— Генерал Каллагэн...

Доллингер почувствовал противную слабость в коленях и задохнулся. Ведь только сейчас он думал об этом человеке, хотя никогда с ним не встречался. Что бы значило такое совпадение? Что привело в Англию эту старую лису? Подавив суеверный страх, полковник слушал:

— ...Везу вам поклон от Эдвардса. В курсе ваших тревог... Буду через двадцать минут, заказывайте ужин — я голоден...

Джеймс Доллингер воспрянул духом: от генерала Эдвардса! Само небо посылает ему помощь... Доллингер чувствовал, как его душа постепенно приобретает цельность, исчезает пустота в груди... Эдвардс! Генерал Эдвардс! Совсем недавно он был полковником, командовал авиадивизией. А теперь!..

Впрочем, ничего удивительного. Ведь и сам Джеймс Доллингер с головокружительной быстротой шагнул вверх по служебной лестнице. Не так уж много времени прошло с тех пор, как был он капитаном, командиром «лайтнинга» — самолета-разведчика. Он летал через Ла-Манш во Францию, оккупированную немцами, и с высоты двух тысяч метров фотографировал объекты, над которыми побывали «летающие крепости».

Однажды, когда Доллингер, тогда еще капитан, вернулся с задания, выяснилось, что ему заснять ничего не удалось — фотопленка оказалась засвеченной.

— Я могу в рапорте обстоятельно доложить о результатах бомбардировки, — заявил он тогда командиру авиадивизии полковнику Эдвардсу, который вызвал его для личного объяснения. — Видимость сегодня превосходная.

Разговор происходил один на один в помещении оперативного дежурного на командном пункте аэродрома, где теперь базируются самолеты Доллингера. Эдвардс сидел за маленьким круглым столиком перед недопитой бутылкой кока-колы, освещенный мягким предвечерним светом, струившимся сквозь прозрачную, как хрусталь, стенку из плексигласа. За ней виднелись стройные ряды самолетов и убегающие вдаль бетонированные взлетные дорожки. Джеймс Доллингер хорошо видел каждую черточку на лице полковника Эдвардса, настороженный прищур его карих глаз.

— Что вам удалось заметить? — спросил тогда полковник, торопливо поднимая из-за столика свое грузное тело. В тоне его голоса, в его движениях, во взгляде чувствовались плохо скрытые тревога и недовольство.

— Бомбы сброшены на причалы речного вокзала. Ни цеха завода, ни склады не пострадали, — ответил Доллингер, бесстрастно глядя в выхоленное лицо полковника.

Эдвардс отвел взгляд в сторону и раздраженно заметил:

— Плохо вы наблюдали, капитан! Очень плохо!

Проходила минута, вторая, а полковник Эдвардс

стоял за столиком и безмолвно глядел сквозь прозрачную стенку на полосатое поле аэродрома. Он чувствовал на себе пристальный взгляд капитана Джеймса Доллингера и пытался угадать, какие мысли таятся за этим взглядом.

Но нелегко было угадать мысли Джеймса Доллингера. Его бесцветные глаза были как бы заслонкой, проникнуть через которую невозможно. Точно оловянные, они никогда ничего не выражали, не говорили о том, что думает и переживает Доллингер.

Может, поэтому у Джеймса не было друзей. Может, потому так официально-строго обращалось с ним начальство. Уж очень суховат капитан Доллингер, а это несвойственно американскому офицеру. Замкнут и непроницаем. Трудно понять, когда он в добром расположении духа, а когда раздражен, когда озабочен, а когда не обременен мыслями. В самом деле, сосет ли Джеймс через соломинку коктейль, проверяет подвеску бомб у самолета или читает письмо из дому — глаза его неизменны. Постоянно веет от них холодом, и этот холод точно заморозил лицо Джеймса. Ни взволнованности, ни оживления на нем.

Сама жизнь сделала Джеймса Доллингера таким. Когда-то его отец держал небольшую гостиницу в штате Пенсильвания на федеральной дороге, ведущей из Вашингтона в Питтсбург. В Пенсильвании эта старая, разбитая дорога петляла среди живописного гористого ландшафта, и шоферам приходилось на ней несладко. Если захватывала ночь, не многие рисковали продолжать путь. И гостиница никогда не пустовала.

Но вот группа сильных предпринимателей построила автостраду Гаррисбург — Питтсбург. Новая четырехколейная магистраль уже не вихляла в горах, а стрелой пронизывала их, проходила в туннелях через главный хребет Аппалачей, через малые хребты.

При въездах на автостраду Гаррисбург — Питтсбург стояли заставы, взимавшие подорожный сбор. И, несмотря на это, вся жизнь переместилась на новую дорогу, именуемую «Пенсильвания — торнпайк». Здесь машины могли нестись днем и ночью в четыре ряда на самой предельной скорости. И гостиница Доллингеров оказалась в стороне от людных мест. Только случайные путники пользовались ее услугами.

В течение года Доллингеры обанкротились...

Рухнули мечты и надежды Джеймса. Перспективы

беззаботной, веселой, богатой жизни развеялись, как туман. Теперь приходилось думать о том, как бы обеспечить себя работой и минимальным достатком.

Но богатство — такое прекрасное и желаемое — по-прежнему манило Джеймса Доллингера. Он видел, что богатство вокруг него. Но доступно оно немногим. Тысячи предвиденных и непредвиденных, случайных и закономерных обстоятельств непреодолимой преградой стояли на пути человека, даже ловкого и оборотистого, искавшего возможностей разбогатеть. В массе миллионов человеку-песчинке всплыть на поверхность тяжело. Надо искать случая, связей, знакомств, надо оказаться нужным для власть имущего, и не просто нужным, а необходимым.

И Джеймс Доллингер стал упорно искать могущественного человека. Он искал его, когда работал младшим конторщиком в чикагской фондовой бирже, когда учился в авиационной школе и когда в чине офицера попал в авиакрыло полковника Эдвардса. Доллингер был уверен, что найдет себе босса, разгадает, поймет его желания, устремления, намерения и рабски, бездумно покорится им.

«Но человек не книга, которую раскроешь и прочтешь, — думал Доллингер. — Трудно узнать, какие мысли гнездятся в извилинах его мозга. Часто встретишь нужную тебе личность, но не приглянешься ей, не покажешься подходящим для какого-то ее дела — и неудача».

Поэтому Джеймс Доллингер решил: пусть боссы ищут его. Он решил стать человеком-загадкой, зная, что загадки привлекают к себе внимание. «Пусть ко мне присматриваются, пусть меня попытаются понять, — думал он. — А я тем временем сумею угадать, кого хотят во мне найти: товарища по коммерции или партнера по грабежу, доброго советчика или исполнителя чужой воли, болтуна, распространителя слухов или человека, язык которого на привязи... А пойму, какое зерно ищут во мне, его и буду выставлять напоказ. И если нет у меня того зерна, солгу, притворюсь, но покажусь в глазах нужного мне человека именно тем, кого он ищет».

И Джеймс Доллингер начал ломать свой характер, начал заковывать свое сердце в оболочку, чтобы ни горе не опаляло его, ни радость не изменяла ритма его ударов. И точно надел маску — ни одна черточка на лице,

ни взгляд, ни интонация голоса не говорили больше окружающим, какими мыслями занят Джеймс Доллингер.

Мог ли догадаться полковник Эдвардс, как относится Доллингер к тому, что рассмотрел он, пролетая над французским городом? В этом городе находился крупный военный завод, делавший стволы пушек для тяжелых немецких танков.

Прервав наконец молчание, Эдвардс повернулся к Доллингеру и еще раз промолвил:

— Ни черта вы сегодня не рассмотрели... — Потом помедлил, выразительно посмотрел на бесстрастные глаза Доллингера и приказал: — Напишите рапорт о результатах разведки.

На этом разговор закончился. Эдвардс не мог заметить, как на лице Джеймса Доллингера, когда он закрывал за собой дверь, скользнула сдержанная улыбка. О, с каких пор он не улыбался!.. Доллингер понял, чего от него хотят. И он сумеет оказаться полезным человеком!..

А через час на столе полковника Эдвардса лежал рапорт командира «Лайтнинга-327» капитана Доллингера. В рапорте говорилось, что военный завод в городе Н. бомбардировкой с воздуха полностью разрушен.

...Кажется, совсем недавно это было, а Джеймс Доллингер уже носит погоны полковника и сам командует авиационной частью — «крылом» тяжелых бомбардировщиков. Он наконец нашел своего босса... И сейчас к нему едет посланец босса — Каллагэн!

Была полночь. Автомобиль мчался по широкой бетонированной автостраде. Справа и слева проносились загородные коттеджи, еле различимые в зелени и сумерках ночи.

Генерал Каллагэн раскинулся на заднем сиденье с видом усталого человека. Хорошо думать в мчавшейся машине. Мысли без труда сменяли друг друга, точно отсчитывались столбами, указывающими мили. Мягко, убаюкивающе шуршали колеса.

Каллагэн думал. Перебирал в памяти свои деловые связи. И почему-то не люди вставали в его воображении, а высились перед мысленным взором небоскребы узкого мрачного, напоминающего ущелье Уолл-стрита, зажатого между старой церковью Святой Троицы на

Бродвее и набережной Ист-ривер в южном углу острова Манхэттэн. Вот он, Нью-Йорк!..

Каллагэну вспомнился Бродвей — вечно хмельной, оглушенный гудками скользящих по асфальту автомобилей и лязгающей, завывающей, квакающей музыкой, которая выплескивалась на улицу из многочисленных дансингов, кафе, ресторанов, баров, ночных клубов; Бродвей — ослепленный иллюминацией пляшущих, мигающих, прыгающих световых реклам и афиш, огнями витрин и вывесок... На углу Уолл-стрита и Бродвея, рядом с фондовой биржей, стоит мрачный массивный особняк банкирской конторы «Джон Пирпойнт Морган энд компани». С конторой почти соседствует правление дюпоновского треста «Стандард ойл». У них умопотрясающая сила. И перед этой силой преклоняется он — старый генерал Каллагэн, верный слуга некоронованных королей Америки.

Правда, формально, да и фактически, он их партнер. Он держит пухлую пачку акций «Стандард ойл», имеет собственный счет в нью-йоркском банке, является собственником хотя и небольшой, но известной фирмы по изготовлению сигарет. Как и все очень богатые люди США, он приобрел дачу в Атлантик-сити — на самом фешенебельном курорте Америки. И за это свое благополучие, благополучие своей семьи, своего рода он готов служить хоть черту, хоть дьяволу. Каллагэн знал, что он один из многих агентов правления «Стандард ойл», но он гордился тем, что ему доверяют больше, чем другим, поручают самые рискованные дела. Во время войны генеральские погоны, как никогда, помогают ему.

В глаза генералу ударил яркий свет фар встречного автомобиля, потом в небе над автострадой проплыл с зелеными и красными огнями воздушный корабль. Каллагэн болезненно поморщился и переменил позу. Под его грузным телом жалобно запищали пружины сиденья. Автомобиль мчался с прежней скоростью.

Часто, когда генерал Каллагэн видит в ночном небе проплывающие огни самолета, ему вспоминается одна скандальная история, которая произошла с ним в Южной Америке. В 1941 году он тайно поехал туда с очень важным поручением. Остановился в уютном городке на берегу реки Параны. Требовалось сделать невозможное. В то время пошатнулись дела треста «Стандард ойл», все больше нарушалась связь с германским химическим концерном «И. Г. Фарбениндустри», с которым «Стан-

дард ойл» еще до второй мировой войны объединился в компанию, носившую название «Стандард — И. Г.». И теперь, когда шла война, когда Германия являлась врагом Америки, требовалось, как выразился один приятель Каллагэна, найти возможность заставить воюющие стороны (включая американцев, англичан, голландцев и немцев) улечься в одну постель. Разумеется, в этой постели должны оказаться власть имущие, учитывая, что войну ведут армии, а деловые люди продолжают свои деловые отношения. Война — это бизнес. И ни один деловой человек не мог, по мнению Каллагэна, возразить против войны.

И вот, прибыв в 1941 году в Аргентину — это было в то время, когда немецко-фашистская армия рвалась к Москве, — Каллагэн должен был улучшить организацию поставок Германии высокооктанового бензина, который в большом количестве имелся на складах «Стандард ойл» в ее южноамериканских филиалах. Ни генерала Каллагэна, ни его хозяев нисколько не смущало, что этим бензином заправляются немецкие бомбардировщики, совершающие налеты на Москву и Лондон.

В самый разгар переговоров между агентами гитлеровского химического концерна «И. Г. Фарбениндустри» и генерал-майором американской армии Каллагэном произошла каверзная история, которой затем суждено было стать международным анекдотом.

Это случилось в субботний вечер. Генерал вернулся в гостиницу после загородной поездки, где у него состоялась деловая встреча, и застал в своем номере двух субъектов. Они что-то искали. Генерал заметил, что под ковром выворочены даже плашки паркета. В первое мгновение его сковал страх. Решил, что перед ним агенты Федерального следственного бюро *. Но ведь это не в США, а в Аргентине! Каллагэн выхватил пистолет, и застигнутые врасплох субъекты подняли руки.

Каллагэн колебался. Вызвать полицию — значит давать показания, раскрыть самого себя. А это не входило в планы генерала и не соответствовало инструкциям, полученным в правлении треста. И когда, окинув взглядом свои чемоданы, заметил, что они не тронуты, Каллагэн спросил:

— Что вам здесь угодно?

---

* Орган, осуществляющий в США борьбу против диверсионной и шпионской деятельности.

Вскоре все выяснилось. Забравшиеся в номер Каллагэна люди оказались служащими отеля. Они сознались, что искали драгоценности. За день до приезда генерала в этом номере были арестованы контрабандисты, нелегально ввозившие в страну жемчуг. При обыске драгоценностей у них нашли немного — успели куда-то припрятать. И оба субъекта были уверены, что в этом номере имеется где-то тайник, ибо контрабандисты останавливались здесь каждый раз, как только приезжали в город.

Глаза у Каллагэна загорелись. Он опустил пистолет, прогнал «искателей жемчуга» и закрылся на ключ. Начал осматривать каждый уголок, каждую щель в комнате. Но поиски ни к чему не приводили. Тогда генерал свернул на полу ковер и принялся разбирать паркет. Среди комнаты, под паркетными плашками, наткнулся на большую металлическую плиту. «Все ясно, — решил тогда Каллагэн, — жемчуг здесь». Плита была прочно прихвачена огромнейшей гайкой на резиновой прокладке. «Чтобы не дребезжала, когда пол выстукивают», — догадался генерал.

Его обуяла радость. Так неожиданно и легко пополнить свои богатства! Может, это единственный случай в жизни! Но как отвернуть гайку, как поднять плиту, под которой, несомненно, хранятся драгоценности?

Быстро оделся, вышел на улицу и в ближайшем гараже купил нужного размера ключ. Предупредив коридорного, чтобы его не беспокоили, так как он ложится отдыхать, генерал Каллагэн с гулко бьющимся сердцем принялся за работу.

С большим трудом поддавалась гайка. Взволнованный, он не обращал внимания, что зазор между плитой и гайкой не увеличивался. И вот последний оборот... Вдруг гайка подскочила, и внизу, под комнатой генерала Каллагэна, где находился ресторан, что-то загрохотало, послышались душераздирающие вопли...

Оказалось, с потолка ресторана сорвалась огромнейшая люстра...

К счастью, обошлось без жертв, но паника поднялась там невообразимая, тем более что замкнулись электрические провода и потух свет.

Генерал Каллагэн не может без содрогания вспомнить эти страшные в его жизни минуты.

Он щедро уплатил хозяину отеля за убытки, но замять скандал не удалось. Американские доллары не

всегда, оказывается, имеют силу, даже в вассальных странах.

С необычайной поспешностью ехал тогда Каллагэн на аэродром, чтобы улизнуть из Аргентины. Но неудачи одна за другой постигали его. Подъезжая к аэропорту, он увидел в ночном небе удаляющиеся огни самолета, взявшего курс на север. Ему пришлось еще на сутки остаться в том злополучном городке на реке Паране.

И теперь частенько, видя плывущие в темной вышине разноцветные огни пассажирского самолета, Каллагэн вспоминает, как искал жемчуг, как волновался после возвращения в Штаты. Ведь после того, что случилось, уже невозможно было оставить в тайне его нелегальную поездку в Аргентину. И Федеральное следственное бюро всерьез занялось его персоной, подозревая, что Каллагэн продает гитлеровцам военные секреты. А это не могло способствовать ослаблению Германии как опасного конкурента на мировом рынке, к чему стремились тогда деловые круги Америки. За генералом установили наблюдение.

В июле 1942 года Федеральное следственное бюро объявило об аресте восьми диверсантов, высадившихся с германских подводных лодок во Флориде и Лонг-Айлене.

Но никто не знал, что за неделю до этого в том же Лонг-Айлене высадился из подводной лодки Генрих Ольберг — посланник Шмитца — председателя немецкого концерна «И. Г. Фарбениндустри». Ольберга встретил Каллагэн. Генерал получил от Ольберга письмо Шмитца, в котором он благодарил своих американских партнеров за то, что капиталы «И. Г. Фарбениндустри», задержавшиеся в связи с войной в Америке, переведены на счет «нейтральной фирмы» в Швейцарию. Этой «нейтральной фирмой» стало отделение фирмы «И. Г. Фарбениндустри» в Базеле. Шмитц просил также принять меры для защиты его заводов в Германии от бомбардировок с воздуха американскими и английскими самолетами.

И когда через неделю, 13 июля 1942 года, высаженная из подводной лодки четверка фашистских диверсантов была арестована, Каллагэн испугался до смерти. Среди арестованных был старый знакомый Каллагэна — Вернер Тиль. Он до 1939 года жил в Америке и работал на автомобильных заводах в Детройте. Уже тогда он был немецким шпионом, и Каллагэн не однажды оказывал ему услуги. Вернер Тиль привез из Германии

шифр для радиосвязи «Стандард ойл» и «И. Г. Фарбениндустри» и должен был передать его Каллагэну. Но арест помешал...

Каллагэн ждал провала... Боялся, что в стране узнают о его посредничестве между американскими и немецкими промышленниками, боялся, что его боссы откажутся от него, если народ узнает правду.

Опасения сбылись только частично. Вскоре Каллагэн был арестован. Но ровно через двенадцать дней его освободили за «необоснованностью обвинений».

Генералу на время пришлось уйти в тень и заняться только своими служебными делами в военном министерстве. Одна из вашингтонских газет выступила с разоблачительной статьей и чуть-чуть приоткрыла завесу над делами Каллагэна и его хозяев.

Но с тех пор много воды утекло. Положение изменилось. Каллагэну, как «специалисту по России», предложили важный пост — опять вспомнили о нем его боссы. Генерал, уже не стесняясь, говорил о крестовом походе против большевизма. Он напоминал коллегам, что борьба против коммунистов — это в то же время борьба за северорусский лес, за донецкий уголь, сибирское золото, кавказскую нефть... И он делал все для того, чтобы такая борьба началась в больших масштабах. По его мнению, первым этапом такой борьбы должно быть усиление гитлеровской обороны на советско-германском фронте. Советская Армия не должна продвигаться на Запад. Для этого они, американские военные разведчики, должны снабжать ставку Гитлера необходимыми сведениями о советских войсках. История с «вынужденной посадкой» экипажа Дина в расположении русских войск, как и другие «мероприятия» с этой целью, его, Каллагэна, рук дело. Майор Мэлби — его агент, знающий русский язык и вообще оборотистый малый. Несомненно, он сумеет добыть важную информацию, которая хоть что-нибудь добавит к поступающей по другим каналам.

Второе, чем следовало бы заняться американцам, по мнению Каллагэна, это убедить немцев не сопротивляться американским и английским войскам, высадившимся недавно на побережье Франции. А еще лучше — согласиться на то, что еще в 1942 и 1943 годах предлагали им на секретных переговорах в Лиссабоне и в Швейцарии англичане и американцы. Каллагэну было известно, что в феврале 1943 года специальный уполномоченный пра-

вительства США Аллен Даллес через немецкого князя Гогенлоэ поставил вопрос о заключении мира с Германией за спиной Советского Союза.

...Автомобиль завизжал тормозами. Генерал Каллагэн увидел, что находится у пропускного пункта на аэродром.

Они ужинали в офицерском кафе, в отдельной комнате, где, кроме накрытого стола, двух стульев и полужесткого дивана, ничего не было. От голубых, расписанных замысловатыми завитушками стен несло масляной краской и холодом.

Они сидели друг против друга. Говорил генерал-майор Каллагэн; полковник Доллингер больше слушал, уставив глаза на собеседника.

Каллагэн — высокий, костистый мужчина шестидесяти лет. Выступающая вперед нижняя челюсть, толстая нижняя губа, щеки плоские, чуть горбатый нос нависал над верхней губой. Когда он говорил, лицо его вытягивалось еще больше, а глаза округлялись.

Полковник Джеймс Доллингер, казалось, бесстрастно следил за каждым движением генерала и слушал его речь. Его внимание привлекал сине-багровый, напоминающий след куриной лапы шрам на лице Каллагэна. «Куриная лапа» хищно зажала в когтях левую щеку генерала, сморщила ее, обезобразила. «Кто это сделал ему такую отметку? — думал Доллингер. — Видать, волк битый...»

Каллагэн чувствовал на себе пытливый холодный взгляд и старался не встречаться с этим взглядом, точно боясь, что заглянет Доллингер в его душу и увидит то, что ему не полагается увидеть.

— Итак, вы можете чувствовать себя спокойно, — говорил генерал Каллагэн. — Ваш бомбардировщик приземлился, на наше счастье, рядом с деревней, где размещается русский госпиталь. Понимаете — госпиталь! Туда каждый день поступают раненые с широкого участка фронта. Это лучший источник информации!

— Посадка совершена удачно? — спросил Доллингер.

— Вполне. Я только что получил радиограмму — прямо с борта самолета, — ответил генерал. — Майор Мэлби уже на месте «аварии» и взял дела в свои руки, хотя идут эти дела пока не блестяще. Русские, черт бы

их побрал, оказались настолько любезны, что вместо автомобиля, на котором Мэлби предполагал прокатиться по их фронтовым дорогам, предоставили самолет По-2 — «кукурузник», как его называют советские летчики. К тому же ваш капитан Дин не умеет держать язык за зубами. Уже успел проболтаться русской девчонке из госпиталя, что его сбили свои.

— Значит, ему известно? — быстро спросил полковник Доллингер, в упор глядя на генерала и всеми силами стараясь скрыть страх, который пронял его в эту минуту.

— Не волнуйтесь, — поспешил успокоить полковника Каллагэн, точно угадав его душевное состояние. — Мэлби убедит Дина, что это ему показалось: наконец, объяснит, пригрозит. Я уже распорядился. Приказал Мэлби, чтобы он не допустил распространения этого слуха среди русских или, во всяком случае, ликвидировал источник его распространения.

Доллингер, пораженный решительностью генерала и его агентов, только покачал головой, ничего не ответив.

— Ну а если слух этот распространился, — продолжал Каллагэн, — придется вашего Дина показать перед русскими дураком, трусом — чем угодно, лишь бы ему не поверили. Впрочем, будет видно, как поступить. Русские и сами могут не поверить, что наш самолет подбит нами же. К тому же Дин может пригодиться в нашем деле. Он молодчина, уже начал волочиться за медсестрой русского госпиталя. Капитан ведь ранен...

— Серьезно ранен? Почему же вы молчали до сих пор? Я обязан докладывать в штаб дивизии! — Доллингер начинал терять терпение. Случалось это с ним очень редко и лишь тогда, когда он долго не мог понять, что от него хотят, не знал, как лучше себя держать с собеседником.

— Рана пустяковая, — успокоил его Каллагэн. — Рука поцарапана. Это даже удобнее нам. Пусть Дин подольше задержится в госпитале. С ремонтом самолета торопиться нечего, тем более что ему взлететь не удастся.

Доллингер бросил настороженный взгляд на генерала.

— Ничего не поделаешь, могло быть и хуже, — ответил на его взгляд Каллагэн. — Майор Мэлби промерил луг, на котором приземлилась «летающая крепость», и убедился, что он очень короток для взлета.

— Как же быть? — спросил озадаченный полковник.

— Что-нибудь придумаем.

— Но как объяснить все это командиру дивизии?

— Вот это уже не моя забота, — заметил генерал Каллагэн. — С вашим стариком я не намерен разговаривать так же откровенно, как с вами. Иначе он упечет нас обоих... Генерал Эдвардс рекомендовал мне только вас. Теперь слушайте дальше. Как только капитан Дин окажется ненужным Мэлби, передайте ему приказ добраться до русского аэродрома, где вы приземляетесь, и очередным рейсом доставьте его сюда. И еще позаботьтесь, чтобы с воздуха сфотографировали передний край русских.

— Немцы в этом не нуждаются, — сказал Доллингер и впервые за время разговора отвел глаза в сторону. Он с тревогой ждал, что ответит на эту откровенность генерал.

Каллагэн не замедлил с ответом.

— У нас аппаратура более совершенна, чем у немцев, — сказал он. Потом помолчал, откусил конец сигары, прикурил и рассмеялся: — Очень хорошо, что вы разбираетесь в обстановке. Не скрываю, некоторые лица из госдепартамента считают, что наступила новая фаза войны. Нам нужно думать о своем будущем. Верно?

Доллингер молчал, испытующе глядя на собеседника. Каллагэн сдерживал себя, чтобы не ежиться под этим пустым, ничего не выражающим взглядом. Он мешал ему говорить, сковывал мысли.

— Выпьем, — предложил Каллагэн, наливая виски.

Выпили. И хотя выражение лица Доллингера было таким же бесстрастным, Каллагэн продолжал откровенный разговор. Тем более что его испытанный друг Эдвардс хорошо рекомендовал этого полковника.

— Нам нужно думать не только о будущем, но и о настоящем, — говорил Каллагэн. — О том, что и как сейчас нужно бомбить, вы и без меня знаете. Нам нужно убрать Германию как конкурента на мировом рынке и нужно сохранить ее как верного союзника, младшего партнера в борьбе с большевиками. Но сейчас есть дела поважнее, не терпящие отлагательства. Ни на минуту нам нельзя забывать, что большевизм — реальная угроза для всей Европы. Подумать страшно! Мы освобождаем от нацистов Францию, а у власти там могут оказаться коммунисты. Парадокс. Американская армия насаждает в Европе коммунистические режимы! Вы задумывались над этим?!

Каллагэн поднялся из-за стола и, взволнованный, быстрыми шагами начал ходить по комнате. Услышав его шаги, в комнату вскользнул официант и, отвешивая американцу поклоны, спросил:

— Прикажете еще виски?

— Пшел! — крикнул на него генерал и, усевшись на свое место, вновь обратился к Доллингеру: — Нельзя, дорогой полковник, закрывать глаза на реальные вещи. Удивляюсь, как до сих пор вы этого не понимаете. Ведь что будет, если во главе металлургических заводов в Лотарингии, во главе шахт в Сент-Этьене станут рабочие комитеты, участники так называемого внутреннего Сопротивления? Что будет, если во Франции появится коммунистическое или даже менее левое правительство? Молчите?.. А будет то, что нам с вами придется убраться за океан, в Штаты, несолоно хлебавши. Мы же не за этим сюда пришли. Потом не забывайте, что Франция обладает обширными колониальными владениями: Западная Африка, Экваториальная Африка, Мадагаскар с островами, Сомали, Марокко, Тунис и, наконец, Вьетнам!.. Что случится с этими колониями, если во Франции власть возьмет в свои руки народ? Они получат независимость! А это будет означать крах нашей политики, нашей системы. Короче — цивилизация гибнет!

Каллагэн сидел красный, с выступившей на лбу испариной. Даже на глазах его появились красные прожилки, и взгляд генерала был сейчас тупой, обреченный.

— Надеюсь, мы этого не допустим, — холодно промолвил полковник Доллингер.

Занятый какой-то своей новой мыслью, генерал ответил не сразу. Неожиданно речь его полилась спокойно, размеренно, точно это не он сейчас задыхался от злобы и кричал до исступления.

— Разумеется, не допустим, дорогой полковник, — промолвил Каллагэн. — Для этого нужны решительные меры, нужен новый взгляд на мораль, на человеческие права — на всю ту мишуру, которая мешает нам проводить нашу политику. Вот большинство промышленников Франции, да и много политиков сотрудничали с нацистами. Стоит ли их за это осуждать? Святой бог, не стоит! На их месте и мы с вами не поступили б иначе. Поразмыслите — вы владелец завода или заводов. В страну пришли нацисты. У вас два выхода: или бежать и потерять все, или остаться на месте, уживаться

с новой властью и сохранить свои капиталы. Умный, деловой человек выберет последнее, как многие, да почти все, и сделали. И вот многие эти люди — собственники заводов, рудников, шахт, земельных массивов, судоходных компаний, всякие политические деятели сейчас укрываются от «гнева народного», от рабочих комитетов, участников Сопротивления. Они считают, что теперь потеряно все. Многие из них решили, что раз мы в этой войне поддерживаем Советский Союз, значит, всем, кто помогал фашистам, пощады не будет и выхода из создавшегося положения нет. А мы им укажем выход. Мы посадим их на старые места и скажем: властвуйте! Но властвуйте так, как мы вам скажем. О доходах тоже особый разговор. Часть их должна лечь в наш карман. Вот и пусть попробует кто сказать, что Америка вмешивается в чужие дела! Пусть! Мы только поддерживаем справедливость. Собственность должна находиться в руках тех, кому она принадлежит. Но пусть кто скажет, что нам принадлежит Европа!.. Вот вам и выход из положения, вот вам рецепт для лекарства против коммунистической опасности.

Генерал помедлил, подумал, а потом продолжил:

— А то, что было до сих пор, — безумие нашего президента! Он поддался давлению так называемого народа, американских обывателей, наших рабочих, батраков, зараженных симпатиями к большевизму, к русским вообще. Да и часть наших деловых людей ослепла от жадности. Подумаешь, Германия стала хозяином Европы! Германия завладела нужными Америке рынками и источниками сырья! Германия урезает наши доходы! На все это плевать надо было с крыши «Эмпайр стейт билдинг» *. Ведь Германия прежде всего такое же государство, как и Штаты. У нас с немцами одинаковый уклад жизни, одинаковые понятия о добре и зле, одинаковая свобода частной инициативы. Договориться с Германией — совсем несложное дело. Нужно было твердо держать курс, взятый еще в двадцатых годах, — продолжать науськивать Германию на Россию. Так нет, напугались, что окрепшая при нашей же помощи Германия угрожает миру. А ведь это сущая чепуха!

— А фашизм? — бросил вопрос Доллингер.

— Фашизм? Фашизм, дорогой мой, это высшая необ-

* «Эмпайр стейт билдинг» — самый высокий небоскреб в Нью-Йорке.

ходимость, это высшее проявление демократии деловых людей, запомните: демократия деловых людей! Нужно перестать играть в свободу и равенство для всех. Помилуйте, о каком равенстве может идти речь среди людей, из которых одна часть имеет полные карманы, а другая, хотя эта часть и очень велика, еле сводит концы с концами? И если вовремя не одуматься, в одно прекрасное время в Белый дом придут рабочие и попросят президента убраться вон. Россия — печальный пример этому. Ведь никакое наше вмешательство в дела России не изменило там положения. Помните восемнадцатый-двадцатый годы? Я их хорошо помню. Помню Петроград, Вологду, Архангельск, а на их улицах — вооруженные отряды рабочих... Так вот, фашизм положил подобной опасности конец... Советский Союз — это чужой, непонятный для нас мир. И то, что мы стали его союзниками, — злая ирония судьбы. Нужно исправлять положение, пока не поздно.

Каллагэн посмотрел на полковника Доллингера посветлевшими глазами, точно обрадованный, что наконец и сам уразумел важную истину, которую проповедовал сейчас своему собеседнику.

Выпили еще по рюмке. Генерал застегнул ворот своей тужурки, как будто давая понять, что беседа идет к концу, потом хлопнул ладонью по столу и, испытывая непонятную для Доллингера неловкость или нерешительность, снова заговорил:

— Но нельзя забывать о святом законе делового человека. А ведь мы с вами деловые люди?

— Разумеется, — ответил Доллингер, настораживаясь.

— Так вот, мы не должны за общими задачами забывать сегодняшний день. А для делового человека прожить день — значит ощутить, что в кармане его стало тяжелее. Бизнес — первая наша заповедь. Короче, имею деловое предложение. Вы можете организовать каждый месяц по два самолета в Штаты?

— Могу, если это нужно.

— Очень нужно. Под видом грузов для армии они будут доставлять сигареты моей фирмы. С высадкой наших войск во Франции в Европе открылся свободный рынок. Нужно торопиться.

— Это связано с огромным риском, — промолвил Доллингер. — В военное время и судят по-военному.

— Не будем предаваться мрачным предчувствиям,—

запротестовал Каллагэн. — Поверьте, они обманчивы. Вы будете иметь четверть дохода.

— Треть, — поправил Доллингер.

— О, вы не так уж малопрактичны! Тогда еще один самолет прибавьте.

— Сколько потребуется, столько и будет.

— По рукам!

Капитан Дин за завтраком или обедом выпивал сто граммов спирта и потом бродил по школьному двору, по улицам села, вначале бодрый и веселый, но потом эта бодрость сменялась разбитостью. Ему уже наскучило торчать в госпитале, тем более что рана его почти зажила.

Дин удивлялся терпеливости Мэлби. Тот целыми часами сидел под старой грушей в углу школьного двора, где были сложены парты. Там всегда толпились ходячие раненые, раскуривая козьи ножки и делясь фронтовыми новостями.

Мэлби щедро угощал раненых сигаретами, улыбался, щурил свои маленькие глазки, иногда хлопал собеседника по плечу и твердил: «Рус, карош человек...» Но больше молчал, устремив взгляд в землю.

Вначале американский сержант вызывал любопытство. Его рассматривали как диковинку, пытаясь завести разговор, но Мэлби смущенно улыбался, что-то тараторил по-английски и, разводя руками, опять говорил: «Рус карош». Знатоков чужого языка среди раненых не находилось, и сержанта оставляли в покое. Вскоре вроде перестали и замечать его — молчаливого, безучастного к тому, о чем вели речь раненые. Только время от времени, когда Мэлби бросал сигарету и вытаскивал пакет с жевательной резинкой, на него снова устремляли любопытные взгляды.

— Опять жует! — с удивлением восклицал кто-нибудь.

Шофер «эмки» начальника госпиталя Вася Зозуля, увидев первый раз, как американец стал жевать резинку, даже рот открыл от удивления. Он долго стоял возле сержанта Мэлби, что-то прикидывал в уме, раздумывая. Потом улыбнулся какой-то своей мысли и, коренастый, маленький, прямой, как гвоздь, медленно побрел со школьного двора к своей машине, стоявшей в вишеннике у дома, где размещался начальник госпиталя.

Из-под сиденья машины Вася достал кусок красной резиновой камеры, аккуратно вырезал из нее небольшой кружочек, точно заплату на дырку, старательно промыл его в бензине и, воровато оглянувшись по сторонам, сунул кружочек в рот. Сосредоточенно, словно к чему-то прислушиваясь, пожевал его, потер зубами. Лицо Зозули перекосилось от мучительной гримасы, словно его вот-вот стошнит. Он решительно выплюнул резину, вытер губы рукавом комбинезона и с великим недоумением посмотрел в сторону школы. Американский сержант казался ему с этой минуты пропащим человеком.

На второй день после того, как на лугу у деревни Бугры приземлилась «летающая крепость», с очередной машиной раненых в госпиталь прибыл старший лейтенант Андронов. Из-под его гимнастерки виднелась повязка на левом плече. Молодой, загорелый, с открытым лицом и живыми глазами, Андронов ничем особым не выделялся среди раненых, кроме как своей разговорчивостью. Андронов был очень осведомлен о делах на фронте, о скором наступлении и охотно делился всем этим со своими новыми знакомыми.

Может быть, потому, что Андронов чуть-чуть знал английский язык, сержант Мэлби почувствовал к нему большую симпатию. Американец все время держался поближе к офицеру, восторженно глядел в его лицо, улыбался. А Андронов без удержу рассказывал своим слушателям забавные эпизоды из фронтовой жизни. Иногда, медленно подбирая английские слова, передавал сказанное Мэлби.

Нередко под старую грушу, где на партах в тени прохлаждались ходячие и выздоравливающие, заглядывал шофер Вася Зозуля. Он внимательно слушал веселые рассказы Андронова и так безудержно смеялся, что сержант Мэлби с опаской отодвигался от него.

Однажды Вася, воспользовавшись тем, что Андронов куда-то отлучился, сознался о причине своей столь несоизмеримой с услышанным веселости:

— Первого класса сочинитель! Врет и глазом не моргнет. А сам же от передовой так же далеко, как и мы с вами, — в штабе армии. Слово шофера. Сам вчера мне в этом сознался. И работа, кажись, не пыльная — топографические карты разрисовывать для самого командующего. А ранен при бомбежке...

Неожиданно для Зозули это его открытие повысило интерес слушателей к Андронову. Раз человек близок к

начальству, значит, что-нибудь да знает. Если бы Вася был более наблюдательным, он бы заметил, что и американский сержант не остался безучастным к такой новости, хотя, казалось, откуда ему уразуметь слова болтливого шофера. В глазах Мэлби вспыхнули и тут же потухли живые огоньки.

После этого, когда разговор заходил о предстоящем наступлении, из всех госпитальных «стратегов» наиболее авторитетным считался старший лейтенант Андронов. И Андронов оправдывал надежды товарищей. Он охотно делился своими соображениями и загадочно хлопал рукой по висевшей на боку планшетке. Васе Зозуле казалось, что в этой планшетке Андронов держит карту, на которой все видно как в зеркале...

Впрочем, особой нужды в оперативной карте не было. Андронов мог обыкновенным прутиком начертить на земле все свои замыслы по разгрому белорусской группировки фашистов.

— Гляди, — обращался старший лейтенант к кому-нибудь. — Видишь, как линия фронта выгнулась? Это Белорусский выступ — «Белорусский балкон», как его немцы называют. Вот Витебск, вот Могилев, Бобруйск, и здесь мы — западнее Мозыря. Тут линия фронта лицом на север повернула и идет прямо до Ковеля. Понимаешь, что значит для фашистов этот выступ? — И Андронов обводил слушателей строгим, многозначительным взглядом.

— Ясное дело, понимаем, — ответил шофер Зозуля, — «жизненное пространство».

В это время шофера позвали к начальству. Кинув ему вслед уничтожающий взгляд, Андронов продолжал:

— Это угроза для Москвы! И сил у немцев здесь видимо-невидимо. Значит, оборона наша должна быть железной, и соваться здесь в наступление, все равно что Зоэуле на «эмке» надолбы сшибать.

— Не то вы говорите, — возразил молоденький лейтенант-танкист с черными усиками. — А зачем же силы такие скопляются?

— Значит, нужны они, — убежденно ответил Андронов, и его прутик начал вычерчивать на земле грозные стрелы, рвавшие оборону врага. — Гляди-ка. Вот здесь Ковель. Отсюда совсем недалеко до Бреста, Люблина, Варшавы. Мощный удар на Хелм и на Львов — и фашистам станет жарко в Белоруссии! Ведь это похлеще, чем на Волге получается! Тогда и резервы на нашем фронте

потребуются, чтобы преследовать и уничтожать врага... Ну, может, еще для вспомогательного удара нужны. А всерьез наступать в Белоруссии какой же смысл? Тут что ни шаг, то речка. А болота, леса! Не развернешься...

Рассуждения Андронова казались убедительными, хотя и не устраивали раненых. Всем хотелось, чтобы наступление началось именно здесь, и каждый вынашивал надежду к его началу вернуться в строй.

Подошел капитан Дин. Скользнув безразличным взглядом по лицам раненых, он приблизился к сержанту Мэлби, здоровой рукой хлопнул его по плечу и оживленно воскликнул:

— Пошли! Господин Янчуров приглашает...

Мэлби нехотя оставил свое место на верху парты и поплелся со двора школы за капитаном.

По дороге Мэлби сказал Дину:

— По моей просьбе полковник Янчуров будет знакомить нас с обстановкой на фронте. Задавайте ему больше дурацких вопросов.

— Почему дурацких? — удивился Дин.

— Не будьте идиотом!.. Постарайтесь оставить меня наедине с картой...

Полковник медслужбы Янчуров дожидался прихода американцев. Заложив руки за спину, он прохаживался по комнате, приспособленной под кабинет, предаваясь тревожным мыслям. Последнее время в его госпитале происходит что-то странное. Начальник контрразведки дивизии сказал ему только несколько слов: «Ничему не удивляйтесь и будьте ко всему готовы». Топографическую карту с нанесенной обстановкой тоже прислали из контрразведки. И этот старший лейтенант Андронов...

В дверь постучались, и тотчас же на пороге встали капитан Дин и сержант Мэлби.

— Милости прошу! — пригласил Янчуров. — Для начала давайте пропустим по рюмочке, — и он указал на маленький столик, где под салфеткой стояла бутылка превосходного коньяка, несколько чистых рюмок и тарелочка с ломтиками лимона.

— С превеликим удовольствием! — воскликнул Дин.

Он подошел к столику, бесцеремонно сдернул салфетку и, увидев коньяк, прищелкнул языком:

— О'кэй! Угощайте, господин полковник!

Янчуров наполнил рюмки...

Дин пил с чувством. Вылив рюмку в рот, он некоторое время держал коньяк на языке и затем медленно глотал.

— Божественный напиток! — заключил Дин и брался за ломтик лимона...

Сержант Мэлби пил сдержанно. Он долго разглядывал искрящуюся жидкость на свет, улыбался, пережидал, пока Янчуров и Дин выпьют и снова наполнят свои рюмки, затем вместе с ними пил маленькими глотками, жмурясь от удовольствия.

Когда бутылка была опорожнена, Янчуров направился к железному ящику, стоящему за столом рядом со стулом, и достал из него аккуратно сложенную карту. Потом развернул карту, расстелил ее на столе и сказал:

— Прошу!

На карте была нанесена линия фронта, красными флажками обозначены медсанбаты, из которых в госпиталь поступают раненые, а над деревнями, где размещались первый и второй эшелоны штаба армии, высились флажки покрупнее.

Сержант Мэлби опытным взглядом окинул карту, задержал взгляд на том месте, где красных флажков было погуще, бегло сосчитал их, проследил, куда ведет красная нитка шоссейной дороги, заметил, в каком месте проходят через фронт разграничительные линии армий...

— Вот, смотрите, Бугры, — пояснил Янчуров. — Здесь располагается наш госпиталь.

Но все, что говорил полковник Янчуров, не интересовало Мэлби. Ему уже было ясно, что русские собираются наносить удар южнее Полесья...

В это время в кабинете раздался голос старшего лейтенанта Андронова (он постучался, но стука его никто не расслышал):

— Товарищ полковник медицинской службы, разрешите к вам обратиться?

Янчуров кинул притворно-недовольный взгляд на вошедшего без разрешения офицера.

— В чем дело?

— Товарищ полковник, вы не собираетесь в штаб армии?

— Завтра буду там.

— Очень прошу вас не отказать в просьбе.— И старший лейтенант Андронов начал торопливо расстегивать свою планшетку. — Я вместе с начальством ездил в одну из дивизий и, после того как меня ранили, позабыл

отдать карту с нанесенной обстановкой. Держать ее у себя не решаюсь.

И старший лейтенант развернул огромную карту, покрыв ею ту, которая лежала на столе.

Мэлби несколько изменился в лице. Резче вдруг обозначились на его щеках морщины, еще больше сузились щелочки глаз, плотнее сжался безгубый маленький рот. Его пронял страх. Цепким взглядом Мэлби впился в лицо Андронова, пытаясь прочитать на нем какую-нибудь мысль, утвердиться в своей догадке. Ему показалось, что он пойман с поличным, что все они — начальник госпиталя, этот старший лейтенант — знают, что он офицер разведывательной службы, знают, что каждый вечер из «летающей крепости», которая распластала крылья на недалеком лугу, он поддерживает связь с Лондоном. Неужели они разгадали его и дурачат как могут, подсовывая ему карты с фиктивной обстановкой, любезничают с ним, а в душе смеются? Нет, с неподдельной искренностью светятся глаза русского офицера. Он ждет, что ответит ему Янчуров... Лицо открытое, простое, ни тени наигранности. «Нет, — твердо решает про себя Мэлби, — опять повезло мне, старому волку. Или, может, амулет, который ношу на шее, помогает?» И Мэлби с благодарностью вспоминает тот день, когда в графстве Уайз приобрел он эту священную вещичку.

Янчуров медлил с ответом. Ему, кажется, не хотелось связывать себя обещанием. И это еще больше успокоило Мэлби. Он убедился, что заговора нет, и бросил пытливый взгляд на карту. Мэлби интересовало сейчас одно: действительно ли русские готовят удар на Люблинском и Львовском направлениях? Действительно ли гитлеровским армиям группы «Центр» опасность угрожает с юга, а не с запада?

Мэлби несколько разочарован. Обстановка на карте Андронова хотя и совпадает с той, которая на карте Янчурова, но слишком схематична: разграничительные линии, нумерация армий и танковых соединений. Но и этого достаточно. Только дураку было неясно, что главные силы русских — под Ковелем и Владимир-Волынском. Концентрация сил в Белоруссии — для вспомогательных ударов; об этом говорили обе карты.

Мэлби заметил на карте подтертые места, большой вопросительный знак над скрещением дорог у Луцка, перечеркнутый номер какой-то армии. Все эти следы свидетельствовали о том, что карта рабочая, а не спе-

циально для него подготовленная. И Мэлби успокоился окончательно. Лицо его посветлело, морщины несколько разгладились — он ликовал, мысленно составлял шифровку. Быстрее бы вечер!..

Янчуров взял карту, медленно свернул ее. Андронов аккуратно складывал карту полковника.

А на следующий день, к большой радости Мэлби и Дина, им сообщили, что отремонтированную «летающую крепость» можно поднимать в воздух. Русские саперы расчистили за лугом кустарник, удлинив до нужных размеров взлетную полосу.

Но не ведали Мэлби, Дин и сержант Хатчинс, что не вернуться им на свой аэродром в предместье Лондона. Откуда им было знать, что при перелете американскими бомбардировщиками линии фронта именно в их «летающую крепость» попадет снаряд немецкой зенитки?

3. ОПЯТЬ ВОСПОМИНАНИЯ КУДРИНА

Павел пришел в себя. Он удивленно посмотрел на бревенчатые стены небольшого помещения. Сквозь крохотное окошко внутрь падал косой луч солнца и вырывал из темноты какую-то рухлядь. У стены Павел заметил человека, приникшего к щели. Когда Кудрин пошевелился и под ним зашуршала солома, человек повернулся. Павел узнал Шестова.

— Где мы? — спросил Павел и не услышал своего голоса. В голове звенело. Острая боль сжимала виски.— Где мы?! — что было силы крикнул Кудрин. На этот раз голос донесся точно издалека.

Шестов нетвердым шагом подошел к товарищу.

— Не знаю, — развел он руками, — я сам только что очухался.

Павел подполз к щели и увидел знакомую улицу родного села...

На допрос разведчиков повели вечером, когда они несколько оправились от контузии. Кудрин и Шестов не знали, что уже второй день находились в плену. Казалось, что только сейчас всколыхнулась под ногами земля и в небо взметнулся огонь...

Путь к бывшему колхозному клубу, куда вели пленных, пролегал мимо дома Кудрина. Три года не был

здесь Павел! Сколько думал о том, как встретят его мать, отец! А теперь он больше всего боялся этой встречи. Живы ли они?.. Вот и знакомая хата. У ворот стоит мальчуган в подвернутых штанах. Кудрин узнал Федьку — соседского мальчишку. Тот, встретившись взглядом с Павлом, вскрикнул и что есть духу побежал в дом.

Солдаты проводили пленных в колхозный клуб. В зале Кудрин заметил наваленное крестьянское имущество, из дверей библиотеки торчал перевернутый шкаф. Только комната, где раньше помещалась читальня, содержалась в некотором порядке.

Здесь их встретил капитан войск СС. На черных петлицах его мундира тускло поблескивали эмблемы «мертвой головы». В длинном с серыми навыкат глазами лице офицера было что-то хищное. Сточенные скулы сливались с вытянутым носом, и от этого все лицо фашиста было похоже на клюв диковинной птицы.

Выпуклые глаза гитлеровца изучающе скользнули по черным лицам Шестова и Кудрина, по их измятой одежде.

Гитлеровец удивился живучести русских. Казалось загадкой, как могли они уцелеть, когда при взрыве склада погибла почти вся охрана. Было загадкой и другое: это они взорвали склад или взрыв произошел по неосторожности рабочих? Во всяком случае, в вышестоящий штаб уже сообщили, что в склад попал шальной снаряд русских.

В комнате было полутемно, и эсэсовец приказал зажечь лампу. Только теперь разведчики рассмотрели, что в углу за столом, заваленным консервными банками и пакетами, среди которых возвышалась граненая бутылка с золоченой головкой, сидели трое в незнакомой форме.

— Похоже, что американцы, — шепнул Шестов.

— Верно, «второй фронт», — согласился старший сержант, вспомнив, что видел такую форму на снимках.

Разведчики не ошиблись. Судьба действительно свела их в фашистском плену с американскими летчиками капитаном Гарри Дином, сержантом Вилли Хатчинсом и офицером военной разведки майором Мэлби. Нетрудно было догадаться, что это именно они вчера выбросились на парашютах из подбитой «летающей крепости» и невольно оказались причиной того, что фашистские автоматчики случайно заметили в лесу Кудрина и Шестова. Но почему американцы в обществе эсэсовца?..

Ни Кудрин, ни Шестов не подозревали, что майор Мэлби уже нашел общий язык с капитаном войск СС и что присутствие американцев при допросе советских разведчиков — задуманный эсэсовцем «психологический этюд». Капитан надеялся таким образом быстрее заставить Кудрина и Шестова развязать языки. А их показания ой как много могут значить для капитана! Шутка ли: в такие тревожные дни добыть контрольных пленных и от них получить сведения, которые могут совпасть с такими ценными показаниями майора Мэлби! Это же победа разведывательной службы фронта! Главное, вырвать у них все показания здесь, чтобы вышестоящим штабам осталось только дублировать их.

И эсэсовец спешил предпринять все возможное, чтобы его надежды сбылись.

Коверкая русские слова, капитан начал допрос.

— При вас не оказалось документов, — сказал он вкрадчиво, обращаясь к пленным советским разведчикам. — Мы не знаем, с кем имеем дело.

Шестов взглянул на Кудрина и усмехнулся.

Эсэсовец уловил эту усмешку. Под кожей его выбритого лица дрогнули желваки...

Допрос продолжался.

— Ты коммунист? — настойчиво допытывался капитан, обращаясь к Кудрину.

— Я комсомолец, — спокойно отвечал старший сержант.

— А он тоже коммунист? — указывая на Шестова, спросил капитан.

— Да, я тоже комсомолец, — подтвердил тот.

Офицер старался говорить спокойно.

— По нашим законам вас нужно казнить, — капитан сделал паузу и пристально вгляделся в лица пленных. — Но, — продолжал он, — мы можем и простить вас. Для этого нужна ваша откровенность. Все прошлое мы забудем, если расскажете, кто вы, откуда и зачем вас сюда прислали, как вам удалось взорвать склад. Ну, еще короткие сведения о вашей части — и все. Напоминаю, если будете молчать, у нас найдутся средства заставить вас говорить.

Шестов и Кудрин молчали.

— Не советую запираться, — зловеще сказал капитан. — Возьмите пример со своих союзников. Надеюсь, вы понимаете, что перед вами военнослужащие амери-

канской армии. Они добровольно ответили на все мои вопросы и заслужили снисхождение.

— Это ложь! — вдруг выкрикнул на русском языке капитан Дин, вскочив из-за стола.

Его схватил за плечи майор Мэлби.

— Не будьте идиотом, Дин! — прошипел Мэлби.

Дин стряхнул с плеча руку майора, и снова в просторной комнате колхозной читальни зазвучал его возмущенный голос:

— Это ложь! Я не давал никаких показаний! — И он резко повернулся к Мэлби: — Офицеры американской армии не предают родины! А ты, крыса, ответишь за все!

Вдруг майор Мэлби сделал шаг в сторону от Дина и согнулся, точно от боли в животе. Еще миг, и он выпрямился, резко послав снизу вверх кулак, направленный в подбородок капитана. Это был тот прием рукопашной борьбы, который разрешается применять только в схватке с врагом на поле боя; от страшного удара снизу в подбородок ломается шейный позвонок...

Капитан, тихо охнув, грузно упал на пол, упал, чтобы больше никогда не подняться...

Все замерли на своих местах. Сержант Хатчинс, обхватив голову руками, грудью навалился на стол и уронил голову. О чем думал он, портовый грузчик из Сан-Франциско?..

В тишине были слышны слабеющие стоны капитана Дина.

Эсэсовец требовательно постучал рукой по столу и снова обратился к Кудрину и Шестову:

— Вы коммунисты, и я обязан вас расстрелять немедленно!.. Но мы умеем ценить услуги!

К советским разведчикам подошел майор Мэлби. У него вздрагивала одна щека и лихорадочно блестели глаза. Но заговорил он спокойно.

— Мы с вами коллеги, — растягивал слова американец. — У нас одинаково сложилась судьба. Не будьте такими идиотами, как этот. — Мэлби указал на распластанное на полу тело капитана Дина.

— Выдал, где находится наш аэродром? — с лютостью спросил у американца Шестов.

Майор Мэлби снисходительно засмеялся.

— Милые мальчики, жалко мне вас, — качая головой, проговорил он. — Аэродром не зажигалка, его в

карман не спрячешь. Немцы и сами знают, где он находится. Я кое-что поважнее...

Шестов не дал американцу договорить. Он сделал шаг вперед и звучно плюнул в его сторону.

Офицер отшатнулся, выхватил из кармана платок, но не стал вытирать лицо, а бросился к Шестову и ударил его. У Шестова хлынула кровь из носа. И тут произошло неожиданное. Сержант Хатчинс стрелой метнулся на середину комнаты, схватил майора Мэлби за плечи и, повернув лицом к себе, резко ткнул его кулаком в переносицу... Мэлби мешком рухнул на пол.

На мгновение все онемели. Немец-капитан, выхватив парабеллум, навел его на американского сержанта и что-то крикнул.

Тот спокойно повернулся и сел на прежнее место.

Что было потом, Павел помнил смутно. Лишь в минуту просветления он вдруг явственно услышал голос матери:

— Пустите меня!.. Пустите! Там мой сын!..

На другой день утром пленных повели по дороге к кладбищу. Кудрин тоскливо смотрел на родное полуразрушенное село, на пустынные, поросшие бурьяном улицы. Хотя было раннее утро, из трубы его дома не струился дым, печь не топилась. Сердце больно заныло. Он напряг память, стараясь припомнить: действительно ли ему вчера вечером послышался голос матери? Или почудилось?

Погруженный в гнетущие мысли, Павел не заметил, как их привели на старое, с покосившимися крестами кладбище. За полуразрушенной кирпичной оградой он увидел группу солдат. А в стороне под вишневым деревом, где могила деда Захара (в груди у Павла похолодело)... привязанные к кресту, стояли отец и мать.

Тупой удар стволом автомата в спину — и непослушные ноги понесли Павла к самым близким и дорогим ему на земле людям... Больше трех лет не видел их, и лучше б никогда не увидеть, чем вот такая встреча!..

В лице матери — ни кровинки. Она подалась ему навстречу, а в глазах ее — смертный страх, тоска и немой крик. Она узнала своего Павлушку, которого вынашивала когда-то в мечтах, а потом под сердцем, которого растила и видела в нем свое счастье, свою земную ра-

дость и готова была любую боль его забрать себе. И вот теперь...

Павел, чувствуя, что задыхается, перевел взгляд на отца... Отец... Беззвучно шевелятся его пересохшие губы. Глаза — в горячечном блеске.

И Павел понял: надо сделать все, чтобы облегчить душевную муку отца и матери. Но как? Как сдержать себя, как помочь им?.. И тут он встретился с испытующим взглядом капитана-эсэсовца... Нет, Павел не отведет трусливо своих глаз. Он будет смотреть на фашиста с ненавистью и презрением... Ненависть... Павел почувствовал, как чем-то живым шевельнулась она в его груди... Да, ненависть поможет ему. Поможет выстоять...

Кудрина и Шестова поставили в нескольких шагах от крестов, к которым были привязаны старики.

Капитан достал из кармана коробку сигарет. Почему дрожат его руки? Или и ему страшно от того, что задумал он? Или, может, вспомнил свою мать, своего отца?..

Закурил и не промолвил, а почти закричал:

— Возиться долго не буду!.. Ваш сын, — обратился он к старикам, — пойман моими солдатами! Он вместе с этим, — эсэсовец кивнул в сторону Шестова, — пришел сюда... Зачем — они сами должны сказать. Должны также сказать, кто и откуда их прислал. Не скажут — расстреляем здесь!

На кладбище стояла тишина; слышно было, как над кустами прожужжал шмель.

— Ты, старик, и ты, старуха, если вам жаль сына, скажите ему... Пусть сознается во всем — и дело кончено. Идите, живите, ваш сын будет помогать вам в хозяйстве. Этого, — эсэсовец кивнул головой на Шестова, — мы тоже простим...

Павел выпрямился, расправил грудь и глубоко вдохнул воздух, перевел взгляд на родителей... Ему хотелось казаться бесстрашным, хотелось, чтоб глаза его смеялись, чтоб поняли отец и мать — не надо никаких слов.

Шевельнулись губы матери, и Павел догадался, а не услышал:

— Сынок...

Отец молчал, только голова его чуть вскинулась вверх.

— Сынок... — снова шевельнулись губы матери.

Острая жалость к родителям снова захлестнула грудь Павла. Снова стало трудно дышать. Снова гулко засту-

чало в висках... А может, это кошмарный сон? Может, он вот-вот проснется?..

Шестов с тревогой смотрел на товарища. Он понимал, что фашисты не вырвут у Кудрина тайну. Но как выдержать человеческому сердцу, сыновнему сердцу, когда все случилось вот так, неожиданно и страшно?

— Ну! — этот окрик гитлеровца прервал размышления Шестова. — Даю еще пять минут. Говори, старик!

Старый Кудрин заговорил не сразу. Он долго и пристально смотрел в глаза сыну, как бы ведя с ним немой разговор, затем глухо промолвил:

— Павлуша, ты мой сын... Сын ты мой родной... Земля, она всех ждет...

Мать встряхнула головой, силясь что-то произнести, но задохнулась в муке.

— Отец просит тебя, — обратился к Павлу эсэсовец.

Павел выпрямился:

— Мама... Отец... Прощайте!.. Солдаты смерти не боятся!..

Сказав это, Кудрин взял за руку Шестова, и они двинулись к месту, где виднелась свежевырытая яма.

Никто из гитлеровцев не посмел удержать русских разведчиков. Они остановились у ямы, крепко обнялись и поцеловались. Павел окинул фашистов взглядом, полным ненависти, и крикнул:

— Стреляйте!

Капитан-эсэсовец резко повернулся к старикам:

— Последний раз говорю. Просите, чтобы рассказали!

Отец и мать Кудрина молчали.

Фашист дал команду, и солдаты вскинули винтовки. Грянул залп... Когда рассеялся дым, на краю ямы стоял только Павел. Капитан снова что-то крикнул. Солдаты быстро отвязали стариков Кудриных и на их место поставили Павла. Стариков подвели к яме.

Павел понял, что задумали фашисты...

— Теперь ты решай их судьбу! — зло сказал капитан. — Посмотрим, что ты за сын! Любишь ли ты своих родителей...

Потом, подавив в себе злобу, начал уговаривать:

— Перестань упрямиться, ведь они отец и мать тебе. Зачем губишь их? Этого мы расстреляли, теперь он упрекать тебя не будет. Не противься. Иначе расстрел родителей ляжет тяжким грехом на твою душу. Говори, и мы сейчас отпустим их и тебя.

Павел отошел от креста и направился к родителям. Его не задерживали. Он помог матери подняться на ноги. Обнял ее, затем отца.

— Не было бы вас, я бы плюнул в морду этой гадине, — прошептал он. — Не хочу, чтоб видели, как терзать меня будут...

Мать рыдала, прижимая к груди голову сына.

— Так, сынку, так, — тихо сказал отец.

Мать не могла вымолвить ни слова.

— Ну, стреляйте! — крикнул Кудрин, встав рядом со стариками.

Капитан словно одержимый бросился к Павлу и, нанося удары, стал оттаскивать его от родителей.

Снова загремели выстрелы.

Когда избитого до полусмерти Павла подняли и повели к дороге, матери и отца у каменной ограды он не увидел.

Ночью в сарай, где были заперты Павел Кудрин и пленный сержант американской армии, зашел старик — односельчанин Павла — Кузьма Шалыгин. Кудрин узнал его по голосу.

Шалыгин подсел к Павлу и по-бабьи начал причитать:

— Сынок ты мой бедный! Горемыка несчастный! Как же ты попал в село, зачем загубил отца и мать?..

Павел молчал. Он понимал, что Шалыгин пришел неспроста. Иначе как его могли пропустить в сарай?

— Павлуша, сынок, — бормотал Шалыгин, — скажи немцам все, и они тебя отпустят, перестанут мучить. Они же из-за тебя всю деревню перестреляют. Меня вызвал капитан и говорит: «Староста, собери завтра народ на кладбище!»

«А-а, староста!» — Кудрин не мог подобрать нужных слов. Наконец сообразил:

— Дядька Шалыгин, — прошептал он, — принесите хлеба, я вам все расскажу, только вам...

Шалыгин не смог скрыть радости.

— Сейчас все сделаю для тебя, потерпи малость, — быстро проговорил он и направился к двери.

Кудрин начал лихорадочно обыскивать все углы сарая. Наконец нащупал железный прут, торчавший из бревенчатой стены. Ухватился за него обеими руками, но выдернуть не мог, не хватало сил.

— Товарищ! — тихо позвал Павел.

Американский сержант понял это слово. Кудрин услышал, как зашелестела солома, и вскоре к нему прикоснулась жесткая рука. Павел поймал ее и подтолкнул к железному пруту.

— Помоги...

Вдвоем они расшатали и выдернули прут.

Сержант горячо заговорил что-то на ухо Павлу. Затем стиснул повыше локтя руку Павла и потряс ее.

— Вильям Хатчинс, Вильям Хатчинс, — шептал он.

Тогда Кудрин взял руку американца, ткнул ею в свою грудь и тихо сказал:

— Павел Кудрин.

Сержант Хатчинс опустился на солому и шепотом повторил:

— Павэл Кутрин...

Павел тоже сел и стал терпеливо ждать возвращения Шалыгина. «Придет или не придет?» Сердце колотилось так сильно, что казалось, стук его слышен во всех углах сарая.

Наконец загремел засов, тонко скрипнула дверь. В сарай упал луч света от керосинового фонаря, который держал в руке Шалыгин. Староста поставил фонарь и, с любопытством глядя на американца, начал вытаскивать из кармана хлеб, сало.

— Ешь, милок, ешь, Павлуша. Не тужи. Многие пострадали от этой войны, да еще как пострадали...

В лампе фонаря что-то зашипело, и Шалыгин нагнулся, чтобы подкрутить фитиль.

В этот миг в тусклом свете мелькнул железный прут и опустился на голову старосты.

Шалыгин приник к деревянному настилу пола, опрокинув фонарь. Вильям Хатчинс подхватил зачадившую «летучую мышь» и устремил вопросительный взгляд на Кудрина.

Движения Павла стали быстрыми, решительными. Он стащил с Шалыгина армяк и накинул его на себя, надел фуражку. Затем взял у сержанта фонарь, поднял стекло и уголком полы армяка счистил с закраин фитиля сажу. Сажей натер себе подбородок, щеки.

Хатчинс молча наблюдал за этими приготовлениями. Потом он что-то зашептал, согнул в локте правую руку, показывая бицепсы, и потянулся к железному пруту. Повел понял его. Действительно, у этого американца больше сил, его не пытали и не мучили. Он передал

Вильяму армяк, снова достал сажи из фонаря и намазал ею лицо Хатчинса.

Американец открыл дверь. Часовой с автоматом на груди отступил в сторону. Вильям шагнул в темноту, потушив фонарь, и, услышав, как стукнул засов, повернулся и кинулся на гитлеровца.

А еще через минуту Кудрин и Хатчинс перелезли через плетень и бросились в огороды.

Павел напрягал все оставшиеся в нем силы. Он бежал и чувствовал, как каждый шаг отдается в теле тупой болью. Вглядываясь в темноту, Кудрин пытался различить впереди лес. Павел знал, что ближайший путь к своим — через топкое болото, примыкающее к лесу со стороны Старого брода.

Недалеко от болота беглецы наткнулись на вражеский секрет. Из замаскированного окопа крикнули:

— Хальт!

Вильям дал очередь из трофейного автомата. В ответ из окопа вырвалась огненная струйка трассирующих пуль. Хатчинс остановился, еще раз полоснул по окопу и упал. Кудрин залег в тот момент, когда слева, где в болото упирался передний край вражеской обороны, взметнулись ракеты.

Яркий свет, загоревшийся в небе, озарил опушку леса, болото и прилегающее к нему незасеянное поле. Ракеты, шипя и потрескивая, роняя горячие брызги, описывали в небе дугу и падали. Из-за болота застрочили пулеметы, донесся хлопок минометного выстрела. Павел с радостно бьющимся сердцем прислушивался. Это стреляли свои.

Вскоре наступила тишина. Гитлеровцы перестали бросать ракеты. Нужно было пробираться вперед, так как к уничтоженному немецкому секрету вот-вот могли прийти вражеские солдаты.

Вильям Хатчинс лежал неподвижно. Кудрин подполз к нему и тронул за плечо. Вильям не пошевелился. Павел поспешно расстегнул его куртку и приник ухом к сердцу...

Хатчинс был жив. Время шло. Павел, преодолевая слабость, опустился на колени, приподнял Хатчинса и подставил под него свои плечи. С тяжелой ношей на плечах он, с трудом переставляя ноги, пошел к болоту. Земля качалась под ним. Ему казалось, что она то справа, то слева вдруг поднимается к черному небу и удержаться на ней трудно, как на круто наклоненной доске.

Один раз земля качнулась так сильно, что Кудрин упал. У него еле хватило сил, чтобы выбраться из-под тяжелого безжизненного Хатчинса.

Передохнув, Кудрин снова поднялся. Но взвалить сержанта на плечи уже не смог. Тогда Павел взял Хатчинса под мышки и, пятясь, поволок за собой.

Добравшись до болота, он почувствовал, что больше не сделает ни шагу. Боялся упасть и потерять сознание: утром его вместе с Хатчинсом могут найти фашисты.

Павел решил перевязать Хатчинса. Он снял с себя гимнастерку, затем рубаху. Разорвать ее на полосы стоило последних сил.

Справившись с перевязкой, Кудрин поднялся и шагнул в болото. Он хорошо знал это место — топкое, вязкое. Было очень трудно нащупывать ногами твердые кочки. Томил голод. В спешке Павел забыл взять еду, принесенную старостой. Он сделал еще несколько шагов и опустился на мягкую, покрытую мохом кочку.

«Неужели погибать в сотне шагов от своих?.. Нет, надо найти силы! Надо...»

Тупо глядя на свои ноги и руки, Павел стал упрашивать самого себя не поддаваться слабости, двигаться дальше, ползти вперед.

Но ни руки, ни ноги не слушались. Подступала тошнота. Павел уткнулся лицом в пахнущую тиной кочку и впал в забытье. А когда поднял голову, ему показалось, что звезды над ним кружат в хороводе.

«Еще немножко, еще... — опять мысленно уговаривал себя Кудрин, чувствуя, что напряжение достигло предела. — Надо же послать за Хатчинсом...»

Почти ничего не видя, не ощущая ничего, кроме шума в ушах, Кудрин нечеловеческим усилием оторвал себя от земли, шатаясь, побрел вперед...

Это было 22 июня 1944 года. А на рассвете второго дня 3-й Белорусский фронт вместе со 2-м Белорусским и 1-м Прибалтийским перешел в решительное наступление. Не ждало этого немецко-фашистское верховное командование. Оно полагало, что главный удар летом 1944 года советские войска будут наносить южнее Полесья, на Люблинском и Львовском направлениях, поэтому именно там держало наготове основную массу танковых дивизий. Начало же наступления в Белоруссии фашистское командование расценивало как отвлекательные действия... Дорого, очень дорого обошелся врагу этот просчет.

Через несколько дней после того, как Павел Кудрин вместе с Вильямом Хатчинсом вырвался из фашистского плена, в медсанбат дивизии приехал командир разведроты капитан Пиунов. В большой брезентовой палатке, куда ввела его сестра, Пиунов увидел нары, расположенные вдоль парусиновых стен. На нарах, устланных мелкими еловыми ветками и покрытых простынями или плащ-палатками, лежали раненые. Многие были в сапогах, в обмундировании, и белые повязки выделялись в полумраке палатки.

Павел Кудрин, укрытый одеялом, лежал в самом углу палатки.

Издали заметив знакомую фигуру Пиунова, он оживился.

— Как самочувствие? — бодро спросил Пиунов, но в его тоне Кудрин уловил тревогу.

— Ничего, дышу, — слабо улыбнулся он. — Даже Вильям Хатчинс и тот после операции ожил. Пулю из легкого вынули... Не зря я его тащил...

Пиунов достал из кармана какие-то бумаги, разыскал между ними фотокарточку и, показывая ее Кудрину, спросил:

— Знакомая личность?

Павел увидел лицо, напоминавшее голову диковинной птицы. Это был капитан-эсэсовец, убийца его отца и матери, убийца Шестова.

— Где взяли? — глухо спросил Кудрин.

— Наступаем же! Вчера твою деревню освободили. А этот молодчик удрал. Захватили только сумку с бумагами. Вот и конверт с адресом.

— Я приду по этому адресу, — твердо и зло сказал Павел. — Я разыщу его...

4. НА ВАЛЬДЕНШТРАССЕ

Младший лейтенант Павел Кудрин прибыл в Берлин утром. Расспросив у патрулей военного коменданта, как попасть в Потсдам, он прикинул, что времени достаточно, и, сдав чемодан в камеру хранения, вышел на улицу. Высившиеся по сторонам стены с пустыми квадратами окон, развалины напоминали о недавнем сражении. Кудрину казалось, что он и сейчас улавливает едкий запах порохового дыма и пригоревшей краски. Тротуары, наполовину заваленные грудами кирпича и цемента, не

вмещали пешеходов. Людской поток выплескивался на мостовую.

Кудрин легко шагал в этом потоке — стройный, подтянутый, поскрипывая новыми сапогами, в гимнастерке, перехваченной новым снаряжением, при всех своих боевых орденах и медалях. Павел был горд тем, что стойко вынес всю тяжесть войны, что никакие страдания не сломили его. Это было чувство человека, закончившего очень большую и трудную работу. Но в каком-то потайном уголке души шевелилось и другое чувство. Оно напоминало, что он, Павел Кудрин, еще не все сделал...

Вальденштрассе — тенистая, малолюдная улица в советском секторе Берлина. Кудрин шел по ее растрескавшемуся тротуару, еле сдерживая себя, чтобы не торопиться, не бежать. Сколько он думал об этих минутах, сколько раз мысленно шел по этой улице!

Кудрин остановился у калитки, над которой значился нужный ему номер. Постоял, чтобы перевести дыхание, одернул гимнастерку, расстегнул кобуру пистолета, затем постучал. Сквозь щель увидел, как по песчаной дорожке заторопилась полная пожилая женщина. Она открыла калитку и вопросительно посмотрела на Павла.

— У меня к вам дело, — с хрипотой в голосе проговорил по-немецки Павел и шагнул во двор.

В передней, обставленной недорогой мебелью, Кудрин увидел седого старика — в фартуке, в очках. Он стоял за столом и оклеивал серой с прожилками бумагой картон. Кудрин понял, что профессия старика — переплетчик...

— Заходите, пожалуйста, — сказал старик.

— Ваша фамилия Бергер? — спросил Кудрин.

— Бергер, Иоганн Бергер.

Кудрин сел в жесткое кресло. Его охватила минутная слабость. Он не знал, с чего начать разговор, как предъявить свой страшный счет этим людям — счет непогасимый. Взгляд упал на одну из многочисленных фотографий, украшавших стены передней. Павел поднялся, подошел к снимку. Он узнал Курта Бергера, хотя тот был сфотографирован в штатском платье.

— Сын? — спросил Павел.

— Сын, — ответил старик, вглядываясь в лицо Кудрина.

В тоне старика, в его взгляде Павел уловил тревогу и настороженность.

— Где сейчас Курт Бергер?

— Как знать, господин офицер? Не вернулся с войны... Вы знаете Курта?..

Кудрин достал из кармана конверт, вынул из него фотографию эсэсовского капитана и показал старику.

— Он?

— Он, — ответил старик.

Пожилая женщина, мать Курта, схватилась за сердце. Дрожащими руками она взялась за стакан.

Павел резко подошел к столику с графином, налил в стакан воды.

— Выпейте и слушайте!

И Павел Кудрин, используя весь свой запас немецких слов, начал рассказ о том, как он встретился с Куртом Бергером. Он видел сейчас старое деревенское кладбище, где стояли отец и мать, стоял рядовой Шестов... Павел рассказывал, пережидал, пока уляжется волнение, и опять рассказывал. Как сквозь туман, доносились до него рыдания седовласого переплетчика и его жены. А потом он вдруг увидел, что старик Бергер стоит перед ним на коленях.

— Господин офицер, — сквозь слезы промолвил Бергер, — я готов принять смерть от вашей руки. Это будет справедливо. Но разрешите мне вначале проклясть своего сына.

Старый Бергер поднялся, сорвал со стены фотографию Курта и бросил ее себе под ноги. Растоптав снимок, Бергер в исступлении закричал, грозя кому-то своим худым, жилистым кулаком:

— Нет у меня сына! Его забрал Гитлер, будь он проклят! Это он сделал из Курта убийцу, волка!..

И тут же, словно спохватившись, торопливо зашептал:

— Господин офицер, Курт жив. Я солгал вам... Курт в американском секторе Берлина, у генерала Каллагэна работает советником. Найдите его там... Теперь я готов принять смерть от вашей руки.

Кудрин поднялся с кресла и, не прощаясь, направился к двери.

...Когда Павел медленно шел по улице, в голове его была одна мысль: «У генерала Каллагэна советником пристроился... Найду!»

Тепло встретили младшего лейтенанта Кудрина в родной дивизии. Павел чувствовал эту теплоту во всем: и в приветливой улыбке знакомого солдата-автоматчи-

ка, стоявшего на посту у проходной будки, и в торопливости выбежавшего навстречу дежурного по штабу, и в душевных словах обычно сдержанного начальника разведотделения майора Пиунова.

Штаб дивизии располагался в большом двухэтажном доме в глубине огромного двора, обнесенного железной оградой. Много таких дворов в пригородах Берлина. Этот, может, несколько выделялся тем, что вокруг дома толпились, заглядывая в окна, тоществолые акации, а к железной ограде прижались подстриженные кусты.

Павел Кудрин сидел на диване в рабочей комнате майора Пиунова, вглядывался в его сухощавое утомленное лицо и слушал рассказ о новостях в дивизии. Пиунов искренне радовался возвращению младшего лейтенанта Кудрина — опытного командира-разведчика.

После долгих воспоминаний, взаимных расспросов Пиунов спохватился:

— Командиру дивизии нужно представиться. Новый он у нас. Ты ему попроще о себе докладывай. Не любит Андрей Петрович, когда перед ним подчеркивают свои заслуги, опыт. Впрочем, пойдем вместе, представлю тебя.

Кабинет генерал-майора Рябова находился на втором этаже, в просторной угловой комнате. Когда Пиунов и Кудрин вошли, генерал поднялся им навстречу из-за большого, покрытого зеленым сукном стола. Он внимательно выслушал доклад младшего лейтенанта, по-хозяйски, открыто оглядел его и подал руку.

Павла поразили серебристо-белые, гладко зачесанные волосы генерала. От их белизны ярче горели золотые погоны, еще темнее казались карие глаза Андрея Петровича.

Узнав, что Павел Кудрин прослужил в дивизии всю войну и вырос от солдата до командира взвода, генерал Рябов спросил:

— Как вы смотрите, если пошлем вас на учебу?

Павел немного помедлил и, чувствуя на себе пристальный взгляд Рябова, сказал:

— Я готов поехать учиться, но хотел бы не сейчас... Есть еще у меня дела в Берлине.

— Что за дела, если не секрет? — спросил Рябов, не отрывая глаз от нахмурившегося вдруг Кудрина.

Павел не любил говорить о том, что пришлось ему пережить в памятный день тысяча девятьсот сорок четвертого года. Но взгляд Андрея Петровича был отечески внимательным и требовательным. И Кудрин

рассказал генералу историю гибели родителей и разведчика Шестова.

Рябов слушал Кудрина, курил и ходил по кабинету. Выкурив одну папиросу, Андрей Петрович взял другую. Павел, взволнованный тяжелыми воспоминаниями, не заметил, как дрожала рука генерала, когда он подносил к папиросе зажженную спичку.

Когда Кудрин закончил свой рассказ, в кабинете несколько минут стояло молчание. Нарушил его Андрей Петрович:

— Все это очень тяжело, товарищ Кудрин. Даже постичь трудно, как тяжело!.. Мне кажется, что я понимаю вас лучше, чем кто-либо другой. Вот вы видите мои белые волосы. Они стали такими в одну минуту. А случилось это ни мало ни много двадцать семь лет назад.

Рябов придвинул к себе стул и сел напротив Павла, положив ему на колено свою руку. Кудрин заметил, что на руке у генерала недостает двух пальцев.

— Мне пришлось пережить почти такую же трагедию, — продолжал Андрей Петрович. — Но у вас и своей боли хватит, рассказывать не буду. Поразило меня в вашем рассказе вот что: эти звери в образе человеческом идут по одной тропе. Я имею в виду пытки, садистские изощрения в издевательствах над людьми...

Андрей Петрович умолк и на мгновение задумался. Потом вдруг спросил:

— Так, говорите, капитан Курт Бергер спрятался под крылышко американского генерала Каллагэна? Знает волк, куда прятаться. Генерал этот, слышал я, пытается взять на учет бывших летчиков гитлеровской авиации. Как вы думаете, зачем Каллагэну этот учет? — обратился Рябов к майору Пиунову.

Пиунов, погруженный в свои мысли, не сразу понял, что вопрос адресован ему. Заметив на себе взгляд генерала, он быстро ответил:

— Думаю, принимают меры, чтобы всех военных преступников выловить.

Андрей Петрович улыбнулся и сказал:

— То-то Курт Бергер так их боится. Наивен ответ!

Генерал Рябов вернулся к рабочему столу. Офицеры поняли, что прием закончен. На прощание Андрей Петрович сказал Кудрину:

— Примем все меры, чтобы этот Бергер как военный преступник был выдан в руки советского правосудия.

5. ДЖЕЙМС ДОЛЛИНГЕР НЕДОВОЛЕН

Уже восемь месяцев, как сержант Вильям Хатчинс вернулся в строй. Война закончилась, и он надеялся скоро попасть в Сан-Франциско, вернуться к своей профессии портового грузчика. Вильям верил, что его ждут на родине хорошие заработки, а значит, он сможет бросить свою узкую комнату и сменить ее на приличную квартиру, сможет жениться.

Сколько он мечтал о хорошей квартире! Мечтал еще мальчиком, когда отец приносил домой получку и часть денег откладывал в шкатулку. Мечта эта не покинула его и после того, как отец не вернулся с работы. Он погиб во время аварии — в порту рухнул подъемный кран.

Шли годы. Вильям стал портовым грузчиком. Он тоже откладывал часть заработка в заветную шкатулку, давно опустевшую после смерти отца. Ему было невыносимо жаль старую мать, которая, убирая комнату, боком пробиралась между кроватью и буфетом, между кушеткой, где спал Вильям, и книжной полкой. Старушка так привыкла ходить боком, что, даже выйдя на улицу, неестественно поворачивала свое туловище и, к удивлению прохожих, шла, точно протискивалась в тесную щель.

Три года не видел матери Вильям. Как мог помогал ей: посылал свой скудный солдатский денежный «паек», писал бодрые письма. И сознание того, что старая одинокая мать живет в нужде, приводило его в отчаяние. Всеми своими помыслами он рвался за океан, в чудесный город Сан-Франциско, в тесную, как щель, комнатку матери.

И вдруг его мечты рухнули. Полковник Джеймс Доллингер, командир авиационной части, в приказе сообщил, что подчиненный ему личный состав переводится в Берлин и принимает новые самолеты — реактивные. Это значило, что срок окончания службы отягивался на неопределенное время.

За приказом последовало перебазирование из Франции в Берлин.

С тех пор прошло три месяца. Как-то вечером в приемную полковника Джеймса Доллингера явился сержант Хатчинс. Его загоревшее скуластое лицо было взволнованным. Пока адъютант докладывал полковнику, Вильям стоял у столика с цветами и, сам не замечая того,

отщипывал одну за другой иглы темно-зеленого кактуса.

Появление летчика Хатчинса в столь необычное для приема время озадачило полковника Доллингера. Он разрешил сержанту войти.

Мягко ступая по ковровой дорожке, Вильям Хатчинс подошел к огромному креслу. В нем, уткнув глаза в газету, сидел полковник.

— В чем дело? — не поднимая головы, спросил он.

В это время зазвонил телефон. Полковник нехотя поднялся с кресла и подошел к своему рабочему столу. Вильям нетерпеливо дожидался, пока закончится разговор о каких-то посылках в Вашингтон, и разглядывал откормленное, мясистое лицо Доллингера. Обвисшие щеки, отсвечивающий из-под слоя пудры нос вполне гармонировали с фигурой полковника. Было похоже, что его объемистый китель и короткие брюки туго набиты ватой. Многие удивлялись, как Доллингер втискивался в кабину самолета и мог управлять машиной в воздухе.

Полковник положил телефонную трубку и остановил недоуменный взгляд на Хатчинсе.

— Господин полковник, — заговорил Вильям, — я сегодня видел автомобиль, в котором сидел майор Мэлби.

— Кто это? — с притворным недоумением спросил Доллингер, стараясь не выдать своего волнения.

— Это изменник, убийца командира нашего экипажа капитана Дина! Весной прошлого года в Белоруссии мы вместе с ним попали в плен к немцам...

Вильям Хатчинс рассказал Доллингеру все, что знал о майоре Мэлби.

Вильям кончил свой рассказ, а полковник Доллингер продолжал испытующе глядеть ему в лицо.

— А вы уверены, что в машине ехал именно майор Мэлби? — спросил наконец Джеймс Доллингер.

— Уверен, господин полковник. Больше того, за рулем автомобиля сидел немецкий капитан войск СС, к которому мы попали в плен. Я должен этому капитану предъявить счет.

— Хорошо, — задумчиво сказал полковник. — Идите и держите язык за зубами. Мы все это проверим.

Когда Вильям Хатчинс уходил из кабинета, он заметил, как правая щека Джеймса Доллингера задергалась и он мотнул головой, стараясь удержать тик. Сер-

жант понял, что полковник крайне раздражен. Но почему? Чем мог быть недоволен Джеймс Доллингер?

Вильям вышел на улицу и свернул в пустынный сквер. Усевшись на скамейке, он закинул руки за голову и, подняв лицо кверху, устремил взгляд в вечернее небо. По нему ползли потрепанные облака, одно причудливее другого. Вот плывет огромная голова старика с длинной косматой бородой. Второе облако напоминало зверя, вытянувшегося в хищном прыжке. Вильям начал блуждать по небу взглядом, разыскивая облако, похожее на корабль. Была бы его воля, сел бы на корабль и поплыл домой...

«Значит, полковник Доллингер недоволен», — подумал Вильям. Он поднялся и пошел по улице. Зажглись редкие уличные фонари. Темнота сгущалась над крышами домов, закрадывалась в неосвещенные переулки, в развалины, громоздящиеся над тротуарами.

Вильям остановился у открытого освещенного окна, из которого несся мягкий голос певицы.

Хатчинс перевел взгляд на вывеску у дверей и прочитал: «Студия звукозаписи. Финкель и К°». Не раздумывая, Вильям зашел в дом. Старичку, встретившему его в тесной каморке, он сказал:

— Хочу письмо домой записать в двух экземплярах.

...Вильям сидел у аппарата и хрипловатым голосом говорил:

— Помните ли вы Вильяма Хатчинса, сына Джека? Жив я, хотя от смерти был недалеко. Слово мое к вам будет о том, что не все наши соотечественники одинаково видят свое место в жизни...

Хатчинс рассказал о майоре Мэлби, разъезжающем в одной машине с фашистом Бергером, о полковнике Доллингере, который недоволен тем, что Вильям многое знает.

Расплачиваясь со стариком — хозяином студии звукозаписи, — Хатчинс оставил ему два адреса, по которым тот должен отправить пластинки. Первый адрес — в Сан-Франциско портовым грузчикам, второй — матери.

На следующий день ранним утром сержанта Хатчинса вызвал командир эскадрильи реактивных истребителей.

— Срочное задание, — сказал он. — Летите в Ганновер с пакетом.

А через несколько минут Вильям мчался на

грузовике к аэродрому. Его не покидало странное чувство. Командир эскадрильи не глядел ему в лицо, когда отдавал приказание. Он даже не проверил, правильно ли сержант понял задание.

Утро было прекрасное. Взошло солнце, и трава, обступавшая взлетные дорожки, сверкала тысячами серебряных звездочек. Свежая прохлада наливала бодростью все тело. Слева простирался лес, и оттуда доносился гомон птиц. В небе заливался невидимый жаворонок.

Вот Вильям Хатчинс в кабине самолета. Серокрылая металлическая птица пронеслась по цементной дорожке. Вскоре она окунулась в бездонный небесный океан, наполненный солнечными лучами, и исчезла. Через несколько минут из-за далекого горизонта донесся звук грома. Это взорвался в воздухе реактивный истребитель сержанта Вильяма Хатчинса...

6. ВСТРЕЧА В ПРИГОРОДЕ

Администрация американского сектора Берлина лишь через полтора месяца ответила на запрос советских органов о Курте Бергере. Ответ был краток: «Данными о месте пребывания капитана немецкой армии Бергера Курта американское командование не располагает».

Но такими данными располагал младший лейтенант Кудрин. На другой день после того, как генерал Рябов познакомил его с копией ответа американцев, Павел столкнулся на улице со старым переплетчиком Иоганном Бергером.

Иоганн Бергер, с тех пор как видел его Кудрин, постарел еще больше. Его лицо покрыли новые глубокие морщины. В ввалившихся глазах видны были грусть и внутренняя боль. Шел он, тяжело опираясь на трость. Из-под черной шляпы в беспорядке выбивались седые волосы.

Встретив старика близ штаба дивизии, в отдаленном пригороде Берлина, Кудрин удивился: «Что его привело сюда?»

Старый Бергер узнал младшего лейтенанта, и лицо его на миг посветлело. Он снял свою потертую шляпу и поклонился.

— Господин офицер, — торопливо заговорил он, — я второй день ищу вас. Вчера направлялся в советскую комендатуру, чтобы сообщить о своем бывшем сыне Курте... Увидел на улице вас. Ноги у меня старые, до-

гнать не смог. Вы сели в машину и уехали в этом направлении. Я понял, где искать господина офицера.

— Что вы хотели мне сказать? — насторожился Павел.

— Я хотел сказать, что Курт собирается бежать из Берлина. Позавчера ночью приезжал шофер адъютанта генерала Каллагэна. Передал записку. Курт просит подготовить все его ценные вещи. Сегодня ночью он заедет.

Кудрин смотрел в скорбные глаза старика и думал: «Или ты действительно человек чистой души, или я ничего не смыслю в людях...»

— Теперь, — заключил, опустив голову, Иоганн Бергер, — я буду считать, что выполнил свой долг, что хоть частично искупил свою вину... Ведь это я породил и вырастил такого негодяя...

Последние слова старик произнес свистящим шепотом, как человек, которого одолел приступ тяжелой одышки.

Старый полиграфист Иоганн Бергер сказал правду. Курт Бергер поздним вечером подкатил на машине к дому отца, где и был задержан.

Но эсэсовец не собирался так легко сдаваться. В комнате, куда его привезли после ареста, он, изображая негодование, обратился к генералу Рябову:

— Это произвол! Я американский подданный. Вы не имеете права. Вот мои документы. Смотрите!

Действительно, при Курте Бергере был американский паспорт на имя Вильяма Хатчинса.

— Я требую немедленно поставить в известность о моем задержании генерала Каллагэна. Я его подчиненный.

— Звоните, — разрешил генерал Рябов, указывая на телефон и прикрывая листом бумаги лежавшую перед ним фотографию Бергера в форме эсэсовца.

Бергер стремительно бросился к аппарату.

Павел Кудрин сидел в дальнем углу комнаты, безмолвно наблюдая за происходящим. Лицо его было суровым, сосредоточенным, руками он крепко сжал подлокотники кресла.

Через несколько минут после того, как Бергер переговорил с генералом Каллагэном, зазвонил телефон.

Генерал Рябов взял трубку, послушал и коротко ответил:

— Проводите их сюда.

Открылась дверь, и в комнату вошел грузный человек с рыхлым выхоленным лицом, в форменном костюме цвета желтой глины. Бритые щеки его отливали синеватым глянцем, на одной виднелся след глубокого ранения. Это был генерал Каллагэн. Его сопровождали три офицера в таких же костюмах, с пестрыми орденскими планками на груди. Во всем их виде чувствовались настороженность и любопытство.

Американцы, переступив порог, галантно раскланялись, Каллагэн чинно направился в глубину комнаты, к столу генерала Рябова, американские офицеры столь же чинно двинулись за своим шефом. Последним шел офицер, при виде которого у младшего лейтенанта Кудрина точно дыхание перехватило. Он тотчас же узнал это маленькое, круглое лицо с обвисшими щеками, черными треугольничками бровей, широконоздрым прямым носом. Сомнений не было: в кабинет генерала Рябова вошел майор Мэлби — тот самый американец, который убил своего офицера-летчика, толкал Шестова и Кудрина на предательство, когда попали они в фашистский плен.

Как только Каллагэн поравнялся с Куртом Бергером, тот вскочил и угодливо склонил голову:

— Какое-то недоразумение, господин генерал.

— Не волнуйтесь, Вильям, — по-английски оборвал его Каллагэн. — Мы с русскими коллегами всегда найдем общий язык.

Андрей Петрович, поднявшийся было из-за стола навстречу американскому генералу, вдруг снова сел. Кудрин, пораженный неожиданной встречей, не заметил, как нахмурились седые брови Рябова, еще плотнее сомкнулись его губы, резче обозначились скулы. Генерал Рябов в упор глядел на Каллагэна. Он видел длинный, тонкий, чуть горбатый нос американца, несколько выдававшуюся вперед нижнюю губу, сообщавшую лицу Каллагэна нечто лошадиное. Но прежде всего ему бросился в глаза сине-багровый шрам, напоминавший след куриной лапы. «Куриная лапа» хищно зажала в когтях левую щеку Каллагэна, сморщила ее, обезобразила.

— С кем имею честь? — обратился Каллагэн через переводчика к генералу Рябову. В сдержанном тоне американца чувствовалась обида на холодный прием.

Андрей Петрович, глядя прямо в лицо американскому генералу, глухо сказал:

— Я уже имел «счастье» с вами познакомиться.

— О, да? — осклабился Каллагэн. — Напомните,

пожалуйста, и извините: у меня, как говорят, короткая память.

— Напомню. У нас, русских, память хорошая, — твердо, без улыбки ответил Рябов.

Он явственно увидел сейчас далекие дни своей молодости и во всех деталях воскресил в памяти страшную трагедию, разыгравшуюся двадцать семь лет назад на Севере, близ затерянного в придвинских лесах села.

7. ВОСПОМИНАНИЯ ГЕНЕРАЛА РЯБОВА

Над Синими Озерками ярко светило утреннее солнце. Из-за купола рубленой, почерневшей от времени и поросшей мохом деревенской церквушки, приютившейся на высоком берегу Емцы, выплескивался разноголосый колокольный перезвон и торжественно плыл над крышами домов, над речкой и терялся где-то за околицей, в чащобе казенного леса. По широкой, заросшей подорожником и спорышем улице, вдоль жердевых изгородей парами и в одиночку шли в церковь празднично одетые люди.

Не радовался празднику, может быть, только один Андрюша Рябов. Не любил он ходить в церковь, где нужно терпеть насмешливые взгляды хлопцев — сынков деревенских богачей, наряженных в добротные юфтевые сапоги, суконные брюки с напуском и в сатиновые рубахи под цветной пояс из крученого шелка. И хотя не один Андрей среди молодежи был бедно одет, не один он носил лапти, домотканые штаны, крашенные соком бузиновых ягод, и белую домотканую рубаху, перехваченную узеньким ремешком из сыромятной кожи, но именно его замечали расфранченные парни и кололи при случае обидной насмешкой.

Знал Андрей причину неприязни к себе богатеев. Не могли они смириться с тем, что на него, «лапотника», засматриваются деревенские девчата, ловят взгляды его быстрых глаз.

Девятнадцатилетний Андрюша Рябов был статен и красив собой. Его большие карие глаза под густыми черными бровями всегда светились задумчивостью, а чистое круглое лицо с небольшим прямым носом и тонко очерченными, словно у девушки, валиками губ, над которыми чернел пушок, дышало молодостью, силой, лесной свежестью.

Не тянуло Андрея в церковь: безнаказанны остава-

лись там презрительные улыбки и едкий шепоток чубатых хлопцев в сатиновых рубахах. Церковь не улица, в ней драку не затеешь, кулакам воли не дашь. И Андрей, вместо того чтобы идти на заутреню, тайком от своего опекуна дядьки Власа пробирался огородами к лесу. За сыромятным ремнем, подпоясывавшим его домотканую рубаху, торчал небольшой плотницкий топорик. Андрея тянуло побродить в лесной глухомани, и заодно намеревался он втихомолку срубить в казенном лесу длинную жердину для колодца. Об этой жерди не раз говаривал ворчливый дядька Влас.

...Лес встретил Андрея прохладой и птичьим гомоном. Еще не опала роса, и кусты подлеска на опушке серебрились тысячами искр.

Андрей остановился, оглянулся на деревню, на примолкшую церковь, потом понаблюдал, как на молоденькой березке вертлявая малиновка клювом ловко сняла с веточки висящую каплю росы, улыбнулся и решительно шагнул в тень леса. Тропинка юлила сквозь березовый молодняк, потом через нечищеный сосновый лес вывела на просеку. Андрей шел по просеке, углубившись в свои мысли, ничего вокруг не замечая.

Вдруг его слуха коснулась песня — тихая, как далекое эхо, плавная, точно полет паутины в безветренную погоду. Песня доносилась откуда-то со стороны старой, запущенной вырубки, куда вела просека.

Андрей невольно ускорил шаги, напряг слух и устремил вперед свой восхищенный взгляд. Никогда он еще не слышал такой славной песни, такого свободного, свежего голоса, заставлявшего сладко трепетать каждую струнку в груди... По голосу нетрудно было догадаться, что пела девушка.

«Кто она?» — недоумевал Андрей. Он знал, что в этот ранний час воскресного дня все деревенские девчата в церкви.

Вот виднеется уже старая вырубка. Буйным, густым молодняком обступила она просеку. Голос совсем рядом. И что это за голос!.. Андрей явственно различал, как песня то с грустью вздыхала, то, в надежде на какое-то свое счастье, радостно взмывала и расплескивалась счастливым щебетом. Казалось, чья-то душа — чистая как слеза — человеческим голосом, легким, точно предутренний туман, говорила о своей судьбе...

Сердце Андрея замирало. Словно на крыльях, несся он вдоль просеки, так хотелось ему увидеть, кому

принадлежал этот дивный, как несбыточная мечта, голос...

Дрогнула ветка орешника, и Андрей увидел девушку. Она стояла среди густого дикого малинника и в лукошко собирала ягоды. Наполовину скрытая зарослями низкорослой лесной малины, не замечая Андрея, девушка продолжала петь. Он видел освещенное косым лучом солнца ее чуть-чуть продолговатое румяное лицо, задумчивый взгляд больших глаз, маленькие красные, как ягоды малины, губы. Две тугих светло-русых косы спадали на ее плечи. Из-под синего сатина сарафана виднелась белая вышитая сорочка...

Андрей стоял, не отрывая глаз от этой лесной русалки. Он был поражен. Ведь перед ним Варя — дочь лесника Порфирия Дегтяря! Совсем недавно, год-два назад, видел он ее босоногой девчонкой... Как выросла!.. И откуда такая красота взялась?

Варя увидела вдруг Андрея и от неожиданности тихонько взвизгнула и присела, спрятавшись в малиннике. Потом, придя в себя, поднялась, окинула Андрея любопытным смелым взглядом и спросила:

— Ты чего по казенному лесу шатаешься с топором, как разбойник какой?!

— А что мне, с ложкой в лес ходить? — ответил Андрей. — Похлебать ведь никто здесь не приготовил. Аль приготовила? — Андрей с хитрецой прищурился.

— Жди! Приготовлю тебе! — сверкнула на него глазами девушка.

— Чего это ты, Варенька, такая сердитая? Или не узнаешь меня?

— Не подслушивай и не подсматривай, тогда и сердитая не буду. А то вытаращился, бесстыдник!

— Варя, будет тебе! Лес большой, ходить не запрещено по нему. Ей-богу, случайно набрел на тебя.

— Не божись! Увидит тебя с топором мой батя, такого арапника даст...

Андрей невольно с опаской поглядел вдоль просеки.

— Ага, страшно? — Варя залилась звонким, почти детским смехом и бросилась бежать через вырубку по малозаметной тропинке.

Какая-то сила потянула Андрея вперед. Одним духом перемахнул он через заросшую ежевикой канаву, отделявшую просеку от вырубки, перебежал через малинник и устремился вслед за девушкой. Вот уже совсем недалеко мелькают длинные Варины косы, совсем ря-

дом слышится ее, точно звонок колокольчика, смех. Андрей взял немного правее, чтобы обогнать Варю. Ветки орешника ударили ему в лицо, но Андрей даже не заметил этого. Еще несколько шагов, и он оказался впереди девушки. Круто повернулся и, преграждая ей путь, широко расставил руки. Варя попыталась увильнуть в сторону, но лукошко в ее руке зацепилось за ветку, и красная малина брызнула на траву. Девушка остановилась.

— Чего привязался, охальник?! Видишь, малину из-за тебя рассыпала!

Андрей стоял перед Варей, возбужденный, раскрасневшийся. Он смотрел на девушку счастливыми глазами и виновато улыбался.

— Чего стоишь? — притопнула ногой Варя. — Подбирай!

Андрей присел и послушно начал собирать по одной ягодке. А она стояла над ним, вперев руки в бока, гордая, чуть дерзкая.

— Ой, какой же ты, Андрюша, нескладный. Осторожно брать нужно! — И девушка, смилостивившись, присела рядом с ним.

Их глаза встретились. На мгновение все окружающее исчезло для Андрея. Он перестал даже ощущать самого себя. Перед ним были только эти лучистые зеленоватые глаза... Не раз Андрей пел песню про ясные очи. Так вот они какие!..

Варя смутилась и, накинув на голову косынку, начала проворно подбирать из травы малину.

Рядом, на узкой лесной дороге, послышался размеренный цокот конских копыт.

— Батя! Прячься! — испуганно проговорила Варя и, схватив Андрея за руку, увлекла его в глубь вырубки.

Они сидели за густым кустом орешника и сквозь ветки смотрели на дорогу. По дороге неторопливо ехали два всадника и о чем-то разговаривали. В одном из них Андрей узнал объездчика Тимоху Власова — молодого рыжего парня, которого боялись все крестьяне окрестных деревень. Лютый как волк, Тимоха до полусмерти избивал арапником тех, кого ловил в лесу с топором. Вторым был Варин отец — Порфирий Дегтярь.

— Окаянный! — прошептала Варя, когда всадники скрылись из виду.

Андрей взглянул в лицо девушки и поразился, до того оно стало грустным, печальным.

— Кто окаянный? — спросил озадаченный Андрей.

Варя, склонив голову, молчала. Потом подняла на Андрея полные слез глаза. Долгий, грустный взгляд девушки привел Андрея в смятение. Он понимал, что ее томит какое-то горе, но сказать о нем она не решается.

— Варенька, — прошептал Андрей, стискивая ее руку.

Его голос точно рассеял последние сомнения, и она уже смотрела на него доверчиво, словно на друга.

— Тимоха уговаривает отца отдать меня за него замуж, — тихо промолвила Варя.

Андрей, пораженный такой вестью, испытующе смотрел в лицо девушки.

— А отец как? — прошептал юноша.

— Отец пока ничего не говорит. Только все хвалит Тимоху. А я смотреть на него не могу...

— Варя... Варенька! Гони ты его... Я... Я... тебе очень советую. Не дам я тебя ему!..

Варя вдруг вскочила на ноги:

— А ты какое такое право имеешь?!

Девушка негодующе сверкнула глазами и, подхватив лукошко с малиной, убежала...

В следующее воскресенье утром Андрей Рябов спешил на знакомую просеку. Всю неделю за работой думал он о Варе, вспоминал до мельчайших подробностей необыкновенную встречу в лесу. И ему хотелось хоть одним глазом посмотреть на тот малинник, ту тропинку, по которой бежала Варя, куст орешника, под которым они сидели. В глубине души Андрей надеялся, что опять встретит ее — лесную русалочку.

А Варя действительно уже была в знакомом малиннике. То ли случайно, то ли нарочно она снова пела знакомую Андрюше песню. И опять быстрее птицы летел на звуки этой самой лучшей на свете песни Андрей. И когда он вынырнул из лесной чащи, Варя больше не испугалась.

— Пришел-таки? — спросила у него Варя. — Я знала, что ты придешь.

И в глазах девушки засветилось такое счастье, оттого что она не ошиблась, что она имела большую, непонятную для нее силу над этим чернобровым пареньком...

Варя поверила в свое счастье, в любовь Андрея к себе. Ей уже не были страшны частые приезды рыжего Тимохи. Она перестала замечать его, поглощенная своими мыслями, светлыми мечтами.

Дом лесника Порфирия Дегтяря стоял среди небольшой лесной поляны, на берегу говорливого, мелководного ручейка. Со всех сторон подступал к дому дремучий лес. Варя хлопотала по хозяйству, а когда наступал вечер, прислушивалась к свисту своей любимой певуньи — иволги и ждала знака от Андрюши. Андрей искусно подражал голосу этой сизо-голубой пташки. И когда Варя слышала, что неподалеку дважды раздавалось: «Тю-ю-фио-лиу! Фиу-лио-иу!..», брала в руки бечевку и шла в лес собирать сухой хворост.

Варя была единственной дочерью у отца. Мать ее умерла, когда Варе было шесть лет. Отец привел в дом вторую жену — Наталью. Мачеха жалела Варю, любила ее, точно родную. От внимательного взгляда Натальи не ускользнула перемена, происшедшая в последнее время в поведении падчерицы. Мачеха догадывалась, где так долго задерживается Варя по вечерам, и радовалась, что девушка не хочет покориться воле отца, не хочет стать женой грубого и жестокого Тимохи.

Отец однажды выследил «иволгу»...

Это была их последняя встреча в лесу, у Вариного дома. Андрей и Варя сидели на поросшем мохом стволе сваленной бурей сосны. Андрей говорил девушке, что он на целую зиму уйдет на заработки в Емецк, поднакопит там денег и купит избу. Потом придет к ее отцу просить Вариной руки.

Над их головами тихо шептались сосны, где-то в стороне лихо выстукивал, как телеграфным ключом, дятел. А Андрей и Варя ничего не замечали. Прижавшись плечом к плечу, они сидели так рядышком, счастливые своей близостью и грустные оттого, что предстоит разлука.

Вдруг сзади треснул сухой валежник. Андрей вскочил на ноги и увидел Порфирия Дегтяря с высоко занесенным в руке арапником. Андрей шагнул навстречу Вариному отцу — высокому мужику с рыжеватыми усами, с чуть тронутым оспой лицом. Ни тени страха или растерянности на румяном юном лице Андрея. Порфирий застыл на месте, рука его медленно опустилась. Варя стояла рядом с Андреем, побледневшая, притихшая.

— Варька, марш домой! — заорал отец.

Варя втянула голову в плечи, съежилась и медленно пошла по направлению к дому.

— Дядька Порфирий, — тихо промолвил Андрей,— рассказывали мне люди, как вы мать мою спасли у Гнилого озера от лютости отца. Всю жизнь буду вам это помнить... Спасите теперь меня... не отдавайте Варю Тимохе...

Тяжелым взглядом смотрел Порфирий на стройного, широкого в плечах, красивого лицом Андрея. Он понимал, как далеко пьянчуге Тимохе до этого честного, смелого, хотя и очень бедного парня-сироты.

— Это как же? — спросил наконец Порфирий.

— Отдайте за меня Варю.

Порфирий горько усмехнулся.

— Как потом жить будете? — спросил он. — Ни кола ни двора у тебя. Нищих наплодите.

— Я на заработки уйду, денег скоплю за зиму.

— Тысячи мужиков ходят, а толк какой? Убирайся, хлопец, с богом, и чтоб ноги твоей здесь больше не было. По-доброму тебя прошу...

Уходил Андрей все дальше от Вариного дома, и казалось, солнце померкло, птицы онемели. Горькую думу думал он.

У знакомого малинника вдруг шею его обвили чьи-то руки.

— Варенька?!

— Андрейка... — Варя своим горячим ртом прижалась к губам Андрея. — Андрейка! Я все слышала. Не верь ему, ты сильный, умный... Не покидай меня. Иди в Емецк, я буду ждать тебя...

Так они расстались. Андрей собрал в мешок свои скудные пожитки, распростился с семьей своего опекуна дядьки Власа, поблагодарил за хлеб-соль и ушел.

В Емецке на пристани он познакомился с молодыми грузчиками — сплавщиками леса. Им приглянулся крепкий парень со смелым взглядом, и они на время приютили Андрея в своем бараке, помогли устроиться на работу. Только одна зима прошла, зима 1912/13 года, а Андрей успел за эту зиму узнать столько, сколько не узнал он за все прожитые им двадцать лет. Это были годы нового подъема революционного движения в царской империи. Волны стачек и забастовок прокатывались по всем огромным просторам России, вовлекая в борьбу миллионные массы народа.

Андрей впервые увидел людей, борющихся против не-

равенства, против тяжелой, несправедливой жизни, когда один владеет землей, рудниками, лесом, пароходами, а тысячи, миллионы живут впроголодь, ничего не имея, кроме своих рук, когда он — Андрюша Рябов — из-за бедности своей не может жениться на девушке, которую любит, которая любит его... Вскоре он близко познакомился с этими людьми, стал посещать рабочий кружок, читать листовки. Теперь Андрей начинал понимать, каким путем он должен идти к счастью, какую дорогу выбирать себе в жизни. Уже не собственный дом, не собственное хозяйство были вершиной его мечтаний. Он знал, что есть эксплуататоры и эксплуатируемые, что во всем мире звучит огненный лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», что есть ленинская партия большевиков, которая ведет пролетариат на штурм капитализма, и что в рядах штурмующих должен быть он, Андрей Рябов...

Наступила весна. На Емце начался ледоход. Приближалась горячая пора лесосплава. Заготовленная за зиму древесина должна была в плотах скоро пойти вниз по течению.

В один из таких дней Андрей ремонтировал на пристани настил причала. Дул свежий, влажный ветер. Рядом, шурша и потрескивая, двигался взломанный, посеревший, ноздреватый лед. Андрею казалось, что не река несет в далекое море свою зимнюю оболочку со следами санной дороги, а берег плывет куда-то в сказочные дали.

Вдруг до слуха Андрея донесся зов:

— Рябо-о-ов! Андрюша-а-а!

Андрей поднял голову и увидел на пригорке своего дружка, Дениса Иванова, молодого, как и он, парня, сплавщика леса. Рядом с Денисом стояла какая-то девушка в полушубке, сапогах, повязанная большим платком. В ее руках виднелся узелок.

«Варя», — екнуло сердце. Андрей вскочил на ноги, пригляделся и, бросив на настил причала топор, стремительно побежал вверх.

— Варюшенька!..

Это была действительно Варя. Она убежала из дому. Отец объявил, что на пасху будет ее свадьба с Тимохой...

Товарищи помогли Андрею отыскать на окраине Емецка комнатушку. В узком кругу друзей Андрей и Варя скромно отпраздновали свадьбу.

Летом 1918 года американцы, англичане и французы, высадившись на севере России, захватили Мурманск, Архангельск, затем начали продвигаться на юг.

Андрей Рябов, служивший разметчиком на Емецком лесозаготовительном пункте, как и другие большевики Емецка, готовился к вооруженной борьбе с интервентами.

Одно не давало покоя Андрею — как быть с Варей, с пятилетним Юрой? Он опасался оставлять их в Емецке и в то же время не решался отпускать от себя.

И все же пришлось отправить Варю с Юрой в Синие Озерки — к Вариному отцу, который в то время уже не был лесником. Порфирий Дегтярь срубил себе дом в Синих Озерках и изо всех сил тянулся на хозяйство.

Однажды ночью Андрей проснулся от настойчивого стука в окно. «Наверное, Денис», — подумал он и вышел в сени, чтобы отодвинуть засов.

Стучался действительно Денис Иванов. Своей широкой, кряжистой фигурой он заслонил всю дверь, затем шагнул в темноту к Андрею.

— «Гости» пожаловали, на машинах, с пушками, минометами, — сообщил Денис.

— По тракту? — удивленно спросил Андрей. — А по реке? — И, высунув голову из двери, тревожно начал всматриваться вперед по руслу дремавшей рядом Емцы. Во мгле над рекой он различил притушенные огни судов. Сомнений не было: интервенты поднялись и по Северной Двине, вошли в Емцу.

— Значит, и нам в дорогу, — промолвил Андрей и вместе с Денисом вернулся в свою комнатушку.

Не зажигая света, Андрей быстро оделся, положил в холщовую сумку две пары белья, буханку хлеба и вязку трески. Из-под матраца достал наган и узелок с патронами. Узелок тоже положил в сумку, а наган сунул в карман.

Интервенты показали себя еще в Архангельске. Начиная хозяйничать в захваченном городе или селе, они первым делом арестовывали коммунистов и представителей Советской власти, расстреливали их или сажали в тюрьмы. Но Андрей Рябов и Денис Иванов не поэтому уходили из Емецка. Партийная ячейка поручила им не допустить вывоза интервентами леса, заготовленного вдоль устья реки Емцы — левого притока Северной Двины.

...Утро застало Андрея и Дениса далеко за Емецком.

Покачиваясь в седлах, они ехали по неширокой тропе. Со всех сторон их обступал дремучий лес, пестро расцвеченный косыми лучами взошедшего солнца.

Ехали молча, каждый думая о своем. Где-то в стороне слева угадывалась речка Емца. В зарослях на ее берегу особенно шумно вели себя птицы. И когда к середине дня их разноголосый говор затих, Рябов и Иванов остановились на небольшой поляне покормить лошадей, да и самим перекусить.

Затем они опять тронулись в путь. Ночевать решили в селе Синие Озерки, в новом доме тестя Андрея — Порфирия Дегтяря, который давно примирился с тем, что дочь нарушила его отцовскую волю. Андрей с радостью думал о предстоящей встрече с Варей, сынишкой.

До Озерков уже было рукой подать. Вдруг конь Андрея насторожился, стал водить ушами, пугливо коситься на кусты. Не успел Андрей опомниться, как из-за стволов деревьев, из кустов выскочили солдаты. Лошадь шарахнулась в сторону, но ее схватили под уздцы, а Андрея тотчас же стащили с седла. Такая же участь постигла и Дениса, ехавшего в двух шагах сзади.

Они попали в руки американо-английского отряда, выброшенного вверх по руслу Емцы на катерах и самоходных баржах. Основная группа интервентов под командованием британского генерала Финлесона находилась в районе Двины.

Было обеденное время. Семь американских и английских офицеров расселись вокруг разостланного на траве одеяла, уставленного бутылками и едой. Между делом молодой американский подполковник, командир отряда, допрашивал пленных.

— Местные? — передавал его вопросы переводчик, низенький толстяк в военной форме, но без погон.

— Отвечать не будем, — говорил Андрей.

Двум коммунистам было ясно, что их ничто не спасет. Интервенты, найдя в переметных сумах седел двенадцать гранат-«лимонок», обнаружив у Андрея наган, убедились, что поймали не случайных проезжих.

— Значит, не хотите сказать, откуда, куда и зачем едете? — спрашивал подполковник. Он несколько раз повторил этот вопрос, так как полагал, что, получив ответ, установит, где интервентов могут встретить силой оружия местные жители.

Рябов и Иванов молчали.

Группа солдат по приказанию подполковника отпра-

вилась в Синие Озерки. Им было велено согнать к месту допроса крестьян.

Пленные со связанными руками сидели под вековой елью. Иванов наклонился к Андрею и зашептал:

— У сумок наши гранаты. Руки бы распутать...

Андрей взглянул в сторону, куда указывал Денис. На траве лежали гранаты, поблескивали головки запалов.

В это время на тропе показалась толпа женщин, стариков и детей. Молодых мужчин в селе не оказалось.

С сильно бьющимся сердцем Андрей начал всматриваться в лица односельчан. Вон старый Митрофан, рядом с ним тетка Степаниха с девочкой на руках. Вон бабка Фотына, дядька Прокоп. Никита Дегтярь — брат Вариного отца. Ни самой Вари, ни Порфирия Дегтяря и его жены Натальи в толпе крестьян Андрей не приметил. И ему стало легче. «Не видели б родные, как мучить меня будут», — подумал он.

— Кто знает этих людей? — указывая на Рябова и Иванова, обратился к собравшимся переводчик. Крестьяне молчали, хотя почти все они хорошо знали сироту Андрюшу Рябова — зятя Порфирия Дегтяря.

Тогда к пленным опять подошел подполковник.

— Куда и зачем ехали? — злобно спросил он.

Его лицо побагровело, и на щеке резко выделился шрам, напоминавший след куриной лапы. Эта «куриная лапа» почему-то притягивала взгляд Андрея.

— Отвечать не будем! — отрезал Андрей.

Американец порывисто, по-лошадиному взмахнул головой, показав худую, жилистую шею. Он спешил к веселой, захмелевшей компании офицеров, и его раздражало упорство пленников, отнимавших так много времени.

— Не будете? Как хотите. Мы вас сейчас расстреляем. — И подполковник, отдав распоряжение солдатам, повернулся, чтобы уйти.

— Папа, папочка! — неожиданно раздался из толпы крестьян детский голосок.

Андрей оцепенел. Теперь он с тревогой всматривался в лица людей из Озерков, боясь среди них увидеть Варю, Юрика, своего тестя.

Мальчик, вырвавшись из рук матери, подбежал к отцу. Андрей нагнулся и дал сынишке обнять себя за шею. Прижать Юрика к себе он не мог, так как руки были туго стянуты за спиной веревками. Высвободив шею из

ручонок мальчика, Рябов встретился с загоревшимся взглядом американского подполковника.

— О-о! — протянул офицер, останавливаясь. — Встреча с сыном, женой?.. О'кэй! Очень хорошо! Зачем же тогда расстреливать? Не надо расстреливать!

К американцу вернулось доброе настроение. Переводчик еле поспевал за ним...

— Я тебя прощаю. Бери свою семью, иди, живи, размножайся. Благодари бога за счастье. Развяжите его!

Как только Андрея освободили от веревок, он подхватил затекшими руками Юрика и растерянно смотрел на Варю, на Дениса Иванова.

Варя, тоненькая, стройная, была похожа на девушку. Из-под белого платка испуганно смотрели ее большие зеленоватые глаза. Она отделилась от толпы и нерешительно направилась к мужу. Андрей опять посмотрел на Иванова. Денис стоял бледный, с выступившей на лбу испариной. Он плотно сжал губы и жадно впился глазами в американца, стараясь разгадать, что сейчас сделают с ним. На всякий случай он осторожно пошевеливал кистями рук, чтобы ослабить на них веревки. Изредка бросал он взгляд туда, где лежали гранаты.

— Без товарища я не пойду, — сказал Андрей офицеру, который с улыбкой наблюдал за происходившим.

— Что ж, пусть и он идет, — безразличным тоном бросил американец. — Развяжи ему руки. Разрешаю!

Рябов быстро развязал Дениса. Затем, держа на руках сына, вместе с женой и Ивановым устремился к толпе.

— Минуточку! — окликнул подполковник. — Вы же позабыли сказать мне, куда и зачем ехали. При вас нашли оружие. Что это значит?..

Прижав сына к груди, Андрей молчал и смотрел на американца расширенными, полными ненависти глазами.

— Я готов слушать, — торопил подполковник.

— Ничего я не скажу, — выдавил из себя Андрей.

— Это ваше последнее слово?

— Да.

— Подумайте. Иначе мы можем переменить свое решение... Итак, говорите?

Рябов молчал.

— Посмотрим, — угрожающе промолвил американец и что-то сказал двум солдатам, собиравшим с расстеленного на земле одеяла бутылки. Солдаты, конфузливо улыбаясь, посмотрели на офицеров и, увидев их подбад-

ривающие взгляды, подошли к Варе. Оттащив ее к большой ели, они начали срывать с женщины одежду.

В толпе заголосила тетка Степаниха. На груди у Рябова забился, закричал мальчик:

— Пусти маму, пусти!..

Андрей, обхватив руками голову сына, бросился к солдатам. Путь ему преградил подполковник. Пистолет он держал наготове.

— Будешь говорить?

Андрей молчал, глядя на врага невидящим взглядом.

— Будешь говорить?! — взревел американец и, отпрыгнув, поднес пистолет к виску Вари. Андрей крепче прижал сына к груди и всего лишь на миг закрыл глаза.

Грохнул выстрел. Варя широко раскрытыми, полными муки глазами взглянула на мужа, сына и упала, ударившись головой о ствол ели...

Американец был взбешен. Он видел, как стали серьезными лица охмелевших офицеров, как притихли и побледнели солдаты. Казалось, их пронял страх. Можно ли русских, вот таких, как этот, покорить? А может, и их души охватило смятение от того, что делал их соотечественник?

— Нет таких гвоздей, которые не гнутся! — зло закричал подполковник, наступая на Рябова. — Послушай, ты что — не человек? Тебе не жаль жены? Хорошо! Так, может, сына пожалеешь? Не будешь говорить, сейчас и его пристрелю!

Андрей обернулся к онемевшим женщинам, к старикам — свидетелям этой страшной сцены, сказал:

— Спрашивает, человек ли я...

В ответ в толпе раздался взрыв плача, истерический крик женщины... Казалось, от этого крика задрожала листва на одинокой березе, стоявшей среди елей.

— Ирод!.. Гадюка! А ты человек?.. Ты... ты! — Женщина не находила слов.

Схватившись обеими руками за голову, она упала на землю.

А Андрей, прижимая к груди затихшего в оцепенении сынишку, глядя страшными глазами, медленно шагнул к подполковнику. Американец оторопело отступил назад. Потом что-то крикнул, и на Рябова набросились два солдата. Андрей быстро опустил ребенка на землю и сильным ударом свалил первого подбежавшего солдата. Второго смертельным ударом сбил Иванов. Оба рванулись к подполковнику, но к месту схватки подоспела

хмельная компания офицеров, сбежались солдаты. Рябова и Иванова повалили на землю.

Мальчик душераздирающе кричал и рвался к отцу. Подполковник схватил его за руку и обратился к Рябову:

— Теперь мое последнее слово. Будешь говорить?

Андрей широко раскрытыми, остановившимися глазами смотрел на руку американского офицера, в которой был зажат пистолет. Подполковник же уставил свой взгляд на голову Рябова. Лицо американца выражало изумление и любопытство. Он увидел, как пленный седел на глазах. Прошло всего несколько минут, и черные, растрепавшиеся на непокрытой голове Андрея волосы стали снежно-белыми...

8. ДВЕ СТОРОНЫ ОДНОЙ МОНЕТЫ

— У вас очень загадочный тон, господин генерал...

Эти слова Каллагэна оторвали от воспоминаний генерала Рябова. Он поднялся и сурово сказал:

— Никаких загадок. Помните, господин американский генерал, тысяча девятьсот восемнадцатый год, допрос двух русских рабочих, который вы учинили близ города Емецка?.. А может, мои белые волосы вам что-нибудь скажут?.. Вы — убийца моего сына и моей жены! Вы и меня хотели застрелить, да вам не дали этого сделать ваши же солдаты! Помните, как американские солдаты били вас, американского офицера?..

Тощий лейтенант, захлебываясь, переводил генералу Каллагэну слова Рябова. И с каждым словом американец все больше сутулился, втягивал голову в плечи, как бы ожидая удара. Под выпученными глазами налились желто-синие мешки, нижняя челюсть беспомощно обвисла. Весь он отяжелел, обмяк, а потом с неожиданной резвостью повернулся кругом и трусливо направился к двери. За ним устремились офицеры-американцы.

— Господин генерал!.. — в отчаянии закричал, бросаясь вслед за Каллагэном, Курт Бергер. Дорогу ему загородил Павел Кудрин. Их взгляды встретились...

Опускаясь в кресло, Андрей Петрович промолвил:

— Волки!.. Волчьи повадки... — И устало распорядился, указывая на Бергера: — Передайте в трибунал... А с того генерала народ спросит — американский народ. Очень хочется мне в это верить.

1952 г.

СЛЕДОПЫТЫ

СЕРЖАНТ ПЛАТОНОВ

Сержанту Ивану Платонову не повезло. Как ни добивался, а вернуться в родной полк после лечения в госпитале ему не удалось. И вот он в штабе незнакомого полка получил бумажку, в которой написано, что сержант Платонов назначается во взвод пешей разведки на должность командира отделения.

По скользким ступенькам он вышел из землянки помощника начальника штаба, щеголеватого капитана, и оглянулся вокруг. Среди густого соснового леса возвышались замаскированные накаты блиндажей и землянок.

«Обжитое местечко»,— подумал Иван, примечая заржавелые трубы-дымоходы, жердевые дорожки, выстеленные по раскисшей земле, стопки свеженаколотых дров у зияющих темнотой дыр — входов в лесные жилища. Он прислушался. Дыхание переднего края отчетливо доносилось сюда. Где-то далеко грохали разрывы мин, приглушенно бухал крупнокалиберный пулемет, высоко в небе надрывно, с придыханием гудел немецкий самолет-разведчик. И вдруг среди этих грозных звуков Платонов совсем рядом услышал тоненькое и звонкое: «тень-тень-тень!»

«Пеночка! — догадался Иван и тут же разглядел на сосновой ветке желтовато-белесую грудку лесной пичужки. — Уже прилетела! Как у нас, в тайге...»

Веселое, беззаботное теньканье пеночки точно встряхнуло Платонова. Кажется, он только сейчас заметил, что вокруг в полном разгаре весна. И его лицо, широкое, курносое, с острыми живыми глазами под рыжей взлохмаченной щетиной бровей, посветлело; распрямились чуть сутулые плечи.

Сержант закинул за спину вещевой мешок с нехитрыми солдатскими пожитками и пошел искать землянку разведчиков. Она, как сказал ему помощник начальника штаба, находилась где-то по ту сторону дороги.

На дороге, которая, огибая землянки, убегала в глубь леса, стояла легковая машина. Возле нее топтался шофер — высокий худощавый парень в синем комбинезоне. Увидев Платонова, шофер окликнул его:

— Дорогуша, дай-ка спичечку — прикурить нечем!

Платонов подошел к машине. Не торопясь засунул руку в карман, достал зажигалку, энергично крутнул большим пальцем колесико с насечкой и, поднося зажигалку шоферу, назидательно сказал:

— Огонек у солдата всегда должен быть.

Шофер прикуривал долго, старательно (видать, сырой табак завернул), потом сделал несколько глубоких затяжек и лишь после этого удостоил сержанта беглым, коротким взглядом:

— Учитель выискался!

Платонов спрятал зажигалку и укоризненно посмотрел шоферу в лицо — молодое, с нагловатыми и чуть навыкате глазами.

— Учить-то тебя нужно. Да построже! Вот ты возишь своего начальника и, кроме баранки, ничего не хочешь знать. Хоть бы грязь от блиндажа отгреб. Нога небось больная у него?..

— А вы что же, бывали возле моей землянки? — услышал вдруг Платонов голос за своей спиной.

Иван повернулся и увидел перед собой высокого, худощавого мужчину в коричневой кожанке до колен. Под кожанкой над голенищами сапог разглядел генеральский лампас. Это был командир дивизии Чернядьев.

— И откуда вам, товарищ сержант, известно, что у меня нога болит? — В голосе генерала чувствовалось любопытство.

Поборов минутное замешательство, Платонов выпрямился и ответил:

— Я, товарищ генерал, сибиряк-охотник.

— Ну и что же?

— Умею немного читать написанное на земле.

— Где же вы прочитали, что возле моей землянки еще не просохло?

— А вот глина на подножке машины. След сапога тоже в глине — Платонов указал на нерастаявший пласт почерневшего снега, куда ступал генерал, выйдя из «эмки»

— А о ноге?.. — все больше заинтересовывался командир дивизии.

— Это тоже по следам видать: шаг правой ноги ши-

рокий, след глубокий. А левой ступали осторожно — след мелкий, шаг узкий. Наверно, ранена левая нога.

Генерал одобрительно усмехнулся:

— Правильно. И логично... Как ваша фамилия?

— Сержант Платонов, назначен командиром отделения во взвод полковой разведки.

Генерал пристальным, опытным взглядом смотрел на Платонова. Простое, с хитринкой в глазах лицо сержанта, его крепкая фигура в сильно поношенной, но не мятой шинели, сапоги чистые, словно вокруг не ранняя весна, не грязь по колено, — все это понравилось командиру дивизии. Он видел перед собой человека дельного и, что называется, военную косточку.

— Желаю, товарищ Платонов, удачи на новом месте. Ваша практика следопыта ой как пригодится в разведке!

Генерал пожал Платонову руку и сел в машину.

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Тесноватая полумрачная землянка с обшитыми фанерой стенами. Тусклый свет пробивается внутрь сквозь два окошка, приплюснутые к земле. Глядишь в них и видишь мшистые кочки между стволами сосен, замечаешь первые побеги молодой травы. Иногда в правом окошке видны сапоги солдата-автоматчика — часового.

Генерал Чернядьев молча ходит по скрипучим половицам землянки и слышит, как под ними хлюпает вода. Ясное дело — весна! А весна на северо-западе, в приильменских лесах, — это значит вода в землянках, блиндажах, траншеях; дороги и тропы утопают в жидкой рыжеватой тине.

Высокий, костистый, одетый в обыкновенную телогрейку, Чернядьев ничем не напоминал генерала, разве только красные лампасы на бриджах говорили об этом. Лицо его — смуглое, чуть желтоватое, голова стриженая, глаза под низко опущенными бровями — острые, строгие.

Чернядьеву не по себе. Случилось чрезвычайное происшествие: в левофланговом полку пропал солдат Дмитрий Кедров. Вчера днем Чернядьев приказал, чтобы Кедрова прислали в штаб дивизии, и похоже, что по дороге его украли немецкие разведчики, забравшиеся в наш тыл.

Приняты все меры, чтобы не позволить вражеским

лазутчикам вернуться за линию фронта, прочесывается лес в районе тылов полка. Но результатов пока никаких. А время идет...

Командир дивизии неспроста вызывал к себе солдата Кедрова. Дело в том, что в дивизию должен был приехать представитель делегации трудящихся Ивановской области, которая привезла фронтовикам подарки. И представитель этот, как сообщили генералу Чернядьеву по телефону, — родной отец этого солдата. Отец, разумеется, очень хочет повидаться с сыном и попросился именно в дивизию Чернядьева, затерянную в глуши приильменских лесов и болот. И вместо свидания с сыном его ждет такая весть...

В землянку вошел адъютант — молоденький стройный лейтенант. На машине генерала он ездил за гостем в соседнюю дивизию.

— Товарищ генерал, ваше приказание выполнено, — доложил лейтенант.

— Привез? — перебил его Чернядьев. — Приглашай ко мне. — И генерал глубоко вздохнул...

В землянке появился среднего роста мужичок лет за шестьдесят в новом полушубке, хотя на дворе весна, в рыжем картузе, с негустой бородкой, усами неопределенного цвета.

Прищурив глаза, старик осмотрел землянку, остановил недоверчивый взгляд на телогрейке Чернядьева и, только заметив красные лампасы, снял фуражку и представился:

— Лука Сильвестрович Кедров, из колхоза «Заря коммунизма». Приехал, так сказать, по делу связи народа с армией. Ну еще, конечно, с сыном повидаться хочу. Есть слух, что он здесь у вас службу служит.

Чернядьев подошел к Луке Сильвестровичу, поздоровался, взял его под руку и провел к столу.

— Очень рады народным представителям. Садитесь, — пригласил генерал. — А сынок ваш действительно у нас воюет.

Старый Лука удобно уселся в раскладное полукресло, пошатал ногой половицу и, услышав, как плещется там вода, укоризненно посмотрел на генерала.

— Что, папаша? — спросил Чернядьев, улавливая знакомый с детства и такой приятный запах дегтя, который источали сапоги гостя.

— Раз в генеральской хате под ногами булькает, так что уж говорить о солдатских.

— Время сейчас такое. Потоп. Но солдаты у нас молодцы!

— Вот это верно! — оживился Лука Сильвестрович, разглаживая обеими руками бородку. — Взять хотя бы моего Митяя. Так он до всего привычный. Старуха моя померла давно, когда Мите еще восемь годков было. И мы с ним, бывало, сами и стирали, и варили, и в доме белили. Да что я говорю! Вы же знаете Митяя! — воскликнул Лука Сильвестрович. — Или вы не знаете его?

— Как же, в полку все знают Кедрова, хороший парень, — неопределенно ответил генерал. Он не хотел огорчать старика: с его Митяем Чернядьеву действительно не довелось познакомиться.

— Вот именно, хороший парняга!

Старик тяжело вздохнул и высморкался в платок. Как бы для самого себя сказал:

— Ушел Митя на фронт — и дом опустел. Теперь сам я с хозяйством управляюсь. По-стариковски живу, без радости. Только и утехи, что дела колхозные да думки о тех временах, когда Митяй домой вернется.

На столе зазвонил телефон. Лука Сильвестрович, напуганный неожиданным звонком, вскочил с места и непонятно для чего надел фуражку.

Генерал Чернядьев, отвернувшись к окошку, взял трубку. Командир левофлангового полка сообщал, что розыски рядового Кедрова пока безрезультатны.

Генерал помолчал, потом вдруг оживленно заговорил:

— А вы разведчиков привлеките. Особенно новенького, сержанта Платонова. Он следопыт.

— Его и привлекли. Ищет.

Чернядьев положил трубку и серьезным, задумчивым взглядом посмотрел на старика. Тот уже сидел на своем месте, позабыв снять фуражку.

— Ну, продолжим наш разговор, — сказал генерал.

— Продолжим, — согласился Лука Сильвестрович.

СЛЕД НАЙДЕН

В лесу уже начинали цвести орешник, ольха, осина. Их большие пушистые сережки стряхивали с себя пыльцу и распространяли вокруг пряный запах.

Иван Платонов вел группу разведчиков на задание. Под ногами шуршал мокрый прошлогодний лист, чмокали пропитанные водой кочки. Сквозь лапчатые кроны

елей и сосен на землю падали косые лучи утреннего солнца. В лесу было светло и, несмотря на сырость, празднично.

Следом за Платоновым шла цепочка солдат: приземистый коротышка Атаев — скуластый и желтолицый; Зубарев — с побитым оспой лицом, остроносый и сероглазый; чернобровый красавец Шевченко — высокий и стройный, как дубок; силач Савельев, который может так далеко забросить гранату, что она, не долетев до земли, взрывается. Цепочку замыкал Скиба — неразговорчивый солдат с большими черными глазами на продолговатом лице.

Шли молча. Каждый думал об одном и том же: трудная задача выпала на долю разведчиков — что-нибудь разузнать об исчезнувшем вчера Дмитрии Кедрове, солдате из первой роты. Многие разведчики знали Кедрова.

Однако как выяснить, что стряслось с ним? Где найти его следы в этом без конца и края лесу?

Правда, сержант Платонов уже имел кое-какие сведения. Было известно, что Кедров вчера в два часа дня, направляясь в штаб дивизии, ушел с командного пункта роты на КП батальона. Старшина приказал ему попутно захватить в батальон термос из-под пищи. На командном пункте батальона Кедрова не видели. Значит, исчез он, не дойдя до КП.

Но кто мог указать след, оставленный где-либо ногой Кедрова? Никто. Конечно, не так уж много людей проходит между передним краем и КП батальона. Да и в первую роту ходят все только над ручьем, правый берег которого несколько подсох. Можно понаблюдать за следами, оставленными на этой тропе.

Пошли мимо укрытых в густом подлеске блиндажей командного пункта батальона. До переднего края рукой подать. Слева лес просвечивается, меж стволов сосен виднеется приземистое мелколесье. Оттуда доносятся неторопливые выстрелы, с той же стороны изредка летят, воя над головой, мины. Они падают где-то в глубине леса, и эхо от разрывов хлестко бьет по ушам.

Вот и изгиб лесного ручья. Вода в нем течет неторопливо. И поэтому левый, более низкий, берег заболочен. Правый — возвышенный, сухой, заросший кустами лещины и чернотала. Между кустами юлит тропинка.

Платонов остановил разведчиков.

— Ну что ж, начнем? — спросил он, поправляя на

себе автомат, брезентовую сумку на ремне и сдвигая на бок кожаный чехол с биноклем.

— Начнем, — отозвался словоохотливый Зубарев, и его лицо приняло деловитое выражение.

Иван Платонов уже две недели командовал отделением. За это время он кое-чему научил своих солдат. Однако не все они еще верили в то, что следопытство может пригодиться на войне. «Это вам не на зайца зимой ходить», — не раз говорил расчетливый и осторожный Петр Скиба.

— Начнем с того, что найдем чей-нибудь след, оставленный вчера, — сказал Платонов. — Вчера погода была солнечная, небольшой ветер.

Разведчики рассыпались вдоль тропы. Было похоже, что они что-то потеряли и теперь старательно ищут.

Первым подал голос Шевченко:

— Вот след, оставленный, пожалуй, вчера, когда солнце стояло еще высоко.

Игнат Шевченко делал успехи в следопытстве. Платонов заметил сообразительность этого солдата на первых же занятиях. Однако не в меру торопливый и горячий, любивший быть первым среди товарищей, Игнат часто ошибался, не учитывал какой-либо мелочи.

Платонов подошел к Шевченко и внимательно посмотрел на вмятину, оставленную чьей-то ногой в сыром грунте, пощупал ее пальцем. На этот раз Игнат не ошибся: дно следа было подсушенным, комочки грязи, выброшенные вперед носком сапога, затвердели. Значит, след не свежий.

— А вот этот же след под кустом, — продолжал Игнат развивать свою мысль, — выглядит свеженьким, вроде его только сейчас отпечатали. Потому что в тени. А тень в этом месте была вчера во второй половине дня.

Платонов удовлетворенно хмыкнул и сказал разведчикам:

— Точно таким же должен выглядеть след, который мы ищем. На следы в тех местах, где вчера после обеда была тень, не обращать внимания.

Теперь разведчикам предстояло сделать самое трудное: «привязаться к следу», который оставил где-то на этой тропе исчезнувший вчера Дмитрий Кедров, найти то место, где он свернул с тропы.

Тихо шелестят листья на кустах чернотала и осины, мерно покачиваются под свежим весенним ветерком ветви стройных елей. Между ними видна голубизна ап-

рельского неба, прозрачная и глубокая. Легко дышит грудь, в руках, в плечах, во всем теле чувствуется прилив сил. Но на душе неспокойно. Иван Платонов, шагая по тропе, хмурит рыжеватые брови, крепко сжимает правой рукой шейку приклада автомата и смотрит себе под ноги. Ничто не ускользает от его зоркого взгляда. Он видит, что не так давно по тропе, в сторону переднего края, прошли двое людей. Вмятины, оставленные сапогами на непросохшей земле, глубокие, шаг — узкий. Ясно, что они несли на себе какой-то груз. А вот вчерашние следы: один отпечатан сапогами, у которых скошены каблуки, а на носках железные косячки; второй сделан человеком, сильно выворачивающим наружу носки. А здесь кто-то прошел в ботинках. На их подошвах — шесть шипов. Этот след наиболее приметный.

«И угораздило его пропасть в такой день!» — вздыхает Платонов. Он слышал от начальника разведки, что Кедров шел на свидание со своим отцом и... не дошел даже до командного пункта батальона.

Платонов пытается представить отца незнакомого ему Дмитрия Кедрова, но перед мысленным взором встает его — Ивана — отец. Платонов видит далекую, затерянную в тайге, на берегу сибирской реки, заснеженную деревеньку, видит отца. Вспомнилось, как когда-то зимой они с отцом (Иван тогда еще был подростком) убили в тайге медведя. Отец связал убитому зверю лапы, продел между ними толстый кол. Потом, окинув Ванюшку оценивающим взглядом, спросил: «Понесем или сбегаешь за дядькой Прохором?» — «Понесем», — баском ответил Иван. И они взвалили медведя на плечи. Ой как длинен был путь в деревню! У Ивана ломило плечо под тяжестью. Но он, стиснув зубы, ступал нога в ногу с отцом. «Передохнем?» — спрашивал отец. «Нет, еще малость пройдем», — отвечал Иван и смотрел под ноги, боясь, как бы не споткнуться и не упасть. А перед глазами плыли темные круги. Наконец отец не выдержал, остановился. Медведя положили на дорогу. «Нельзя, Ванюшка, надрываться, — сказал батька, — силу нужно с умом расходовать». — «А я с умом», — упрямо ответил Иван и украдкой бросил в рот горсть снега.

Платонов представил себе, что это его старый отец приехал сейчас на фронт и дожидается своего Ивана где-то в штабной землянке. Но Ивана не могут найти, и отец начинает догадываться, что его нет в живых.

Платонов снова вздыхает и старается сосредоточиться на следах. Посторонние мысли мешают.

Перед глазами та же тропинка со знакомыми отпечатками обутых человеческих ног. И вдруг заметил, что следы ботинок с шестью шипами исчезли. Остановился, оглянулся назад. Подошли другие разведчики. Теперь все видели, что человек, обутый в ботинки с шипами, прошедший вчера по тропе, у непросохшей лужи потоптался на месте и свернул вправо к кустам. Ничего, конечно, в этом не было удивительного. Мало ли зачем нужно человеку свернуть в сторону. Но Платонова насторожило другое: на тропе, здесь же, у лужи, он увидел новый, совершенно незнакомый след вчерашней давности, направленный носками навстречу разведчикам.

Иван присел над отпечатком подошвы сапога, внимательно рассмотрел его. След — ничем не примечательный. На обнаженном сыром грунте хорошо видна широкая вмятина от каблука с железным косячком. Косячки стертые, и шляпки гвоздей не отпечатались.

В стороне от тропы вытоптана пожухлая прошлогодняя трава. Похоже, что в этом месте двое встретившихся людей долго стояли, переступая с ноги на ногу.

— Смотрите, — вдруг шепотом произнес Игнат Шевченко, — пуговица.

Шевченко подал Платонову пуговицу, которую нашел в траве.

Взглянув на находку, Платонов почувствовал, как у него быстро-быстро забилось сердце и к лицу прихлынула кровь. Эта обыкновенная шинельная пуговица говорила ему больше, чем все следы на тропе. По ниткам, которые остались в ушке пуговицы, и по клочкам сукна нетрудно догадаться, что пуговица оторвана с силой. Значит, в этом месте, у куста чернотала, была схватка.

Платонов развел руками в стороны, дав разведчикам понять, чтобы они посторонились, а сам внимательно начал осматривать место, где была найдена пуговица. Он без труда обнаружил, что три пары следов (их отпечатали ботинки с шипами на подошвах, сапоги с железными косячками на каблуках и еще чьи-то незнакомые сапоги) вели в глубь леса. Шире, чем обычные шаги, неполные и нечеткие следы ног свидетельствовали о том, что люди здесь бежали. Зачем? От кого? Это требовалось разгадать.

Следы привели к глубокой воронке среди кустов. Здесь, под грудой прелого листа и сушняка, обнаружили

карабин и широкий металлический термос с откидными хомутиками, с винтами-барашками. Сомнений больше не было: след с оттиском железного стертого косячка на каблуке принадлежал Кедрову.

ВСТРЕЧА НА ТРОПЕ

Когда Дмитрию Кедрову передали, что его вызывает в штаб дивизии сам генерал, он не поверил. В блиндаж, где отдыхали солдаты, зашел командир взвода и приказал Кедрову собираться.

Дмитрий струхнул:

— Зачем это я понадобился командиру дивизии?..

А товарищи, хотя тоже недоумевали по поводу столь необычайного события, все же подшучивали над Кедровым. Особенно донимал Дмитрия острый на язык пулеметчик Новоселов:

— Чего тут непонятного? Ты же талант, Кедров, поговорить умеешь! Вот и назначит тебя генерал оратором дивизионного масштаба.

— Отвяжись! — сварливо отвечал Дмитрий. — Может, меня парикмахером назначат, так я с твоего языка начну. Больно длинный.

Дмитрий был недоволен тем, что ему приказали попутно занести на командный пункт батальона и передать старшине хозвзвода термос из-под каши.

«Таскайся с этой посудиной. А там еще старшина мыть ее заставит».

— Нет, ты все же талант, Кедров, — не унимался Новоселов. — Радио вполне можешь заменить. Узнал генерал, какой ты говорун, вот и решил послушать.

Кедров махнул на него рукой, взвалил на спину термос, взял карабин и протиснулся в узкую щель, соединявшую блиндаж с траншеей. Дмитрий был убежден, что разговорчивость человека — не такое уж плохое качество. В самом деле, что это за человек, если он слова отпускает в час по чайной ложке? С таким помрешь от скуки. Другое дело он, Дмитрий Кедрин. За словом к соседу не пойдет, но и пустомелей или каким-нибудь пустобрехом себя не считает. С понятием же он человек!

Вот, скажем, приказал ему вчера командир отделения замолчать, когда из боевого охранения вернулись. А зря приказал. Затеял Кедрин разговор о том, какими гвоздями лучше подметки подбивать — железными или деревянными. Кто толковее его рассказать об этом

может? Никто. А Кедров расскажет, и как полагается. Он знает, что самые крепкие гвозди получаются из проскурины и ее нужно заготовлять для гвоздей зимой. А как сушить гвозди? Кедров тоже знает: вначале напилить из проскурины качалочек, потом их сушить — лучше на солнце, постепенно. Затем качалочки поколоть на плашечки такой толщины, какие требуются гвозди. Эти плашечки опять сушить. А когда из плашечек наколешь гвоздей, их можно досушивать уже в печке, перед пламенем. И гвозди получаются крепче железных!

Но разве можно на этом заканчивать разговор о гвоздях? Никак нельзя! Сила гвоздя еще в другом: как забьешь его в подошву или подметку, да как затем ножичком стешешь верхний кончик...

Словом, о многом может с понятием говорить Дмитрий Кедров. Взять хотя бы вопрос о зверях в Африке или о выращивании саженцев на Севере. А о самоходном комбайне или о «катюше», которая на его глазах стреляла такими снарядами, как гробы, или о том, как быстрее выбрать брод через речку! Да мало ли о чем может говорить Кедров?

Дмитрий никак не был согласен с мнением, что разговорчивость не украшает человека. Ведь разговаривать — значит мыслить, понимать, добиваться какой-то истины. Он терпеть не может людей-загадок. Бывает, сидит солдат в окопе и такое у него глубокомыслие на лице написано, вроде он обдумывает стратегическую операцию. На самом же деле про себя ругает повара, что кашу привез подгорелую и теперь у него изжога. Ругал бы лучше вслух! Молчать с умным лицом ни к чему.

«Но зачем же вызывают меня в штаб дивизии?» — в который раз спрашивал себя Кедров.

Ход сообщения вел к недалекому кустарнику, за которым можно было идти, не опасаясь обстрела. Под ногами чмокала грязь. Стенки были мокрыми и липкими. Зато над головой ярко светило солнце и там же, в поднебесье, весело пел жаворонок. Дмитрию хотелось скорее добраться до кустов, до леса, чтобы можно было шагать, выпрямившись в полный рост. И вдруг он остановился, пораженный внезапной догадкой:

«Так вот для чего меня позвали!»

Два дня назад над позицией роты низко проплыл в сторону Старой Руссы трехмоторный немецкий транспортный самолет. Он появился из-за леса так неожидан-

но, что по нему даже не успели открыть огонь. Только Кедров, наблюдавший в это время за противником, послал в самолет три пули. И был убежден, что не промахнулся. Ему показалось, что самолет задымил и пошел на снижение. Дмитрий даже закричал:

— Сбил! Сбил транспортника.

Из блиндажа выскочили солдаты. Нашлись охотники немедленно идти в лес разыскивать самолет. Но командир взвода позвонил на огневые позиции артиллеристов, которые стоят в тылу, и те сообщили, что самолет благополучно проплыл дальше. А Кедров не верил, был убежден, что самолет далеко не протянет. И теперь, наверное, выяснилось, что транспортник упал, вот и вызывают его, Дмитрия Кедрова, к генералу, чтоб награду вручить.

Этой ошеломляющей новостью, которую узнал сам от себя, Дмитрий тут же поделился с солдатом-связистом, встретившимся ему на пути. Потом зашел на батарею к минометчикам и, наговорившись вволю о сбитом им самолете и ордене, который он идет получать, зашагал по тропинке на командный пункт батальона.

Было обидно, что нет попутчиков и не с кем потолковать. Тропинка, бежавшая над ручьем, как назло, пустынна.

Но вот, кажется, повезло Кедрову. Навстречу ему шел какой-то ефрейтор — высокий, худой. Шинель висела на нем кое-как, на ногах ботинки с обмотками, через плечо — автомат. Хоть и незнакомый ефрейтор, но поговорить можно. И вдруг еще издали он крикнул Кедрову:

— Связной?

— Никак нет, связным не являюсь, — ответил Дмитрий, собираясь уже начать разговор о том, почему служба связного для него не подходит.

— Все равно, — сказал ефрейтор, подойдя вплотную к Кедрову. — Почему писем от солдат не захватил? В штаб же небось идешь? Теперь мне из-за тебя тащиться черт знает куда!

Дмитрий растерянно развел руками:

— Не говорили мне о письмах. Вот термос приказали захватить...

— Шляпа! Сам должен знать. Как бы хорошо было: ты принес бы оттуда письма, а я с тобой туда передал бы. Смотри, целая сумка накопилась!

— Не могу я писем в роту взять, потому что в самый

штаб дивизии иду. Орден за сбитый самолет получать, — ответил Кедров.

Ефрейтор окинул Кедрова с ног до головы оценивающим взглядом, потом почему-то оглянулся назад и вправо — на кусты.

— А мне, случайно, там нет письмеца? — полюбопытствовал Дмитрий.

— Как фамилия?

— Дмитрий Кедров, из Ивановской области.

— Кажется, есть. Отойдем в сторону, где посуше.

Дмитрий обрадованно шагнул в сторону, отводя руками от лица упругие ветки чернотала. Из кустов дохнула свежесть, прохлада, в нос ударил горьковатый запах прелой листвы. Под ногами почмокивала пропитавшаяся вешними водами земля. Во всем чувствовалась весна, и поэтому еще радостнее было на душе.

Вдруг шедший впереди Кедрова высокий, сухопарый ефрейтор резко повернулся и молниеносно выбросил вперед сжатую в кулак руку. Тупая боль перехватила дыхание и затуманила сознание Дмитрия Кедрова. Исчез лес, исчезли запахи весны...

Дмитрий пришел в себя, когда чьи-то крепкие руки волокли его в глубь леса. Он рванулся всем телом и тотчас оказался на земле. На него навалились трое.

— Что вы делаете?! — закричал Кедров, не понимая, что происходит. — Где мой карабин?

Дмитрий почувствовал, что ни карабина на плече, ни термоса за спиной нет...

— Чего коленкой жмешь, дурак?! Больно же! — Дмитрий пытался стряхнуть с себя ефрейтора, худая, острая коленка которого придавила его к земле.

Ефрейтор убрал коленку, и Кедрова поставили на ноги, но рук не отпустили.

Кедров оглянулся на двух державших его солдат с нахмуренными, настороженными глазами, на ефрейтора, который, сутулясь, отряхивал свою шинель, на стройного военного в офицерской шинели, с двумя кубиками в голубых петлицах.

— Товарищ лейтенант, — обратился Кедров к офицеру, — что же это получается, почему безобразничают?!

— Заткнись! — крикнул в ответ лейтенант, и Кедров успел рассмотреть его крепкие, большие, чуть желтоватые зубы.

«Вот жеребец!» — некстати подумал Кедров, с недоумением глядя в продолговатое, молодое лицо неизвест-

ного офицера. И тут Дмитрий услышал, что офицер заговорил... по-немецки. Он что-то приказал двум державшим Кедрова солдатам, и те проворно скрутили назад ему руки.

Дмитрий Кедров почувствовал, как от груди его побежал холодок — вниз, к ногам, и ноги тотчас же одеревенели, и вверх — к голове, и глаза перестали ощущать пространство, шея точно задубела, а в ушах заунывно запели колокольчики.

«Так это же фашисты!» — пронеслась мысль, Дмитрию показалось, что эта мысль возникла не в голове, а прилетела откуда-то извне и, физически ощутимая, ворвалась в душу, железными тисками схватила за сердце.

Вдруг Дмитрий услышал, как четкой дробью ляскают его зубы. Словно издалека донесся булькающий смех «ефрейтора». По-гусиному вытянув вперед голову на длинной шее, он смотрел на Кедрова и хохотал.

И страх неожиданно прошел. Смех переодетого фашиста точно отпустил тиски, сжимавшие сердце. Страх улетучился, несмотря на то, что Дмитрий со всей отчетливостью понял безвыходность своего положения: он попал в руки проникших к нам в тыл переодетых немецких разведчиков. Бессильной злобой загорелись его глаза. Ему захотелось закричать сейчас на весь лес, закричать так, чтобы услышали в траншеях роты, на командном пункте. Но услышали не только о том, что он, Дмитрий Кедров, попал в беду, а и о том, что здесь находится враг, он рядом и его нужно уничтожить.

Гитлеровец в форме советского летчика-лейтенанта догадался о намерении Кедрова. С угрожающим видом он поднес к его лицу кинжал, а солдаты проворно завязали рот полотенцем.

ЛУЧШЕ СМЕРТЬ

Целый час пробиралась группа фашистских разведчиков сквозь густые лесные заросли, вброд переправлялась через заболоченные ручьи, ведя с собой связанного Дмитрия Кедрова. Остановились на небольшой возвышенности, где земля немного просохла.

Кедрова тотчас же уложили под сосну, связали ему куском бечевки ноги и словно забыли о нем.

Дмитрий повернулся на бок, поджал под себя коленки и притих. Все происходившее казалось ему кошмарным сном. Он слышал, как гитлеровцы о чем-то перего-

варивались, видел, как «летчик-лейтенант» вытащил из солдатского вещмешка два небольших зеленых ящичка, установил их на земле на двух поленьях, надел наушники. Над одним из ящичков взметнулась вверх короткая металлическая тросточка-антенна. «Рация», — догадался Дмитрий.

Рядом запылал небольшой костер. Над ним, на перекладине, установленной на две воткнутые в землю рогульки, повесили котелок с водой, принесенной из недалекого ручья.

Рация, которую развернул «лейтенант», шипела, попискивала. «Лейтенант» поднес ко рту круглый, черный, похожий на наушник микрофон и вполголоса начал передавать цифры: «Двенадцать—восемнадцать, сорок восемь — пятьдесят шесть, тридцать — ноль девять...»

«По-русски дует, гад, — подумал Дмитрий, — под наших работает, чтоб не засекли».

В это время другие лазутчики молча лежали на куче еловых веток, отдыхали.

«Лейтенант» на минуту затих, что-то торопливо записывая в блокноте. Потом, обратившись к долговязому, что-то сказал ему. «Ефрейтор» торопливо вскочил на ноги, поежился и подошел к Кедрову. Расстегнул его шинель на груди и начал выгребать из карманов гимнастерки документы. Вот в его руках оказалась солдатская книжка Кедрова, письмо от отца, вырезка из газеты, в которой рассказывалось о знакомом Дмитрию снайпере. И, наконец, последнее — бережно завернутый в прозрачный целлофан комсомольский билет.

Увидев в руках врага серую книжечку, Дмитрий вскинулся всем телом, пытаясь освободить от веревок руки и ноги.

«Ефрейтор» с силой ударил Кедрова ногой в живот. Боль на мгновение заслонила все другие чувства. Но лишь на мгновение. Сейчас, когда у него отняли комсомольский билет, солдатскую книжку, Дмитрий взаправду поверил, что все это не кошмарный сон, каждой клеткой своего тела ощутил нестерпимую душевную боль. Нет больше Дмитрия Кедрова — солдата Красной Армии, члена Ленинского комсомола. Есть пленный Кедров, оторванный от Родины, комсомола, армии.

Дмитрию вспомнилось, как совсем недавно — полгода назад — в разгар битвы за Москву, ему вручили комсомольский билет. Это было перед атакой. Помощник начальника политотдела по комсомолу, всем извест-

ный в дивизии капитан Иволгин, передавая Дмитрию эту заветную книжечку в серой обложке, сказал:

— Теперь вы комсомолец. Никогда не забывайте об этом.

«Нет, никогда не забуду! — подумал Дмитрий, глядя, как «лейтенант», перелистывая его документы, заглядывает в блокнот и подносит к губам микрофон. — Не забуду! И никакой я не пленный, пока на нашей земле. А к себе не уведут, не дамся...»

«Лейтенант» что-то крикнул «ефрейтору». Тот снова подошел к Кедрову и спросил:

— Отвечай коротко: из какого полка, дивизии, покажи, где находится штаб дивизии? — И долговязый сунул к глазам Кедрова развернутую топографическую карту.

— Иди к черту! — крикнул Дмитрий и в бессильной злобе плюнул на карту.

«Ефрейтор» невозмутимо вытер плевок о шинель Кедрова и снова с размаху ударил связанного солдата ногой в живот. Потом, обращаясь к «лейтенанту», что-то спросил по-немецки.

«Лейтенант» махнул в ответ рукой и начал складывать в вещмешок рацию. Время передачи истекло.

В лесу стало темно и сыро. Дмитрий Кедров все лежал на том же месте. Наблюдая за приготовлениями гитлеровцев, он понял, что этой ночью они собираются возвращаться за линию фронта. Только «лейтенант», казалось, устраивается на ночлег. В его вещмешок были переложены оставшиеся у разведчиков продукты: консервы, галеты, шоколад.

«Остается с радиостанцией здесь. Шпионить будет», — догадался Дмитрий. И ему стало очень обидно за себя, за товарищей. Сколько раз проходили они по лесу, встречали незнакомых людей, и ни у кого не возникало мысли, что среди них может быть враг. Конечно, бдительность соблюдали на марше, в боевом охранении, да и вообще на переднем крае глядели в оба. Но чтобы остерегаться у себя в тылу — такое Кедрову раньше и в голову не приходило. И вот результат: его обманули, как мальчишку, обезоружили и теперь собираются вести в плен.

«Нет, лучше смерть, чем такой позор», — скрипнул зубами Дмитрий.

Ему распутали ноги, помогли встать. Потом завязали полотенцем рот.

— Хайль Гитлер! — приглушенно крикнули «ефрейтор» и два его помощника «лейтенанту».

— Хайль Гитлер! — ответил тот и, загородив костер плащ-палаткой, улегся на кучу еловых веток.

Кедрова повели по ночному лесу.

В весеннюю пору 1942 года, когда вешние воды заполнили лесные просторы, вытеснили на возвышенности из низин оврагов солдат обеих воюющих сторон, перейти линию фронта было делом не очень рискованным. И это беспокоило Кедрова. Он боялся, что его поведут по болоту, которое раскинулось между левым флангом первой роты и ручьем, носившим причудливое название Чимишмуха. Там широкий, не занятый войсками участок. Правда, есть мины, фугасы развешаны на кустах, но их нетрудно обойти.

Так и случилось. Видно, гитлеровцы неплохо знали расположение нашей обороны. «Ефрейтор», вслед за которым вели связанного Кедрова, лишь на несколько минут остановился у дороги, по которой проезжала повозка. Переждал и решительно двинулся вперед, забирая влево.

Началось болото, поросшее негустым кустарником. Даже не болото, а затопленный луг. Ноги хорошо ощущали под водой скользкую прошлогоднюю траву, а в одном месте наткнулись на неубранное сено.

Дмитрий зорко оглядывался по сторонам. Надеялся, что заметит где-либо подвешенный фугас. «В этом спасение», — думал он.

Но, как на беду, минное поле не попадалось на пути. И на переднем крае было тихо. Даже гитлеровцы не бросали, как обычно, ракет. Наверное, знали, что здесь действует их разведка.

Вышли на какой-то голый островок. Вода уже не хлюпала под ногами. Впереди, совсем недалеко, виднелась темная, угрюмая стена леса. Там передний край вражеской обороны.

Вдруг справа ударил пулемет.

— Наши бьют, — обрадовался Кедров. Очередь просвистела совсем недалеко, качнув ветки одинокого куста.

В тот же миг в небо взлетело несколько ракет. Разведчики упали, повалив упиравшегося Кедрова. Вокруг стало так светло, что Дмитрий разглядел расщепленную

снарядом сосну на участке своей роты, который находился совсем недалеко.

Один из лазутчиков крепко обнимал Кедрова правой рукой, прижимая его к земле. «Ефрейтор» лежал несколько правее солдата, который держал пленного.

Очередная ракета горела особенно долго, медленно плывя по ночному небу. И Дмитрий неожиданно увидел перед самым своим носом тонкий проводок. Обыкновенный медный проводок! Он уходил куда-то в сторону — под обнимавшего его немца.

«Не потерять бы, — мелькнула беспокойная мысль. — Нельзя медлить ни секунды». Каждая струнка в теле Кедрова была напряжена до предела. Он хотел схватить зубами проводок, но рот был плотно завязан полотенцем. Руки тоже скручены.

Тогда Дмитрий как мог вытянул вперед шею и зацепил проводок подбородком. Начал медленно втягивать в себя голову, подаваться назад. Боялся, что лежащий рядом фашист помешает. Но тот, уткнув лицо в рукав, не двигался.

Наконец ракета погасла, и рука гитлеровца на спине Дмитрия ослабла.

Кедров почувствовал, что проводок натянут до отказа. Еще чуть-чуть подался назад и сделал рывок подбородком. В тот же миг послышался щелчок и вслед — оглушающий силы взрыв.

Дмитрий почувствовал, как под ним качнулась земля, как плотная стена горячего воздуха пахнула в лицо. Вспышка ослепила глаза, но он успел заметить, как взметнулось долговязое тело «ефрейтора»...

Ганс Финке, который в форме советского летчика-лейтенанта остался в глубине леса коротать ночь, на рассвете услышал, как кто-то продирается сквозь кустарник в направлении его стоянки. Финке схватился за автомат. На поляну вышел со связанными за спиной руками Дмитрий Кедров. Его подталкивали сзади Вормут и Шинкер — переодетые в советскую форму немецкие разведчики.

Финке был взбешен. Сегодня он, маршрутный агент, должен был идти по тылам советских войск, а теперь новая забота.

Финке посмотрел на часы и нехотя развернул радиостанцию. Передал в эфир о гибели «ефрейтора» и о том,

что перевести пленного через линию фронта не удалось. Тут же получил ответ:

«Переместитесь в квадрат 51—52, в охотничью избу. Выполняйте задание. Во второй половине ночи встречайте самолет, жгите три костра. Герлиц».

ПО СЛЕДУ

По лесным массивам, испещренным дорогами, тропами, руслами рек, плешинами полей и порубленного леса, непрерывно перекатывалось разноголосое эхо войны. Где-то стрекотали автоматы, простуженно, не торопясь, стучали крупнокалиберные пулеметы, гакали тяжелые разрывы мин.

Солнце заливало обильным светом поляны и просеки, косыми лучами пробивалось сквозь кроны ветвей к напоенной вешними водами земле. От могучих стволов сосен, ноздреватых пней, мохнатых кочек поднимался еле заметный пар, наполняя лес пряными запахами.

Все глубже пробиралась в непроходимую лесную чащу горсточка советских разведчиков. Следы, по которым вел Иван Платонов своих солдат, то исчезали, то появлялись вновь. Примятый мох, сдвинутые прошлогодние листья, раздавленные сучья указывали путь.

Широкое курносое лицо Платонова было возбужденным. Чуть раскосые острые глаза настороженно скользили по земле, вглядывались вперед. Даже уши Ивана, казалось, стали больше обычного. Красные, узловатые, они прочно подпирали пепельного цвета шапку-ушанку и ловили каждый лесной шорох.

Чутьем охотника Иван Платонов угадывал, что зверь уже где-то недалеко, хотя идут они по следам вчерашней давности. Им овладел азарт, знакомый каждому, кто ходил по звериной тропе. Внимание, зрение, слух, каждый мускул тела — все было крайне напряжено, готово замечать, воспринимать. Даже разноголосый говор лесных птиц, который Иван с наслаждением мог слушать часами, сейчас не отвлекал. Только раз Платонов вскинул голову вверх, и на лице его промелькнула добрая улыбка, когда среди еловых веток раздалась полная и сильная песня щегла. Иван поглядел на красивую юркую птицу с красным и черным кольцом вокруг клюва, помахал ей рукой и пошел дальше.

Так же сосредоточенны и собранны были другие разведчики. Развернувшись в цепочку, они шли следом за

Платоновым. Справа — Шевченко, высокий, он часто кланялся свисавшим над землей ветвям и жмурил черные глаза. Рядом с ним шагал Савельев. Сильный и грузный, он, точно слон, давил ногами сушняк и поэтому старался ступать осторожно, осмотрительно. Коротконогий Атаев часто семенил между Савельевым и остроносым рябым Зубаревым. На лице Атаева застыло выражение глубокомыслия. Он часто бросал почтительные взгляды на Платонова и старался держаться поближе к нему. Справа развернутую цепочку замыкал всегда молчаливый долголицый Скиба.

Следы привели к топкому ручью. Платонов с первого же взгляда заметил на противоположном его берегу знакомые отпечатки ног и шагнул в воду.

— Товарищ сержант! — неожиданно позвал Игнат Шевченко. — Посмотрите, что здесь.

Платонов вернулся назад и подошел к Игнату. На сером илистом грунте, намытом спавшей водой, Иван увидел четкие отпечатки сапог. И среди них — след сапога со стертым косячком на каблуке. Это, несомненно, след Кедрова.

«Что за чертовщина?» — подумал Платонов. Пощупав пальцем дно следа, потрогав комочки земли, выброшенные носками, он убедился, что эти отпечатки более свежие, чем те, по которым шли до сих пор разведчики. И ведут следы в том же направлении, в глубь леса.

Если бы Платонов догадался пройти вверх по течению ручья, он опять обнаружил бы знакомые отпечатки ног, оставленные гитлеровцами и Дмитрием Кедровым, когда они с вечера направлялись к переднему краю. Тогда бы разведчикам было ясно, откуда взялись вмятины, обнаруженные Шевченко.

Но нужно спешить. И Платонов повел своих солдат по новым следам.

Вскоре они наткнулись на место, где была стоянка фашистских разведчиков.

Платонов научил своих солдат правилу: если один «читает след», все остальные не должны мешать ему, чтобы случайно не затоптать находку. Вот и сейчас Шевченко, Савельев, Зубарев, Атаев и Скиба наблюдали, как сержант бродил по полянке, глядел в землю, точно колдовал.

Ничто не ускользнуло от наметанного глаза Платонова. Иван уже знал, что, кроме Дмитрия Кедрова, здесь было еще четыре человека. Видел вмятину в куче ело-

вых веток — здесь спал один. Заметил два полена, лежавших параллельно друг другу. По дырке в грунте — заземлению — догадался, что на поленьях стояла рация. Обратил внимание и на колышки, которыми были закреплены концы плащ-палатки, маскировавшей костер, и на выплеснутый кофе, и на выброшенный сухарь со следами зубов.

Еще когда шли по следу, Платонов заметил, что один из гитлеровцев чуть-чуть хромал. Левой ногой он делал шаг короче, чем правой. По отпечаткам сапог было видно, что у него изношена середина подошвы. Значит, сапоги велики. У хорошо подогнанной обуви стираются в первую очередь каблук и носок.

Здесь, на поляне, рядом с кучей еловых веток, Платонов заметил клочок бинта в сукровице и нитки от портянки.

«Натер левую ногу. Переобувался», — подумал Иван.

Наскоро наказав разведчикам все, что заслуживало внимания, Платонов достал из своей брезентовой сумки топографическую карту, отыскал ручей, через который только что переправлялся, и примерно определил место, где они сейчас находятся.

— Впереди и справа — болото. За болотом и слева — большая дорога. Им далеко не уйти, — сказал Платонов, окидывая солдат возбужденным взглядом. — Не зевать.

Платонов выразительно хлопнул рукой по шейке приклада автомата, поправил на боку чехол с биноклем.

— За каждый сучок, который треснет под ногой, наряд вне очереди. — И сержант остановил свой взгляд на широкоплечем Савельеве. — Я и Шевченко идем в головном дозоре. Только без горячки, Игнат. Скиба и Зубарев — в боковых. Атаев и Савельев — в ядре. Зрительной связи не терять, переговариваться знаками, на поляны не выходить.

Сержант точно рубил каждое слово, и разведчикам передалось его боевое напряжение, его чувство близости зверя.

Опять шли по лесу, огибая топкие места и непролазные заросли. На пути то и дело попадались сваленные бурей или отжившие свой век и упавшие сами деревья. Многие из них уже истлели, были источены червями.

Вскоре Иван Платонов и Игнат Шевченко, двигавшиеся метрах в тридцати впереди, вышли к огромной поляне. Во всю ее ширь раскинулись прошлогодние зарос-

ли пожухлого камыша и осоки... Следы вели через поляну.

— Вот идиоты! — ругнулся Платонов. — Зачем их понесло прямо в болото? Ведь все равно свернут в сторону.

Но делать было нечего, и разведчики, пригибаясь среди камыша, пошли дальше. Земля под ногами становилась все более и более заболоченной. Наконец добрались до такого места, где различать следы уже стало невозможно. Платонов остановился в раздумье, потом достал из чехла бинокль и приложил его к глазам.

Впереди простиралась обширная болотная равнина. Местами она была покрыта осокой, камышом. Это верный признак, что там вброд пройти трудно. Местами же на болоте бурели пятна прошлогодней травы и над ней возвышались редкие кустики осины, ивы, чернотала. Там почва покрепче, может выдержать человека. Но как знать, куда могли пойти разведчики врага?

Метрах в трехстах впереди виднелись на болоте кусты лозняка. Платонов знал, что за этими островками находится Гнилое озеро. Его контуры на топографической карте напоминают очертания рыбы. Из хвоста этой «рыбы» берет начало ручей Чимишмуха.

«Дальше Гнилого озера они пройти не смогут, — подумал Платонов. — Наверняка укрылись на каком-нибудь островке...»

Однако такой вывод не подсказывал никакого решения. Островков на болоте много, все не обыщешь. Да и зачем понесло гитлеровцев в болото?..

Игнат Шевченко нетерпеливо дернул Платонова за рукав:

— Ну как? Махнем напрямик? Время-то идет!..

— Куда махнем? Думать надо, Игнат, — упрекнул солдата сержант.

Шевченко недовольно засопел, и его черные брови сбежались на переносье. Не любил Игнат, когда упрекали его в торопливости.

— Тогда в обход, может, на той стороне след перехватим, — предложил Игнат.

— Это мысль. Но с болота глаз не спускать.

ОСТРОВОК НА БОЛОТЕ

Разведчики опять развернулись в цепочку и опушкой пошли вдоль болота. Торопились. Болото лежало в низине, и чуть пологий склон, отделявший его от леса, был

голым, изрезанным ручейками талой воды. Заметить здесь след можно было с первого взгляда.

Но вот уже скоро конец болота. Тревога все больше охватывает разведчиков: нигде ни малейшей приметы, которая бы указала на присутствие врага.

Над болотом пролетают стаи птиц. Они кружат над островками и исчезают в их зарослях. Платонов внимательным взглядом провожает пернатых. Вот летят вертлявые скворцы. Над одним из островков они сделали круг и нырнули к земле. И тотчас же стайка черных точек взметнулась над болотом, рассыпалась. Острый слух Платонова уловил беспокойный скворцовый говор.

— Стой! — скомандовал сержант. — Смотрите на островок с кривым деревцем слева.

Каждому из разведчиков было известно, что птицы зря не беспокоятся. Что-то вспугнуло их.

Платонов передал Шевченко свой автомат и быстро вскарабкался на сосну, стоявшую над самым болотом. Приложил к глазам бинокль и сразу же увидел среди стройных высоких березок покатую крышу какой-то постройки, разглядел ее бревенчатые стены.

«Что за чертовщина?»

Тут же, на дереве, развернул карту, отыскал болото. На самом берегу озера, похожего на рыбу, заметил черный квадратик и надпись «Сар.».

«Сарай! Небось охотничья изба», — догадался Иван и мысленно выругал себя, что раньше не разглядел на карте такой важной детали.

Опять приложился к биноклю. Островок казался пустынным, сарай — полуразвалившимся, давно покинутым. Однако Платонов твердо был уверен, что враг именно там.

Он спустился на землю.

Засветло подбираться к островку было рискованно. Можно вспугнуть зверя, можно нарваться на огонь в лоб. Только внезапность нападения могла принести полный успех.

Платонов решил дождаться сумерек. А пока светло, нужно выбрать наиболее короткий и удобный путь к островку.

Разведчики, маскируясь в кустах, еще немного прошли над болотом. И вдруг Атаев, шедший правее всех, взволнованно воскликнул:

— Командир! Сюда!

К нему поспешили все разведчики. Атаев, широко

расставив короткие ноги, указывал пальцем на найденный им след и победно глядел на товарищей.

— Смотри, командир!

Разведчики узнали знакомые отпечатки сапог со стертыми посредине подошвами, знакомый выверт носков — свидетельство того, что человек, оставивший следы, — плоскостопый. Отпечатки совершенно свежие. Они вели от болота в лес.

— Шевченко! Остаетесь старшим. Наблюдайте за болотом, за островком с сараем и ждите меня. Атаев пойдет со мной. — Отдав такое распоряжение, Платонов быстро пошел вдоль следа. За ним устремился Атаев.

След вывел на дорогу, вилявшую по лесу мимо полковых тылов и огневых позиций артиллерии крупных калибров.

Некоторое время они шли вдоль обочины дороги. Потом след повернул влево, на залитую жидкой грязью настильную дорогу, ведущую к тыловым подразделениям. На ней рассмотреть отпечатки ног было невозможно. Чтобы не утерять следа, Платонов и Атаев двигались по сторонам утопавшего в жиже настила и внимательно глядели на обочины, стараясь заметить, не сворачивает ли след в лес.

Навстречу разведчикам ехала повозка. Лошадьми управлял знакомый Платонову старшина хозяйственного взвода. Рядом с ним сидел лейтенант из какой-то авиационной части. Летчик и старшина о чем-то оживленно беседовали. Заметив Платонова и Атаева, старшина равнодушно воскликнул:

— Глазам и ушам армии мое почтение! Кого выслеживаете, хлопцы?

— Зайца на кухню гоним. Хороший заяц! — пошутил Атаев.

А Платонов озабоченно спросил у старшины:

— Никого сейчас не встречал на дороге?

— Никого. Да я же только-только с места тронул.

Когда повозка минула разведчиков, лейтенант спросил старшину:

— Что за солдаты?

— Разведчики. Вчера один солдат наш исчез. Вот они и разыскивают. А сержант этот умеет читать следы как по-писаному. Добрую академию в сибирской тайге прошел...

Платонов и Атаев достигли того места, где дорога расширялась и шла уже не по настилу, а по грунту.

Земля здесь была почти сухой. По обочинам дороги, между елями и кустами орешника, стояли замаскированные машины, повозки. Невдалеке виднелись землянки.

Следы обнаружили у походной кухни. На ее передке сидел солдат в белом переднике и, зажав меж ног ведро, чистил картошку.

— Кто здесь сейчас проходил? — спросил у него Платонов.

— Вроде никто, — ответил солдат.

— Ну а на этом месте кто недавно топтался? Вот эти следы чьи?

— Откуда мне знать? Старшина здесь ходил, а с ним летчик один. Он приехал разыскивать подбитый самолет. Наверное, это они здесь наследили. А что, разве тут ходить нельзя?

— Лейтенант? В летной форме?! — воскликнул Платонов и бросился в ближайшую землянку, где был телефон. Через минуту он разговаривал с помощником начальника штаба.

— Прошу задержать лейтенанта, летчика. Он едет на командный пункт со старшиной хозвзвода. Да. Наверняка переодетый фашист...

На дороге показалась грузовая машина. Платонов вскочил на ее подножку и бросил несколько слов шоферу. Машина остановилась. Секунда — и два разведчика сидели в кузове.

— Гони по дороге на командный пункт! — крикнул Иван, нагибаясь к окну кабины.

Машина неслась на предельной скорости. Разведчики напряженно всматривались вперед. Поворот дороги. За поворотом увидели повозку. В ней сидел один старшина.

— Где летчик? — взволнованно спросил у него Платонов, когда машина поравнялась с повозкой и остановилась.

— Он передумал. Решил сначала к артиллеристам зайти, порасспросить там о своем самолете, — ответил старшина.

Платонов и Атаев соскочили с машины.

— Проведите нас к тому месту, где фашист сошел с повозки, — попросил сержант старшину.

— Какой фашист? — ужаснулся старшина.

Через пять минут старшина показывал:

— Вот тут он соскочил и пошел напрямик к лесу.

Платонов и Атаев опрометью бросились по еле приметному следу. Видно было, что немецкий разведчик не шел здесь, а бежал. В лесу, густо усыпанном прошлогодними еловыми иглами, след исчез. Платонов и Атаев не пытались искать его. Они спешили к болоту, которое начиналось в двухстах метрах от дороги.

Сгущались сумерки. Наступал вечер. Сквозь редеющие на опушке ели виднелось небо — багровое от закатившегося солнца...

Вот и болото. Густой подлесок подступает вплотную к мохнатым кочкам, между которыми тускло поблескивает рыжеватая вода.

Платонов приложился к биноклю и замер. Он увидел спину переодетого гитлеровца. Высоко подобрав полы шинели, пригибаясь, гитлеровец барахтался среди кочек, направляясь к островку с кривой березкой.

Дмитрий Кедров лежал на куче прелого сена у бревенчатой, отдававшей плесенью стены. Он никак не мог согреться. Одежда на нем не просыхала со вчерашнего дня, и ее нельзя было отодрать от задубевшего тела. Да и как отдерешь? Уже вторые сутки руки Дмитрия накрепко связаны за спиной. И он непрерывно шевелил кистями, стараясь расслабить веревку.

В сарае было сыро и темно, несмотря на то, что посреди него пылал небольшой бездымный костерок из сухого валежника. У костра молча сидели немецкие солдаты Вормут и Шинкер. Пламя бросало на солдат красные блики. Дмитрий видел, что его враги смертельно устали. У солдата, который сидел ближе к Кедрову, глубоко ввалились глаза, кожа, плотно обтянувшая кости лица, потемнела, заострились скулы. Уставившись глазами в костер, он сидел будто окаменевший.

Кедров, несмотря на то, что его прошибал озноб и что вторые сутки ничего не ел и не пил, чувствовал в себе силу: днем ему удалось час-другой уснуть на сене. И он еще энергичнее шевелил кистями рук.

«Распутаться бы только. Я с ними справлюсь», — думал он, настороженно следя краем глаза, как один из солдат клюет носом и с его колен прямо к костру сполз автомат.

В противоположной стене сарая зияла большая дыра. Сквозь нее виднелось красное вечернее небо над лесом и кусочек глади озера, на котором переливались яр-

кие краски заката. Дмитрию чудилось, что это манит его свобода, такая близкая и желанная.

Казалось, вырвись он за стены этого сарая, на шаг отойди от этого страшного места — и у него вырастут крылья...

Неожиданно слуха Дмитрия коснулся крик лесной птицы, тревожный, надрывный:

«Ка-гу-гу!.. Ка-гу-у-у!..»

Солдаты, охранявшие пленного, встрепенулись. Один из них вскочил на ноги, просунул голову в отверстие в стене и страшным, охрипшим голосом ответил:

— Ка-ги-и!..

Через минуту в сарай ввалился Финке — «летчик-лейтенант», запыхавшийся, взволнованный.

Точно чем-то холодным плеснуло Дмитрию в сердце. Небо, видневшееся в проломе стены, вдруг померкло, и, кажется, исчезло все, что было вне сарая, — лес, пространство, свобода... Даже труднее стало дышать, и в груди ширилась какая-то пустота.

Финке подошел к Кедрову.

— Или сейчас умрешь, или говори, — почему-то шепотом обратился он к пленному. — Что у вас за разведчики, которые умеют следы отыскивать?

Но что мог Кедров ответить немецкому лазутчику? Если б и знал он о следопыте сержанте Платонове, все равно смолчал бы.

Постояв минуту над пленным, «лейтенант» пнул его ногой, выругался и отошел к костру. Быстро достал из вещмешка радиостанцию, подготовил ее к работе. За ним молча, настороженно наблюдали солдаты Шинкер и Вормут. Они видели на длинном, зубастом лице Финке страх, и этот страх передавался им, хотя причины его еще были неизвестны разведчикам.

Через минуту Финке уже переговаривался со своим шефом за линией фронта — обер-лейтенантом Герлицем. Он торопливо зашифровывал фразы в цифры и тихо, взволнованно выкрикивал их в микрофон. Цифры эти означали: «Русские напали на наш след. У них имеются специально обученные разведчики-следопыты. Встретить самолет не могу. Район выброски с парашютом выбирайте по своему усмотрению. Охотничью избу покидаю немедленно, ухожу за озеро. Завтра жду указаний о месте встречи. Что делать с пленным?..»

На последний вопрос обер-лейтенант Герлиц ответил: «Пленного уничтожьте...»

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ КАРЛ ГЕРЛИЦ

Надрывисто гудят моторы «юнкерса» — большого транспортного самолета. От докучливого шума клонит ко сну. Но обер-лейтенант Карл Герлиц не спит. Он сидит на жесткой откидной скамейке, прислонившись спиной к гофрированной обшивке кабины. В кабине полумрак: горит синяя лампочка у перегородки, за которой находятся пилоты.

Рядом с Герлицем, уронив голову на пристегнутый парашют, дремлет офицер разведки 16-й немецкой армии капитан Маргер, рыжеголовый, бледнолицый, одетый в форму солдата Красной Армии. Свои длинные, худые ноги он вытянул почти к противоположной стенке, где сидят, прижавшись друг к другу, три разведчика, одетые в такие же серые шинели, как и Маргер. Обер-лейтенант Герлиц смотрит на разведчиков сквозь узкие щелки глаз, и на его тонких губах трепещет презрительная улыбка.

«Наивные, как куропатки, и трусливые, как зайцы, — думает о них Герлиц. — И как это Маргер отважился выбрасываться с такими скороспелками? Знать русский язык, даже превосходно, — очень мало для настоящего разведчика».

Карл Герлиц никогда не относился с доверием к прошедшим краткий курс обучения сынкам русских белогвардейцев. Что они могут, на что способны? Научились к месту и не к месту произносить слово «товарищ», запомнили знаки различия командиров да немного подрывное дело освоили. А конспирация, а искусство заметать следы, а, наконец, умение найти в стане врага крышу, под которой обосноваться?.. На это способен только он, Карл Герлиц, и все те, кто закончил шпионскую школу «Орденсбург Крессинзее». Правда, немного уцелело аспирантов, обучавшихся в этой образцовой школе «восточного направления». Да и было бы неразумным всех их посылать на такие мелкие задания.

Впрочем, не такое уж мелкое дело, на которое идет штабной офицер армейской разведки со своей небольшой группой. Шутка ли: перед самым наступлением армии генерала фон Буша оставить без боеприпасов дивизию русских, на участке обороны которой намечен прорыв! Обер-лейтенант Герлиц хорошо это понимает. Понимает и то, что многое может сделать подчиненный ему, опытному разведчику, отряд агентов. Быстрее бы

только встретиться с лейтенантом Финке. Жаль, что не очень он проявил себя в последней операции.

При воспоминании о Финке в груди Герлица шевельнулось приятное чувство. Они старые друзья, однокашники, как говорят русские. Вместе учились в окружной школе Адольфа Гитлера в Брауншвайде, куда попали с первым же набором в 1934 году. Потом несколько лет провели дома, в родном городишке Хенау, где под строгим тайным контролем и наблюдением проходили курс «практического обучения жизни».

«Практическое обучение жизни», — думает Герлиц и ухмыляется. Он покосился на небольшое квадратное окошко кабины, за которым невидимо проносилась густая темень ночи, прислушался к размеренному шуму моторов самолета и погрузился в воспоминания.

Тогда они были совсем юные. Что это были за годы! Ночные шествия с горящими факелами по улицам, лихие, чеканные, как ступеньки лестницы, песни, праздничные парады в коричневой форме. Карл Герлиц и Ганс Финке делали все, чтобы оказаться пригодными для «специальной работы», чтобы попасть наконец в «академию» шпионов, дающую право на жизнь, полную невероятнейших приключений. Но отбирались в эту «академию» далеко не все, кто окончил окружную школу Адольфа Гитлера и кто прошел курс «практического обучения жизни». Нужно было проявить себя способным к агентурной работе. И Герлиц с Финке проявили эту способность.

Надрывно гудят моторы «юнкерса». Обер-лейтенант Герлиц ежится от прохлады, подносит к глазам руку, смотрит на светящийся циферблат часов, а потом снова погружается в воспоминания...

Школа «восточного направления» в Фалькенбурге. Она отличается от школ в Фогельзанге, Зонтхофене и Химзе только тем, что готовит шпионов, которым предстоит работать в СССР и в некоторых других странах на востоке от Германии.

Карл вспоминает, как шли они по железнодорожной ветке от станции Фалькенбург, шли вслед за человеком в темном плаще и темных очках, пока не уткнулись в глухую высокую стену. Карл и Ганс с трепетом прочитали на стене крупную надпись: «Проникновение за ограду без пропуска карается смертью». И вот они за оградой, где на огромной площади раскинулись одноэтажные серые здания. В тот же день они предстали пе-

ред начальником школы, старым нацистом Годесом. Потом в подвальном этаже одного из корпусов принимали специальную присягу. У Карла Герлица дрожал тогда голос и по спине бегали мурашки. Ему было очень страшно. Он понимал, что переступает такой порог, из-за которого нет возврата. И будущее уже не казалось Карлу таким заманчивым...

Началась учеба. Это, пожалуй, были самые трудные годы в его жизни. Наверное, так чувствуют себя животные, которых непрерывно дрессируют для выступления в цирке. К концу дня усталость валила с ног, и всегда чертовски хотелось есть, хотя кормили в школе неплохо. С рассвета дотемна проводились занятия. Вся их рота обучалась русскому языку. И уже под конец первого года пребывания «аспирантов» в школе занятия по изучению экономики, армии, законодательства, внутренней и внешней политики СССР проводились на русском языке. В учебных классах слышалась немецкая речь только тогда, когда осваивались формы, виды и методы ведения агентурной разведки, методы диверсий, дезинформации и другие специальные предметы.

Карл Герлиц проявил большие способности в умении держать себя, в искусстве грима и быстрого переодевания. Однажды на спортивных занятиях брошенная кем-то из «аспирантов» ручная граната, скользнув по земле, задела ступню ноги Герлица. Карл, до этого с тоской думавший о завтрашнем дальнем марше на выносливость, вмиг оценил выгодность своего положения. Он упал. Подбежавшим товарищам не дал и притронуться к ноге. А когда подоспевший врач снимал с него ботинок, на лице Карла было написано такое неподдельное мучение, что тот с уверенностью решил: треснула кость. Однако осмотр не подтверждал такого диагноза. Был заметен только легкий ушиб ступни, а пострадавший тем не менее испытывал адскую боль. И лишь на второй день рентген установил, что ступня цела. Но рота уже находилась на марше...

Открылась дверца кабины пилотов. Обер-лейтенант Герлиц отмахнулся от воспоминаний.

— Пора? — спросил он летчика, высунувшего в дверцу голову.

— Через две минуты, — ответил тот.

Карл Герлиц поднялся со своего места и сделал шаг к дремавшему капитану Маргеру. Маргер тотчас же поднял бледное лицо с впалыми щеками, и по его глазам

Герлиц догадался, что капитан не спал. Зашевелились и остальные разведчики. Они зевали, потягивались, точно сейчас им предстоит прыгнуть не в черную пропасть, а сесть за стол.

Но Герлиц уловил их притворство, хитрость, за которыми скрывался страх — животный, неодолимый. Этот страх все они, даже капитан Маргер, испытывали с той минуты, когда сели в самолет, и, чтобы не выдать его ни взглядом своим, ни бледностью лица, ни нервным движением руки, притворились спящими. Герлиц знал, что их пугал не прыжок с парашютом — это дело привычное. У каждого из них за спиной десятки тренировочных прыжков. Боялись разведчики другого — неизвестности, которая ждет их впереди, боялись опасностей, которые таит в себе встреча с русскими солдатами.

А он, Карл Герлиц, как раз боялся больше первого — самого прыжка. «А вдруг не раскроется парашют? — холодила душу мысль. — Вдруг русские заметят его в момент приземления?..»

Герлиц горько усмехнулся своим мыслям и упрекнул себя:

«Тебя, старина, страшит опасность, которая ближе. Потом новой будешь бояться...»

Обер-лейтенант пожал протянутую капитаном Маргером руку и сказал:

— Значит, условие прежнее: действуем порознь, но поддерживаем радиосвязь. Если же с Финке мне встретиться не удастся, тогда базируемся вместе...

Через минуту четыре полусогнувшиеся человеческие фигуры одна за другой нырнули в открытую дверь кабины.

На борту самолета, кроме экипажа, остался обер-лейтенант Карл Герлиц. Он должен выброситься у большой излучины реки через четыре минуты.

Нервный озноб охватил тело Карла. Никак нельзя отделаться от этой противной дрожи, от тревоги, которая давит на сердце каждый раз, как только вырисовывается впереди опасность.

Герлиц уселся на свое место, закинул ногу на ногу и внимательно уже в который раз осмотрел свои ботинки, специально подготовленные для такого случая. Герлица обеспокоила радиограмма Финке о русских следопытах. О них Герлиц никогда раньше не слышал. И эти ботинки, если его, Герлица, заметят во время приземления, нужных следопытам следов не оставят. Точно та-

кие же ботинки на ногах Маргера и его разведчиков. Ботинки, конечно, придется выбросить сразу же после того, как будут спрятаны парашюты и останется далеко позади место приземления.

Герлиц припал лицом к холодному окошку. Сквозь прозрачный целлулоид заметил, что внизу тускло сверкнула река, и подошел к двери. В эту минуту он себя ненавидел. Давящее чувство страха холодило тело, сковывало движения. О, если бы на борту самолета находились его коллеги! Карл Герлиц с гордостью прошелся бы перед ними, прежде чем прыгнуть в эту гнетущую неизвестность. Он готов на самый невероятный подвиг, но только перед лицом людей, которые могут этот подвиг оценить. Честолюбие помогает побороть любой страх. Но сейчас он — один на один с собой. А себя не обманешь...

Опять открылась дверца кабины пилотов. Герлиц приободрился. Подошедший летчик пожал ему руку и подтолкнул к распахнутой двери. Карл гордо шагнул в черную пустоту.

НА РАССВЕТЕ

Погожие дни стояли в приильменских лесах. Конец апреля выдался здесь теплый и безоблачный. Солнце и мягкий ветерок быстро сушили раскисшую во время весенней распутицы землю. Все вокруг покрылось молодой, яркой зеленью. Нет такой полянки, где бы к небу не тянулась нежная поросль травы, бурьяна, где бы не вспыхивали синими, желтыми, красными огоньками ранние лесные цветы. Солнечные лучи пробиваются в самые тайные уголки глухомани и пробуждают там жизнь.

Хорошо вокруг днем. Легко дышится, можно снять надоевшую за зиму шинель или фуфайку, можно сбить на затылок шапку-ушанку и ругнуть начальство, что медлит с распоряжением о выдаче солдатам пилоток. Однако ночью солдаты забывают о том, что днем тяжелы были им шинель и шапка. Влажная свежесть заставляет ежиться, потуже затягивать поясной ремень. Кажется, и не было теплого дня, горячего солнца.

Особенно достается саперным командам, которые дежурят на переправах. Давно кончился ледоход на Ловати и Поле, но вода в реках продолжает прибывать, нести с собой лес, приготовленный для сплава еще до войны, угрожая временным фронтовым мостам. Круг-

лые сутки наблюдают солдаты за уровнем воды и затем, чтобы плывущие по реке бревна не создавали затора.

В эту ночь, в предрассветные часы, когда особенно одолевает сон, на переправе дежурил рядовой Евгений Фомушкин — солдат из отделения плотников сержанта Рубайдуба. Невысокого роста, стройный и тонкий, Фомушкин ходил вдоль перил с карабином в руках и поеживался. Нерадостные мысли бродили в его горячей голове. Сетовал Фомушкин на свою военную судьбу, сделавшую его, прирожденного разведчика, сапером, да еще таким сапером, которого посылают на мостовые работы только в тылу. Трудное дело махать топором, когда душа, сердце рвутся туда, где время от времени погромыхивает артиллерия, где идут настоящие бои, где совершаются героические подвиги.

Евгений Фомушкин — еще совсем молодой солдат. Прошло лишь две недели, как он с маршевой ротой прибыл из запасного полка на фронт в приильменские леса. Но две недели фронтовой жизни казались Евгению не коротким сроком. Тем более огорчался он, что за этот срок ничего еще значительного не сделал и даже не видел живого фашиста.

Евгению, или просто Жене, как звали его товарищи, недавно исполнилось семнадцать лет. На фронт пошел он добровольно. Впрочем, «добровольно» — не то слово. Ему выпало испытать много трудностей, обойти немало препятствий, прежде чем стать добровольцем. Короче говоря, помогло упорство.

Два дня ходил он по пятам за секретарем райкома комсомола Галиной Зайцевой и надоел ей так, что она самолично побывала у райвоенкома и доказала ему, что без комсомольца Евгения Фомушкина, эвакуированного в этот уральский городок из Севастополя, на фронте ни за что не обойтись.

Потом у Жени состоялся неприятный разговор с райвоенкомом, пожилым сердитым майором с седыми усиками. Майор не очень вежливо выставил Женю из кабинета и приказал не надоедать ему, а ждать повестки.

Но ждать у Жени не было никаких сил. В ночное время — в третью смену — работал он на мебельной фабрике, которая изготовляла повозки для армии, а в остальное — дежурил у военкомата или курсировал под окнами квартиры военкома. И добился своего: его направили в запасной полк. А там, на беду Жени, узнав, что он хороший плотник, сделали из него сапера, хотя

(Женя был в этом твердо убежден) он прирожденный разведчик.

И вот теперь Евгений Фомушкин караулит переправу. Скучное дело: ходи по мосту и наблюдай за водой, да и по сторонам смотри. А тут еще прохлада донимает — вода совсем рядом плещется о мостовые сваи, и такой сыростью тянет от нее, что все тело корчит, как бересту на огне.

Фомушкин нетерпеливо поглядывает на восток. Небо светлеет там медленно, и на его фоне гребенка недалекого леса вырисовывается еле-еле. Но все же время идет, и Женя с радостью думает, что через десять-двадцать минут на пост заступит новый часовой, а он заберется в землянку и у пылающей железной печурки крепко уснет.

В темных облаках прогудел немецкий транспортник. Фомушкин не обратил на него особенного внимания: мало ли самолетов бороздят ночное небо? Евгений прошелся по мосту, похлопал озябшими руками по перилам, прислушался к их бодрому звону и еще раз оглянулся на светлеющее небо.

В этот миг он увидел, как по ту сторону реки что-то серое медленно спускалось на землю.

Фомушкин бросился к землянке, где отдыхали товарищи:

— Вставайте, фашисты парашютиста сбросили!..

Саперы, протирая заспанные глаза, торопливо выскакивали из землянки, захватив с собой оружие.

— Где парашютисты? Сколько их?..

Но на фоне темной стены леса уже ничего не было видно.

— Совсем недалеко! — доказывал Фомушкин. — По правую сторону дороги. Одного заметил...

Сержант Рубайдуб окинул взглядом свое немногочисленное «войско», выстроившееся у входа на мост.

Кроме Фомушкина, это были пожилые солдаты — колхозные плотники и столяры, ставшие теперь строителями военных мостов.

— Кириллов, Поцапай, Крупенев, охраняйте мост, — приказал Рубайдуб. — Остальные — за мной!

Саперы побежали на поиски парашютистов. Под их ногами загудел настил моста.

Вернулись, когда уже совсем рассвело, усталые, злые. Никого не нашли. Но Евгений Фомушкин твердил свое:

— Собственными глазами видел...

— Это тебе с перепугу показалось! Померещилось, бывает, — кольнул Фомушкина солдат Поцапай.

Молодое, остроносое лицо Евгения потемнело от обиды. В серых глазах сверкнули упрямые огоньки. Он обратился к Рубайдубу, который сидел у землянки на кучке дров и щепкой соскребал с сапог грязь:

— Товарищ сержант, разрешите мне еще поискать.

— Иди... Только к завтраку чтоб вернулся.

Фомушкин возвратился, когда над лесом всплыло солнце. Ни на кого даже глаз не поднял: поиски парашютиста ни к чему не привели. Сержант Рубайдуб подсунул ему котелок с уже застывшей пшенной кашей — «блондинкой», как ее звали солдаты, и пошел на мост, где саперы длинными баграми расталкивали в воде скопившиеся бревна.

Евгений посидел над котелком с кашей, поглядел в землю, потом решительно поднялся и пошел к командиру отделения:

— Товарищ сержант, позвольте еще сходить... Видел же я его!..

Фомушкин, чуть наклонившись вперед, стремительно шел по мосту к другому берегу, а сержант Рубайдуб глядел ему вслед задумчивыми глазами и одобрительно качал головой:

— Кремешок, а не хлопец...

На этот раз Фомушкин вернулся быстро — возбужденный, торжествующий. На его плечах саперы увидели скомканное белое полотно парашюта.

— Женя! Нашел?!

— В старом блиндаже, — взволнованно сообщил Фомушкин.

Сержант Рубайдуб торопливо побежал в землянку к телефону.

ОТЕЦ И СЫН

Лука Сильвестрович Кедров побывал у артиллеристов и саперов, выступал перед ними с речью, передавал фронтовикам наказ колхозников — нещадно бить фашистских оккупантов. Хозяйский глаз старого Луки примечал все: добротную одежду на солдатах и офицерах, сколько черпаков супа или каши достается в солдатские котелки, какую порцию махорки отмеряет старшина каждому курящему.

Ночь захватила его на пути в штаб дивизии. Лука Сильвестрович ехал верхом на молодой, маленькой гнедой кобылке. Его сопровождали инструктор политотдела батальонный комиссар Артемьев и начальник клуба политрук Подгрушенский. Из троих всадников только передний, Артемьев, умел сидеть в седле. Он, в перехваченной ремнями шинели, широкоплечий, широкогрудый, походил на заправского кавалериста. Высокая рыжая лошадь шла под ним спокойно, чувствуя, что узда находится в твердых руках.

Кобылка Луки Сильвестровича чувствовала неуверенную руку своего седока. Она косилась по сторонам, на обступавший дорогу лес, прядала ушами и шаловливо разбрызгивала передними копытами грязь.

Луке Сильвестровичу было не по себе. Ему не приходилось ездить в седле, и фронтовой конь казался необузданным зверем. Собственно, он больше надеялся на благоразумие кобылы, а не на свое умение сидеть в военном седле. Но та не очень почтительно относилась к седоку. Она резво перемахивала через лужи и рытвины, высоко вскидывала при этом задом, все время пытаясь перейти на рысь. Лука Сильвестрович неуверенно опирался о стремена, что было сил сжимал колени, обхватывая ими кобылку, и цепко держался руками за седло. Ему казалось, что вот-вот он потеряет равновесие и седло скользнет под брюхо коня.

Политрук Подгрушенский ехал в хвосте этой небольшой кавалькады. Он, как и старый Кедров, мучительно переносил езду. Сугубо гражданский человек, недавно призванный в армию, Подгрушенский всем своим видом свидетельствовал о неприспособленности к военной службе. Об этом говорили его большие очки, плотно сидевшие на мясистом носу, вздувшаяся пузырем на спине шинель, сбившееся на бок снаряжение.

Батальонный комиссар Артемьев чуть пришпорил коня. Кобылка Луки Сильвестровича тоже перешла на рысь, и он, бросив узду, согнулся еще больше и двумя руками судорожно впился в гриву. Он терпеливо и молча переносил это испытание.

Подгрушенский взмолился:

— Потише, товарищ комиссар! Сейчас же выпаду в грязь...

— А ты за луку держись, — посоветовал Артемьев.

Старик Кедров опасливо покосился на Подгрушенского и, желая оказаться подальше от него, чуть при-

шпорил кобылу каблуками сапог. Она тотчас же перешла в галоп и оказалась впереди Артемьева. Артемьев понимал, что дело старика плохо, решил догнать его и остановить ретивую кобылу.

Что было дальше, Лука Сильвестрович толком не помнит. Он высвободил ноги из стремян и, изогнув их калачиком, сколько было сил прижал к бокам кобылы, невольно пришпоривая ее. А кобылица еще энергичнее прибавляла ходу, не желая, чтобы конь Артемьева обогнал ее.

Начальник клуба Подгрушенский капитулировал первым. Как только его высокая упитанная лошадь тоже ринулась вскачь вслед за передними, он не сумел сдержать ее и самоотверженно выбросился из седла на раскисшую дорогу.

Но вот Артемьеву удалось поравняться с кобылкой Луки Сильвестровича, ухватить ее под уздцы и остановить. Старый Кедров тут же решительно слез на землю и молча зашагал по обочине дороги. Никакие уговоры Артемьева снова сесть в седло не поколебали его.

Когда они приблизились к шлагбауму, перекрывавшему дорогу у землянок штаба дивизии, навстречу Луке Сильвестровичу бросился солдат.

— Митяй! Митюшка! — обрадованно воскликнул старик, узнав сына. — Наконец-то...

Разговорчивый до этого, Дмитрий Кедрин не нашел нужным рассказать отцу, как попал он в руки фашистских разведчиков, как следопыты сержанта Платонова освободили его в ту самую минуту, когда гитлеровец Ганс Финке собирался прикончить Дмитрия и удрать вместе со своими двумя спутниками через ручей Чимишмуха.

На второй день, утром, проводив отца, Дмитрий Кедров возвращался в свою роту. Он проходил по знакомой тропинке над ручьем, настороженно прислушивался к дыханию фронта, к лесным шорохам и держал наготове свой карабин.

Совсем недалеко от переднего края, где сквозь кусты чернотала виднелись брустверы наших траншей, Дмитрий столкнулся с пулеметчиком Новоселовым.

— Кедров, ты?!

— Видишь, чего ж спрашиваешь?

— Вижу. Только у нас слух прошел, что ты пропал куда-то.

— Мало ли слухов ходит. Посторонись! — сказал Кедров и зашагал дальше.

Он совсем не хотел вступать в разговор, окончательно утвердившись в мнении, что излишняя болтливость не украшает солдата.

ЧЕЛОВЕК С КОПЫТАМИ

Генерал Чернядьев сидит за столом и молча рассматривает развернутую карту. Сквозь небольшие оконца в землянку струится свет, но дневного света мало, и поэтому над столом горит маленькая электрическая лампочка.

Чернядьев морщит свой высокий открытый лоб и еще раз пробегает глазами листы бумаги.

На них записаны показания трех пойманных вчера вечером немецких лазутчиков, которые захватили было в плен солдата Кедрова. Особенно интересны показания лейтенанта Ганса Финке — кадрового агентурного разведчика. Его вместе с несколькими другими выпускниками Фалькенбургской шпионской школы «восточного направления» прислали в 16-ю немецкую армию генерала фон Буша. Здесь обученные шпионы должны были на практике познакомиться с советскими войсками и подготовить себя для агентурной работы в Красной Армии. Буш воспользовался пребыванием в своей армии тайного «войска», придал ему полтора десятка разведчиков, прошедших ускоренные курсы, и приказал пока заниматься войсковой разведкой, диверсиями и в ходе этого готовиться к агентурной работе.

На расстеленной карте среди зеленых лесных массивов в синем карандашном кружке зажат хутор Борок. Чернядьев остановил на нем свой взгляд и задумался. В Борке, по показаниям пленных, размещается вся группа фашистских разведчиков. Хорошо бы разгромить это змеиное гнездо, прежде чем его обитатели успеют расползтись.

Но и другое беспокоит генерала Чернядьева. Раз враг так активизировал свою разведку, значит, готовится к какой-то серьезной операции. Нужно быть начеку. Об этом напомнил Чернядьеву сегодня по телефону и командующий армией.

При воспоминании о разговоре с командующим генерал морщит лицо. Действительно, неприятная история. После допроса в штабе дивизии пленных сегодня

утром отправили на машине в штаб армии. По дороге лейтенант Ганс Финке пытался бежать и получил пулю в правую ногу. Пришлось завезти его в медсанбат и оставить там; ранение серьезное: раздроблена кость. А Финке — самый ценный «язык». Он многое мог бы рассказать в штабе армии. Вот и недоволен командующий, что не усмотрели за пленным.

Размышления генерала Чернядьева прервал начальник дивизионной разведки майор Андреев. Он протиснулся в узкую дверь землянки, низко наклоняя голову. Комдив окинул худощавую, чрезмерно высокую фигуру Андреева и не удержался, чтобы не бросить излюбленной шутки:

— Все растешь, товарищ разведчик? На месте командиров полков я тебя на свой передний край не пускал бы: демаскируешь.

Лицо начальника разведки было озабоченным, и на шутку генерала он ответил только короткой улыбкой. Тут же доложил:

— Сегодня на рассвете сброшен парашютист.

Развернув свою карту, майор ткнул в нее пальцем:

— Вот здесь его заметили, и здесь же найден парашют.

— Что вы предприняли? — спросил генерал.

— На всех объектах приказано усилить караулы. На контрольно-пропускных пунктах проверяют каждого человека, а в сторону от них выставлены секреты. Усилена радиоразведка с использованием кода, изъятого у пойманных вчера лазутчиков.

— Все?

— Нет. Хочу сейчас же послать разведчиков-следопытов к месту, где найден парашют.

— Но Платонов на передовом наблюдательном пункте. Оттуда днем не выбраться — подстрелят. Кроме того, пусть Платонов продолжает готовиться к походу за линию фронта. Борок нужно разгромить.

— Я возьму разведчика Шевченко. Он тоже напрактиковался следы читать. Также считаю целесообразным перевести отделение следопытов из полковой разведки в дивизионную. Здесь их можно лучше использовать.

— Согласен, действуйте, — коротко сказал генерал. — И еще одно: этот Финке утверждал, что заброска новых групп разведчиков-диверсантов в наш тыл намечалась гитлеровцами после его возвращения в Борок. Значит, обманул?

— Выходит, так.

— Еще раз допросите его, пока он у нас. Выясните, на какой срок пригодна кодированная карта лейтенанта Финке.

Чернядьев поднял на Андреева глаза, и его сухощавое лицо расплылось в хитрой улыбке.

— Понимаете, как можно одурачить их? — спросил генерал. — Не догадываетесь? Код в наших руках, и если кодированная карта не устарела, связаться по радиопередатчику Финке с этим парашютистом и назначить ему «свидание».

— Я думал над этим, — ответил Андреев. — Но как знать, имеет ли этот парашютист отношение к Финке, есть ли у него передатчик? И наконец, вряд ли рискнет он пользоваться тем же кодом.

— Словом, допросите Финке еще раз, — заключил разговор командир дивизии.

Через час после того, как Евгений Фомушкин нашел в старом блиндаже парашют, к переправе, где дежурило отделение саперов сержанта Рубайдуба, приехал командир взвода из подразделения дивизионной разведки лейтенант Сухов. Это малоразговорчивый, высокий, плечистый человек, не вызывающий с первого взгляда к себе симпатии.

Он только что получил приказание принять в свой взвод отделение сержанта Платонова. И не успел познакомиться со следопытами, как пришлось идти на это необыкновенное задание. Лейтенант взял с собой рядового Игната Шевченко.

Убедившись из рассказа Фомушкина, что сброшен только один парашютист, Сухов приказал:

— Вот вы с нами и пойдете, укажете, где парашют найден. Остальные не нужны, — хотя все саперы сгорали от нетерпения броситься на поиски парашютиста.

Прежде чем отправляться к старому блиндажу, Игнат Шевченко попросил саперов сделать на сырой земле четкие отпечатки своей обуви.

— Чтобы не спутать следы парашютиста с вашими, — пояснил он и принялся сосредоточенно рассматривать отпечатки.

Игнат явно важничал. Как-никак он здесь самый главный следопыт. И хотя даже для неопытного в следопытстве Фомушкина было ясно, что следы саперов

очень легко отличить от всех других следов (отделение Рубайдуба только на прошлой неделе получило новые сапоги), Шевченко продолжал колдовать над следами.

Наконец лейтенант Сухов заметил рисовку Игната и, погасив улыбку, сказал:

— А ну, профессор, хватит! Шагом марш на мост!

Игнату не по душе пришелся такой тон. Но ничего не поделаешь: командир приказывает. Для пущей важности он посмотрел еще отпечатки сапог лейтенанта и вдруг заторопился:

— Теперь все. Пусть фашист попробует уйти.

Но поспешил Игнат хвалиться. Сколько ни искали они следов у блиндажа, в котором был обнаружен парашют, — никаких результатов. Вокруг виднелись только знакомые отпечатки, оставленные ногами саперов, да еще видно было, что через поле прошла мимо блиндажа корова.

Первым усомнился в коровьих следах Фомушкин:

— Откуда могла взяться здесь корова? Может, на мясо кто погнал?.. Но почему не дорогой?

Шевченко наклонился над следами коровьих копыт, подумал и вдруг заволновался:

— Точно! Это его следы...

— Парашютиста? — удивился Сухов.

— Да! Корова-то на двух ногах не ходит? А здесь видно, что шаг не сдвоен, как это бывает у четвероногих. Старый прием...

И еще такую деталь заметил Игнат: задняя часть отпечатка копыта была глубже передней, значит, копыто ступало задом наперед...

Шевченко торопливо пошел по следу копыт. От него не отставали лейтенант Сухов и Евгений Фомушкин.

Отпечатки привели в раскинувшийся на продолговатой, чуть заметной возвышенности лес. Разведчики окунулись в густую тень. Лес жил бурной утренней жизнью: на разные лады щелкала где-то варакушка; словно прерывистая струйка воды, звенела песня крапивника; соревновались клест и чиж; оглашая лес громкими, полными трелями, пересвистывались щур с иволгой. Веселый гомон птиц сливался в непередаваемую музыку — мирную и убаюкивающую. Но разведчикам было не до лесной музыки. Здесь земля густо покрыта опавшей хвоей, и трудно разобраться, куда вели следы.

Игнат Шевченко напряженно смотрел вперед, ста-

раясь издали заметить сбитую прошлогоднюю траву, потревоженные иглы хвои, густо устилавшие землю, надломленные на деревьях ветки, сдвинутый с места и раздавленный валежник. Так удавалось ему держаться за след, угадывать, куда пошел фашистский лазутчик.

Они шли километра два, пока путь их не перерезала глухая лесная дорога. На обнаженной полосе песчаного грунта виднелись колеи, оставленные колесами редко проходивших автомашин и повозок. Шевченко внимательно осмотрел дорогу, но следа коровьих копыт на ней не обнаружил.

— Куда они запропастились? — растерянно разводил руками Игнат.

— След исчезнуть не может, — упрямо напомнил Фомушкин и, уловив на себе одобрительный взгляд лейтенанта Сухова, добавил: — Не улетел же фашист.

Шевченко вспомнил, как учил его поступать в таком случае сержант Платонов: «Нужно обозначить место, где оборвался последний след». Так и сделал: рядом с еле заметным отпечатком копыта положил ветку и метр за метром начал осматривать землю, описывая вокруг ветки круги. Ему помогали Сухов и Фомушкин.

Наконец Игнат заметил отпечаток подошвы обыкновенного солдатского сапога русского покроя. След вел от глубокой воронки к дороге.

— Здесь фашист переобувался, — уверенно сказал Шевченко, разглядывая примятую траву, продолговатые лунки, выдавленные каблуками в пологих стенках воронки.

Евгений Фомушкин проворно соскользнул к залитому водой дну. Засучив рукав, ощупал дно и вытащил затопленные ботинки.

Теперь все окончательно убедились, что след, по которому они шли, действительно принадлежит человеку. Лейтенант Сухов и Фомушкин с любопытством осматривали ботинки, на подошве которых была приспособлена особая подбойка в форме коровьего копыта, обращенного передней частью назад.

От воронки следы повели разведчиков к дороге. Они были расположены друг от друга дальше обычного. И это значило, что оставивший их человек бежал.

— Спешил почему-то, — заключил Шевченко.

Но на дороге след исчез. Шевченко снова начал осматривать каждую вмятину в песке.

— Сел на попутную машину, — сказал наконец Иг-

нат, показывая лейтенанту глубокий оттиск носка, сделанный фашистом в тот момент, когда он перенес всю тяжесть своего тела на одну ногу, а вторую занес на колесо грузовика. — Поэтому и бежал — спешил перехватить машину.

— Но как мы теперь узнаем, в какую сторону поехала машина? — недоумевал Фомушкин.

— Сейчас выясним, — деловито ответил Шевченко, на ходу осматривая промежуток между колеями, оставленными колесами грузовика. Пройдя метров сто, Шевченко остановился.

— У этого ЗИСа картер протекает, — сказал он. — Видно по следам масла на дороге.

Игнату, как и всем следопытам отделения Платонова, было известно, что, если у машины течет масло из картера или вода из радиатора, они оставляют на земле следы в виде продолговатых брызг, обращенных своим острием в сторону движения.

— Признак ясный — машина поехала в сторону фронта, — пояснил Игнат.

Следопыты быстрым шагом пошли вперед.

Фомушкин хмурил свои белесые с золотинкой брови, глядел в землю и над чем-то сосредоточенно размышлял. Наконец он спросил:

— Ну, а если бы картер машины не протекал?..

— Тогда другим бы способом узнали, куда уехал грузовик, — уверенно ответил Шевченко и с чувством собственного достоинства оглядел молодого сапера. — Смотри: вот свежая колея, оставленная колесами повозки. По отпечаткам подков лошади видно, что повозка шла к фронту. А вот здесь машина обгоняла повозку. Известно, что машины обгоняют только с левой стороны. Значит, и этот признак говорит о том, куда уехал ЗИС.

— Почему вы утверждаете, что здесь прошел именно ЗИС? — спросил лейтенант Сухов.

— Конечно, ЗИС-5! — воскликнул Шевченко, удивляясь, что лейтенанту-разведчику неизвестны такие простые вещи. — И нагружен этот ЗИС крепко. Смотрите, какой широкий след оставили колеса. А это истина: чем больше груз, тем шире расплющиваются скаты — шире колея. На одном скате — заплатка. По ее следу в колее видно, что здесь прошел ЗИС.

— Непонятно, — заметил Фомушкин.

— Очень даже понятно! Расстояние от отпечатка

к отпечатку заплаты равно окружности колеса. А разведчик должен знать длину окружности колес автомобилей разных марок.

Евгений Фомушкин даже свистнул от удивления.

— Вот бы мне научиться так! — со вздохом проговорил он.

— А чего, просись у лейтенанта. Ты парень подходящий, для разведки подойдешь, — высказал свое мнение Шевченко.

— Правда? — голос Фомушкина дрогнул. Он умоляюще посмотрел в хмурое лицо лейтенанта Сухова: — Товарищ лейтенант... Я же специально на фронт шел для того, чтобы разведчиком стать...

— Потом. Сейчас не до этого, — недовольно ответил Сухов.

Колея ЗИСа привела на огневые позиции артиллеристов. На небольшой поляне справа от дороги разведчики увидели машину. Четверо солдат снимали с нее последние ящики со снарядами и уносили их в глубину леса.

Подошли к шоферу — невысокому солдату в зеленом замасленном комбинезоне. Он стоял у раскрытого капота и о чем-то думал.

— Кого вы подвозили с этим рейсом? — спросил у шофера лейтенант Сухов.

— Мало ли голосующих на дороге, — ответил шофер. — Последним подвозил какого-то старшину. Не доехав до перекрестка, он соскочил. А что такое?

— Нужен нам этот старшина. Какой он из себя?

Шофер недоуменно пожал плечами и ответил:

— Обыкновенный. Заметил только, что повыше меня будет, да вещмешок за спиной.

От огневых позиций до перекрестка лесных дорог — с километр. Мимо проезжала грузовая машина, и лейтенант Сухов энергичным взмахом руки приказал шоферу затормозить. Быстро вскочил в пустой кузов, и машина понеслась.

Издали увидели на перекрестке человека. Уверенно расставив ноги, он смотрел на машину, дожидаясь, пока она приблизится. Потом поднял руку.

Шофер остановил машину, и разведчики соскочили на землю. Человек (в петлицах его шинели — по два красных прямоугольника) подошел к кабине и попросил шофера:

— Подвези-ка, дружок!

Шофер измерил майора недовольным взглядом, прибрал с сиденья вещмешок с сухим пайком и, открыв дверцу кабины, хриплым голосом ответил:

— Садитесь.

— Товарищ майор, минуточку, — обратился лейтенант Сухов. — Вы случайно не встречали здесь высокого старшину с вещевым мешком за спиной?

Майор широко открытыми глазами посмотрел в лицо лейтенанта, подумал и ответил:

— Нет, не встречал.

Машина поехала дальше, а Сухов, Шевченко и Фомушкин пришли к тому месту, где, по словам шофера, привезшего снаряды, соскочил старшина.

Игнат без труда отыскал знакомый след. Он вел в глубь леса.

Опять пошли по следу. Снова приглядывались, где среди густого подлеска сдвинута прошлогодняя листва, рыжие иглы опавшей хвои, где раздавлен ногами сушняк.

Пробирались вперед осторожно, держа наготове оружие. Неумелый шаг, лишнее движение могли выдать присутствие следопытов. Игнат Шевченко напряженно всматривался в лесную чащу, прислушивался, старался издали увидеть, где обрывались следы. Затем крадущейся походкой пробирался дальше и снова смотрел вперед.

Сухов и Фомушкин шли так же осторожно, шагах в десяти сзади, готовые в любой миг пустить в ход оружие.

Наконец дошли до такого места, где след исчез. Как ни смотрели разведчики себе под ноги, нигде ни намека на то, что здесь прошел человек. Возвратились чуть назад, к тому месту, где был замечен на голом клочке земли четкий отпечаток сапога «старшины».

Фомушкин, шедший несколько в стороне, вдруг увидел точно такой же отпечаток под кустом орешника, потом второй. Только носки этих отпечатков были направлены в противоположную сторону — к дороге.

Шевченко осмотрел следы, прошелся немного вдоль них и с недоумением развел руками:

— Вернулся назад. Что это значит?

— Нужно выяснить, зачем этот парашютист приходил сюда, — сказал лейтенант Сухов.

Следопыты начали осматривать каждый куст, каждое дерево. Сухов первым обратил внимание, что со ствола одной приметной сосны осыпалась старая кора.

Земля под сосной была вытоптана. И тут же острый глаз Фомушкина разглядел среди ветвей какой-то сверток.

— Снять, только осторожно, — приказал лейтенант.

Через минуту сверток был на земле. Это оказалась обыкновенная солдатская плащ-палатка, в которой завернут вещмешок. А в вещмешке — портативный радиопередатчик, консервы, галеты, шоколад, ракетница, ракеты, батарейки к электрическому фонарю и всякая другая мелочь.

Среди этой мелочи увидели две пары петлиц — одна с шинели, другая с гимнастерки. На петлицах — по четыре треугольника. Они говорили о том, что носивший их имел звание старшины.

— Только что спороты, — заключил Сухов. — И боюсь, что майор, которого мы встретили на перекрестке...

Сухов не договорил. Его перебил Шевченко:

— Наверняка это он! Не зря так глазами сверкнул, когда про старшину у него спросили...

— Дурака сваляли, а не спросили! — зло проговорил Сухов. — А ну бегом к дороге! Нужно посмотреть следы майора.

— Может, засаду устроить? — предложил Шевченко.

— Так он и вернется сюда. Видел же, что мы на след напали, — ответил лейтенант.

— А если то был не он?..

— Сейчас проверим.

Вскоре разведчики были на перекрестке, у того места, где майор садился в машину.

— Эх, тогда бы посмотреть на эти следы! — сокрушался Шевченко. — В руках держали «майора» и упустили...

На столе перед генералом Чернядьевым — листы бумаги с дополнительными показаниями раненого лейтенанта Ганса Финке. Финке утверждает, что, кроме его группы, которая схвачена, никого из немецких разведчиков в расположении наших войск нет и до его возвращения в Борок быть не должно. Финке уточняет: он не отвечает за войсковых разведчиков. Штаб любого немецкого полка, любой дивизии может забросить их самостоятельно.

«Верить ли словам этого матерого фашиста? — думает генерал Чернядьев и морщит свой высокий лоб. —

Как узнать — одного ли поля ягода с ним этот «майор», которого выследила и упустила группа лейтенанта Сухова? Жалко, что «майор» оставил в лесу передатчик. Теперь радиоразведка ничего не даст...»

Было над чем задуматься генералу. След «майора» безнадежно затерялся на фронтовых дорогах. Никакие меры — прочесывание леса, выставление дополнительных контрольно-пропускных пунктов — результатов не дали. Ясно одно — в наших тылах орудует враг, враг хитрый, опытный, коварный.

Чернядьев развертывает на столе карту, закрывая листы с показаниями пленного немецкого лейтенанта, и пристально смотрит в нее. Перед глазами короткая надпись: «Хут. Борок» и несколько черных квадратиков. Здесь находится база фашистских разведчиков, отсюда направляются их действия.

Генерал тянется рукой к телефонной трубке и вызывает начальника разведки майора Андреева.

— Новостей никаких?.. — спрашивает Чернядьев.

— Никаких.

— Значит, нужно ускорить намеченный удар. И бдительность, бдительность, бдительность. Особенно в тыловых подразделениях... Следопытов перевели из полка? Хорошо. Платонова вызовите ко мне.

...Иван Платонов втиснулся в узкую дверь генеральской землянки и, щурясь от яркого электрического света, доложил:

— Прибыл по вашему вызову.

Генерал внимательно посмотрел в широкое курносое лицо сержанта с острыми живыми глазами, не торопясь поднялся из-за стола, протянул ему руку.

— Как дела, следопыт?

Платонов, вытянувшись в струну, молчал.

— Что молчите?

Выдержав пристальный взгляд командира дивизии, Иван ответил:

— Обидно, товарищ генерал, что упустили «майора».

— Согласен, очень обидно. Но, думаю, дело поправимо.

— Как вас понимать, товарищ генерал?

— А понимать так: нужно рубануть под корень эту нечисть. Вы к переходу через линию фронта готовитесь?

— Не слезаю с наблюдательного пункта.

— Вот-вот. Ищите место, где можно совершенно незаметно пробраться к немцам в тыл.

Платонов приготовился выслушать задачу. Но генерал медлил и, казалось, собирался затянуть беседу. Сержант насторожился, стараясь уловить главное в разговоре. И здесь, как всегда, у Платонова сказывалась привычка разведчика — видеть и слышать все, но мысли приковывать к самому нужному. Однако сейчас все, о чем говорил генерал, казалось нужным и главным.

— Я о рейде в тыл говорю, — продолжал генерал. — Лейтенант Финке сообщил, что из Германии прибыла на наш фронт группа только что подготовленных лазутчиков. Сейчас она размещена на хуторе Борок. Ждет заброски в наш тыл, тренируется в действиях на лесисто-болотистой местности. И еще одно: немецкая разведслужба узнала о наших следопытах. Враг принимает контрмеры. Свидетельство этому — копыта непойманного гитлеровца — «майора».

Платонов слушал и внимательно смотрел в разостланную на столе карту, где среди лесных массивов был обозначен крохотный хутор Борок.

Перехватив взгляд сержанта, генерал сказал:

— Надо разгромить это гнездо.

— Разрешите готовить людей к операции? — спросил Платонов.

— Не торопитесь, выслушайте, — остановил сержанта комдив. — Одному вашему отделению с такой задачей не справиться. А большому отряду перейти линию фронта трудно. Придется пробираться к фашистам в тыл хотя бы двумя группами или в разное время. В тылу предстоит попутно решить и другую задачу. Стало известно, что на участке немецкой обороны перед нашей дивизией гитлеровцы вот-вот введут свежие силы.

Генерал имел в виду показания того же пленного фашиста. Финке рассказал, что перед заброской в наш тыл по пути на аэродром, в населенном пункте Лубково, он встретился со знакомым унтер-офицером. Тот сообщил, что в районе Лубкова до сих пор находилась в резерве часть. На этой неделе она тронется к линии фронта.

Зная, что для перехода к передовым позициям гитлеровцев потребуется не меньше трех-четырех суток, так как они могут идти только ночью, а днем будут прятаться в лесу от советской авиации, командир дивизии рассчитывал, что нашим разведчикам удастся застать

врага на дорогах, уточнить сам факт появления новых сил и примерно определить их численность.

— И если, — промолвил генерал, — вам удастся не только разгромить Борок, но и понаблюдать за дорогами или, еще лучше, привести из тыла «языка», сделаете большое дело...

Телефонный звонок, которого комдив, казалось, ждал, не дал ему завершить разговор. Чернядьев взял трубку.

— Сейчас же выезжаю, — сказал он в микрофон.

Затем повернулся к Платонову:

— Пока нашу беседу прервем. Завтра в одиннадцать приходите ко мне со своими соображениями. Значит, ближайшая ваша задача — подыскать подходящее место для перехода линии фронта.

ЗВЕРИНАЯ ТРОПА

Стояли теплые солнечные дни. Приильменские леса одевались в буйную зелень. Выветрились запахи прелой листвы и подсыхающего мха. На полянах, просеках — там, где обилие тепла и света, пестрели первоцветы.

В такое время не хочется думать о войне, о том, что завтра-послезавтра предстоит опасный рейд в тыл врага. Тем не менее думать приходится, и не только думать, но и напрягать все свое внимание, все силы, чтобы найти слабо прикрытое место в линии обороны противника.

Иван Платонов сидит на правофланговом наблюдательном пункте артиллеристов. НП устроен на высокой сосне, ничем не приметной в гуще леса, который спускается по крутому пригорку вниз к заболоченному озерку. Сквозь вершины впереди стоящих деревьев Платонов видит густое мелколесье по ту сторону озера, а за мелколесьем — широко раскинувшееся непроходимое болото; слева от болота, среди кустов, тянется немецкая траншея.

Под ногами у Ивана — дощатый настил, закрепленный на сучьях. На железном штыре, ввинченном в ствол сосны, как и на сотнях других наблюдательных пунктов, прочно сидит стереотруба. Двумя стеклянными глазами она смотрит из-за ствола над вершинами деревьев.

Платонов не отрывается от окуляров стереотрубы.

Уже третий пункт сменил в эти дни Платонов, од-

нако найти незащищенный или слабо прикрытый участок в обороне гитлеровцев пока не удавалось. Кончилась весенняя распутица, вражеские траншеи и дзоты, проволочные заграждения и минные поля опять замкнулись в сплошную цепь.

Крепко сторожили фашисты свою оборону, и в этом им помогала местность. На нашей стороне было куда больше болот и мелких, заросших камышом озер, где ни дзота не построишь, ни боевого охранения не выставишь, но по которым без особого риска можно перейти линию фронта. Не зря генерал Чернядьев постоянно напоминал командирам о защите флангов и организации наблюдения.

Второе утро встречает Иван Платонов на этой сосне. Чутье разведчика и охотника подсказывает ему, что он близок к цели. Небольшое озеро, в которое с двух сторон упирались фланги стрелковых полков дивизии генерала Чернядьева, густые заросли на «ничейной» полосе между этим озером и болотом, вклинившимся в линию обороны гитлеровцев, наводили на мысль, что здесь фашистам трудно усмотреть за каждым клочком местности. Об этом уже дважды напоминал сержанту майор Андреев — начальник дивизионной разведки.

Платонов напряженно всматривается в кудрявую зелень непролазного кустарника за озером. Ни одна ветка не шелохнется там. И так второй день — ни малейшего признака, что между озером и болотом есть враг. Но кто знает, как близко примыкает к болоту и кустарнику траншея, виднеющаяся чуть дальше и левее кустарника?

Сержант поднимает к глазам руку с часами: ровно семь. До одиннадцати, когда ему нужно быть у генерала, целых четыре часа. За это время можно многое сделать.

Уступив место у стереотрубы артиллерийскому наблюдателю, Платонов, держась за сучья, спускается к высокой лестнице, закрепленной с тыльной стороны дерева, и по ней быстро сбегает вниз.

Под сосной сидят Петр Скиба и Игнат Шевченко. Не выпуская из рук автомата и прислонившись спиной к стволу дерева, Шевченко дремлет, а Скиба читает томик стихов Гейне на немецком языке.

Петр Скиба — до войны студент Киевского института иностранных языков — нашел применение своей будущей гражданской профессии и на фронте. Знание не-

мецкого языка позволяет ему занимать особое место среди разведчиков, несмотря на его чрезмерную осторожность, которую кое-кто расценивает как трусоватость. Однажды — это было еще до прихода Платонова в полк — Скиба по приказанию командира взвода на рассвете выполз за передний край. Там он вырыл себе глубокий окоп и днем должен был наблюдать за дзотом, в котором разведчики собирались захватить «языка». Наступил вечер, а Скиба не возвращался. Товарищи забеспокоились. Еще немного подождали и пошли на поиски. Нашли Скибу на дне окопа целым и невредимым. Оказалось, недалеко от окопа самолет сбросил бомбу и она не взорвалась. Подозревая, что бомба замедленного действия, Петр решил переждать в окопе, пока она не «сработает». А бомба так и не взорвалась...

Платонову почему-то вспомнился сейчас этот случай, о котором слышал от разведчиков, и он на миг заколебался: «Стоит ли брать Скибу?» Но выползать за передний край только с одним Шевченко было опасно. И сержант коротко приказал:

— Пошли.

Три разведчика спустились по пригорку к небольшому озеру, покрытому зарослями. Потом, пригибаясь в мелком кустарнике, добрались до дзота, который был соединен узким и мелким ходом сообщения с такой же мелкой траншеей. Земля здесь заболочена, и поэтому дзот возвышается над поверхностью. Это замаскированный зеленью большой квадратный сруб из толстых бревен, а в нем сруб поменьше; между простенками срубов — слой земли, в передней и двух боковых стенках — амбразуры. Бруствер траншеи также выложен из толстых сосновых стволов. Нелегко приходилось в этом гиблом месте солдатам.

В задней стенке сруба на уровне бруствера хода сообщения чернела квадратная дыра — выход из дзота. Из нее, нагибаясь, выбрался солдат и, удивленный, настороженно спросил у разведчиков:

— Опять саперы?

— Не узнаешь? — ответил Шевченко на вопрос вопросом. Лицо солдата расплылось в улыбке.

— А-а, узнаю: глаза и уши! Может, огоньком прикрыть? Это мы можем. У нас пулеметы наготове.

— Вы старший? — спросил у солдата Платонов.

— Нет, сейчас позову. — И солдат крикнул: — Товарищ сержант!

Из дзота выбрался худощавый сержант с серым, усталым лицом.

— Мы полазим за передним краем, не подстрельте. Дайте огонька левее вон той березки. Только не правее.

Выслушав Платонова, сержант в знак согласия кивнул и, не проронив ни слова, направился в дзот.

...Передний край обороны остался позади. Платонов, Шевченко и Скиба, держа наготове автоматы, осторожно пробирались вперед. Справа от них тихо шелестело камышом озеро. Но вот и озеро осталось позади. Начался густой кустарник. Сквозь него можно пробираться только ползком.

Разведчики поползли. Земля под кустарником голая и сырая, в нос бил запах плесени. Ни один луч солнца не мог проникнуть сюда и развеять полумрак. Ползли минут десять, прислушивались. Нигде ни звука, только поблизости тенькала пеночка.

Наконец кустарник начал редеть. В просветах между ветками сверкнула гладь совсем небольшого озерка. Платонов удивился: на карте это озерко не обозначено.

Неожиданно выползли на тропу. Она наискосок вела к озеру. Чуть впереди виднелась вторая тропа. Платонов догадался: это звериные тропы. Человеку не пройти по ним в рост — на пути встают заросли, ветки, переплетающиеся низко над землей, хлещут в лицо. Бывалому охотнику было ясно: раз звери ходили к этому озеру на водопой, значит, оно не пересыхает в жару и вода в нем не стоячая.

Иван вспомнил, как отец когда-то передавал ему свой опыт охотника. Старый таежный волк учил сына так ходить по лесу, чтобы всегда знать, где находишься. Это называлось на языке охотников «ходить на привязи». Если охотник сбивался с пути, говорили, что он «оторвался от привязи».

«Незнаком лес — не торопись, — поучал отец, — пройди немного, оглянись назад, заприметь сваленное дерево, вывороченный корень или что-либо другое. Запоминай, как выглядит твоя дорога, — пригодится на обратном пути. Заблудился — ищи муравейник под деревом. Он всегда будет с южной стороны. Посмотри на ствол дерева — с северной стороны его облепил мох. Теперь и дорогу нетрудно разыскать... Не каждой тропе верь, — предупреждал старый охотник. — Бьет ветка в лицо, в грудь — уходи с тропы. Это дорога зверей, к жилью человека она не приведет...»

«Да, такая дорожка к жилью человека не приведет», — думал Платонов, рассматривая найденную тропу. Пройдя вдоль самого берега озера, она запетляла среди кустов и деревьев дальше.

На этой тропе, еще не просохшей под сплошным шатром зелени, у самого озера Платонов заметил свежие следы лап волка. В том, что следы оставлены совсем недавно, Иван не сомневался. Он видел, что даже не успела подняться примятая лапами зверя молодая травинка, не успели завянуть листья на сломанном стебельке бурьяна.

— Вот так находка! — изумленно шепнул сержант, указывая Шевченко и Скибе на тропу. — Чуть бы пораньше — волка б вспугнули.

Изумляться было нечему. Война, пришедшая в старорусские и новгородские леса, разогнала зверей, заставила их переселиться подальше от линии фронта, забраться в непролазные чащобы, где их не пугают рвущие воздух взрывы, где не несет опасным запахом пороха, гари и человека. А здесь волк бродил почти возле передовой. И нигде ни одного отпечатка ноги человека. Значит, гитлеровцы не знают про озеро, иначе брали бы из него воду. Это устраивало Платонова.

Разведчики пошли вдоль тропы. Скиба и Шевченко всматривались в заросли, прислушивались, а сержант не спускал глаз с волчьего следа.

Отпечатки волчьих лап были еле различимы. По расстоянию между ними Платонов видел, что волк бежал равномерной тихой трусцой. Значит, зверя ничто не беспокоило.

Но вскоре следы стали более частыми и четкими. Тут волк шел медленнее, осторожнее. Зверь, видимо, чуял опасность. Насторожились и разведчики. А немного дальше Иван увидел примятую траву и клочки шерсти, прилипшие к ней. Здесь волк лежал.

Разведчики остановились. Их слуха коснулся стук топора; он долетал слева. Залегли. Платонов движением руки приказал Скибе и Шевченко не двигаться с места, а сам осторожно пополз влево. Ни одна ветка не шелохнулась над разведчиком, ни один сучок не треснул под ним. Вскоре кустарник поредел, и Платонов увидел в прогалине небольшую возвышенность. «Дзот», — догадался он и тут же заметил гитлеровца, который на корточках сидел за дзотом и что-то тесал топором.

Платонов еще немного прополз вперед. Сквозь просветы в кустарнике заметил справа далеко раскинувшуюся болотную равнину. Слева виднелся знакомый лес. Где-то там — наблюдательный пункт артиллеристов. Лес спадал по пригорку вниз, к нашему переднему краю.

Теперь Платонову было ясно: до болота можно пробраться незамеченными. А если ослепить этот дзот, то проскочить за линию фронта нетрудно.

Иван взглянул на часы. Десять утра. Через час нужно быть у генерала...

В землянке комдива тесно. Здесь, кроме генерала Чернядьева, собрались начальник штаба — седой, краснолицый полковник с косматыми нахмуренными бровями, майор Андреев — начальник разведки, лейтенант Сухов и сержант Платонов.

Платонову никогда не приходилось докладывать в присутствии стольких начальников, и он, когда закончил говорить, с облегчением вздохнул и вытер со лба пот.

Все молчали, раздумывая над тем, что сообщил сержант.

Наконец генерал Чернядьев нарушил тишину:

— Интересно! Мы еще раз убеждаемся, как полезно уметь разведчику читать написанное на земле. — Генерал провел ладонью по стриженой голове, и его худощавое смуглое лицо просветлело. Он поднялся за своим небольшим столом, и здесь, в тесной землянке, особенно был заметен его высокий рост.

— Итак, — продолжал комдив, — у нас имеются два варианта перехода разведчиками линии фронта. Вариант лейтенанта Сухова потребует сильного огневого обеспечения и огневой маскировки. Вариант Платонова — небольшой артиллерийской обработки участка левее обнаруженного им озерка. Час назад мы утвердили бы оба варианта. Сейчас нужно выбрать один, так как в тыл к немцам через линию фронта пойдет только группа лейтенанта Сухова.

Майор Андреев удивленно взвел брови. Генерал Чернядьев поднял руку, предупреждая вопрос начальника разведки.

— Вторая группа — сержанта Платонова — будет сброшена на парашютах.

На мгновение в землянке воцарилось молчание. Чернядьев хитроватым взглядом окинул присутствующих и пояснил:

— Командующий армией предоставляет нам такую возможность. Сержант Платонов со своими следопытами и радиостанцией выбросится сегодня ночью в районе деревни Лубково — это недалеко от хутора Борок, — посмотрит там дорогу на Замочье и выяснит, действительно ли идут к линии фронта свежие силы гитлеровцев. Потом установит наблюдение за хутором Борок и будет ждать подхода разведчиков лейтенанта Сухова.

— Товарищ Платонов, — обратился генерал к сержанту, — кто, кроме вас, может показать лейтенанту Сухову разведанный вами проход?

Платонов задумался: «Кого лучше назвать — Шевченко или Скибу?» — и тут же твердо ответил:

— Рядовой Шевченко.

— Вот и хорошо. Он познакомит лейтенанта с этим кустарником у озерка, а затем пойдет с его группой. Вам, майор Андреев, — комдив повернул голову к начальнику разведки, — срочно уточнить место и время встречи Сухова и Платонова за линией фронта, обеспечить обе группы рациями, кодами и всем другим необходимым. Группа Сухова должна закончить подготовку к завтрашней ночи...

Отделение разведчиков-следопытов, как было приказано, переселилось в старый сосновый бор, где размещался штаб дивизии. В тот же день на новом месте выкопали и накрыли бревнами просторную землянку.

Уходя из полка, солдат Атаев не успел проститься со своим земляком ефрейтором Укиновым — наводчиком из полковой батареи. Атаеву очень хотелось перед уходом в тыл противника перекинуться с другом несколькими словами, сообщить о полученном из дому письме и, конечно, похвалиться своим перемещением в разведку дивизии.

Перед вечером дежурный телефонист, расположившийся с аппаратом в землянке разведчиков, отлучаясь, чтобы подвесить упавшую на дорогу линию, попросил Атаева минуту посидеть у телефона. Атаев обрадовался такому поручению. И как только остался один в землянке, тут же позвонил в полк. Вскоре его соединили с батареей, где служил Укинов.

— Заходи в гости, — послышался в трубке голос земляка.

— Не могу. В тыл собираюсь.

— Будь другом. Я вчера по шоссе стрелял. Посмотри, что там мои снаряды наделали.

— Не до этого! — важно сказал Атаев. — Дела посерьезнее есть.

— Интересные?

— Очень! Возможно, накроем в одном хуторе птичек, которые к нам залетают, — прихвастнул Атаев, вспомнив, что сержант Платонов уже два дня изучает на карте район, в котором находится хутор Борок.

Не подозревал Атаев, что в это время один из разведчиков группы капитана Маргера сидел на дне неглубокого, заросшего кустарником оврага и, включившись в телефонную линию, подслушивал его разговор...

СОБЫТИЯ ОДНОЙ НОЧИ

Возле небольшой, сожженной дотла деревушки Сущево, близ дороги, в старом сосновом лесу расположился медсанбат дивизии. Медсанбат простоял здесь ползимы и весну и успел обжиться. Были построены просторные бревенчатые срубы, в которых размещались сортировочное, перевязочное, операционно-хирургическое отделения, палаты для раненых, общежития медперсонала.

К медсанбату был проложен добротный настил, на который указывала приметная стрела с красным крестом и надписью «МСБ», установленная на повороте с грейдерной дороги.

Когда над лесом опустилась ночь, с дороги свернул на настил грузовик, в кузове которого лежали раненые и сидел, примостившись у заднего борта, подполковник.

У шлагбаума машину встретил офицер — дежурный по медсанбату. Лицо его в темноте разглядеть было трудно. Только по голосу — звонкому, с еле уловимой басинкой — можно было догадаться, что офицер молодой.

Выяснив, сколько раненых, откуда они, дежурный попросил подполковника оставить машину и пропустил ее за шлагбаум к сортировочной. Окинув высокую, узкогрудую фигуру приезжего внимательным взглядом, он представился:

— Старший лейтенант медицинской службы Скворцов. Вы, кажется, без направления?

— Да, я здоров, — засмеялся подполковник. — По делу службы к вам.

— Разрешите документы.

— Прошу.

Старший лейтенант при свете электрического фонаря рассматривал удостоверение личности и командировочное предписание, из которых было видно, что подполковник Ерофеев, работник штаба фронта, направляется в войска Н-ской армии для выполнения служебного задания.

— Чем могу помочь? — спросил Скворцов, возвращая подполковнику документы.

— Проводите к вашему начальству. Впрочем, я не ошибся? Раненый пленный у вас лежит?

— А-а, значит, вы по этому делу?

— Да, должен уточнить кое-какие его показания. Надеюсь, он в таком состоянии, что разговаривать с ним можно?

— Чувствует себя после операции хорошо.

Перекидываясь словами, они шли в глубь леса среди маячивших темными массивами срубов. Возле одного сруба Скворцов остановился:

— В этом домике пленный.

— А почему часового не видно? — удивился подполковник.

— Зачем он? У пленного перебита нога, на одной не ускачет. В палате дежурит санитар, оружие у него есть.

Подполковник вдруг вспылил:

— Это безобразие! Забываете, что находитесь не в тылу, а на фронте. Немедленно выставьте часового, и чтобы он караулил по всем правилам.

Потом спросил:

— Из штаба дивизии никого здесь нет?

— Были днем, уехали.

— Да-а, порядочки! — сердился подполковник.

Из темноты вынырнула фигура человека.

— В чем дело? — спросил он. — Кто здесь?

Узнав в подошедшем командира медсанбата, дежурный доложил:

— Товарищ майор медицинской службы, приехал подполковник из штаба фронта. Пленным интересуется.

— Мне нужно пяток минут поговорить с ним, — подтвердил подполковник. — А потом попрошу вас под-

бросить меня в штаб дивизии или связать по телефону с генералом Чернядьевым. И о часовом позаботьтесь.

Командир медсанбата молча проверил документы прибывшего, затем, скользнув по его лицу лучом карманного фонаря, сказал:

— Хорошо. Можете пройти к пленному. Поговорите и заходите в штаб. Там решим, как быть.

Старший лейтенант медслужбы Скворцов ввел подполковника в бревенчатый домик. На небольшой железной печурке стояла лампа, бросая тусклый свет на нары, застланные поверх толстого слоя мелких еловых веток простынями. В углу нар, накрывшись одеялом, спал человек. У печурки сидел пожилой солдат-санитар и строгал перочинным ножом палку.

— Оставьте нас наедине, — небрежно бросил подполковник.

Дежурный кивнул санитару головой в сторону дверей. Тот взял винтовку, стоявшую у печки, и вышел.

— Я буду по соседству, — сказал Скворцов подполковнику и тоже хлопнул дверью.

Майор медицинской службы Гуляев зашел в свой кабинет — небольшую комнату в таком же бревенчатом доме — и в раздумье остановился у стола. Его немолодое усталое лицо, круглое, с чуть обвисшими щеками и темными кругами под глазами, было нахмуренным. Какое-то смутное беспокойство тревожило Гуляева. Ему казалось, что он должен был что-то сделать сейчас — важное и неотложное, но не сделал. Мысли навязчиво блуждали вокруг прибывшего подполковника. «Что за тон разговора? — недоумевал Гуляев. — Покрикивает даже...»

Прошло еще пять-семь минут. Чувство беспокойства не оставляло Гуляева. Наконец он собрался с мыслями:

«Почему, собственно, я должен решать, кто может, а кто не может допрашивать пленного? Это непорядок! Мое дело обеспечить лечение. А все прочее...» И майор решительно снял телефонную трубку.

Через минуту он докладывал начальнику штаба дивизии. В ответ услышал резкое и повелительное:

— Арестовать немедленно!..

Майор медслужбы Гуляев бросился к двери.

Подсвечивая фонариком, торопливо бежал по знакомой дорожке. Вот и сруб, в котором лежит раненый не-

мецкий лейтенант. Вокруг — ни души. Только чуть в стороне, где располагается транспортный взвод, слышится чья-то песня.

Вдруг из дверей бревенчатого дома навстречу Гуляеву вырвался солдат-санитар.

— Сюда! Сюда! — задыхаясь, крикнул он. — Убил, убил его!..

Гуляев резко распахнул дверь и остановился на пороге. Подполковника в комнате не было.

Лейтенант Ганс Финке хрипел. На его губах пузырилась красная пена. Беспомощно хватаясь руками за грудь, в которой торчал глубоко вонзенный нож, Финке шептал:

— Герлиц... Карл Герлиц... убийца...

Прибежал дежурный Скворцов.

— Объявите тревогу! — приказал ему Гуляев. — Нужно поймать этого мерзавца.

Кажется, что самолет стоит на месте. Только изредка чуть встряхнет его, точно на выбоине, и опять монотонно жужжат моторы, опять состояние покоя и неподвижности. Но Платонов, прильнув к окошку кабины, видит своим острым глазом: далеко внизу, где утонула в ночном сумраке земля, проплывает, тускло поблескивая, река Пола. Заметно и приближение линии фронта. Впереди, куда держит курс самолет, то там, то здесь раздвигают темноту красные всполохи — это бьют батареи. Откуда-то из глубины, точно из недр самой земли, время от времени вырываются белые и красные светлячки и, описывая в ночном небе кривую, исчезают. Иногда заметна вспышка в том месте, куда падает светлячок, и кажется, что он разбивается о что-то твердое, разбрызгивая сотни искр. Это трассирующие снаряды. С высоты чудится, что летят снаряды очень медленно и нисколько не опасны.

Платонов отрывается от окошка и окидывает внимательным взглядом солдат своего отделения. Даже при тусклом освещении заметна сосредоточенность на их лицах: всем им, кроме шустрого молодого паренька Курочкина, приданного отделению радиста, впервые приходится выбрасываться в тылу врага с парашютами.

Вспоминается минувший день — хлопотливый и напряженный. Разведчиков тщательно инструктировали, как пользоваться парашютом, потом предложили сде-

лать по одному пробному прыжку. Петр Скиба отказался! «Я лишний раз рисковать не хочу», — заявил он. Разведчики подсмеивались над Петром, а новичок Евгений Фомушкин, которого только вчера перевели в отделение из саперной роты по ходатайству лейтенанта Сухова, начал упрашивать инструктировавшего их капитана разрешить ему прыгнуть дважды — за себя и за Скибу. Капитан отказал, а Скибу несколько раз заставил повторить, как и когда дергать за вытяжное кольцо парашюта, как разворачиваться по ветру, держать ноги при толчке о землю...

Линия фронта осталась позади. Внизу — непроглядная темь. Только изредка блеснут озерко или тонкая жилка лесной речушки. Наконец самолет лег на крыло, начал описывать круг. Казалось, что далекая земля вдруг вздыбилась вверх. Платонов заметил знакомые очертания, точно такие же, как на карте, двух лежащих рядом озер. Справа от них должна находиться деревня Лубково, а слева, в трех километрах, — огромная лесная порубка, где предстоит приземлиться разведчикам.

Из кабины экипажа вышел летчик-капитан, высокий, полнощекий, и хрипловатым голосом сказал:

— Ну, братва, приготовиться! Только без спешки рвать кольца!

Открыл дверь, и в самолет пахнула свежая струя воздуха. Иван Платонов почувствовал, что у него что-то холодное, как этот воздух, шевельнулось в груди. В тревоге сжалось сердце, и в коленках, в руках появилась противная слабость.

«Страшно, — подумал Иван. — Легче на медведя с ножом идти, чем бросаться в эту прорву...»

Поглядел на разведчиков. В телогрейках, с пристегнутыми парашютами, они казались в полумраке кабины неуклюжими, даже беспомощными. Заметил, как побледнел Петр Скиба. Перевел взгляд на Атаева, Зубарева, Савельева; понял, что и они чувствуют себя точно так же, как он. Только веселыми огоньками горят глаза у Фомушкина и у радиста Курочкина.

«Юнцы, этим бы побольше приключений», — мелькнула мысль.

Платонов поднялся и точно стряхнул с себя неприятное, давящее чувство. Решительный и уверенный вид сержанта придал бодрости другим разведчикам. Только у Скибы по-прежнему не сходила бледность с лица.

— Пора! — крикнул капитан.

Платонов подошел к открытой двери, положил руку на вытяжное кольцо парашюта. Хотел что-то сказать разведчикам, но побоялся голосом выдать свое волнение.

Во время тренировочного прыжка днем тоже было страшновато, но не так перехватывало дыхание, не сжималось сердце. Глубоко вдохнув в себя воздух, точно перед броском в воду, Иван кинулся грудью вперед.

Вторым шагнул за борт самолета радист Курочкин, за ним — Савельев, Атаев, Зубарев.

Настал черед Петра Скибы. Он решительно подошел к распахнутой двери и вдруг остановился. Евгений Фомушкин, которому не терпелось броситься вслед за товарищами, легонько подтолкнул его в спину. Скиба заупрямился, резко повернулся и ухватился одной рукой за обшивку самолета, а второй за грудь Евгения. Но, потеряв равновесие, полетел за борт, успев сильно дернуть за вытяжное кольцо парашюта Фомушкина. Евгений растерянно оглянулся на капитана-летчика и, прижав к груди полотно своего парашюта, которое, точно пух из распоротой подушки, начало вылезать из чехла, бросился в распахнутый люк.

Капитан широко раскрытыми глазами смотрел в опустевший проем двери. И уже ни к чему крикнул Фомушкину:

— Разобьешься, дурак!..

Потом упал на пол кабины и высунул голову сквозь дверь наружу. Тут же увидел такое, что похолодел: нераскрывшийся парашют Фомушкина верхним краем зацепился за хвостовое оперение, точно прикипел к нему. Фомушкин болтался где-то сзади самолета на вытянувшихся стропах.

Капитан вскочил на ноги и кинулся за перегородку — в кабину, где сидел экипаж...

Правый, левый крутые развороты, еще и еще. Капитан снова лежит на нижней обшивке и смотрит в раскрытую дверь. Полотно парашюта Фомушкина отодвинулось чуть дальше к краю хвостовой плоскости, но расставаться с самолетом упорно не хотело.

Машина опять легла на крыло, потом выровнялась и рванулась вниз. Казалось, неуклюжее тело большого транспортного самолета сейчас разломится на части.

Когда капитан опять поглядел в открытую дверь, то увидел, что парашюта Фомушкина на хвосте самолета нет.

Платонов приземлился среди большой поляны, покрытой редким мелколесьем. Натянул нижние стропы, погасил упавший на кусты парашют и торопливо отстегнул лямки. Тут же увидел, как недалеко к земле скользнул еще один парашютист. Подбежал к нему и узнал Атаева.

Мелколесье мешало оглядеться вокруг. Минут через десять, как было условлено, Платонов два раза закричал филином.

Один за другим собирались разведчики. Последним пришел Петр Скиба — в разорванной телогрейке, с поцарапанным лицом. Из-за того, что он промедлил с прыжком, парашют опустил его на опушку леса и куполом прочно зацепился за ветки сосны. Петр, подтянувшись по скрученным стропам к стволу дерева, выбрался из лямок и спустился на землю.

Не явился на зов один Фомушкин. После того как закопали парашюты, его искали до утра, но тщетно.

В эту ночь произошли еще два важных события. Было перехвачено радиодонесение. Оказывается, код, взятый у лейтенанта Ганса Финке, не устарел. В донесении говорилось:

«Связь с Финке и Герлицем установить не удалось. Наверно, схвачены. Возможно, завтра ночью через линию фронта попытается проникнуть отряд советских разведчиков. Об их задаче русские по телефону говорили так: «Накроем в одном хуторочке птичек, которые к нам залетают». Речь идет о хуторе Борок. Примите меры. Операция подготовлена. Сегодня будет осуществлена. Маргер».

Стояла глухая ночь, когда генералу Чернядьеву принесли это донесение. Генерал не спал. На вошедшего в землянку майора Андреева даже не поднял глаз. Это значило, что комдив сердит. Еще бы: стало известно, что обер-лейтенант Герлиц побывал в медсанбате и убил пленного лейтенанта Финке.

— Диверсии не допустим, — уверенно сказал Андреев, стараясь как-то смягчить неприятное впечатление, которое произвела на Чернядьева радиотелеграмма, свидетельствовавшая о том, что в тылу дивизии появилась новая группа диверсантов. — На всех объектах — усиленные караулы, люди проинструктированы. Наготове дежурные подразделения.

— Пока что, товарищ майор, фашисты оставляют вас с носом, — хмуро промолвил Чернядьев. — Поймали эту группу Финке и успокоились. Болтунов развелось полно. Найдите, кто проболтался по телефону об операции Сухова. Наказать строжайшим образом... Как Платонов?

— Выбросился. Утром ждем его позывных.

— При первой же возможности сообщите ему, что гитлеровцы знают о готовящемся нападении на Борок. Пусть к хутору не приближаются и ждут наших указаний. Операцию лейтенанта Сухова пока отложить.

— Слушаюсь.

— А насчет диверсии не успокаивайте себя. Как видите, лейтенант Финке правду сказал не до конца... Герлиц, по-видимому, — «майор», которого вспугнул Сухов, остался без рации, вот и не может связаться с этим Маргером. Но кто он — Маргер? Может, группа из Борка уже начала действовать?

— Трудно сказать, — ответил майор Андреев. — Но работают оперативно. Герлиц явился в санбат уже не «майором», а «подполковником».

— Ладно, не задерживайтесь, — поторопил его генерал. — Пока есть время, обзвоните тылы и переправы. Пусть не зевают.

Но звонить уже не было необходимости.

Дмитрий Кедров — тот самый солдат, которого следопыты вырвали из рук фашистских разведчиков, — прохаживался вдоль штабелей ящиков, прикрытых густыми еловыми ветками. Рука его твердо лежала на новеньком автомате. До предела напряжен слух, обострено зрение.

Непривычна для Кедрова служба в тылу после четырехмесячного пребывания в траншеях переднего края. Чудится ему, что тишина таит в себе необъяснимую опасность.

Четыре дня взвод, где служит Дмитрий Кедров, находится в дивизионных тылах. Его вместе с несколькими другими взводами сняли с переднего края для прочески леса. А сейчас поставили охранять артиллерийский склад.

Ночь выдалась темная, прохладная. Хотя скоро должно рассветать, Дмитрию кажется, что сосны, столпившиеся вокруг в темноте, придвинулись ближе, а прогалины меж ними, сквозь которые днем можно было видеть далеко вперед, куда-то исчезли. Совсем иным ка-

зался лес ночью. Днем Кедров даже не замечал убаюкивающего шума верхушек сосен, их тонкого посвистывания, а сейчас этот шум мешал прислушиваться к темноте, нагонял дремоту.

Бесшумно, неторопливо прохаживается Кедров от одного угла штабеля к другому, за углами тоже стоят часовые — солдат Новоселов и ефрейтор Мухин. Пятнадцать шагов вперед, пятнадцать назад. Потом останавливается, напрягает слух, зорко всматривается в лесную чащу. Взгляд настороженно прощупывает каждый ствол дерева, темную массу кустов орешника, которые солдаты пожалели срубить, расчищая сектор обзора.

Ветер по-прежнему слегка шумит в верхушках сосен. Внизу стоит затишье, точно в яме. Почему же тогда шевельнулась ветка орешника? Кедров медленно повернул голову в одну, а затем в другую сторону. Но щеки не почувствовали движения воздуха. Отчего же качнулись ветки? Или показалось?

Дмитрий стал спиной к сосне, о которую опиралась стена ящиков со снарядами. Долго всматривался в ореховый куст, напряженно прислушивался. Ничего подозрительного. «Показалось», — подумал Дмитрий. И снова медленно зашагал от угла к углу. Автомат холодил руки.

И вдруг Кедров заметил, что рядом с темным силуэтом большого орехового куста замаячил маленький куст. Это встревожило Дмитрия. Он хорошо помнил, что никаких маленьких кустов вокруг не было.

Стараясь ничем не выказать тревоги, Кедров продолжал прохаживаться вдоль штабеля, кося глазом на кусты. Ему казалось, что маленький куст медленно, почти незаметно приближался к стволу ближайшей сосны. «Не поднять бы зря переполоха», — думал Кедров.

Словно ничего не случилось, часовой свернул за угол, где стоял на посту Новоселов. Сделал ему знак рукой и упал на землю, наблюдая из-за ящиков за кустом. Ждать долго не пришлось. Кедров отчетливо увидел, как темная фигура согнувшегося человека проворно скользнула к ящикам.

Автоматная очередь эхом раскатилась по лесу...

КОНЕЦ БАНДЫ КАПИТАНА МАРГЕРА

На рассвете на склады артиллерийского снабжения приехали начальник разведки дивизии — сухощавый высокий майор Андреев и рядовой Игнат Шевченко.

Майор в присутствии Игната подробно расспросил солдата Кедрова об обстоятельствах нападения на пост. Затем подошли к трупу диверсанта, лежавшему на том же месте — близ штабелей снарядных ящиков. Убитый был одет в обыкновенную телогрейку, солдатские брюки и ботинки с обмотками. Рядом валялись пилотка и финский нож. Из-за борта телогрейки торчала рукоять пистолета.

Шевченко первым делом осмотрел подошвы и каблуки ботинок убитого. Заметив «слизанную» середину железного косячка на левом ботинке, присмотревшись к расположению гвоздей на подошве, Игнат, нахмурив свои черные брови, сказал:

— Это не та птичка в майорской форме, которую мы гоняли, не Герлиц.

— Жаль, — ответил Андреев, — а может, Маргер?

— Кто его знает! Документов никаких.

Около куста, указанного Кедровым, на примятой траве валялись четыре пакета взрывчатки, бутылка с горючей жидкостью, бикфордов шнур со взрывателями. Все это бросили диверсанты, застигнутые врасплох внезапным огнем часового.

Майор Андреев тем временем раздумывал:

«Одежда диверсантов ничем не отличается от одежды наших солдат. Не могло ли случиться, что диверсанты пристроились в каком-либо тыловом подразделении и, войдя там в доверие, преспокойно занимаются черным делом?»

Андреев тут же справился, не исчез ли в эту ночь кто-нибудь из состава тыловых подразделений. Но все люди оказались на месте. Никто из офицеров, сержантов и солдат, подошедших взглянуть на застреленного диверсанта, не опознал его в лицо. Все это рассеивало опасения майора. Кроме того, весьма основательные доводы привел Шевченко. Осмотрев склад, который фашисты пытались взорвать, прилегающую к нему местность, а также следы, оставленные диверсантами, Игнат пришел к заключению, что враг действовал наугад.

— В расположении складов диверсантам до этого не удалось побывать. Иначе они полезли бы подрывать снаряды с другой стороны.

Сказав это, Шевченко кинул быстрый взгляд на майора Андреева, на начальника артснабжения — мо-

лодого, щеголевато одетого капитана. Заметив, что капитан не очень-то верит его словам, Игнат пояснил:

— Правее дороги у самых складов — овражек, сплошь поросший кустарником. Там же и ручей журчит. Ясно, что оттуда легче было напасть на часового. Наконец, легче было приблизиться к посту и около ящиков с минами. Лес там гораздо гуще.

Выслушав доводы Шевченко, майор Андреев укоризненно посмотрел на артснабженца:

— Оказывается, крепко думать нужно, прежде чем склады располагать.

— Оттуда тоже не укусили бы. Охрана надежная, — ответил в свое оправдание капитан.

Шевченко обратился к майору Андрееву:

— Разрешите идти по следу?

— Идите. Вот вам в помощь отделение автоматчиков. — И майор указал своей длинной рукой в сторону выстроившихся на дороге солдат.

Среди автоматчиков был и Дмитрий Кедров. Он смотрел на Игната, точно на волшебника, боялся пропустить каждое его движение, каждый взгляд. На всю жизнь запомнит Дмитрий разведчиков-следопытов, которые разыскали его на островке среди болот и вырвали из рук фашистов...

Цепочка солдат быстро продвигалась по утреннему лесу. Игнат Шевченко шел впереди. Он понимал, что первые несколько сот метров диверсанты, напуганные внезапной стрельбой Кедрова, должны были бежать по прямой, в глубину леса. Поэтому вел автоматчиков ускоренным шагом, примечая следы.

В прогалинах между стволами деревьев засветлело небо. Вскоре автоматчики вышли на опушку леса. Перед ними раскинулась неширокая, но далеко тянувшаяся вправо и влево — по обе стороны ручья — поляна. Солнце положило свои косые лучи на поляну, и на молодой траве засеребрились капельки росы.

Игнат сразу же заметил, что от того места, где кончается тень деревьев, по искрящейся росистой зелени поляны тянутся три темные полосы. Их заметили и автоматчики.

— Ишь какую дорогу по росе проторили! — промолвил Кедров.

Солдаты быстро побежали по полянке к ручью. За ручьем темных полос на покрытой росой траве уже не было.

— Опомнились, гады. Начали следы заметать, — сказал Шевченко.

— По воде пошли? — спросил Кедров.

— По воде. Но по илистому дну далеко не уйдут. За мной!

Игнат повел автоматчиков вверх по течению ручья. Ему казалось, что диверсанты побежали именно в этом направлении, так как к лесу здесь ближе. И тут же он вспомнил частое напоминание Платонова: «Только без горячки!» Точно почувствовал на себе строгий, с прищуром взгляд сержанта. Но так сразу менять свое решение не хотелось, и Игнат пробежал еще шагов десяток. Потом остановился.

«Задание серьезное. Не до гонору», — мелькнула мысль. Он остановил автоматчиков, разделил их на две группы и послал одну, во главе с Дмитрием Кедровым, обратно — вниз по течению.

— Глядите в оба. Ни одной царапины на земле не пропустите, — поучал Шевченко.

Обе группы прошли поляну, углубились в лес и вынуждены были возвратиться обратно.

— Никаких признаков, — с досадой доложил Кедров. — Только один след увидели, но и тот из лесу ведет.

— Где след? Ведите туда.

Вскоре Игнат разглядывал на болотистом берегу ручья замеченные Кедровым отпечатки человеческих ног. Присмотревшись к ним, следопыт снисходительно, с чувством собственного достоинства пожурил Кедрова:

— Эх, голова! Думать нужно. Если человек шел из леса через ручей, так где же следы на этой стороне?.. Молчишь? То-то...

Кедров уже и сам удивлялся, как он не сообразил, что здесь дело не чисто. Однако не мог понять, что же подозрительного в этих следах, и растерянно оглядывался на переминавшихся с ноги на ногу автоматчиков

Игнат, хотя и нужно было спешить, не отказал себе в удовольствии поучить не смыслящих в следопытстве солдат.

— Смотрите мой след, — и он сделал несколько шагов по берегу, покрытому еще не высохшим наносным илом. — Сличите его со следом, который, как вы говорите, идет из леса. Есть между ними разница? Есть. Найденный вами след сделан человеком, который двигался спиной вперед.

Шевченко скороговоркой объяснил солдатам, что при нормальном шаге отпечаток, сделанный краем каблука, обычно глубже всего остального следа, особенно той части, которая выдавливается носком. В этих же следах отпечатки носков ботинок гораздо глубже отпечатков каблуков.

— Ширина нормального шага должна быть больше, чем ширина шага человека, оставившего здесь следы. Это тоже подтверждает, что человек двигался спиной вперед. Теперь понятно?

— Как у профессора получается, — не без зависти проговорил Кедров. — Не ясно только, почему наши следы мельче, чем эти.

— Вопрос правильный, — похвалил солдата Шевченко. — Ведь здесь только один след. Куда же девались следы остальных двух диверсантов?

— Понятно! — обрадовались автоматчики. — Они прошли по следу первого. Поэтому и отпечатки глубоки.

— Верно. А теперь — по следу!

Вражеские диверсанты хитро заметали следы. Когда на их пути попался еще один лесной ручей, каких здесь много, они прошли по его дну километра два.

Однако Шевченко и автоматчики нашли то место, где выбрались фашисты из воды, нашли их следы в сторону фронта. Долго петляли гитлеровцы по лесу и остановились в густых зарослях совсем рядом с лесной дорогой и огневыми позициями артиллеристов. Враги рассчитывали, что никто не будет искать их в такой близости от наших войск.

И вот перед Шевченко и притомившимися уже автоматчиками встала стена дикого мелколесья, густого и непролазного. Было слышно, как метрах в двухстах отсюда, за мелколесьем, гудели проезжавшие по дороге автомашины. За дорогой изредка ухали орудия.

Игнат сообразил, что дальше этого кустарника диверсанты уйти не могли.

Но как бы не вспугнуть их! Как поступить, чтобы никто из них не улизнул? Шевченко оглянулся на автоматчиков. Мало! Ведь, по существу, кустарник нужно прочесывать, здесь за следами усмотреть трудно, да и можно раньше времени выдать себя.

— Товарищ командир, — обратился Дмитрий Кедров к Шевченко, — а что, если пригласить артиллеристов?..

Через пятнадцать минут артиллеристы, поднятые по

тревоге, вместе с автоматчиками взяли в кольцо кустарник. Артиллеристов возглавлял молодой краснощекий лейтенант, командир взвода. Кольцо начало сужаться.

Вдруг тишину, висевшую над мелколесьем, вспорола автоматная очередь, вторая, третья... Это не выдержали нервы диверсантов, услышавших, как со всех сторон тихо потрескивает кустарник.

В ответ прозвучал звонкий голос лейтенанта-артиллериста:

— Вторая рота, гранаты к бою!

Шевченко, пробиравшийся по кустарнику с отделением автоматчиков со стороны леса, понял хитрость лейтенанта и тут же поддержал ее.

— Первая рота, гранаты к бою! — крикнул он хрипловатым баском.

Из глубины кустарника послышался торопливый, жалкий голос:

— Сдаемся! Не бросайте гранат...

— Выходи на дорогу! — властно ответил лейтенант.

— Выходи на дорогу! — повторил Игнат Шевченко.

Пробираясь сквозь мелколесье, на дорогу вышли три солдата с автоматами в руках и вещмешками за спиной. Посеревшие от страха лица, широко раскрытые, испуганные глаза. Они тут же положили на землю оружие и, затравленно оглядываясь на густую цепь автоматчиков, подняли вверх руки.

Последним вышел из кустарника рыжеголовый бледнолицый мужчина, также в красноармейской форме. Разбитой походкой он приблизился к молодому лейтенанту-артиллеристу, положил к его ногам автомат и, с трудом выговаривая слова, представился:

— Капитан Маргер, офицер разведки шестнадцатой немецкой армии. Гитлер капут!..

СЛЕДЫ НА ДОРОГЕ

Солнце уже поднялось высоко, когда отделение разведчиков сержанта Ивана Платонова приблизилось к столбовой грейдерной дороге. Позади — большой переход по лесам вокруг деревни Лубково. Этот переход помог разведчикам выяснить, что в районе Лубкова, в лесных шалашах и, видимо, в самой деревне, совсем недавно стояла воинская часть. Сейчас ее там нет.

Двигаясь через болото, через лес, сокращая путь, Платонов надеялся успеть побыстрее вывести своих

разведчиков к грейдеру и, если удастся, понаблюдать за передвижением врага.

И вот дорога перед ними. Разведчики лежат в двух шагах друг от друга в густой зелени молодняка, буйно поднявшегося над почерневшими, укрытыми в траве пнями. Несколько лет назад здесь был вырублен лес.

Нельзя сказать, что это лучшая позиция для наблюдения: в такой гущине трудно сделать шаг, чтобы над тобой не замахали лапчатыми ветвями кусты. А в случае боя такой кустарник не очень-то прикроет от пуль. Зато дорога тут изогнулась, коснувшись вершиной изгиба порубки, и ее можно просматривать далеко вправо и влево.

Платонов лежит чуть впереди цепочки своего отделения и, опираясь на локти, не отрывает глаз от бинокля. Дорога почти пустынна. Недавно по ней промчались три мотоциклиста, да вон вдали дымит соляркой грузовик.

Ивана одолевают тревожные мысли: почему мотоциклисты так напряженно всматривались в лес? Что случилось с Фомушкиным, куда он мог пропасть? И то, что эти оба вопроса встали сейчас одновременно, казалось не случайным. Ответы на них могут находиться в прямой связи друг с другом.

В который раз жалел Платонов, что взял на это задание новенького солдата Евгения Фомушкина.

«Непроверенный парнишка, вот и результат... А может, парашют не раскрылся?..» — холодила душу мысль.

Уже было пора связаться по радио со штабом дивизии, но Платонов медлил: нечего еще сообщать, разве только об исчезновении Фомушкина. Он решил быстрее осмотреть полотно дороги, пройтись вдоль него в направлении к фронту. Это как раз по пути на Борок.

По дороге с ревом промчался тяжелый грузовик. Проводив его взглядом, Платонов встал на ноги.

— Скиба и Зубарев, наблюдайте справа; Савельев и Курочкин — слева. Атаеву следить за моими сигналами. — Отдав такое приказание, сержант осторожно выбрался из кустарника.

Грейдерная дорога оказалась изрядно разбитой. Посередине — глубокие и широкие колеи, укатанные колесами машин. Однако Платонову ясно, что здесь прошли и танки: на закраинах колеи сохранились зубчатые следы гусениц. На правой стороне грейдера, почти над кюветом, заметны вмятины с рисунком «елочки». Их

оставили колеса пушек. В том, что здесь провезли пушки, Платонов нисколько не сомневался: следы гораздо уже, чем те, которые оставляют машины, между колеями видны отпечатки широких подков артиллерийских лошадей. Направление следов — в сторону фронта.

Платонов прошелся немного вперед и остановился у того места, где дорога была настолько просохшей, что все следы на ней утопали в пыли. Но и пыль подсказывала Ивану, что прошедшие здесь танки, пушки, машины направлялись к фронту. Сержант знал: колеса и гусеницы при движении захватывают пыль и поднимают ее вверх; пыль тут же сыплется на землю, образуя косые зубцы по окраинам колеи. Острия этих зубцов направлены в сторону движения колес и гусениц.

Нехитрая арифметика, но знать ее разведчику нужно, да и не только разведчику.

Осмотрев полотно дороги, Платонов вернулся в кусты. Взмахом руки поднял с земли солдат и повел их в глубину зарослей.

Шли цепочкой — один в след другому, — настороженные, молчаливые. Одна рука лежит на автомате, другая — вытянута вперед, навстречу упругим веткам, которые хлещут по лицу.

Порубка кончилась, и следопыты вступили в полумрак расчищенного леса. Медноствольные сосны толпились густо, сквозь высокие наметы их ветвей не видно ни клочка неба. И, несмотря на густоту леса, здесь после непроходимого кустарника разведчики чувствовали себя не в безопасности. Казалось, за каждым стволом дерева поджидает враг — невидимый и тем более опасный.

Но это чувство вскоре прошло. Через какой-нибудь километр опять начался лес с густым подлеском, давно не видевшим топора лесоруба.

Шли вдоль грейдера в направлении фронта. Разведчики без слов понимали, что сержант Платонов хочет понаблюдать те места, где останавливались на дневные привалы вражеские войска.

Платонова одолевали навязчивые мысли. Отбивался от них, точно от назойливых мух, но они не покидали. Думал о своей далекой сибирской деревушке, о девушке Полине, которая изредка пишет ему письма. В тех письмах скупые деревенские новости: о небогатом промысле сельчан (большинство настоящих охотников ушли на войну), о подготовке к весеннему севу, о том, кто из

раненных на фронте вернулся в деревню. И ни слова о другом, что так волнует Ивана. Не пишет Полина о своих чувствах к нему. Однажды он упрекнул ее за это в письме. Ответила коротко: «Дала слово ждать и сдержу его, а повторяться нечего».

Ивану очень хочется, чтобы узнала Полина, как он водит своих разведчиков по тылам врага. Ведь было время, когда в артели отказались избрать его бригадиром. «Молод — зелен», — говорили старики.

«Молод — зелен, — ухмыльнулся своим мыслям Платонов. — А тут специальный самолет предоставили, парашюты, которые не пожалели потом выбросить. И в штабе дивизии небось сейчас ни на минуту не забывают о нас, радист ждет не дождется позывных Курочкина».

Но не узнает об этом Полина. Не умеет Иван рассказывать ей в письмах о фронтовой жизни, о своей службе разведчика. Да и ничего нет особенного в этой службе. Не один же он встречается с опасностями...

Мысль, что по ту сторону фронта с нетерпением дожидаются его сообщений, заставила ускорить шаги. Где-то впереди должен быть ручей. Там, у воды, наверняка фашисты делали большой привал.

По грейдерной дороге, которая чуть виднелась слева в прогалинах между стволами сосен, с треском пронеслась группа мотоциклистов.

«Чего их носит?.. Не нас ли ищут?» — подумал Платонов. Ему в голову не раз уже приходила мысль, что, возможно, Фомушкин попал в руки фашистов. Но не мог допустить, чтобы он, комсомолец, сказал врагу о присутствии в его тылах группы советских разведчиков. И все же сомнение таилось где-то в глубине души: уж очень мало знал Евгения Фомушкина сержант Платонов.

В лесу царила тишина. Только изредка хрустели под ногами сухие ветки. При каждом таком хрусте Платонов недовольно хмурил брови. Неосторожные шаги свидетельствовали о том, что разведчики привыкли к новой обстановке, почувствовали себя в полной безопасности и не заботятся о мерах предосторожности. Платонов оглянулся на солдат, окинул их строгим взглядом. Заметив, что силач Савельев, сдвинув в сторону автомат, казавшийся игрушечным на его широкой груди, общипывает на ходу своими толстыми, как сосиски, пальцами лепестки сорванной ромашки, тихо скомандовал:

— Стой!

Разведчики остановились.

— Савельев, возьмите в руки автомат. Кто еще раз наступит на сучок или сломает ветку, получит взыскание, — предупредил сержант и с назиданием добавил: — Опасности нужно остерегаться, пока ее нет. Потом будет поздно.

Разведчики снова двинулись вперед. Савельев взял наизготовку автомат и, не поворачивая головы, как бы между прочим сказал:

— Цветы почти не пахнут, значит, погода не изменится, хотя и тучи собираются.

— Верно, — скупо похвалил Платонов. — А ну-ка, все посмотрите вокруг. Какие еще видите приметы, указывающие, что дождя не будет?

Разведчики некоторое время молчали, оглядываясь по сторонам.

— Атаев, отвечайте! — приказал сержант.

Желтое скуластое лицо Атаева вдруг сделалось сосредоточенным, точно он решал трудную задачу. Но только на мгновение. Блеснув черными, как мокрая смородина, глазами, Атаев ответил:

— Вон в том муравейнике все ходы открыты. Муравьи шибко бегают. Утром роса была. Значит, дождь не пойдет.

— Правильно, — одобрил Платонов. — А что Зубарев скажет?

— Одуванчики открыты, листья на кустах не показывают изнанки, облака высоко. Не быть дождю, — отчеканил Зубарев.

Скиба же припомнил, что сегодня небо перед восходом солнца было серым.

— День будет хорошим, — нехотя сказал он. На его продолговатом лице было написано недовольство: «Чего, мол, зря говорить о том, что ясно без слов». Но все же пояснил: — В атмосфере мало влаги. Иначе в ней отражались бы лучи солнца и небо было бы красно, как огонь.

И вдруг лицо Скибы посветлело, на его потрескавшихся губах дрогнула улыбка.

— А ведь Пушкин о погоде тоже писал, — заметил он и чуть нараспев прочитал стихи:

Старайся наблюдать различные приметы.
Пастух и земледел в младенческие леты,
Взглянув на небеса, на западную тень,

Умеют уж предречь и ветр, и ясный день,
И майские дожди, младых полей отраду,
И мразов ранний хлад, опасный винограду...

В середине дня разведчики подошли близко к месту, где грейдерная дорога пересекала ручей. Как и предполагал Платонов, здесь в лесу остались следы больших привалов: по обе стороны дороги трава среди деревьев была вытоптана, кусты обглоданы, сучья и сухие ветки подобраны. Вокруг виднелись остатки многих потухших костров. Видимо, гитлеровцы, как обычно, кипятили в котелках кофе.

Платонов, курносый, рыжебровый, с загорелым и обветренным лицом, чуть ссутулившись, стоял под кустом орешника и осматривал лес живыми, цепкими глазами.

— На каждое отделение — костер, значит, здесь отдыхал батальон пехоты, — прикинул он.

Чтобы убедиться в правильности своего подсчета, Иван начал разыскивать следы батальонной кухни. Скоро он нашел две малозаметные колеи, выдавленные колесами, а между ними в одном месте — горку пепла и угля. Трава вокруг была вытоптана. Ясно, что здесь толпились солдаты, получая обед.

По другую сторону дороги снова набрели на следы большого привала. Однако это место внешне отличалось от других. Кое-где валялись коробки из-под сигарет, обрывки газет, писем. Скиба даже нашел две обоймы от автомата, Курочкин — флягу, кинжал и подсумок с патронами.

— Настроеньице, видно, у них неважное, — заметил Зубарев, довольно усмехнувшись всем своим остроносым, побитым оспой лицом. — Видно, что не к теще в гости идут...

Находки действительно говорили о том, что здесь отдыхали солдаты, дисциплина и боеспособность которых не очень высоки.

«А почему? — недоумевал Платонов. — Ведь на местах других привалов все признаки указывают на то, что враг подтягивает действительно свежие, непотрепанные части».

Загадку помог разгадать Петр Скиба — знаток немецкого языка. Когда собрали обрывки писем, в одном из них Петр прочитал:

«...Напиши, долго ли тебе осталось носить бремя смертника. Я же знаю, что вас посылают в самые опасные места...»

После этого нетрудно было догадаться, что тут дневал батальон штрафников.

На краю большой поляны наткнулись на следы танков.

— Тоже дневали здесь, — высказался скорый на догадку Зубарев.

— Не иначе, — с убеждением подтвердил радист Курочкин. — Видишь, как трава вокруг выбита.

Платонов молча осмотрел следы.

— Т-4 стояли здесь — средние танки, — наконец заключил он и, уловив недоверчивый взгляд Петра Скибы, пояснил: — Это видно по ширине следа гусеницы и длине машины. Вот вдоль следа гусеницы бровка из пыли и комочков земли. Пыль и земля ссыпались, когда танк остановился. Длина бровки и равна длине танка. Обратите внимание на пятна от масла...

— А вот здесь второй танк стоял, там — третий, — указывал Зубарев.

Разведчики насчитали следы двадцати семи немецких танков, которые делали в этом месте длительную остановку.

Затем отделение сержанта Платонова взяло курс на хутор Борок.

ЛОВУШКА

Лес постепенно редел. Вскоре в прогалинах между стволами сосен засветлелось небо. Платонов, шедший впереди цепочки отделения, поднял руку, и разведчики тотчас залегли, устремив настороженный взгляд вперед, навострив слух.

В лесу стояла тишина. Лучи солнца, пробивавшиеся сквозь ветви уже с западной половины неба, рисовали на земле причудливые узоры, в которых ярко пестрели синие, голубые, фиолетовые колокольчики медуницы на жестких, мохнатых стебельках, золотистые головки василисника и лютика. Было слышно, как, перелетая с цветка на цветок, жужжали лесные пчелы и шмели.

Тишина убаюкивала. У залегших в траве разведчиков сладко заныли ноги, получившие наконец отдых. Петр Скиба с трудом удерживал себя, чтобы не закрыть глаза и не уронить отяжелевшую голову на руки. Ведь позади бессонная ночь и многокилометровый переход по лесам. Клевал носом и молодой радист Курочкин. У него ноша, пожалуй, наиболее тяжелая, но, несмотря

на это, он никому ни разу не согласился уступить свой вещмешок, в котором была рация.

Платонов стоял у толстой сосны и, приложив к глазам бинокль, всматривался в прогалины. Ничего особенного не увидев, он повернулся к залегшим разведчикам и заметил осоловевшие глаза Скибы, Курочкина, да и Зубарев, всегда словоохотливый, казался сейчас сникшим. Сержант нахмурил свои рыжеватые брови, распрямил ссутулившиеся больше, чем обычно, плечи. Его широкое, курносое лицо, посеревшее от усталости, сделалось строгим и даже злым. Этого было достаточно, чтобы разведчики зашевелились, сбрасывая с себя дрему и преодолевая усталость.

— Вправо от Савельева — в цепь! — тихо скомандовал Платонов. А когда разведчики проворно побежали на свои места, сержант внушительно сказал: — Наблюдать за мной и ушами не хлопать. Борок под носом.

Взяв наизготовку автомат, Иван неторопливым шагом пошел вперед. Он, как и остальные его разведчики, также чувствовал большую усталость. Гудели натруженные ноги, ломило в пояснице, а в голове стоял звон, мешавший прислушиваться к лесным шорохам. Но что поделаешь? Нужно занять позицию близ Борка, установить наблюдение за хутором, связаться по радио со штабом дивизии, а уж потом можно будет подумать об отдыхе.

Деревья расступились еще больше. Платонов залег и ползком подобрался к видневшемуся на опушке кусту можжевельника. Отсюда перед взором Ивана раскинулся длинный — километра на три — луг, стиснутый с двух сторон лесом. Через луг, во всю его длину, протекал узкий извилистый ручей. Берега ручья были словно покрыты ярко-желтым покрывалом — это золотились лютик и козлобородник. А ближе к лесу густо румянел тысячелистник.

По ту сторону луга виднелся хутор Борок. Платонов долго осматривал бревенчатые стены немногих его домиков, дворы, но не увидел ни одной живой души. Закралась тревога: «А что, если никого там нет? Могли же пленные наврать или напутать?.. Тогда вся затея насмарку».

А время не терпело. И Платонов принял решение: лесом обогнуть луг, приблизиться к Борку.

И вот цепочка разведчиков снова петляет между де-

ревьями и кустами. Снова настороженный взгляд вперед и по сторонам. Но на этот раз идти пришлось недолго. Через полчаса наткнулись на густые, почти непролазные заросли колючего боярышника. Забрались в глубину кустарника и на тесной поляне остановились.

— База подходящая, — сказал Платонов, оглядываясь по сторонам. — Здесь и отдохнем. Только не все. Атаеву и Скибе оставить вещмешки и идти в разведку, Курочкину развернуть радиостанцию.

Атаев и Скиба, освобождая плечи от лямок вещмешков, слушали приказ сержанта.

— Задача простая: подобраться поближе к хутору и понаблюдать за ним. Но чтоб ни звука. Наблюдать — и только. Ясно?

— Ясно, товарищ сержант, — с готовностью ответил Атаев.

— Ясно. — чуть помедлив, сказал Петр Скиба.

— Старшим назначаю... — Платонов цепким взглядом впился в лицо Скибы. Не зря он выбрал именно Петра для такого дела. «Этот напропалую не полезет», — мелькнула мысль. — Старшим будет рядовой Скиба... И еще запомните: в случае чего — пункт сбора, — и Платонов ткнул пальцем в карту, которую развернул Скиба, — здесь, на болоте. Ищите по следам.

Атаев и Скиба пробирались сквозь густой подлесок по направлению к хутору. Атаев время от времени надламывал ветки на кустах, перекладывал валявшиеся под ногами сучья: разведчик оставлял приметы, чтобы легче было возвращаться назад.

Вскоре между деревьями замаячили постройки. Атаев и Скиба легли и ползком начали выдвигаться из глубины леса на его опушку.

До крайнего домика — рукой подать. Хорошо видны окна без стекол, полуоткрытая дверь заросший бурьяном дворик. На огороде стог сена — растерзанный, потерявший свою форму. Вокруг ни души.

— Нужно ближе, чтоб улицу увидеть, — предложил Атаев.

Скиба заколебался: стоит ли спешить? Но тут Петр вспомнил, как он перетрусил, когда выбрасывались из самолета, подумал, что, пожалуй, если бы не подтолкнул его Фомушкин, не хватило бы у него сил нырнуть в бездну. И стало стыдно Петру. Весь день его мучила

мысль: «А не из-за меня ли нет сейчас Фомушкина среди нас? Может, промедлив, спрыгнул, как и я, на лес, но более неудачно?..» (Скиба, конечно, и не заметил тогда в горячке, как он рванул вытяжное кольцо парашюта Фомушкина, и поэтому худшего не предполагал.)

— Поползли, — согласился наконец Петр.

Перевалили через канаву, окаймлявшую огороды хутора, подобрались к стогу сена.

Только теперь Скиба и Атаев заметили в его бревенчатой стене амбразуру, прикрытую свежими ветками. Это встревожило солдат.

Разведчики замерли. Прошло десять, может быть, двадцать минут. Солнце уже спряталось за лесом, а следопыты неподвижно лежали на земле.

В хуторе по-прежнему царила мертвая тишина. Но разведчиков томило тягостное чувство. Тишина казалась зловещей, ничего доброго не сулившей. И Атаев и Скиба начали думать, что зря они вышли из лесу, что хутор таит какую-то опасность.

Тревожная догадка подтвердилась. Разведчики увидели, как из леса, почти в том же месте, где не так давно они лежали на опушке, выбежала группа солдат в серых тужурках и брюках, заправленных в сапоги. Фашисты, развернувшись в цепь и держа наготове черные автоматы, устремились прямо к стогу сена.

— Огонь! — крикнул Скиба.

Оглушительно застучали два автомата.

В этот миг из-за дома выскочила вторая группа солдат. Скиба не успел повернуться в их сторону, как в это время откуда-то с опушки леса ударила по фашистам длинная автоматная очередь.

«Кто стреляет?»

Эта очередь сразила нескольких солдат и заставила залечь всю группу. Фашисты, охватывавшие кольцом Скибу и Атаева, не стреляли, надеясь взять разведчиков живыми.

У самого уха разразился резким стуком автомат Атаева. Скиба толкнул локтем товарища под бок и крикнул:

— Беги к лесу, пока не окружили!

Но тот, сделав вид, что не расслышал, продолжал стрелять.

— К лесу! — сурово приказал Скиба.

Атаев кинул на Петра горящий, негодующий взгляд, но ослушаться приказания старшего не посмел. Он бы-

стро подхватился и стремительно побежал через огороды. Скиба, прикрывая отход товарища, не переставал стрелять из автомата по гитлеровцам, залегшим у дома. Потом посмотрел вслед Атаеву и, увидев, что тот достиг опушки леса, вскочил на ноги. Еще полоснул длинной очередью, пригнувшись, забежал за гумно и скрылся из глаз преследователей. Отсюда Петр повернул к большому пепелищу, видневшемуся в стороне. Но вдруг ноги его потеряли опору, и Скиба рухнул в какую-то яму.

В нос ударил запах прели, сырости. Петр попытался выбраться наверх, но почувствовал острую боль в ступне правой ноги.

Свое донесение в штаб дивизии об исчезновении Фомушкина и результатах разведки района деревни Лубково и дороги на Замочье Платонов закончил словами: «Сейчас силами двух человек веду разведку хутора Борок. Группу Сухова сможем встретить в назначенное время».

Передав донесение, Курочкин перешел на прием. Штаб некоторое время молчал, видимо расшифровывая радиограмму. Затем рация заработала.

Первые же сроки взволновали Платонова. Из штаба сообщали:

«Фашисты ждут вашего появления у хутора Борок. Немедленно уходите. Ждем ваших позывных через два часа».

В это время со стороны хутора послышалась автоматная стрельба.

— Отделение, к бою! — тихо, но властно скомандовал сержант Платонов.

Поредевшее отделение разведчиков встретило рассвет километрах в десяти от хутора, в том месте, где был заранее намечен пункт сбора на случай, если посланные в разведку Скиба и Атаев никого не застанут на прежней стоянке. Здесь, в глухих зарослях лозняка, укрывших зыбкий островок среди труднопроходимого болота, коротали остаток ночи. От боя с фашистами, прочесывавшими лес вокруг Борка, уклонились. Нельзя было выявлять свои силы, нельзя дать возможность врагу обнаружить местонахождение разведчиков.

Платонов сидел на высокой мохнатой кочке и непрерывно глядел в расстеленную на коленях топографиче-

скую карту, точно хотел найти там ответ на вопрос: «Что случилось со Скибой и Атаевым, где Фомушкин?»

Обуревало желание подобраться к хутору, попытаться выяснить, что там произошло. Но майор Андреев строго-настрого по радио запретил приближаться к Борку.

Лицо Платонова за ночь еще более потемнело, осунулось. На нем были написаны крайняя озабоченность и напряженное ожидание. Такое же ожидание застыло на усталых лицах Савельева, Зубарева, Курочкина. Все они, как и сержант, настороженно прислушивались к шелесту кустов, к каждому шороху на болоте, ожидая, что вот-вот выглянет из лозняка скуластая, с чуть раскосыми глазами физиономия Атаева, появится кряжистая фигура осторожного Скибы. Не зря же Платонов ночью, уводя разведчиков от преследования, то и дело оставлял на кустах, стволах деревьев, на земле приметы, по которым исчезнувшим следопытам легче будет разыскать товарищей. Солнце поднялось выше. В недалеком лесу и в кустарнике на островке начал утихать утренний концерт птиц. А разведчики все сидели и ожидали.

«Потерпим еще час. Не придут — значит, ожидать нечего», — твердо решил Платонов.

— Тс-с-с, — вдруг зашипел Курочкин, хотя никто не нарушал тишины. Послышался шорох кустов и хлопанье болотной жижи. Разведчики насторожились.

Минута томительного ожидания. Острый глаз Платонова первый заметил тупое рыльце автомата, просунувшегося сквозь кусты лозняка. Вслед за этим показалась фигура в маскировочном халате. Остроносое лицо, настороженный взгляд, седоватые брови.

— Фомушкин!.. Женя!.. — с изумлением и неудержимой радостью в один голос воскликнули разведчики, позабыв об осторожности.

Фомушкин, опустив автомат, бросился в объятия товарищей. Потом тихо позвал:

— Скиба, иди! Здесь они.

Из зарослей выглянула черная, непокрытая голова Скибы. Встретившись взглядом с товарищами, Петр радостно улыбнулся. От этого его лицо посветлело, хотя с него и не исчезла тень усталости и горечи. Скиба шагнул вперед, и разведчики увидели, что он держит правую ногу на весу и опирается на палку.

Первым докладывал Скиба. Рассказывал, как они с Атаевым попали в ловушку, как, уходя от погони, он

нечаянно свалился в заросший бурьяном погреб и вывихнул ногу.

В погребе Скиба лежал долго, прислушивался, как немцы искали его на огородах. Ему удалось уловить фразу, брошенную каким-то фашистом: «Этого раненого доставили обер-лейтенанту Герлицу, а второй русский будто сквозь землю провалился». Значит, Атаева захватили раненым.

Вскоре в хуторе воцарилась тишина, и Скиба прислушивался к автоматным очередям в лесу, раздумывал над тем, что делает сейчас отделение и кто мог поддержать его с Атаевым огнем в ту трудную минуту, когда гитлеровцы брали их в кольцо.

А потом, когда все вокруг успокоилось и наступила ночь, Петр услышал возле погреба шелест бурьяна и вслед за этим шепот:

— Скиба, живой ты или нет?

Это был Евгений Фомушкин.

Фомушкин рассказал о своем неудачном прыжке с парашютом и о том, с каким трудом удалось летчикам сбросить его с хвоста самолета. Приземлился Фомушкин на лесную поляну близ того места, где грейдерная дорога пересекала речушку. Сориентировался по карте и определил, что находится в двенадцати километрах от Борка. Так как найти отделение было невозможно, Евгений решил идти к хутору.

Рассвет застал его у Борка. Фомушкин выбрал сосну на опушке леса, забрался на нее и замаскировался. Утром видел, как гитлеровцы расставляли в засаду своих солдат, но предпринять ничего не мог: его наверняка схватили бы, если б спустился с дерева, к тому же он не знал, с какой стороны могут подойти к хутору разведчики. Оставалось одно: ждать.

Скибу и Атаева Фомушкин заметил в тот момент, когда фашисты начали их окружать. Невзирая на опасность, открыл огонь из автомата. В суматохе боя фашисты не разобрались, кто и откуда стрелял по ним.

Видел Фомушкин, как свалился в какую-то яму близ пепелища Скиба, как упал раненый Атаев и на него набросились враги...

Потом вместе со Скибой они лежали в бурьяне на огородах, прислушивались, наблюдали, как фашисты грузили какое-то барахло в большой автобус. Тут Фомушкин чуть не выдал себя. В свете фар он увидел высокого гитлеровца в офицерской форме и узнал в нем

«майора» — старого «знакомого», которого не так давно искали они по коровьим следам и которому удалось тогда улизнуть. Фомушкин вскинул автомат, но Скиба вовремя успел схватить его за руку.

К середине ночи немцы покинули хутор.

ПО ПЯТАМ КАРЛА ГЕРЛИЦА

Короткой кодированной радиограммой Платонов сообщил майору Андрееву о событиях и о своем решении начать розыски Атаева. Из штаба ответили:

«Вступать в бой с противником только в крайнем случае. Разведку ведите со всеми мерами предосторожности. В 18.00 ждем ваших сообщений. Андреев».

Скиба в это время мастерил себе костыль из ствола не совсем ровной, но крепкой березки. Ему помогали Фомушкин и Савельев.

Расшифровав полученную радиограмму, Платонов бросил беспокойный взгляд на Скибу. Петр уловил этот взгляд и понял мысли сержанта.

— Смогу пройти хоть сто километров, — сдержанно промолвил он. Потом усмехнулся и добавил: — Деревянная нога меньше уставать будет.

— Сможете не сможете, а идти надо, — ответил Платонов. Развернув карту, он подозвал к себе разведчиков.

— Значит, немцы уехали вот по этой дороге?

— По этой самой, — подтвердил Скиба.

— Стало быть, здесь и нужно привязываться к их следам.

Платонов учитывал, что хутор лежит в стороне от больших дорог, машины проезжают через него редко. Значит, можно было надеяться, что следы, оставленные ночью гитлеровцами, уехавшими из Борка, не затерты. Тем более что гусеницы бронетранспортера, которым гитлеровцы буксировали автобус, должны были оставить четкие отпечатки.

Прежде всего Платонов решил обследовать полотно дороги, подходящей к Борку с противоположной стороны. Чтобы не пойти по ложному следу, сержант хотел выяснить, не проезжал ли сегодня через Борок какой-либо другой транспорт.

Направились к дороге. Поляны обходили, просеки переползали. Неожиданно заметили перед собой узкую обнаженную, пепельного цвета полосу земли. Это и была дорога, стиснутая с двух сторон тучной зеленью леса.

На дорогу вышли только двое — Платонов и Савельев. В пыли они рассмотрели мелкие колеи, выдавленные колесами прошедших машин.

Когда и в какую сторону прошли машины? Может быть, они своими колесами стерли нужные разведчикам следы по ту сторону хутора?

Не выяснив этого, нельзя было продолжать разведку.

Рисунок следов казался нечетким, давним. Но Платонов учитывал, что на пыльной дороге самый свежий отпечаток может при одном дуновении ветра превратиться в старый.

Пытались найти между колеями следы брызг масла, по которым легко узнать, в какую сторону ушли машины, но их не было.

Фомушкин, Зубарев, Курочкин и Скиба тем временем шли лесом, немного впереди Платонова и Савельева, приготовившись в случае опасности прикрыть отход товарищей огнем автоматов.

За поворотом дороги Платонов и Савельев увидели большую лужу. Обрадованно подошли к ней. Эта заплесневевшая лесная вода должна была помочь разгадать, в каком направлении и как давно проехали немецкие автомобили.

Разглядев следы машин близ лужи, Платонов удовлетворенно заметил:

— Все в порядке.

Разведчикам было известно, что при переезде через лужу или наполненную грязью выбоину колеса машин разбрызгивают воду и грязь наискось по направлению движения и, кроме того, оставляют за собой влажные следы, отчетливость которых уменьшается по мере удаления машины.

По этим признакам установили, что все прошедшие здесь машины ехали со стороны хутора. Другие приметы — комки грязи, выброшенные колесами из лужи и уже высохшие, — подсказали, что машины прошли здесь еще вчера.

Не теряя времени, разведчики лесом обогнули Борок и вышли на дорогу с противоположной стороны, в двух километрах от хутора.

На дороге Платонов и Савельев разглядели запомнившиеся следы, оставленные тяжело груженным автобусом, — две широкие колеи и по краям их — четкие отпечатки гусениц бронетранспортера.

Дорога, извиваясь между зарослями и болотами, шла

наискось к фронту. Именно к фронту держала путь группа специального назначения, которую возглавлял опытный разведчик, бывший «аспирант» шпионской школы «Орденсбург Крессинзее» обер-лейтенант Карл Герлиц. Это могло означать только одно: Герлиц, несмотря ни на что, собирался забросить змеиный выводок за линию фронта.

Сержант Платонов терпеливо вел горстку своих солдат вдоль дороги. Шли лесом, пробирались сквозь кустарники, переползали или обходили открытые места. Молчали об Атаеве, попавшем в руки врага. Каждому казалось, что и он виноват в этой неудаче.

Петр Скиба замыкал цепочку разведчиков. Он скакал на одной ноге, стараясь подальше вперед выбрасывать самодельный костыль. Беспокоила боль в ступне, горела кожа под мышкой. Особенно трудно было ему идти кустарником. Но стойко переносил трудности Петр, старался не отставать от товарищей. Что это за испытание для него по сравнению с тем, какое выпало на долю Атаева!

Путь разведчикам перерезала широкая просека. Платонов первым выполз на открытое место, огляделся по сторонам и, махнув рукой солдатам, ползком двинулся дальше. Когда оказался на середине поросшей негустой травой просеки, вдруг заметил на песчаном грунте знакомые следы буксируемого автобуса. Что за чертовщина? Неужели гитлеровцы свернули с дороги и двинулись напрямик к фронту? Это требовалось проверить.

Платонов круто повернул назад. Пришлось выйти на дорогу и осмотреть ее. Оказалось, фашисты действительно свернули с дороги на просеку.

Вдоль просеки идти было удобнее и безопаснее. Разведчики ускорили шаг. Платонов на ходу развернул карту и проследил взглядом, куда ведет просека. Выяснилось, что километров через пять она пересечет рокадную, идущую вдоль линии фронта, дорогу.

«Неужели выедут на эту магистраль? — думал Платонов. — Там идти по следу будет труднее...»

Через полчаса острый слух разведчиков уловил лязг железа. Где-то впереди и чуть правее в глубине леса точно стучали молотком по наковальне.

Завернули вправо от просеки. Здесь лес был погуще.

— Савельев и Фомушкин — в головной дозор, — распорядился сержант.

Опять пошли вслед за маячившими метрах в тридцати впереди широкоспинным, могучим Савельевым и по-мальчишески стройным, тонким Фомушкиным. Стук железа доносился все отчетливее, и дозорные держали направление прямо на него.

Вдруг Савельев и Фомушкин остановились и тут же упали на землю. Савельев поднял над головой автомат, что означало: «Замечен противник».

Отделение залегло, а Платонов вмиг перебрался к дозорным.

Впереди, в прогалине между деревьями, виднелась серая парусиновая палатка. Платонов чуть прополз в направлении к ней и увидел другие палатки, а рядом с ними несколько грузовиков, бензоцистерну и огромный серый автобус, еще не отцепленный от бронетранспортера. По лесу гулким эхом разносился стук железа, громкие голоса, урчание моторов.

Фашисты чувствовали себя в безопасности.

Отделение укрылось в глухих зарослях неподалеку от обнаруженного лагеря. Не было в отделении только Савельева и Фомушкина. Они лежали в кустах под самым носом у фашистов и наблюдали за ними.

Ровно в 18.00 радист послал в эфир свои позывные. Из штаба поступил приказ: «В квадрате 27—18, Б (это означало — у стыка просеки и дороги, по которой гитлеровцы буксировали автобус) отделению разведчиков Платонова ждать прихода разведотряда лейтенанта Сухова. После объединения с отрядом действовать по указанию его командира».

Ждать пришлось целую ночь. Только на рассвете очередная смена дежурных — Платонов и Зубарев — услышала, как в стороне просеки ухнул филин. Это условный сигнал. Мгновение — и все разведчики были на ногах.

— Угу-у! — ответил Платонов.

От сосны к сосне, держа наизготовку автоматы, осторожно приближались к просеке. Еще несколько шагов — и лес начал редеть. Над просекой стелился туман, незаметный в глубине леса. Вокруг — ни души. Может быть, разведчики услышали не сигнал, а крик настоящего филина, потревоженного предутренней прохладой? Несколько минут стояли, прижавшись к соснам, не выдавая себя ни единым движением. Потом Платонов, приложив ладони ко рту, снова, но уже более тихо, закричал филином.

От дерева впереди отделилась фигура человека. Платонов тотчас же узнал в ней Игната Шевченко и шагнул навстречу с распростертыми руками. Не успел обняться с ним, как сзади облапили Ивана могучие руки лейтенанта Сухова. Из кустов высыпали остальные разведчики.

Еще не взошло солнце, не улетучились из леса сумерки, как отряд советских разведчиков приготовился к нападению на вражеский лагерь: перерезаны провода линии связи, распределены обязанности между группами, залегшими в лесу вокруг лагеря.

В лагере тишина и безлюдье. Только несколько часовых, поеживаясь, прохаживались между палатками и возле машин.

Вдруг автоматная очередь полоснула по часовым. Казалось, лес ответил ей многоголосым эхом. Но это было не эхо. Ударили многие автоматы, застрочили пулеметы. Разведчики вихрем налетели на лагерь...

Лес звучал веселым говором птиц. Всходило солнце, осветившее пока только верхушки деревьев. И, хотя солнечные лучи еще не коснулись остывшей за ночь земли, не пробились к ней сквозь высокие наметы ветвей, разведчикам казалось, что лес сегодня не такой угрюмый и неприветливый, как обычно. Выполнив задание, они уходили в глубь лесной глухомани, в глубь болот. А впереди со связанными руками шли девять пленных — девять уцелевших в недавней схватке фашистов, которые должны были быть заброшены в тыл советских войск. И вот сегодня их ведут за линию фронта, но ведут далеко не так, как им хотелось бы.

Впереди колонны бредет обер-лейтенант Карл Герлиц. Неприглядный вид у шефа гитлеровских лазутчиков.

Радость каждой победы на войне всегда омрачается потерями. Омрачена радость и разведчиков. Савельев, Зубарев и еще два солдата из отряда лейтенанта Сухова несут на носилках, сделанных из плащ-палатки, тело Атаева. Умер он в страшных муках, но не выдал тайны, не нарушил присяги.

Сзади несут двух раненых разведчиков. Рядом с ними скачет на одной ноге и на костыле Петр Скиба. У не-

го забинтована голова. В бою Скиба не отстал от товарищей, не дал молчать своему автомату.

Чуть ссутулившись, бесшумно ступает Иван Платонов. На его потемневшем курносом лице заметна усталость. Глаза под рыжими бровями спокойные, задумчивые. Кто знает, о чем думает Платонов: может, о девушке Полине из далекой сибирской деревни, может, о делах, которые ждут его впереди...

Тихо шумит верхушками сосен лес, вздыхает и посапывает укрытое зеленью болото, прерывисто рокочут вдали орудия. Идет война. И смелые труженики войны — разведчики — держат путь навстречу новым опасностям и победам.

1951 г.

ПЛЕВЕЛЫ ЗЛА

«Злой дух сеет плевелы раздора межи человеки».

Аркадий Маркович Филонов сидел рядом с шофером и, откинувшись на спинку сиденья, устало смотрел сквозь ветровое стекло на лесную дорогу. Дорога то петляла по глухо заросшей лесной вырубке, то плавными изгибами юлила между высокими медноствольными соснами.

Мимо промелькнула, точно пробежала навстречу машине, кривобедрая ель со свежими, заплывшими янтарной смолой шрамами — следами осколков. Старый хирург вздохнул.

Только что сейчас в лесу, около сгоревшей деревни Марфино, он оперировал юную санитарку Веру Наварину. Надолго останется в его памяти эта операция. Почему? Ведь он оперировал тысячи людей. Может, потому, что эта славная девушка, с бледным лицом и помутневшими от нестерпимой боли глазами, с бисеринками пота над верхней губой и на лбу, напомнила ему дочь?.. Может. А может, и нет.

Перед глазами встала просторная палатка полкового медпункта. Серая парусина расцвечена желтыми пятнами. Это пробивались сквозь кроны ветвей солнечные лучи. Посредине палатки — операционный стол, на котором лежала тяжело раненная Вера Наварина. Молоденький врач из полковой санроты растерянно глядел на Филонова. Время упущено... Долго пролежала в лесу раненая санитарка, прежде чем ее нашли.

И главный армейский хирург, генерал медицинской службы Филонов, случайно оказавшийся в полку, начал готовиться к сложной операции.

Девушка умоляла:

— Не надо... милый доктор... Отвезите меня к отцу... Только он спасет, больше никто. Или его вызовите...

Молодой врач объяснил Аркадию Марковичу, что отец Веры Навариной — тоже хирург. Он работает начальником армейского хирургического подвижного госпиталя, который расположен не так далеко. Филонов знал об

этом госпитале, но побывать в нем еще не успел, так как всего лишь неделю назад прибыл в Н-скую армию.

— Отвезите к отцу, милый доктор... Только он... — твердила Вера.

Филонов понимал, что девушка не вынесет переезда в госпиталь и что нельзя терять ни минуты. Не было гарантии, что даже немедленная операция спасет юную санитарку.

Над операционным столом вспыхнула ярким светом аккумуляторная электролампа. Заискрились бисеринки пота на бледном лице девушки.

Аркадий Маркович приступил к операции...

Дорога вильнула вправо и вынесла машину на широкую поляну. Филонов сощурился от солнца, ударившего в глаза, и вздохнул.

«Да. Время... Упустить в нашем деле время — нередко значит потерять чью-то жизнь...»

Вспомнилось, что, когда ехал в деревню Марфино, намеревался вначале завернуть к артиллеристам, но потом поехал прямо. А завернул бы?.. И опять вздыхает старый хирург.

«А она, глупенькая, к отцу просилась. Умерла бы! — И Аркадию Марковичу стало нестерпимо жалко незнакомого ему отца санитарки. — Нужно позвонить... Только как же его фамилия?.. Наварин?»

И вдруг Аркадий Маркович вспомнил, как два года назад, когда он замещал начальника санитарного отдела штаба Н-ской армии на Северо-Западном фронте, к ним в отдел прислали нового работника — майора медицинской службы Наварина.

«Нет, не может быть!..» Филонову очень захотелось, чтобы отец Веры оказался не тем знакомым ему Навариным...

В памяти всплыло пышущее здоровьем лицо. Широкая белозубая улыбка, румяные щеки, крутой лоб, на который спадала густая прядь черных с проседью волос. Из-под широких бровей смотрели чуть выпуклые коричневые глаза. В них — уверенность в себе, твердость и в то же время располагающее радушие... Сначала Аркадию Марковичу понравился майор медслужбы Наварин — серьезный, проживший немалую жизнь человек. И работником оказался неплохим: подолгу засиживался в своей землянке, с педантичной придирчиво-

стью относился к поступающей из войск документации, охотно ездил в дивизии обследовать работу медсанрот и медсанбатов, бывал в госпиталях.

Вот только докладные, которые, возвращаясь из очередной командировки, писал Наварин, не по душе были Филонову. Одними черными красками изображал майор положение в госпиталях, медсанбатах, санотделах дивизий. Конечно, недостатки, на которые указывал Наварин в докладных, не были придуманы им, они, видимо, имели место, однако, по мнению Аркадия Марковича, за недостатками нельзя было не видеть и того большого, неоценимого, что делают медицинские работники на фронте. Об этом он часто говорил Наварину.

Филонов понимал, что одних разговоров здесь мало, что нужно бы раз-другой поехать вместе с Навариным в войска и там показать ему, из чего следует исходить, оценивая работу госпиталей, медсанрот. Но до этого у него не доходили руки.

Как-то на армейском совещании хирургов один командир медсанбата прозвал Наварина «собирателем жучков». Его поддержали другие. «Ездит, выискивает недостатки, а помощи ни советом, ни делом не оказывает».

И вот поступила очередная докладная записка Наварина. Аркадий Маркович не поверил своим глазам: в выводах докладной предлагалось снять командира медсанбата майора медслужбы Михайлова с должности. Почему? Не потому ли, что Михайлов критиковал Наварина на армейском совещании хирургов? Это он, кажется, прозвал его «собирателем жучков»...

Филонов отложил все свои дела и поехал в медсанбат. Там убедился в несостоятельности этих выводов. Ему стало окончательно ясно, что такого человека, как Наварин, нельзя держать на руководящей работе. Об этом он откровенно заявил на партийном собрании санотдела. В ответ последовала жалоба Наварина в санитарное управление фронта — жалоба на него, Филонова. Затем появилась комиссия, обследования... Создалась обстановка, при которой стало трудно работать.

И вдруг поступило распоряжение: выделить двух лучших хирургов на курсы в Москву.

Аркадий Маркович глубоко вздохнул и досадливо поморщился. Он вспомнил, как писал характеристику на Наварина, рекомендуя его на учебу.

«Вот так мы иногда спихиваем на чужие руки неспо-

собных работников, — с горечью подумал он. — Даже в должностях повышаем, лишь бы избавиться от них... Впрочем, Наварин, кажется, хирург опытный. И раз стал начальником госпиталя, значит, и руководить научился. Время-то идет...»

Впереди, в гущине леса, забелела черточка шлагбаума. Вскоре шлагбаум остался позади, и по обеим сторонам дороги замелькали зеленые холмики землянок. Здесь размещался второй эшелон штаба армии...

Филонова ждало спешное дело. По дороге в штаб фронта тяжело ранен при бомбардировке с воздуха заместитель командующего армией по тылу. И вскоре Филонов вместе с операционной сестрой сидел в тесной кабине санитарного самолета.

...Возвратился Аркадий Маркович через три дня. Усталый, измученный, но удовлетворенный: жизнь раненого генерала спасена. И когда вошел в свою тесную землянку с задрапированными марлей стенами, блаженно посмотрел на застеленную койку. Две ночи не спал. Только сейчас почувствовал, как заныла спина, как загудело в голове.

Скрипнули ступеньки, ведущие в землянку. Постучав в дверь, вошла девушка в военной форме и положила на стол папку с бумагами. Когда девушка ушла, Филонов присел к столу и открыл папку. Сверху увидел расшифрованную телеграмму из санитарного управления фронта. На ее уголке красным карандашом была выведена резолюция начальника санотдела: «Тов. Филонову — к исполнению. Срочно».

Первые же строчки телеграммы заставили Аркадия Марковича насторожиться, напрячь внимание. В телеграмме говорилось:

«Н-ский медико-санитарный батальон подвергся бомбардировке и понес потери. В это время прибыло две машины с тяжелоранеными. Раненых без обработки отправили в хирургический полевой подвижной госпиталь подполковника медслужбы Наварина. Госпиталь, вместо того чтобы принять раненых и срочно обработать их, завернул машины обратно в медсанбат. Двое тяжелораненых скончались в пути...

В случае отсутствия уважительных причин виновных предать суду...»

Филонов шумно выдохнул воздух и взялся за следующую бумагу. Это было подтверждение из санотдела дивизии.

«Госпиталь завернул машины с ранеными, — читал Филонов. — На обратном пути умерли старшина Ерохин и санитарка Наварина, которая после операции, сделанной на полковом пункте, направлялась для транспортировки в госпиталь...»

Аркадий Маркович все смотрел на расплывающиеся перед глазами строки, а в ушах его звучал слабый голос Веры Навариной: «Милый доктор... отвезите меня к отцу. Он спасет...»

— Умерла... — прошептал Филонов и сжал руками седую голову. — Везли в госпиталь к отцу... Какой же подлец завернул машины?.. Нужно ехать...

Перед Аркадием Марковичем встало лицо Наварина. Ему почему-то казалось, что это именно тот самый Наварин. И оттого, что он его знал, было еще больнее. Горе знакомого человека всегда ближе принимается к сердцу, если даже этот человек несимпатичен. Хотелось побыстрее оказаться рядом с ним, помочь, утешить. Но разве утешишь? Родная дочь!..

Филонов протянул руку к телефону, стоявшему на столе, взял трубку.

Вскоре он уже говорил с санитарным отделом штаба дивизии, в которой совсем недавно служила санитаркой Вера Наварина.

— Доложите точно, кто именно завернул из госпиталя машины с ранеными, — требовал Аркадий Маркович. — Может, дежурный по госпиталю?

— Никак нет, — хриплым голосом отвечала телефонная трубка. — Раненые не приняты по личному приказанию начальника госпиталя Наварина...

— Наварин? Сам?..

Просторная комната с завешанными марлей окнами. Тишина. Ее нарушало редкое позвякивание металла и стекла. Это старшая операционная сестра Сима Березина, закончив свою смену, наводила порядок на инструментальном столе. Ее миловидное лицо с большими темными от густых ресниц глазами было задумчиво. В ушах Симы еще звучала мольба раненого, которого только что унесли из операционной: «Доктор, сохраните руку, нельзя мне без руки, я слесарь... семья большая...» Но сохранить руку не удалось. Гангрена...

Сима покосилась в угол, где примостился за тумбочкой хирург Николай Николаевич Рокотов; увидела

его широченную спину с завязанными тесемками халата, черные волосы на затылке, выбившиеся из-под белого колпака, услышала шелест бумаги: хирург заполнял карточку раненого. Сима вздохнула: «Неужели нельзя было ничего сделать?»

Из-за простынной перегородки вышла с ведром в руке стройная девушка в белом халате и косынке с красным крестиком. Это медсестра Ирина Сорока. В ведре — бинты в запекшейся крови.

Ирина остановилась у окна и попыталась сквозь сетку марли рассмотреть что-то во дворе. На ее широком, курносом лице — недоумение. Потом Ирина подбежала к двери, распахнула ее. Два санитара осторожно внесли носилки с раненым, накрытым шинелью.

«Откуда? — В больших серых глазах Симы мелькнуло удивление. — Ведь палаточные все обработаны, а новых не поступало... Ни одна машина сегодня не приходила...»

Санитар Красов, пожилой рыжеусый солдат с морщинистым лицом, заметив недоуменный взгляд начальства, точно извиняясь, пояснил:

— Солдаты принесли. Прямо с передовой... на носилках...

— Шутите? — не поверила Сима.

— Вон посмотрите в окно. И уходить не хотят. Вчетвером несли с полкового пункта. В медсанбат и не заглянули. Говорят, слышали от одной санитарки, что у нас знаменитый хирург есть — Наварин.

Раненый стонал. Землисто-серое лицо, заострившийся нос, вздрагивающие веки на полузакрытых глазах. У Симы тревожно сжалось сердце, и она повернулась к Николаю Николаевичу, который, оставив свои бумаги, подошел к рукомойнику с педалью и начал натирать стерильными щетками руки. Видит ли хирург, что раненый очень тяжелый?

Ирина Сорока тем временем снимала повязку с бедра раненого, которого положили на операционный стол.

— Ой! — вдруг вскрикнула она и отшатнулась от стола. — Посмотрите...

Сима подошла к операционному столу и увидела такое, что вся кровь прихлынула к сердцу и красивое лицо девушки побледнело. Над обнаженным бедром раненого возвышался черный, ребристый стабилизатор неразорвавшейся мины.

Сима вспомнила случай, когда под Смоленском в ле-

су, где разбил свои палатки госпиталь, один санитар поднял такую мину, чтобы отнести ее в сторону. Мина взорвалась в руках...

При виде стабилизатора мины у хирурга Рокотова выскользнула из рук стерильная щетка. Он молча, округлившимися глазами смотрел на хвост мины, и было видно, как на его виске учащенно пульсировала розовая жилка.

— Всем выйти из палаты! — наконец проговорил Николай Николаевич. — Пригласите пиротехника.

Комната опустела. У операционного стола остались хирург и Сима Березина.

— А вы? — обратился к ней Рокотов.

— Я помогу. Подготовлю рану...

Подполковник медицинской службы Вениамин Владиславович Наварин слыл в госпитале отзывчивым, добрым человеком. Зайдет к нему в кабинет начальник отделения или рядовой врач, медсестра или санитар — всякому он скажет приветливое слово, поинтересуется самочувствием. Вениамин Владиславович выслушивал подчиненных как отец родной. И особенно душевно откликался на всякие жалобы и просьбы.

Вчера санитар Красов в самую горячую пору, когда пришли машины с ранеными, оказался пьяным. Дежурный врач отстранил санитара от работы, а заместитель начальника госпиталя по политчасти майор Воронов тут же объявил ему пять суток ареста.

Сегодня утром Красов, вместо того чтобы отправиться под арест, побежал каяться к начальнику госпиталя. Вениамин Владиславович внимательно выслушал немолодого рыжеусого солдата, пожурил его и после того, как Красов, жалостливо хлюпая своим рыхлым лиловым носом, пообещал и не «нюхать» больше хмельного, отпустил его. Затем пригласил к себе майора Воронова.

— Поймите, дорогой Артем Федорович, — увещевал сейчас Наварин замполита, — санитар Красов — человек пожилой, оторван от семьи, от дома. Ну, выпил рюмку, бывает такое, может, по детям загрустил. Внушить ему нужно, прямо скажу. Но старика под арест!.. Помилуйте, у нас же госпиталь, а не рота новобранцев. Потом и о другом не забывайте. Сегодня одного накажем, завтра второго, третьего. Через месяц на-

строим против себя весь госпиталь. Как же работать тогда?

Майор Воронов сидел на жестком топчане у стола и недовольно хмурил брови. В его немолодых глазах поблескивали недобрые огоньки, а скулы и подбородок на худом горбоносом лице казались твердыми, точно литыми. Вениамин Владиславович начал волноваться:

— Только поймите меня правильно, — он даже привстал за своим письменным столом, заслонив широкой спиной окно. — Я не против дисциплины, наоборот. Но, прямо скажу, я против крайних мер...

— С такими порядками я согласиться не могу, — ответил Воронов, налегая плоской грудью на стол. — Ведь если придерживаться вашей точки зрения, то можно оправдать пьянку любого нашего работника, оправдать дезертира или самострела, вдруг такие окажутся. Все же оторваны от семей...

— Артем Федорович! Дорогой человек! — с дружелюбным недоумением воскликнул Наварин, усаживаясь на место и прикладывая обе руки к сердцу. — Зачем же сгущать краски? Люди-то наши, советские! Пошлите этого Красова сейчас, сию минуту, на самое опасное дело, на верную смерть, и он пойдет. Пойдет без малейшего колебания.

— Боюсь, что, если я отдам ему подобное приказание, он прибежит к вам...

— Почему же?

— Мое приказание, выходит, для него не закон. Я наложил взыскание, вы отменили через мою голову, не посчитались с уставом. — Воронов отстранился от стола, и под ним жалобно, протестующе скрипнул топчан.

— А-а-а, вот тут вы правы, Артем Федорович! Прямо скажу: иногда забываю я о тонкостях устава. Каюсь. Но уставы — не главное. Душу надо иметь! Нельзя подавлять человека. Я вот родную дочь, рядовую санитарку, не могу заставить перейти из полковой санроты в госпиталь. Девчонка самовольно из дому сбежала. Не хочет под начало отца — и точка. А силой не переведешь.

Майор Воронов отвернулся к окну, в которое заглядывала со двора ветка недавно отцветшей рябины. Двор — унылый, запыленный, заросший бурьяном. Через улицу виднелось пепелище давно сгоревшего дома. Воронову не по себе. В который уже раз приходилось

ему вести столь неприятные разговоры с начальником госпиталя...

В кабинет постучались. Вошла молодая женщина — лейтенант административной службы — и положила перед Навариным пакет с сургучными печатями.

— Распишитесь в получении, Вениамин Владиславович. — Женщина раскрыла журнал, вздохнула и неодобрительно покосилась на мрачного Воронова, как бы давая понять Наварину, что она сочувствует ему.

Наварин расписался в журнале, сломал на пакете сургуч. Достав бумагу, углубился в чтение...

Майор Воронов, посасывая не набитую табаком трубку, молчал. А начальник госпиталя, уткнувшись глазами в бумагу и нахмурив свои густые черные брови, точно позабыл о присутствии замполита.

В приказе, который лежал перед Навариным, четко и ясно говорилось: «Хирургический полевой подвижной госпиталь подполковника медицинской службы Наварина включается в систему головного полевого эвакуационного пункта...» Наварину предписывалось возглавить скомплектованный хирургический отряд и вместе с госпиталем быть готовым к передислокации в район тылов Н-ского полка.

— Сумасшествие! — всплеснул руками Вениамин Владиславович и торопливо начал развертывать карту с нанесенной обстановкой. Отыскав на ней у самой линии фронта красный флажок подвижного медицинского пункта Н-ского полка, он обратился к Воронову: — Полюбуйтесь! Сюда приказано перебазироваться перед наступлением, почти на передний край.

Воронов внимательно посмотрел на карту, подумал и не торопясь ответил:

— Хотя и опасно немного, но, по-моему, место подходящее. Лес, пути подъезда хорошие, близко от больших дорог. Значит, и попутный транспорт будет на нас работать.

— Удивляюсь вам, Артем Федорович! — вскипел Наварин. — Дело же не в опасности. А как с взаимодействием между медсанбатами и эвакопунктом? Снаряды, бомбы, окружение — ничто нам не может помешать в работе. Ничего мы не боимся. Но нарушить взаимодействие!.. Это именно и получится, когда мы выедем вперед за линию медсанбатов. Начнется чехарда. Медсанбаты встанут на колеса, и весь поток раненых к нам устремится. А нам же спасать этих раненых нужно!

Жизни человеческие нам доверяют! Жизни! Мы обязаны свести смертность раненых к минимуму.

— Вы полагаете, этого не учитывали, когда составляли приказ? — сухо спросил Воронов.

— В том-то и дело. — Наварин снисходительно улыбнулся, и доброта, которая обычно светилась в его глазах, исчезла. — Сидят в санотделе штаба армии канцеляристы и сочиняют приказы. А у нас опыт. Помню, под Смоленском... Да что далеко за примерами ходить!.. Недавно командир медсанбата Михайлов прислал к нам без обработки две машины тяжелораненых. А ведь знает же, что не имеет права этого делать. И все-таки направляет. А что будет, если поток раненых увеличится? В каком положении мы окажемся, когда вперед медсанбатов выедем?

— Постойте, постойте, — перебил Наварина майор Воронов. — О каких двух машинах вы говорите?

— Три дня назад это было... Вот вы, Артем Федорович, упрекаете меня, что я устав нарушаю. Где нужно, я за порядок костьми лягу. Михайлов хоть и мой старый знакомый, на Северо-Западном фронте тоже в одной армии были, а я его не пощадил. Завернул машины обратно и еще сообщу об этом начальству.

— Завернули? — Глаза майора Воронова потемнели, сделались колючими. — А может, медсанбат не мог?..

Во дворе хлопнула калитка и послышались чьи-то торопливые шаги. В кабинет вбежала медсестра Ирина Сорока. Запыхавшаяся от бега, взволнованная, она, не спросив, как положено, разрешения, начала тараторить:

— Товарищ начальник! Раненого принесли, прямо с полкового медпункта. У него в правом бедре мина... в верхней части... Пиротехник говорит — трогать нельзя, может взорваться.

Наварин смотрел на взволнованную девушку, и его спокойное и твердое лицо выражало недоумение.

— Толком расскажите. Какая мина? — переспросил майор Воронов, поднимаясь со своего места.

— Немецкая! Небольшая, как свеколка. Застряла в бедре и не взорвалась...

Вениамин Владиславович хмурил брови, и над ними дергались мускулы. Такого случая он еще не встречал в своей практике и даже нигде не читал о подобном. Начал осмысливать услышанное. Сразу далеко отодвинулись только что одолевавшие его заботы... «В теле че-

ловека неразорвавшаяся мина. Нужно оперировать. Но мина в любой миг может взорваться. Погибнет не только раненый, но и хирург, и все, кто будет близко...»

Вениамину Владиславовичу показалось, что спинка стула, на котором он сидит, расслабленно подалась назад. И деревянные половицы под ногами вдруг показались дряблыми, скрипучими. Ему стало неприятно это состояние потерянности, и он нетерпеливо, со злостью забарабанил пальцами по столу. Ритмичная дробь пальцев как бы дала плавный ход мыслям, вернула его к действительности. Оторвав взгляд от взволнованного лица медсестры, Наварин вопросительно посмотрел на майора Воронова, который старательно набивал трубку с медным ободком на мундштуке.

— Доложить в санотдел армии? — проговорил Вениамин Владиславович и потянулся рукой к телефонному аппарату, стоявшему тут же на столе. — Алло! «Сосна»? Дайте двадцать седьмой... Попрошу главного хирурга. Нет его? Наварин говорит... К нам поехал?!

Вениамин Владиславович положил трубку и пожал плечами. Брови его вскинулись вверх, и на высокий лоб легла лестничка морщин.

— Главный армейский хирург, оказывается, к нам поехал... — вроде про себя, озадаченно промолвил Наварин. Повернувшись к Ирине, приказал: — Быстренько пригласите ко мне Николая Николаевича! Посоветуемся...

Ирина убежала за ведущим хирургом Рокотовым, а Наварин поднялся из-за стола и, озабоченный, начал ходить по кабинету.

Воронов раскурил трубку и снова уселся на топчан у окна, время от времени кидая вопросительный взгляд на начальника госпиталя.

— Генерал Филонов только прибыл в армию, — промолвил Вениамин Владиславович, обращаясь к замполиту, — знакомиться с госпиталем едет, а тут такой случай! Небывалый...

Во дворе опять послышался топот. Это уже возвращалась Ирина. Раскрасневшаяся от бега, она ворвалась в кабинет и скороговоркой выпалила:

— Николай Николаевич не могут! Раненый на операционном столе!..

— Безумие! — простонал Наварин, страдальчески

сморщив лицо. — Всю ответственность взвалил на свою спину. Может, я сам оперировал бы!.. Погубит себя и людей... — И, повернувшись к Воронову, спросил: — Что теперь Филонов скажет? Знаю я этого ворчливого старика!

Вениамин Владиславович остановился у стола, точно прислушиваясь, не донесется ли со стороны школы, где размещен операционно-перевязочный блок, взрыв. И вдруг ему стало не по себе: сейчас нагрянет генерал-майор медицинской службы Филонов, а он, хирург Наварин, когда в его госпитале такое событие, вынужден быть в стороне! «И все из-за самоуправства подчиненных!..»

Наварин, сам не замечая того, почти бегал по кабинету, заложив руки за спину. Казалось, начальник госпиталя позабыл о Воронове, о медсестре, притихшей у дверей. Потом неожиданно остановился перед Ириной, посмотрел в ее растерянное лицо и приказал:

— Бегите к пропускному пункту. Как только заметите машину генерала Филонова, немедленно позвоните мне.

— Так они уже приехали! — сказала Ирина.

— Как? Когда?..

— Недавно! Приехали, узнали от солдат о мине — и в операционную. Они ж вместе с Николаем Николаевичем операцию делают...

Наварин, окатив медсестру досадливо-негодующим взглядом, пулей вылетел из кабинета. Без фуражки, с растрепанной шевелюрой, он крупной рысцой бежал к школе. Ему вслед строго и задумчиво смотрел в окно замполит Воронов.

Раненый, укрытый простынями, спиной вверх лежал на операционном столе. Обнажено только правое бедро. Сима Березина, промыв кожу вокруг раны и стараясь не слышать протяжного тихого стона, смазывала ее йодом. Пальцы девушки словно онемели: то не могли попасть ватой, намотанной на палочку, в склянку с йодом, то не хватало сил притронуться к ребристому хвосту мины. Вспомнилось строго-деловитое лицо пиротехника — молодого лейтенанта: «Трогать нельзя». Рокотов приказал пиротехнику удалиться...

— Быстрее, Березина, — торопил Симу хирург Рокотов, натирая спиртом руки. — Раненому плохо.

— Сейчас, сейчас, Николай Николаевич! — И Сима, обложив рану стерильными салфетками, кинулась к ин-

струментальному столу. Ведь многое еще надо успеть сделать, прежде чем можно начать операцию.

Вдруг открылась дверь. В операционную, надевая на ходу халат, вошел незнакомый пожилой человек. На плече его сверкнул генеральский погон.

— Главный армейский хирург Филонов, — хмуро представился он, обращаясь к Николаю Николаевичу.

Филонов приблизился к операционному столу, несколько мгновений молча смотрел на угрожающе торчащий среди белых марлевых салфеток стабилизатор мины, потом, откинув с ног раненого простыню, начал щупать пальцами пульс на правой голени и стопе. Аркадий Маркович уже был в курсе случившегося.

— Зовите ваших сестер, — точно продолжая ранее начатый разговор, спокойно сказал Филонов Николаю Николаевичу.

Рокотов, полагая, что главный армейский хирург не подозревает об опасности, наклонился к нему и, стараясь, чтобы не услышал раненый, тихо сказал:

— Мина может взорваться...

— Всякое может быть, — ответил генерал. — Но солдата надо спасать, время не терпит. Зовите сестер!

— Я сама управлюсь, — вмешалась в разговор Сима.

Филонов кинул на нее быстрый взгляд и промолчал, сосредоточенно натирая мылом и щетками руки.

Сима спешила. «Солдата надо спасать», — повторила она про себя слова генерала, делая раненому укол морфия и кофеина.

Теперь Сима была почти уверена, что мина обязательно взорвется, взорвется потому, что «солдата надо спасать» прозвучало в ее сознании торжественно, и потому, что у нее прошел всякий страх. Мина взорвется, и они — Сима, Николай Николаевич, генерал Филонов — погибнут, навсегда утвердив своей смертью закон: «Солдата надо спасать...»

Но Симе все же не управиться одной. Нужно еще наложить маску, успеть приготовить для подачи инструментов свои руки. И в операционной появляется бледная от волнения девушка. Широко раскрытыми глазами она с ужасом косится на черный хвост мины и дрожащими руками берется за шприц.

Началось самое опасное. Нетрудно рассечь клетчатку тела по оси раны. Но потревожить мину, взрыватель которой находится «на сносях»...

Сима стоит между инструментальным и операционным столами, подняв вверх руки. Напротив — армейский хирург Филонов и ведущий хирург госпиталя Рокотов. У них, как и у Симы, открыта только узкая полоска лица — глаза и лоб. Глаза сосредоточенные, нахмуренные, под марлевыми масками угадываются крепко сомкнутые губы.

Сима следит за мягкими движениями пальцев Филонова, в которых зажат скальпель, и без напоминания подает инструменты.

А вокруг — в коридорах, соседних комнатах, во дворе, на улице — небывалая тишина. Весь госпиталь прислушивается к тому, что происходит сейчас в операционной.

Рука Филонова ложится на хвостовое оперение мины. Сима чувствует, как в ее груди прокатывается холодок и замирает сердце, как немеют ноги. В голове бьется только одна мысль: если мина взорвется — успеть бы отвернуться, чтобы осколки не изуродовали лицо, глаза...

В этот момент в операционно-перевязочную бесшумно вошел начальник госпиталя Наварин. В его вдруг ввалившихся темных глазах светилось не то отчаяние, не то самоотреченность. Всегда твердое и независимое лицо Вениамина Владиславовича сейчас было потерянным и необычайно бледным. Не обращая внимания на недовольный, сердитый взгляд генерала Филонова, Наварин кошачьими шажками подошел к операционному столу.

Сима стояла спиной к двери и не заметила, когда вошел начальник госпиталя. Она приготовилась подать Филонову хирургические ножницы, как вдруг к ее плечу прикоснулась рука Наварина. От неожиданности девушка вздрогнула. Ножницы выскользнули из ее руки и звонко ударились о пол. В напряженной тишине этот удар загремел как выстрел, как взрыв... И тотчас же Вениамин Владиславович проворно нырнул к ногам Симы, под стол...

Сима растерялась. Вначале ей показалось, что Наварин бросился поднимать выскользнувшие у нее ножницы. И ей, виновнице всего этого, хотелось побыстрее поднять их самой. Но окрик генерала Филонова: «Не сметь!» — вовремя остановил операционную сестру. Ведь руки-то у нее стерильные, а операция не закончена...

Филонов, Николай Николаевич, Сима Березина с

удивлением смотрели на Наварина. А он, длинный, в белом халате, прикрыв голову руками, несколько секунд полежав без движения, начал подниматься — медленно, с похрустыванием в коленях. Затем расхлябанной, старческой походкой зашагал к дверям, прижимая правую руку к сердцу...

Наварин возвратился в свой кабинет подавленным.

— Что с вами, Вениамин Владиславович? — встревожился майор Воронов, положив телефонную трубку. Его задержал в кабинете звонок из политотдела армии. Там уже знали о двух не принятых госпиталем машинах с ранеными...

— Сердце, Артем Федорович... — Наварин, обессиленный, опустился на табурет. — Сейчас в операционной такой приступ...

Вдруг где-то за соседними домами громыхнул взрыв.

Воронов и Наварин вскочили на ноги. По лицу Воронова разлилась бледность. Испуганный, он посмотрел на Вениамина Владиславовича, у которого непонятным блеском загорелись глаза, и кинулся к дверям.

Наварин преобразился. Куда девались его вялость и подавленность!

— Беда, Артем Федорович! — вскрикнул он, устремляясь вслед за Вороновым. Но тут же остановился, проводил глазами пробежавшего мимо окна замполита и, прикусив нижнюю губу, углубился в какие-то свои мысли.

Потом Вениамин Владиславович налил из графина стакан воды, залпом выпил ее и посветлевшим взглядом, чему-то улыбаясь, обвел свой кабинет. И с деловитой решимостью он кинулся в распахнутую Вороновым дверь.

По знакомой тропинке бежал к школе, а в голове билась мысль:

«Эх, Филонов, Филонов!.. Славный был старик... Освободилась должность главного хирурга армии...»

Недалеко от школы Вениамин Владиславович столкнулся с Ириной Сорокой. С дрожащим блеском в глазах и сияющим лицом девушка выпалила:

— Все в порядке, товарищ начальник! Генерал бросил мину в старый колодец!..

Наварин остановился, точно наткнулся на невидимую стену, посмотрел застывшими глазами на Ирину. Девушка посторонилась, давая ему дорогу, потом заторопилась дальше. А он, поблекший, все стоял на месте, чувствуя, как от груди к ногам побежал противный холодок. Старался поймать какую-то очень нужную сейчас мысль, но

никак не мог. С трудом сделал шаг вперед, потом повернулся назад и медленно побрел, сам не зная куда. Некстати вспомнилось детство, провинциальный городок, в котором отец работал врачом. Однажды мальчишки играли в войну, и Вениамин объявил себя командиром. Его побили и сказали, что командиром будет самый сильный. Потом он старался выглядеть сильным и жестоко ненавидел тех, кто в это не верил...

Наварин пришел в свой кабинет, бессмысленным взглядом посмотрел на письменный стол, где лежала развернутая топографическая карта, потом направился в соседнюю комнату и, не раздеваясь, лег поверх одеяла на кровать.

Минут через двадцать пришли генерал Филонов и подполковник медслужбы Рокотов.

— Никого нет? — недовольно спросил Аркадий Маркович, увидев пустой кабинет.

Ему никто не ответил.

Аркадий Маркович придвинул к столу табуретку, уселся верхом на нее и задумался. Рокотов присел на край скрипучего топчана.

— Не принять раненых, — с душевной болью заговорил наконец Филонов, — не поинтересоваться, что стряслось в медсанбате... Боже мой! И все из-за того, что командир медсанбата Михайлов его давнишний недруг... И недруг ли?.. На совещании критиковал... Ну откуда такая мразь в душе человека?! — Аркадий Маркович повернулся к Рокотову. — Откуда?.. От собственного ничтожества, от неспособности занимать то место, которое он занимает, и от стремления удержаться на нем, от трусости, что распознают его ничтожество... А мы? Где же наши глаза? Почему не хотим разглядеть таких людей, а распознав, почему не спешим указать им их место?..

Аркадий Маркович замолчал и углубился в какие-то свои мысли. Потом, очнувшись от них, снова обратился к Рокотову:

— Простите, дорогой Николай Николаевич. Я, кажется, увлекся грустными размышлениями. Приступим к делу: вам придется принимать госпиталь... Да, да. И немедленно... Наварин пойдет под суд.

В дверях, что вели в соседнюю комнату, послышался шорох. Филонов оглянулся и увидел Наварина. Он стоял бледный, беспомощный, с сухими дрожащими губами.

«Вот и еще одну мину обезвредили, — мелькнула

мысль у Аркадия Марковича и тут же с новой болью отдалась в груди. — А ведь мину эту я, кажется, своими собственными руками вытолкнул на дорогу, людям под ноги... А мог же давно убрать ее...»

То ли от этой горькой справедливой мысли, то ли оттого, что ему предстоит еще сказать Наварину о смерти его дочери и о том, что он, Наварин, виновник ее смерти, генерал тяжело вздохнул и устало провел рукой по своему немолодому лицу.

1957 г.

МАКСИМ ПЕРЕПЕЛИЦА

СТО БЕД НА ОДНУ ГОЛОВУ

У своего батьки, колхозного кузнеца Кондрата Перепелицы, и матери Оксаны я, Максим, единственный сын. Да вот дела до этого никому нет в нашем селе Яблонивке, что на Винничине. Не очень нравлюсь я людям. Говорят, ветерок у меня в голове посвистывает.

Но я с этим не согласен. Ну действительно, Максим Перепелица не как все хлопцы. Люблю я порассуждать, люблю везде первым быть. Нравится мне, когда я у всех на виду. Шутки всякие мне по душе. Так что в этом плохого? Почему же люди прозвали меня ветрогоном? И так прилипла ко мне эта дурная кличка, что даже на комсомольском собрании не стесняются обзывать ею Максима Перепелицу, если критикуют за поведение.

Но должен сказать, что критикуют за сущие пустяки. Подумаешь, яблоки обнес в садку деда Мусия! Или по-собачьи залаял среди ночи под окном тетки Явдохи. Так кто же не знает Мусия? Более сварливого деда во всей области не найти. А Явдоха? Это же явная спекулянтка! Она умеет наторговать денег даже за капустные листья, которыми масло обертывает, когда несет на базар!

Подсмеиваются надо мной в селе еще и потому, что не понимают толку в значках различных. Сдал я, например, нормы «Готов к труду и обороне». Привесил себе значок. А рядом с ним примостил значок альпиниста, который нашел в Виннице на вокзале. Так это ж я в шутку — в честь того, что я раз в неделю покупаю себе дорогие папиросы «Казбек»!

Значки спортсменские — дело, конечно, не пустяковое. Но это ничто по сравнению с тем, чего можно добиться на военной службе. Вот уйду в армию, там покажу себя! В Яблонивке еще увидят, каков есть Максим Перепелица!

Долго дожидался я этого счастливого дня. И вот он не за горами: завтра уезжаю служить в пехоту. Эх, бы-

стрее бы завтрашний день! Быстрее бы военную форму надеть!

И тут случилось такое... Страшно даже подумать... Не видать мне армии, как ушей на своей глупой голове! И это Максиму Перепелице — первому парубку на всю Яблонивку!.. Нет, где же справедливость? Где совесть людская? Почему никто не беспокоится, что я могу не перенести этого?

А произошло все вот как.

Сегодня на работу в колхоз я уже не ходил — по случаю отъезда. Раз так, решил пораньше выйти на гулянку. Ведь последний день в родном селе!..

Оделся во все новое, значки свои к пиджаку привинтил — и за порог. А хата наша стоит на пригорке, у всего села на виду. Осматриваюсь... Хороший вечер! По ту сторону Бродка (так наша речка называется) садится над лесом большое красное солнце. Такое красное, прямо похоже на горящую бочку. И вроде в эту бочку полным-полно малинового соку налили. Катится бочка по небу и яркий сок расплескивает — на облака, на стены сельских хат, на сады яблонивские. Даже вода в Бродке не убереглась, не укрылась в тени кучерявых верб. И ее окрасил малиновый сок. Да-а, красота какая вокруг! А вон в садку виднеется хата Маруси Козак. Во всем селе лучшей хаты нет! Еще бы! Там же моя Маруся живет!

Славная дивчина Маруся. Многие удивляются, как могла она полюбить такого хлопца, как я, — ветрогона и хвастуна. Но Маруся умеет разбираться в людях. Знает она цену Максиму Перепелице. Еще бы! Кто в селе лучше меня пляшет? Никто! А поет? Тоже. И не лентяй Максим. Работаю в колхозе исправно. В основном, конечно, исправно. Но дело не в этом.

Смотрю я на Марусину хату, на садок Марусин, и так в груди моей защемило! Должен я сегодня проститься с Марусей на три года. Не шутка — на три года! Дождется ли меня Маруся? Уж больно красивая она, и многие хлопцы засматриваются на нее. А вдруг не дождется? Не будет тогда мне жизни на белом свете без Маруси!

Задумался я крепко. Маруся, конечно, обещает ждать меня, даже честное комсомольское слово дала. Но три года!..

И тут вдруг пришла мне в голову одна смешная идея. Даже расхохотался я — так мне весело стало от нее.

В основу своей идеи положил я проделку с обыкновенной тыквой. На Украине тыкву гарбузом называют. Растут они у нас всевозможных размеров и самых причудливых раскрасок. Огромные, продолговатые, как поросята, они бывают желтые или зеленые, белые или оранжевые, зеленые в желтую крапинку или желтые в зеленую крапинку. Словом, узорчатые на разный манер.

Добрый харч для скота эти гарбузы! Сырые, печеные или вареные, они по вкусу даже самой привередливой корове, не говоря о свиньях и другой скотине. А кто не пробовал поджаренных тыквенных семечек? Хороши! Без них даже самая малая вечеринка в Яблонивке не обходится.

Для разного дела гарбуз может пригодиться. Я, Максим Перепелица, когда еще хлопчиком был, не один раз выдалбливал из гарбуза лодку, корабль; или чем плохо усесться посреди огорода на большую гарбузину, точно на лошадь, раскачиваться и во всю мочь песни спивать?

И вот этот обыкновенный гарбуз решил я использовать в своих сердечных делах...

Когда-то в Яблонивке придерживались такого обычая: если парень (а по-нашему — парубок) собирался жениться, он засылал к дивчине, которая ему полюбилась, сватов. Иногда и сам шел со сватами.

Сваты несли с собой буханку хлеба и, придя в хату невесты, клали хлеб на стол. Дивчина, если она согласна выйти замуж, ставила рядом свою буханку. Это значило, что дело на мази.

Ну а если она не любила хлопца, не хотела стать его женой? Сказать об этом напрямик при всех как-то неловко. Тогда она бежала в погреб (а летом на огород) и выбирала там гарбуз побольше. Затем вносила его в хату и клала на стол рядом с буханкой неудачливого жениха. Сваты и жених, завидев гарбуз, хватали свои шапки и пятились к порогу. Для них все становилось ясным... А на селе после этого начинались суды-пересуды.

Старинный это обычай. Сейчас его никто не придерживается. Теперь ведь другие женихи пошли, да и невесты не те. Прежде чем свататься к девушке, каждый парубок заранее заручается ее согласием.

Но бывают же девчата с характером козы! Никак с ней не сговоришься. Ни да ни нет хлопцу не скажет, а все хиханьки да хаханьки. Парень томится, мучается, а потом, была не была, идет свататься. И тут тебе — получай! Здоровенную гарбузину подносит дивчина, а если

и не подносит, а просто отказывает, то на селе все равно говорят: «Поднесла парубку гарбуза».

И вот я прикинул, кто из наших хлопцев может ухаживать за Марусей в мое отсутствие, и решил каждому из них поднести от ее имени гарбуза. Так сказать, отказ всем вероятным женихам в аванс! Поможет или не поможет, но проделка веселая. Будет же смеху на все село! А это я люблю.

Нужно бежать до моего дружка Степана Левады. Мы с ним вместе на военную службу едем. Правда, друзья мы со Степаном не очень большие. Характеры у нас разные. Я поговорить люблю, а он молчит. Молчит, даже когда свою Василинку — есть у нас одна такая языкастая дивчина — домой провожает. Молчит, и точка. Да и неповоротлив он. Плясать стесняется. Раз прихожу к нему домой и со двора слышу, как хата Степанова гудит. Что за чудо? Подхожу к окну и вижу... Степан сам себе на губе играет и гопака отбивает. Чуть не умер я от смеху. Оказалось, тренировался дружок мой. Но дальше тренировки дело не пошло. Так и не плясал он ни на улице, ни в клубе.

Вспомнил я все это и решил, что Степан не подходит для такой операции, как доставка гарбузов на дом парубкам. Пришлось обратиться к своим малолетним друзьям — хлопчикам.

Решено — сделано. Вышел я на улицу, заложил пальцы в рот, свистнул три раза. Вначале собаки по всему селу загавкали, потом хлопчики-подростки начали сбегаться.

Поставил я хлопчикам задачу, для верности дал на каждых трех по значку «Готов к санитарной обороне» (благо, завезли их дюжину в нашу лавку, и я оптом купил), и машина закрутилась.

Через полчаса во рву за колхозным огородом появилась гора тыкв. На каждой я выцарапал ножом соответствующую надпись, и ребята начали разносить по селу гарбузы, развешивая их на воротах адресатов.

А я руки в брюки, папиросу в зубы — и следом. Надо же посмотреть, как хлопчики выполнили мое задание.

Иду по улице, важный, задумчивый, вроде мне и дела нет до всего, что вокруг делается. Вижу, у ворот двора тракториста Миколы Поцапая собралась толпа хлопцев и девчат. Хохочут все. Только подхожу к ним, как из калитки сам Микола показывается. Разодетый, в сапогах хромовых, чуб из-под кепки ниже уха спадает.

— Над чем смеемся? — добродушно спрашивает Микола и затягивается дорогой папиросой. И вдруг он увидел на своих воротах тыкву. Как коршун на куропатку, бросился на нее. Сорвал и смотрит, точно на гадюку. А на тыкве нацарапано: «Парубку Миколе Поцапаю от Маруси Козак».

— Чего ржете?! — сердито спрашивает Микола. — Не видите — мать повесила сушиться!

— А надпись тоже мать сделала? — поддеваю его.

— Та то куры поклевали, — все еще не сдается Микола.

Тут всех хватил такой приступ смеха, что я даже испугался. Вижу, Василинка Остапенкова, невеста Степана Левады, так хохочет, даже руками за голову держится и к земле приседает.

— Ты подумай, какие грамотные куры! — давится она от смеху.

— И чего тем девчатам треба, — сочувственно замечаю я, глядя на Миколу, и обращаюсь к девчатам: — Вы посмотрите на него! Гарный, як намалеванный. С его лица воду можно пить! А она ему — гарбуза!

Опять хохот. А Микола изо всей силы тыквой о землю.

Иду дальше, довольный, веселый. Приближаюсь ко двору бабки Горпины, у которой квартирует Иван Твердохлеб. Это нового шофера прислали в Яблонивку. Симпатичный, видать, он хлопец, если девчата очень засматриваются на него.

Вдруг вижу, со двора выбежала старая Горпина, накинула на ворота платок и сама сверху вроде распялась на них.

— Что такое, бабушка? — спрашиваю.

— Иди, иди, Максимэ, своей дорогой, — отвечает. — Это я... Да уходи, тебе говорят!

Пожимаю плечами, прохожу мимо и тут же за куст бузины, который рядом с воротами во рву растет, прячусь.

— Иванэ! Иванэ! — кричит бабка. — Ходи сюда! Бегом!

Иван Твердохлеб умывается возле порога. С работы только пришел.

— Что случилось? — спрашивает он, берясь за полотенце.

— Т-с-с... Помоги снять! — шепчет ему бабка.

Иван никак в толк не возьмет. Подходит ближе.

— А что такое? — спрашивает.

— Не пытай!.. Беда! Снимай скорее.

Иван снимает с ворот тыкву, а бабка оглядывается по сторонам и за плетень его толкает. За плетнем, слышу, шепчутся:

— Слава богу, ни одна живая душа не бачила.

— Ничего не понимаю, — отвечает бабке Иван.

— Сразу видно, что недавно ты в селе, — говорит Горпина и растолковывает Ивану про обычай яблонивских девчат гарбуза женихам подносить.

— Так я же не сватался к Марусе! — доказывает ей Иван.

— Говори, — посмеивается Горпина. — Приглянулась она тебе?

— А разве Маруся дуже гарна?

— Ой, как яблочко!..

Иван некоторое время молчит, а потом отвечает, да такое, что у меня даже в носу засвербило.

— Ну что ж, — говорит он, — треба присмотреться к Марусе. Это она мне, наверное, знак подала, что нравлюсь ей.

Хотел я тут выскочить со рва да растолковать Ивану, что к Марусе ему дорога заказана, да он ушел в хату.

Испортил мне настроение этот Твердохлеб. И зачем я послал ему гарбуза? Выходит, что сам я заставил его обратить внимание на Марусю...

Да-а... Иду дальше по улице, и уже не весело мне, уже не хочется ни о чем думать, кроме как о расставании с Марусей.

Вдруг замечаю: через плетень с огорода деда Мусия, как хмель, вьется тыквенный стебель. На нем маленькие тыквы. А на самом конце стебля, упавшего в лопухи под плетень, огромнейшая гарбузина! Я со злом пихнул ее ногой, а она оторвалась от стебля и покатилась по тропинке. Тьфу, новая забота. Увидит дед Мусий — крику на все село будет.

Куда ее деть? Забросить? Жалко.

Взял я тыкву в руки и надел на кол в плетне. Отошел, оглянулся на нее, а она так хорошо сидит — на самом видном месте. Нельзя такой случай упустить.

Вернулся я к тыкве и ножом нацарапал на ней: «Парубку Мусию от (?)». Вот, думаю себе, будет комедия, если бабка Параска, жена Мусия, увидит. Но на плетне может не заметить. И пришлось перевесить тыкву на ворота Мусия.

— Зачем это ты, Максим? — окликает голос.

Я даже подпрыгнул от испуга. Оглядываюсь: Галя, младшая сестра моей Маруси. Выбежала она из переулка и смотрит на меня.

Гарное дивчатко эта Галя. Очень на Марусю похожа. Две косички с бантами, глазищи большие, круглые, брови черные, крутые. На загорелом лице пробиваются маковки веснушек.

— Галюсю! — обращаюсь к ней и по-военному становлюсь в положение «смирно». — Слушай, Галю, приказ боевой! Пулей лети домой и скажи Марусе: через десять минут ноль-ноль пусть выходит к липе. Только маме — ни-ни. Военная тайна.

— Сама знаю, — смеется Галя. — Мама каждый день Марусю из-за тебя ругают.

— Не хотят, чтобы я был вашим зятем?

— Нет, не хотят. Говорят, ветрогон ты.

— И ты веришь, Галюсю? — спрашиваю.

— Нет, — отвечает Галя. — А где ты, Максим, такой цветок взял? — И притрагивается к георгину, который я на козырек фуражки прикрепил. Мне его Володька дал — сын тетки Явдохи.

— Нравится? — спрашиваю у Гали.

— Очень! — отвечает она, направляясь в переулок, чтобы бежать домой.

— А Маруся любит такие цветы?

— У нас вкусы схожи! — смеется Галя и, мотнув косичками, скрывается в переулке.

Итак, в моем распоряжении десять минут. Удастся ли Марусе за это время вырваться из дому? Очень уж строгая у нее мать. И меня считает непутевым парнем. Но у Маруси тоже характер твердый. Захочет — придет.

Эх, Маруся, Маруся! А что, если на прощание я ей букет цветов преподнесу? Сказала же Галя, что Марусе георгины нравятся. Надо завернуть к тетке Явдохе. У нее цветник большой — для продажи цветы разводит.

И вот я уже у ее двора. Но заходить в калитку не хочется: у порога хаты лежит на цепи рыжий пес, очень похожий на тигра.

Окликнул я дважды тетку Явдоху. Не отзывается. А время идет. Ладно, нарву цветов без спросу, не будет же она ругать завтрашнего солдата.

Перемахиваю через плетень в цветник и торопливо срываю цветы, какие покрупнее и покрасивее. Еще один-два, и букет будет готов.

Вдруг слышу, скрипнула в хате дверь. Я так и присел. На пороге появилась Явдоха с двумя пустыми ведрами и коромыслом.

— Володя, Володенька! — зовет она и осматривается. — Сходи, сынку, воды принеси!

Голова моя прямо сама в плечи влезла. Хотя б не заметила...

— Володенька, не ховайся, я вижу! — Явдоха ставит на землю ведра и с коромыслом направляется к цветнику. Ясно, увидела мою спину.

— Ой, это ты, Максим?

— Я, — отвечаю хриплым голосом и, бросив букет на землю, выпрямляюсь. Пытаюсь даже улыбнуться.

А Явдоха почему-то широко раскрытыми глазами смотрит на мою фуражку, и лицо ее краснеет, делается сердитым. Я перепуганно хватаюсь за козырек... Ясно: георгин свой узнала.

— А-а, так вот зачем ты по чужим огородам шляешься! — пошла в атаку тетка Явдоха. — Для чего сорвал? Это же чистые гроши!

Ну, думаю, если она за один цветок такой тарарам поднимает, что же будет... И подальше отталкиваю ногой сорванные цветы. Но от глаз Явдохи ничто не скроется. Заметила-таки. Даже дыхание у нее перехватило.

— Держите его, люди добрые! — начала орать. — Ой, что наделал! Чтоб у тебя руки поотсыхали, чтоб у тебя пальцы отвалились! По миру меня пустил, разбойник! Да за такой букет пять рублей выторговать можно!..

— Не кричите, титко, — пытаюсь я ее успокоить, и каждая извилина в моем мозгу напрягается. Как найти выход из трудного положения? — Перестаньте! Вам за это заплатят!

В ответ свистнуло в воздухе коромысло и огрело меня по руке.

— Кто заплатит? — голосит Явдоха. — Кто? Ты, червивый?!

Набираю я дистанцию, чтобы второй контузии от коромысла не получить, и даже не слышу, что мой дурной язык лепечет:

— Да не бейтесь! Голова колхоза заплатит. — И сам удивляюсь: при чем тут председатель колхоза?

— Ты брехать еще будешь? — опять замахивается коромыслом Явдоха. — Зачем голове цветы?!

— Артистам! — сболтнул я, соображая, как увер-

нуться от второго удара. — Артисты в село приезжают.

И так обрадовался этой мысли. И уже смелее гляжу на Явдоху.

— Так пусть голова свои рвет! — бушует она.

Но мне уже не страшно. Сейчас я ее взнуздаю.

— У него не хватило, — говорю, — послал по селу искать. Ведь по двадцать копеек за каждый георгин будут платить. А вы еще деретесь! — И перехожу в решительное наступление. — Возьмите свои цветы! — отшвыриваю их ногой. — В другом месте найдем. А за оскорбление и побои перед судом ответите! Насидитесь в тюрьме.

Вижу, клюнуло. Явдоха в панике. А я сдвинул фуражку набок, руки в карманы — и к плетню.

— Постой, Максим! — опомнилась Явдоха. — Ой, боже!.. Я ж тебя легонько! Постой... А много артистов приедет?

— Человек тридцать, — отвечаю ей и собираюсь перемахнуть на улицу.

Но как тут перемахнешь? Чувствую, что поразил тетку Явдоху в самое сердце. Интересно, как она теперь будет вести себя?

— Тридцать?! — Явдоха всплеснула руками и даже присела. — У меня на всех хватит... Максим, хлопчик мой славный! Прости меня, дурную бабу! Не ходи больше никуда! Я пошутила.

Добрые шутки. Рука у меня огнем горит. Такой синячище выше локтя выскочил, что фуражкой его не закроешь. А Явдоха не отстает. До чего ж хитрая жинка! Подхватила с земли цветы, в один миг собрала их в букет и ко мне:

— Возьми, возьми, Максим!

Чего ж не взять, раз просит? Беру.

— Вот спасибо, вот спасибо! — благодарит меня Явдоха. — Здесь на пять рублей. Давай еще нарву.

— Хватит, не донесу. — И перебираюсь через плетень.

Надо спешить. Если приду к липе, что над речкой, позже Маруси — чуб оборвет мне моя милая Но только вышел за поворот улицы, как тут новая история. У двора деда Мусия целое представление. Вначале я даже не понял, что случилось. Вижу, что собралось много народу, все смеются, а бабка Параска подступает к Мусию и кричит:

— Ах ты, старый веник, кочерга блудливая! Как на-

значили начальником над колхозной пасекой, так я уже не пара тебе стала?

Я заметил, что в руках старой Параски тыква, и все понял. Интересно. Подхожу ближе, на людей оглядываюсь. Здесь и вездесущий Марко Муха — сельский почтарь, и Опанас Дацюк — самый рассудительный старик в селе и умеющий поддеть кого угодно словцом острым, как бритва; здесь же Микола Поцапай, Иван Твердохлеб, Серега (они сами получили по гарбузу и поэтому особенно довольны происходящим).

А бабка Параска не унимается.

— Внуков бы наших постыдился! — кричит она. — А ну, сознавайся, к кому ходил?

У деда Мусия такой несчастный вид, что мне даже жалко его стало. Он опасливо отступает от бабки и молит ее:

— Парасю, опомнись!.. Это охальник какой-то подшутил...

— Не бреши! Сознавайся! — И бабка тычет в нос деду тыкву. На ней ясно нацарапано моей рукой: «Парубку Мусию от (?)».

Трудно приходится деду. Надо знать бабку Параску, чтобы понять, как трудно. Слышал я однажды, как Параска у колодца доказывала соседкам, что есть люди, которые могут перенести все: голод, холод, пожар и любое другое несчастье. Только одного не могут перенести: назначения на должность начальника. Тогда, мол, такие мужики начинают ведрами пить горилку и менять жен, как цыган коней... А тут как раз поручили деду Мусию заведовать колхозной пасекой — вроде в начальники он выбился. Вот и допрашивает его бабка с пристрастием:

— К кому?

— Не ходил, побей меня гром, ни к кому не ходил! — оправдывается Мусий и обращается к Опанасу Дацюку: — Опанасэ, хоть ты ей скажи...

Опанас поглаживает правой рукой бороду и хитро улыбается.

— А чего? — вполне серьезно говорит он. — Любви все возрасты покорны.

Точно раскаленной солью плеснули в лицо бабке Параске. Ох и заголосила ж тут она!

— Любви? — кричит. — Тебя уже ноги не носят, а ты любви захотел!

Меня все больше совесть начинает мучить. Ну зачем я выставил деда Мусия на посмешище? А дед тоже хо-

рош: не может ничего придумать, чтобы прервать эту комедию. Обращается к почтарю Мухе и чуть не плачет:

— Марко... ну ты объясни...

Марко — известный мастер зубы скалить.

— Трудно, диду, объяснить, — смеется он. — А чего это вы на прошлой неделе ходили по огороду вдовы Наталки?

— Да то я порося искал! — взвыл Мусий не своим голосом.

Но тут бабка Параска как из пушки стрельнула в него:

— Развод!

Это слово, точно гром, поразило Мусия. Он как-то обмяк и сделался еще более жалким. Что делать? Сейчас же при всех людях сознаюсь, что гарбузы на воротах — моих рук проделка. Да, но что скажут Микола Поцапай, Иван Твердохлеб, Серега? Они могут нечаянно на месте меня прикончить. А мне завтра в армию идти. И все же решился я. Уже рот раскрыл, чтобы слово сказать, да так и остался с раскрытым ртом. Дед Мусий вдруг... сознался, что он виноват:

— Парасю, смилуйся! Во всех грехах покаюсь тебе...

Бабка Параска ухватилась за голову. Она, видать, еще надеялась, что все это недоразумение, а теперь...

— А-а-а!.. — заголосила она. — Нагрешил, теперь каяться!..

— Какой же это грех? — стонет Мусий. — На прошлой неделе стеклил окно в хате Варвары... Пригласила потом зайти в хату...

— Заходил? — Глаза у бабки стали круглыми, как единственная пуговица на штанах Мусия.

— Заходил, — сознается дед, — миску ряженки съел и...

— Ну? — грозно топает ногой Параска.

— И два пирога... — еле выдавил из себя Мусий.

— Развод! — снова стрельнула Параска.

Не знаю, удержался ли дед на ногах после нового залпа, но я лично упал на дорогу и засучил ногами, как подстреленный заяц. От смеха даже букет цветов из моих рук вывалился. И вдруг... Галя! К Мусию подбежала Галя — сестра моей Маруси — и затараторила:

— Это Максим! Я сама видела! Максим гарбуза на ворота повесил.

И не успел я опомниться, как дед Мусий уже летел на меня с огромнейшей палкой.

Подхватил я свои цветы и, сколько было сил, начал удирать. Стыдно, конечно, но это же ради деда Мусия! Еще покалечит меня, и отвечать ему придется перед судом. Не-ет, лучше убегу. Тем более спешить мне надо: Маруся наверняка давно под липой на скамеечке сидит и сердито на тропинку посматривает.

Выбегаю на берег речки, петляю меж кустами и держу направление к липе. Вроде отстал дед Мусий. Прибегаю к липе, оглядываюсь — пусто. Сажусь на скамеечку, чтобы отдышаться. И вдруг чья-то рука смахнула с моей головы фуражку и цап за волосы! Даже похолодел я.

— Не опаздывай! Не опаздывай! Не опаздывай! — услышал знакомый голос. И от этого голосочка сердце мое сладко-сладко заныло.

Оказывается, Маруся забралась на пологую ветку липы, устроилась там и подстерегла меня. Треплет за волосы и хохочет.

— Ой, Марусь! Понимаешь... — подбираю я слова в свое оправдание.

И вдруг где-то за кустом раздается голос деда Мусия:

— А-а, гром бы тебя побил... Ветрогон проклятый!..

Одним духом взлетел я на липу к Марусе и рот ей ладонью зажал, чтоб не выдала меня. И вовремя. Дед, как молодой козел, пронесся по тропинке мимо липы.

— Ну, погоди! — уже где-то в стороне кричал он. — Я тебя из-под земли достану! Я тебя...

И тут сразу же вступила в прокурорские права Маруся.

— Опять? Чего натворил?! — И смотрит она на меня своими зеленоватыми оченятами так строго, что брови над ними почти узелком связались и ямочки на щеках исчезли. Трудно перед Марусей что-либо сбрехать. Но тут, на счастье, заметила она в моей руке букет.

— А цветы кому?

— Угадай! А ну, угадай! — оживился я, стараясь перевести разговор на цветы.

— Мне! — выпалила Маруся и так радостно улыбнулась, так сверкнула на меня глазами, что я чуть-чуть не ослеп.

— Ага, — отвечаю, — тебе, — и улыбаюсь как дурак. Тут же надо слова про любовь говорить, а я «агакаю».

А она прижимает цветы к груди и говорит:

— Ой, Максимка!.. Мне еще никто никогда цветов не дарил.

— Значит, я первый?

— Угу... Спасибо тебе...

Если б в эту минуту Маруся приказала луну с неба достать, я, наверное, постарался б. И так мне захотелось, чтобы она поверила, что для нее я готов в огонь и в воду...

— Какие красивые! — любуется Маруся букетом. — И где ты достал? Я такие в оранжерее видела, в райцентре.

В эту секунду я возненавидел себя, что не сбегал в райцентр, в оранжерею, и не притащил оттуда охапку самых лучших цветов. А так что я отвечу Марусе? Она же смотрит на меня ласково-ласково и ждет ответа.

— Оттуда и есть! Из оранжереи! — выпалил я и отвел в сторону глаза.

— Из райцентра? — Маруся смотрит с недоверием. А недоверие в такую минуту для меня равно что нагайка для коня.

— Из райцентра, — подтверждаю вполне уверенно.

— Так туда ж двадцать километров! — недоумевает Маруся.

— А что для меня лично двадцать километров? — спрашиваю. — Встал пораньше и сбегал.

— Пешком?

— Напрямик. На гати еще упал, руку зашиб. — И, подвернув рукав, показываю огромный синяк — след от коромысла Явдохи.

Маруся посмотрела на мою руку, потом вдруг... чмок меня в щеку! От неожиданности я чуть с липы не слетел. Еле успел за ветку ухватиться.

— Давай слезем, — смеется Маруся, — а то упадешь, и... в армию тебя не возьмут.

Я первым соскакиваю на землю, подставляю руки Марусе. Снял ее с ветки, а сажать на скамеечку не хочется. Так бы век и держал на руках. Тем более за шею она меня обняла.

Опустила Маруся руки с моей шеи, и я бережно посадил ее на скамейку.

— Ты рад, что в армию уезжаешь? — спрашивает.

— Ой, еще как! — отвечаю.

— Рад, что от меня уезжаешь?

— Да что ты, Марусь! — испугался я. — Как ты могла подумать?

— Ну ладно, верю. — Маруся придвигается ближе ко мне и запускает руку в мою шевелюру. — Только волосы там не стриги.

— Нельзя, не положено, — объясняю ей.

— А ты все равно не стриги! — настаивает. — Некрасиво. Хотя, впрочем... Стриги! — И с таким лукавством поглядела на меня. — Стриги, стриги! И смотри там...

— Ты о чем? — спрашиваю.

— Ни о чем. — И уже на значки мои смотрит. — Для чего столько нацепил? На петуха похож...

— Чтоб знали. Человек заслуженный.

— Заслуженный? Ха! Небось половину выменял!

Ох и язычок у Маруси! Никакой деликатности.

— Ну да, — отвечаю, — придумаешь еще!

— Конечно! Ну откуда у тебя значок парашютиста, например? — И ухватилась за значок, того и гляди оторвет.

— Как откуда? Отпусти.

— Ну откуда? Ты что, прыгал?

— Прыгал, — сердито отвечаю. И как она не понимает: если я и не прыгал, то могу хоть сто раз прыгнуть! Я же все книжки о парашютистах перечитал!

— С дерева. Ясно, — засмеялась Маруся.

Если бы она не засмеялась, я бы смолчал. А тут...

— Ничего тебе не ясно, — говорю. — Вот уеду в армию, еще услышишь обо мне!

Ну, слово за слово — и пошло...

— Максим! — Маруся уже смотрит на меня волчонком. — Если ты не отучишься хвастаться, вечно брехать, то...

— Что «то»?

— То...

— Подумаешь, учительница выискалась! Я тебе почти никогда не вру.

— А что толку? А другим? У тебя вечно язык свербит!

— А ты всегда правду говоришь? — ставлю ей вопрос ребром.

— Конечно, — отвечает.

— «Конечно»... Небось матери сказала, что в клуб пошла, а не на свидание с Максимом.

— Эх, ты!.. Во-первых, если хочешь знать, я ей ничего не сказала, так утекла. А во-вторых, это же для тебя!..

— И я для тебя...
— Для меня? — И в глазах Маруси опять насмешливые чертики запрыгали. — Зачем за тобой Мусий гнался? Говори!
— Так... — отвечаю, — разминка. Тренируется дед.
— Вот видишь, и мне врешь... Самый настоящий брехун!
Вроде пощечину мне влепила.
— Я брехун? — И вскакиваю со скамейки.
— Брехун, — спокойно отвечает Маруся.
— Брехун?
— Угу... — И еще при этом кокетливо косит на меня глаза.
— Так чего ж ты тогда со мной встречаешься? — Мне даже чуть-чуть смешно стало. Что она ответит на такой вопрос?
— Да так, из жалости, — безразлично, не моргнув глазом бросила Маруся. — Кому ты еще такой нужен?..
Я даже взопрел.
— Ах, не нужен? — переспрашиваю.
— Не нужен, — подтверждает и еще усмехается.
— Не нужен, значит? А-а... а думаешь, ты мне очень нужна?.. Да я только свистну — и девчата табунами за мной побегут...
О! Попал в самую точку. Уже не улыбается Маруся. Вскочила с места, впилась в меня своими глазами-колючками и даже побледнела.
— Ну и свисти... свистун, — сказала тихо, спокойно, а букетом так залепила в лицо, что у меня, кажется, и память отшибло. Когда пришел в себя, Маруси и след простыл...
Вот тебе и последний вечер! Вот и простились, называется... Ну что мне делать? Пойду в клуб. Маруся перекипит и наверняка туда прибежит.
Осторожно шагаю по тропинке, что через огороды ведет к клубу. Осматриваюсь: как бы на деда Мусия не нарваться... В вестибюле клуба замечаю высокую худую фигуру. Это мой дружок Степан Левада. Повернулся он ко мне и смотрит, вроде впервые увидел. Ясно, сейчас что-то спросит, у него такая привычка.
— Что, поругались с Марусей? — задает Степан вопрос и подходит ко мне.
— Да так, — неопределенно отвечаю я. — Чи ты Маруси не знаешь? Зашипела, як шкварка, и все. Сейчас прибежит.

Говорю я так Степану, а сам смотрю на людей, идущих через вестибюль в зал. Над дверью захлебывается электрический звонок — оповещает, что собрание начинается. Собрание сегодня не простое: посвящено проводам новобранцев — значит, и мне посвящено, и Степану. Но мне не до собрания. Придет Маруся или не придет?

Из зала вдруг выскочила Василинка Остапенкова. Увидела Степана, обрадовалась и тут же приняла строгий вид. Глядит на него, вроде бить собирается. А Степан на меня смотрит: боится без моего разрешения уходить к Василинке.

— Ну ладно, иди, — позволяю я ему. И Степан вместе с Василинкой убегает в зал.

Вижу, вслед за ними спешит через вестибюль Иван Твердохлеб. Я за деревянную колонну, в тень, отступаю. Тем более остановился Иван — шнурок на ботинке завязывает.

Вдруг Маруся влетела в вестибюль. Я к ней. А она сердито повела глазами и отвернулась. Остановилась возле Твердохлеба и сладеньким голоском здоровается с ним:

— Здравствуй, Иванушка!

— Да ты вроде уже поприветствовала меня сегодня, — отвечает Твердохлеб.

— Что-то не помню, — говорит Маруся. — А ты что ищешь?

— Сердце, Марусенька, потерял. — Твердохлеб выпрямляется и так, дьявол, смотрит Марусе в глаза, что у меня даже кулаки зачесались.

— Да ну? — удивляется Маруся. — Так без сердца и ходишь? — И прикладывает к его груди руку. — А где твой значок парашютиста? — спрашивает.

Тут мне приходится еще глубже в тень ховаться.

— Внук бабки Горпины стянул, — говорит Иван. — А Максим выменял у него на свисток. Ты не видела Максима?

Я думал, Маруся сейчас укажет ему в мою сторону, а она даже не повернулась. Только презрительно бросила:

— Очень нужен мне этот свистун!

— А кто тебе нужен, Марусенька? — спрашивает Твердохлеб и берет ее за руку.

А она не отнимает руку, нет, а кокетливо поводит плечами, лукаво смотрит на Ивана и отвечает:

— Мало ли гарных хлопцев в селе!

Все ясно... Маруся с Иваном ушли в зал, а я прикипел к месту и весь огнем горю. Неужели Маруся могла в один вечер разлюбить Максима? Не верю!

Хоть и не чувствую под собой ног, иду в зал. Народу! Как галушек в миске! Вперед не протискиваюсь, а останавливаюсь у задней скамейки, на которой уселись рядом Маруся и Твердохлеб. Стараюсь прислушаться, что говорит с трибуны наш голова колхоза. Но слова его, точно горох от стенки, отскакивают от меня. Вижу, за столом президиума и мой батько, Кондрат Филиппович, сидит. Сидит и грозно в оркестровую яму, где расселись музыканты, смотрит. Он же у меня на скрипке играет и сельским струнным оркестром руководит.

— ...Мы провожаем на службу в родную Советскую Армию наших лучших хлопцев!.. — дошли наконец до меня слова головы колхоза.

Вот это правильно. Но Маруся разве поймет? Даже не смотрит в мою сторону.

И вдруг по залу точно ветер прокатился. Голова колхоза на трибуне умолк. Все почему-то поворачиваются, смотрят на входную дверь. Поворачиваю голову и я... Ой, горе мое! Увидел я тетку Явдоху и ее сына Володьку. Полные корзины цветов несут в клуб. Это же для «артистов», о которых я наврал Явдохе, когда она меня в цветнике поймала!..

Что за день сегодня? Разве один человек сразу столько бед вынесет?

А народ переговаривается между собой:

— Вот тебе и Явдоха!

— Это что? Новобранцам притащила?

— А говорили, за грош повесится!

— Всем девчатам нос утерла!..

Кто-то захлопал в ладоши. Начал аплодировать и голова на трибуне. И весь зал точно с ума сошел: такие рукоплескания, аж окна звенят. Потом батька мой из-за стола президиума махнул рукой оркестру, и грянул туш.

Явдоха и Володька пробираются к сцене, а я проталкиваюсь в обратную сторону. У выхода останавливаюсь. Что же будет дальше?

Вижу, Явдоха уже подает корзины голове колхоза и сама взбирается на сцену.

— Вот это по-нашему! — радостно говорит ей голова.

— А как же? Мы порядок знаем, — отвечает Явдоха и, поставив корзины на стулья, усаживается за столом президиума.

Замолк наконец оркестр, и голова опять вышел на трибуну.

— Завтра уезжает от нас в пехоту, — продолжает он речь, — комсомолец Степан Левада!..

Люди опять начинают хлопать в ладоши, оркестр играет туш, а Степан, вижу, сидит рядом с Василинкой и не знает, что делать. Неловко ему, чудаку. Его со всех сторон толкают, заставляют подняться.

— Сюда, сюда, Степан! — зовет голова и берет у Явдохи букет цветов.

Василинка толкнула Степана под ребро, и он поплелся к сцене.

«Что же будет делать Явдоха? — думаю себе. — Неужели сознательности у нее ни на грош?»

Вижу, шепчет она что-то на ухо голове.

— Какие артисты? — отвечает тот во весь голос. — Конечно, для хлопцев!

— Так побольше давай, чтоб не осталось! — говорит Явдоха и, сложив из двух букетов один, тоже подает Степану цветы.

Голова улыбается, аплодирует Явдохе. Небось сам удивляется, что такой отсталый элемент вдруг в сознание пришел. Аплодируют и в зале. А Явдоха важно раскланивается во все стороны и новую охапку цветов готовит. Это для Трофима Яковенко, которого выкликал голова после Степана. Тут, вижу, Явдоха снова что-то шепчет ему на ухо. Председатель пожимает плечами и говорит:

— Зачем же их считать? — и на цветы указывает.

— И то правда, — соглашается Явдоха.

Дальше председатель объявляет:

— В пехоту идет комсомолец Максим Перепелица!..

Я, чтоб подальше от греха, выскальзываю в вестибюль и останавливаюсь у двери, прислушиваюсь. Аплодисменты не сказал бы чтоб сильные. А оркестр играет туш ничего — видать, батька мой постарался.

— Максим Перепелица! — повысив голос, повторяет голова, когда оркестр и аплодисменты затихли.

Слышу, ему отвечает Явдоха:

— Максим уже свое получил, не беспокойся.

— Когда же он успел? — удивляется голова.

— А когда ты до менэ его присылал.

— Я? Зачем?

Тут Явдоха, видать, недоброе учуяла и повысила голос:

— За цветами! Ай запамятовал? По два гривенника за штуку!

В зале вроде что-то треснуло, и загремел стоголосый хохот. А я, чтоб не слышать его, кинулся на улицу.

Но не зря говорят, что беда одна не приходит. В дверях сталкиваюсь... с кем бы вы думаете? С дедом Мусием!.. Так и метнулся я в сторону, под лестницу, которая на галерку ведет. А дед посеменил в зал. Заметил я, что понес он с собой тыкву, чтоб ее корова съела! И от самых дверей заорал:

— Дозволь слово, голова!

Вышел я уже не спеша на улицу, закурил папиросу и стою, точно чучело на огороде. А чего стою? Утикать надо. Осрамился же! Как пить дать, отберут теперь комсомольский билет у меня.

Но уйдешь разве? В зале же осталась Маруся! И еще Твердохлеба этого черти подбросили. Эх, если сегодня не помирюсь с Марусей, значит, точка. Ведь это последний вечер... Нет! Что-нибудь соображу. Надо вызвать ее, объяснить.

И только подумал это, как Маруся сама, без вызова моего пулей вылетела из клуба.

— Коза смолена! — слышу, кричит ей вслед дед Мусий.

Увидела меня Маруся, остановилась, сверкнула потемневшими глазами и... бац Максима по морде.

— Вот тебе оранжерея! — задыхаясь, шепчет она и тут же на другой моей щеке припечатывает руку. — Вот тебе гарбузы от Маруси!

Не успел я, как у нас говорят, облизнуться, а Маруся исчезла, точно сквозняком ее сдуло. Но не такой Максим Перепелица! Догоню! Догоню и подставлю ей свою дурную голову. Пусть еще бьет, раз заслужил. Пусть бьет, только знает, что никто на белом свете крепче любить ее не будет, чем я.

Но побежать вслед за Марусей мне не удалось. Из клуба вырвалась толпа хлопчиков-подростков и в момент взяла меня в кольцо.

— Максим! Скорее! — кричит один.

— Не пускают!

— Решили не посылать! — галдят другие.

— Чего болтаете? — спрашиваю. — Кого не посылать?

— В армию решили не посылать тебя! — объясняют.

Ну, это уж слишком! Даже зло взяло.

— Что?! — ору на ребят. — Меня в армию не брать? Прав таких не имеют! — И галопом в клуб.

А в клубе что делается — передать невозможно. Шум, крик, смех. Останавливаюсь в дверях, слушаю. Нужно же сориентироваться.

— Не пускать! — кричит дед Мусий и потрясает над головой тыквой.

От него не отстает Явдоха:

— Правильно! Не пускать!

— Пусть знает! — хохочет Микола Поцапай.

Вижу, объединились все мои противники. А сколько их еще голос не подает! Ведь больше дюжины тыкв по селу развешано!

Из-за стола президиума поднимается мой батька.

— Это почему же не посылать? — грозно спрашивает он у Мусия.

— А ты что, хочешь, чтоб он всю Яблонивку нашу там осрамил? — сердито отвечает дед. — Писать прошение воинскому начальнику! Не место таким в армии!

— Товарищи, позвольте! — вдруг раздался голос Ивана Твердохлеба. — Как это не пускать?

Я даже рот раскрыл от удивления: Иван вдруг мою сторону взял!

— Пусть едет! — кричит Твердохлеб и проталкивается к выходу. — В армии из него человека сделают!

А-а, понимаю. Иван спешит вслед за Марусей и заодно старается меня из села выпихнуть, чтоб не мешал ему.

Слышу, тетка Явдоха на полную мощность свою тонкоголосую артиллерию в ход пускает:

— А чтоб у него язык отвалился! В такие убытки меня ввел, брехун! — И поспешно складывает в корзину оставшиеся цветы. — Нехай убирается из села!

— Недостоин! Честь солдатскую запятнает! — Дед Мусий даже охрип от крика. — Он всех парубков опозорил! Гарбузов на ворота понавешал!

Я замечаю, что многие в зале хохочут, даже голова колхоза улыбается. Значит, не принимает всерьез бол-

товню Мусия да Явдохи. И решаюсь перейти в контратаку.

— Каких гарбузов? Кому? — громко спрашиваю, не отходя от дверей. — Хлопцы, кто сегодня гарбуза получил? Прошу поднять руки!

Ага! Вижу, прячут хлопцы глаза, головы за соседей ховают. Никто не хочет сознаться.

— Вот видите! — с возмущением обращаюсь к Мусию. — Нет таких!

Дед онемел от изумления.

— Как нет? — наконец взвизгнул он. — Никто не получил? А я?.. Я получил гарбуза!

— А разве вы парубок? — с удивлением спрашиваю и, видя, что весь зал покатился со смеху, продвигаюсь от дверей метров на пять вперед. — А о вас, титко, — обращаюсь к Явдохе, — говорят, что вы спекулянтка! Так это ж брехня.

— А брехня, брехня, — соглашается Явдоха и спускается вместе с корзинами со сцены.

Опять хохочет зал. А дед Мусий не унимается:

— Не пускать поганца! Пусть дома сидит!

— Не имеете права! — ору ему через весь зал.

Голова колхоза застучал карандашом по пустому графину, и наконец наступила тишина.

— Что ты там говоришь? — спрашивает он, обращаясь ко мне. — Иди сюда, чтоб люди тебя видели.

— Мне и здесь неплохо.

Вдруг мой батька срывается с места, бьет кулаком по столу и кричит:

— Иди, стервец! Народ тебя требует!..

Что поделаешь? Раз отец приказывает — надо идти. Снимаю фуражку и плетусь по проходу между скамейками. По ступенькам взбираюсь на сцену.

— Ну, что ты хотел сказать? — спрашивает голова и насмешливо улыбается.

Не терплю я насмешек. Поэтому отвечаю сердито:

— Не имеете права нарушать Конституцию!

— А мы не нарушаем, — говорит голова. — Помнишь, как в Конституции сказано?

Конституцию я знаю и цитирую без запинки:

— «Служба в армии — почетная обязанность каждого советского гражданина».

— Вот видишь, почетная! — серьезно говорит мне голова. — А люди считают, что ты такого почета недостоин. Армия наша народная, и народ имеет право

решать: посылать тебя на военную службу или не посылать.

— Не посылать! — орут какие-то дурни из зала и хохочут.

Им смех, а мне уже не до смеха. Вдруг правда решат и не пустят меня в армию? Завтра голова колхоза позвонит по телефону в военкомат, и точка... Даже мурашки забегали по спине. С тревогой смотрю на голову, хочу что-то сказать ему, но не могу. Не слушается язык, и в горле пересохло.

— Тов... товарищ голова... — еле выдавил я из себя.

А он отворачивается и улыбается.

— Батьку! — обращаюсь я к отцу. Он даже глаз не подымает. — Люди добрые! — с надеждой смотрю в зал. — За что?.. За что такое наказание?

А в зале тишина, слышно даже, как дед Мусий сопит в усы. Вижу, опустил голову Степан, блестят слезы на глазах у Василинки. На галерке онемели ребята.

— Я же комсомолец! — хватаюсь за последнюю соломинку.

— Выкинуть тебя из комсомола! — подпрыгнул на месте дед Мусий.

— Ну были промашки, — оправдываюсь. — Глупости были... Так я ж исправлюсь! С места этого не сойти мне — исправлюсь! Клянусь вам, что в армии...

— Дурака будешь валять! — выкрикивает Микола, но тут же на него почему-то цыкает Мусий.

— Товарищ голова! — обращаюсь к президиуму. — Поверьте! Что хотите со мной делайте, только не...

— Ты людям, людям говори! — Голова указывает на притихший зал.

Но как тут говорить, раз слезы душат меня?

— Никогда дурного обо мне не услышите, — уже шепотом произношу я и умолкаю.

С трудом поднимаю глаза и с надеждой смотрю на голову колхоза. Улыбается, замечаю.

— Ну как, товарищи? — спрашивает он у собрания. — Поверим?

И вдруг собрание в один голос отвечает:

— Поверим!..

Только дед Мусий добавил:

— Сбрешет, пусть в село не возвращается. Выгоним!

Так и посчастливилось уехать мне на службу в армию. А вот с Марусей помириться не удалось.

КАК Я БЫЛ КОМАНДИРОМ

Верно говорят: в дороге первую половину пути думаешь о местах, которые покинул, а вторую — о тех, куда едешь, о делах предстоящих, о встречах и заботах.

Так и я, Максим Перепелица. Четвертый день везет нас воинский эшелон. В какой город едем и как долго ехать будем — никому не известно. Знаю, что в армию, а остальное меня мало заботит. Все о Яблонивке своей вспоминаю, о том, как провожали нас из села...

Стояло утро — ясное, свежее. По голубому океану неба плыла куда-то серебристая паутина. А на душе у меня было грустно. Может, потому, что минуло лето, что деревья в садках будто огнем опалены — листва их раскрашена во все цвета: желтый, коричневый, красный, оранжевый... И в этой листве не слышно птичьего гомона. Тишина стояла кругом. Казалось, и трава, припав к земле, вслушивалась в эту тишину и ждала чего-то.

Потом то там, то здесь начали скрипеть калитки, ворота, раздаваться голоса. С другого конца села донеслись звуки гармошки. В ответ ей на соседней улице послышалась песня. К центру села, на площадь, что перед клубом, потянулись люди — одиночками, парами и целыми семьями. Шли хлопцы с высокими, как гора, мешками за спиной. Это новобранцы харчами запаслись. Стайками бежали девчата. Толпа на площади росла с каждой минутой и все сильнее гудела.

И я стоял в этой толпе, чуть хмельной от чарки сливянки, которую батька поднес мне на дорогу. Мне уже было ясно, почему грущу я в такой радостный день: не вышла провожать Маруся. Не пришла! Встретилась мне на улице, стрельнула глазами и отвернулась. Злится. А чего? Ну поругались. Так помириться ж можно! На пожар есть вода, а на ссору — мир!

Не пожелала... «Ну, погоди, узнаешь же Максима! — думал я. — Да и все, кто ветрогоном меня зовет, узнают! Докажу я людям, на что способен Максим Перепелица! Армия для этого самое подходящее место. Пожалеет еще Маруся не раз. Сама письмо напишет. Но поглядим еще, отвечу ли я».

И все-таки хотелось сбегать к ней домой. Но батька, как репей, прилип ко мне. Ни на шаг не отходит, наставления дает, наказывает, как должен служить я Родине.

Мать рядом стоит и украдкой слезы утирает. Возле нее дед Мусий трясет своей жидкой бороденкой и шепчет что-то матери на ухо. А батька все наставляет:

— Исправно служи. Да командиров слушайся. И не забудь, что самое главное — со старшиной роты в ладу быть.

— Пиши, Максимэ, почаще, — просит мать. — Да не заблудись там, в городе большом. И одевайся потеплее, чтоб не простудился, не дай бог...

Тут дед Мусий в разговор вступает:

— Что ты квохчешь, Оксано? Не пропадет твой Максим! Ты ему генеральную линию давай, чтоб воякой добрым стал!

— Не беспокойтесь, диду, — отвечаю ему. — Сам знаю, куда и зачем еду. Хуже других не буду.

— Ой, не хвались, Максим, — не отстает Мусий. — Не кажи гоп, пока не перескочишь. Делом докажи!

Даже зло меня взяло. Не я буду, если в первые же дни службы не покажу себя. Сразу так возьмусь за дело, что ого-го!..

И вот наш эшелон подъезжает к станции назначения. А мы, новобранцы, толпимся в дверях теплушек и рассматриваем виднеющийся километрах в пяти город. Город, я бы сказал, так себе. Ни тебе высотных зданий, ни дворцов заметных. А вдобавок к этому эшелон наш подали не на пассажирский вокзал, а на товарную станцию.

Правда, с оркестром встретили нас на платформе. Это уже дело другое.

Выгрузились мы из вагонов и ждем команды к построению. Я держусь Степана, который мой сундук несет. Осматриваюсь кругом и думаю: «Пора бы мне начинать действовать...»

— Ставь, — говорю Степану, — сундуки, сбегай брось письмо мое в ящик. Только в почтовый!

— Марусе успел настрочить? — спрашивает Степан и берет у меня конверт.

— Ей. — И скребу в затылке. — Неловко получилось все. Поругались перед самым отъездом.

Степан убегает, а я обращаю внимание на высокого симпатичного парня. Стоит он у своего чемодана и цигарку завертывает.

— Эй, дружок! — окликаю его. — Ты откуда?

— Из Белоруссии.

— Как зовут?

— Илько Самусь.
— А почему такой высокий?
— Кормили хорошо.
Четко отвечает. Люблю таких хлопцев. Говорю ему:
— Добрый наблюдатель из тебя выйдет, Самусь. Зрение крепкое? А ну прочитай, что там написано, — и указываю на забор, где еле уместились аршинные буквы: «Не курить!»
Посмотрел Самусь на забор, затушил цигарку и положил ее за ухо.
— Далеко видишь! — одобряю. — Становись сюда, будешь в моей команде.
Самусь с недоумением смотрит на меня, а я уже подхожу к другому хлопцу, одетому в меховой треух и полосатую свитку.
— Добрая у тебя одежа, — говорю ему и щупаю свитку. — Я такой еще не бачив.
Хлопец повернул ко мне лицо, и я даже испугался. Загорелый до черноты! Только зубы да глаза блестят.
— Как же тебя звать, такого черного?
— Моя Таскиров, — отвечает. — Али Таскиров.
— Иди к нам. У нас черных не хватает.
В это время подбегает Степан Левада и докладывает мне:
— Товарищ командир, ваше приказание выполнил, — и улыбается: рад, что по-военному у него получилось.
— Молодец! — хвалю Степана и обращаюсь ко всем: — Вольно, хлопцы, можно курить!
— А ты кто такой? Чего распоряжаешься? — спрашивает у меня какой-то парняга в кепке, в кожаной тужурке, с котомкой за спиной.
— Скажи ему, Таскиров, кто я такой, — прошу черного.
— Командыр, — авторитетно заявляет тот.
— Понятно? — спрашиваю у парняги. А он не верит.
«Как бы ему доказать?» И оглядываюсь по сторонам. Замечаю, стоит недалеко какой-то начальник с красными нашивками на погонах. Направляюсь к нему, как к старому знакомому. Обращаюсь тихо, чтоб парняга тот не слышал:
— Здравствуйте, товарищ командир!
— Здравствуйте, — отвечает. — Мое воинское звание старшина. Запомните.

Я даже позабыл, зачем подбежал к нему, так обрадовался. Передо мной стоял... старшина. И кажется, не так уж строгий.

Позже я узнал, что фамилия этого старшины Саблин. И многое другое узнал. Верно батька говорил: старшина — самая главная фигура в казарме. Спит солдат или дневалит, чистит сапоги или спешит в строй — часто о старшине вспоминает. И если солдат не очень исправный, то нужно дрожать ему перед старшиной, как осиновому листу на ветру. Не потому, что старшины плохой народ. А обязанности у них такие: увидеть все непорядки и за все спросить с виновных. Недаром и название им серьезное дали.

— Товарищ старшина! — обращаюсь к Саблину. — А долго треба служить, чтоб в командиры выйти?

— Смотря как служить будете.

— Ух, знаете, как буду! — говорю.

— Хвалю за желание. Как фамилия? — И таким придирчивым взглядом осматривает меня! На значки мои, между прочим, глянул понимающе.

— Перепелица моя фамилия.

— Перепелица? — почему-то удивился старшина. — Это не вы во время остановки эшелона бродячую собаку к станционному колоколу привязали?

О! Уже знает! Небось старший по вагону успел разболтать.

— Я, — отвечаю. — Но собака хорошая. Только, дура, звонить и кусаться начала, когда ее отвязать хотели. Раньше времени пассажирский поезд отправила.

Засмеялся старшина и сказал на прощание:

— Если попадете ко мне в роту, у нас с дисциплиной строго. Запомните. А сейчас приготовьтесь к погрузке личных вещей на машину, если они у вас тяжелые.

— Обойдемся без машины, — отвечаю. — У нас хлопцы крепкие.

Возвращаюсь к своим. Вижу, парняга в кепке поверил в мое командирство.

— Как фамилия? — спрашиваю у него.

— Ежиков.

— То-то. — И командую всем: — Приказано грузить вещи на машину!

Следом за мной эту же команду старшина подает. И мой авторитет окончательно окреп.

— А вы не кладите, — говорю нашим хлопцам.

— Почему? — недоумевает Ежиков.

— Эх ты! — И измеряю его изничтожающим взглядом. — А ну, Таскиров, скажи ему.

— Закалка будем делать, да? — догадывается Али.

— Конечно! — И, боясь, что меня не послушаются, на сознание влияю: — Кто знает, когда кормить будут. А в сундуках у нас колбаса домашняя, сало, пирожки. Всю дорогу будем закаляться!

Подействовало. Степан, Самусь и Таскиров оставили вещи при себе. Только Ежиков закинул свою сумку в машину. Придется исключить его из нашей группы, раз не подчиняется мне.

Выстроили нас в колонны. Меня, Степана, Таскирова и Самуся поставили замыкающими. И это потому, что мы с вещами. Ну и порядки! Самых выносливых хлопцев — и в хвост.

Докладываю о своем несогласии лейтенанту. А он смеется и отвечает:

— Выносливость и здесь можно показать.

Пошли мы. И Ежиков вместе с нами, замыкает за компанию строй.

Хорошо идти под команду. Потом песню кто-то запел, и мы дружно подхватили. Ничего, что необученные, добре в ногу шагаем!

А по краям дороги сосны шумят, вроде на нас любуются. С телефонных проводов срываются ласточки, вспугнутые песней.

Но постепенно настроение у меня начало падать. Уж очень до города далеко, а сундук мой не такой легкий. И Степану не передашь его. Он и от своего мешка кряхтит. То в одной, то в другой руке несу сундук — тяжело. Того и гляди, рука оторвется. И пот заливает глаза. На спину попробовал взвалить сундук — к земле гнет, и углы его до костей врезаются.

— Хлопцы! — кричу. — Кто пирогов хочет! У меня половина сундука лишних.

Никто не отзывается. А выбрасывать жалко — хлеб ведь.

И так и сяк пытаюсь брать сундук, а он все тяжелее делается. Вижу, трудно и моей команде. А тут еще Ежиков подсмеивается:

— Что, ребята, взопрели? А командир ваш молодцом держится.

— Нэ командыр он! — сердито сопит Таскиров.

— Балаболка, трепач, — поддерживает его Самусь.

Только Степан молча вытирает рукавом пот со лба.

Зло меня взяло. Я же хотел как лучше. В армию приехали служить, а не на курорт!

— Привал, хлопцы! — командую. — Отдохнем и со следующей колонной пойдем. — И усаживаюсь посредине дороги на свой сундук. А хлопцы никакого внимания, поплелись дальше. Даже Степан Левада осмелился не выполнить моего приказа.

Ну и пусть.

Вдруг слышу, машина гудит за поворотом.

«Вещи новобранцев везут», — догадался я и мигом стащил свой сундук в придорожную канаву.

Вот машина уже рядом. Перед мостком замедлила ход и меня минует. Тут я вытолкнул сундук на дорогу и во всю глотку заорал:

— Стойте! Стойте!

Грузовик затормозил, и из кабины выскочил знакомый мне старшина Саблин.

— В чем дело? — спрашивает.

— Сундук подберите! Свалился!

Старшина измерил меня недоверчивым взглядом и приказал положить сундук в кузов.

— Почему отстали? — спрашивает.

— Да сапог, — говорю, — ногу жмет.

А у меня действительно сапоги узковаты — по последнему фасону.

— Тогда садитесь в кузов и за вещами смотрите, — приказывает Саблин.

Я, конечно, противиться такому приказу не стал и забрался на машину. А чтоб веселее было ехать, достал кольцо колбасы из сундука. Первый кусок откусил как раз тогда, когда машина обгоняла ушедшую вперед колонну новобранцев.

— Привет, пехота! — насмешливо крикнул я своим хлопцам, сердитый на них, что ослушались моей команды.

Вскоре примчались мы к военному городку. Вижу: ворота, небольшая будка со сквозным проходом. Из будки выскакивает военный и ворота открывает.

Дальше вижу, за колючей проволокой ровными рядами выстроились бронетранспортеры с большими пулеметами сверху, пушки, минометы со стволом, может, чуть поменьше, чем заводская труба, какие-то машины с железными прутами на крыше. Одним словом, техника. А впереди и слева — трехэтажные казармы под черепицей. В какой-то из них я буду жить.

Подъезжаем к небольшому дому (видать, складское помещение) и останавливаемся.

— Приехали! — говорит старшина Саблин, выходя из кабины.

Соскакиваю я на землю, отряхиваюсь и по сторонам смотрю. Ничего особенного. Солдаты на плацу маршируют. И почему-то по два человека. Никакого впечатления. И оркестра нигде не слышно. А я думал, что в армии ходят только под музыку.

— Ну, осмотрелись? — спрашивает Саблин. — Теперь за дело.

— За какое?

— Разгружайте машину и вещи аккуратно под стенку складывайте.

— Мне разгружать? — удивился я и посмотрел на гору сундуков, чемоданов и мешков в кузове. — Товарищ старшина, сейчас придет моя команда — вмиг все сделаем.

— Не рассуждайте! — строго говорит Саблин. — «Команде» вашей и так достанется. А вы отдохнули. Действуйте.

Потом обратил внимание на значки, привинченные к моему пиджаку.

— Документы на значки имеются? — спрашивает.

— А как же, — отвечаю, — где-то имеются. Значки без документов никому не выдаются.

— Смотрите, проверю. — И ушел старшина. А за ним шофер куда-то исчез.

Стою я возле машины и чужие значки с пиджака свинчиваю. А то действительно еще документы спросят. Они же, как я сказал старшине, имеются где-то, но не у меня.

Свинтил, спрятал в карман и открываю борт машины. Ой-ой-ой! Треба крепко чуба нагреть, чтоб самому управиться с разгрузкой.

Вдруг замечаю: совсем недалеко, вокруг вкопанной в землю бочки, сидят новобранцы (видать, раньше нас прибывшие). Сидят и папироски посасывают. Подхожу к ним.

— Здравствуйте, товарищи! — здороваюсь.

— Здравствуйте, — отвечают нестройно.

— Ну как, привыкаете? — спрашиваю. — Ничего, привыкнете. Только нужно встать, когда с вами старший разговаривает.

Встают неохотно, с недоумением смотрят на меня.

— Вот так, — хвалю их. — Молодцы! А сейчас трошки потрудимся. Пошли за мной!

Вижу, не спешат хлопцы выполнять мое распоряжение.

— Нам здесь приказали сидеть, — говорит кто-то.

Я хмурю брови и стараюсь смотреть построже.

— Не рассуждайте! — приказываю. — За мной!

Подействовало. Вначале шагнул ко мне невысокого роста парняга с облупившимся носом, потом еще один. Затем кто-то свою команду подал:

— Пойдем, ребята! Все равно делать нечего!

И пошли все. А мне это и нужно. Подвожу их к машине и приказываю:

— Двое открывайте борт! Четверо наверх! Остальным таскать вещи к стенке. Складывать аккуратно. А это, — указываю на свой сундук, — давайте сюда.

Поставил я сундук в стороне, чтобы не потерять его среди других вещей, и наблюдаю за ходом разгрузки. А работа кипит. Крепкие ребята — как игрушки, хватают тяжелые мешки.

Еще несколько минут — и машина пуста. Поблагодарил я хлопцев, дал тем, кто пожелал, закурить и разрешил быть свободными. И только ушли новобранцы, как из дверей ближайшей казармы старшина Саблин вынырнул. Схватил я быстро свой сундук и, пошатываясь, будто от усталости, ставлю его поверх вещей.

— Ну что, начали разгружать? — спрашивает Саблин.

— Да, — отвечаю безразличным тоном и вытираю платком лоб. — Порядок...

Старшина глянул в кузов, перевел взгляд на гору вещей под стеной и ахнул:

— Уже?! Вот это работяга!..

— А нам не привыкать, — говорю. — Мы работать умеем, не прикладая рук.

— Постойте, постойте, — перебивает меня Саблин и на часы смотрит. — Так... Ровно семь минут.

— Ну и что? — с притворством удивляюсь я и начинаю беспокоиться. Уж очень насмешливые стали глаза старшины.

— Ничего, — отвечает он. — Придется направить вас на склады служить. Там такие грузчики на вес золота ценятся.

— Товарищ старшина! — взвыл я. — Как же мож-

но, мне — и вдруг в грузчики?! Мне с оружием дело иметь хочется.

— Там об оружии тоже не забывают.

Я прямо растерялся. Вот влип! Что же делать? А старшина смотрит на меня и усмехается. Потом вдруг говорит:

— Так вот, товарищ Перепелица. У нас ценят находчивость солдат. А за такую находчивость, какую вы проявляете, наказывают. Ибо она сопряжена с обманом. Обманывать же можно только врага.

«ЛУЧШЕ НА ГАУПТВАХТУ»

Я да мой односельчанин Степан Левада служим в одном отделении. Степан — тихий хлопец, приятно с ним поговорить, вспомнить нашу Яблонивку. Степан, как известно, помалкивает, а я балакаю.

Красивые, должен сказать вам, на Винничине села! Богатые. Все в садах утопают. Каждому, конечно, свой край люб. Вот и нам со Степаном... Идешь, бывало, весной с поля, и за два километра от села вишневым цветом пахнет. И нигде, наверное, так не поют, как на Винничине. Девчата наши, точно соловейки в роще, голосистые.

Ох и хороши у нас девчата! Провожаешь вечером с гулянки девушку и примечаешь, как она у своей хаты вздохнет украдкой при расставании — нравлюсь, значит. Но сам виду не подаю. Не таков Максим Перепелица, чтобы от первого вздоха голову потерять. Может, на следующий вечер я уже другую провожать буду. Хотел выбрать себе такую невесту, чтобы все хлопцы от зависти свистнули.

И выбрал. Полюбилась мне чернобровая дивчина — Маруся Козак. Да я ей, на беду мою, вначале не полюбился. Пришлось год целый к Марусиной хате стежку топтать да песни под ее окнами ночи напролет петь. Не раз мать Маруси с кочергой за мной по улице гонялась, что спать не даю.

Но вышло-таки по-моему: полюбила меня Маруся. Хотя и случай мне помог. Однажды увидел я, что Маруся стирает на речке белье. И решил показать ей, какой герой Максим Перепелица. Залез на самую высокую вербу, которая над водой склонилась, и бултыхнулся с нее в такое место, что дна никак не достать. К тому же пузом об воду плюхнулся. Пошел вначале ко дну, потом

с превеликим трудом вынырнул. Вынырнул и стал захлебываться — все силы израсходовал. Короче говоря, тонуть начал.

Заметила это Маруся и кинулась в речку спасать Максима. Поймала за чуб и давай к берегу грести. Я вначале смирно плыл рядом с ней, а потом отдышался и чуть опять не захлебнулся, когда понял, что меня Маруся спасает. Пришлось пойти на хитрость: принялся я Марусю «спасать». Получилось так, что я ее из воды вытащил.

А она, хитрюга, все поняла. Полчаса хохотала на берегу. Ну а потом все-таки подружились мы. Поверила Маруся, что люблю ее по-серьезному, и созналась, что и меня любит. Правда, с оговоркой: сказала, весело ей со мной. Но не везет мне в жизни. Перед самым моим уходом в армию поссорились мы с Марусей. Поссорились так, что и провожать не вышла меня.

А Степана провожала Василинка Остапенкова, помощница колхозного садовода. Славное дивчатко. Диву даюсь, как ей полюбился такой молчун. Теперь Степан каждую неделю получает от нее письма. Да почти на всех солдат нашей роты почта исправно работает. Одного меня письма обходят, хотя сам пишу их, может, больше, чем вся рота вместе. А это не так просто. Ведь свободного часа у солдата — что у бедного счастья. После занятий столько забот сваливается на тебя, что хоть кричи: за оружием поухаживать нужно, устав полистать, просмотреть конспекты по политподготовке. А в личное время — есть у нас такое — и повеселиться не грех.

На занятиях тоже не всегда за письмо сядешь. В самом деле, разве можно думать о чем-нибудь другом, когда на последних стрельбах мне еле засчитали упражнение? Хуже всех в отделении стрелял! Ведь Степан Левада, кажется, тоже не старый вояка, а о нем и по радио передавали как об отличном стрелке. Да и другие недостатки за Максимом числятся. То, говорят, отстает Перепелица по физической подготовке, то не в меру любит похвалиться.

Попробуй найти время для письма.

А тут иногда что-то находит на меня. Из самой глубины сердца, из какого-то его потайного мешочка начинают идти такие слова, хоть садись и стихи пиши! Удержу нет! Прут эти слова изнутри и, кажется, пищат — так просятся в строчки письма.

Тогда я обращаюсь за помощью к Степану Леваде. А он друг настоящий: и автомат мой почистит, и постель мою заправит, и пол в казарме вымоет, если моя очередь это делать. Словом, дает мне возможность писать письма Марусе. Но не всегда этого времени достаточно. Тогда солдата смекалка выручает.

Например, совсем недавно случай был. На занятиях по политподготовке сел я в учебном классе рядом со Степаном Левадой и говорю ему:

— Толково записывай, Степан, чтоб разборчиво.

— Сверить конспекты хочешь? — удивляется Степан.

— Угу, — неопределенно отвечаю.

Начались занятия. Лейтенант Фомин, наш командир взвода, ведет рассказ. Хороший он лейтенант. Командует громко, нарядами не разбрасывается, а если попросишь увольнительную в город, редко когда откажет. И собой симпатичный: худощавый, стройный, брови хотя и не черные, но заметные, лицо загорелое, вот только кожа на носу все время лупится. А физкультурник какой! В цирке б ему работать, а не взводом командовать. Начнет «солнце» крутить на турнике, так даже у меня в животе ноет от страха: вдруг сорвется!

Словом, уселся я поудобнее, приготовил свою самопишущую ручку, раскрыл тетрадь, внимательно посмотрел на облупившийся нос лейтенанта Фомина и начал писать.

А лейтенант рассказывает:

— Честность и правдивость — важнейшие черты морального облика советского воина...

— Морального? — переспрашиваю я.

— Морального, — подтверждает лейтенант и продолжает дальше: — Быть честным и правдивым — значит не за страх, а за совесть выполнять служебный долг...

Перо мое еле успевает за лейтенантом. А из-под него текут ровные, четкие строчки.

«...Неужели ты не понимаешь, Марусенька, — пишу я, — что даже у солдата сердце не камень?» И поднимаю глаза на лейтенанта, который в это время говорит:

— Ни в чем и никогда не обманывать командира и товарищей по службе, быть самокритичным...

— Са-мо-кри-тич-ным, — повторяю я протяжно и продолжаю писать:

«...Все наши солдаты получают письма от девчат, даже Ежикову — есть у нас один такой языкастый хлопец — пишет какая-то дура...»

Последнее слово мне что-то не понравилось, и я, глянув на командира взвода, перечеркнул его и исправил на «дивчина».

«Имей же сознательность, Маруся! — пишу дальше. — Думаешь, легко мне служить, если сердце мое, как скаженное, болит по тебе?..»

И пишу и пишу. Вдруг слышу, лейтенант Фомин объявляет:

— Занятия закончены! Ежиков, Таскиров, Петров... Перепелица, сдать тетради...

Точно ошалел я, услышав это. Быстро промокаю написанное, закрываю тетрадь и к Степану:

— Спасай, Степан! Дай твой конспект!

— Ты же сегодня сам хорошо записывал, — недоумевает Степан.

— Да то я письмо Марусе конспектировал. Давай скорее!

— Нет, — отвечает Степан. — На обман я не пойду.

Уставился я на друга своего и глаз оторвать не могу: он ли это? А тем временем сидящий впереди Ежиков подхватил мою тетрадь и вместе с другими сунул в руки лейтенанту Фомину.

— Чего хватаешь! — зашипел я на Ежикова. Но уже поздно.

Ох и не нравится мне этот Ежиков! Слова при нем сказать нельзя — все на смех поднимает, все критикует.

Но сейчас не до Ежикова. Бегу вслед за лейтенантом Фоминым. Догоняю его у дверей канцелярии роты и прошу вернуть тетрадь.

— Зачем? — удивляется Фомин.

— Да, понимаете, я конспект не докончил...

— Ничего. Посмотрю, потом закончите. — И хлопнул дверью.

А в казарме гремит команда:

— Приготовиться к построению на занятия по тактике!

Я вроде не слышу команды. В щелочку двери подсматриваю, куда Фомин тетрадь положит. Вижу, на стол. Теперь надо найти момент, чтобы забрать свою и хоть вырвать из нее страницы с письмом Марусе. Но момент не подвертывается. Командир отделения торопит в

строй. И через несколько минут мы уже входим в парк боевых машин, готовимся к посадке в бронетранспортеры.

Появляется одетый в шинель лейтенант и дает команду: «По машинам!» А я не трогаюсь с места, держусь за живот и морщу лицо.

— В чем дело, рядовой Перепелица? — спрашивает лейтенант.

— Ой, в животе режет... — отвечаю. — Света белого не вижу.

— Сейчас же в санчасть! — приказывает он.

...Взвод уехал на тактические занятия, а я без рубахи сижу в кабинете врача — молодого майора медицинской службы. Правда, погон его из-под белого халата не видно. Но черные усики кажутся даже синими на фоне халата и белой шапочки.

— Сильно болит? — спрашивает у меня этот медицинский майор.

Я внимательно смотрю ему в глаза и стону.

— Даже круги зеленые перед очами, — отвечаю.

Тут, вижу, медицинская сестра заходит, молодая такая, голубоглазая дивчина с подведенными бровями, и что-то в инструментах на столике начинает копаться. Это мне не очень понравилось: не люблю при девчатах больным быть. Но ничего не сделаешь.

— Ложитесь на кушетку, — приказывает врач.

Ложусь, хоть и страшно испачкать сапогами белую клеенку. Начинает майор щупать мой живот.

— Ой, больно! — ору.

— А здесь? — врач изучает где-то под ребрами.

— Еще больнее!

— И в коленку отдает? — почему-то улыбается врач.

— Кругом отдает, — отвечаю я и кошусь на медсестру — чего ей здесь надо?

Врач вздыхает, качает головой.

— Странная болезнь. Рота, наверное, в караул собирается?.. А ночи сейчас темные, прохладные...

— Нет, — говорю, — не собирается.

— Нет? — удивляется врач. — Тогда дело сложное. Таблетками не обойдешься. — И обращается к медсестре: — Готовьте наркоз, инструменты. Будем срочно оперировать.

— Резать? — сорвался я с кушетки и, вспомнив, что у меня сильные боли в животе, опять лег. — Не надо резать, — прошу врача. — Уже вроде отпустило трохи.

Но вижу, что моя просьба никого не трогает. Медсестра с улыбочкой готовит здоровенный шприц, каким, я видел, лошадям уколы делают, ножичками на столе побрякивает. Ну, беда! Сейчас располосуют живот, отрежут что-нибудь, и пропал Максим Перепелица.

— Не дам я резать, — серьезно заявляю врачу.

— Резать обязательно, — спокойно отвечает врач. — Нельзя запускать такую болезнь.

— Да какая это болезнь? Уже, кажется, совсем перестало. — И с облегчением вздыхаю.

— Это ничего не значит, — замечает врач и снова мнет мой живот. — Больно?

— Чуть-чуть, — машу рукой, — но это пройдет. Посижу часок в казарме, перепишу конспект, и все.

— Конспект? А что у вас с конспектом?

Дотошный врач, все его интересует.

— Да ничего особенного, — говорю. — Написал в тетради не то, что нужно...

— А тетрадь забрал для проверки командир взвода? — продолжил мою мысль врач.

— Да не то чтоб забрал, — начал я выкручиваться, — но переписать конспект треба.

Словом, выпроводил меня врач из санчасти и даже таблеток никаких не дал. Сказал только, что, если еще раз приду к нему с такой болезнью, сразу положит на операционный стол. Ха! Так я и приду. Меня теперь туда и калачом не заманишь. Тем более перед медсестрой осрамился.

Направляюсь в казарму. Надо же все-таки тетрадь свою выручать. Подхожу к ротной канцелярии, сквозь дверь слышу, что там не пусто. Командир роты, старший лейтенант Куприянов, по телефону разговаривает.

— Спасибо, — благодарит кого-то он и смеется. — Вы угадали. Теперь мы операцию без наркоза сделаем.

Остолбенел я у двери. Не врач ли позвонил Куприянову?

Если он, упечет меня командир роты суток на десять на гауптвахту. Это точно. Однажды я вышел на утренний осмотр с оторванной пуговицей на гимнастерке. И чтоб старшина не ругал, спичкой ее прикрепил. А тут сам старший лейтенант появился. Прошел вдоль строя и на ходу пальцем в мою пуговицу ткнул.

— Три шага вперед! — скомандовал.

И так отчитал меня перед всей ротой, что страшно вспомнить. Это только за пуговицу...

Губа так губа. Не привык Максим Перепелица от опасностей прятаться.

«Пусть все сразу», — думаю я и стучусь в дверь.

— Войдите!

Захожу. Вижу, пишет что-то командир роты. И не сердитый нисколько. Отлегло у меня от сердца. Прошу разрешения обратиться и докладываю, что хочу взять свою тетрадь с конспектом.

— Почему не на занятиях? — спокойно спрашивает Куприянов.

— Прихворнул малость.

— Что врач говорит?

— Операцией пугал. Но как же можно, товарищ старший лейтенант? В учебе отстану.

— А зачем конспект переписывать хотите? — И Куприянов протягивает руку к стопке тетрадей. — Давайте посмотрим.

Невесело почувствовал я себя в эту минуту. Вроде пол под моими ногами загорелся. Но виду не подаю.

— Ничего не разберете, товарищ старший лейтенант, — говорю. — Почерк у меня неважный.

— Ну сами читайте. — И протягивает мне командир роты мою тетрадь.

Беру я ее, чуть-чуть отступаю подальше, раскрываю, и перед глазами темные пятна. Никак от испуга не могу оправиться.

— Читайте, читайте, — торопит Куприянов.

И тут... язык бы мне откусить!

— «Дорогая Мар...» — сгоряча болтнул я то, что написано в верхней строчке. Болтнул и онемел, на полуслове остановился. Но смекнул быстро. Читаю дальше: — «Дорога каждая минута учебного времени...» Нет, не здесь. — И перелистываю тетрадь. — Да и разобрать никак не могу.

— Ну, если вам трудно разобрать собственный почерк, — говорит старший лейтенант, — расскажите...

«Это мы можем», — думаю себе и с облегчением вздыхаю.

— Значит, так, — говорю. — Тема занятий: «Честность и правдивость — неотъемлемые качества советского воина».

— Правильно, — замечает командир роты и приятно улыбается. — Продолжайте.

Продолжаю:

— Ну... солдат должен быть честным, правдивым. Если служишь, так служи честно... за оружием ухаживай на совесть. На посту не зевай. Ну, обманывать нельзя, воровать... и так далее.

— В общем верно, — с улыбочкой говорит старший лейтенант. — А что, если вам поручить провести с солдатами беседу на эту тему?

— А что? Могу! — соглашаюсь. — Еще подчитаю трохи... Разрешите идти?

— Минуточку, — задерживает меня старший лейтенант и зачем-то выдвигает ящик стола.

«Наверное, хочет дать брошюру, чтоб к беседе готовился».

И так радуюсь я про себя! Удалось ведь выйти сухим из воды! И вдруг... командир роты протягивает мне чистый конверт...

— Возьмите. Он вам, кажется, нужен.

Я почувствовал, что у меня начали гореть уши, потом щеки, затем запылало все тело. Во рту стало горько...

— Товарищ старший лейтенант... — еле выдавил я из себя. — Не могу я беседу проводить... Лучше на гауптвахту отправьте...

— Вы же больной, — говорит Куприянов.

— Нет, здоров я, — отвечаю каким-то чужим голосом и не могу оторвать глаз от пола.

— Тогда ограничимся одним нарядом, хотя можно было б и на гауптвахту отправить... — сказал командир роты и вздохнул.

С тех пор нет у меня охоты на занятиях отвлекаться посторонними делами. А если из сердца слова в письмо просятся, я их про запас берегу.

КИЛО ХАЛВЫ

Кто получал внеочередные наряды, тот знает: штука эта несладкая.

Наряды бывают разные. Легче, например, отстоять сутки дневальным. Не страшно, когда на какую-либо работу посылают. Но идти в наряд на кухню... Нет горше ничего! Дрова коли, воду таскай, посуду мой, котлы и кастрюли чисть, наводи санитарию и гигиену на столах и на полах. Больно много нудных хлопот.

И вот мне не повезло. Упек меня старшина Саблин в воскресный день на кухню отбывать взыскание, наложенное командиром роты. Это за то, что письмо на занятиях писал я. А тут еще картофелечистка на кухне сломалась, и приказали мне вручную чистить картошку. А заниматься этим немужским делом я страх как не люблю!

Так вот, сижу я в подсобном помещении кухни — тесноватой комнате с двумя окнами, сижу и стружку с картошки спускаю. На мне поварской колпак, короткий халат и клеенчатый передник. Рядом со мной солдаты из соседней роты — Зайчиков и Павлов. Зайчиков — узкоплечий, губастый, с пожелтевшими зубами (видать, сладкое любит). Такому в самый раз на кухне сидеть. Павлов посерьезнее парень: строгий, неразговорчивый, ростом покрупнее меня. Чистит картошку и фокстрот насвистывает. Вижу, оба хлопца проворно с картошкой расправляются. У каждого из них уже по полведра, а у меня только дно прикрыто.

А за окном что делается! Гуляет мяч на волейбольной площадке, гармошка у клуба заливается, смех, говор, песни. Ясно — выходной день. И так мне нудно стало, что того и гляди швырну нож и в открытое окно выскочу.

Но попробуй убеги. Прямой наводкой на гауптвахту направят. А разговоров сколько будет!

Недовольно кошусь на своих соседей и соображаю...

— Смотрю я на вас, хлопцы, — говорю им, — и удивляюсь: ничему вы не научились в армии.

Зайчиков и Павлов даже рты пораскрывали.

— Нет, верно, — продолжаю. — Живем мы дружно, одной семьей, а картошку чистим в разные ведра.

— Глубокая мысль, — ухмыляется Павлов, смекнув, куда я клоню. — Ты изложи ее дежурному по кухне.

— А что дежурный? — недоумеваю. — Все зависит от вашей сознательности.

Павлов бросает в свое ведро очередную картофелину, с издевкой смотрит на меня и заключает:

— Ох и ленивый же ты, Перепелица! Как тюлень.

— Я?.. Да я был в колхозе первым человеком! — отвечаю. — До сих пор письма шлют, советуются... А недавно одно предложение им подкинул. Благодарят!.. Ящик халвы прислали...

При упоминании о халве Зайчиков — тот, который

губастый, — уши навострил. Знаю я, что солдаты халву любят. Не пойму только почему.

— Целый ящик? — заерзал Зайчиков на своей табуретке.

— С полпуда весом, — отвечаю. — Не знаю, что с ней делать. Ребят кормил... А она все не убывает. Выкидывать? Жалко.

— Так тащи ее сюда! — предлагает Зайчиков и облизывается. — Поможем.

— Вот это друзья! — хлопаю я себя ладонью по коленке. — Значит, халву есть «поможем»? А картошку чистить?..

— Сколько принесешь? — ставит Зайчиков вопрос ребром.

Тут Павлов вмешивается:

— Да врет он все! Ты что, о Перепелице не слышал?

— Плохо знаешь ты Перепелицу! — отвечаю ему. — У меня слово твердое. — И предлагаю: — Ведро картошки — кило халвы!

Зайчиков без разговора вскочил с табуретки и придвинул мое пустое ведро к себе.

— Ну смотри, если обманешь! — говорит. — Дежурному по кухне доложим.

А я и не собирался обманывать. Раз дал слово, значит, сдержу его. Тем более сдержать нетрудно: халва продается в нашем военторговском ларьке, который рядом с клубом.

Но к ларьку я не спешу — погулять хочется.

Направляюсь к спортивной площадке. А мяч сам мне прямо в руки летит. Подкинул я его и как гасанул в сторону волейбольной сетки! Попал Василию Ежикову в затылок. Повернулся Василий и с недоумением смотрит на меня.

— Ты почему не на кухне? — спрашивает.

— Там ребята душевные, — отвечаю. — Не дают переутомляться. Ценят!

И к турнику иду, вокруг которого солдаты собрались. Прошу одного «спортсмена», который болтается на перекладине, место уступить. Уступил. Я с ходу сделал замах на склепку и тут же взлетел на перекладину на прямые руки. «Здорово!» — хвалят хлопцы.

Хотел еще одним упражнением похвастаться, да вдруг заметил, что старшина Саблин из казармы появился. Надо маскироваться.

Соскакиваю на землю — и в толпу солдат. Когда

старшина прошел, я к военторговскому ларьку направляюсь. Уже, наверное, начистили мне Зайчиков с Павловым картошки.

Подхожу, вижу, торчат в открытое окошко ларька усы дяди Саши — Крючка по прозванию.

«Порядок! — думаю. — Продавец на посту».

Без спросу кладет передо мной дядя Саша коробку дешевых папирос и спички.

— Не-ет, — говорю ему. — Дайте-ка халвы попробовать.

— Попробовать? — переспрашивают усы.

— Эге.

Из окошка высовывается длинный нож с кусочком халвы на кончике. Разжевал я халву, проглотил. Добрая! Но хвалить не спешу: еще пожалеет килограмм продать.

— Что-то плоховата, — морщу нос, но потом машу рукой и добавляю: — Ну, ладно. Съедят и такую. Взвесьте кило.

А усы смеются:

— Раньше надо было приходить. Вся распродана.

— Как распродана?! — ужаснулся я.

— Очень просто, — отвечает дядя Саша. — Завтра опять завезу.

Что ты скажешь! Как же я теперь на кухню вернусь? Съедят же меня хлопцы!

Одно спасение: надо выскочить на десять минут в город. Но без увольнительной записки это невозможно.

И все же иду к контрольно-пропускному пункту. Издали смотрю, кто там дежурит. Вижу, сержант из третьей роты.

«Не пустит», — вздыхаю.

Тут как раз машина из расположения части выезжает. Сержант кинулся ворота ей открывать, а я следом за машиной и бочком, бочком. Вдруг, как из «катюши»:

— Ваша увольнительная!

Заметил-таки сержант...

— Мне вон в тот ларек халвы купить, — объясняю ему.

— Без увольнительной нельзя.

— На одну минутку...

— Кр-ру-гом! — резко командует в ответ.

И разговор закончен.

Отошел я в сторонку от проходной, и так грустно мне.

Решаюсь на последнее: через забор!

Решено — сделано. Перемахнул я через забор. Но... к ларьку, что через дорогу, подойти нельзя. Вижу, стоит там старшина Саблин и с продавщицей любезничает. Это на час, не меньше.

Пячусь назад, поворачиваю за угол и бегу к гастроному. Подбежал, а на дверях за стеклом покачивается табличка: «Перерыв». Посмотрел я с ненавистью на эту табличку и обращаюсь к чистильщику обуви, который рядом сидит, этакому смуглому, белоусому старику:

— Дядьку, где здесь срочно халвы можно купить?

— Халвы купить, да? — гнусаво переспрашивает дядька. — Зачем халвы? Давай сапоги почищу.

Смеется, бестия!

— Некогда! — сердито отвечаю.

— Некогда? На базар иди... Второй квартал направо.

Пулей несусь на базар. Уже спина мокрая. И ноги подкашиваются от страха: вдруг кого-нибудь из своих встречу! Или — не дай и не приведи — патруль комендантский.

Только подумал об этом, как из переулка навстречу мне вышел с двумя солдатами незнакомый лейтенант. Увидел я на его рукаве красную повязку и вроде споткнулся. Потом взял себя в руки. Перехожу на строевой шаг и четко отдаю патрулю честь.

— Ваша увольнительная! — останавливает вдруг меня красная повязка.

— В каком смысле? — удивляюсь.

И все кончилось как нельзя плохо. Сижу я на гауптвахте — в небольшой комнате с решетками на окнах. Деревянные откидные нары подняты к облезлой стене и закрыты на замок.

Сижу на табуретке, скучный, как пустой котелок, и тру о подоконник пятак, чтоб отшлифовать его до зеркального блеска. Говорят, это помогает грустные мысли отгонять. Но мысли, как назло, не покидают меня. Пятак уже до того отполирован и отделан после подоконника о штанину, что вижу в нем весь свой похожий на винницкую дулю нос и прыщик на носу.

В другое время этот прыщик много б мне хлопот доставил, а сейчас не до него. Свет белый мне не мил! Уже пытался шаги считать — шесть шагов к запертым дверям, шесть к окну с решеткой. Четыре тысячи насчи-

тал и бросил. Досада огнем жжет мое сердце! Я даже не догадывался, что в нашей славной Яблонивке на Винничине мог уродиться такой несчастливый хлопец, каким оказался я.

Перед моими глазами стоит учебный класс, битком набитый солдатами. Идет комсомольское собрание, на котором обсуждают поведение комсомольца Максима Перепелицы...

Эх... Лучше не вспоминать. И как только человек может выдержать такое? И все из-за моего перепеличьего характера. Видать, придется шлифовать его, как этот пятак...

НЕ ВЕЗЕТ МНЕ!

Прошла осень, зима. А кажется, что я уже сто лет как уехал из родной Яблонивки, как служу рядовым второй роты Н-ского мотострелкового полка. Но что это за служба? Все, как говорил дед Щукарь, наперекосяк получается. Мечтал об одном, а выходит другое. Нет мне счастья в службе военной. Но я в этом не виноват. Отличиться пока негде! Ведь каждый день одно и то же: подъем, становись, шагом марш, отбой. Вздохнуть некогда. А старшина! Знали бы вы нашего старшину Саблина!

Вот и сегодня. Сижу я в комнате политпросветработы и письмо Марусе пишу. Вдруг слышу голос дежурного:

— Вторая рота, приготовиться к вечерней поверке!

Мне же отрываться никак не хочется: мысли толковые пришли. А тут еще Степан Левада надоедает.

— Максим, не мешкай, — говорит. — Ты же сапоги еще не чистил.

— Чего их чистить? — отвечаю. — Не свататься же пойду. Все равно завтра в поле на занятия.

А Степан носом крутит — недоволен:

— Опять достанется тебе от старшины.

— Не достанется, — успокаиваю его. — Вот допишу письмо и маскировочку наведу—два раза махну щеткой по носкам, и никакой старшина не придерется.

Но Степан не отстает.

— Опять Марусе строчишь? — интересуется. — Чудак-человек. Плюнь! Не отвечает, и плюнь.

Ничего я не успел сказать на это Степану, так как в казарме загремел милый голосок старшины:

— Стр-роиться, втор-рая!..

Быстро сую недописанное письмо в карман и пулей лечу чистить сапоги. А старшина Саблин знай командует:

— В две шер-ренги... становись!

«Эх, дьявол! — ругаюсь про себя. — Не успею». Раз-два щеткой по сапогам и мчусь к месту построения. А там уже слышится:

— Равняйсь!.. Чище носки, левый фланг! Еще р-ровнее! Та-ак... Смир-рно!

— Товарищ старшина, разрешите стать в строй? — обращаюсь к Саблину.

— А-а, Перепелица? — вроде обрадовался он встрече со мной. — Опять, значит, опаздываем? Уже сколько служим, а к элементар-рному пор-рядку не приучимся?

— Да я сапоги чистил, товарищ старшина, — оправдываюсь.

А он глянул на мои сапоги, скривился, точно муху проглотил.

— Чистили? — переспрашивает. — Что-то не замечаю... Ага, ясно. Носочки, значит, обмахнули. А каблучки кто же будет чистить?..

«Ну, — думаю, — начнет сейчас отчитывать да про порядки объяснять». Надо бы промолчать мне, но мой язык сам себе хозяин.

— Каблуки тоже чистил, — болтнул он. — Вон Левада видел.

И тут начал старшина меня «чистить» перед строем всей роты.

— Ага, — говорит, — надеетесь, что земляк выручит? Вряд ли. Не в этом суть солдатской взаимовыручки. Но где вам понять? Это поймет только солдат. Повторяю: только настоящий солдат.

А мой язык опять сболтнул:

— Я тоже солдат.

Старшина Саблин даже удивился:

— Солдат? Так, так. Солдат, значит? А где же ваши солдатские качества? Нет их, рядовой Перепелица. Товарищескую взаимовыручку вы понимаете неправильно, да и находчивости у вас тоже нет... Что это за находчивость — сапоги только с носков почистить или оторванную пуговицу прикрепить спичкой к клапану кармана? А на занятиях вчера не сумели правильно подобраться к огневой точке «противника»... Где же ваша сообра-

зительность солдатская? А выносливость? Была она у вас?

— Он в столовой вынослив! — подает голос Василий Ежиков. — Двойную порцию вмиг осилит.

В строю прокатился смешок. А этого старшина Саблин не любит. Отвернулся он от меня и на Ежикова уставился.

— Р-разговор-рчики в стр-рою! Делаю вам замечание, р-рядовой Ежиков!

И опять ко мне:

— Две минуты на чистку сапог. Бегом!..

Такая-то жизнь моя солдатская.

Давно потушен свет в казарме, а мне не спится. Эх, служба, служба! Разве так я, Максим Перепелица, мечтал служить? Думал, что, как приеду в армию, буду у всех на виду, буду горы ворочать. А получается... Никак не могу найти правильного азимута в службе. Куда ни повернусь, все не так: то не так постель заправил, то поясной ремень слабо затянул, то в строй опоздал, то схватил из пирамиды чужое оружие, то честь командиру не так отдал, то не доложил, то не спросил, не сказал, не узнал. И все замечания, замечания, замечания.

Неужели не способен я стать другим? Способен!

И принял я твердое решение: завтра же с подъема во всем первым быть. С этой мыслью и уснул.

А ночь для солдата ой как быстро проходит! Не успел, кажется, и лечь, как уже дежурный по роте «подъем» горланит.

Вскочил я утром, когда раздалась команда «Подъем!», и не торопясь одеваюсь. Вдруг вижу, Ежиков обгоняет меня. И тут я вспомнил о вчерашнем своем решении.

Вроде током тряхнуло Максима. Вмиг натянул я бриджи, обул один сапог, схватился за другой. Но все-таки отстаю. Чтоб быстрее было, не стал портянку наматывать, а положил ее на голенище, а затем поверх портянки ногу — и р-раз ее в сапог. Ничего, потом выберу минуту и переобуюсь.

Представьте себе, что к месту построения на физзарядку я подбежал первым. Командир отделения сержант Ребров даже удивился, а старшина Саблин тоже подметил мое старание.

— Одобряю, Перепелица! — бросил он на ходу. — Первым в роте поднялись сегодня.

Промолчал я, а сам подумал: «Еще не то увидите».

Наступили часы занятий. У нас по расписанию — стрелковая подготовка, но почему-то всю роту вывели в поле. Прошел слух, что приехал сам командир дивизии и будет проверять нашу выучку.

Так и случилось. Не успели мы передохнуть на зеленой травке у дороги (а она мягкая, сочная, только на свет появилась, май же кругом службу дневального несет. Так он прибрал все вокруг в зелень, что любо-дорого, душа песни просит. Моя бы власть, я б каждый год наряда по четыре давал маю вне очереди. Пусть дневалит!)... Так вот, не успели мы передохнуть, как командир взвода лейтенант Фомин вызывает к себе в придорожный кювет командиров отделений и отдает им боевой приказ.

Через минут пять сержант Ребров уже и нам задачу поставил. Оказывается, мы являемся не кем-нибудь, а десантом. Высадили нас на планерах в поле (разумеется, условно высадили, так как притопали мы сюда ногами), и нам предстоит, действуя по отделениям, преодолеть занятую «противником» полосу в пять километров, а затем в точно назначенное время атаковать и уничтожить «неприятельский штаб» в овраге близ рощи «Фигурная». А чтоб добраться до этой самой рощи, нужно продираться сквозь густые кустарники, идти по оврагам и болотам. И притом засады «противника» надо обходить. Наткнется отделение на засаду — и долой из игры. Такие условия.

Приказ есть приказ. Надо действовать. Но не успели мы выйти на исходное положение — перебежать к опушке недалекого кустарника, как появился незнакомый капитан с белой повязкой на рукаве. А на повязке буква П — посредник, значит.

Подошел, посмотрел на нас и бросил единственную фразу:

— Командир вашего отделения выведен из строя.

Смотрю я на капитана и ничего не понимаю. А как же воевать без командира? Другие солдаты на сержанта Реброва оглядываются, а он руками разводит — не могу, мол, ничего сделать.

И тут... Ушам я своим не поверил.

— Второе отделение, слушай мою команду!

Оглядываюсь — Степан! Поднялся на карачки и так строго смотрит на солдат, что смех один. Видать, боится, что не послушаются его.

— Почему твою? — удивляюсь я. — Я же первым сегодня в строй стал.

А он вроде и не слышит.

— Отделение, за мной! — И первым бежит к опушке кустарника.

За ним поднимаются Ежиков, Самусь, Таскиров и все отделение. Приходится и мне подниматься.

Догоняю Степана и заговариваю с ним.

— Чего ты поперед батьки в пекло лезешь?

— А что? — удивляется.

— «За мной! За мной!» Тоже мне генерал выискался!

— Так чего же ты не командовал? — сердито спрашивает Степан.

Что ему ответишь?

— Да я только подумал, — говорю, — а ты уже выскочил.

— Ну, командуй сейчас, — уже миролюбиво предлагает он.

Но тут Ежиков в разговор вмешался.

— Хватит, — говорит он. — Перепелица уже покомандовал.

— А тебе какое дело? — отражаю наскок Ежикова.

Вдруг его Таскиров поддерживает:

— Нэ командыр Перепелица.

Тут отделение добежало до кустарника, и Степан скомандовал:

— Стой! — А когда мы залегли, строго добавил: — Прекратить разговоры!

Не узнаю дружка своего. Даже голос его вроде изменился. Пререкаться не хочется, но все-таки отрубил я Ежикову и Таскирову:

— Очень нужно мне командовать вами — лопухами такими!

А Степан на меня как цыкнет:

— Перепелица!..

Икнул я и умолк. Тем более заметил, что лейтенант Фомин спешит к нам.

— Кто принял командование отделением? —издали спрашивает он.

Степан, кажется, оробел. Он на меня смотрит, а я на него. «Раз трусишь, — думаю, — давай я». И вскакиваю на ноги. Но вижу, и Степан вскакивает.

— Докладывайте, рядовой Левада, — почему-то обратился не ко мне, а к Степану лейтенант.

Когда Степан доложил, что он командир, Фомин на меня глаза перевел.

— Вы что-то хотели сказать, рядовой Перепелица?

— Хотел спросить, нельзя ли курить, — отвечаю.

— Нельзя, — отрезал лейтенант.

— Правильно, — соглашаюсь. — Я так и думал.

Слышу, Василий Ежиков хмыкает. А когда лейтенант Фомин позвал к себе Леваду, чтоб проверить, как уяснил он задачу, Ежиков захихикал еще громче:

— Думал. Вы слышали, ребята? Он, оказывается, думал!

Очень засвербил у меня язык. Хотелось покрепче ответить Ежикову. Но подходящего слова не нашел и смолчал. А тут и Степан Левада вернулся. Вернулся и еще раз начал нам задачу объяснять. Потом по секрету сообщил, что на пути вся третья рота будет нас караулить, и с воздуха будут за нами глядеть.

— Третья рота? — переспрашиваю. — Да там все такие, как Ежиков, недотепы. Дойдем!

Ежиков опять в контратаку:

— Твоим бы языком, Максим...

Но Степан опять бабахнул:

— Разговоры! — И приказал: — Перепелица и Таскиров — в головной дозор. Старший — Перепелица.

Люблю быть старшим. Хоть под моим командованием один Таскиров, но все равно боевая единица.

Оторвались мы от отделения на расстояние зрительной связи и пробираемся сквозь кустарник в направлении рощи «Фигурная». Таскиров впереди, а я, как и полагается старшему, чуть позади и сбоку. Хорошо! От земли душистым парком несет, в кустах соловьи перекликаются, а по небу, среди кучных облаков, солнце путь себе прокладывает, точно как мы среди зарослей.

Вот только с ногой у меня худо. Так и не удалось переобуться. Теперь портянка сбилась в носок сапога, а голая пятка уже огнем горит. Вначале не обращал я внимания на это, да и сейчас не особенно обращаю. Пустяки! Солдат к боли должен привыкать.

Идем мы и идем. Прислушиваемся, конечно, да и глазами каждый куст прощупываем. Мое дело, разумеется, командовать да поддерживать зрительную связь с отделением, которое следует сзади нас — дозорных.

И сейчас, когда вышли мы на узкую дорогу, за которой налево от нас вытянулось большое озеро, поднял

я над головой автомат — сигнал командиру отделения, чтоб к нам выдвинулся.

Степан, заметив мой сигнал, тут как тут. Выскочил из кустарника и давай дорогу рассматривать.

— Чего тут смотреть? — говорю ему и на озеро показываю. — Надо идти направо, через дамбу. Здесь втрое ближе.

— Правильно, — соглашается Таскиров.

— Нет, неправильно, — возражает вдруг Степан и приказывает нам разговаривать шепотом. — Там на засаду нарвемся.

— Откуда это известно? — удивляюсь я.

А Степан на дорогу указывает:

— Глядите, след бронетранспортера.

— Так, может, он влево поехал, — не сдаюсь я. Но Степан, вижу, стоит на своем:

— Косые зубцы по краям следа указывают направление... Так куда он поехал? — спрашивает он.

— Вправо, — уже соглашается с Левадой Таскиров.

Пошли мы дальше. Начали огибать озеро. Здесь дозорным пришлось идти почти рядом с ядром отделения. Справа и слева камыш шелестит, а под ногами вода хлюпает. Чувствую, что пятка моя не на шутку начинает болеть. А доложить Степану неудобно — ведь старший дозорный я. И вдруг... (тут и о пятке своей позабыл) справа, на другом конце озера, как полоснет пулеметная очередь! Эхо кругом пошло, а я даже присел. В чем дело? Раздвигаю в стороны камыш и замечаю: далеко на дамбе бронетранспортер, вспышки выстрелов и суетня.

— Кто-то из наших нарвался, — спокойно говорит Левада.

И так мне неловко стало, что я предлагал идти через дамбу.

Чувствую, Таскиров меня локтем под бок толкает. Повернулся я к нему, а он шепчет:

— Командыр, — и кивает в сторону Степана.

Подумаешь, следы бронетранспортера разгадал! Мы тоже еще себя покажем! Вот только пятка...

За озером перебежали быстро через небольшое мелколесье, и перед нами раскинулась широкая болотистая долина. В долине той колышется пожухлая прошлогодняя осока, а среди нее пробивается к солнцу молоденькая — тоненькая и густая, как грива коня.

Перед долиной остановились мы. Степан выполз чуть вперед и с таким важным видом рассматривает ее, что просто смех: вроде генерал вражеские укрепления.

— Чего на нее глядеть? — спрашиваю. — Перебежим быстро, и точка. Жалко, ноги запачкаем.

А Степан молчит, наблюдает. Потом поворачивается к нам и приказывает:

— Всем ползти по-пластунски!

Сдурел Степан! Совсем сдурел! Там же болото, вымажемся как черти. Я уже рот раскрыл, чтоб сказать ему об этом, как меня опередил Илько Самусь:

— Тут целый день ползти надо. К сроку не поспеем.

А Степан ему в ответ:

— Кто здесь командир? Может, вы будете командовать, товарищ Самусь?.. За мной!

Не захотелось мне после этого вступать в разговор, и пополз я вслед за Степаном. Так даже лучше — пятка моя отдохнет.

Но не очень-то легко ползти по болоту. Уже через минуту почувствовал я, как на локтях и на груди вода пробралась к телу. Потом на коленках. Да и спина от пота все больше мокнет. Рубашка так и прилипает к ней.

С этим можно было б еще мириться, если б в нос не бил такой противный запах тины и плесени. Тошнит!

Приходится терпеть. Ползу я, попеременно подтягиваю под себя ноги и бросаю тело вперед, а автомат, который лежит на правой руке, то за куст чернотала цепляется, то за кочку. Попросил я у Степана разрешения забросить оружие за спину. Не разрешил: нужно быть в боевой готовности на территории «противника». «Ну, — думаю, — черт с тобой. Вырвусь сейчас вперед и первым на ту сторону выползу. Знай наших». И только чуть-чуть взял в сторону, как из-под моего локтя плеснула тина и прямо мне в лицо! Ослеп я и от злости оглох.

— Дай дурню волю! — ругаю тихо Степана и продираю глаза. Продрал, оглядываюсь на товарищей и вдруг вижу, что такая же история с Ежиковым приключилась. Грязный он, как порося! Я даже захохотал.

— Чего ты? — спрашивает у меня Самусь.

— Ежиков утонул, — отвечаю.

А Самусю не до шуток. Тоже из сил выбился и промок весь.

— Кому это нужно? — шепчет он. — Перебежали бы быстро, и все.

— Вы же, дурни, не хотели, чтоб я командовал отделением, у меня бы не ползали так.

Вдруг Левада как зашипит на нас:

— Тише!.. — и взглядом вправо указывает.

Повернул я голову вправо и обмер. Сквозь осоку увидел на краю лощины замаскированный танк. Пушка его в нашу сторону развернута, а над башней торчит танкист и в бинокль смотрит. Кажется, смотрит прямо на меня. Я так и врос в болото.

В это время в небе стрекот моторов послышался... Ну, беда! Два вертолета откуда-то вырвались. И прямо на лощину, где мы лежим, курс держат. Один потом замер в воздухе на одном месте, видать, болото просматривал. Затем дальше повилял хвостом.

Вот тут мы все поняли, что шутки плохи. Я уже так старательно полз — прямо носом борозду среди кочек прокладывал. И не зря. Слева заметил еще одну засаду. Но и возле нее проползли без единого выстрела, как и требовалось. И когда из нас уже выходил последний дух, выбрались мы на опушку леса.

— Встать! — шепотом командует Степан.

А у меня сил нет.

— Не могу, — отвечаю. — Привык... На пузе легче.

Однако подняться пришлось. Поднялся... охнул и сел. На пятку не наступить.

— Снимайте сапог, — уже на «вы» обращается ко мне Степан.

Разуваюсь. Глянул на свою ногу и ахнул. Растер до крови. И, как всегда, первым Ежиков подкалывает меня:

— Солдат... Портянку наматывать не умеет.

— На язык бы тебе такую болячку, — огрызаюсь и достаю индивидуальный пакет.

А Степан на часы смотрит. Видать, приближается время атаки. Роща «Фигурная» уже рядом.

Что делать? С бинтом ногу в сапог не сунешь? Придется в одном сапоге бежать.

Так мне и пришлось сделать. Намотал поверх бинта портянку, привязал ее другим бинтом — и вперед. В одной руке автомат, в другой — сапог. Потом додумался за поясной ремень сапог заткнуть.

Но все же отстал я от отделения. Добежал до оврага, что у рощи «Фигурная», когда наши уже разгроми-

ли там штаб «противника» и выстроились для разбора занятий.

Стоят солдаты в строю — подтянутые, подобранные (правда, солдаты только тех отделений, которые сквозь засады прошли). Стоят в тени ветвистых елей, а я бреду по крутой тропинке — грязный, усталый, в одном сапоге.

— Смотрите, и Перепелица дошел! — слышу голос старшины Саблина.

В ответ смешок прокатился. Но тут же затих. Старший лейтенант Куприянов, командир роты нашей, ко мне обращается:

— Становитесь, рядовой Перепелица, в строй! Что дошел — молодец! А вот ногу натер — плохо.

«Да разве только это плохо? — горько думаю я про себя. — А что было б, если бы не Степан Левада, а я, Максим Перепелица, принял на себя командование отделением?..»

ДРУГ КОМАНДИРА

Я уже говорил, что фамилия моя Перепелица, имя Максим. Это я тот самый Максим, которого в селе Яблонивка, на Винничине, ветрогоном прозвали и которому до сих пор Маруся Козак на письма не отвечает. Так и считает меня ветрогоном. А разве это справедливо? Ну, были глупости по молодости. От них же и следа не осталось. Знает меня в полку каждый. И не потому только, что в клубе на Доске отличников появилась недавно моя фотография. Это само собой. Есть и другие причины. Например, был смотр художественной самодеятельности. Кто отличился? Максим Перепелица! И не каким-нибудь бреньканьем на балалайке или тем, что песню до посинения выводил. Гопаком отличился! Так плясать умеют наверняка только у нас на Винничине: чешут, аж земля гудит и листья с деревьев сыплются...

Вот и приметный я. Даже больше, чем друг и земляк мой Степан Левада. Но радости от этого мне мало. Кому, думаете, недавно звание младшего сержанта присвоили? Перепелице? Ошибаетесь! Это Степан сержантом стал! И назначили его командиром нашего отделения. Тоже мне генерала нашли! Заменил Степан нашего сержанта Реброва, который в офицерскую школу уехал.

Поздравил я, конечно, друга, а самому завидно... Впрочем, жизнь моя солдатская теперь вольготнее потечет. Ведь командиром назначен дружок! Кто чаще Максима Перепелицы сейчас в городской отпуск будет увольняться? Никто. И работой на кухне меньше досаждать станут. Вот, к примеру, завтра моя очередь туда идти. Так не поверю, чтобы Степан меня послал. Он-то знает, что для Максима Перепелицы нет более тяжкой работы, чем на кухне возиться.

И вдруг дежурный по роте передает приказание:

— Командирам отделений выделить по одному человеку в распоряжение старшины для уборки территории вокруг казармы.

Чистота, конечно, дело нужное. Но уж очень неохота в субботний или воскресный день брать в руки лопату или метлу. Только подумал об этом, как Левада приказывает мне:

— Рядовой Перепелица, в распоряжение старшины роты.

По всем нервам стегануло меня такое приказание. А потом смекнул: «Да это же Степан повода ищет, чтобы на кухню потом Максима не послать».

— Слушаюсь, товарищ младший сержант! — весело ответил я.

А когда вышел с лопатой во двор и представился старшине Саблину, он поставил меня во главе команды. И взялись мы за дело. Не только возле казармы убрали, а и весь спортгородок вычистили. Даже посветлело вокруг. Кто-то камушком начал выстукивать на большой квадратной лопате «Камаринскую», кто-то завторил на губе. Я не удержался и дал волю ногам. А они у меня лихие! Тем более что вскоре баян появился.

Словом, любит повеселиться наш брат, особенно перед выходным днем.

А на вечерней поверке старшина объявляет мне благодарность. Это за уборку двора. Ответил я, как положено, по уставу, а сам думаю: «Молодец Степа, не забыл старшине напомнить... Этак ротному писарю скоро некуда будет заносить мои благодарности. Хорошо, когда дружок командир!»

Раздумывал я себе, а вечерняя поверка продолжалась. Вдруг, словно босой ногой на ежа наступил, так меня передернуло. Старшина зачитал наряд на кухню, и первым в списке значился рядовой Перепелица.

Вздохнул я тяжко и покосился на Степана. А

он стоит, вытаращив свои очи, вроде ничего и не случилось.

«Эх, Перепелица, Перепелица, — думаю я себе, — неразумная ты птица. Степан, дружок и земляк твой, может, теперь и говорить с тобой иначе не станет, кроме как по стойке «смирно».

Плохо мне, вроде полыни нажевался. Знали бы обо всем этом в Яблонивке, частушки б по селу про Максима распевать стали. Ведь Максим Перепелица, хоть и ветрогоном считался, был лучшим плясуном! А кто раньше его кончал сев? Кто прежде всех с возкой буряка управлялся? Ведь Максим первый парубок на селе. Куда было этому тихоне и молчуну Степану Леваде до Максима! А теперь на̀ тебе: Степан командиром стал, а я — Перепелица — должен ему подчиняться.

...Перед отбоем подходит ко мне Степан, улыбается. И руки по швам не вытягивает. Даже удивительно. Говорит:

— Молодец, Максим, что хорошо потрудился. Я нарочно тебя послал. Как друг не осерчаешь, а товарищи убедились, что у нас дружба не мешает службе. Понял, Максимка?

Конечно, понял. Выходит, так: раз ты, рядовой Перепелица, друг младшему сержанту Леваде, значит, все шишки на тебя... Внеочередная работа подвернулась — иди работай именно ты, а не другой, иначе подумают, что командир как друга балует тебя. Хочется в город сходить — сиди в казарме. А пойдешь — что люди могут сказать? Как же, друг командира! Отличился на занятиях вместе с другими — им похвала, а тебе кукиш.

Чувствую я, что от такой дружбы взвыть можно. Придется попросить начальство, чтобы в другое отделение перевели. Но тут случай все мои намерения нарушил. Вышло так, что оказался я виноватым перед Левадой.

Объяснял нам Левада устройство нового стрелкового приспособления. Не понял я, для чего там шпилька одна служит. Говорю:

— Степан, повтори, пожалуйста.

Левада прервал урок, посмотрел на меня такими глазами, вроде на некрасивом поймал, и отвечает:

— Рядовой Перепелица, запомните: на службе, на занятиях ни Степанов, ни Максимов не должно быть. Есть младший сержант Левада, есть рядовой Перепелица. Устав почитайте!

Как отрезал. Только и нашел я, что ответить:

— Виноват, товарищ младший сержант.

Обидно, даже в ушах засвистело. И дернуло ж меня за язык!

Потом еще такая история приключилась. Иду я в библиотеку книжку обменять и встречаю напротив казармы соседнего батальона Леваду. Поворачиваю голову в сторону плаца и вроде не замечаю Степана. И вдруг:

— Рядовой Перепелица, вернитесь и отдайте честь!

Ушам не верю. Повернулся к Леваде, а он стоит и с таким укором на меня смотрит, что я даже глаза опустил.

— Почему устав нарушаете? — спрашивает.

— Степан, имей совесть, — тихо, чтобы не слышали солдаты, которые стояли у казармы и смотрели на нас, говорю я. — Сто раз же сегодня встречались с тобой.

Левада отвечает так же тихо:

— Это для них неизвестно, — и кивает в сторону солдат. — Зачем дурной пример показывать?

Что тут поделаешь? Пришлось мне вернуться на несколько шагов назад и по всем правилам строевого устава пройти мимо младшего сержанта Левады.

Все навыворот получается. Надеялся: раз Степан командиром стал — Максиму в службе послабление будет. Ведь жизнь солдатская — не фунт изюму. А Левада не то что послабления — отдышаться не дает. Однажды на занятиях в траншею вскочил я неправильно — не по стенкам скользнул, а на дно прыгнул. Сапоги жалко было о стенки тереть, тем более, знал я, что в этой траншее ни мин, ни других «сюрпризов» нет. Заметил это Степан и командует:

— Рядовой Перепелица, назад! Повторите прыжок в траншею.

В другой раз не понравилось ему, как замаскировался Перепелица. Заставил все заново делать. Зло меня взяло. «Ну, — думаю, — теперь даже наедине Степана на «вы» буду величать и разговаривать только по стойке «смирно». Никаких других отношений».

Но разве поймешь этого Степана? То ему не угодишь прыжками в траншею, то лучше Перепелицы и солдата в отделении нет.

Вот хотя бы случай на недавних двусторонних занятиях.

Наше отделение атаковало траншею и завязало бой

в глубине обороны «противника». Продвигались медленно: оборона была крепкой. А на выходе из лощины совсем дело застопорилось, под фланговый огонь пулемета попали. Стрельба пулемета обозначалась трещоткой.

— Рядовой Перепелица, уничтожить пулемет «противника»! — приказывает мне Левада.

Уничтожить так уничтожить. Быстро отползаю назад, затем пробираюсь вправо. Но пулеметчики «неприятеля» оказались глазастыми. Заметили меня, насторожились. «Этих легко не возьмешь», — думаю. Нырнул в лощину, мигом наломал с кустарника веток, снял шинель и завернул в нее ветки. Затем чучело выдвинул к кусту на выходе из лощины. Пулеметчики засекли куст, за которым лежала моя шинель, и снова заработала их трещотка.

Я же тем временем по лощине на четвереньках еще дальше вправо забрался, а затем подполз к пулеметному гнезду почти с тыла. Нагрянул внезапно. Бросил рядом взрыв-пакет, потом из автомата очередь дал. Словом, случай, каких на каждом занятии много.

И вот этому случаю Левада на разборе внимание уделил. Расхвалил находчивость Перепелицы. Вроде я виноват, что он именно меня, а не другого солдата послал против тех пулеметов. Да еще благодарность объявил. Прямо не узнаю Степана.

Потом в караул мы заступили. Левада был разводящим. Снова Перепелица хорош. Понравилось ему, видите ли, как ловко Максим ликвидировал загорание замкнувшихся электрических проводов. Будто другой кто-нибудь иначе поступил бы. На комсомольском собрании я даже рассердился, когда потребовали, чтобы Перепелица поделился опытом несения караульной службы. Какой тут опыт? Действуй, как устав велит!

А вчера утром Степан подходит ко мне и говорит:

— Завидую я тебе, Максим.

— Не тому ли, что мне счастье выпадает картошку на кухне чистить? — съязвил я.

Степан вроде и не расслышал моих слов, продолжает:

— Завидую, что о твоих делах все наше село Яблонивка узнает.

— Каких делах? — ужаснулся я.

— Написал командир части письмо председателю нашего колхоза. Завтра огласят его в каждом взводе.

Хорошее письмо. Рассказывается там, что ты стал круглым отличником, и бдительно караульную службу несешь, и умеешь за оружием ухаживать. Словом, обо всех делах. И благодарность в том письме старикам твоим — отцу и матери — за хорошего сына.

Дух у меня перехватило от этих слов. Не помню, что я молол в ответ Степану. Кажется, доказывал, что никаких «дел» я не сотворил. А у самого сердце от радости из груди рвалось. Вся Яблонивка узнает! Думаю о Яблонивке, а перед глазами Маруся Козак стоит, улыбается. Вот вам и Максим Перепелица, вот вам и ветрогон!

Вскоре из Яблонивки пришли на мое имя два письма. Первое — от председателя колхоза, благодарит он меня за добрую службу, второе — от Маруси. Коротенькое такое. Спрашивает, можно ли ей писать мне письма...

Эх, Марусенька!.. Зачем спрашивать?!

ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ

И кто бы мог подумать, что мне, Максиму Перепелице, придется в самой Москве — понимаете, в Москве! — принимать участие в таком тонком и деликатном деле, как организация концерта!

Может, не нашлось большего ценителя искусства, чем я? Не-ет, вряд ли. Тут есть другая причина. А корень этой причины, я бы сказал, в моем перепеличьем характере. Впрочем, может, характер здесь и ни при чем. Просто нелегко живется на белом свете тому, кто любит красивую дивчину. Очень нелегко!.. Но расскажу все по порядку.

Возвращаюсь я с тактических занятий, а дневальный вручает мне огромнейший пакет. В нем — газета «Вінницька правда». Чем-то домашним дохнуло на меня. Газета, которую каждый день читал я в Яблонивке. Добрая газета! А на первой странице... На первой странице портрет моей Маруси и яблонивского агронома Федора Олешко, который приходится внуком деду Мусию, самому говорливому старику в нашем селе.

Гляжу я на портрет Маруси... Ага, понимаю... Знай, мол, Максим, наших! Но почему это сердце мое так бесится? Не оттого ли, что рядом с Марусей сфотографирован Федор Олешко? Я же Федора знаю. Хлопец такой красивый, что девчата сельские как мухи мерли, когда он на летние каникулы из Московской сельскохо-

зяйственной академии приезжал! Конечно, не все девчата. Маруся, между прочим, кроме меня, ни с кем знаться не хотела.

Так в чем же дело? Почему мне волноваться?

Не валяй, Максим, говорю я сам себе, дурака! Ты же своими глазами читал одну мудрую книжку, где говорится, что ревность — это пережиток прошлого, который не украшает человека!

Но что поделаешь? Любовь, она тоже свои законы имеет.

Читаю, что написано под снимком:

«Молодой агроном села Яблонивки Федор Олешко и молодая колхозница Мария Козак вывели новый сорт высокоурожайной гречихи...» А дальше сообщается, что их пригласили в Москву, в Сельскохозяйственную академию имени Ленина, опытом делиться. Тоже мне, нашли академиков!

Но дело не в этом. Маруся, конечно, любит меня. Однако Федор Олешко — это ж такой парень! Да ему, с его высшим образованием, раз плюнуть сагитировать хоть какую дивчину замуж за него выйти!

Из газеты выпадает записка. Еле узнаю Марусину руку. Вроде курица лапой нацарапала. Видать, наспех писала... Ага, так и есть. Извиняется за короткое письмо. В машине пишет. Едут на станцию... «После совещания в Виннице побыла дома два дня, а теперь едем с Федей...» Гм... с Федей... «...едем с Федей в Москву... Крепко целю...» Что за «целю»? Может, «целую»? Нет. «Крепко целю. Маруся».

Куда же это она целит? В кого?

Поплыла перед моими глазами казарма. Не знаю даже, как очутился я в канцелярии перед командиром роты. Так и так, докладываю ему, показываю газету, записку Маруси, прошу отпустить меня на два дня в Москву. Ведь до столицы от нашего города рукой подать.

Поругал меня командир роты крепко. У солдата, говорит, есть дела поважнее сердечных. Служба прежде всего. Да и считает он, что страдаю я излишней мнительностью. Словом, никаких разговоров об отлучке из части.

Но тут повезло мне. Потребовалось сопровождать одного нашего майора в Москву. Вез он туда какой-то срочный пакет. Назначили меня, как авторитетного товарища, и разрешили задержаться в Москве на два дня, так сказать, по личным делам.

Перед самым отъездом вызывает меня командир полка. Захожу к нему со страхом: вдруг отпуск отменит.

— Товарищ полковник, — докладываю, — рядовой Перепелица по вашему вызову явился!

Полковник наш прямо на Чапаева похож. Усищи! Сам здоров, в плечах широк, голос твердый, сильный. Поднялся он из-за стола, поздоровался со мной и говорит:

— Хочу вам, Перепелица, одно попутное задание дать. Да вот не знаю, справитесь ли.

— Справлюсь, товарищ полковник, — заверяю его. — Можете не сомневаться. Все выполню, что прикажете, лишь бы мне в Москву попасть!

— Так уж и все? — похохатывает полковник. — А если я прикажу из зоопарка слона в полк доставить?

— Если прикажете — сделаю!

— На этот раз обойдемся без слона, — серьезно говорит полковник. — Дело вот в чем: мы как-то посылали письмо на радио. Просили передать концерт по заявкам наших солдат...

— Концерта не было, — напоминаю.

— Вот именно, что не было, — подтверждает полковник. — Видимо, таких заявок поступает туда много, и все их удовлетворить нет возможности. Так вот, забирайте с собой наши заявки, зайдите там на радио...

И подробно объясняет мне, что нужно сделать.

— Слушаюсь, — говорю. — В следующее воскресенье вечером будет передача.

А полковник улыбается:

— В следующее вряд ли. Ведь три дня осталось.

— Товарищ полковник! — даже руку к груди прикладываю я, хотя так и не полагается. — Разве вы не знаете Максима Перепелицу? У меня закон: сказано — сделано!

— А вот бахвальства я не люблю! — суховато отвечает полковник.

Мне даже не по себе стало. Не верит...

— Товарищ полковник... Ну... Ну вот увидите! Разве я могу вам соврать? Да отвались у меня язык!

Командир полка смягчился и улыбается опять.

— Ладно, — говорит, — посмотрим, какой вы хозяин своему слову. Сам буду в воскресенье у репродуктора сидеть.

— Можете не сомневаться...

И вот я уже в Москве. Сопроводил нашего майора, куда он приказал, и пошел на радио. Нашел улицу, номер дома, подъезд. Расспрашиваю у людей, куда мне и к кому, по каким ходам и переходам.

Наконец стучусь в ту самую дверь, куда мне предписано. Захожу в комнату с окнами во всю стену, представляюсь. Встречает меня этакая серьезная дивчина лет шестидесяти. Оказывается, редактор. Вступаю с ней в переговоры, показываю заявки солдат нашего четырежды орденоносного полка.

— О, да здесь же огромный список! — удивляется дивчина.

— А как же? — подтверждаю. — Культурные запросы. Завтра вечером передача должна быть обязательно.

Редакторша смахнула с носа очки, подняла на меня глаза.

— Что вы, молодой человек? — говорит. — Такую передачу надо готовить недели две.

Меня даже в жар бросило:

— Две недели?.. Завтра же весь полк наш займет позиции у репродукторов! Сам командир полка... Да знаете вы?..

А бабка меня успокаивает. Говорит и в такт своим словам очками помахивает.

— Подождите, подождите. Не горячитесь, товарищ Перепелица. Дело в том, что все эти люди заняты, у каждого свой рабочий план. Поэтому нужна предварительная договоренность. Кроме этого, нужно заблаговременно заказать радиостудию, вызвать тонмейстера, оператора...

— Хорошенькое дело! Как же я в полк вернусь, как покажусь на глаза полковнику? — спрашиваю. — Не-ет, у нас так не положено. Получил приказ — умри, а выполни!

— Но как же выполнить? — пожимает плечами бабуся. — Ну, допустим, часть тех номеров, которые хотят услышать ваши товарищи, у нас имеется в записи на пленке. А ну давайте еще раз посмотрим ваши заявки... — И, надев очки, заглядывает в бумажки, которые я выложил перед ней. — «Радиопостановка «Василий Теркин» по поэме Александра Твардовского». Это у нас есть. Можно выбрать отрывок. Песни и арии тоже есть в записи. А вот этого нет и этого нет. Выступление на-

родного артиста Огнева нужно готовить... заслуженной артистки Васильковой тоже.

— Там еще просьба, — напоминаю ей, — чтобы выступил поэт Степанов.

— Вот видите! — разводит руками редактор. — Не-ет! Такую передачу подготовить в два дня физически невозможно.

— Невозможного ничего нет, — втолковываю ей. — Ведите меня к вашему генералу или полковнику.

— У нас военных нет, — отвечает редактор и смеется.

— Да, я и забыл! Ну, к начальнику или директору ведите.

И начал действовать Максим Перепелица! Чтобы ближе к делу, скажу только одно: доказал я начальству, что наш славнейший, четырежды орденоносный полк без радиопередачи по заявкам солдат и офицеров никак не обойдется. А насчет того, что трудно будет заставить артистов и писателей выступить перед микрофоном в скоростном порядке, так это я взял на себя. Начальство пошло навстречу, дало мне помощника — гарненьку дивчинку, которая назвала себя ассистентом. Мудреное какое-то слово! Но звучит оно здорово: «Мой ассистент». Вот дожил Максим Перепелица! Уже ему и ассистентов прикрепляют в помощь. А в распоряжении этого черноглазого ассистента разумная машина, и не очень сложная, магнитофон! Все до точности записывает он на пленку, которую потом проигрывай сколько душе угодно. За полчаса научился я управлять им.

Раз у меня теперь в руках такая техника, так в чем же дело? Будь ты самый народный артист, а если к тебе приехали домой и нацелились в тебя микрофоном, никуда не денешься! Выступишь.

На легковую машину тоже не поскупилось начальство. Наверно, подумало: раз ты, Максим Перепелица, такой хитрый, на тебе все и сам попробуй.

Спрашивает мой ассистент, куда первым делом поедем. Что за вопрос? Начнем с Маруси Козак!

Но как найти ее? Объясняю все как есть ассистенту. Понятлива дивчина! Между прочим, Людмилой Васильевной ее величают. Кинулась к телефону и давай звонить. Не прошло и трех минут, как докладывает она мне: «Маруся Козак и Федор Олешко остановились в гостинице «Москва»... Как будто гостиниц им мало, не могли в разных поселиться.

И вот мы сидим в машине, слушаем радио и едем в эту самую «Москву». Прямо чудно: «Москва» в Москве.

А машин-то, машин! А людей!.. Куда они спешат? Вон памятник Пушкину. Знакомый, хоть и в первый раз вижу. Неужели по этим улицам Пушкин ходил? И Гоголь? И Горький, которого, между прочим, тоже Максимом звали...

Подъезжаем к гостинице. Ох и высока! И только остановились, как вдруг я вижу: выбегает из широких дверей... Маруся! Моя Маруся! С портфельчиком в руках. Как заправская москвичка. Рванулся я с места.

— Сумасшедший! — кричит на меня шофер. — Машину сломаешь!

И пока открыл дверцы (не привык же я в легковых машинах ездить), Маруся села в «Победу». Ишь, уже на «Победе» ее раскатывают.

— Гони, — кричу шоферу, — за этой «Победой»!..

И тут я понял, что такое светофоры, будь им на том свете кочерга! Чуть не треснул от нетерпения. Наконец издали вижу, что остановилась Марусина машина.

— Тормози! — подаю шоферу сигнал. А Маруся тем временем уж перебегает через улицу, не обращает внимания, что милиционер аж захлебывается, так в свисток дует. Что ты скажешь? Не знает Маруся городских правил. Я следом за ней, хотя и милиционера страшновато. Слежу, в какой дом она нацелилась. Засек. Вхожу, оглядываюсь, спрашиваю у бородатого сторожа, или швейцара по-городскому, куда тут сховалась дивчина, которая сейчас только что зашла. Он показывает на дубовую дверь с табличкой «Лекторий». Я туда, а навстречу мне женщина в очках — близорукая, глаза щурит. (Везет же сегодня на встречи с женщинами в очках!)

— Сюда нельзя, — говорит.

— Как нельзя? — задыхаюсь я. — Мне Марусю Козак!

— Мария Козак сейчас занята, — отвечает. — Она и так опоздала.

— Гражданочка, мне на одну только минуточку, — умоляю женщину. — По делу. Скажите, Перепелица...

— Тише, — грозит она мне пальцем. — Ну хорошо. Постойте здесь, я сейчас спрошу у нее.

И ушла. Жду я, а сердце — як белены объелось. Так и рвется из груди, точно пташка из клетки. Выходит наконец женщина и смотрит на меня каким-то непонятным взглядом.

— Извините, товарищ, — говорит, — забыла вашу фамилию...

— Я же вам сказал: Перепелица!

— Ну хорошо, гражданин Перепелица, — и теснит меня подальше от двери. — Мария Козак просит извинить ее, она знает, что виновата перед вами, но выйти не может. Очень просит простить ее... и получите...

Тут женщина сует мне в руку десятирублевую бумажку и хлопает перед моим носом дверью. Ничего не понимаю. Маруся просит ее простить, она виновата передо мной...

Дожил Максим Перепелица...

Швырнул я на пол десятирублевку — и к выходу. Что же это делается? А? Прямо горю весь. А что с сердцем — передать невозможно.

Подбегаю к машине.

— Людмила Васильевна, — говорю своему ассистенту, — вся жизнь моя сейчас в ваших руках. Помогите!

— Что случилось? — всполошилась Людмила Васильевна.

— Беда! Останьтесь здесь и дождитесь Марусю. Расспросите у нее по-человечески, — объясняю все, как есть. — А если этого злодея Федора Олешко встретите — и с ним поговорите. Я буду по телефону швейцару здешнему звонить.

Вижу, заволновался мой ассистент. Не знает, какое решение принять.

— А вы с магнитофоном справитесь? — спрашивает.

— Да я с пулеметом, с автоматом справляюсь, с другой техникой... — отвечаю. — Справлюсь и с магнитофоном. Только бы шофер точно по адресам возил.

Еле уговорил ассистента. Ох и до чего же беспокойная дивчина!

Поехал я. Ближайший адрес — высотный дом на набережной. Поглядел на вершину этого дома, и чуть фуражка с моей головы не свалилась. Ну зачем в небо жилье людей поднимать? Неужели им на земле места мало?

И вот я уже звоню в квартиру народного артиста Михаила Ивановича Огнева. Никто не отвечает. Звоню

еще, потом толкаю дверь. Открылась. Захожу. В передней — ни души. А из соседней комнаты, в которую приоткрыта дверь, доносится голос. Да это же голос Михаила Ивановича! Включаю магнитофон.

— Нет, нет! Лучше уж мне вязать носки, штопать их и надставлять пятки, чем вести такую собачью жизнь! — шумит на кого-то народный артист. — Чума на вас всех, трусов!.. Мальчишка, подай мне кружку хереса, малый!..

Хереса какого-то требует. И ругает кого-то... Вот не вовремя пришел...

— Подай мне кружку хереса, негодяй!

Я даже подпрыгнул. Не голос, а гром... Может, это на меня кричит? Где же он, херес тот? Наверное, в том кувшинчике на столе...

И только я сделал шаг с места...

— Ах ты плут! — Даже занавеска на стеклянных дверях сдвинулась, и я увидел усатое, как у нашего полковника, лицо Михаила Ивановича Огнева.

— Виноват, товарищ народный артист, — извиняюсь, — виноват...

— Позвольте, позвольте, позвольте. Что вы тут делаете? — И товарищ Огнев выходит в переднюю прямо ко мне. — Кто вы такой?

— Я... военный, — отвечаю. — Вот по делу, к народному артисту, вот к вам...

— Ах, по делу? Ах, к народному? — вроде обрадовался мне Михаил Иванович и усы подкрутил. — Слушайте, вы ко мне по делу? Вот и чудесно! Дорогой мой, очень кстати! Дома никого нет... Слушайте, как вас величать?

— Максим Перепелица, — отвечаю с тревогой в голосе: чувствую, что народный артист сейчас какую-то работу мне даст. Наверное, в магазин пошлет... Так и есть!

— Слушайте, Максим Перепелица, вы же мне очень нужны! — И хлопает меня по плечу. — Вы станете сейчас принцем Генрихом, сыном английского короля Генриха Четвертого. Берите книжку и читайте.

Беру огромную книжищу. Вижу — Шекспир. На открытом месте читаю: «Король Генрих IV. Историческая хроника».

А Михаил Иванович Огнев уже объяснения мне дает:

— Место действия — Англия начала пятнадцатого века, сцена происходит в трактире «Кабанья голова».

Итак, вы не Перепелица, а принц Генрих, а я не Огнев. Перед вами сложный тип — забулдыга и ловкач сэр Джон Фальстаф, который сейчас будет изображать вашего отца — английского короля Генриха Четвертого.

— Ха-ха, — смеюсь. — Да мой батька — Кондрат Перепелица — колхозный кузнец!

— Слушайте, какой вы непонятливый!.. — сердится народный артист.

— Нет, я понимаю, — успокаиваю его. — Это дело мне знакомо. В драмкружке участвовал. Но смешно! Максим не Максим, а принц, а батько мой не кузнец, а король...

— Ничего не поделаешь, — разводит руками Михаил Иванович. — Искусство требует жертв. Так слушайте внимательно. Принц Генрих после многих разгульных ночей, проведенных с Фальстафом, должен вернуться домой во дворец, и они знают, что король будет принца ругать. Так вот Фальстаф изображает перед Генрихом, как король-отец будет с ним разговаривать. Понятно?

— Да, понятно, — отвечаю.

— Значит, читайте вот отсюда. — И товарищ Огнев становится передо мной на колени и начинает говорить за этого самого Фальстафа:

— Расступитесь, рыцари, и дайте мне кружку хереса, чтобы у меня покраснели глаза и можно было бы подумать, что я плакал.

— Михаил Иванович, а где его взять, хереса-то? Может, горилочки? — смеюсь я.

— Перепелица, нельзя от классика отступать, — хмурит брови народный артист. — Горилка так горилка, херес так херес. Читайте!

И начали мы репетировать. Долго мне пришлось выслушивать Михаила Ивановича, затем самому по книжке читать. Даже взмок я. И наконец кончили. Задумался о чем-то народный артист и даже песенку про себя напевает.

Знакомая песня. Где-то я ее слышал? Может, попросить народного артиста, чтоб в полный голос спел — для концерта?.. Нет, по-моему, интереснее будет, если передать по радио, как мы с ним короля и принца изображали...

Но все же обращаюсь к народному артисту:

— Михаил Иванович! Что это за песня? Вот бы мне

слова ее достать да в самодеятельности нашей выступить!

— А это очень просто, — отвечает он. — Надо мной, этажом выше, композитор живет. Он эту песню сочинил и каждый день на рояле играет. У меня уже зубы болят от нее.

И тут я слышу, сверху доносится знакомая музыка.

— Во! Слышите? Эгей! Никита! — кричит Михаил Иванович. — Никитушка, голубчик! Перестань!.. Не слышит. Сейчас я ему по телефону. — Набирает номер и начинает говорить прямо с нежностью: — Привет, Никиточка!.. Да, я, Никита, дорогой! Весь век буду тебе благодарен. Не играй больше. У меня дети спят. Сейчас к тебе зайдет солдат Максим Перепелица. Дай ему слова этой замечательной песни, дай и забудь ее. Не играй больше. Хорошо? Ну спасибо, мой дорогой, спасибо.

Прощаюсь с народным артистом, благодарю его и извиняюсь за беспокойство. Потом спешу на этаж выше.

И вот я уже в квартире композитора.

— Так, значит, вы эту песню написали? — спрашиваю, когда он проводил меня из передней комнаты в кабинет и усадил в мягкое кресло.

— Я... А что? Не нравится? — насторожился композитор. Сам невысоконький, лицо выбрито, глаза хитрющие.

— Нет. Очень даже нравится, — отвечаю. — А вам?

— Мне не очень, — говорит.

Странный человек. Спрашиваю:

— Так чего ж лучшую не написали?

— Не написалось... — разводит руками. — А чего вы так смотрите на меня?

Смешной вопрос. Вроде не понятно, что я первый раз в жизни композитора вижу. Объясняю ему это.

— И вы за тем ко мне пришли? — удивляется.

— Нет, не только за этим, — отвечаю. — Вам же говорил товарищ Огнев. Мы с ним сейчас Шекспира репетировали. Мне бы слова вот этой песни записать. Хочу на концерте солдатской самодеятельности выступить.

— А вы поете? — оживился композитор.

— Да у нас все в роте поют.

Тут композитор без лишних слов ведет меня к роялю и дает в руки лист бумаги с текстом песни.

— Послушаем, — говорит.

— А товарищ Огнев не того?.. — осторожно спрашиваю я. — Не станет утюгом в потолок стучать? Слышно там все.

— А, ничего, — машет рукой композитор. — Пусть привыкает...

Пришлось мне петь. За компанию и композитор пел. А когда кончил, говорит он мне:

— Неплохо поете.

Так и сказал. Мне неловко стало. Сам композитор похвалил.

— Петь нечего, — жалуюсь ему. — Мало новых песен, особенно солдатских. А солдату без хлеба легче прожить, чем без песни. Напишите, товарищ композитор... А то все «Тачанку» поем. Конечно, хорошая песня. Но ехать в бронетранспортере или на броне танка и, глядя на реактивные самолеты, петь про тачанку в четыре колеса — не очень подходяще.

— Это верно, — соглашается композитор. — В долгу мы перед солдатами.

И пообещал-таки написать музыку для солдатской песни.

Поблагодарил я его и распрощался. Молча спускаюсь на скоростном лифте вниз. Страшновато за магнитофон. С такой высоты сорваться — щепки не соберешь. Но спустился благополучно. Выхожу на улицу и о Марусе опять думаю. Беда прямо. Как останешься сам с собой, так сразу стопудовый камень на сердце ложится. Что ж это получается? Вроде отставку она Максиму дает?

Ноги прямо без спросу сами поворачивают к телефонной будке. Нужно позвонить в академию. Может, Людмила Васильевна, ассистент мой, уже разведала обстановку. Но не тут-то было. В кабину забрался какой-то гражданин. Лица его из-под шляпы и очков почти не видно. Только усы торчат, как у таракана. Жду терпеливо, пока он кончит разговор...

— Или да, или нет! — доносится требовательный голос из будки. — Я человек принципиальный. Что?.. Вам смешно? Не шутите! В вопросах любви надо быть только принципиальным!

Ишь ты, старый, а тоже от любви страдает. Стучу ему монетой по стеклу:

— Гражданин, уговаривайте скорее!

А он так и ощетинился.

— Вы что, товарищ военный, безобразничаете?! — кричит.

— Больше же трех минут не полагается телефон занимать, — объясняю ему.

— Вы мне не указывайте! — сердито отвечает. А потом в трубку сладеньким голоском: — Нет, это я не вам! Нет, нет, Верочка. Это я одного индивидуума к порядку призываю. Так вот. Как же мне понимать вашу позицию? Да или нет? Позвольте... Позвольте... Вы же знаете, что я люблю вас нежно... И нужно только принципиально.

Я, как конь перед скачками, топчусь на месте и сгораю от нетерпения.

— Товарищ гражданин! — И чуть приоткрываю дверь телефонной будки. — А ну, принципиально закругляйтесь. А то милиционера позову.

А он уже и внимания не обращает, как глухарь во время тока.

— Верочка... Ну я умоляю вас, Верочка, — стонет. — Вопрос жизни и смерти. Отвечайте, а то я опаздываю. Жена послала за лекарством... Нет, нет, нет! — поперхнулся гражданин. — Не моя жена, не моя! Жена соседа. Я же холостой. Верочка! Алло!.. Алло!..

Видать, Верочка повесила трубку, и шляпа в очках с кислым видом вымелась из будки. Ишь прохвост! Тут люди один раз и на всю жизнь пожениться не могут, а он уже спешит второй раз, если не третий...

Когда ушел из телефонной будки этот «принципиальный жених», позвонил я в сельскохозяйственную академию швейцару. Отвечает швейцар, что Людмила Васильевна ушла с товарищем Марией Козак в лекционный зал. А если я хочу, то можно пригласить к телефону дедушку агронома Олешко — Мусия Платоновича. Он вернулся из планетария и дожидается своих.

— Как? Дед Мусий тоже в Москве? — даже подскочил я. — Так что ж это такое?! Целая бригада из Яблонивки в столицу прибыла, что ли?

Не буду я говорить с дедом Мусием по телефону, а прямо поеду к нему. Он-то уж мне про внука своего, Федьку Олешко, все расскажет!

Начал я уговаривать шофера заехать в академию, чтобы с дедом Мусием встретиться. Согласился. Опять шумная улица Горького. Троллейбусы один за одним спешат. И каждый с двумя удочками на крыше. Ток для мотора удят. Подъезжаем к знакомому месту —

к академии. Захожу в дом и сразу натыкаюсь на деда Мусия. Стоит он рядом со швейцаром, важно поглаживает бороду, смотрит на свои юфтевые сапоги, густо смазанные дегтем, и затягивается папироской. А швейцар что-то рассказывает деду.

— Здравия желаю, диду Мусию! — обращаюсь по-военному.

— И-и-и! Максим!.. — чуть не задохнулся дед Мусий. — Максим Кондратьевич!

— Он самый, — говорю.

— Откуда? Откуда ты, хлопче, взялся? — вроде своим глазам не верит дед. — Что ты скажешь! И в самой Москве наших яблоничан полно!

— Выполняю задание здесь одно, диду, — объясняю ему.

Дед Мусий с любопытством осматривает меня, щупает на мне мундир и языком прищелкивает. Вижу, нравится ему моя солдатская форма. Потом хитро щурит глаза и спрашивает:

— А чего ж не интересуешься, как я сюда попал?

— Знаю, — отвечаю ему. — Федя взял вас с собой на Москву поглядеть.

— Верно! — удивляется дед. — Все он знает! Вот что значит военный человек!

Беру я Мусия за рукав и отвожу в сторону.

— Так, значит, жените вашего Федю? — спрашиваю.

— И об этом знаешь? — еще больше удивился дед. — Ты, Максим, прямо живая разведка. Верно говоришь, повезем мы отсюда Федю женатым человеком. Славной невесткой бог наградил.

Оборвалось у меня все внутри. Холодок в груди пробежал, в ушах колокольчики запели.

— Хватит, диду, — с трудом выговариваю. — У меня вопросов больше нет. Нет у меня вопросов...

— А чего ты такой невеселый? — всполошился Мусий. — Вроде гроши потерял...

— Да... потерял... — отвечаю.

— Много?

— Не пытайте меня, диду! Ничего не спрашивайте. — И беру себя в руки. — Вы не видели здесь моего ассистента — дивчину такую чернявую?

— Это та, наверно, которая расспрашивала меня про Федю да про Марусю? В зал ее пропустили, на лекцию, — отвечает Мусий.

— Тогда я поехал, — говорю. — Не могу времени

терять. Да скажите этой самой дивчине, ассистенту моему, пусть она тоже больше времени здесь зря не тратит. Все ясно.

Но тут как привязался ко мне дед Мусий: куда и зачем я спешу. А когда узнал — еще больше прилип, как репей: возьми с собой, и точка. Хочу, говорит, на живого артиста московского поглядеть, и еще очень заинтересовала его та машина, которая голос записывает.

Ну, пришлось взять. Мне теперь все равно. Выполню задание и вернусь в часть. Нет больше для меня Маруси. И писем ее больше нет. Но не хочется верить... Не могу верить! Не может того быть, чтоб разлюбила меня Маруся! Пока сама не скажет, никому не поверю...

Приехали мы с дедом Мусием к заслуженной артистке республики Вере Васильковой. Встречает нас ее соседка и показывает, в какую дверь надо идти.

Стучимся и заходим. Небольшая комната. Вижу, сидит на шкафу какой-то парняга в полосатых штанах и таком же полосатом пиджаке и цепляет на крючок в потолке новенький абажур.

— Здравствуйте! — хором здороваемся.

А парняга этот даже головы к нам не поворачивает — делом занят. Но все же отвечает:

— Здравствуйте! И можете идти обратно.

— Это почему же? — насторожился я.

— Электромонтер больше не требуется.

Вздохнул я с облегчением и поясняю:

— Да не-е... Вы, товарищ, нас не за тех принимаете.

— Ой, извините! — поворачивается к нам парняга. — Я думала — из домоуправления пришли, три дня назад просила их монтера прислать. И вот сама...

«Сама?» — недоумеваю. И тут же спрашиваю:

— Скажите, а заслуженной артистки Васильковой нет дома?

— А зачем она вам?

Тут дед Мусий не вытерпел и в разговор вступил.

— По делу мы к ней, — говорит. — Я, конечно, за компанию...

— Ну, я Василькова.

Приглядываюсь к этому парняге. Не шутит ли он? Нет, правда, Василькова. Из-под косынки волосы выби-

ваются. Славная дивчина... Глаза синие, а на щеках ямочки, когда улыбается.

— Тогда, — говорю, — слезайте, пожалуйста, со шкафа, — и подставляю стул, подаю руку. А когда слезла, обращаюсь к ней официально:

— Товарищ заслуженная артистка! Я из Н-ского четырежды орденоносного полка. Очень просят солдаты, чтобы вы по радио выступили. Мы сейчас и запишем вас на пленочку.

— Подожди, подожди, Максим, — прерывает меня дед Мусий и подступается ближе к артистке. — Где-то я видел вас, гражданочка...

— Диду! — дергаю я его за полу пиджака. — Да что вы, ослепли?

— Не перебивай старших! — отмахивается от меня дед и опять к Васильковой: — Вы, бува, не из Степанивки?

— Нет, — отвечает заслуженная артистка. — Я из Сухой Балки. Такое село есть.

Чтоб положить конец этому недоразумению, я иду напрямик.

— Да диду же! В кино вы ее бачили! — говорю.

— Шо ты говоришь? — Мусий даже рот раскрыл от удивления. — Правильно! А я, старый дурень, забыл.

А заслуженная артистка смеется и успокаивает его:

— Ничего, бывает.

Но это же дед Мусий! Его только бабка Параска усмирить может, и то кочергой!

— Помнится мне, — морщит он лоб и обращается к Васильковой, — что в одной картине вы выходили замуж за шофера. Плечистый такой хлопец!

— Да, — подтверждает артистка.

— Ага, было, значит? — И такой у деда ехидненький смешок, что мне не по себе. — А как же понимать, — спрашивает он, — в другом фильме вы вторично замуж выходили!

— Совпадение, — смеется Василькова.

— Диду!.. — не выдержал я. Чувствую, что схвачу его сейчас за плечи и на лестницу вытолкну. Что же он и меня и себя позорит перед артисткой заслуженной?

А дед в ответ как гаркнет:

— Молчи! — И опять к Васильковой: — Куда ж ваши батьки смотрят? И как вам разводы дают?

Вижу, Василькова смутилась, с недоумением смотрит на Мусия. Потом говорит ему:

— Если вы, дедусю, шутите, то это действительно смешно. Но мне кажется...

— Диду Мусию! — спешу я на помощь заслуженной артистке. — Да шо вы балакаете? Если так судить, то в кинофильме «Чук и Гек», в котором товарищ Василькова играла...

А Мусий опять как топнет ногой:

— Молчи! А то як гекну, так этот чук из твоего носа выскочит! Я про то и балакаю, — говорит, — что в «Чуке с Геком», там уже не шофер и не бригадир у нее был. Там уж третий...

Схватился я тут за голову и чуть не плачу от досады.

— Диду! — кричу. — Вы же мне номер срываете!.. — И обращаюсь к Васильковой: — Извините его, товарищ заслуженная артистка! Он что в кино видит — за чистую правду принимает!

— А ты хочешь сказать, что там брехня? — поймал меня на слове дед. — Да за такие слова!..

На выручку мне поспешила товарищ Василькова. Начала она объяснять деду Мусию, что и к чему. А он смеется. Наверное, и сам, старый, понимает все...

— Ну а раз такая история, — похохатывает дед, — то звиняйте, товарищ артистка. Значит, ни в том, ни в другом, ни в третьем месте вы не выходили замуж?

— Ни в четвертом, — смеется Василькова.

— Вы не замужем? — заинтересовался я.

— А что? — сверкнула ямочками на щеках артистка.

— Да так, ничего, — замялся я. — Может, начнем магнитофон настраивать?..

Взяла заслуженная артистка гитару и такую песню про ожидание спела, что у меня сердце зашлось! Сами понимаете почему...

Ушел я от нее совсем скисшим. А когда сели в машину, чтоб к народному артисту республики Кривцову ехать, напустился я на деда Мусия.

— Ну як вы могли так? — говорю ему. — Это же заслуженная артистка, ее миллионы людей знают! А вы: «Куда ваши батьки смотрят, как вам разводы дают!» Что за шутки? Я чуть сам из себя не выскочил!

Но дед тут же перешел в контратаку.

— А шо ты за указчик такой? — сердито спрашивает. — А як заслуженная, так што? Пошутить нельзя?

Я вчера, может, с самим академиком беседовал! Федьке и Марусе и рта раскрыть не дал, сам об их опыте все рассказал. И про семена и про гречиху...

— Да язык без костей, — машу рукой. — Говорить можно.

— Гляди, який ты разумный! — щурит глаза Мусий. — Да если хочешь знать, меня этот самый академик в помощники к себе приглашал! Сказал, шо, если я ему подмогну, мы такие дела сотворим — ахнешь!

— И вы не согласились? — смеюсь.

— Я еще покумекаю, — отвечает. — Вот с артистом посоветуюсь, к которому мы едем.

«Ну, беда! — думаю я. — Ох, любит прихвастнуть дед! Если и с товарищем Кривцовым он затеет разговор, я ж ничего сегодня не успею сделать. Надо как-то отделываться от него». И тут как раз дед Мусий заметил кнопки на радиоприемнике, вмонтированном в приборный щит автомобиля. Заерзал он от любопытства на месте и спрашивает у шофера:

— Скажите, будь ласка, зачем вот те пальчики торчат? И огоньки поблескивают?

— Это, дедушка... — начал шофер.

Но тут я его толкнул под бок, незаметно моргнул глазом и попросил:

— Позвольте, я объясню.

И начал.

— Это, диду, — говорю, — такой хитрый прибор, — и опять толкаю шофера под бок, — это такой прибор, который называется брехоуловителем. Стоит вам что-нибудь сбрехать, и...

— И что?.. — испуганно вскинулся Мусий.

— Засечет он брехню и начнет облучать.

— Как облучать?

— Очень просто, — отвечаю. — Через полчаса, как кто-нибудь скажет неправду, брехоуловитель направляет специальные лучи, и вся одежда брехуна превращается в пыль. И остается он в чем мать родила.

Дед Мусий даже с места своего сорвался.

— Голый? — спрашивает. — Да такого аппарата еще не придумали!

— Как не придумали! — возмущаюсь я. — Вот он, перед вами. Раз придумали телевизор, рентгеновский аппарат, придумали прибор, через который в самую темную ночь все кругом видно, почему же не могли брехоуловитель придумать?

Притих дед Мусий, точно мышь в норке. Сидит, сопит, соображает. Потом спрашивает:

— Э... э... А скажи... скажи, зачем он тут нужен, в автомобиле?

Я пожал плечами.

— Неужели не ясно? Собьет машина человека на пешеходной дорожке, а шофер отказывается. Вот тут-то брехоуловитель и сработает.

Опять молчит дед, думает. Потом снова подает голос — немощный такой:

— Через полчаса, кажешь, одежда в пыль рассыплется?

— Эге, — подтверждаю. — Если в машине оставаться.

— Да-а... — вздыхает Мусий. — До чего только не додумаются люди! Максим, я тут, когда про академика говорил, немного того... Чуть-чуть. И даже не чуть-чуть. А скажи, если потом правду сказать, он назад сработает?

— Нет, — категорически заявляю. — Вот до этого еще не додумались.

Дед Мусий вдруг забеспокоился:

— Товарищ... товарищ шофер, остановите, будь ласка, машину.

— Зачем? — страшно удивляюсь я.

— Пойду я лучше по магазинам похожу. Хочу купить бабке Параске платок. Чего мне с тобой ездить?

— Как хотите, — вздыхаю, вроде мне очень жаль с дедом расставаться. — Остановите машину, товарищ шофер.

Проворненько выскочил дед Мусий из машины, потом говорит мне:

— Заходи, Максим, вечером к нам в гостиницу.

Сердце мое так и стиснулось от этих слов. Прийти в гостиницу? Прийти посмотреть на Федино счастье? Пожалуй, стоит. Хочу от Маруси слово услышать и в глаза ее поглядеть.

— Хорошо, диду, приду.

— Только стерегись, — предупреждает меня Мусий, — чтоб этот радиоприемник не облучил тебя. Больно много ты набрехал сегодня, — и хохочет, старый.

Что ты скажешь! Не удалось деда обхитрить. Ох и дед...

Подался я искать квартиру народного артиста Кривцова Алексея Филипповича. Еле проталкивается

вперед наша «Победа» среди машин. Вот наконец и дом, в котором народный артист проживает.

Поднимаюсь лифтом на тот самый этаж. И вдруг замечаю: на двери квартиры товарища Кривцова висит табличка: «В квартире корь».

Не думаю, чтобы сам народный артист заболел, но факт остается фактом. Потоптался я на лестничной площадке и все же поднял руку к звонку.

Приоткрывается чуть-чуть дверь; вижу — женщина. Объясняю все по порядку и извиняюсь, что по случаю кори не могу зайти. Прошу ее взять магнитофон и сделать все, что нужно. Ушла спрашивать народного артиста. Согласился. Унесла мою машину и закрыла дверь. Я тем временем на ступеньку присел. Отдыхаю и сам про себя смеюсь: заболеет, думаю, мой магнитофон корью...

А тут, слышу, топает кто-то сверху по лестнице. Оглядываюсь. Идет старушка лет под сто и ведет на цепочке крохотную собачонку. Цуценя настоящее. На голове у старушки шляпа с пером, на руках черные перчатки. Я чуть подвигаюсь к стенке — боюсь, как бы это цуценя не цапнуло меня зубами. А то махнешь рукой, убьешь нечаянно, потом отвечай.

Собачка заметила меня и залилась лаем. Так и рвется с цепочки. А старушка уговаривает ее:

— Мэри, перестаньте! Прекратите, Мэри, прошу вас.

Ишь ты! На «вы» к цуценяти...

— Вот так. — И старушка нагнулась, чтоб погладить утихшую собаку. — Умница. Не бойтесь, молодой человек, она у меня послушная.

— А я не боюсь, — отвечаю.

Поравнявшись со мной, старушка остановилась.

— О чем это вы задумались, молодой человек? — кокетливо спрашивает.

— Да так... о разном, — вздыхаю я.

— О! Понимаю. — Бабка многозначительно подняла вверх палец. — И грусть на вашем лице понятна. О любви, стало быть, размышляете, сударь.

— А что, разве на лестнице об этом думать нельзя?

— Везде можно. И нужно!.. — отвечает старушка. — На свете нет более святого чувства, чем любовь. Разумеется, настоящая любовь. И это чувство великое нечасто посещает человека. И если вы поверили, что вас полюбили всем сердцем, не торопитесь отвергать любовь, если даже ваше сердце не откликнулось на нее.

— А если, скажем, к примеру... — перебиваю ее.

— Послушайте меня, молодой человек! — сердится старушка. — Так вот... Бережно, очень бережно отнеситесь к этой несравненной драгоценности. Ибо поистине нет таких драгоценностей, которые могли бы сравниться с любовью. Безрассудство — бросать бриллианты в воду, чтобы насладиться бульканьем воды. Тем более великое безрассудство — легкомысленно относиться к любви. Любовь — самое высокое проявление жизнедеятельности человека... Запомните это, молодой человек. Прощайте. — И потопала вниз вслед за своей Мэри.

Да-а, разумна жинка. Видать, собаку съела в вопросах любви...

Наконец выносят мне мою машину. А тут как раз лифт остановился. Вышел из него какой-то человек в шляпе, и я занял его место. Нажимаю кнопку, которая вниз везет. Нырнул вниз, проехал этаж, второй, и вдруг лифт застрял прямо между этажами — и ни туда ни сюда.

— Эгей! — кричу и на кнопку звонка нажимаю. — Кто там внизу есть? Застрял!

— А? — доносится снизу женский голос. Это лифтерша. — Нажмите по очереди все кнопки!

— Да я нажимал! Ничего не помогает!

— Вот окаянная машина! — начинает ругаться лифтерша. — Опять испортилась... Посидите, механика позову.

— А долго сидеть? — интересуюсь.

— Нет. Часика полтора, — отвечает она таким тоном, вроде разговор идет о двух минутах. — Домоуправ услал его куда-то.

Тут я вскипел.

— Слухайте! — кричу. — Мне не до шуток! Выпускайте скорее!

— А что же я сделаю? — сердится лифтерша. — Машина, она и есть машина! Захочет — везет, не захочет — стоит.

Вот попался! И ничего не придумаешь. Ну, как тигр, сижу в клетке. Да еще клетка висит между небом и землей... Решил не терять времени. Нужно пока прослушать, что тут наспевал в магнитофон товарищ Кривцов. Осматриваюсь. Но розетки нигде не видно. А-а... Солдатская смекалка выручит. Прилаживаю штепсель к патрону электролампы и включаю магнитофон.

И такая, скажу вам, полилась песня, что я позабыл

обо всем на свете. Ох и голос у народного артиста! Прямо дивизией командовать можно. Слушаешь и вроде себя не чувствуешь. Нет тебя. Есть только песня и сердце твое.

Но тут мой слух уловил какую-то возню внизу. Чуть-чуть поворачиваю рычажок, приглушаю песню и слышу, что лифтерша курицей кудахчет.

— Ой ты, горе мое! — голосит. — Алексей Филиппович в лифте застрял. — И кого-то быстро за механиком посылает.

Я опять песню погромче даю. Вскоре прилетел механик. Лифтерша лопочет ему что-то, а он отговаривается:

— Я же выходной сегодня. Костюм новый вымажу.

— Сердится очень Алексей Филиппович, — убеждает его лифтерша. — Ругался уже.

— Ругался?.. Ох, и попадет мне! Давайте ключ!

Взялся-таки механик лифт ремонтировать. Здорово действует товарищ Кривцов.

И только песня утихла, докладывает механик:

— Ф-фу! Готово! Вызывайте лифт.

— Вызываю, Алексей Филиппович!.. — добрым голоском кричит лифтерша.

И вот я уже внизу, щелкаю дверью. Мне навстречу кидается механик — долговязый мужчина в новом сером костюме, на котором виднеются свежие масляные пятна.

— Пожалуйста, Алексей Филиппович, — приглашает выходить. — Извините, что задержал вас. И за песню спасибо. Давайте ваш чемоданчик.

— Какой чемоданчик? — строго спрашиваю. — Во-первых, я не Алексей Филиппович, а Максим Кондратьевич, а во-вторых, лифт надо в порядке содержать!

— Батюшки! Военный! — ахнула лифтерша. — А где же Алексей Филиппович!

— Как... Это вы пели? — спрашивает механик и смотрит на меня глазами, круглыми, как головки подсолнухов.

— А что? Плохо? — смеюсь я.

И тут заныл механик:

— Ой!.. Костюм!.. Новый костюм из-за вас испортил!

— Так зато какую песню послушали, — успокаиваю его.

А лифтерша все удивляется:

— Батюшки!.. — и хлопает руками об полы. — Голос точь-в-точь как у Алексея Филипповича.

— Безобразие! — перебивает ее механик. — Людей от работы отрывают! Меня там люди... Сегодня я не дежурю!

— Ничего, ничего, а костюмчик бензинчиком. — И, захватив магнитофон, прощаюсь. — До свидания!

Открываю выходную дверь и ради шутки пробую затянуть песню, какую народный артист пел. Слышу, шутка в точку попала. Лифтерша еще сильнее закудахтала вслед мне.

— Батюшки! — лопочет она. — Семьдесят годков живу, а такого не видывала. Вот это артист! Как голоса умеет менять!..

Большое удовольствие доставила мне история с лифтом.

Выхожу на улицу и оглядываюсь по сторонам. Вот и телефонная будка. Набираю номер. Отвечает швейцар.

Спрашиваю у него про своего ассистента. Говорит, что уже никого нет. Видел он, что появился с большим букетом цветов агроном товарищ Олешко и увел с собой Марию Козак и Людмилу Васильевну.

Куда же они с цветами? Может, в загс? Так, дело ясное... Крепись, Максим! Ничто не помешает тебе выполнить задание!

...Приехали наконец мы на радио. Прощаюсь я с шофером и захожу в вестибюль. Останавливаюсь у будочки, там сидит гражданочка и пропуска выписывает. Говорю ей:

— Перепелице — пропуск.

— Сейчас посмотрим... Так, Олешко уже прошел... Товарищ Козак Мария прошла.

Прямо подпрыгнул я на месте:

— Маруся Козак и агроном Олешко здесь?

— А чего вы удивляетесь? — отвечает мне гражданочка. — У нас разные люди бывают. Вот и их, видать, пригласили по радио выступить...

Взбежал я на второй этаж... Надо вначале найти Марусю и Федора. Подхожу к первой двери.

И вдруг слышу:

— Ой!.. Ой!.. Помогите!.. На помощь! На помощь! Мавр госпожу убил... На помощь!.. Сюда, сюда...

— Что это? Кого убили? Эй! — начинаю стучать в

дверь, откуда крик доносится. — Откройте! Откройте, говорю! Откройте!

Вдруг распахивается дверь, и оттуда вылетает черноокая дивчина — недовольная и даже, я бы сказал, сердитая.

— В чем дело? — набрасывается она на меня. — Что случилось? Что вам надо? Почему стучите? — миллион вопросов в секунду.

— Что это у вас там? — опешил я. — Почему кричат?

— Ничего особенного. «Отелло» режут.

— Что? — У меня глаза на лоб полезли.

— Кто вы такой? — строго допрашивает дивчина.

— Кого режут, спрашиваю? — отмахиваюсь я от ее вопроса.

Тут дивчина вдруг так расхохоталась, что мне неловко стало.

— Я же говорю: «Отелло» режут! — объясняет. — Ну, пленку режут! Монтируем шекспировскую передачу!

— Фу!.. А я напугался. Думал, убийство.

Дивчина же все хохочет.

— Ой, смешной какой!.. А кто вы такой?

Объясняю ей, кто я и зачем здесь. А она, не дослушав до конца, берет меня за руку, поворачивает в сторону коридора и говорит, как горохом сыплет:

— Вон дверь в самом конце. Там надпись есть. И не врывайтесь в аппаратные, кто бы там ни кричал!..

Пошел я по коридору. А за каждой дверью... Наверное, тоже передачи готовят. То песня гремит, то визжит Буратино, то про футбол рассказывают, то раздаются команды для утренней гимнастики, то детский хор «Угадайку» поет.

Ну и коридор! Гауптвахту бы сюда переселить. Лучшего наказания не придумаешь.

И вот я остановился перед дверью. Но над ней огнем горит надпись: «Не входить. Идет запись». Открываю соседнюю дверь. А это не комната, а небольшая полутемная кабина. Спиной ко мне сидит за столиком женщина и какие-то рычажки руками трогает. Столик упирается в стеклянную стенку. Глянул я сквозь эту стенку, за которой огромная светлая комната, и обомлел. Маруся... Да-да, Маруся. На стуле сидит Федор Олешко, а Маруся подходит к нему и садится рядом.

Среди комнаты на длинной ножке стоит микрофон. А у микрофона какой-то парень с листом бумаги в руках. И вдруг вижу: этот парень что-то говорит в микрофон, а в кабине, где я стою, гремят из репродуктора его слова:

— Вы слушали выступление передовиков сельского хозяйства агронома Федора Олешко и колхозницы Марии Козак. Ваши отзывы о передаче...

Диктор еще что-то говорит, а я трогаю за плечо женщину.

— Позовите, пожалуйста, вон ту дивчину, Марусю Козак.

— Сейчас нельзя, — отвечает она. — Запись передачи еще не закончена. Посидите в комнате напротив; как товарищ Козак освободится — я пришлю ее к вам.

Словом, состоялась встреча с Марусей... Да и с Федором. Первым делом Федор на свадьбу меня пригласил. А чего удивляться? Женится хлопец! Женится на девушке-москвичке, с которой вместе академию кончал. И увозит ее в нашу Яблонивку.

Допросил я Марусю и насчет того, что в академии случилось. Почему, мол, она не вышла тогда и зачем десять рублей передала? Об этом можно и не говорить. Конечно, мало ли что бывает? Впрочем, скажу.

Оказывается, та женщина в очках сказала Марусе, что ее милиционер спрашивает. А Маруся как раз улицу перебегала в неположенном месте, в лекторий спешила, где ее студенты ждали. Вот и решила, что за штрафом милиционер пришел... Что значит человек из деревни. Не знает даже, что сейчас за это не штрафуют.

Итак, встретился я с Марусей... Ну и, конечно, задание выполнил. В воскресенье вечером состоялся радиоконцерт по заявкам воинов нашего полка.

Хороший концерт! Еще бы! Ведь это я, Максим Перепелица, принимал участие в его подготовке.

ХИТРАЯ «МИНА»

Проснулись мы перед самым восходом солнца. И не в казарме, а в березовой роще, где заночевала наша рота после большого марша. А солдатская постель в походе известно какая — под голову вещмешок, на себя и под себя шинель. Вроде только-только устроился я на земле под кустом орешника между земляком и другом моим младшим сержантом Левадой и Али Таскировым,

как горнист заиграл «Подъем». Вскочил я на ноги, разминаю их, потягиваюсь, шинель снимаю, чтобы умыться. Свежевато. А вокруг красота какая! Воздух чист и прозрачен, даже звенит. Ни одна ветка на деревьях не шелохнется. На что березы говорливы по своей натуре, но и те стоят как воды в рот понабрали.

Говорю Степану Леваде:

— Нет лучше времени, чем утро. Смотри, как хорошо. Каждая росинка тебе в глаза заглядывает. Все вокруг вроде заново родилось. Вон сколько сил у меня сейчас, не то что вчера вечером после похода. — И показываю товарищам на свои мускулы.

Али Таскиров даже подошел и пощупал их.

— Уй-бай! — говорит. — Хорошо, Максим, силы много имеешь. Давай бороться будем вместо физзарядки.

Но Максим Перепелица себе цену знает. Сил у меня много, на турнике любое упражнение кручу, двухпудовую гирю двенадцать раз подряд выжимаю, но бороться с Таскировым — не-е... Враз на обе лопатки положит. Ведь силища-то у него какая! Не зря до службы в армии Али табунщиком был.

Несподручно Перепелице мериться силами с Таскировым. Только оконфузишься.

Отвечаю я на его предложение:

— Не хочется мне бороться, боюсь тебе шею ненароком свернуть. А вот давай попробуем, кто быстрее на березку залезет.

А березы вокруг высокие, стройные. Верхушки их уже солнце увидели, огнем загорелись.

Не знаю, чем бы спор закончился, но тут подошел наш командир взвода лейтенант Фомин. Вытирается он полотенцем, умылся только, и говорит:

— Ловок, Перепелица! Если силой нельзя, так хитростью верх хочет одержать. Она вещь полезная. Посмотрим, как вы ее сегодня на учениях проявлять будете.

— Обхитрим кого хотите, — отвечаю ему.

— Леваду не обхитрите, — усмехается лейтенант, — он же из вашего села, из Яблонивки!

Думаю, как бы лучше ответить лейтенанту Фомину.

— Дело тут не в Яблонивке. Левада ведь тоже в вашем взводе служит, поэтому и обхитрить его трудно. — И смеюсь.

Все солдаты тоже смеются. Каждому известно, что

лейтенант Фомин всегда учит нас военной смекалке. Опытный он воин, не зря два ордена имеет. В его биографии столько боевых дел числится, что на весь наш взвод хватило бы. Говорят, в боях под Яссами Фомин, служивший тогда рядовым разведчиком, так обманул фашистов, что диву даешься. Сумел целехонького немецкого «тигра» привести в расположение части...

Боевой у нас командир.

Понял лейтенант, на что я намекаю, засмеялся и тут же прикрикнул:

— А ну-ка быстрее поворачиваться! Кухня давно дожидается.

Всем отделением побежали мы к ручью умываться. Умываюсь и я и все думаю о словах лейтенанта.

Да, на войне нужна хитрость.

Это я узнал давно, еще когда хлопчиком у Яблонивской школы играл с товарищами в «красных» и «белых», в лапту. Бывало, мчишься на вороном коне из ясеневой ветки и представляешь, что ты Чапаев или Пархоменко, Щорс или Котовский, что рубишь врага саблей и военной сметкой. Ведь каждый в нашем селе читал книги про этих героев, ходил в клуб смотреть кинокартины.

А еще больше понял, что за штука военная хитрость, из книг, из рассказов, из кинофильмов о Великой Отечественной войне.

Каких только случаев не бывает в бою!..

Но то же бой, война. А как провести неприятеля, если он лишь на занятиях называется «противником», а так шагает с тобой в одном строю, из одного котелка ест и, главное, одну с тобой военную науку постигает?

И представьте себе, обхитрить можно! Можно потому, что нет границ находчивости. Кто-нибудь да сумеет шире раскинуть свои мысли, глубже оценить обстановку, лучше использовать обстоятельства. К тому же военная хитрость — это закон боя.

В березовой роще мы долго не задерживались. После завтрака наш взвод, назначенный в головную походную заставу, первым вышел на дорогу. Скорой встречи с «противником» не предвиделось — он где-то по ту сторону реки. А раз «противник» далеко, то к реке можно приближаться смело. Вот почему и удивились мы, когда через несколько часов марша дозорные головного дозора вдруг подали сигнал, что на высоте «Тыква» замечены солдаты. Откуда они могли там взяться?

Командир нашего взвода лейтенант Фомин тут как тут. Выдвинулся в головной дозор, залег и из канавы в бинокль смотрит, решение принимает.

Видит, что дозорные не ошиблись. «Тыква» и вправду окопами утыкана, и в окопах виднеются головы солдат. Кое-где, полусогнувшись, еще продолжают рыть землю. Значит, не ожидают нашего появления. Но что за наваждение? Откуда «противник»? Ведь он должен быть, по данным разведки, далеко за рекой.

Хмурится наш лейтенант. Да и как тут не задумаешься? «Противник» перед нами бывалый. Командует им лейтенант Курганов, офицер не менее опытный, чем наш командир взвода.

Времени терять нельзя. Пока не ожидает он нас, нужно бить по «Тыкве» с ходу — такое решение принял лейтенант Фомин, хотя наверняка опасался каверзы со стороны Курганова.

Передает лейтенант Фомин приказание: всем отделениям скрыто сосредоточиться в лощине, по дну которой течет Сухой ручей.

Ручей этот высоту «Тыква» огибает, и более удобного подхода к «противнику» не найдешь.

Втянулись наши отделения в лощину, а на дороге как никого и не бывало. Только ветер поднимает пыль, вихрит ее и несет в сторону «противника».

Подобрались мы незаметно поближе к этой «Тыкве», выдвинули на фланги все свои огневые средства и так стремительно атаковали, смотреть любо! Солдаты нашего отделения кричали «ура» до колик в животе. А когда ворвались мы на высоту, сразу же онемели. «Тыква» пуста. Ни одной живой души. Правда, окопов много — свежевырытые. На брустверах укреплены фигуры касок, вырезанные из фанеры, картона или сплетенные из лозы. Прямо застонали мы от досады. На одном бруствере я увидел... даже говорить стыдно — высохший коровий кизяк. И его заставили служить для обмана. Дует ветер со стороны дороги, и все эти фигуры шевелятся, наклоняются, маячат. А «противник», устроив всю эту пакость, отошел, как только мы в атаку поднялись.

Вот какой конфуз случился. Свои же ребята — палатки наши по соседству расположены, — а так бессердечно провели. Спускаемся мы с этой проклятой «Тыквы» в лощину и друг другу в глаза посмотреть не можем. Дали одурачить себя. А что впереди ожидает, наверно, одному командиру полка известно. Но если

«противник» заставил нас развернуться на «Тыкве» и показать свои силы, значит, он окопался где-то недалеко.

Так и оказалось. Разведка донесла, что на этом берегу речки «противник» занял небольшой плацдарм на плоских высотках, а в его тылу саперное подразделение спешно наводит через речку понтонный мост. Знать, серьезные бои предстоят за этот плацдарм.

Лейтенант Фомин хмурый, как ночь. Ведь придется атаковать «противника» второй раз. А это уже не та музыка: внезапности не достигнешь, стремительного удара не нанесешь.

Очень еще тот понтонный мост беспокоил нашего командира взвода. Если на захваченный «противником» плацдарм подоспеют новые его силы, выиграть бой будет нелегко.

Медлить нельзя, нужно действовать. Воспользовались мы тем, что ветер дул в сторону реки, и зажгли на широком фронте дымовые шашки. Через несколько минут перед нами выросла чуть желтоватая стена дыма. И только поднялась она над полем и поползла к плоским высоткам, как цепочки отделений, пригнувшись, побежали вправо. Задумал командир стянуть на правый край дымовой завесы все подразделение и оттуда через некоторое время, опять же прикрываясь дымом, бросить все силы на правый фланг «противника».

А наше отделение получило особую задачу. Командир взвода приказал младшему сержанту Степану Леваде слева обогнуть плоские высотки и выйти к реке у села Кувшинова. На лодке переплыть на другой берег, по берегу подобраться к понтонному мосту «противника» и уничтожить его. В крайнем случае огнем задержать переброску на плацдарм новых сил «неприятеля», если они появятся.

Передал нам Левада слово в слово приказ лейтенанта, а от себя только добавил:

— Обстановку выясним на месте. За мной!

Побежали мы влево вдоль дымовой завесы, уползавшей к плоским высоткам. Нелегким был тот бросок. Ведь, кроме оружия и снаряжения, имели мы при себе взрыв-пакеты, бикфордов шнур, дымовые шашки и прочие принадлежности.

...Добрались до Кувшинова, переправились на другой берег и по кустарнику, разбросанному вдоль реки, стали

подбираться к понтонному мосту «противника». Подобрались насколько можно было, и рассматриваем из зарослей, как на воде покачиваются резиновые понтоны, на которых настил лежит. По мосту два сапера прохаживаются, а на этом и противоположном берегу у моста уже окопы вырыты, солдаты мост охраняют.

Стало нам ясно, что к понтонам не подобраться. Думаю я себе: «Был бы перед нами подлинный противник, соорудили бы плот, облили бы его бензином, зажгли, и пусть плывет к мосту. А вокруг плота еще бы нефти бочку на воду разлить — пусть и она горит. В момент сожрал бы огонь мост!..»

И тут другая думка: «А нельзя ли так сделать, чтобы взрывчатка сама подплыла к понтонам?»

Обрадовался я этой мысли. Сразу и план созрел у меня в голове. Говорю Степану Леваде:

— Разрешите, товарищ младший сержант, лодку из села к изгибу речки пригнать. Наложим туда взрыв-пакетов, я на дно ее лягу и поплыву по течению. А как лодка причалит к мосту, зажгу взрыв-пакеты.

Поглядел мне Левада в глаза и отвечает:

— Идея правильная. Только лодка в этом деле не годится. На мосту догадаются и выловят ее прежде, чем она к понтонам подплывет. Давай еще подумаем.

И стали думать, уточнять мой план. Отползли немного назад — за изгиб реки. Отсюда до моста метров двести пятьдесят. Нашли в кустах сухую корягу и столкнули ее в воду, чтобы проследить, как долго она будет плыть к мосту и не прибьет ли ее к берегу.

Коряга медленно выбралась на середину реки и важно последовала прямо к понтонам. Саперы, дежурившие там, заметили корягу, подцепили ее с моста багром и вытащили из воды на отмель.

Тут Левада отдал приказ:

— Перепелице и Ежикову — бегом в Кувшиново. Видели, когда реку переплывали, бондарную мастерскую на берегу? Бочки там в воде отмачивали. Одолжите в мастерской одну деревянную бочку, желательно негодную или с подпиленным верхним дном. Через пятнадцать минут быть здесь.

Поняли мы замысел командира. Сняли с себя лишний груз и что есть духу побежали в деревню. Бочку нам дали без лишних разговоров. Колхозники понимают, что раз солдатам нужно, значит, для дела.

Катили мы эту бочку по траве, а где на руках несли,

чтобы не гремела, и через двенадцать минут уже были в знакомом кустарнике.

Отделение сразу же взялось за дело. Вынули мы верхнее дно бочки, которое держалось, как говорят, на честном слове, и насыпали в нее ведра четыре песку — взамен взрывчатки. Потом далеко за изгибом пустили бочку по течению реки. Левада глядел на часы и подсчитывал, сколько метров проплывет бочка за одну минуту.

Подсчитал и приказал Таскирову выловить ее и немного отсыпать песку. А сам лопаткой начал отмеривать бикфордов шнур. Это нетрудно было сделать, раз известно, сколько времени будет плыть наш «гостинец» от изгиба реки до понтонов.

Затем в бочку втиснули пять взрыв-пакетов, ловко, точно рукой хирурга, присоединенных к бикфордову шнуру, а потом и сам шнур.

Работа шла быстро, бесшумно, под прикрытием залегших на краю кустарника у изгиба реки стрелков, автоматчиков и пулеметчика.

Все готово. Бочку, начиненную песком и взрыв-пакетами, закрыли и осторожно перенесли к тому месту, где заняли позицию основные силы отделения. Здесь младший сержант Левада зажег торчавший из щелки конец бикфордова шнура и втолкнул его внутрь. Потом столкнул бочку в воду...

Лежу я на краю кустарника и смотрю, как уплывает наша хитрая «мина». И уже мне боязно, а вдруг бочка взорвется, не доплыв до моста? Руки точно вросли в автомат, тело, как струна, напряглось — кажется, тронь его, и зазвенит.

Оглядываюсь на товарищей. И такие у всех окаменелые лица, прямо смех! Вроде извержения вулкана ожидают. Ежиков вытаращил очи и с испугом смотрит на бочку. Таскиров Али в комок весь сжался, вроде собирается метнуть аркан на дикого скакуна.

А бочка все плывет. Заметили ее с моста, забеспокоились. Два солдата спустили на воду надувную лодку. Неужели неудача? К лодке подошел еще один солдат. Слышим, говорит:

— Хозяйка небось вымачивать ее поставила, а она уплыла.

А другой отвечает:

— А дымовая завеса тоже от хозяйкиной печки? — показывает рукой через речку.

Мы невольно посмотрели за реку и увидели, что плоские высотки окутаны дымом. Несомненно, это наше подразделение готовится к атаке и маскирует направление своего главного удара. А может, и успели подойти основные силы...

Отчалила резиновая лодка от берега и поплыла навстречу бочке.

И вдруг младший сержант Левада, сдерживая голос, командует:

— Подготовиться к атаке! — И тут же громко: — Огонь! В атаку, за мной!

С ходу ударили мы из автоматов, карабинов и ручного пулемета по надувной лодке, а сами с криком «ура» бросились к окопам, которые вырыты по бокам у входа на мост. «Противник» не сразу понял, что произошло. Начал, конечно, сопротивляться. Но через мост прибежал посредник с белой повязкой на рукаве, завернул лодку с реки, а солдатам в окопах приказал выйти из боя, так как наша атака оказалась, по его мнению, неотразимой.

Вскочили мы в окопчики, вырытые «противником», и оружие на другой берег повернули. Оттуда уже успели открыть огонь. Но нас не выковырнешь из земли. Стреляем по противоположному берегу и за бочкой смотрим. Вот-вот она подплывет к мосту.

Но тут еще происшествие. Один сапер, который дежурил на понтонах, вдруг бросился в воду и поплыл навстречу бочке.

Стреляем мы по нему, а он плывет. Мы на посредника глаза косим, а тот только улыбается.

— Плохо, — говорит, — стреляете!

Подплыл сапер к бочке, ухватился за ее верх и... увидел, что бочка закупорена со всех сторон. А он надеялся, хитрец, успеть выдернуть бикфордов шнур. Не вышло! Не вздумал бы только верхнее дно поднимать.

Но солдат начал толкать бочку к берегу. Тогда посредник ему крикнул:

— Вы убиты!

А мы все стреляем по окопам «противника». Пулеметчик уже второй диск холостых патронов дожигает. Наконец бочка наша подплыла к понтонам, потерлась о резиновый бок большой надувной лодки, стукнулась о деревянный настил и как ахнет! Сработали все наши

пакеты. Верхнее дно бочки подпрыгнуло — и в воду. А в небо — туча дыму и песку.

После взрыва из-за реки донеслось протяжное «ура». Это наши перешли в атаку.

И в самый раз. Увидели мы, что к понтонному мосту, который считается взорванным, приближается колонна пехоты «противника». Даже пыль столбом, так спешит она. Но какой толк? На тот берег ей теперь не попасть, к атаке не успеть.

А нам как быть? Ясное дело — отходить вдоль берега. Ведь свою задачу выполнили: обхитрили «противника» и победили.

ТРЕТЬЯ ВСТРЕЧА

Первый раз встретился я с ним при таких обстоятельствах...

Заканчивалась лагерная учеба. В поле уже было скучно. Убраны хлеба, местами поднята зябь, сиротливо мокло под дождем жнивье. А у солдат продолжалась страдная пора: учения, походы, стрельбы.

Наша рота заночевала в долине Сухого ручья. Я спал, как и все, на земле, одетый в шинель, подняв воротник, а кисти рук спрятав в рукава. Подушкой служил вещевой мешок.

Казалось, не успел я как следует улечься, а чья-то рука уже тормошит меня.

— Перепелица, твоя очередь заступать на пост, — узнал я голос Али Таскирова.

Вскочил я на ноги, поежился. Затянул потуже ремень, расправил под ним складки шинели и взял из козел свой автомат.

Рассветало.

Осматриваюсь. Справа по лощине темнеет лес. В той стороне где-то полевой караул от нашей роты. Чего доброго, из леса «противник» может нагрянуть. Слева лощина раздваивается. Один конец ее загибает на север, другой — пологий — переходит в широкую равнину, убегающую в серую муть.

Я обратил внимание на то, что серое небо перед восходом солнца предвещает добрую погоду. От этого даже настроение поднялось.

Хожу, караулю спящих товарищей и их оружие. По ту сторону козел с оружием бродят часовые из соседних взводов. Вдалеке, на равнине, покрытой стерней,

замечаю всадника. И куда несет человека в такую рань, да еще не по дороге? Провожаю его взглядом, пока он не скрывается из виду за скатом долины. Время от времени поглядываю на ручные часы. А часы, когда на посту стоишь да зябнешь, не торопятся. Но как бы ни ленились часы, а время идет. Вижу, стрелка к четырем тридцати подкралась. Сигналист играет «Подъем»...

Миг — и солдаты на ногах.

С подъемом моя служба на посту закончилась.

В походе распорядок известный. Первым делом умыться, затем крепко позавтракать, попить чаю.

Мы с младшим сержантом Левадой из одного котелка едим...

Хорошо завтракать и смотреть, как выплывает из-за серой каймы горизонта слепящее солнце... Красивый восход. Застывшие на небе тучи огнем вспыхивают. А стерня точно битым стеклом усеяна: это роса на ней загорается серебряными искрами. Серебрятся также капельки влаги на нитках паутины бабьего лета, которой стерня опутана.

Сидим мы со Степаном Левадой, уминаем кашу с мясом и глаз не отрываем от всей этой красоты. Не заметили даже, как ложки о дно котелка заскребли.

После каши сладкий чай с сухарями. А потом самое неинтересное — котелки чистить.

Иду вдоль Сухого ручья, выбираю, где песок получше, чтобы в минуту посуду свою надраить. Нашел такое место тут же за изгибом оврага. Присел. «Путь далек...» насвистываю и чищу алюминий. Вдруг слышу, гупнуло что-то о землю, точно конь ногой. Оглядываюсь... Действительно, из-за недалекого куста виден круп рыжей лошади.

— Кто там? — спрашиваю.

— Свои! — отвечает хрипловатый голос, а потом к лошади: — Ну пошла, чтоб тебя! Поела листьев и хватит.

Вижу, всадник, наверное, тот, которого я на рассвете заметил. Подъезжает ко мне.

— Не видели вы, случайно, моей коровы? — спрашивает. — Вчера вечером, окаянная, отбилась от стада и как сквозь землю провалилась!

— Не видел, — отвечаю и разглядываю всадника. Перед мной человек лет тридцати пяти, широкий в плечах, и животик выпирает из-под туго подпоясанной телогрейки, вроде дядька этот поваром в ресторане рабо-

тает. Сам чернявый, лицо полное, нос немного горбатый, а глаза чуть навыкате. И такой смешливый! Говорит:

— Вот беда. Сказала жена, что если коровы не найду, чтоб домой не возвращался. Как же быть? Может, в солдаты записаться? Примете? — А сам: хо-хо-хо да хе-хе-хе.

— Куда уж вам в солдаты с таким хозяйством? — говорю я ему и показываю на живот. — Из-за него никакого равнения в строю не будет.

— А я, — говорит, — спиной наперед встану. Чай, не горбатый.

Потом вдруг сделал испуганные глаза и спрашивает:

— А не сварил ли ты, солдат, мою корову в котелке?

Я засмеялся, сполоснул котелок водой из ручья и к роте иду. Дядька за мной едет и охает, как ему теперь на глаза жинке показаться. Просит:

— Разузнай у товарищей, может, кто из них мою корову где заприметил.

Раз просит, спрашиваю у солдат. А Василий Ежиков (колючий же парень!) отвечает:

— Не эта ли, случайно, «корова» интересует вас? — и указывает на брезент, которым покрыто секретное орудие.

Дядька метнул взгляд на брезент и говорит:

— Эта штучка мне знакома. Аль, думаете, я не солдат? Ого-го! Три года с фашистами воевал. Еще кое-кого из вас могу поучить, как с ружьем управляться.

— А паспорт у вас есть? — неожиданно спрашивает Ежиков.

Дядька засмеялся и сказал:

— Шутник солдат. Кто же в поле с паспортом ходит? Но у меня как раз есть. Вчера ездил в город за запасными частями для колхозного двигателя. А там документ нужен был. Вот смотри. — И полез рукой под фуфайку.

Поглядел Ежиков в паспорт, потом Леваде дал полистать и вернул дядьке. А тот засмеялся, спрятал документ и хлестнул своего рыжего коня. Уже на ходу крикнул:

— Если увидите бурую корову — выгоните ее на дорогу. Сама домой придет.

Переглянулись мы с Ежиковым. Вижу, недоволен Ва-

силий, косится на младшего сержанта Леваду, что тот скажет. А Степан говорит:

— Не нравится мне этот балагур, хоть документы его в порядке. Если еще раз появится близко, задержать нужно.

В это время на гребне ската показались наши офицеры. Видно, командир роты ставил им задачу. Мы заторопились. Ведь нет ничего хуже, когда солдат не готов выполнить команду: «Становись!»

С тех пор прошло, может, с неделю, может, с полторы. Перед возвращением из лагерей заступила наша рота в гарнизонный караул. Мне выпало нести службу возле очень важного объекта — склада. И вот какой произошел случай.

Днем это было. Заступил я на пост. Прохаживаюсь между стеной склада и высокой каменной оградой. Слышу, на улице мотоцикл трещит. Увидеть же его не могу. Думаю себе: чего он пыхтит здесь, почему не едет? А мотоцикл уже под самой оградой. Проехал он по улице и свернул вправо, в переулок, который огибает склад. От переулка он только колючей проволокой отгорожен, сквозь нее все видно. Заехал мотоцикл в переулок и начал в нем разворачиваться. Караулю я склад и за мотоциклистом слежу. Мало ли что может быть! Повернул он мотоцикл передним колесом к складу, и тут я узнал дядьку, который искал в поле корову. Отворачиваюсь и снова двенадцать шагов вперед, двенадцать шагов назад. Не сообразил я тогда, что мне надо незаметно для дядьки нажать кнопку сигнализации, а самому усилить наблюдение.

Думаю себе: «И чего его в будний день в город понесло за сорок километров?» А мотоцикл: тыр-тыр — и заглох.

Дядька сошел с него и заохал:

— Что ж ты капризничаешь? Совести у тебя нет...

Заводит мотор и так смешно приговаривает:

— Ну, миленький, р-раз!.. Эхма! Осечка. Еще р-раз! Так-так-так!..

Мотоцикл зачихал и зататакал, как пулемет. Я успел заметить, как дядька тронул рукой ключ зажигания. Ясное дело, мотоцикл опять заглох. А дядька хлопочет:

— Вот нечистая сила!..

Потом кинул взгляд в мою сторону, и точно током меня от этого взгляда ударило. Уловил я в глазах этого дядьки страх и понял, что неспроста он здесь с мотоцик-

лом возится. Оглянулся я вокруг и бросился к углу склада. Командую:

— Стой, ни с места! Стрелять буду!

Дядька вскинулся всем телом, но делает вид, что не слышит моего окрика. Тронул рукой ключ зажигания, и мотоцикл опять затарахтел. Теперь мне кричи не кричи, ничего не слышно. Я поднял автомат и дал одиночный выстрел в воздух. Это подействовало. Дядька оглянулся и застыл на месте. Но тут, как на грех, грузовая машина по переулку едет. Шофер ничего не замечает и газует так, что проволока, которой склад обнесен, дрожит. Я и сообразить не успел, а машина уже заслонила дядьку. А он не зевал. Вскочил на мотоцикл — и ходу! Но от меня не уйдешь.

— Стой! Стреляю! — опять кричу. И тут же присел да под машину из автомата — прямо по колесам мотоцикла.

Дядька кубарем на землю. А шофер грузовика услышал, что я стреляю, решил, что это по скатам его машины. Так затормозил с перепугу, что грузовик завизжал и целую тучу пыли поднял.

Побежал я к проволоке и опять командую:

— Стой!

А шофер поднял руки вверх в кабине и вопит:

— Да я ж стою, не стреляй больше...

— Держи, — кричу ему, — мотоциклиста!..

А мотоциклиста и след простыл.

Будто растаял вместе с тучей пыли.

Только мотоцикл на дороге валяется.

Говорю шоферу (он из нашей части):

— Газуй на улицу, может, поймаешь этого типа! — А сам сигналю в караульное помещение. Но какой толк! Шофер с машиной вернулся, когда уже наряд караула прибыл. Нигде не видно дядьки. Сиганул куда-то во двор. Не пожалел даже свой мотоцикл бросить.

И знали б вы, что это был за мотоцикл!.. Оказалось, в передней его фаре фотоаппарат вмонтирован. Когда проявили пленку, увидели на ней склад, подходы к складу и... Максима Перепелицу на посту!

Одним словом, прославился Перепелица. Спать не мог после этого случая. Попробуй усни, когда в тебя каждый пальцем тычет: шпиона упустил.

Конечно, всем ясно, что положение мое было трудным. Ведь переулок тот незакрытый. Мало ли за день по нему людей пройдет, машин пройдет. И дядька тот

не перешагнул запретной границы. Но с другой стороны, на то ты и часовой, чтобы не дать себя одурачить...

Потом меня вызвал капитан из штаба. Фотоснимок показывает и спрашивает:

— Он?

Вглядываюсь в карточку и с трудом узнаю на ней дядьку. С усами, с бородой, в шляпе, в кожаном пальто.

Ничего не понимаю. А капитан смеется. Говорит:

— Эту птицу мы знаем. Вот только след ее потеряли. Но найдем...

Даже во сне стал я дядьку видеть. Черный да горбоносый, смеется надо мной. И так обозлился я! Иду по улице и прохожим в лица заглядываю: вдруг встречу его. А сколько мечтал о том, как буду действовать, когда столкнусь я с дядькой! Но все получилось не так, как мечтал.

Известно, что некоторых солдат хлебом не корми, а дай сфотографироваться и карточку домой послать. Признаться, такой слабостью и я страдаю. Как прохожу мимо фотографии, так и тянет туда завернуть. И тем более повод появился к фотографу наведаться — из лагерей мы возвратились загорелые, возмужалые.

Начал я уговаривать своего друга Степана Леваду поддержать компанию. Степан согласился. Тут я ему ставлю условие: сниматься будем у одного старичка фотографа. Хвалят его хлопцы. Да и я видел: как сделает карточку — ахнешь! И похож на себя и так красив, что любая девушка заглядится. Да еще и приловчился этот старичок на фотографии портупею командирскую дорисовывать, если кто пожелает. А один солдат явился к нему в пилотке, ему же хотелось в фуражке на карточке красоваться. Так фотограф и фуражку сделал. Вот до чего умелый человек!

Степан отвечает.

— Веди куда знаешь. Только я сниматься буду в той форме, какую ношу.

— Это твое дело, — говорю ему. — А Перепелице и ремни через плечо не помешают. Больше серьезности в лице будет.

Фотография эта находится в такой кривой улочке, что и отыскать ее трудно. Заходим. Две тесные комнаты. В одной — зеркало большое, в другой — коробка на треноге стоит: фотоаппарат. Встречает нас сам знаменитый фотограф — неказистый такой старичишка в клеенчатом фартуке. Рыжая козлиная бородка, такие

же рыжие усики, лысина во всю голову. Лицо хоть и в морщинах, но розовенькое. Одним словом, бодрый старичок. А язык у него точно мельница. Уж на что я поговорить люблю, но до него мне далеко.

— Уважаю, — говорит, — военных клиентов. Орлами на снимках получаются. Только девушкам такие карточки дарить. Вы небось, — на меня указывает, — хотите увидеть себя на фотографии с портупеей и в фуражке.

Степан, на что серьезный хлопец, и то рассмеялся. Ведь так раскусил мои мысли этот старик!

Сфотографировались мы, расплатились и ушли.

В следующее воскресенье за фотографиями иду я один. Степана Леваду дела задержали. Встречает меня фотограф как старого знакомого.

— Получайте свои снимки, — говорит, — и товарищей ко мне присылайте. Глядите, какой герой!

Смотрю, действительно геройский у меня вид на фотокарточке. Ремень через плечо, весь подтянутый. В самый раз Марусе Козак такую карточку послать.

Говорю фотографу:

— Давайте карточки моего дружка, Левады. Вот его квитанция.

— Пожалуйста, — отвечает старик. — Предъявите служебную книжку, чтобы я знал, кому вручил свою работу.

Подумал я и говорю:

— Книжку показать не могу, а фамилию мою запишите, если нужно.

Лицо фотографа вдруг сделалось официальным.

— Молодой человек, вы получили свои снимки? Идите. Ваш товарищ сам явится. Или предъявите документ.

Меня даже пóтом прошибло от такой категоричности. Зачем, думаю, ему документ мой понадобился? Не потому ли, что в нем номер войсковой части указан?

В это время зашли две девушки, и фотограф начал рыться в ворохе снимков, отыскивая их фотографии.

— Куда они запропастились? — ворчал старик. Потом хлопнул себя рукой по лысине и приоткрыл дверь в соседнюю комнатку, где, как оказалось, художник-ретушер работал.

— Борис, не у тебя ли копии этих двух красавиц?

Борис загремел стулом и высунулся в дверь, чтобы взглянуть на девушек.

— На столе, готовые, — ответил он хрипловатым голосом.

У меня точно оборвалось все внутри. В художнике я узнал «дядьку». Только теперь он был не черный, а рыжий, как и старый фотограф. Но тот же голос, то же полное лицо с горбатым носом и выпученными глазами.

Пока старик отыскивал снимки девушек, я выскользнул на улицу. Ну, думаю, теперь маху не дам... А сам за угол к телефонной будке. Быстро набираю номер коммутатора нашей части, связываюсь с дежурным. Так и так, говорю, нашел я человека, который склад фотографировал. Доложил — и сам опять к фотографии. Стою недалеко от ее дверей и дожидаюсь.

Не прошло и десяти минут, как примчались на грузовике солдаты во главе с капитаном, который мне фотографию «дядьки» показывал.

Захожу я с капитаном в комнату, где художник-ретушер работает. Вижу, сидит «дядька» над стеклом каким-то и ножичком царапает.

— Здравствуйте, — говорю ему. — Скажите, нашли вы тогда свою корову или не нашли?

Вскочил «дядька», смотрит на меня очумелыми глазами. А когда заметил капитана и двух автоматчиков в дверях, побледнел, съежился.

Вижу, есть тут работа капитану. А я свое дело сделал. Мне пора в роту.

Так прошла моя третья встреча с «дядькой». Понял я, что нужно было бы закончить знакомство с ним на первой.

СЛАВА СОЛДАТСКАЯ

Наша жизнь полна интереснейших событий. Вот, к примеру, одна только ночь прошла (не день, заметьте, а ночь!), но какая перемена в судьбе Перепелицы наступила! Лег спать рядовым, а утро встретил уже без пяти минут сержантом. Не подумайте только, что приснилось это Максиму. Утро-то встретил я не в постели, а далеко от казармы — в поле.

Вот как все произошло. Среди ночи, когда солдаты спали крепким сном, вдруг раздалась команда:

— Подъе-ом! Тревога!..

Ничто не может так подстегнуть нашего брата солдата, как слово «тревога». Услышал я это слово сквозь

сон, и точно кто в мою постель кипятком плеснул. Один миг — и Перепелица на ногах. Еле успеваю портянки намотать, а ноги уже в сапоги рвутся, потом несусь к вешалке за шинелью. Гимнастерку на ходу надеваю.

А вокруг что делается! Не суетня, нет. Если кто посторонний заглянул бы в такую минуту в казарму, то подумал бы, что скоро должен потолок рухнуть и поэтому все вылетают на улицу. Но солдат не просто выбегает из казармы, а лишь после того, когда на его поясном ремне займут свое место лопатка, подсумки с обоймами или чехлы с магазинами, а на плечи усядется вещмешок. Само собой разумеется, и оружие должно быть.

Но по этой тревоге одним оружием, видно, не обойтись. Дежурный по роте объявляет:

— Строиться с лыжами! Взять маскировочные костюмы.

Значит, тревога серьезная. А может, что-нибудь случилось?.. Эта неизвестность еще больше подстегивает.

Не прошло и четырех минут, как я в полной боевой готовности, с лыжами в руках выбегаю из казармы.

На улице такой мороз, что в ноздрях закололо. Тишина небывалая. Вроде все вокруг вымерло. От этого, наверное, снег не скрипит под ногами, а прямо кричит, как живой. Сделаешь шаг, и земля звенит. А звон тот до самых звезд достигает. А им, звездам, мороз нипочем. Перемаргиваются, точно подсмеиваются над нами, что спешим мы закрыть уши от холода — торопливо отвертываем свои шапки. Может, звездам весело оттого, что солдаты не знают, какое дело предстоит им в эту глухую ночь?..

Двери в казарму уже не закрываются. Оттуда народ валом валит.

Замечаю, что командир роты и командиры взводов уже здесь. Офицерам нашим тоже нет покоя. Всегда начеку.

Старший лейтенант Куприянов подает команду:

— Рота, в линию взводных колонн по четыре — становись!

Построились мы в колонну и побежали через плац к артиллерийскому парку. За парком, где начинается наше учебное поле, стали на лыжи и двинулись к Муравьиному яру — месту сосредоточения по тревоге.

Вот и Муравьиный яр. Его покрытое кустарником дно прячется в потемках. Темно так, что от головы ротной колонны трудно разглядеть замыкающие ряды.

Спустились мы по склону яра к заснеженным кустарникам, и здесь началась проверка готовности взводов к маршу. Командиры дотошно осматривают каждого солдата: все ли из оружия и снаряжения имеется налицо, не сунул ли кто случайно ноги в сапоги без портянок... Всякое может быть.

Потом лейтенант Фомин подозвал командиров отделений своего взвода, чтобы отдать приказ. А между нами, солдатами, уже пронесся слух, что где-то в двадцати километрах к северо-востоку от города «противник» высадил авиадесант. Придется с ним повозиться, и каждому интересно, как оно всем там будет.

Надеваем мы белые маскировочные костюмы, осматриваем крепления лыж. Возбуждены, даже мороза никто не замечает.

Подошли сержанты. Левада отвел наше отделение в сторону и начал объяснять задачу. Оказывается, задача нелегкая. Будем действовать мелкими группами. Младший сержант Левада говорит, что успех зависит и от умения владеть компасом. Ведь нашему отделению предстоит пройти по прямой, по бездорожью восемнадцать километров. Легко сказать — восемнадцать! И это через заснеженные поля, кустарники, овраги... К восходу солнца нужно сосредоточиться на южных скатах высоты с тригонометрической вышкой. К этой же высоте, только с разных сторон, подойдут другие отделения нашего взвода.

Закрепляем мы визиры своих компасов на заданный азимут. Теперь никакая карта не нужна. Впрочем, карт на этот раз нам и не дали.

И только приготовились тронуться в путь, как старший лейтенант Куприянов вдруг крикнул:

— Воздух!

Мы замерли на месте: «Почему командир роты тревожится? Ведь темно. Пусть сто самолетов в небе, нам что до них?»

В это время в чаще кустарника кто-то пальнул из ракетницы. Не успела ракета разгореться над яром, как все мы, не сходя с лыж, кувырнулись в снег. И если бы оказался в небе настоящий противник, вряд ли ему удалось рассмотреть что-нибудь на дне Муравьиного яра.

Но все вышло по-иному. Близ нас стали рваться взрыв-пакеты — началась «бомбежка». Я даже не разглядел, кто те пакеты бросил. Наверное, командиры взводов.

Когда взрывы прекратились, командир роты дал такую вводную:

— Взвод лейтенанта Фомина понес потери! Выведены из строя командиры второго и третьего отделений и пулеметный расчет первого отделения! Самолеты «противника» делают новый заход для «бомбежки»! Нужно рассредоточиться. Каждое отделение действует самостоятельно.

Справа и слева послышались команды. Это сержанты уводят своих подчиненных из-под удара. А наше отделение лежит, хотя в небе вот-вот опять может вспыхнуть ракета.

И тут только я смекнул, что мы остались без командира: наш Левада-то зачислен в «убитые».

Вскакиваю на ноги и подаю голос:

— Второе отделение, слушай мою команду! Встать!.. За мной, бегом — марш!

Пустилось наше отделение по дну яра к его северному отрогу. А когда достигли расщелины, остановились и залегли.

Рядом со мной лежит в снегу Василий Ежиков и шепчет:

— Молодец, Максим, здорово у тебя получилось, как в боевой обстановке.

Я наклонился к Ежикову и отвечаю:

— Товарищ рядовой Ежиков! На занятиях никаких Максимов! Есть заменивший командира рядовой Перепелица, есть рядовой Ежиков! Ясно?

Ежиков шмыгнул носом и ответил:

— Ясно...

Замечаю, что к расщелине подходит лыжник. Узнаю в нем лейтенанта Фомина. Подъехал он и говорит:

— Рядовой Перепелица, постройте отделение. С лыж не сходить.

Подал я, как положено, команду, выровнял строй и доложил командиру взвода. А он спрашивает:

— Задачу отделения знаете?

— Так точно, — отвечаю.

— Действуйте. Время не терпит.

Я тут немного растерялся.

— Как, — спрашиваю, — действовать? Вести отделение по азимуту?

— Не только вести, — говорит лейтенант. — Кто в бою заменяет выбывшего командира, тот берет на себя

полную ответственность за выполнение всей задачи. Командуйте.

Приказано — никуда не денешься. Но ведь впереди возможен бой с «противником». И тут же подбадриваю себя: «Не робей, Перепелица, не зря тебя столько учили. Лейтенант знает, кому доверил отделение».

— Слушаюсь, — ответил я.

...Поднялись мы из Муравьиного яра, прошли заводской поселок и оказались на окраине города. Отсюда определен азимут на высоту с тригонометрической вышкой. Здесь, так сказать, печка, от которой танцевать начнем.

Вскоре цепочка отделения достигла железнодорожной насыпи. По ту сторону железной дороги перед нами раскинулся заснеженный простор. Но этот простор только угадывался. Над полем стояла ночь.

Назначаю Ежикова и Самуся дозорными и приказываю им двигаться впереди отделения.

— Только не отрывайтесь далеко, — напоминаю солдатам, — будьте на виду.

В ответ Ежиков кинул на меня колючий взгляд: зачем, мол, учишь ученых? Каждому солдату известно, что если дозор не имеет связи с ядром, то от него мало толку. Наткнется на противника, а просигналить не сумеет.

...Идут Ежиков с Самусем впереди, лыжню прокладывают, а я по этой лыжне веду отделение. Мороз все крепчает, лютует. Дерет щеки, нос. Капюшон маскировочного костюма около подбородка ледяной коркой покрылся. Иней серебрит брови солдат. Но шагаем легко. Наст твердый, припорошенный мягким снежком. Лыжи хорошо скользят по нему, даже посвистывают.

Вокруг мгла. Время от времени из этой мглы выступают кустарники, деревья да овраги встают на пути.

Причудливым все выглядит ночью. Каждый куст надел на себя снежную шапку и сидит под ней, не шелохнется. Приближаешься к нему, и мерещится, что впереди вздыбился какой-то здоровенный зверь. Глядишь и думаешь, что от тебя далеко, но сделаешь шаг-другой — и уже вровень с ним. Одно слово — зимняя ночь. Только на фоне неба очень хорошо видны деревья — близкие и далекие.

Но мне некогда ими любоваться. Дозорные собьются с направления — кто в ответе будет? Ведь в такую ночь пройдешь мимо этой высоты с вышкой и не подумаешь,

что она рядом. Вот и надо Перепелице сходить с лыжни, останавливаться на несколько секунд и подносить к глазам руку с компасом. И чтобы точнее выдерживать направление и реже сходить с лыжни, засекаю ориентиры. Подниму компас к глазам и по линии визира прицеливаюсь далеко вперед, на какое-либо дерево, выделяющееся на фоне неба. Потом повернусь кругом и в тылу засекаю приметное дерево. Вот и движемся по линии между этими ориентирами, потом новые засекаем.

Вроде и немудреное дело — идти по компасу, особенно когда он тебе не впервые в руки попал да местность ровная. Но попробуй не потеряй направление, если то и дело приходится петлять: то кустарник, сквозь который не продерешься, обходи, то обрывистый овраг. Тут надо точнее засекать ориентиры, потом, не упуская их из виду, брать в сторону. А как препятствие останется позади, опять выходить на линию между ориентирами.

Ох, эти овраги! Кажется, сколько ни есть их, все на нашем маршруте. А ночью даже дно поганой канавы трудно разглядеть, не то что глубину оврага. А вдруг он обрывистый? Сорвешься в прорву и шею свернешь, в лучшем случае лыжи сломаешь. Или помчишься на лыжах вниз, а там колючий кустарник, каких здесь много. Врежешься в него и так себя разукрасишь, что мать родная не узнает. Да мало ли какие неожиданности подстерегают лыжника, который летит по крутому склону, не видя ничего впереди!

Но солдат на то и солдат, чтобы любая неожиданность была ему нипочем. Попадется овраг — и несемся вниз, во все глаза вперед смотрим. Заметил опасность — сигнал товарищам и нажим на палки (даже садишься на них, если нужно). Тормоз работает безотказно, не зевай только.

Так и двигались...

Через полтора часа на нашем пути оказалась дорога. Это, наверное, та, которая идет из села Кувшинова в город. А проверить не могу — нет карты.

Приблизились наши дозорные к дороге и вдруг сигналят — поднимают над головой автоматы. Приказываю отделению залечь, а сам быстро выдвигаюсь вперед.

— Машина с пушкой, — докладывает Ежиков.

Действительно, слева на дороге виднеется машина. Возле нее толпятся люди. Можно, конечно, тихо пере-

махнуть через дорогу и двигаться дальше. У нас своя задача. Но что за люди? Шепчу Ежикову:

— Подползем.

Так и сделали. Рядом оказался кустарник, и мы, укрываясь в нем, подобрались к машине совсем близко.

Различаю перед машиной мост. Значит, верно, это дорога на Кувшиново, а мост — через Сухой ручей. Группа солдат стоит перед мостом и кого-то уговаривает. Слышу голос:

— И где же твоя сознательность? Мы же на задание едем.

— Сказано, мост взорван, проезда нет. Приказано никого из полка не пропускать, кроме одной машины с офицерами.

— Это ошибка, — убеждает тот же голос, — наверное, приказано нашу машину пропустить.

— Нет, не приказано...

— Да это наши соседи — артиллеристы. Их тоже по тревоге подняли.

Я уже и сам об этом догадался.

А раз перед нами свои — чего скрываться? Поднимаемся с Ежиковым и выходим на дорогу.

— В чем дело? — спрашиваю.

Артиллеристы притихли, удивились нашему появлению.

— Саперы бузят, — отвечает потом командир орудия — высокий такой сержант, фамилии его не знаю. — Мы едем по своему маршруту, а здесь, оказывается, мост «взорвали».

Догадался я, что не зря «бомбили» нас в Муравьином яру, не случайно «выведены» из строя два командира отделения. Не зря и саперов послали на эту дорогу, и мост перекрыли. Шевели, мол, солдат, мозгами, смекай. Боевая обстановка и не такие гостинцы может приготовить.

Смекаю. Допустим, думаю, снег в стороне от моста по обе стороны реки можно расчистить. Но через реку как переберешься? Лед-то выдержит машину с пушкой, но спуститься на него с крутого берега метровой высоты нелегко, а подняться на другой берег совсем невозможно. И речушка неширокая — каких-нибудь пять метров. Но выход все же есть.

Отозвал я в сторону сержанта-артиллериста и спрашиваю, был ли он на прошлой неделе в клубе на вечере

встречи с фронтовиками. Сержант, оказывается, был там, но никак не поймет, к чему я веду разговор.

— А помните, — говорю, — как один офицер рассказывал насчет переправы? Автоколонна доставляла боеприпасы и наткнулась на разбомбленный мост. Вот так же зимой. Понимаете?

Тут сержант хлопнул себя рукой по лбу и кричит:

— Идея!

Потом говорит:

— Не зря командир взвода приказал взрывчатку, ломы и лопаты на всякий случай захватить. Сам небось знал, что нас ждет. А я-то!.. Минут сорок топчемся здесь.

— Эх, а еще артиллеристы!

— Братцы, помогите! — обращается ко мне командир орудия. — В долгу не останемся, отплатим.

— При чем тут, — говорю, — плата? Взаимная выручка — закон солдата. Но уж разрешите мне здесь распоряжаться. У меня людей больше.

— Сделайте милость, товарищ, не знаю, кто вы по званию и как фамилия, — отвечает артиллерист. Погон-то моих под маскхалатом не видно.

— Командир отделения Перепелица, рядовой, — представляюсь.

Сержант с удивлением посмотрел на меня, вроде заколебался, но ничего не сказал.

Приказываю Ежикову вызвать к мосту отделение и намечаю план действий; мы расчищаем для машины дорогу по обе стороны реки, трамбуем снег в кюветах, а артиллеристы подальше от моста взрывают лед и из его кусков выкладывают на льду новый «мост» — вровень с берегами настил. К этой работе и мое отделение потом подключилось.

Содрали с реки целый участок льда и рядом со «взорванным» мостом выложили из него ледяной мост. А чтобы он крепким был, двумя брезентовыми ведрами, которые оказались в машине, и банкой из-под бензина носили из проруби воду и поливали ледяное сооружение. Мороз же свое дело делал. Вода замерзала и намертво схватывала куски льда. Даже колесоотбойные бровки сделали по краям моста, чтобы машина не соскользнула.

Наконец все хозяйство артиллеристов оказалось на противоположном берегу. Но сколько времени утеряно! Небо на востоке совсем покраснело — до восхода солн-

ца недалеко. Зато неблизко до высоты с вышкой. Придется нам бежать что есть духу.

Сержант-артиллерист подошел к нам и говорит:

— Теперь мы вас выручим. Залезайте в машину. Прямо к тригонометрической вышке доставим.

Кое-кто из моих солдат уже кинулся к грузовику.

— Назад! — скомандовал я. — Ишь какие прыткие пассажиры!.. Забыли приказ: добраться на лыжах?

Я официально отдал честь сержанту: езжайте, мол, — и подал отделению команду:

— Становись!

Артиллеристы уехали, а я повел солдат по азимуту. Изо всех сил работали палками, спешили.

В поле уже рассвело, и можно было без опаски стрелой нестись в самый глубокий овраг. Даже ветер, подувший вдруг со стороны города, помогал нам, точно беспокоился, как бы не опоздали солдаты.

Мороз к утру еще злее стал, а нам жарко. Знаю об усталости солдат, но прибавляю шагу.

Но как ни спешили, а солнце опередило нас. Издалека увидели, как золотые лучи коснулись деревянной вышки, как красный отблеск упал на вершины холмов. Заметил я также, что к высоте с разных направлений подходят цепочки лыжников — это те, кто имел ломаный маршрут.

Горько стало Перепелице. Ведь путь наш был наиболее коротким, а подходим к цели последними.

У тригонометрической вышки собралось много народу. Видать, никакого боя не предстоит — десант, о котором говорили, условный. А мне и солдатам всего нашего отделения невесело — последними подходим.

Но что это? Все, кто стоял у вышки, идут нам навстречу. Насторожился я. Всматриваюсь в идущих и узнаю старшего лейтенанта Куприянова, лейтенанта Фомина. Здесь же и младший сержант Левада (наверное, на машине вместе с начальством прикатил). Рядом с Левадой сержант-артиллерист, которого выручали мы сегодня.

Встретились. Доложил я старшему лейтенанту Куприянову о прибытии отделения и хотел было объяснить причину нашей задержки.

— Все ясно, — перебил меня командир роты.

У меня даже сердце дрогнуло. Но раз улыбается старший лейтенант... Вижу, и у Степана Левады лицо

светится — вот-вот кинется меня обнимать. А командир роты продолжает:

— Слава вам, товарищ Перепелица, что отлично владеете солдатской наукой. Раз любая задача вам по плечу, буду ходатайствовать о присвоении сержантского звания...

...До самой весны рядом с деревянным мостом через Сухой ручей держался и наш ледяной мост. И солдаты, проезжая мимо него, шутили: «То мост имени Максима Перепелицы».

Против такой шутки я возражения не имею...

МЕНЯ ВЫЗЫВАЕТ ГЕНЕРАЛ

Не могу сказать о себе, что я трусоват. Уже не помню случая, когда бы моя душа пряталась в пятки. Да кого хотите спросите, и всякий скажет — Максим Перепелица не из робкого десятка.

Ну, конечно, если не вспоминать случаев из моей доармейской жизни. Иногда, бывало, в Яблонивке идешь по улице, замечтаешься, и вдруг цап тебя за штанину! Собака! И залает, проклятая, не своим голосом. Разумеется, от такой неожиданности похолодеешь и так заорешь, что собака с перепугу кубарем в ров катится и потом полдня скулит от страха.

Или, бывало, поймает тебя дед Мусий в своем садочке, схватит одной рукой за шиворот, а в другой — целый сноп крапивы держит. Да еще допрашивает: «Как тебя, бесов сын, парить? Вдоль или поперек? Как тебе больше нравится?» Нельзя похвалиться, что при такой ситуации чувствуешь себя героем.

Всякое бывало. Но бывало это давно, и в расчет его можно не брать. Сейчас я не тот Максим, и нервы у меня не те. Ей-ей, не хвалюсь. Даже когда нас, солдат, первый раз бросали с самолетов, и то я... Правда, страшновато было. Но это же первый раз! Да и самолет очень высоко поднялся. Вдруг, думалось, парашют не раскроется? Шлепнешься на землю и как пить дать печенки отобьешь. Однако никто не заметил, что такие думки были у Максима в голове. Даже наоборот. Как командир отделения, держал фасон и еще попросил у лейтенанта Борисова разрешения затяжным пойти к земле. Словом, хватает у меня выдержки.

А вот сегодня случилось вдруг такое, что сердце мое

не на шутку дрогнуло. Честно скажу, испугался Максим Перепелица...

Лучше расскажу все по порядку.

Каждому известно, что период учений — самое трудное для солдата время, но и самое интересное. Сегодня учения закончились у нас рано. Солнце стояло еще высоко, а батальоны нашего полка уже атаковали кухни, что дымились вдоль всей опушки соснового леса. Как всегда во время обеда, настроение у солдат бодрое. Звенят котелки и ложки, кругом слышен смех, разговоры, шутки.

Мое отделение благодаря заботам своего командира, это меня, значит, пообедало раньше всех. Потом быстро вымыли и высушили котелки и принялись за чистку оружия.

Сидим мы на травке, разложив перед собой паклю, масленки, ружейные приборы, и ведем разговор — обсуждаем сегодняшнюю десантную операцию.

— А в других отделениях оружие уже вычищено, — неожиданно раздается сзади меня голос.

Узнаю нашего командира взвода лейтенанта Борисова и проворно вскакиваю на ноги.

— Зато они еще не пообедали, — оправдываюсь.

— Первая забота солдата — об оружии, — хмурит брови лейтенант.

Хотел я ему тут высказать свое мнение, что живой человек, мол, прежде всего. Но смолчал, потому как знал — лейтенант ответит: жизнь солдата на войне в первую очередь зависит от исправности его оружия. Смолчал еще и по другой причине: Борисов тут же сообщил мне такое!..

— Ладно, — говорит и улыбается. — После будем толковать об оружии. А сейчас бегите вон на ту высотку, где вертолет стоит. Генерал вас ждет. Он вам сейчас лично объяснит, что главнейшее в солдатском деле.

Стою я ни живой ни мертвый. Чем же я провинился, что к самому генералу меня вызывают?

Перебираю в голове все свои последние грехи и промашки. Вроде ничего такого не натворил.

— Бегом! — торопит меня лейтенант Борисов.

Бегу. Бегу и продолжаю думать. Может, старшина Саблин нажаловался? Вчера на привале поспорил я с ним, что могу кого угодно связать палкой. Не поверил старшина: думал — шутит Перепелица. И согласился, чтоб я его связал.

— Обижаться не будете? — спросил я у старшины.

— Никакой обиды, — ответил он.

Раз так, вырубил я длинную толстую палку, расстегнул на гимнастерке Саблина две нижние пуговицы и предложил ему засунуть обе руки за пазуху. Когда он это сделал, я протянул палку у него под мышками, так, чтоб она оказалась на груди, над кистями засунутых в пазуху рук. Потом неожиданно дал старшине подножку. Он свалился на спину, даже ноги задрал. Этого мне и нужно. Палка, продетая под руки, торчит по бокам Саблина, как длинная ось. И я ловко закидываю за эту «ось» вначале одну, а потом другую ногу старшины.

Скорченный, он лежит беспомощный. Ноги раскинул, как подбитый воробей крылья. С недоумением на меня глаза таращит и силится руки из-за гимнастерки выдернуть.

— Ну как? — спрашиваю у Саблина и помогаю ему сесть.

— Черт! — хрипит Саблин и тужится, чтобы на носки привстать.

Пожалуйста, я даже помогу. Беру его под мышки и приподнимаю. Приподнял на носки и отпустил. Старшина тут же и клюнул носом в траву. Лежит, раскорячившись спиной и всеми другими местами к небу, и кричит:

— Развяжи!

А я не спешу, тем более что вся рота собралась на такое диво глядеть. Ведь сам старшина пощады у Перепелицы просит!

— Ну как, — спрашиваю, — теперь верите, что палкой связать можно?

А он знай одно заладил: «Развяжи».

Подошел командир роты и, как увидел своего старшину в таком неприглядном виде, так и покатился со смеху.

Вижу, из других рот солдаты сбегаются. Надо развязывать. Развязал.

— Кто выиграл пари? — спрашиваю.

— Что за глупые шутки! — сердито отвечает Саблин, вытирая со лба пот и на солдат оглядываясь. — Зачем же носом в землю?

Так вот, могло случиться, что нажаловался Саблин. Мол, скомпрометировал его, старшину, сержант Перепелица... Ох и попадет от генерала! Плакал тогда мой отпуск. А командир роты твердо обещал: «Кончатся

учения — поедете, Перепелица, на десять дней домой».

Не несут меня ноги. До высотки, где вертолет генерала приземлился, далековато. Бежать бы надо. А в ногах моих слабость.

Вдруг из лощинки навстречу мне вынырнул Саблин.

— Куда спешите, Перепелица? — дружелюбно спрашивает. И никакой обиды на его лице не замечаю.

— Генерал зачем-то требует.

— Генерал? Лично вас? — удивился Саблин.

— Лично, — отвечаю и вздыхаю с облегчением: значит, Саблин здесь ни при чем.

Иду дальше. А в голове аж треск стоит от разных мыслей. Зачем я нужен генералу? Наверное, сегодня что-нибудь не так сделал. А может, наоборот? Может, похвалить хочет? Действовали же мы неплохо. Но тоже вряд ли. Откуда генералу знать, как наступало отделение Перепелицы?

Перебираю в голове все события сегодняшнего дня...

С рассветом доставили нас грузовики на аэродром. Началась обычная возня со снаряжением и амуницией: скатку закрепи на чехол запасного парашюта, лопатку подвяжи черенком вверх, спрячь в карман пилотку и шлем напяль на голову, зачехли оружие. Потом пока подвесную систему подгонишь, и уже звучит команда на посадку.

Совсем немного времени прошло, а мы уже в воздухе.

Сижу я у самого люка (мне первым прыгать придется) и поглядываю на пристегнутый к тянущемуся через всю кабину стальному тросу замок полуавтомата. Это такой замыкающийся крючок, от которого идет бечевка к моему основному парашюту. Когда я прыгну, она должна парашют раскрыть. Вижу, там полный порядок. Поворачиваюсь к окну. Совсем близко от нашего самолета плывет целая армада тяжелых машин. И в каждой, как зерен в огурце, полно солдат. Внушительная армада! Фюзеляжи и хвосты самолетов окрашены в розовый цвет лучами только что взошедшего солнца. А далекая земля еще в тени, еще солнце не кинуло на нее своего взгляда.

Ниже и в стороне идут звенья вертолетов. Смешные машины, но сильные. Каждая пушку или тягач с орудийным расчетом несет в своем брюхе.

Вдруг совсем близко от нас проносится пара реак-

тивных истребителей, затем вторая, третья. Охраняют нашего брата...

Все солдаты моего отделения к окнам приникли и наблюдают. Кое-кому страшновато прыгать.

Толкаю локтем сидящего рядом Симакова Мишу.

— Ну как? — спрашиваю.

— Курить охота, — отвечает.

— Курить? — удивляюсь. — Эх ты, культурный человек! Токарь пятого разряда, а не знаешь, что никотин отражается на нервах. — Солдаты зашевелились, поворачивают к нам головы. А я продолжаю: — Помню, в селе нашем Василь Худотеплый бросил курить и... умер. Только, кажется, он вначале умер, а потом бросил курить...

Раздается трель звонка — сигнал начала выброски. Штурман, молодой лейтенант, отдраивает люк и командует:

— Пошел!

Эта команда царапнула меня за сердце: ко мне ведь относится. Бодро подхожу к люку.

— Эхма! — весело кричу. — Подтолкни, Симаков!

Симаков легонько толкает меня в спину, и я ради шутки с криком «ура» шагаю за борт.

Напряженные секунды... Рывок, хлопок полотна раскрывающегося парашюта. И болтается Максим Перепелица между небом и землей.

Иные думают, что парашют плавненько, осторожненько сажает солдата на землю. Ничего подобного! Если зазеваешься, не развернешься по ветру и чуть не согнешь сомкнутые ноги, то имеешь шансы поломать ребра, отбить печенки или еще что-нибудь сделать. Значит, с умом надо приземляться.

Вот я и иду к земле, как того наставление требует. А вокруг сотни других парашютистов спускаются. Все небо усеяно ими! Похоже, что Млечный Путь падает на нашу землю.

Приземлился, как положено, погасил купол, отстегнулся от подвесной системы и привожу себя в боевое состояние: автомат из чехла долой, скатку через плечо, пилотку на голову.

Рядом со мной Михаил Симаков — ухватился за нижние стропы и упирается, как бычок. Хочет купол погасить.

— Здоров, кум! — кричу ему. — Белье сменить не треба?

— Никак нет, товарищ сержант! — отвечает. — Полный порядок!

Даю два свистка — сигнал для сбора своего отделения. Со всех сторон подбегают ко мне солдаты. Еще через некоторое время поле, усеянное белыми пятнами парашютов, остается позади, а мы, вытянувшись в цепочку, лежим на песчаной осыпи старой траншеи и всматриваемся вперед. Там, на холмах, за густой и высокой сеткой спиральных колючих заграждений, засел «противник», и нам предстоит атаковать его.

Позади грохочут танки, прорвавшиеся в тыл «неприятеля». Приказано, видать, танкистам поддержать действия пехоты, выброшенной с воздуха. На флангах артиллеристы устанавливают пушки, выгрузившиеся из вертолетов.

Словом, начинается обыкновенный бой.

Первое слово за артиллерией. Сзади нас бахают пушки, а далеко впереди вскидываются вверх столбы земли и дыма. Тем временем танки втягиваются в проходы, оставленные для них пехотой. И когда между двумя красными флажками в цепи нашего отделения тоже проползает танк, я замечаю вспыхнувшие в небе зеленые ракеты.

— В атаку! За мной! — поднимаю солдат и устремляюсь за танком. — Не отставать от танкистов!

Справа и слева бегут цепи соседних отделений и взводов. Строчат пулеметы и автоматы. Танки ведут огонь с ходу. Бой как бой.

Стена проволочных заграждений все ближе и ближе. А перед ней мелководный ручеек, препятствие пустячное, но задержка из-за него может быть. И точно: только шедший впереди нас танк влетел в ручей, облив водой с ног до головы забежавшего вперед Янко Сокора, как тут же у гусеницы взметнулся взрыв. Танк заглох и остановился, не дотянув какой-то метр до проволочных заграждений.

А нам же проход нужен!

— Эгей, танкисты! — кричу я и стучу по броне танка. — Давай вперед!

Откуда-то вдруг появился посредник — майор с белой повязкой на рукаве.

— Танк выведен из строя! — объявляет он командиру танка, который из башни высунулся.

— А воевать как?! — возмущаюсь я, обращаясь к посреднику.

Но что ему до нас? Улыбается и руками разводит.

— Действовать надо, — говорит.

Эх, не вовремя! Как теперь без танка через проволоку проберешься? Три же рулона колючки выше человеческого роста!

Нужно принимать вправо или влево, на участки соседей. Но отстанем! Такое боевое отделение — и вдруг в хвосте будет плестись!

Тут замечаю я, что пушка танка вздыбилась прямо над проволокой.

— Давай ствол ниже! — кричу танкистам.

Послушались. Ствол пушки лег над заграждением. Радостно мне стало, что смекнул удачно.

— За мной! — командую отделению и влезаю на танк.

С башни ступаю на пушку и бегом по стволу вперед. Пять быстрых шагов — и спрыгиваю на землю по ту сторону проволоки. Следом за мной — Симаков, Казашвили, Сокор, Панков и все отделение. Каждому пригодилось умение по буму ходить.

Оглядываюсь назад и замечаю: майор-посредник даже за голову руками ухватился. Потом сам на танк забирается. Видать, понравились ему наши действия.

«Знай Перепелицу», — думаю.

А впереди новое препятствие — глубокий противотанковый ров. Танкисты, вижу, уже берут его. Один танк сполз на дно рва, а по его башне ползут на ту сторону другие танки. Хороший пример!

Сваливаюсь в ров и подставляю спину Симакову.

— Дуй наверх! — кричу.

А моим солдатам долго растолковывать не приходится. Только Симаков взобрался по спине моей на насыпь рва и подал мне руку, как вижу, Сокор оседлал Казашвили, Панков — Митичкина. Все вверх карабкаются. Оцэ дило!

— Не отставать! — подаю голос и бегу вперед. На ходу веду огонь из автомата по амбразуре дзота, в которой сверкают пулеметные вспышки.

— Сержант! — вдруг останавливает меня голос. — Отделение несет потери от пулеметного огня «противника».

Оглядываюсь: майор-посредник. Как он догнал? Но раздумывать нет времени.

— Стой! — командую отделению.

Солдаты, бежавшие слева от меня развернутой цепью,

залегают. Положить отделение, конечно, нетрудно. Но как его вперед продвинуть? Как заставить замолчать тот проклятый пулемет в дзоте?

Кидаю взгляд по сторонам, прощупываю глазами кочки, ложбинки... Подобраться можно, но не к самому дзоту. И вдруг принимаю решение.

— Ручному пулемету, — командую, — по амбразуре дзота три — огонь! Отделению окопаться! Рядовой Симаков остается за меня!

После этого что есть сил отползаю по ложбинке в сторону. Отполз, плюнул на палец и проверил, с какого направления ветер дует. Определил. А нужно мне было знать это вот для чего: на жнивье, по которому мы наступали, кое-где лежали кучки бросовой прелой соломы. Вот и нацелился я на одну из них. Подобрался к ней и рукой в карман за спичками. И-и-и... нет спичек! Кто-то взял прикурить и не вернул. Что делать? Еще минуту промедлить — и можно считать, что атака моему отделению не удалась.

Вдруг вспомнился один случай. Летом на занятиях по тактике один солдат из соседнего взвода дал очередь из автомата у стога сена. И не успел опомниться, как стог вспыхнул. В минуту копна сгорела. А командиру пришлось потом уплатить за нее деньги.

Вспомнил я этот случай и ствол автомата в солому наставил. Нажал спуск. Очередь... И солома загорелась. Потянулся желтый дымок, потом гуще, гуще и покатился прямо на дзот. А мне этого и нужно. Вскочил я на ноги и, маскируясь в дыму, стрелой мчусь к дзоту.

Через минуту все было кончено. Майор-посредник вывел «неприятельских» пулеметчиков из боя.

После взятия дзота и траншеи, как и полагается, поддержали мы огнем соседей, а затем устремились дальше. И только отбежали метров пятьдесят от траншеи, как нам навстречу выполз из лощины танк с белыми полосами на броне. «Противник»! Выполз и чешет из пулемета по пехоте, а из пушки по танкам, которые, преодолев ров, атакуют справа.

Передо мной оказался одиночный окоп. Свалился я в него, и тут же на голову еще кто-то плюхнулся. Смотрю, Симаков Миша. Остальные солдаты отделения в траншею отхлынули.

А танк все ползет. Эх, были бы гранаты! Но мы их при захвате дзота и траншеи израсходовали.

Слышу: посредник что-то кричит. Наверное, хочет

танкистов предупредить, что в окопе люди. Но танкисты не слышат посредника, а нам не хочется себя выдавать.

Танк уже рядом. Земля дрожит как в лихорадке. С бруствера срываются и падают за шиворот сухие комочки глины. А мы с Симаковым все теснее к дну окопа прижимаемся.

Вдруг в окопе стало темно. Дохнуло жаром, и танк прогрохотал над нами.

— За мной, Миша! — крикнул я не по-уставному и прямо из окопа швырнул на броню танка свою скатку. Тут же выбираюсь наверх и бегом за скаткой. Догнал танк, стал ногой на буксирный крюк и на броню. Только руку чуть-чуть обжег — за выхлопную трубу ухватился. А можно было и не хвататься.

Взял скатку и, придерживаясь за десантные скобы, вдоль башни пробираюсь к переднему люку. Подобрался и удобно надел скатку на оба передних смотровых прибора. И сам сверху уселся. Теперь механик-водитель ослеплен.

А башню тем временем Миша Симаков «обрабатывает». Развернул он скатку и все приборы прикрыл шинелью. Сам же уселся на крышку люка командирской башни.

Танк, разумеется, остановился. Слепой же!

— Что случилось? — слышу из-под брони голос.

Тут им посредник и объяснил:

— Танк выведен из строя.

Раз мы дело свое сделали, кричу своему отделению привычное слово: «Вперед!» А у Симакова спрашиваю:

— Закурим, Миша?

— Вы же говорили — вредно! На нервах отражается!

— Так то ж в воздухе! — смеюсь я. — А на земле можно...

Вскоре после этого закончились учения. Чем же может быть недоволен генерал? Возможно, танкисты жалобу подали? Наверное, считают, что не по правилам ослепил их. Или что другое?

Раздумывал я так, раздумывал и дошел наконец до высотки, на которой вертолет стоит. Генерала заметил сразу. Сидит он в кругу офицеров, разговаривает. Представительный такой, могучий. Из-под фуражки белые виски выглядывают.

Докладываю:

— Товарищ генерал, сержант Перепелица по вашему вызову явился!

Он поднял глаза и смотрит с недоумением.

«Неужели разыграли? — мелькнула у меня мысль. — Вот смеху будет! На всю роту!..»

— Кто вы такой? — недовольно спрашивает генерал.

— Командир первого отделения первого взвода...

Но тут меня перебивает кто-то из группы офицеров:

— Это я вам докладывал, товарищ генерал...

Кошу туда глаза и узнаю майора-посредника.

— А-а, — заулыбался генерал и встал на ноги, отряхнулся, — рад познакомиться с героем, — и крепко пожал мне руку.

К моему языку точно колоду привесили. Шевельнуть не могу им. Только по-дурацки улыбаюсь — рад, что генерал не ругать вызвал.

— Любопытно, любопытно вы воюете, — продолжает генерал. — Молодец. И за ствол над проволочными заграждениями, и за ослепление танка хвалю.

Потом помолчал генерал, посмотрел на меня и начал совсем другим тоном:

— То, что личным примером ведете солдат в бой, хорошо. Но то, что забываете о своей роли командира, плохо! Да, да, плохо! Ослеплять дзот нужно было послать кого-нибудь из подчиненных. Нельзя быть таким жадным! — И опять заулыбался генерал. — Нужно и другим давать отличаться, командовать нужно... А в общем, молодец!

ОПЯТЬ ГАРБУЗЫ!

Эх... любовь!

Скажите, кто имеет что-нибудь против любви? Никто. Нет, по моему мнению, человека на земле, который бы сказал, что любовь, мол, пустячное дело и такое прочее. Ничего не имею против любви и я, сержант Максим Перепелица.

А вот если спросить у кого-либо из вас, что такое любовь? Ответить, конечно, можно, но очень приблизительно, потому что точных слов для этого люди еще не придумали. И у меня нет таких слов, которые можно сложить в рядочек, поглядеть на них и узнать эту вроде и разгаданную, но все еще тайну.

Однако слова еще не факт. А наш брат привык разговаривать языком фактов. Вот и я перейду к фактам.

Вы уже знаете, и это, конечно, никого не удивит, что у меня, сержанта Максима Перепелицы, есть на Винничине Маруся по фамилии Козак. Одним словом, люблю я Марусю, да так люблю, что не только словом — песней об этом не скажешь! Скоро два года будет, как служу в армии, и за это время много пришлось почте поработать: часто обменивались мы с Марусей письмами.

И вот меня и моего друга-земляка, тоже сержанта, Степана Леваду отпустил командир полка на побывку домой. Поехали мы. Всю дорогу только и говорили про нашу Яблонивку. Как оно в селе? Ведь давненько мы там не были. Душа кричит — так хочется домой. Ну, конечно, и о наших девушках говорили. Степан — о Василинке Остапенковой, а я — о Марусе Козак.

В Винницу поезд пришел на рассвете. Отсюда до Яблонивки рукой подать. Какой-нибудь час узкоколейным поездом проехать да еще часочек пешком пройтись.

И вот Перепелица и Левада заняли места в вагоне узкоколейного поезда. Значит, мы почти дома. Оглядываемся со Степаном на людей: может, кого из Яблонивки увидим. Но разве в такую пору кто уедет из села? Весенние работы в разгаре! Однако в соседнем купе замечаю знакомую жинку в белой хустынке. Да это же тетка Явдоха!

Так и рванулся я к ней.

— День добрый, титко Явдохо!

А она глядит на меня и не узнает. Потом всплеснула руками и отвечает:

— И-и-и, Максим Кондратов! Неужто ты? Своим очам не верю!

— Он самый, — отвечаю.

— Хлопчик мой славный! Ой який же ты став! Сидай со мной рядом да дай поглядеть на тебя! Ни за что не признаешь, изменился, вырос. А похорошел как!.. — И запела, запела. Не голосок у тетки Явдохи, а прямо мед. Умеет человеку приветливое слово сказать.

— Остановитесь, титко! — говорю ей. — Хватит слов. Нам цветы треба, шампанского!

Дробный смешок Явдохи по всему вагону рассыпается.

— Хватит, — говорит, — что я тебя, глупая баба, провожала цветами.

— Ну тогда, — отвечаю, — отпустите трохи гарных слов для Степана. Смотрите, какой вон генерал у окна сидит, — и указываю ей на Степана.

— И правда! — всплеснула руками Явдоха. — Батеньку мой, правда. Степан!.. Степанэ! Степаночку! Ходи сюда!

— Иди, иди, Степан, не важничай, — поддерживаю я. — Это ж титка Явдоха. Не узнаешь?.. Кажись, не узнает.

— Узнаю, — отвечает Степан и подходит к нам. — Здравствуйте, титко! Хорошо, что встретили вас. В курс яблонивских новостей введете. Ну, как живете?

— Сами побачите, — отвечает. — Живем, беды не знаем. А я вот возила своей Оленьке трохи пирогов да яичек. Студентка она у меня, на учительницу учится. А вас и не ожидают дома, не знают, что гости дорогие едут. Оцэ радость батькам! Оцэ счастье яке! — снова запела тетка Явдоха. — А вас на станции не встречают?

— Нет, — говорю, — хотим неожиданно нагрянуть.

— А так, так, — соглашается Явдоха, — неожиданно, неожиданно. От станции машиной нашей подъедем. Сегодня Иван Твердохлеб возит удобрения в колхоз.

— Как он там, Иван? — интересуюсь.

— Ничего. Хату ставит, женится. Слышала, скоро свадьба.

Ого! Люблю оперативность.

— А кто невеста? — спрашиваю. — Яблонивская?

— Эге ж, наша, сельская, — отвечает Явдоха. — Славная дивчина, хоть и вертлявая трохи, — Маруся Козак...

Своим ушам я не поверил.

— Маруся Козак?! — переспрашиваю у тетки.

— Эге ж, Маруся... — И вдруг голос тетки Явдохи осекся. Всполошилась она и затараторила: — Ой, що ж я балакаю! Брешут люди, а я, глупая баба, передаю вам. Не может того буты! Сам побачишь, Максимэ, что все это брехня чистая! Люди и не то еще могут наговорить...

Одеревенел Максим Перепелица. Тетка Явдоха еще что-то говорит, а я оглох. Уставил глаза в окно и света белого не вижу. «Неужели Маруся дурачила меня все время? А письма какие писала, обещала ждать Максима...»

Эх, Маруся, Маруся! Вот и колеса вагона вроде выбивают: «Маруся-Маруся-Маруся... Обманула-обманула-обманула...» Проклятые колеса!

Чувствую, Степан трясет меня за плечо.

— Пойдем, — говорит, — постоим на площадке, курить хочется.

Вышли. Степан даже в лицо мне боится глянуть. Спрашивает:

— Выдержишь, Максим?

Я заскрипел зубами, вздохнул тяжко и твердо сказал:

— Выдержу! Еще и на свадьбу к Марусе пойду...

Но с сердцем мне что делать? Не выбросишь же его! Прямо огонь в груди горит...

Когда на нашей станции сошли мы с поезда, тетка Явдоха предлагает:

— Пойдемте к складам, там машина...

— Нет, — перебиваю ее, — нам хочется на поля яблонивские поглядеть. Пешком пройдемся, у нас чемоданы не тяжелые.

— Верно говоришь, Максим. Пошли, — поддерживает меня Степан.

— Ой, разве так можно? — всполошилась Явдоха.— Вроде и домой не спешите. Возьмите хоть семечек на дорогу, чтоб не скучно было. Вон их у меня сколько в кошелке осталось. Гарбузовые! Небось забыли там, в армии, какие они, гарбузы, есть? А парубкам нельзя про гарбузы забывать. — И тетка Явдоха уже на ходу сняла с меня фуражку и насыпала в нее тыквенных семечек — крупных, поджаренных. Степан выгребает из своей фуражки семечки в карман, а я гляжу на свою порцию и закипаю от злости. Не намекнула ли мне этим тетка Явдоха?.. Конечно, намек! Забыл, мол, Максим, что такое гарбуз, так не забывай...

Как махнул я из фуражки семечки на землю, Степан даже свистнул от удивления. А потом горько усмехнулся, вспомнив обычай наших девчат подносить нелюбому парубку, который сватается, тыкву в знак отказа. Подцепить хлопцу гарбуза хуже, чем солдату наступить на мину!

И вот, кажется, тетка Явдоха намекнула мне про гарбуз. Но это мы еще посмотрим! Не дождется Маруся, чтобы я сватов к ней засылал!

Идем мы со Степаном вдоль железнодорожного пути к тропинке, которая напрямик к Яблонивке ведет. А солнце так ярко светит с безоблачного неба, вроде ему и дела нет до моей беды. За кюветом в траве синими огоньками фиалки горят, золотятся лютик и козлобо-

родник. А вон одинокая вишенка вся белым цветом облеплена, нарядная, как невеста. Гм... невеста...

«Держись, Перепелица!»

— Не жалей и не убивайся, — говорит Степан. — Не стоит она того. Презирай!

Ну что ж, попробую презирать.

Осматриваюсь вокруг. Все знакомо: каждый бугорок, куст. Не одно лето провел я на этих полях, когда хлопчиком был и коров пас...

Уже и село впереди показалось. Хат не видно — только белые клубы цветущих садов и зелень левад. Кажется, слышно, как в яблонивских садах пчелы гудут, и чудится запах вишневого цвета. И еще заметны над садами высокая радиомачта да ветряной двигатель, поднявший в небо на длинной шее круглую, как подсолнух, голову. А над полем струится, точно прозрачный ручей, горячий воздух. Значит, земля добре на солнце прогрелась.

Прибавляем шагу. Эх, были бы крылья... Вроде посветлело вокруг при виде родного села.

Но что же мне все-таки с сердцем делать? Ох, Маруся, Маруся!

Когда пришли в Яблонивку, солнце склонилось уже к Федюнинскому лесу. Степан Левада повернул в свою улицу, а я — в свою. Иду с чемоданом в руках и на обе стороны улицы честь отдаю: с односельчанами здороваюсь.

Вот уже и садок наш виден. Прямо бежать к нему хочется. Но не побежишь — сержант ведь, несолидно. А тут еще дед Мусий стоит у своих ворот — жиденькая бородка, рыжеусый, в капелюхе соломенном. Раскуривает трубку и с хитрецой на меня посматривает.

— На побывку, Максим Кондратьевич? — спрашивает.

— Так точно! На побывку! — отвечаю по-военному и спешу побыстрее пройти мимо деда. Уж очень говорлив он. А мне не до разговоров.

Но не так просто отвязаться от Мусия.

— Постой, постой, Максим! — просит дед и, прищурив глаза, к моим погонам присматривается. — Это что, командирские?

— Сержантские, — отвечаю и на минутку ставлю чемодан. — А вы, я вижу, весь двор свой обновляете? И ворота новые, и забор.

— Э-э, Максим, — смеется старый Мусий, — вот что

значит давно ты в селе не был. Ты на свою хату погляди... Иди сюда, здесь виднее.

Подхожу к Мусию и за садом вижу свою хату. Но в первую минуту никак не могу понять, что с ней случилось. Не та хата! Ни соломенной крыши, ни зубчатой стрехи. Вот так батька! Нарочно не писал, что хату железом покрыл. Пусть, мол, Максим ахнет от удовольствия.

— Да-а, — покачал я головой.

— Вот тебе и «да», — трясет бороденкой дед Мусий. — А Иван Твердохлеб вон какие палаты вымахал! Посмотри... Правда, женится хлопец. Треба, чтоб было куда молодую жинку привести.

По всем нервам стегануло меня упоминание о Твердохлебе. Схватил я чемодан — и ходу. Но Мусий за рукав мундира поймал. Поймал и допрашивает:

— Не спеши, Максим. Скажи, погоны такие, как у тебя на плечах, продаются где-нибудь?..

— А как же. Продаются, — отвечаю.

— По документу чи свободно?

— Свободно.

Чувствую, что начинаю злиться. Но виду не подаю.

— Так-так, свободно, значит?

— Да свободно ж! — повторяю ему. — Можете и вы себе купить — хоть генеральские!

Засмеялся дед Мусий ехидненько и уже вдогонку мне колючий вопрос задает:

— А у тебя что, на генеральские грошей не хватило? Хе-хе-хе...

Махнул я рукой и зашагал быстрее. Не верит дед Мусий, что из недавнего ветрогона, от которого «все село плакало», сделали в армии человека.

А дома уже дожидаются Максима. Тетка Явдоха раньше нас добралась до Яблонивки (ясное дело — на машине!) и по всему селу раззвонила, что с вокзала идут Степан да Максим.

...Одним словом, приехал я домой. А в хате на столе уже всякая всячина стоит (и когда только успела мать наготовить?). Отец наливает в чарки сливянку, мать придвигает ко мне поближе тарелки с яичницей, салом, колбасой домашней, с капустой, с жареным мясом, со сливками. Тут же соленые огурцы, квашеные помидоры, яблоки свежие. Стол даже потрескивает, так нагрузили его.

Мать глаз не сводит с Максима и в то же время при-

глашает к столу соседку Ганну, которая пришла что-то позычить и не решается переступить порог. Отец охмелел от второй чарки. Говорит, что душно, и открывает окно во двор, а сам небось думает: пусть все село знает, что к Кондратию Перепелице сын из армии приехал...

После обеда вышел я во двор. Хожу вокруг хаты, заглядываю в садок, щупаю рукой молодой орех, посаженный когда-то матерью мне на счастье. Даже не верится, что я дома.

Сажусь на порог хаты. На дворе уже смеркается. Первая звезда с неба смотрит, хрущи в садку гудят, мимо ворот коровы с пастбища возвращаются, пыль ногами поднимают. От соседской хаты дымком тянет: знать, вечерю варят. И привычное все, знакомое. Спокойно живут люди. Даже не верится, что такая счастливая жизнь может быть на планете, которая несется сломя голову в пространстве, отсчитывает годы, десятилетия, века.

Но что мне до веков? Что мне из того, что Земля-планета занята только своим полетом? Ведь до любви ей, до сердца моего дела нет!

Вдруг скрипнула калитка. Вижу: бежит к хате Галя, младшая сестрица Маруси Козак. Увидела меня, покраснела, глаза потупила, но «здравствуй» сказала бойко. У меня почему-то сердце забилось так, вроде встретил саму Марусю.

— Ой, какая ж ты, Галю, большая стала! — говорю ей. — Наверное, хлопцы уже сохнут по тебе.

— Ов-ва, нужны мне твои хлопцы! — точно отрезала. А потом спрашивает: — Дядька Кондрат дома?

— Дома, — отвечаю.

— Пришла позычить маленькое сверло — батьке зачем-то потребовалось.

«Так я и поверю, что тебе сверло нужно, — думаю про себя, — за сверлом не бежала бы через все село...»

— Иди в хату, попроси, если нужно, — говорю Гале, — а Марусе передай, пусть не забудет пригласить Максима на свадьбу.

Тут Галя уставилась на меня своими большими оченятами, такими же красивыми, как и у Маруси, сердито свела над ними крутые тоненькие брови, потом повернулась, мотнула длинными косичками и выбежала со двора. О сверле даже не вспомнила.

А вечером уговорил меня отец пойти в клуб на кол-

хозное собрание. Надо же на людях показаться. Да и Степан, наверное, будет там.

Пришли мы в клуб, собрание уже началось. Еще из дверей заметил я, что на сцене в президиуме восседает Степан Левада. Важный такой. Председательствует сам голова колхоза. Завидел он меня с отцом и вдруг говорит:

— Товарищи! Имеется предложение доизбрать в президиум собрания нашего дорогого гостя сержанта Советской Армии Максима Кондратьевича Перепелицу!

В ответ весь зал загремел от рукоплесканий. Люди оборачиваются, смотрят в мою сторону, улыбаются приветливо. Мне даже жарко стало. А отец толкает под бок и шепчет:

— Иди, не заставляй себя просить, — а сам аж светится от гордости.

Пробрался я в президиум и уселся за столом рядом со Степаном. Разглядываю знакомые лица яблоничан. Слева в третьем ряду узнаю Василинку Остапенкову. То-то Степан все время туда глазами стреляет. Еле заметно киваю Василинке.

«А где Маруся? — думаю. — Наверняка с Твердохлебом где-то рядышком сидят». И уже настороженно смотрю в зал, боюсь увидеть ее очи. Заметят тогда люди, что Максиму не по себе!..

Вдруг из боковой двери входит в зал Иван Твердохлеб и вносит стул. Расфранченный — в сером костюме, при галстуке, волосы аккуратно причесаны. А на лице у Ивана такая самоуверенность, что смотреть на него не хочется.

Зачем ему стул понадобился? Ведь свободных мест хватает... Пробрался Твердохлеб по центральному проходу ко второму ряду и здесь пристроил свой стул. Только теперь увидел я, что с краю второго ряда сидит Маруся Козак. Подсел к ней Иван, а она даже бровью не повела. Вроде это ее не касается. Сидит и смотрит на меня в упор своими бесстыжими глазами. Ох, что за глаза!..

Почувствовал Максим, как загорелось его лицо, и наклонил голову к столу.

Не знаю, на самом деле или показалось мне, что в эту минуту в клубе вроде тише стало и докладчик — агроном наш — на миг замер на полуслове.

Наверное, показалось. Откуда же людям знать, что делается в душе Максима? Ведь когда был Перепелица

ветрогоном, разве могли они догадаться, какая девушка ему нравится...

Но это ж Яблонивка! Здесь дядько идет ночью по улице и знает, какой сон его соседу снится!

Чтобы прийти в себя, смотрю на агронома и вслушиваюсь в его доклад. Предлагает агроном расширить посевную площадь. Дельное предложение. Оказывается, если на Зеленой косе выкорчевать кустарник, который тянется от леса до Мокрой балки, добрый клин земли прибавится у колхоза.

— Его же за три года не выкорчуешь! — бросил кто-то из зала.

— Дело, конечно, нелегкое, — отвечает агроном. — Кустарник на Зеленой косе густой, колючий, но зато мелкий, и повозиться с ним стоит.

Я наклонился к председателю колхоза и говорю:

— А чего с ним возиться? Выжечь его — и баста! А потом трактор с плугом пустить. Все коренья наверху окажутся.

Председатель посмотрел на меня внимательно, подумал и, написав записочку, передал ее агроному. А тот возьми да и зачитай эту записочку всему собранию:

— «Максим Кондратьевич предлагает выжечь кустарник, потом пустить трактор с усиленным плугом, а затем расчищать почву от кореньев».

Прочитал, повернулся ко мне и говорит:

— Правильное предложение, Максим Кондратьевич! Этим мы сразу и землю удобрим. Пеплу же сколько получит почва!

В зале начали аплодировать.

Потом выступали ораторы. Одни соглашались, другие не соглашались с предложением Максима, но все же порешили — опылить кустарник горючей смесью и сжечь. Но прежде нужно отделить его от леса — расчистить широкую полосу. Это работы на полдня, если дружно взяться. Значит, завтра и за дело, несмотря на то что воскресный день. Время не терпит.

Кончилось собрание, а я больше ни разу не взглянул на Марусю. Хлопцы и девчата расходятся из клуба парами, а я один, даже без батьки. Выдержал-таки характер! Пусть знает Маруся, что Максим Перепелица и без нее неплохо себя чувствует.

На улице тихо-тихо, даже собственные шаги слышно. И светло от луны, которая золотой тарелкой прямо над селом повисла. Иду и прислушиваюсь, как где-то в

зелени ясеней стрекочет кузнечик, а в чьем-то садку соловей точно молоточком по колокольчикам бьет... Из-за околицы вдруг донеслась песня, с другого конца села откликнулась вторая: поют девчата. Кто-то так тонко выводит, что голос, кажется, к луне долетает. Даже соловей в садку притих, заслушался.

А на второй день, как только взошло солнце, вышел я из дому, сунув за свой солдатский ремень топор. Направился к Зеленой косе. Иду вкруговую, по-за огородами. Хочу посмотреть, что в поле делается.

Роса под ногами серебрится. В небе жаворонок звенит, слышен птичий гомон в левадах. Хорошо! Вроде бодро шагаю, нивами любуюсь и песню под нос мурлычу:

Сыдыть голуб на бэрэзи, голубка — на вышни;
Скажы, скажы, мое сердце, що маешь на мысли!
Ой ты ж мэнэ обищалась любыты, як душу,
Тэпэр мэнэ покыдаешь, я плакаты мушу...

Что-то не то пою! И откуда такие слова? Тьфу! Даже рассердился на себя. Но не заметил, как другую песню затянул:

...Выйды, Марусю, выйды, сэрдэнько,
Тай выйды, тай выйды,
Тай выйды, сэрдэнько,
Тай выйды, рыбонька,
тай выйды!

Эх, тяжело!.. Разве для того я домой приехал, чтоб сердце свое разрывать? Сожми его в кулак, Максим Перепелица, и помалкивай! Терпи!

Когда пришел я к Зеленой косе, там уже собралось много народу. Немедля взялись за дело. Разделились на две группы и с двух сторон начали вгрызаться в кустарник: хлопцы рубили, а девчата подбирали ветви и волокли их к одной куче. Иван Твердохлеб рубил в той группе, где была Маруся.

А Маруся — веселая, озорная — то и дело песню затевает, смеется. Но не тот смех у Маруси, какой всегда за душу Максима щипал. И лицо ее усталое, под глазами синие тени. Да оно и ясно — наверное, всю ночь простояла с Иваном у ворот.

Здорово я потрудился. Все горе свое вложил в руку с топором.

И вот возвращаемся домой. Еще рано, солнце высоко. По небу табунами плывут белые тучки, а по полю легкий ветерок гуляет, точно заигрывает с нами. Я иду

в компании наших хлопцев, рассказываю о службе в армии и посматриваю на стайку девчат, которые идут чуть впереди.

Вдруг там вспыхивает озорная песня:

Милый мой, хороший мой,
Мы расстанемся с тобой,
Не грусти, и не скучай,
И совсем не приезжай!..

— Кто это запевает? Никак Маруся? — спрашиваю у хлопцев.

— Она, — отвечает кто-то.

Трудно передать, что чувствовал в эту минуту Максим Перепелица. Почти возненавидел я Марусю. Как она может? Изменила мне да еще насмехается!

— Перепоем их, хлопцы? — предлагаю.

— Перепоем! — дружно отвечают.

И я запеваю:

В деревеньке Яблонивке
Ты была, моя любовь.

Хлопцы подхватывают:

А теперь ты откатилась,
Как вода от берегов.

Замолчали девчата. Молчит и Маруся. Но недолго молчит. Опять ее знакомый голосок, как кнутом, хлестнул меня по ушам:

Ты, крапива, не шатайся,
Не скосить бы в сенокос,
Паренек, не зазнавайся,
Поклониться б не пришлось.

Не выдержал я. Командую хлопцам идти напрямик, к цегельне, чтоб на те места поглядеть. И сворачиваем с дороги.

А Маруся с девчатами провожает нас новой частушкой:

С неба звездочка упала
На сиреневый кусток,
Я от милого отстала,
Как от дерева листок!..

Идем напрямик по полю и к песне девчат прислушиваемся. Горько мне. И тут замечаю, что вместе с нами идет Галя — сестрица Маруси. И все возле меня вертится. Нарочно отстаю немного от хлопцев. Отстает и Галя, но на меня не смотрит. Вроде ей и дела нет

до Максима Перепелицы. С грустью спрашиваю у нее:

— И ты, Галюсю, с нами идешь?

Галя метнула на меня свой лучистый взгляд и, отвернувшись, отвечает:

— Куда хочу, туда и иду! Не запретишь.

— А ты, Галинка, больно сердитая стала. Чем это я не угодил тебе? — и за плечи ее обнимаю.

— Не лезь, обнимака! — отрезала и вывернулась из-под моей руки.

Потом посмотрела на меня с упреком и спрашивает:

— А что же, Максим, к нам дорогу позабыл?

— Приду, серденько мое, приду, — отвечаю Гале. А сам думаю. «Что, если взаправду зайти к Марусе домой? Хоть на одну минуту... Посмотреть ей в глаза и уйти. Глаза не обманут».

Опять обнимаю Галю за плечи. Она больше не отворачивается, а вопросительно смотрит мне в глаза. Говорю ей:

— Передай Марусе, что Максим заглянет сегодня под вечер. Скажи: свататься придет Максим.

Галя даже носом повела — не пахнет ли насмешкой. Убедилась, что нет, и обеими руками поймала на своем плече мою руку. Стиснула ее и щекой прижалась, даже взвизгнула тихонько. Потом выскользнула из-под руки, вертнула своими косичками и убежала. До чего же шустрое дивчатко!

Пришел я домой и начал слоняться из угла в угол, дожидаясь вечера. Мать дважды спрашивала, не захворал ли я, еще чего-то хотела сказать, но не решилась. А я все ходил да думал; и было о чем думать. В такую сложную обстановку Максим еще не попадал. Это тебе не тактические учения. Тут ни военной хитростью, ни умением не добьешься своего. Да и добиваться я не намерен. Силой мил не будешь. Вот только в глаза Марусе хочется взглянуть. Почему она писала мне такие письма? Неужели насмехалась над Максимом?

Когда начало вечереть, начистил я свои сапоги до черного огня, заправил обмундирование как следует и пошел к Марусе. Пошел через сады, чтобы меньше видели. Вот и садочек, в котором хата Маруси стоит. Белым-бело от вишневого цвета! Пробираюсь по стежке, а ноги не слушаются, точно чужие. Дошел до плетня, но перемахнуть через него не решаюсь.

Вдруг слышу, скрипнула дверь. На пороге показа-

лась Маруся — в новом платье, в туфельках на высоком каблуке. Торопливо пробежала через двор к погребу. Я даже не успел позвать ее. И тут же возвращается она обратно.

Увидел Максим Марусю, и точно пощечину ему влепили — Маруся тащила в хату большущий гарбуз! Наверняка меня гарбузом встречать будет. Дернул же меня нечистый сказать Гале в шутку, что свататься приду!..

Маруся скрылась в хате, а я оглядываюсь по сторонам, не видел ли кто меня, и решаю, куда бы мне... Но тут опять дверь заскрипела. Что я вижу?! Из двери выскочил Иван Твердохлеб, а за ним еще два хлопца яблонивских. На ходу шапки надевают, торопятся. Замечаю, Иван так взволнован, что ничего не видит перед собой. Выхватил из кармана бутылку горилки и бац ею об камень — вдрызг!

— Иван! Гарбуза, гарбуза от Маруси захвати! — кричит ему вслед Галя и катит по двору тыкву.

Понял наконец я, что сваты вылетели из Марусиной хаты. Не знаю, какая сила перенесла меня через плетень. Одним духом перемахнул. А навстречу уже бежит Маруся. Раскраснелась, глаза горят, и, скажу я вам, горят гневом. Подбежала ко мне, бледная, задыхается.

— Уходи! — говорит. — Уходи, Максим, чтоб очи мои тебя не бачили! Кому ты поверил?! Как мог подумать обо мне такое?..

— Ругай!.. Серденько мое... Ругай меня, дурака! Побей даже — не обижусь. На, бей! — И склоняю перед Марусей свою глупую голову.

— Как же ты мог, Максим?.. — спрашивает она таким голосом, что и мне плакать хочется. — Я целую весну на улицу из-за Ивана не хожу. А ты... ты... — И на грудь мне упала.

— Забудь, Маруся, — молю ее. — Не плачь. Прости Максима. Ведь еще не такая беда могла быть. Когда увидел я, что несешь в хату гарбуз, подумал — для меня. Уже в огород сигануть собрался.

Не хватило-таки характера у Маруси. Подняла голову, улыбнулась, и точно посветлело вокруг.

— Тебе гарбуза? — спрашивает. — Ой, Максимэ! Да я тебе вышитыми рушниками дорожку в хату выстелю...

Ну, а потом дело пошло на лад! Каждую ночь гуляли мы с Марусей по улицам. Нет, наверное, такой ска-

меечки у ворот, где бы мы не посидели. А песен сколько пропели...

И еще скажу про гарбузы. Когда я возвращался из отпуска и Маруся провожала меня на станцию, попросил я ее припасти целую подводу гарбузов разных калибров: должно же хватить их для всех сватов, пока я службу не закончу!..

Такая-то история с гарбузами. Но суть, конечно, не в гарбузах. Узнал я, что такое любовь. Узнал, да словами об этом не скажешь. Только сердце может найти подходящие слова. Но, видать, потому оно и немое, сердце-то мое, что еще нет таких слов. А если кто вам скажет, что есть, стоит верить! Да, да, нужно верить! Как знать, может, у кого-нибудь сердце уже и словами заговорило! А может, песней. В песне тоже смысл бывает. А в песне сердца тем более!

И не забывайте, что все это сказал вам я, Максим Перепелица. Не забывайте и к своему сердцу прислушивайтесь. Может, оно уже говорит или поет?

1952 г.

КЛЮЧИ ОТ НЕБА

На малолюдной городской улице стоят несколько грузовиков. В их кузовах ровными рядами сидят на скамейках курсанты военного училища. Все радостно взволнованные, оживленные, по-детски шаловливые.

Быстро заполняется кузов машины, замыкающей колонну. Непрерывной цепочкой курсанты подходят к ней, появляясь из дверей здания, на котором широко размахнулась вывеска: «Ателье военного обмундирования». Под вывеской — витрины, где за стеклами окаменели по стойке «смирно» манекены, одетые в офицерскую форму для разных сезонов и разных родов войск.

Вот легко перемахнул через борт кузова последний курсант, и колонна трогается с места.

— Равнение налево! — весело командует кто-то в кузове последнего грузовика, и головы всех курсантов одним движением поворачиваются налево. Там идут по тротуару две хорошенькие девушки. Они прыскают смехом, машут курсантам руками.

— Равнение направо! — слышится команда в другой машине.

Курсанты, будто на строевом смотре, четко поворачивают головы и провожают веселыми взглядами стайку девушек с портфелями и папками.

В переднем грузовике вспыхивает песня. Ее подхватывают на всех машинах. Курсанты поют с лихим озорством, наблюдая с мчащихся машин за всем, что попадает в поле их зрения. Грузовики проезжают мимо новостроек, школ, кинотеатров. Курсанты видят здания фабрики, теплоэлектростанции, завода. Вокруг — картины бурной жизни. На их фоне вспыхивает название фильма, идут вступительные надписи.

Песня утихла...

На одной из тенистых и малолюдных улиц мотор заднего грузовика вдруг поперхнулся, зачихал. Молодой солдат-водитель, рядом с которым сидит в кабине

старшина, проворно работает рычагом подсоса, но мотор все-таки глохнет.

Грузовик сворачивает к тротуару и останавливается возле здания, на котором рядом с дверью отливает золотыми буквами вывеска: «Медицинский институт».

— Забарахлил, дьявол! — бойкой скороговоркой оправдывается шофер и, выскочив из кабины, открывает капот мотора.

Выходит на тротуар и старшина.

Из кузова машины нетерпеливо-выжидательно смотрит на шофера курсант Иван Кириллов. В его неспокойных глазах светится хитринка. Заметив, что водитель подморгнул ему, Иван перемахивает через борт кузова и подходит к старшине.

— Вынужденная посадка? — спрашивает с веселой беспечностью.

— Заколдованное место, — озабоченно говорит старшина. — Прошлый раз мотор заглох тут же.

— Какие-нибудь лучи действуют, — шутливо замечает Кириллов, кивнув на здание института. — Научный центр рядом.

— Возможно, если в схему зажигания вмонтирован фотоэлемент. — Старшина подозрительно смотрит в глаза Кириллову. — Проверить?

— Как хотите, — смеется Иван. — А мне позвольте... — и что-то шепчет старшине на ухо.

— На вас тоже лучи действуют? — смеется тот.

Кириллов с конфузливой улыбкой разводит руками:

— Рефлекс...

— Только по-ракетному, — разрешает старшина.

— Есть! — Кириллов оглядывается по сторонам, будто колеблясь, куда ему побежать, затем устремляется к дверям мединститута.

Огромный лекторий-амфитеатр. Сидят в белых халатах студенты, старательно конспектируя лекцию.

За кафедрой — молодой профессор: тоже в халате, в белой шапочке. Молодость и высокое научное звание, видимо, сковывают его. Щуря под очками близорукие глаза, профессор водит указкой по учебному плакату, на котором изображены разрезы печени, и с подчеркнутой выразительностью говорит:

— Прошу вас зарисовать, как выглядит в разрезе печень алкоголика и печень нормального человека.

Бесшумно открывается дверь, и появляется Иван Кириллов, одетый в белый халат и белую шапочку.

— Почему опаздываете, молодой человек? — укоризненно спрашивает профессор, приподняв очки.

— Извините, товарищ полковн... товарищ профессор, — отвечает Кириллов. — Даю вам честное слово, что этого больше никогда не будет.

Студенты с любопытством смотрят на Кириллова, на его кирзовые сапоги.

Прыскает смехом в кулак Аня — миловидная девушка с большими и смелыми глазами, с пышной прической, которая темными волнами падает из-под белой шапочки на ее плечи.

— Садитесь, — великодушно разрешает профессор, тронутый искренним тоном парня. — Делаю вам последнее предупреждение.

Кириллов присаживается рядом с Аней.

— Интересуетесь печенью алкоголика? — насмешливо спрашивает Аня, подсовывая Кириллову лист чистой бумаги. — Срисовывайте.

Кириллов достает из нагрудного кармана смятый цветок лилии и кладет его перед девушкой, затем одним росчерком карандаша набрасывает на листе пронзенное стрелой сердце.

— Это на печень не похоже, — с притворной серьезностью замечает Аня.

— Прекрати пререкания! — перебивает ее Иван. — Институт получил приглашение к нам на субботу?

— Не знаю.

— В субботу — день выпуска. В воскресенье я уезжаю.

— Куда? — В глазах Ани метнулась озабоченность.

— В дальний округ... Я тебе должен что-то сказать на прощание... Самое главное...

По-прежнему копается в моторе грузовика солдат-водитель. Рядом стоит, посасывая сигарету, старшина.

Из дверей института вылетает Иван Кириллов.

— Ну как? — стараясь погасить на лице радость, спрашивает он у старшины. — Долго еще будем загорать?

— Думаю, что нет, — насмешливо отвечает старшина. — Мотор хоть и железный, но в сердечных делах толк понимает.

— Верно! — соглашается водитель. — Уже порядок!

Кириллов занимает свое место в кузове.

— Ну как, — спрашивает у Кириллова, садясь в кабину, старшина, — приедут к нам шефы?..

Курсанты взрываются хохотом.

Грузовик трогается с места...

Территория военного училища, вокруг которого раскинулся лес.

Перед учебным корпусом — большим каменным зданием — замер четырехшереножный строй молодых офицеров. На каждом новая, с иголочки, форма и лейтенантские погоны. Взволнованно блестят глаза вчерашнего курсанта Ивана Кириллова. Пышат здоровьем и светятся радостью лица его однокашников. Ведь позади три года напряженной учебы, три года пылких мечтаний об этом дне, когда наконец будут присвоены офицерские звания и перед каждым распахнутся неизведанные дали самостоятельной жизни, ответственной службы...

Все молодые лейтенанты устремили любовные взгляды на седого полковника. Одетый в парадную форму, при орденах и Золотой Звезде Героя, полковник стоит в кругу старших офицеров на дощатой, убранной кумачом трибуне и говорит выпускникам прощальные слова:

— ...И хотя вам присвоены офицерские звания, помните, что вы еще люди молодые. Не спешите жениться!.. Это, конечно, не приказ, а добрый совет. Разъедетесь кто куда, послужите год-другой, на практике примените знания ракетной техники, а там решайте — кто в академию, а кто в загс.

По рядам молодых офицеров прокатывается смешок.

— Я понимаю, в вашем возрасте трудно сдерживать сердечные порывы. Да и в нашей песне поется...

Полковник речитативом выговаривает первые строки песни «Ключи от неба», в которой шутливо утверждается, что сердцу ракетчика, властелина заоблачных высей, хочется любви обыкновенной, земной. Потом полковник умолкает и, будто извиняясь, обращается к стоящему рядом офицеру:

— Как она поется?.. Голос-то у меня неважнецкий,— и, словно позабыв о замершем перед ним строе, начинает тихо напевать.

Вдруг, неожиданно для полковника, песню подхватывает строй лейтенантов-выпускников, а затем офицеры, стоящие на трибуне. Полковник смущенно умол-

кает, взволнованно оглядывая шеренги. А песня набирает силу...

Вдохновенно поет Иван Кириллов... Поет лейтенант Филин — высокий, белобрысый, с тонкими чертами лица.

Поют знаменосец и его ассистенты на правом фланге строя...

Задумчиво лицо седого полковника. Он понимает, что эти торжественные минуты на всю жизнь останутся в сердцах парней, которые стали сегодня офицерами...

Вьется меж лесистыми холмами шоссейная дорога. По дороге мчатся три грузовика. В их кузовах сидят на скамейках девушки и ребята — студенты медицинского института. Они тоже поют о ракетчиках. Хор девушек заглушает голоса ребят.

Задорно поет Аня, держа в руке увядшую лилию. Она задумчиво улыбается, устремив взгляд вперед, где ждет ее свидание с Иваном Кирилловым. Гордая и своенравная, Аня не хочет признаться себе, что полюбила этого упрямого и смышленого парня.

Рядом с Аней сидит ее подружка Тоня — худенькая, большеглазая, русоволосая. Поет она с азартом, размахивая в такт песне руками.

Машины скрываются за поворотом дороги, которую обступили холмы, поросшие лесом. В зеленой гущине звучит протяжное эхо песни. Постепенно оно затихает...

Тихая гладь озера, покрытая островками камыша, кувшинок и лилий.

Недалеко от крутого, заросшего кустарником берега стоит на якоре лодка с приподнятым подвесным мотором на корме. В лодке парень лет семнадцати. Закинув поплавочные и донные удочки, он ловит рыбу. Чуть в стороне замерли на воде кружки-щуковки.

Дрогнул поплавок, а затем наискось резко пошел в воду. Парень, сдвинув на затылок соломенную шляпу, искусно подсекает и уверенно ведет к лодке упирающуюся рыбу. В это время звякает звонок донки и напруживается леска. Парень левой рукой делает подсечку, продолжая правой поднимать изогнувшееся удилище.

На берег озера выходит Иван Кириллов. Его новень-

кая лейтенантская форма тщательно подогнана и наглажена. Иван некоторое время стоит на тропинке, наблюдает за рыбаком, затем поднимает с земли камешек, швыряет его в озеро, а сам прячется за куст.

Парень, бросив на дно лодки не снятого с крючка окуня, берется за донку, и в это время в воду между поплавками плюхается камешек. Парень негодующе оглядывается на берег и, никого там не заметив, смотрит в небо. Высоко в небе пролетает самолет. Парень машет ему кулаком и продолжает выбирать леску.

— Эй, рыбачок! — зовет Иван Кириллов, выйдя из-за куста. — Лодка нужна на пару минут.

— Всем лодка нужна, — невозмутимо отвечает паренек, подсачивая леща, подведенного к лодке.

— Понимаешь, лилии до зарезу нужны, — поясняет Кириллов, с тревогой взглянув на наручные часы.

— Всем лилии нужны. — Парень не смотрит в сторону лейтенанта.

— Да будь же ты человеком! — возмущается Кириллов. — Девушка ко мне приезжает!

— Ко всем девушки приезжают, — безразлично отвечает рыбак, забрасывая удочку.

— Эх ты, куркуль! — взъярился Кириллов. — Лейтенант же тебя просит.

— Все курку... — Парень вдруг опомнился. С сердитым любопытством смотрит на Кириллова. — Эгей, лейтенант, не пугай мне рыбу!

Кириллов, расстелив на траве газету, нехотя начинает раздеваться и говорит:

— Не только распугаю... Я так шугану ее, что и чахоточного ерша не поймаешь, куркуль несчастный! — Он аккуратно складывает на газете новенькое обмундирование, бережно смахивает с гимнастерки невидимую соринку.

Оставшись в одних трусах, тоже новеньких — еще со складками, — направляется к воде. Вдруг останавливается, с сожалением смотрит на трусы, а затем оглядывается вокруг. Пустынно...

Кириллов прячется за куст: нетрудно догадаться, что он снимает трусы.

— Эй ты, не хулигань! — кричит парень, видя, что лейтенант с силой бьет руками по воде, плывя к лодке. — Я место подкормил!

— Все место подкормили! — смеется Кириллов и умышленно проплывает среди кружков. — Ты у меня

теперь поймаешь, кулак недобитый! — Затем направляется к камышам.

Рыбак провожает Кириллова недобрым взглядом, смотрит на неподвижные поплавки и досадливо морщится: рыба перестала клевать. Бросает взгляд на берег и, заметив там лейтенантское обмундирование, злорадно хихикает:

— Я тебе покажу и куркуля, и лилии. — И торопливо начинает сматывать снасти.

Белыми звездами сверкают под солнцем лилии. Они густо усеяли укромный уголок среди камышей. К большому цветку протягивается рука и скользит по стеблю вниз: это Иван Кириллов готовит букет для Ани...

Тем временем рыбачок выбрался на берег. Он оглядывается в сторону Кириллова и с ехидной улыбкой небрежно сгребает его обмундирование. Несет его за тропинку и прячет в кустах.

Плывет к берегу с огромным букетом лилий Иван Кириллов. Насмешливо смотрит на парня, который уже успел поставить лодку на прежнее место и забросить несколько удочек.

— Ну как, клюет? — спрашивает Кириллов.

— Сейчас клюнет, — с веселой многозначительностью отвечает парень и бросает в воду подкормку.

Кириллов стоит на берегу и, прикрываясь букетом лилий, растерянно осматривается вокруг. Устремляет взгляд на рыбака:

— Эй, дружок! Я таких шуток не люблю!

— Все не любят таких шуток, — спокойно отвечает парень и пренебрежительно сплевывает за борт.

— Ванюша! — слышится где-то на верху крутого берега голос Ани. — Ваня!

Кириллов испуганно шарахается к кустам, приседает.

По тропинке, вьющейся среди кустарника, спускаются к озеру Аня, Тоня и лейтенант Филин. Тоня восторженно рассматривает офицерскую форму на Филине.

— Я раньше не замечала, что военная форма так идет ребятам.

— Сейчас я вам представлю Ивана в полном параде, — самодовольно говорит Филин. — Красавец!

— Может, здесь обождем? — предлагает Аня. — У меня туфли на шпильках.

— Куда спрятал обмундирование?! — с мольбой и яростью спрашивает Кириллов у рыбака. — Прошу как человека!

— И я просил как человека, чтоб не пугал рыбу, — со спокойным безразличием отвечает тот.

— Ва-ня-я! — совсем близко хором зовут Аня и Тоня.

— Слушай... — шипит Кириллов, делая зверские глаза. — За такие штучки...

А голос Ани уже рядом:

— Почему он не откликается?

На берег выходят Аня, Тоня и Филин. Кириллов проворно убегает в кусты.

— Должен быть здесь, — недоумевает Филин, оглядываясь. — Сюрприз тебе, Аня, готовит.

Иван Кириллов, притаившись в кустах, с жалкой улыбкой, почти гримасой плача, смотрит на букет лилий.

— Товарищ лейтенант! — с напускной серьезностью зовет Филин, затем обращается к рыбаку: — Молодой человек...

— Да он сюрприз стесняется показывать, — перебивает его рыбак. — Лейтенант, не стесняйся! Тут все свои! Вылазь!

— Где он? — удивляется Аня.

— Вон за тем кусточком, — рыбак указывает пальцем. — Прячется... Вот шутник!

— От кого прячется? — насторожилась Аня.

— А-а... — «догадался» Филин. — Сегодня начальник училища дал указание не спешить с женитьбой. Вот Иван и прячется, чтоб в загс его не уволокли.

— Ну, знаете! — сердится Аня. — Что за шутки?..

Ничего не подозревая, она крадется к кусту, но Кириллов успевает перебежать дальше.

— Нет-нет, вот за тем! — указывает рыбак, потешаясь. — Ваня, выходи!

Кириллов стискивает зубы, вытирает со лба холодные капли пота, страшно вращает белками глаз. По его лицу бьют ветки: он мечется среди кустов.

— Да вы с двух сторон зайдите! — советует рыбак.

Аня и Тоня заговорщицки перемаргиваются и начинают обходить куст с двух сторон.

— Так-так-так! — потирает руки рыбак. — Теперь попался... Быстрее! Быстрее!

Нервы Кириллова не выдерживают. Он отшвыривает

от себя букет и, вырвавшись из кустов, на глазах у всех белым оленем устремляется к озеру и ныряет в воду.

Растеряна и изумлена Аня. Она круто поворачивается, закрывает руками лицо. Некоторое время стоит, а затем, сняв туфли и взяв их в руки, бежит по тропинке вверх. Вслед за ней устремляется Тоня.

Иван Кириллов с исступлением плывет к лодке.

Испуг на лице рыбака. Он суматошно бросает в лодку удилища и пытается поднять якорь. Но видит, что не успеет, и ударом ножа обрезает верезку. Тут же садится на весла и начинает изо всех сил грести.

Однако лодка тяжелая, а лютость придает Кириллову сил. Расстояние между ним и лодкой заметно сокращается.

Тогда рыбачок, бросив весла, кидается к мотору. Открывает топливный кран, поворачивает рычаг дросселя и дергает за заводной шнур. Но мотор не заводится. Еще и еще рвет на себя рукоятку шнура. Мотор мертв.

А Кириллов уже рядом. И в это время мотор, громко чихнув, заработал. Лодка рванулась вперед.

Рыбак, вытерев рукавом взмокший лоб, торжествующе смотрит на Кириллова, описывает лодкой круг и с издевкой кричит:

— Привет, Ваня!..

Затемнение. На экране вспыхивают слова:

«Прошло время».

Командир зенитно-ракетного полка полковник Андреев — человек, уверенный в себе. Отдает ли приказ или объясняет что-нибудь подчиненным — каждое его слово звучит твердо, властно и в то же время произносится свободно, будто давно заученное.

Вот и сейчас он прохаживается перед строем дивизиона майора Оленина — высокий, прямой, широкогрудый. На его кителе — лесенка орденских планок и академический значок. Темные глаза смотрят сквозь очки спокойно, требовательно и с мудрой лукавинкой.

Строй стоит на ракетной позиции у кабин с электронной аппаратурой. На правом фланге выстроились офицеры во главе с майором Олениным.

— Вы только что сменились с боевого дежурства, поэтому можете заняться новым пополнением серьезно. Кроме того, все вы — опытные ракетные волки, — раз-

меренно говорит полковник Андреев, скользя взглядом по лицам ракетчиков. — Умеете работать лихо и со знанием дела. Вот эту лихость и мастерство покажите новобранцам. В самом же начале надо вытравить из молодых солдат страх перед ракетами и перед сложностью нашей аппаратуры. Во-вторых, надо разжечь у них зависть к вашему умению и горячее желание стать такими же, как вы.

Полковник Андреев останавливается перед лейтенантом Кирилловым. Иван Кириллов заметно возмужал, отрастил небольшие усы. Он стоит по стойке «смирно» и держит в руке книжку — учебник по радиотехнике.

— Ну как, лейтенант Кириллов, — весело спрашивает полковник, — сдюжим эту задачу?

— Так точно, товарищ полковник! Сдюжим! — в тон ему отвечает Кириллов.

На ракетную позицию издалека доносится солдатская песня «Ключи от неба».

— Ну вот, идут будущие ракетчики! — замечает Андреев, прислушиваясь к песне.

По асфальтированной дороге, ведущей из военного городка на огневую позицию, идет с песней солдатский строй. В кадре — лицо запевалы рядового Семена Лагоды. В нем мы узнаем парня-рыбака, сыгравшего год назад злую шутку с лейтенантом Кирилловым. Звонкий голос Семена с озорством выговаривает слова песни.

Впереди строя шагает старшина Прокатилов — высокий юноша с интеллигентным лицом и строгими глазами. Он поет с усердием и с искусством бывалого строевика четко печатает шаг.

Эхо песни прокатывается по дремотному лесу, обступившему «владения» ракетной части.

На стартовой позиции пустынно. Только часовой у шлагбаума да в тени от антенны радиолокатора полковник Андреев, майор Оленин, лейтенанты Кириллов и Самсонов.

Иван Кириллов наблюдает, как старшина Прокатилов проводит мимо часового, поднявшего шлагбаум, строй поющих солдат, и не замечает, как из его книжки на траву падает фотоснимок.

Полковник Андреев наклоняется, поднимает фотографическую карточку и с любопытством рассматривает ее.

На снимке — улыбающаяся Аня с букетом ромашек в руке.

Андреев переводит взгляд на Кириллова, порывается отдать ему снимок, но затем, поразмыслив, зачем-то прячет его в нагрудный карман кителя.

А строй солдат все ближе. Семен Лагода азартно запевает новый куплет.

Полковник Андреев с восхищением прищелкивает языком:

— Вот это голосина! Находка для полка.

— К нам бы его заполучить, — шепчет Оленин Кириллову так, чтобы не слышал Андреев.

— Постараюсь, — подмаргивает Кириллов.

Строй подходит к центру позиции, где стоит полковник Андреев с офицерами. Солдаты, продолжая песню, с любопытством смотрят на начальство. Семен Лагода вдруг осекается и умолкает: он узнает Кириллова. С изумлением пялит на него глаза, прикусывает губу...

— Отставить песню! — командует Прокатилов, выйдя из строя. — Группа-а... Стой! На-пра-во!.. Равняйсь!.. Смир-рна-а!..

Прокатилов, лихо печатая шаг, подходит к Андрееву, вскидывает к козырьку руку и докладывает:

— Товарищ полковник, группа пополнения прибыла для знакомства с ракетной техникой! Докладывает старшина Прокатилов!

— Здравствуйте, товарищи ракетчики! — здоровается Андреев.

— Здра... желаем... товарищ полковник! — не совсем стройно отвечают солдаты.

Семен Лагода стоит в середине строя и, боясь попасться на глаза лейтенанту Кириллову, прячется за спины товарищей. Но этого ему кажется мало, и он, после того как полковник разрешает «Вольно!», а Прокатилов дублирует эту команду, перекашивает рот, чтоб быть непохожим на самого себя.

— Плоховато здороваетесь, — с доброй укоризной замечает полковник Андреев, прохаживаясь вдоль строя. — Но ничего, научитесь... Научитесь и более сложным делам.

Полковник останавливается перед рослым солдатом, стоящим в первой шеренге:

— Какое образование?

— Среднее! — бойко отвечает тот.

— Хорошо. — Андреев одобрительно улыбается. — А у вас? — спрашивает он у стоящего рядом.

— Высшее.

— Тоже неплохо, — шутит полковник под смешок строя. — А запевала что окончил? Кто запевала?

Товарищи толкают Семена Лагоду под бока.

— Я запевала, — гундосит Семен, скорчив рожу. — Образование — десять классов.

Кириллов пристально всматривается в лицо Лагоды...

Полковник Андреев тоже удивлен необычным выражением лица солдата.

Рядом с Семеном прыскает смехом рядовой Юрий Мигуль — широколицый, курносый.

— Что это у вас?.. — деликатно спрашивает у Семена Андреев.

Тот не успевает ответить. Над ракетной позицией взвыла сирена — сигнал тревоги.

Полковник Андреев поворачивается к майору Оленину и приказывает:

— Действуйте!

Из леса стремительно бегут по сигналу «Тревога!» солдаты, сержанты, офицеры. Стартовики направляются к окопам с ракетными установками, радиотехническое подразделение занимает места в кабинах с электронной аппаратурой.

В кабину наведения последним взбегает по решетчатой лесенке лейтенант Кириллов. В дверях он останавливается и отыскивает глазами среди молодых солдат Семена Лагоду. Напряженно смотрит...

Семен, почувствовав на себе взгляд, поворачивается, встречается с глазами Кириллова и с запозданием корчит рожу.

Кириллов хмыкает, недоуменно пожимает плечами и скрывается в кабине.

...Покоится на транспортно-заряжающей машине длинное серебристое тело ракеты.

— Перед вами ракета типа «земля — воздух», — неторопливо рассказывает лейтенант Самсонов солдатам, сгрудившимся на бруствере широкого окопа.

Самсонов молод и красив, обмундирование на нем подогнано с большой тщательностью. Видно, что он очень доволен собой и немного рисуется перед новичками.

— Вы сейчас видите подготовку ракеты для стрельбы.

— А она не бабахнет прямо здесь? — с опаской спрашивает Семен Лагода. — Не взорвется?

— Наши ракеты взрываются там, где мы им приказываем, — с некоторой театральностью отвечает Самсонов.

Между тем водитель тягача, на прицепе которого заправленная ракета, включает мотор, лихо съезжает в окоп и тормозит точно в заданном месте.

Солдаты-стартовики быстро состыковывают ракету со стрелой пусковой установки. Еще мгновение, и ракета плавно скользит по стреле, а тягач уезжает из окопа.

Дрогнула антенна радиолокатора и начала разворачиваться...

Над окопами медленно поднимаются ракеты — будто ожил один огромный механизм. Только группа людей кажется здесь лишней. Видно, как лейтенант Самсонов, указывая рукой то на антенну локатора, то на ракеты, что-то оживленно объясняет солдатам.

Наезд аппарата, и мы уже слышим Самсонова:

— А теперь посмотрим кабину наведения — электронный мозг всего ракетного комплекса.

В кабине наведения — привычная полутьма. Сквозь узкий проход, за спиной сидящих у пультов операторов, протискивается цепочка молодых солдат. Впереди — Семен Лагода. Он растерянно смотрит на панели электронных шкафов, где множество индикаторных лампочек, тумблеров, кнопок, переключателей, видит светящиеся экраны перед операторами.

— Мать моя родная! — сокрушается Семен. — Тут же профессором надо быть, чтоб в такой чертовщине разобраться!

Операторы самодовольно посмеиваются.

Из-за угла шкафа, где находится место офицера наведения, смотрит на Семена Иван Кириллов. Семен не замечает лейтенанта и продолжает искренне интересоваться устройствами кабины:

— Верное слово, академиком надо быть.

— Вы правы, тут каждый в своем деле академик, — говорит Кириллов.

Лагода, увидев лейтенанта, пытается скорчить рожу, но, поняв, что поздно, конфузливо улыбается.

— Вы мне кого-то напоминаете, — говорит Кириллов Семену.

— Да, понимаете, какое дело... Я это... Я похож на одного киноартиста... Малоизвестного... Вот и путают меня с ним.

— Возможно, — задумчиво говорит Кириллов.

Столовая в квартире полковника Андреева.

Андреев, в расстегнутой форменной рубашке с погонами, сидит за накрытым столом и торопливо ест суп. Входит его жена Елена Дмитриевна — еще молодая, красивая женщина. С привычной изящностью она ставит на стол тарелку с голубцами и говорит:

— Позвонил бы хоть, что домой приедешь обедать.

— Так получилось, Леночка! — Андреев с виноватой улыбкой смотрит на жену и принимается за голубцы. — Понимаешь, потребовалось съездить в подразделение. Решил переодеться в полевую форму.

— Вечно у тебя что-то получается, — с любовной насмешкой замечает Елена Дмитриевна и указывает на кушетку, где лежат аккуратно сложенные гимнастерка и бриджи. — Переодевайся, с утра приготовила.

— Откуда ты знала? — удивляется Андреев.

— Я о тебе все наперед знаю.

— Ты у меня хиромант, — посмеивается Андреев. — Переложи, пожалуйста, документы из кителя в гимнастерку.

Елена Дмитриевна подходит к креслу, на спинке которого распят китель, забирается рукой в нагрудный карман...

Андреев с аппетитом ест голубцы. Вдруг его что-то встревожило: он смотрит прямо перед собой застывшими глазами, затем кладет на стол вилку, нож, с трудом проглатывает еду и опасливо поворачивается к жене.

Так и есть: Елена Дмитриевна уже рассматривает обнаруженную в кармане фотокарточку Ани.

— Саша!.. — с изумлением восклицает Елена Дмитриевна. — Да ты с ума сошел!.. Или верно говорят: седина в висок, а бес в ребро?!

В столовой появляется чопорная старушка в белом переднике. Это мать Елены Дмитриевны. Она несет на блюдце стакан с компотом. Увидев в руках дочери фотокарточку, сбоку рассматривает ее и восторженно восклицает:

— Какая славненькая! Как ягодка! Кто это, Леночка? — и ставит на стол компот.

— Это моя подруга, мама, — с напускным безразличием отвечает Елена Дмитриевна и прислоняет фотокарточку к вазе, стоящей на верхней крышке пианино. Затем опять к матери: — Отнеси, пожалуйста, тарелки на кухню.

Старушка собирает со стола тарелки и, еще раз посмотрев на фотографию, уходит.

— Зачем ты сказала маме неправду? — спокойно спрашивает Андреев, придвигая к себе компот.

— А что я должна была ей сказать, если ты молчишь?

— Да я и подумать не успел!

— Подумать или придумать? — Елена Дмитриевна смотрит на мужа с такой улыбкой, что тот невольно чувствует себя виноватым.

— Да не глупи ты, Леночка! — Андреев без всякого аппетита отхлебывает из стакана компот. — Там на обороте есть какая-то надпись.

— Не имею привычки читать чужие надписи.

— Понимаешь, на огневой позиции поднял, — Андреев объясняет так, будто действительно сочиняет. — Лейтенант один выронил из книги... Хотел тут же отдать, но ему надо было садиться за электронную аппаратуру. Думаю, разволнуется... А потом позабыл...

Комната общежития офицеров-холостяков. Вечер. Горит электрический свет.

Перед небольшим зеркалом, приставленным к стопке книг на тумбочке, сидит в майке лейтенант Самсонов и аккуратными кольцами укладывает на мокрой голове волосы.

— Зачем терзаешь себя каждый вечер? — насмешливо спрашивает лейтенант Маюков — розовощекий крепыш в очках. Он склонился над столом, на котором лежат различные инструменты, запчасти, радиолампочки. На краю стола — обнаженный блок обучающей машины, из которого выбиваются жгуты разноцветных проводов. Кажется, что Маюков плетет из этих проводов хитроумную паутину. — Если хочешь быть курчавым, сходил бы в дамскую парикмахерскую.

— Какой же уважающий себя мужчина так низко падет? — посмеиваясь, отвечает Самсонов. — Давай

лучше сообразим какой-нибудь электронный прибор для завивки волос.

— Эврика! — восклицает Маюков. — Родилась идея создания нового кибернетического устройства! Ваня, сделай где-нибудь зарубку для истории! — обращается Маюков к лейтенанту Кириллову, который озабоченно перелистывает на своем столе книгу за книгой. Он ищет пропавшую фотокарточку и не слышит обращенных к нему слов.

— Лейтенант Кириллов! — снова окликает его Маюков.

— Га?! Что?.. — очнулся Кириллов.

— О чем так обстоятельно размышляешь? Может, стабильность параметров нарушена?

— Да нет, — вяло улыбается Кириллов и, поднявшись с места, подходит к Маюкову.

— Включи красный провод, — просит Маюков.

Кириллов берет красный провод со штепселем на конце и ищет нужное гнездо на щитке.

В это время под окном призывно сигналит машина.

Лейтенант Самсонов с повязанным на голове полотенцем подходит к окну, распахивает его и тут же испуганно отшатывается.

На асфальтовой дороге, проходящей мимо дома, где живут молодые офицеры, стоит «Волга».

— Лейтенант Кириллов дома? — слышится из машины голос полковника Андреева.

Андреев сидит на переднем сиденье, рядом с держащей в руках руль женой. Елена Дмитриевна безразлична ко всему происходящему.

К машине подбегает Иван Кириллов.

— Товарищ полковник, по вашему приказанию лейтенант Кириллов...

— Отставить! — хмуро обрывает его Андреев и протягивает в открытое окошко фотоснимок Ани. — Ваша?

— Так точно, товарищ полковник! — Кириллов удивлен и обрадован. Он берет фотографию и не знает, куда деть себя от смущения.

— Кто это? — интересуется Андреев.

— Моя... знакомая... бывшая, — с чувством неловкости отвечает Кириллов.

— Почему бывшая?

— Да так... Одна история... Разошлись дорожки.

— Вот именно — дурацкая история. — Андреев закуривает папиросу.

Елена Дмитриевна, не дождавшись конца разговора, заводит мотор и, дав газ, включает скорость.

Иван Кириллов растерянно смотрит вслед машине.

Солдатская казарма после отбоя. В тусклом свете дежурной лампочки поблескивают смешливые глаза Юрия Мигуля. Он лежит в постели и ехидно спрашивает:

— Сеня, ну скажи, зачем ты так мило позировал сегодня перед начальством?.. Я чуть заикой не стал из-за тебя.

— Это у меня нервный тик, — серьезно отвечает Семен Лагода. Его кровать стоит рядом с кроватью Юры.

— А почему в столовой тебя этот тик не трогает?

— В столовой нервы обедают... Спи! — Семен поворачивается на спину, задумчиво смотрит в потолок. Его постепенно одолевает сон.

...Растворяется в сумраке казарма. Где-то рождается мелодичный звон, будто крохотные молоточки ударяют по серебряным наковаленкам... Нет, это позванивают колокольчики на палочках-сторожках, к которым прикреплены лески донных удочек. Такого клева Сеня еще не видел. Кругом клубится непроглядный туман, а Семен Лагода, одетый в свои старые рыбацкие доспехи, суматошливо выбирает из воды натянутую леску, на конце которой бьется огромнейшая рыба. Кольца лески закрывают все днище лодки, опутывают ноги Семена. И вот наконец рыба делает «свечу». Однако это не рыба! Это лейтенант Иван Кириллов вынырнул из воды и, оглашая все вокруг демоническим хохотом, медленно надвигается на Лагоду. Семен чувствует, как на голове у него шевелятся волосы, а глаза лезут на лоб. Он хватает весла и гребет, гребет... Но что это? Лодка оказывается не на озере, а на суше, на знакомой ракетной позиции. А Кириллов все ближе. И больше не смеется, а смотрит хищно, будто собирается убить Семена, уже одетого в солдатскую форму.

— На кухню колоть дрова! — трубным гласом звучат слова лейтенанта...

...Семен у огромного штабеля дров тянет за ручку пилы. Градом катится с его лба пот. За другую ручку тянет какое-то железное чудище — человек-робот. И распиливают они не бревно, а... лодочный мотор Семена.

— Быстрее! Быстрее! Ха-ха-ха! — оглушающе гремит голос Кириллова.

Кириллов исчезает, и Семен видит, что он распиливает с роботом не мотор, а огромное бревно. Семену больше не хочется работать. Он втыкает в землю пружинистый металлический прут и привязывает к нему ручку пилы. Робот заметил хитрость Семена и хрипло орет:

— Ищи дураков в другом месте!

Семен дает роботу закурить. Тот, довольный, затягивается папиросой и с бешеной скоростью начинает пилить один. Растет гора чурбаков.

Семен берет топор и подает его роботу. Коли, мол. Тот отворачивается:

— Теперь ты вкалывай!

Семен начинает колоть чурбак. Но сил у него не хватает. Тогда он достает из кармана конфету, с трудом раскалывает чурбак и показывает роботу конфету, которую будто бы нашел внутри чурбака. Робот проглатывает конфету, отнимает у Семена топор и суматошливо начинает колоть дрова. Все чаще и чаще мелькает в воздухе топор.

Робот переусердствовал. Из него вдруг повалил дым, потом взрыв!.. На месте робота — груда обломков.

Появляется лейтенант Кириллов.

— Десять суток гауптвахты! — громоподобным голосом объявляет он и, взяв Семена за шиворот, толкает его в какую-то яму...

Семен сидит в камере гауптвахты. В зарешеченное окно заглядывает Кириллов и, зло захохотав, улетает куда-то в облака.

Семен видит, что мимо окна медленно проезжает тягач с причудливой ракетой. Он распускает толстый канат, который служил ему вместо табуретки, делает петлю и ловко забрасывает ее на нос ракеты, а второй конец каната прочно привязывает к железной решетке.

Канат натягивается все больше и больше, вот уже гнутся толстые прутья решетки, но не поддаются, и камера гауптвахты начинает ползти вслед за трактором. К своему ужасу, Семен замечает, что находится в клетке.

Рядом с клеткой идет лейтенант Кириллов, и его демонический хохот, кажется, заполняет всю вселенную. Лейтенант подбегает к ракете, что-то крутит, и она грозно вздыбливает нос к небу. Кириллов хохочет еще гром-

че, и уже не хохот слышит Семен, а гром ракеты, из сопла которой яростно хлещет пламя. Еще мгновение, и ракета уносит клетку с Семеном в небо...

Далеко внизу видит Семен Землю... Ракета проносит его сквозь облака. И тут он замечает, что канат на решетке вот-вот развяжется. Но решетка теперь на потолке. Как дотянуться? Семен начинает махать руками, будто крыльями. О чудо! Он подлетает к потолку клетки и хватается за канат в тот самый миг, когда узел развязался... И уже нет клетки — только мчащаяся ввысь ракета и он, Семен Лагода, на конце каната.

Семен начинает подтягиваться по канату вверх. Выше и выше... Ракета все ближе к нему. Семен уже видит дверцу в ракете и окошко рядом с ней. В окошко выглядывает старшина Прокатилов. Но сил больше нет. Руки отказываются повиноваться. Семену очень страшно. Он отпускает канат и начинает падать, судорожно извиваясь в воздухе...

— Рядовой Лагода! — кричит ему вслед старшина. — Подъем!..

Семен открывает глаза, дико осматривается. Наконец приходит в себя. Видит казарму и спешно одевающихся по команде «Подъем!» товарищей.

— Чего это вы так свирепо мычали во сне? — с удивлением спрашивает Прокатилов, стоящий возле кровати Семена.

Семен, счастливый оттого, что кошмар был лишь сном, вытирает мокрый лоб и молча начинает проворно одеваться. Он даже обгоняет товарищей, поднявшихся раньше него.

Старшина Прокатилов доволен.

— Хорошая у вас сноровка, — замечает он. — Если и грамотность подходящая, быть вам оператором.

Семен, затягивавший на гимнастерке ремень, вдруг будто деревенеет.

— А кто над операторами начальник? — настороженно спрашивает он. — Не лейтенант Кириллов?

— Да, — подтверждает старшина. — В нашем дивизионе он... Если покажете сноровку на всех занятиях, попадете к нему.

Идут занятия по физподготовке в спортивном городке. Их проводит лейтенант Самсонов. Молодые солдаты поочередно прыгают через «коня».

— Очередной, к снаряду! — командует Самсонов.

Юра Мигуль разбегается, делает толчок ногами о трамплин и, прикоснувшись руками к кожаной спине «коня», легко перелетает через него.

— К снаряду!.. К снаряду! К снаряду!

Солдаты прыгают один за другим, показывая в общем неплохую физическую подготовку.

— К снаряду!

Бежит Семен Лагода. Толчок на трамплине он делает неумело и прыгает «коню» на спину.

До солдат доносится взрыв девичьего хохота. Семен оглядывается и, к великому своему огорчению, видит, что в раскрытом окне соседнего здания стоят несколько миловидных девушек в военной форме: они смотрят на него и весело смеются.

— Повторить! — приказывает Самсонов Семену.

Семен снова разбегается, но перед самым трамплином пасует и под хохот девушек сворачивает в сторону.

— Повторить!

Но и на этот раз Лагоду постигает неудача. Неуверенный толчок, и он, прыгнув на противоположный край снаряда, плюхается на землю, вызвав новый взрыв девичьего смеха. Похохатывают и солдаты.

— Отставить смех! — строго требует лейтенант, а затем обращается к Семену: — Рядовой Лагода, вы что, в школе не занимались спортом?

— Занимался, но у нашего «коня» ноги короче.

— Подойдите к перекладине.

Семен послушно подходит к турнику.

— Подтянитесь на руках, сколько можете.

Семен подпрыгивает, хватается за перекладину, дрыгая ногами, пытается подтянуться, но опять полный конфуз перед девушками и товарищами. Беспомощно соскакивает да еще подворачивает ногу.

Самсонов укоризненно качает головой:

— Становитесь в строй. Придется с вами поработать отдельно.

— Не способен я к спорту, — отвечает Семен и, хромая, становится на левый фланг строя.

— Научим. — Лейтенант смотрит на часы. — Закончить занятия!

Услышав эту команду, девушки-солдаты, выглядывавшие в окно, скрываются в глубине комнаты.

Радиотехнический класс. Девушки торопливо заканчивают развешивать на подставках схемы.

В класс заходит лейтенант Кириллов.

— Все готово, товарищ лейтенант! — бойко докладывает одна из девушек.

А лейтенант Самсонов тем временем ведет из спортивного городка в радиотехнический класс строй молодых солдат.

Семен Лагода, прихрамывая, идет последним. Он отстает, будто поправляет выбившуюся из сапога портянку, и, видя, что никто не замечает его отсутствия в шагающем строю, вдруг быстро бежит к «коню», легко перемахивает через него с одной стороны, затем с другой. Потом подбегает к турнику, одним жимом вылетает на перекладину, делает красивый переворот, затем — соскок-ласточку и с видом победителя оглядывается на окно...

Но... девушек там нет. На их месте стоит лейтенант Кириллов, пускает колечками табачный дым и с недоумением глядит на солдата.

Некоторое время Семен, выпучив глаза, растерянно смотрит на лейтенанта, затем лихо отдает ему честь и бежит догонять строй.

— Где я видел эту плутоватую рожицу? — задумчиво говорит Кириллов.

В радиотехнический класс, где прохаживается между столами с аппаратурой лейтенант Кириллов, вливается говорливый поток молодых солдат.

— Товарищи, до начала занятий еще пять минут! — объявляет Кириллов. — Можно курить.

Многие солдаты тут же возвращаются в коридор.

— Рядовой Лагода, — обращается Кириллов к зашедшему Семену. — Это вы сейчас?.. — и кивает за окно.

— Да то я... — от смущения Семен не находит слов. — Да я, понимаете, при людях стесняюсь... Вот и решил один попробовать.

— Смотри ты, какой застенчивый! — смеется Кириллов. — Может, по этой причине не клеится у вас и со зрительной памятью?

— Не знаю, — Семен пожимает плечами.

— А ну-ка, товарищи, — обращается Кириллов к оставшимся в классе солдатам, — идите курить!

Когда солдаты выходят, Кириллов подзывает Семена к одному из блоков станции наведения. На панели

блока — множество тумблеров, лампочек, переключателей, кнопок. Кириллов опытной рукой щелкает тумблерами, меняет положение переключателей, нажимает кнопки, от чего загораются индикаторные лампочки.

Семен внимательно следит за каждым движением рук лейтенанта.

— Посмотрите внимательно, — приказывает Кириллов.

Семен изучает панель.

— Посмотрели? Теперь отвернитесь. — И Кириллов, после того как Семен отвернулся, быстро переводит переключатели в первоначальное состояние. — Теперь сделайте все, как было.

Семен криво улыбается и начинает щелкать тумблерами и рычагами — совсем не теми, которыми нужно.

— Да-а, — сокрушается Кириллов. — Плохо дело.

— Оператор из меня не выйдет, — охотно соглашается Семен.

— Жалко назначать вас в другое подразделение.

— Почему жалко? — Семен с хитрецой глядит на лейтенанта.

— Как же! Лучший запевала.

— Только поэтому? — удивился Семен.

— А почему же еще?

— Я думал, потому, что кого-то напоминаю вам.

— Мало ли похожих людей встречается, — Кириллов смотрит на часы. — Пора начинать занятия.

— Минуточку! — Семен в смятении. Он напряженно смотрит в лицо лейтенанта, переживая какую-то внутреннюю борьбу. Наконец решается: — Товарищ лейтенант, а у меня не так уж плохо со зрительной памятью.

Тут же он поворачивается к панели и уверенно щелкает переключателями, тумблерами, нажимает на кнопки, в точности повторяя все, что делал Кириллов.

Кириллов с радостным изумлением смотрит на Семена...

Затемнение... На экране вспыхивают слова:

«И еще прошло время».

Полковник Андреев смотрит на Аню с загадочной улыбкой, которая как бы говорит: «А я о тебе знаю нечто такое...»

Они сидят в кабинете Андреева друг против друга и ведут разговор.

— Вы в городе остановились? — утвердительно спрашивает полковник.

— Да. У подруги, — отвечает Аня.

— Через неделю предоставим комнату.

— Спасибо.

— Простите за любопытство, Анна Павловна, — Андреев наклоняется над столом, будто бы стараясь глубже заглянуть в глаза девушки. — Вы, конечно, назначены не случайно в нашу часть?..

— Да, не случайно, — соглашается Аня, несколько смутившись. — Тут, в городе, подруга моя живет. Она жена офицера. Я списалась с ней и в Министерстве обороны попросилась к вам.

Андреев лукаво щурит глаза, улыбается.

— Чему вы улыбаетесь? — Аня недовольно хмурит брови.

— Извините, — полковника не покидает добродушное настроение. — Мне просто захотелось немножко пофилософствовать на тему о семье и браке.

— Не понимаю вас, товарищ полковник, — Аня смущена и не знает, как себя держать. — Я врач. И приехала к вам как служащая Советской Армии, а не замуж выходить.

— Ну, не будем зарекаться, — смеется Андреев и, поднявшись из-за стола, начинает прохаживаться по кабинету. После паузы останавливается перед Аней и доверительно говорит ей: — Еще не родилась девушка, которая б в принципе отказывалась от замужества. Но я о другом хочу сказать... Только по секрету... Быть женой ракетчика — трудное дело.

— Вы меня заставляете краснеть, — Аня отворачивается к окну. — К чему этот разговор?

— Послушаете — поймете, — спокойно продолжает Андреев. — Трудно быть женой ракетчика потому, что и в мирное время ракетчик на войне... Вот я, — полковник смотрит на часы, — через десять минут одному подразделению объявлю тревогу. Учебную, конечно. И никто из ракетчиков не знает, какая это будет тревога. Каждую минуту подразделения готовы дать залп по воздушному противнику. А знаете, что это значит?.. Надо знать. Вы врач ракетной части. На примере скажу: у нас недавно была свадьба без жениха.

— Как это — без жениха? — удивляется Аня.

— А вот так. Подняли первый бокал за молодоженов. Не успели крикнуть «горько», как жениху доложи-

ли, что в его кабине забарахлил один из блоков. Жених поставил бокал и ушел на огневую...

— Ну и что? — Аня смотрит на Андреева чуть насмешливо.

— Ничего, по-вашему? — удивляется Андреев.

— Конечно, ничего особенного. И меня, как врача, в любую минуту, даже со свадьбы, могут вызвать. А сколько таких профессий? Врачи, электрики, пожарники, водопроводчики, газовщики... Да мало ли!

Андреев смотрит на Аню с удивлением, раздумывая над услышанным.

— А мне нравится, что вы так рассуждаете, — наконец говорит он.

— Товарищ полковник, — Аня переводит разговор на другую тему, — я бы хотела начать свою работу с медосмотра моих будущих пациентов.

— Хорошо. Сейчас дам указание дежурному. — Андреев нажимает на столе кнопку.

В кабинет входит лейтенант Маюков. У него на рукаве повязка с надписью: «Дежурный по части».

Идут занятия в классе программированного обучения.

— Какова функциональная схема индикатора наведения? — задает вопрос лейтенант Кириллов и передвигает подставку, на которой закреплено полотнище с чертежами.

Таких схем в классе много — одни на подставках, другие на стенах.

— Ясен вопрос?

— Ясен, — отвечают солдаты-ракетчики.

Семен Лагода (он уже ефрейтор) сидит за столом, внимательно смотрит на схему и кладет руку на рычаг обучающей машины. Чтобы узнать, правильно ли дан ответ на вопрос, надо поворотом рычага набрать нужную группу цифр. Рядом с Семеном — Юрий Мигуль. У обоих гладко причесанные волосы.

На каждом столе — по две машины. За всеми машинами сидят солдаты. В классе раздается град щелчков. Ракетчики начали работать на машинах.

Семен уверенно поворачивает рычаг: от цифры к цифре...

На кафедре, перед глазами лейтенанта Кириллова — световое табло. На нем столбиком расположены номера

обучающих машин и рядками, под порядковыми цифрами, — лампочки. По мере того как солдаты отвечают на вопрос, лампочки вспыхивают. За ними внимательно наблюдает Кириллов.

— Кончили! — приказывает Кириллов, и щелчки машин утихают. — Неправильно ответили седьмой и девятнадцатый. — Кириллов переключает на кафедре тумблер, и вспыхивают световые табло по бокам классной доски.

За столами поднимаются Юрий Мигуль (у него машина под номером 7) и еще один солдат.

— Посмотрите хорошенько на схему, — приказывает им Кириллов.

Солдаты внимательно рассматривают схему.

— А теперь попробуйте исправить ошибки.

«Седьмой» и «девятнадцатый» щелкают переключателями. На табло вспыхивают лампочки...

— Правильно. Садитесь, — разрешает Кириллов. — А теперь второе задание: нарисовать схемы формирования развертки угла и формирования развертки дальности и проверить правильность схем при помощи обучающих машин.

Солдаты зашелестели тетрадями.

Начинает чертить на тетрадном листе Семен Лагода. У сидящего рядом с ним Мигуля сломался карандаш.

— Семен, ножик нужен, — просит Юра.

— Всем ножик нужен, — невозмутимо отвечает Лагода.

К разговору друзей прислушивается лейтенант Кириллов. До его слуха доносится:

— Карандаш сломался.

— У всех карандаш сломался.

— Ну дай ножик, починить нечем.

Лицо Кириллова преображается. Застывшие глаза смотрят так, будто лейтенант глотнул горячительного и задохнулся.

А между тем доносятся слова Семена:

— У всех починить нечем... Ножик забыл в тумбочке. На карандаш.

«Рыбачок!» — шепчет про себя Кириллов и зажимает рот рукой, чтоб восклицанием не выдать своего удивления. Перед его мысленным взором рисуется полузабытая картина: озеро, в лодке сидит паренек и удит рыбу, а он, Кириллов, стоит на берегу и просит лодку. И будто слышит ответы рыбачка: «Всем лодка нужна...»

«Всем лилии нужны...» «Ко всем девушки приезжают».

«Точно. Рыбачок», — говорит сам себе Кириллов и не отрывает напряженного взгляда от Семена, который, ничего не подозревая, чертит в тетради схему.

Юрий Мигуль затачивает на коробке спичек грифель карандаша. Он бросает случайный взгляд за окно, мгновение с любопытством продолжает смотреть туда, затем тихо, но так, чтоб услышали многие, шепчет Семену:

— Равнение налево!

Солдаты, следуя команде, одновременно поворачивают головы к окнам...

За окнами по асфальтированной дорожке идут Аня и лейтенант Маюков.

— Не отвлекаться, — деревянным голосом делает замечание Кириллов и сам бросает взгляд за окно.

Солдаты с хитрыми улыбками наблюдают за Кирилловым. Вид у него совершенно ошалелый. Лейтенант делает шаг к окну, встряхивает головой, будто пытается прогнать видение, и не отрывает растерянного, недоумевающего взгляда от Ани.

— Продолжать занятия самостоятельно, — приказывает Кириллов и кидается к дверям.

Но, как только захлопнулась за лейтенантом дверь, солдаты, гремя стульями, устремляются к окнам.

Лейтенант Кириллов не замечает, что к стеклам окон, мимо которых он пробегает, прильнули хитро улыбающиеся лица солдат. Он напряженно смотрит вперед...

Идут, о чем-то разговаривая, Маюков и Аня.

Кириллов вот-вот настигнет их. И вдруг раздается пронзительный рев сирены. Кириллов будто спотыкается и останавливается: тревога!

Резко поворачивается и изо всех сил бежит назад.

Стремительно выбегают из учебного корпуса солдаты...

Гудит земля под солдатскими сапогами. Ракетчики мчатся в направлении огневых позиций. Напряженные лица Семена Лагоды, Юрия Мигуля, старшины Прокатилова.

Бегут, сурово сдвинув брови, офицеры — Кириллов, Самсонов, Оленин...

Вместе со всеми стремительно несется камера. Мелькают здания военного городка, видны встревоженные

лица женщин и детей в окнах офицерских квартир, мелькают деревья.

А сирена не утихает...

— Готовность номер один! — звучит над стартовой позицией команда, переданная по внутренней связи.

— Готовность номер один! — будто с радостью, лихо вторит командир стартового взвода лейтенант Самсонов. Он любуется собой и слаженной работой стартовых расчетов.

А солдаты-стартовики знают свое дело. Мгновенно снимают с ракет брезентовые чехлы и колдуют у механизмов. Тут же слышатся четкие, отрывистые доклады:

— Второй готов!

— Первый готов!

— Третий готов!

Самсонов на каждую команду резко поворачивает голову, довольно улыбается.

— ...готов!

— ...готов!

— В укрытие! — звонкоголосо командует Самсонов.

Мимо лейтенанта быстро пробегают солдаты-стартовики.

Огневая позиция опустела. Ракеты, лежащие на пусковых установках, кажутся мертвыми. Но это так кажется...

Стремительно убегает от них в укрытие лейтенант Самсонов.

— Включить дизели! — твердо командует в микрофон лейтенант Иван Кириллов.

Его лицо, еще взволнованное, — во весь экран.

— Включаю станцию! — снова звучит голос Кириллова.

Лейтенант поднимает вверх руку и нажимает на электронном шкафу кнопку.

Иван Кириллов — офицер наведения. В тесной кабине в настороженной полутьме замерли фигуры людей, сидящих у шкафов с аппаратурой — электронным мозгом ракет. В тусклом свете разноцветных лампочек узнается непривычно сосредоточенное лицо Семена Лагоды. Рядом с ним — Юрий Мигуль.

За спиной лейтенанта Кириллова стоят с часами в руках полковник Андреев и майор Оленин.

Перед Кирилловым светится экран локатора. На нем виднеется белая пульсирующая черточка — отметка цели.

Кириллов крутит внизу штурвалы, подводя перекрестие меток на экране к цели. Затем отдает от себя щелкнувшие штурвалы и энергично командует операторам:

— Взять цель!

Сосредоточенное лицо Семена Лагоды... Он проворно нажимает на кнопку, и тотчас перед ним высвечивается экран.

Ниже центра экрана белеет черточка. Семен ловко работает штурвалом, и белая черточка послушно плывет к центру экрана, к меткам.

— Есть цель! — докладывает Семен.

Кириллов кидает на него строгий взгляд, а затем нетерпеливо смотрит на Мигуля. Юрий суетливо вращает штурвал. Наконец докладывает:

— Есть цель!..

— Есть цель! — сообщает третий оператор.

На огневой позиции ожили ракеты. Они начинают подниматься вверх и в направлении цели, куда смотрит антенна локатора... Ракеты, грозно вздыбившись в небо, замерли...

В кабине наведения — напряженная тишина.

— Первая... — протяжно командует лейтенант Кириллов. Его рука тянется к черной кнопке, по ободку которой белеет грозная надпись: «Пуск».

— Отбой! — неожиданно раздается голос полковника Андреева. И после паузы: — Молодцы, товарищи ракетчики!

Полковой медпункт. Светлая комната с простынной перегородкой.

— Лагода Семен Иванович! Ефрейтор! — чеканит слова Семен, сидя на табурете. Он раздет по пояс. После паузы вкрадчиво спрашивает: — Извините, а вас как зовут?

За столом сидит в белом халате Аня. Не поднимая головы, она отвечает:

— Аня... — И тут же поправляется: — Анна Павловна.

— Вы у нас новенькая?

— Да. Новенькая.

Семен с любопытством рассматривает врача, которая что-то бегло записывает в медицинскую книжку и не удостаивает его ни единым взглядом.

Семен хмурится от досады.

— На что жалуетесь? — спрашивает Аня.

— На сон! — обиженно отвечает Семен.

— Плохо спите? — только теперь Аня поднимает глаза — большие, опушенные длинными ресницами.

Семен не в силах оторвать восхищенного взгляда от красивого лица врача.

— Не можете уснуть? — повторяет вопрос Аня.

— Нет, проснуться не могу! — Семен опомнился. — По команде «Подъем!» хлопцы за ноги стаскивают с постели.

— Вылечим. — Аня снисходительно улыбается, обнажив блестяще-белые ровные зубы. — Могу выписать рецепт.

— Пожалуйста! — Семен с серьезным видом продолжает валять дурака. — Премного вам буду благодарен.

— Только с рецептом не в аптеку придется идти, а к старшине, — поясняет врач.

— К старшине? — удивляется Семен. — Что-то не слышал, чтобы у старшины лекарства водились.

— А наказания?! Или, как они у вас, взыскания! — Аня опять ослепляет его мягкой белозубой улыбкой. — Наряд за опоздание в строй — лучшее лекарство.

— Так наряды ж подрывают солдату здоровье! — с притворным недоумением восклицает Семен.

— Каким образом?

— Самым что ни на есть плохим, — с убеждением отвечает Семен, продолжая бесцеремонно рассматривать собеседницу. — У солдата после наряда беда с аппетитом... Зверский!.. Минимум двойной обед нужен.

— Это старо. — Аня обдает Семена дружелюбным взглядом и, отложив в сторону ручку, поднимается, выходит из-за стола — высокая, гибкая. Белый халат, надетый поверх платья, придает ей особую обаятельность, хотя и скрадывает стройную девичью фигуру.

Она заставляет Семена закинуть ногу на ногу, стучит по коленке миниатюрным молоточком. Затем ручкой молотка крест-накрест проводит по его обнаженной груди. Семен ежится от щекотки и по-прежнему не отрывает восхищенного взгляда от милого лица Ани.

Аня обращает внимание на гладко причесанные волосы Семена. Притрагивается к ним и испуганно отдергивает руку.

— Чем это вы намазали?

— Сахаром, — отвечает Семен.

— Зачем?

— Чтоб не заметно, что длинные.

— Не полагаются длинные. — Аня пытается взлохматить шевелюру, но она как панцирь. — Не гигиенично! Сейчас же помойте и в парикмахерскую!

— Помыть-то я помою, но понимаете... — Семен не находит слов.

— Что?

— Надеюсь, скоро в отпуск, домой... А девчата, когда голова у хлопца вот такая, — Семен, взяв со стола ручку, мгновенно набрасывает на листе бумаги свой портрет с наголо остриженной головой, — не то что разговаривать — смотреть не хотят.

— Плохо вы знаете девчат, — посмеивается Аня, с любопытством рассматривая рисунок.

— Плохо? — переспрашивает Семен. — А думаете, вы бы понравились хлопцам, если б были вот такой?

И он тут же изображает на рисунке голову Ани без волос.

Аня изумленно смотрит на свой обезображенный портрет.

— Другое дело, когда голову украшает растительность, — продолжает Семен, и его перо дорисовывает пышную шевелюру сначала на портрете Ани, а потом на своем.

— А вы, оказывается, художник!

— Признаете? — ухватился за новую мысль Семен.

— Признаю, — смеется Аня.

— А все художники носят во какие гривы! — Семен показывает руками, какие прически носят художники. — Я такой не прошу. Разрешите мне мою носить. И точка.

— Это как же? — Аня поражена.

Семен блудливо отводит глаза в сторону и мудро изрекает:

— Мало ли какие медицинские соображения могут быть. Главное, чтобы справка по-латыни была написана. Старшина вникать не станет.

— Может, у вас голова болит при коротких волосах? Такое бывает. — Аня еле сдерживает смех.

— Конечно! Ужасно болит! — хватается Семен за поданную мысль. — И не только голова. Сердце может треснуть, когда начнут укорачивать такую шевелюру.

Аня, запрокинув голову, хохочет как школьница.

— Да вы же симулянт, Лагода! — говорит она сквозь смех, глядя на Семена с откровенной симпатией, как на забавного, шаловливого ребенка.

Семен обнаглел еще больше.

— Какой симулянт? — В его голосе звучит неподдельное возмущение. — Да у меня, как только подстригусь — голова разрывается от боли. И все формулы начисто забываю!..

А в коридоре санчасти, у дверей кабинета врача, ждут своей очереди с десяток солдат. Все с удивлением прислушиваются к заразительному смеху Ани, который доносится из-за двери.

— Братцы, он, наверное, ее щекочет! — говорит Юрий Мигуль и, подойдя к двери, подсматривает в замочную скважину.

И тут же отлетает: дверь распахивается, и в коридор выскакивает Семен Лагода. Обалдевший от счастья, он показывает всем справку. Подзывает даже случайно проходившего солдата и сует ему под нос бумажку:

— Разрешила длинный чуб носить!

Мигуль хватается рукой за свою чуприну и умоляюще спрашивает Семена:

— На что жаловался?

— Говори: глаза свербят перед экраном осциллографа, когда голова лысая, — с серьезным видом шепчет ему на ухо Семен. — Открыли такую болезнь среди ракетчиков... Только молчок!

— Могила! — клянется Юра.

Тот же кабинет врача. Аня сидит за столом и что-то записывает в медицинскую книжку. На ее лице еще не угасла улыбка, не успели потухнуть веселые огоньки в больших глазах.

— Следующий! — зовет она.

Открывается дверь, и в кабинет влетает Юрий Мигуль. Преисполненный радужных надежд, он бодро докладывает:

— Рядовой Мигуль прибыл на медицинский осмотр!
— Раздевайтесь, пожалуйста.
— Слушаюсь.
Мигуль с акробатической быстротой снимает с себя ремень, гимнастерку, нательную рубашку.
— Готов! — кукарекает он так бойко, что у Ани испуганно взметнулись брови. Но она тут же улыбается и задает стандартный вопрос:
— Жалобы имеются?
— Так точно! Чешутся глаза! — отвечает Юрий.
Аня смотрит на солдата с недоумением.

В быстром и веселом ритме звучит музыка... Во весь экран — злые глаза Юрия Мигуля. На голове у Юры от пышной прически осталась лишь жиденькая щетинка. Он украдкой притрагивается к ней рукой и с неприязнью смотрит на отбивающего в кругу солдат чечетку Семена Лагоду, у которого буйно курчавится шевелюра.
В фойе полкового клуба людно. Здесь солдаты, сержанты, офицеры с женами.
Особняком стоит группа молодых офицеров. Среди них — Кириллов, Самсонов и старшина Прокатилов. Они наблюдают за Семеном.
«Ну, рыбачок, ты у меня еще попляшешь», — замечает про себя Кириллов.
— Вот так больной! — с ухмылкой говорит Прокатилов.
— Это Лагода-то больной? — удивился Самсонов.
— Ага. Принес справку от нашей новой врачихи. Разрешила ему длинный чуб носить... С коротким, видите ли, у него формулы в голове не держатся.
Офицеры смеются. Только Кириллов строг; он смотрит на Семена со смешанным чувством досады и недоумения.
— А врачиха новая — королева! — восхищенно говорит только что подошедший лейтенант Маюков.
К нему кидается Кириллов.
— Слушай, расскажи! Аня к нам работать приехала? — взволнованно спрашивает он. — Где она?
— Аня? — удивляется Маюков и обращается к товарищам: — Вы слышали? Она уже для него Аня, — и перед носом Кириллова машет пальцем: — Нет, шалишь, брат. Сегодня я ее пригласил в клуб и прошу соблюдать дистанцию.

— Придет? — хмуро спрашивает Кириллов.

— Вот-вот должна осчастливить своим появлением.

Кириллов молча направляется к дверям.

Ярко горят электрические фонари у входа в клуб, освещая афишу, на которой крупно выделяется слово «концерт». Рядом проходит асфальтированная дорога. На ней тормозит «Волга». Из машины выходят полковник Андреев и его жена Елена Дмитриевна, как всегда красивая, элегантно одетая.

— Леночка, извини, — говорит Андреев, обращаясь к жене, — я на концерт опоздаю. Дела.

— Очень хорошо! — с лукавинкой в голосе отвечает Елена Дмитриевна. — Я хоть потанцую перед концертом. При тебе же офицеры шарахаются от меня.

— Ладно, танцуй, — милостиво разрешает Андреев.

Елена Дмитриевна направляется к дверям клуба, а полковник Андреев — к зданию штаба.

«Волга» уехала, а на ее месте останавливается «газик». Из него выскакивает высокий лейтенант в авиационной форме *. В нем мы узнаем Филина, который в начале фильма вместе с Аней и Тоней разыскивал на берегу озера Ивана Кириллова. Филин открывает заднюю дверку «газика», и из машины показывается Аня...

В фойе клуба возле дверей Кириллов сталкивается с женой полковника Андреева.

— Здравствуйте, Елена Дмитриевна, — здоровается он, стараясь пройти мимо.

— Добрый вечер, Иван Федорович, — приветливо отвечает Елена Дмитриевна и, услышав, что заиграла танцевальная музыка, спрашивает: — Надеюсь, вы не дадите мне скучать?

— Да... Конечно... — Кириллов растерянно улыбается.

— Я хочу танцевать.

Кириллов мгновение колеблется, смотрит в распахнутую дверь, затем протягивает руку:

— Прошу.

Кружатся в танце пары. Танцуют Кириллов и Елена Дмитриевна.

Одиноко стоит Семен Лагода. Он ищущим взглядом высматривает себе партнершу. Вдруг слышит приветливый девичий голос:

— Добрый вечер, товарищ Лагода.

---

* Подразделение, которое обеспечивает ракетчиков и летчиков-истребителей управляемыми мишенями, называется эскадрильей, а его личный состав носит авиационную форму.

Удивленный Семен поворачивается и видит перед собой Аню, светлую, улыбающуюся, по-особому красивую в зыбком свете люстр.

— Вы танцуете? — с улыбкой спрашивает она.

— Так точно! — лепечет растерянный Семен.

— Так приглашайте.

— Есть!

— Зачем же так по-уставному? — смущенно замечает Аня, подавая Семену руку. Они идут в круг.

Остановился на полпути лейтенант Маюков, с опозданием заметивший Аню. Он обескуражен. Услышав позади язвительный смех офицеров, Маюков досадливо морщится.

С другой стороны фойе стоит Прокатилов. Его восхищенные глаза устремлены на Аню. Кажется, никого другого сейчас не существует для старшины.

Кириллов не замечает Ани.

— Какими судьбами вас из города сюда занесло? — спрашивает он у Елены Дмитриевны, продолжая танец.

— Сестренка моя будет сегодня выступать в концерте. Вы подумайте: недавно в куклы играла, а уже артистка.

— Ваша сестра? — удивляется Кириллов.

— Представьте себе! Училась в Киеве, а работать приехала в наши края. Мама у меня живет. Чтоб рядом с мамой, со мной.

— А мужа вашего... Товарища полковника что же не видно?

— Муж, — хмыкает Елена Дмитриевна. — Я бы военным вообще запретила жениться.

— За что же нам такое наказание?!

— Вам ракеты милее жен, детей, семьи... Вот мой... Сегодня суббота, а к нему, видите ли, начальство из округа приехало... Как будто у начальства тоже нет жен...

...Положив Семену на плечо руку, Анна Павловна будто гипнотизирует его улыбчивыми глазами. А у Семена лицо каменное. Он чувствует на себе десятки любопытных глаз и робеет.

— Вы почему так скованно себя держите? — спрашивает Аня.

— Мне и не снилось, что буду танцевать с врачом полка, — растерянно шепчет Семен.

— Да? — улыбается Аня. — А если б вы еще знали, что я...

— Что?

— Зовите меня вне службы Аней. Я не обижусь.

— Гы-гы... — глуповато смеется Семен.

— А что смешного?

— Интересно, сколько бы нарядов влепил мне наш старшина, если б я даже вне службы назвал его Игорьком?

Аня смеется и вдруг умолкает. Лицо ее делается серьезным, напряженным. Она увидела Кириллова, танцующего с Еленой Дмитриевной...

Семен перехватывает взгляд Ани и тоже смотрит на лейтенанта.

— Что это за дама? — с чувством неловкости спрашивает Аня.

— Это жена нашего командира, — отвечает Семен.

— Жена?! — Аня поражена. И после мучительной паузы снова спрашивает: — А... давно они поженились?

— Я приехал на службу, уже были женатыми, — беспечно отвечает Семен.

Музыка умолкла. Сквозь толпу поспешно протискивается к Ане лейтенант Маюков.

А Аня лицом к лицу столкнулась с Иваном Кирилловым, которого держит под руку Елена Дмитриевна. Елена Дмитриевна, не замечая Ани, разговаривает с кем-то из женщин.

— Аня... — дрогнувшим голосом тихо произносит Кириллов.

— Анна Павловна, — спокойно поправляет его Аня.

В это время между ней и Кирилловым становится Маюков.

— Добрый вечер, Анна Павловна! — бодро здоровается он. — Извините, что не встретил вас. Проморгал.

— Ничего, — с улыбкой отвечает Аня.

Снова заиграла музыка.

— Следующий танец мой! — Маюков уверенно подставляет Ане изогнутую руку.

— Я уже занята, — и Аня берет под руку Семена, который неловко топчется рядом.

— Простите, — сникшим голосом извиняется Маюков и, обескураженный, отходит. А Семен, сам не зная для чего, громко щелкнул ему вслед коваными каблуками.

Кириллов, оставив где-то Елену Дмитриевну, протискивается через толпу к Ане и Семену.

— Могу вас пригласить? — спрашивает он у Ани, делая вид, что не замечает Семена.

— Я уже приглашена, — холодно отвечает Аня.

— Простите. — Кириллов мрачнее тучи.

Аня увлекает Семена в круг, но он упрямится, растерянно смотрит на лейтенанта.

— Пожалуйста, пожалуйста! — хмуро говорит ему Кириллов и с напускным безразличием отворачивается.

Аня с улыбкой выжидательно смотрит на Семена. А он, повернувшись к ней, вдруг шарахается в толпу, оттискивает от первой встретившейся на пути девушки ее партнера-солдата и с подчеркнуто деловым видом начинает с ней танцевать.

К смутившейся было Ане подлетает лейтенант Самсонов и галантно приглашает ее к танцу.

— Ну, хлопцы, пропал ракетный полк! Амба! — говорит один из офицеров в кругу хохочущих товарищей, наблюдая за обескураженным Маюковым и подавленным Кирилловым.

Кабинет полковника Андреева.

У рельефной карты, распластавшейся в огромном ящике-столе, стоит, что-то напевая, генерал — поджарый, стройный, седовласый. На его кителе, над высокой лестничкой орденских планок — Звезда Героя Советского Союза. Возле генерала поблескивает очками полковник Андреев.

— Кто наведенец у Оленина? — спрашивает генерал.

— Лейтенант Кириллов, — отвечает полковник.

— Зрелый ракетчик?

— Романтик... По уши влюблен в электронику.

— Похвально. Ракетчик без любви к технике — что скрипка без струн. — Генерал достает из кармана миниатюрную табакерку, открывает ее, берет щепотку табаку и нюхает. С аппетитом чихает. — Пригласите представителя мишенной эскадрильи.

Полковник Андреев выходит за дверь и тут же возвращается с лейтенантом Филиным. Филин четко докладывает:

— Товарищ генерал, штурман эскадрильи управляе-

мых мишеней лейтенант Филин прибыл по вашему приказанию.

— Я вас вызвал, — говорит генерал, — чтобы вы лично объяснили командиру ракетного полка о «сюрпризах», которые приготовили для предстоящих стрельб.

— Можно объяснять?

Генерал утвердительно кивает и бросает хитрый взгляд на Андреева.

Филин достает из кармана маленький самолетик и подходит к рельефной карте:

— Управляемые по радио мишени подойдут к полигону с неожиданной стороны... Допустим, вот отсюда, — проносит над краем карты самолетик, — будут разные варианты маневра по высоте и курсу. Например, один: при очень большом потолке и скорости. — Самолетик в руке Филина стремительно проносится над картой.

Полковник Андреев нетерпеливо поводит плечами и перебивает Филина:

— Вы б еще по ракетам заставили нас стрелять!

— Нет, товарищ полковник, — виновато улыбается Филин. — Скорость наших мишеней уступает скорости ракет.

— Слава богу, — хмыкает Андреев.

— Будет и такой вариант, — продолжает Филин, делая над картой эволюции самолетиком. — Цель подойдет к зоне ракетного огня на большой высоте, а затем получит команду спикировать и пронестись впритирку над полигоном.

— Но в боевых условиях противник не знает, где начинается, а где кончается зона действий ракет, — замечает Андреев.

— Верно, — соглашается Филин. — Поэтому мы и предупреждаем, что, если ракетчики допустят хоть малейший просчет, они не обстреляют цели. Пропустят.

— Товарищ генерал, — полковник Андреев встревожен. — Я не совсем понимаю: нам предстоит боевая стрельба согласно программе обучения или мы на сей раз должны быть подопытными кроликами изобретателей из мишенной эскадрильи?

Генерал смеется, машет на Андреева рукой и отвечает:

— Зато в самых сложных условиях проверите боевые возможности комплексов и выучку расчетов... — Он опять достает табакерку, нюхает табак. Смачно чихает в платок и протягивает табакерку Филину.

— Не употребляю, но ради любопытства... — Филин берет щепотку табаку, нюхает, морщит нос, но не чихает.

— Предупредите о «сюрпризе» Оленина и Кириллова, — говорит генерал Андрееву.

— Кириллов будет стрелять? — насторожился Филин.

— Да, — генерал удивлен. — А почему вы встревожились?

— Однокашник мой по училищу. Не хотел бы подводить его, — отвечает Филин.

— Неужели так убеждены в неуязвимости мишеней? — озабоченно спрашивает Андреев.

— Убежден, — уверенно отвечает Филин.

А в фойе клуба продолжаются танцы. Кружатся в вальсе лейтенант Самсонов и Аня, Семен и девушка-солдат. Танцует с Еленой Дмитриевной сумрачный Кириллов.

Раздается звонок, зовущий в зрительный зал. Музыка умолкает.

Во входных дверях появляется лейтенант Филин. Он ищущими глазами осматривает фойе и вдруг, открыв рот, начинает комично морщить нос.

— Апчхи!.. Апчхи!..

Филин зажимает нос платком, обливается слезами и продолжает под насмешливыми взглядами неудержимо чихать.

К нему спешит, проталкиваясь сквозь устремившийся в зал людской поток, Аня.

— Вот злой табачище! — оправдывается перед ней Филин, вытирая платком слезы. — Генерал угостил.

— Запоздалая реакция? — грустно улыбается Аня.

Филин внимательно смотрит на нее и спрашивает:

— А ты почему такая кислая?

— Голова дико разболелась...

— А где Ваня?

— Потом все расскажу... — Аня прячет глаза. — Поедем, Вася, домой. Прошу тебя.

— Поедем... — протяжно отвечает Филин и растерянно разводит руками.

Иван Кириллов не отрывает изумленного взгляда от

Ани и лейтенанта Филина. Он порывается к ним, но ему преграждают путь толпящиеся у входной двери в зал солдаты, сержанты, офицеры.

...В свете уличных фонарей появляются вышедшие из клуба лейтенант Филин и Аня. Они направляются к стоящему недалеко «газику». Филин усаживается за руль. Аня — рядом с ним.

«Газик» трогается с места и едет по асфальтовой дороге к контрольно-пропускному пункту.

У дверей клуба стоит лейтенант Кириллов и смотрит вслед удаляющейся машине...

Падает под колеса «газика» ночное, освещенное фарами шоссе. Машина мчится на большой скорости.

— Что же случилось? — спрашивает Филин у Ани, не отрывая взгляда от дороги.

— Ты давно встречался с Ваней? — будто с усталостью отвечает вопросом на вопрос Аня.

— Месяцев восемь-десять назад... Мы же в разных частях служим.

— Он женился...

— Не может быть! — Филин так потрясен, что управляемая им машина завиляла по шоссе.

...Вслед за «газиком» несется мотоциклист. Это Иван Кириллов. Сумрачно смотрят на красные огоньки мигающих впереди стоп-сигналов его глаза. Козырек фуражки низко надвинут на лоб.

— Дела, — протяжно говорит за рулем Филин. — После стрельб выясним... Прибежит ко мне, не выдержит. Нам ученые такую новинку приготовили... Ни одной мишени их ракеты не собьют.

— Все это уже не имеет значения, — с жалкой улыбкой отвечает Аня.

«Газик» теперь едет по городской улице. За ним неотступно следует на мотоцикле лейтенант Кириллов.

«Гастроном» — крикливо светится на здании надпись. Ярко освещены витрины.

Возле «Гастронома» машина тормозит. Филин и Аня выходят из нее и скрываются в дверях магазина.

Останавливает поодаль мотоцикл Иван Кириллов.

Сквозь витрину «Гастронома» он видит, как Филин и Аня рассматривают прилавок с винами. Затем Филин подходит к кассе, платит деньги, получает чек.

Кириллов возвращается к мотоциклу.

Из «Гастронома» выходит, неся в руках завернутую бутылку с вином, Аня, а за ней Филин. Они садятся в машину и уезжают.

Кириллов заводит мотор мотоцикла и несется вслед за ними...

На тихой улочке, возле четырехэтажного дома, «газик» останавливается. Аня и Филин выходят на тротуар. Закрыв машину, Филин берет Аню под руку и ведет в подъезд.

Тормозит мотоцикл Кириллова. Иван горячечным взглядом провожает Аню и Филина. Дверь подъезда захлопнулась...

Запрокинув голову, Кириллов смотрит на окна дома. Видит, как в одном окне вспыхивает свет.

...От выключателя опускается маленькая женская рука. Аппарат отъезжает, и мы видим Тоню — институтскую подругу Ани. Она сидела в столовой у телевизора и сейчас, когда в передней послышался шум, включила свет и, застегнув халат, спешит навстречу вошедшим.

— Малыши уже спят? — спрашивает Аня, подавая Тоне бутылку с вином.

— Еле усмирились, — жалуется Тоня, вопросительно глядя то на мужа, то на подругу.

— Можно, я посмотрю? — и Аня, видя, что Тоня не возражает, на цыпочках идет в спальню.

В двух кроватках, стоящих встык, сладко и безмятежно спят мальчики-близнецы. Аня рассматривает их с грустной нежностью. В полутьме видно, как ее глаза наливаются слезами.

Кириллов, с трудом оторвав от светящегося окна обезумевшие глаза, дает газ, включает скорость, и мотоцикл бешено уносит его в темень улицы...

А в полковом клубе продолжается концерт. Зал переполнен. В одном ряду напротив бокового выхода сидят Семен Лагода, Юрий Мигуль, старшина Прокатилов, лейтенанты Маюков и Самсонов. Они лениво аплодируют кому-то и переговариваются.

— Юра, мне, кровь из носу, надо срочно с какой-нибудь девушкой познакомиться, — озабоченно говорит Семен.

— Почему срочно?
— Надо глаза нашим лейтенантам намозолить.
— А ты с врачихой. — Юра ехидно ухмыляется.
— Хватит! — Семен не замечает иронии друга. — Ее надо остерегаться, как комендантского патруля на улице.
— Во! Люблю здравые рассуждения, — Юра хмыкает и толкает Семена локтем под бок.
На сцену выходит конферансье.
— Солистка окружного ансамбля Полина Ячиченко! — объявляет он.
На сцене появляется молоденькая актриса в сверкающем подвенечной белизной платье. Лицо ее отмечено той странной и дикой красотой, которая нередко встречается на юге Украины: аспидно-черные, по-монгольски чуть раскосые глаза, над которыми круто взметнулись надломленные брови, пухлые губы. Она улыбается, раскланивается, смотрит на сестру (Елену Дмитриевну), сидящую в первых рядах, слегка кивает ей головой.
— Лирическая песня «Солдатская невеста»! — объявляет конферансье.
— Хе! Солдатская! — ухмыляется Маюков. — Такая и офицеру не по зубам.
— И где рождаются такие красивые? — вздыхает Самсонов.
Раздаются вступительные аккорды рояля, и Полина начинает петь. Ее песня, вначале легкая, еле уловимая, постепенно набирает силу и заставляет трепетно биться сердца слушателей. Трогательно-чистый голос певицы стыдливо рассказывает о верной любви девушки к парню, который где-то на холодном и далеком краю земли сторожит покой страны. Какая-то мучительная нежность, детская непосредственность и теплота, которыми насыщен голос певицы, заставляют думать, что она и есть та самая влюбленная девушка, тоскующая по милому.
Зал будто перестал дышать. Мечтательно смотрит на певицу лейтенант Самсонов. Сияют восторгом глаза Маюкова. Едва шевелятся от волнения губы Прокатилова.
Семен Лагода и Юрий Мигуль тоже слушают песню так, будто утоляют страшную жажду: на лицах солдат восторг и необыкновенная нежность, стыдливая нежность ко всем девушкам на свете.
Взволнованно лицо Елены Дмитриевны, слезы тума-

нят ей глаза: она растрогана и ошеломлена успехом сестры.

Умолкает последний аккорд, и зал вкладывает все свои чувства в аплодисменты.

— Ракетчики на отдыхе! Солдатский перепляс! — объявляет конферансье.

С двух сторон вылетают на сцену с гармошками лихие парни в солдатской одежде. Начинается много раз виденное, но неизменно волнующее состязание ловких и веселых ребят...

Юрий Мигуль случайно обращает внимание на боковую дверь, в которую кто-то вошел, и замечает, что в фойе прогуливается певица Полина Ячиченко.

— Мне надо выйти, — шепчет он Семену и, согнувшись, пробирается к дверям.

Пустынное фойе полкового клуба. Притушены люстры. Дремлют на стенах огромные картины в массивных рамах. Сюда доносится приглушенный шум зрительного зала.

Открывается дверь, и из зала, откуда выплеснулся шум, выходит Юрий Мигуль. Не сдерживая плутоватой улыбки, он осматривается и видит Полину. Она уже переодета в скромное платье, на плечи накинут пуховый шарфик. Девушка остановилась перед картиной, на которую падает свет дежурной люстры, и внимательно рассматривает полотно.

Юра некоторое время наблюдает за ней, затем одергивает на себе гимнастерку, поправляет на груди спортивные значки.

— Разрешите представиться, — обращается он к девушке с напускной смелостью. — Юрий Мигуль!

Полина смотрит на Юру с недоумением.

— Вам не скучно одной?

— Наоборот. После концерта я люблю быть только одна, — и Полина снова начинает рассматривать картину.

— Извините, — Юра обескураженно улыбается и отходит в сторону.

А на сцене в разгаре перепляс. В зал тихо возвращается Юрий Мигуль и садится на свое место рядом с Семеном Лагодой.

— Сеня, поздравляю! — шепчет Юра. — Ты приглянулся артисточке.

Семен, повернувшись к Юре, с недоумением хлопает глазами.

— Прогуливается в фойе. Я подошел, спрашиваю, как ей здесь нравится. А она отвечает: очень славные ребята. А один, говорит, тот, который с шевелюрой, — глаз нельзя оторвать от него!

— Ври больше, — отмахивается Семен.

— Не веришь? Говорит мне: прогуляйтесь со мной, а то одной скучно. А я вспомнил, что тебе надо познакомиться с девушкой, и убежал.

— Перестань трепаться!

— Серьезно тебе говорю!.. Если не хочешь идти, я опять пойду, — и Мигуль порывается с места.

Семен удерживает Юру за руку, испытующе смотрит ему в глаза.

— Если врешь... — и Семен, показав Юре кулак, уходит из зала.

Когда за Семеном закрылась дверь, Юра, не сдерживая смеха, шепчет что-то на ухо старшине Прокатилову. Тот слушает с веселым интересом, потом передает новость Самсонову. Лейтенант Самсонов довольно хохочет и тихо рассказывает о проделке Мигуля Маюкову. Все, предвкушая поражение Лагоды, с нетерпением посматривают на дверь.

А Семен уже описывает круги по фойе. Ему хочется подойти к девушке, но он робеет. Ведь не простая девушка — актриса!

Полина останавливается перед картиной «Сватовство майора».

Семен наконец решается. Поправляет шевелюру, одергивает гимнастерку и, остановившись рядом с девушкой, начинает с преувеличенным интересом рассматривать картину.

— Между прочим, — бойко замечает Семен, — автор этой картины тоже был военным человеком.

Полина, скользнув по Семену беглым взглядом, продолжает смотреть на полотно.

— Федотов его фамилия, — не сдается Семен. — Павел Андреевич. Выдающийся живописец, основатель демократического, сатирического, обличительного жанра в русском искусстве. Едко высмеивал язвы крепостничества, нравы дворян и купцов. Его картины отличаются глубоким психологизмом...

— Почему же вы не слушаете концерт? — холодно перебивает его Полина.

— А мне после вашего выступления ничего больше не интересно, — льстит Семен напрямик.

Полина взглянула на ефрейтора с сомнением.

— Тем более, — продолжает он, — что такие фамилии, как ваша, у нас в каждом селе есть.

— А вы откуда? — В мягком голосе Полины послышалась заинтересованность.

— Из Винничины, — с готовностью отвечает Семен.

— Ой! — с радостным удивлением восклицает Полина. — И я винничанка! Я из Немирова.

— Из Немирова? — Семен даже задохнулся от избытка чувств. — Так это же в двух шагах от моей Чижовки!

— Вы из Чижовки?! — Полина смеется восторженно, по-девчоночьи. — В нашу школу девчата из Чижовки ходили. Надю Лагоду знаете? У нее брат Семен...

Семен потрясен еще больше. Он во все глаза смотрит на Полину, шевелит губами, силясь что-то сказать. Наконец шепчет:

— Ты... вы... Полюнька Трохимова?.. Так я ж...

— Сенька!.. — Полина бросается Семену на шею. — С ума можно сойти!..

— Антракт! — объявляет конферансье.

В зрительном зале вспыхивает свет. Публика встает, заполняет проходы.

Из дверей зрительного зала выливается в фойе публика. В толпе солдат выходят Юрий Мигуль и старшина Прокатилов. Юрий вдруг устремляет перед собой крайне удивленный взгляд, трагикомическим жестом хватается рукой за сердце и шепчет:

— Хлопцы!.. Держите меня, а то сейчас врежу дуба!

Солдаты и Прокатилов замирают на месте и, потрясенные, смотрят на... Семена Лагоду, который под руку с Полиной прохаживается по фойе — гордый и недоступный, делая вид, что никого не замечает.

Полина оживленно о чем-то ему рассказывает, заразительно хохочет.

Застыли у колонны Самсонов и Маюков. Они смотрят на Семена и Полину так, будто не верят своим глазам.

— Ущипни меня, Маюков, — растерянно шепчет Самсонов.

— Нет, друг мой, это не сон, — отвечает Маюков. — Это все та же загадка человеческого характера... Как он ухитрился, стервец?!

— Когда ты успела вырасти? — с удивлением спра-

шивает Семен у Полины. — Я тебя помню пигалицей с двумя косичками.

— Сам ты пигалица. Я ж три года потом в Киеве жила! Училась.

— Я тоже собираюсь на учебу. В офицерское училище.

— Сеня, — Полина вдруг делается озабоченной, — Лене надо уходить, а мы с тобой и не поговорили.

— Ну давай еще встретимся, — предлагает Семен.

— Давай, — соглашается Полина. — А знаешь что? — Она засматривает ему в глаза. — Мы завтра уезжаем с концертами в другие части, а через три недели вернемся. Тогда и встретимся. Хорошо?

Со стороны завистливо смотрит на Семена и Полину Юра Мигуль, проводит рукой по своей стриженой голове, тяжко вздыхает...

Затемнение.

Полигон...

Трепещет на верхушке мачты красный флажок...

На обвалованных позициях стынут на пусковых установках под пронизывающим ветром хищные, серебристые тела зенитных ракет. Дремлют заиндевелые фургоны — кабины станции наведения.

Аппарат панорамирует, и мы замечаем холмики над бункерами командного пункта. Над ними выставили округлые головки перископы.

В недалекой низине приютились машины-вездеходы и тягачи с прицепами для транспортировки ракет.

И больше не на чем остановиться взгляду. Кругом голая, чуть всхолмленная степь, прихваченная первым морозцем. Холодное безмолвие под дымчато-голубым небом.

Тепло и светло в просторном помещении укрывшегося под железобетонными сводами командного пункта.

На раскладном стульчике, повернувшись к свисающей с серого потолка электрической лампочке, сидит полковник Андреев и, поблескивая очками, читает «Красную звезду». Рядом прохаживается знакомый нам генерал. Он посматривает на размещенные вдоль стен выносные индикаторы, планшеты воздушной обстановки и управления самолетами и огнем, графики, таблицы и напевает.

В бездверный проем заглядывает лейтенант Кириллов. Он в шинели, в ушанке; видно, что забежал со стартовых позиций. Заметив генерала, пытается улизнуть куда-то в глубину, но это ему не удается.

— Наведенец?! — заинтересованно спрашивает генерал.

Исчезнувший было в сумрачном проходе Кириллов опять появляется в полосе света.

— Так точно! — докладывает он. — Лейтенант Кириллов. Ищу инженера.

— Был, да наверх сплыл... А зачем вам инженер? — с веселым любопытством спрашивает генерал. — Я слышал, что у вас каждый оператор может инженера заменить.

— Ну, не инженера, но за пультом наведения некоторые работать могут.

— Ой, хвастаетесь, лейтенант! — Генерал достает табакерку, нюхает прямо из нее и крякает от удовольствия.

— Не хвастаюсь, — с уверенностью отвечает Кириллов.

— Придется проверить, — с сомнением качает головой генерал, бросив взгляд на полковника Андреева. И тут же протягивает Кириллову табакерку: — Угощайтесь!

— Не привык, — отказывается Кириллов.

— Ну, ради любопытства. Тут все нежные ароматы земли!

Кириллов деликатно берет щепотку табаку.

— Больше, больше! — подбадривает его генерал. — Иначе не продерет.

Кириллов зажимает между пальцами побольше коричневого порошка и поочередно заправляет им ноздри... Силится чихнуть, но у него не получается.

В это время в укрытие заходит майор Оленин. Андреев, оторвав глаза от газеты, спрашивает у Оленина:

— Порядок?

Оленин утвердительно кивает.

— Как регламенты? — интересуется генерал.

— К концу, — отвечает Оленин.

— Оценка?

— Стараемся...

Генерал обводит офицеров добродушным взглядом, понимая, что сковывает их своим присутствием, потом говорит:

— Считайте, что меня здесь нет.

— Дивизион готов... — недоумевает Андреев.

— Но я не знаю, когда появятся цели, — усмехается генерал. — Может, сейчас, а может, ночью. Так что занимайтесь по распорядку дня.

— Ясно, — коротко бросает полковник Андреев.

Среди голой степи виднеются несколько сборнощитовых домиков и ангаров. Это стартовая позиция самолетомишеней. Похожие на реактивные истребители, три мишени, вздыбив под углом носы вверх, стоят наготове на пусковых установках.

Закончив предстартовую подготовку, убегают в укрытие солдаты — все в шлемофонах, в темных комбинезонах.

В штурманской кабине за пультом управления — лейтенант Филин. Лицо его спокойно и сосредоточенно. Рядом с ним сидят еще два штурмана. Перед каждым — приборный щит для управления мишенью. На щите виднеются кнопки с надписями: «Кабрирование», «Пикирование», «Левый разворот», «Правый разворот». Здесь и рычаги управления мощностью двигателя и положением щитков.

— Напоминаю задачу, — строго обращается Филин к своим соседям. — В зоне ракетного огня непрерывно делать эволюции. Маневренные возможности использовать до предела и максимум помех. Надо постараться уклониться от ракет и совершить посадку мишеней.

Филина прерывает голос командира эскадрильи, зазвучавший из динамика:

— Старт первой разрешаю. Готовность двадцать секунд!

Колючими глазами впивается Филин в секундную стрелку часов, вмонтированных в приборный щит, кладет указательный палец правой руки на кнопку. «Старт».

— Старт! — резко звучит в динамике.

Филин энергично нажимает на кнопку, и тотчас же все содрогается от оглушительного грохота.

На стартовой позиции. Крайняя мишень, выбрасывая из сопла мощную огненную струю, срывается с направ-

ляющей рамы пусковой установки и круто взмывает в небо...

Новый удар грома!.. Уходит стрелой ввысь вторая мишень... И только утонула она в голубом океане неба, как стартовая позиция вновь содрогается от мощного взрыва: третья мишень тоже стартовала...

В кабине у индикатора кругового обзора сидит майор Оленин. Красивыми, почти изящными движениями он поочередно поворачивает регулировки, подстраивает яркость пробегающей развертки, затем, повернувшись к Кириллову, энергично командует:

— Дивизион, готовность номер один!

В глубине кадра в кабину наведения заходят генерал и полковник Андреев. Они сейчас в роли пассивных, но пристрастных наблюдателей...

У пультов с электронной аппаратурой — расчет операторов. Слышится мерный гул включенных двигателей и вентиляторов.

Лейтенант Кириллов нажатием кнопки вверху включает станцию, затем вращает регулировки. Перед ним на панелях загораются десятки лампочек, вспыхивает голубым светом экран локатора.

Замерли на своих местах операторы. Ближе к Кириллову сидят Семен Лагода и Юрий Мигуль.

— Поиск! — приказывает майор Оленин.

— Есть поиск! — повторяет Кириллов и, устремив взгляд на экран, вращает маховики.

И тут случается непредвиденное: Кириллов вдруг морщит нос, потешно кривит лицо.

— Апчхи! — неожиданно оглушает он всех. — Апчхи-и!

— Будьте здоровы! — с усмешкой говорит генерал.

С тревогой смотрит на лейтенанта полковник Андреев. А Кириллов, зажимая нос платком, все чихает и чихает — звонко, по-бабьи, с упоением.

— Азимут сто сорок три! — слышится настороженный голос майора Оленина.

Кириллов продолжает чихать. Экран перед ним расплывается в голубое бесформенное пятно.

— Лейтенант, вы убиты, — дает вводную генерал.

В кабине наведения наступает гробовая тишина.

— Разрешите... — порывается к пульту управления полковник Андреев.

— Вас здесь нет, — останавливает его генерал.

— Разрешите, — подает голос Оленин.

— И вас нет, — отвечает ему генерал. — Только операторы.

Кириллов, зажав лицо платком, растерянно смотрит то на генерала, то на полковника. Нерешительно поднимается со своего места, кидает быстрый взгляд на Семена Лагоду и, продолжая чихать, обращается к Оленину:

— Разрешите?..

— Ефрейтор Лагода, к пульту наведения! — резко командует Оленин.

Семен оторопело хлопает глазами и тут же, уступив свое место кому-то из товарищей, садится за пульт наведения.

— Слушай мою команду!.. — звучит надтреснутый голос Семена Лагоды.

— Азимут сто сорок восемь! — передает Оленин. — Дальность... Высота...

Семен замечает на экране белую пульсирующую точку и восклицает:

— Есть цель! — Он уверенно крутит штурвалы, «подгоняя» метку к цели. И тут же приказывает операторам: — Взять цель!

Высветился экран перед Юрием Мигулем. Он нервничает. Рывком крутит штурвалы, и белая точка стремительно плывет по экрану, перескакивает горизонтальные метки.

— Есть ручное сопровождение! — первым докладывает солдат, заменивший Семена.

Наконец и Юра поймал белую точку в перекрестие меток.

— Взять на автоматическое!

— Есть автоматическое! — слышатся голоса операторов.

И вдруг на экране Мигуля импульс от мишени исчезает.

— Срыв сопровождения! — испуганно докладывает Юра.

— Срыв! — вторит его сосед.

Нервно ерзает на стуле полковник Андреев.

Испуганны залитые слезами глаза Кириллова.

Сурово сдвинул седые брови генерал. Его лицо неподвижно, но заметно, что генерал волнуется. На его лбу вспухают бисеринки пота.

— Всем операторам!.. Выдерживать маховиками скорость сопровождения! — спокойно приказывает Семен. Он вращает штурвал и неотрывно всматривается в экран.

Вдруг на краю экрана индикатора Лагода замечает засвеченное пятно.

— Цель на развороте. Помехи! — докладывает он чуть охрипшим голосом.

— Есть цель! — обрадованно восклицает Юрий Мигуль и вращением штурвалов вводит засвеченное пятно, в котором пульсирует яркая точка, в перекрестие меток.

Раздается команда Оленина:

— Определить исходные данные для стрельбы!

Ракетная позиция. Шелохнулись на пусковых установках ракеты. Плавно и неотвратимо приподнимаются они вверх в направлении далеких и невидимых целей...

Снова кабина. У экрана индикатора кругового обзора майор Оленин. Он внимательно следит за разверткой...

— Цель уничтожить! — почти торжественным голосом приказывает Оленин, повернув голову к Семену Лагоде.

Генерал, неотрывно следя за Семеном, вытирает платком взмокший лоб.

Семен держит руку на кнопке «Пуск».

— Внимание! — Голос его звучит резко и властно. — Первая... пуск! — И нажимает кнопку.

Ракетная позиция сотрясается от оглушительного грохота. Ракета резко срывается с направляющей стрелы и с отдаляющимся рокотом, оставляя за собой огненный шлейф, уносится в немыслимую высоту.

Все выше и выше бушующее пламя ракеты. Ракета несется наперехват чуть заметной в глубине голубого неба белой точке, которая вдруг начинает описывать крутой разворот.

Но электронный мозг бдительно следит за полетом ракеты и за целью. Вот клубочек огня все ближе и ближе к белой точке... И наконец — яркая вспышка... Она тонет в образовавшемся белом облачке, из которого начинают неуклюже вываливаться горящие обломки...

На ракетной позиции опять гремит удар грома, и в небо уносится вторая ракета. Кажется, это летит, поблескивая в лучах солнца, звезда с огненным хвостом.

Еще взрыв!.. Стартовала третья ракета. Пусковые установки заволокло дымом и тучей взвихренного снега. А ракеты все выше и выше...

В штурманской кабине по управлению целями — самые напряженные минуты. Лейтенант Филин впился обеспокоенным и недоумевающим взглядом в экран индикатора, на котором отчетливо видно, как сближаются две белые точки — мишень и ракета. Ракета уверенно идет наперехват цели.

— Вот это работа! — с невольным восторгом замечает Филин.

И тотчас нажимает кнопку «Пикирование». Белая отметка мишени начинает послушно плыть к боковому срезу экрана. Филин крутит штурвалы, чтобы не упустить ее, но видит, что и отметка от ракеты тоже изменила курс. Еще мгновение, и обе точки встретились... Не слышно в штурманской кабине, как где-то, за много километров, на очень большой высоте прогрохотал взрыв. А на экране вспыхнуло белое пятнышко с яркими блестками.

— Все! — устало и как-то виновато проговорил Филин, выключая радиоаппаратуру. — На таких ракетчиков и мишеней не напасешься...

Из дымного облака в небе падают горящие обломки самолета-мишени. Они все ниже и ниже к земле...

По степи несется табун испуганных сайгаков...

С пронзительным воем врезаются в землю исковерканные куски металла. Из недалекой вымоины, заросшей колючим кустарником, выскакивает потревоженный волк и устремляется в степь...

Ошалевший от страха зайчишка мечется между дымящимися обломками...

На командном пункте полигона — веселое оживление. Во весь рот улыбаются полковник Андреев и майор Оленин, глядя на лейтенанта Кириллова, который, вытянувшись в струнку, смущенно докладывает генералу:

— Товарищ генерал, все цели поражены! Расход — три ракеты!..

— Поздравляю, товарищ лейтенант! — Генерал протягивает Кириллову руку.

Но тот воспринимает поздравление как насмешку, молчит. Наконец произносит:

— А меня за что?.. Вот его надо, — и указывает на стоящего рядом Семена Лагоду.

— Как «за что»?! — искренне изумляется генерал. — Стоило вам только чихнуть, и все цели как корова языком слизнула!

В бункере прокатывается смешок.

— Представляю, что было бы, если б вы сами сидели за пультом наведения! — продолжает он и берет руку Кириллова. — Нет, без шуток поздравляю!.. Так подготовить операторов!.. — Генерал кивает на Семена. — Да при такой выучке муха в небе не пролетит!.. — И обращаясь к Семену: — Верно?

— Так точно! — улыбается Семен Лагода.

— Вы посмотрите на него! — восклицает генерал и достает из кармана табакерку. — Он сухой, а я мокрый!.. А что было бы, — генерал нюхает табак, — если б он пульнул ракетами мимо целей? Ведь надо мной тоже начальство есть... Нет, молодой человек, вам прямая дорога в ракетное училище! — И он протягивает Лагоде табакерку.

Семен с готовностью берет щепотку табаку.

— Уже написал рапорт, — говорит он и заправляет табак в ноздри, глубоко вдыхая воздух.

— Молодец! — хвалит его генерал. — Только шевелюру надо укоротить. У солдата нет лишнего времени с такими кудрями нянчиться.

— Врач приказала волосы не укорачивать, — оправдывается Семен и роется в нагрудном кармане гимнастерки. — Вот.

Генерал читает справку и вдруг начинает смеяться.

— Кому предъявляли эту бумажку?

— Старшине, — отвечает Семен.

— Видать, старшина не силен в латыни. — Генерал передает справку полковнику Андрееву. — Здесь написано, милый мой, что вас надо лечить от симуляции. Ясно?

Семен в крайнем замешательстве.

— Подстригитесь сразу же, как вернемся в часть, — приказывает ему Андреев.

— Есть подстричься!

В бункере прокатывается смешок офицеров.

— Командуйте дивизиону построение, — приказывает генерал Андрееву. — Буду благодарить всех перед строем.

— Есть!

Все покидают командный пункт.

Последними толпятся в выходе Кириллов и Лагода.

Вдруг в углу, где у телефона дежурит солдат, раздался зуммер.

— Лейтенанта Кириллова к телефону! — зовет телефонист.

Кириллов подходит к аппарату, берет трубку. Задерживается здесь и Семен Лагода.

Штурманская эскадрильи управляемых мишеней. У телефона сидит лейтенант Филин.

— Кириллов? — спрашивает он в телефонную трубку. — Здравствуй, Ваня!.. Не узнаешь?

— Нет, не узнаю, — раздается из трубки голос Кириллова.

— Вася Филин говорит.

— А-а, ясно...

— Здорово ты срезал мои мишени! Поздравляю!

Командный пункт полигона.

— Не по адресу! — И Кириллов, сунув трубку в руку Семена, уходит.

Семен растерянно смотрит вслед лейтенанту.

А из трубки доносится:

— Алло!.. Алло!.. Плохо слышу!.. Алло!..

— Слушаю, — отвечает Семен.

— Ты не скромничай, — слышится голос Филина. — Все три мишени сбил?

— Ну, сбил, — подтверждает Семен.

— Молодец!.. Чего ты молчишь?

— А о чем говорить? — Семен пожимает плечами.

— Скажи честно: ты женился?

— Нет, холостой, — с готовностью отвечает Семен.

— Холостой?.. А за кем в клубе волочился?

— Да то я с землячкой. — Семен конфузливо улыбается.

— Эх ты, — журит его Филин, полагая, что разговаривает с Кирилловым. — А Ане кто-то трепанул, что она твоя жена.

— Нет, какая жена!.. — У Семена глаза вдруг лезут на лоб. Он широко раскрывает рот, морщит нос и, бросив трубку на стол, начинает безудержно чихать.

Штурманская эскадрильи управляемых мишеней. Лейтенант Филин, не подозревая, что его не слушают, продолжает разговор:

— Аня же из-за тебя приехала! Я умышленно не предупреждал: хотел сюрприз тебе преподнести, а получилась чепуха! Но дело поправимое. В субботу у Ани новоселье. Слышишь? Там, в вашем городке. Приходи к ней в пять вечера. Мы тоже с Тоней придем.

Командный пункт полигона. Семен Лагода, еще раз чихнув, вытирает платком слезы и хватает трубку.

— Будь здоров! — слышит он голос Филина.

— Привет, — отвечает Семен и, пожав плечами, кладет трубку.

Ошалело смотрит на телефониста, затем спрашивает:

— Кто это звонил?

Телефонист с недоумением разводит руками.

Скромно обставленная, еще не обжитая однокомнатная квартира Ани.

— Есть над чем поработать! — довольно потирает руки лейтенант Филин, наблюдая, как Аня и Тоня заканчивают накрывать стол.

— А вдруг он не придет? — с испугом спрашивает Аня, глядя на Филина.

— Придет! — Филин смотрит на часы. — Я ему по телефону втолковал все подробно. Сейчас появится.

У входной двери раздается звонок.

— Люблю точность! — весело восклицает Филин и выталкивает оробевшую Аню в прихожую. — Иди встречай, да для начала намни ему уши за землячку.

Дрожащей рукой Аня открывает дверь и вдруг видит перед собой мило улыбающуюся жену командира полка Елену Дмитриевну, которая держит в руках какой-то сверток.

На лице Ани смятение.

— Извините, что без приглашения, — слышится из коридора голос полковника Андреева.

Андреев появляется рядом с женой.

— Разведка донесла, что здесь новоселье, вот мы и решили нанести визит.

— Заходите, пожалуйста, — опомнилась Аня.

Елена Дмитриевна несколько смущена холодным приемом хозяйки. С чувством неловкости заходит в прихожую. За ней — полковник Андреев.

— Раздевайтесь. Я очень рада. — Глаза Ани засветились радостью: она наконец поняла, чья жена Елена Дмитриевна.

Андреев помогает жене снять пальто, затем раздевается сам.

— Это вам на новоселье. — Елена Дмитриевна развертывает бумагу и протягивает Ане куклу-неваляшку.

— Зачем?.. Спасибо. — Аня со смущением принимает подарок.

В комнате чета Андреевых здоровается с Филиным и Тоней.

— Насколько я понимаю, Анна Павловна, — говорит Андреев, пожимая Тоне руку, — это и есть институтская подруга.

— Да, — подтверждает Аня. — А это ее муж.

— Мы знакомы. — Андреев подает руку Филину и лукаво спрашивает: — А где же... Не вижу тут одного нашего офицера.

— Опаздывает, — отвечает Филин.

— Опаздывает? — удивляется полковник Андреев. — Ракетчики не опаздывают. — И он подходит к телефонному аппарату, стоящему на окне, снимает трубку.

Знакомая комната в общежитии офицеров-холостяков.

Лейтенант Маюков, как и прежде, колдует над разобранным блоком какого-то электрического устройства. В одной его руке паяльник, во второй — полупроводниковая лампа.

Кириллов и Самсонов, пристроив на углу стола клетчатую доску, играют в шахматы. Дремотная тишина и спокойствие царят в комнате.

Самсонов тянется за лежащими на окне сигаретами и замечает, что мимо дома по тротуару торопливо проходит Семен Лагода: подтянут, в хорошо подогнанной шинели, в сверкающих сапогах.

— Куда это наша краса и гордость направляется? — с доброй насмешкой спрашивает Самсонов.

Кириллов бросает взгляд в окно.

— А-а, рыбачок-счастливчик. На автобус, в город едет. — Иван тоже берет сигарету, разминает ее пальцами. — Получил письмо от актрисули.

— Любовь с первого взгляда? — интересуется Маюков.

— Нет, — отвечает Кириллов. — Землячкой его оказалась.

Раздается телефонный звонок. Иван Кириллов, не отрывая глаз от шахматных фигур, лениво протягивает руку к стоящему на столе аппарату, снимает трубку.

— Лейтенант Кириллов, — говорит вялым голосом.

Услышав какие-то слова в трубке, вскакивает, будто его укололи, валит на шахматной доске фигуры.

— Есть! — восклицает он и, бросив на аппарат трубку, кидается к шкафу, достает китель.

Не говоря ни слова, засуетились Самсонов и Маюков. Они, как и Кириллов, одеваются с необыкновенной быстротой.

— А вы куда? — вдруг опомнился Кириллов, когда все, надев шинели, устремились к дверям.

— Как куда? — удивляется Маюков. — Тревога ж!

— Какая тревога? — хохочет Кириллов. — Мне... Лично мне полковник приказал через пять минут явиться в седьмую квартиру третьего корпуса.

— В седьмую? — озадаченно переспрашивает Самсонов. — Туда же вчера Анна Павловна переехала!..

В квартире Ани гости рассаживаются за стол. Нет только Кириллова.

Полковник Андреев смотрит на бутылки и, не скрывая огорчения, говорит:

— Ракетчикам можно только по рюмке сухого. По одной.

— Вы же не на боевом дежурстве, товарищ полковник! — с мольбой в голосе восклицает Филин.

— Этим и отличается наша профессия. Раз в военном городке — значит, на службе, на посту. Неважнецкая профессия, — Андреев переставляет коньяк к Филину.

В прихожей раздается звонок. Филин и Аня кидаются открывать дверь.

Иван Кириллов стоит перед дверью и стряхивает с фуражки мокрый снег. Дверь открывается. Он видит перед собой Аню, а за ее спиной — лейтенанта Филина.

Глаза Кириллова сверкают негодованием, нервически подрагивает ус.

— Ну давай, давай! — торопит его Филин и, выскочив в коридор, силой затаскивает Ивана в прихожую. — Стыд и позор! Ракетчик опаздывает!

Сквозь раскрытую дверь Кириллов смотрит в комнату, видит Тоню, Андреева, Елену Дмитриевну. Некоторое время брови его хмурятся, но вдруг на лице мелькает подобие улыбки...

— Снимай шинель, Ваня. — Аня помогает ему расстегнуть пуговицы шинели...

Дует сырой, пронизывающий ветер. Мечутся в воздухе снежинки.

По бульвару молча идут, улыбаясь каким-то своим мыслям, Семен и Полина.

— Чудно, — нарушает молчание Полина, плотнее запахивая шубейку из искусственного волокна. — Помнишь, как ты меня когда-то столкнул в речку прямо в платье?

— Помню, — виновато улыбается Семен. — Всех девчонок искупали.

— Я тогда почти ненавидела тебя. А сейчас встретилась как с родным. Вот что значит далекий край.

— Край земли, — глубокомысленно изрекает Семен. — Граница рядом. А чем ближе к границе, люди должны быть теснее друг к другу, — и неловко берет Полину за руку.

Полина видит горящую светом рекламу кинотеатра.

— Пойдем в кино!

— Пойдем, — соглашается Семен.

И вот Семен Лагода уже стоит у кассы кинотеатра, протягивает в окошко рублевку.

— Подешевле, чтоб видно было хорошо, — просит он кассиршу.

Семен и Полина в тесном фойе кинотеатра протискиваются к буфету.

— Два стакана газировки! — властно требует Семен у буфетчицы. И затем деликатно уточняет: — Один с сиропом, один чистой.

Подает стакан с сиропом Полине, а сам пьет чистую.

— С детства не люблю сладкого, — бессовестно врет Семен. — Однажды объелся медом на колхозной пасеке, с тех пор даже чай пью без сахара.

— Это вредно, — усмехается Полина. — Сахар содержит фосфор, который питает клетки головного мозга.

Звонок. Зрители тесной толпой вливаются в кинозал. Сжатые со всех сторон, плывут в зал Семен и Полина.

Электрические часы на столбе у кинотеатра. Стрелки показывают восемь вечера. Мимо проходят Семен и Полина. Семен бросает тревожный взгляд на часы и бодро замечает:

— У меня еще море времени!

— И у меня весь вечер свободный, — весело замечает Полина.

Вот они бредут по безлюдному парку. Сиротливо светят фонари. Откуда-то донеслись звуки музыки. Полина берет Семена за руки, начинает петь и вальсировать. Семен послушен и счастлив...

Музыка затихла. Полина смотрит в небо на тощий серпик луны и снова начинает петь. Поймала рукой капельку, уроненную веткой, с озорством слизнула ее и опять запела.

Будто весь парк наполнен песней Полины. Семен смотрит на девушку с восхищением и грустью. Глубоко вздыхает.

— Ты по ком вздыхаешь? — спрашивает Полина.

— По себе, — задумчиво отвечает Семен.

— По себе?!

— Ну, как тебе сказать... Вот я и тысячи таких хлопцев, как я, несем службу, оторванные от дома, от родных мест, от друзей детства.

— От девушек, — с легкой иронией замечает Поля.

— Конечно! Разве мало девчат тоскуют по нашему брату? Эх, если бы не было войн... Сколько бы счастья прибавилось на земле!

И уже Полина вздыхает.

Подул ветер, стряхнув с веток поток воды. Полина ежится от холода...

Они выходят на хорошо освещенную улицу.

— Ноги совсем окоченели, — жалуется девушка.

Семен смотрит на ее ноги и испуганно говорит:

— Меня б так, в чулочках, выпустили на холод, уже пропал бы... Ужас!

Они как раз проходят мимо ресторана. Из его ярко освещенных окон, из дверей слышится джазовая музыка.

— Зайдем? — предлагает Полина. — Погреемся, послушаем музыку. Возьмем по бокалу шампанского, конфет.

У Семена округлились в испуге глаза. Он достает из кармана шинели руку, разжимает ее и тайком косит глаза на несколько оставшихся монет.

— Сейчас народищу там — не протолкнешься, — морщится Семен. — Да и какой это ресторан? Харчевня.

— Ну и что? — с милой непосредственностью настаивает Полина. — Я как раз получила деньги. Пойдем, а то простудимся.

— Нет, не имею права по ресторанам шататься да шампанское распивать.

— Почему?

— Такая служба у меня.

— Какая?

— Такая.

— Тайна?

— Как сказать... — смеется Семен. — Ключи от неба ношу в кармане, поэтому и не могу.

Полина вдруг останавливается, берет Семена за руку и с восхищением заглядывает ему в глаза. Спрашивает почти с испугом:

— Сеня, ты космонавт?..

Семен неопределенно мотает головой и улыбается почти утвердительно, блудливо пряча глаза.

— Сенечка! Я с первого взгляда догадалась, что ты совсем не такой, как был в Чижовке! Мне даже страшно идти рядом с тобой.

— Почему? — скромно удивляется Семен.

— Ты еще спрашиваешь! — Полина укоризненно качает головой. — Жалко — все фотоателье закрыты. Я б тебя затащила сфотографироваться с собой.

— Полина, не надо об этом. И запомни: я тебе ничего не говорил насчет космоса.

— Сенечка, мне все ясно...

Навстречу Семену и Полине идет старшина Прокатилов, держа под руку девушку. Семен чинно отдает ему честь. Старшина, чуть подмигнув, отвечает.

Когда разошлись шагов на десять, Семен вдруг опомнился.

— Одну минуточку, — извиняется он перед Полиной и зовет: — Товарищ старшина!

Прокатилов, оставив свою девушку, идет навстречу Лагоде.

Полина с любопытством наблюдает, как они о чем-то шушукаются.

Прокатилов незаметно сует Семену в руку пять рублей. Отдают друг другу честь и расходятся.

— Опять тайна? — игриво спрашивает Полина.

— Служба, — солидно отвечает Семен и внимательно смотрит через улицу, где светятся окна ресторана. — А ты, пожалуй, права. Надо зайти погреться.

Официантка ставит на стол бутылку шампанского и вазочку с конфетами. За столом сидят Полина и Семен. Семен, несколько смущенный непривычной обстановкой, оглядывается на малолюдный зал.

— Счет, пожалуйста, — говорит Полина официантке и начинает рыться в сумочке.

Семен щедрым жестом кладет на стол пять рублей.

— Сеня... — Полина смотрит на него с укоризной.

Официантка берет пятерку и уходит.

— Все правильно, — успокаивает Полину Семен. — У ефрейтора Лагоды тоже деньги водятся.

Полина вдруг замечает, что от пышной шевелюры Семена осталась коротенькая прическа, и всплескивает руками:

— Зачем ты так волосы обкорнал?!

Семен не спешит отвечать на этот неприятный для него вопрос. Он берет со стола бутылку с шампанским, обдирает с головки серебристую обертку, снимает проволочную оплетку, расшатывает пробку.

— А-а, понимаю! — высказывает догадку Полина. — Шевелюра мешает надевать космический скафандр?

— Поля... — Семен с искренним огорчением смотрит на девушку. — Мы же договорились...

— Молчу! — опомнилась Полина. — О космосе ни слова.

И тут случилось непредвиденное: отломилась головка пробки.

Подходит официантка, кладет перед Семеном сдачу и забирает у него бутылку. Пытается ввинтить в пробку

штопор. Но запрессованная пробка слишком твердая.

— Давайте я! — Семен уверенно берется за дело.

С большим усилием ввинчивает штопор. Затем начинает тянуть его за рукоятку. Но пробка — ни с места.

— Старайтесь не взболтать, — предупреждает официантка.

Семен чувствует себя неловко перед Полиной, что у него не хватает сил. Но выхода нет, и он решается на крайность: переворачивает бутылку горлышком вниз и ногами прижимает рукоятку штопора к полу. Двумя руками тянет за бутылку вверх... Пробка поддалась. Вновь перевернув бутылку, вытаскивает пробку. Взболтанное шампанское внезапно бьет Семену в лицо. Семен закрывает горлышко бутылки пальцем. Но струя бьет еще сильнее — попадает в официантку... Семен поворачивает горлышко к себе, и оно случайно попадает под подол гимнастерки. Однако шампанское находит выход: оно хлещет из-под воротника гимнастерки...

Полина задыхается от хохота, но тут же наказана: пенистая струя обдает ее лицо...

— Ну вот и угостились шампанским, — крайне обескураженный Семен ставит на стол пустую бутылку и отряхивает мокрую гимнастерку.

Кофточка на Полине тоже мокрая. Поля ежится, перекладывает из вазы в сумочку конфеты и со смехом говорит:

— Пошли сушиться.

— Куда?

— К нам. Дома одна мама. Лена с Сашей где-то в гостях.

— А кто такой Саша? — ревниво спрашивает Семен.

— Муж моей сестры. Он тоже военный... Кстати, Лена хотела с тобой познакомиться...

Семен и Полина идут по темной городской улочке. Заходят в изрытый строителями двор. Через канавы, через глину проложены доски, и Семен бережно ведет по ним Полину, а сам месит солдатскими сапогами липкую грязь.

В передней комнате квартиры полковника Андреева темно. Раздается звонок.

Из глубины квартиры спешит к дверям чопорная старушка. Включает свет, открывает дверь.

Входят Полина и Семен.

— Мама, знакомься. Это Сеня из Чижовки, о котором я тебе говорила.

— А-а, сынок Ивана Лагоды! Заходите, будьте ласковы, — старушка подает Семену руку. — Такой большой свет, и везде земляки встречаются.

— Мама, включи, пожалуйста, утюг, мы шампанским облились, — говорит Полина, снимая шубейку.

— Чего, чего? — удивляется старушка.

— Потом расскажем. Обхохочешься. Иди, мамочка, включи.

— Знаю я твоего батьку, и мать знаю, — старушка окидывает Семена приветливым взглядом и уходит на кухню.

Семен вешает шинель, осматривается. Видит в прихожей зеркало, столик с телефоном, до блеска натертый пол и ворсовую дорожку на нем. Глянул на свои сапоги и обмер: они у него в густой грязи. Он беспомощно смотрит на Полину и спрашивает:

— А сапоги снять можно?

— Правильно! И надень Сашины тапочки. — Полина указывает на стоящие под вешалкой тапочки.

Семен стаскивает с ног сапоги, засовывает в голенища портянки. Поставив сапоги под вешалку, надевает тапочки.

— Снимай гимнастерку! — деловито распоряжается Полина.

По асфальтовой дороге, зажатой с двух сторон лесом, мчится «Волга». В лучах фар мечутся снежинки.

За рулем — Елена Дмитриевна, рядом с ней — полковник Андреев.

— Вот как бывает, — весело говорит Елена Дмитриевна. — Чуть не разбила я чужую любовь.

— Бывает, — соглашается Андреев. — А Кириллов — орел. На стрельбах молодцом себя показал.

— На учениях все вы герои, — с ласковой насмешкой замечает Елена Дмитриевна. — До войны тоже пели: «Любимый город может спать спокойно». А что получилось?

— Другие времена. Совсем другие! Тебе, как самому близкому мне человеку, могу выдать строгую государственную тайну.

— Ты выдашь! Дождешься от тебя, — смеется Елена Дмитриевна.

— Выдам, — усмехается Андреев. — Потому что это уже ни для кого не тайна. А суть ее в том, что действительно можно спать спокойно. Поверь мне!

— Ну-ну, расхвастался! — подзадоривает его Елена Дмитриевна, внимательно наблюдая за дорогой.

— Ну, конечно, все может быть... Должен сообщить тебе, что меня вызывают...

— Зачем?

— На переговоры. Предлагают туда, где будут сбивать не самолеты, в случае войны, а ракеты — откуда бы они ни прилетели. И тоже наверняка.

— Саша! — восклицает Елена Дмитриевна. — Это опять надо переезжать...

— Такая судьба военных. Зато небо наше будет на замке.

— Опять хвастаешься.

— Да нет же! У нас каждый ракетчик знает, что носит ключи от неба в своем кармане...

— Что это за колесо? — удивляется Семен Лагода, рассматривая круг для хула-хупа. В майке, бриджах и тапочках на босу ногу, он выглядит нелепо среди современной мебели, которой обставлена столовая квартиры полковника Андреева.

— Гимнастический круг, — поясняет Полина. Она надевает круг на себя и начинает вращать его.

Семен наблюдает за упражнениями Полины и морщится.

— Неприлично, — категорически заявляет он.

— Почему? Это сохраняет фигуру, — Полина снимает круг.

— Вот как надо, — Семен становится на руки вверх ногами. — Надень круг на ногу.

Полина надевает, и Семен, поджав одну ногу, второй начинает искусно вращать круг.

— Поля! — слышится из кухни голос матери.

— Иди, — велит ей Семен. — Я долго так могу.

В темной прихожей щелкает замок. Входят полковник Андреев и Елена Дмитриевна. Не зажигая света, они раздеваются.

Семен, по-прежнему стоя на руках, вращает ногой колесо.

В столовой появляется полковник Андреев. Увидев стоящего вверх ногами солдата, замирает с открытым ртом. Некоторое время ошалело смотрит на него, снимает запотевшие очки, протирает глаза, отходит в сторону и опять смотрит, не в силах осмыслить, что происходит. Рядом с ним появляется Елена Дмитриевна и тоже каменеет.

Семен поворачивает голову, испуганно глядит снизу вверх на полковника и его жену... Семену кажется, что это они стоят вниз головой...

Торопливо вскакивает, точно угодив ногами в тапочки, и пялит на Андреева глаза так, будто перед ним появился марсианин. Ведь сам командир полка!

— Гы-гы, — испуганно, одними губами, смеется Семен и встряхивает головой, полагая, что все это ему мерещится.

Но командир полка не исчезает, а стоит перед ним с изумленными глазами.

До Семена постепенно начинает доходить вся нелепость сложившейся ситуации. Не помня и не слыша себя, он испуганной скороговоркой выпаливает:

— Здравия желаю, товарищ полковник! — и одновременно подбрасывает правую руку к виску, по привычке щелкнув... тапочками.

Ощутив наготу ног, кидает взгляд на них и, поняв, как выглядело его приветствие, от беспомощности и полнейшей растерянности опять глупо хихикает.

Из кухни прибегает с гимнастеркой Семена в руках Полина. Заметив растерянность на лице Семена и ошарашенность родственников, она со смущением выпаливает:

— Саша, Лена!.. Это же наш земляк, Сеня. Космонавт!..

Нервы Семена не выдерживают. При слове «космонавт» он хватает у Полины гимнастерку, выскакивает в прихожую, судорожно снимает с вешалки шинель, шапку и, будто обезумев, вылетает на лестницу. Звонко шлепают по ступенькам тапочки...

Вот Семен, уже одетый в шинель, стремительно бежит по ночной улочке...

Семен стоит на пустынном тротуаре, поочередно поджимая под полы шинели озябшие в тапочках ноги. По-

ворачивается в ту сторону, откуда прибежал. Размышляет. Затем решительно направляется вперед.

Но вдруг с противоположного тротуара его окликают:

— Товарищ военный, подойдите сюда!

Семен замирает на месте. Он видит, что на другой стороне улицы стоит комендантский патруль — незнакомый старший лейтенант и трое солдат с повязками на рукавах.

Патрули с любопытством наблюдают за ефрейтором, у которого на ногах вместо сапог тапочки.

— Ко мне! — строго приказывает старший лейтенант.

Семен медлит, пережидая, пока проедет по мостовой спецмашина со складной вышкой на крыше фургона *.

Вот машина проехала между патрулями и Семеном, и патрули от изумления раскрывают рты: ефрейтор исчез.

А спецмашина увозит Семена от опасности. Он прицепился к лестнице, которая по диагонали прикреплена к стенке фургона.

К ужасу Семена, машина вскоре тормозит, медленно сворачивает с мостовой на тротуар...

Семен соскакивает с лестницы и бежит дальше. Но впереди — группа ребят с повязками на рукавах. Комсомольский патруль!

Семен затравленно оглядывается. Видит, что по тротуару бегут солдаты комендантского патруля. Кажется, положение безвыходное.

Семен бросает взгляд на спецмашину, которая вплотную подъехала к стенке трехэтажного дома. На машине уже поднята пневматическая вышка, а в ее корзине стоит монтер и натягивает на вбитый в стенку крюк провод, который поддерживает воздушную троллейбусную линию.

Семен проворно карабкается по железной стремянке, что сзади фургона, к вышке, забирается в корзину и, не замеченный занятым своим делом монтером, дотягивается руками до карниза балкона...

В мягком кресле сидит в пижаме лысый, в очках толстяк и читает газету. На диване, поджав под себя ноги, миловидная дамочка рассматривает журнал мод. В комнате светло и уютно.

---

*Такие машины обслуживают троллейбусные линии.

Вдруг раздается стук в балконную дверь.

— Войдите! — механически откликается толстяк.

Дверь открывается, и в комнату заходит Семен Лагода. Он отдает честь и вежливо спрашивает:

— Скажите, пожалуйста, как пройти во двор?

— В дверь и прямо по коридору, — отвечает мужчина.

И уже слышно, как хлопнула за Семеном входная дверь.

Толстяк ошалело смотрит на жену, а она уставила такие же глаза на него.

Толстяк, не отводя гипнотизирующего взгляда от жены, медленно поднимается и, выставив вперед скрюченные руки, угрожающе приближается к дивану.

— А-а-а! — в ужасе кричит жена.

— Пьян?! — испуганно спрашивает Юрий Мигуль у стоящего перед ним Семена Лагоды.

— Хуже! — зло отвечает Семен и вдруг разражается истерическим хохотом.

— Тише! — Юрий зажимает Семену рот рукой, прихлопывает дверь, ведущую из коридора в казарму.

Мигуль стоит на посту дневального. Рядом с ним — тумбочка с телефоном, на стенках вывешены в рамках разграфленные листы бумаги, на которых можно прочесть: «Распорядок дня», «Расписание занятий и боевых дежурств», «График»...

С недоумением смотрит Юрий Мигуль на обутые в тапочки ноги Семена. А Семен то хохочет, то вытирает злые слезы.

— Что случилось? — добивается Мигуль.

Сквозь смех и плач Семен отвечает:

— Готовь, Юрочка, сухари... Упекут Сеньку-космонавта в штрафники.

— Сеня-а! — в голосе Полины звучат слезы. Вместе с полковником Андреевым она идет по глухому, безлюдному переулку.

— Ну, Поля, дала ты мне задачу, — грустно смеется полковник Андреев. — Не знал я, что у меня такие робкие солдаты.

Утопает в полутьме казарма. Длинный ряд кроватей, на которых спят солдаты. Возле каждой кровати, в ногах, стоит по паре сапог, а на их голенищах аккуратно развешены портянки. И только возле одной кровати мы видим тапочки — жалкие во внушительном строю солдатских сапог.

Тапочки крупным планом. Аппарат делает разворот и наездом засматривает в лицо спящего Семена Лагоды. Семен что-то бормочет во сне, мотает головой, стонет... Протягивается чья-то рука и осторожно притрагивается к его лбу.

Опять разворот камеры на тапочки. Чья-то рука забирает их из кадра и тут же ставит чисто вымытые сапоги Семена, развешивает на голенищах портянки.

Дневальный Юрий Мигуль, открыв из коридора дверь, подсматривает в казарму. При тусклом свете дежурной лампочки видит, что из глубины казармы идут полковник Андреев и старшина Прокатилов. Юрий отлетает к тумбочке и вытягивается в струнку.

Андреев и заспанный Прокатилов выходят в коридор.

— И чтобы никаких разговоров, — обращается полковник Андреев к старшине. — Это приказ.

— Ясно, — кивает головой Прокатилов.

— А вам? — Полковник смотрит на Мигуля.

— Так точно! — бойко отвечает Юрий.

— Утром заставьте Лагоду измерить температуру, — уже на ходу приказывает Андреев старшине.

В это время звонит телефон. Юрий Мигуль хватает трубку.

— Дневальный рядовой Мигуль...

И тут же испуганно смотрит на полковника:

— Тревога!

— Действуйте! — приказывает полковник и кидается к выходной двери.

Над головой дневального вспыхивает красная лампочка, начинает мигать световое табло: «Тревога! Тревога!»

Раздаются звуки сирены.

— Дивизион, подъем! — командует Прокатилов. — Тревога!

— Тревога! — вторит ему Мигуль.

Знакомые кадры, в которых мы видим поднимаю-

щихся по тревоге солдат. Но нас интересует Семен Лагода. Мигом слетает с Семена одеяло. Он вскакивает и торопливо надевает брюки, натягивает гимнастерку, кидается к сапогам и натренированными движениями наматывает портянку, засовывает ногу в сапог, затем надевает второй сапог и, на ходу подпоясываясь ремнем, бежит к вешалке за шинелью.

Никакой другой мысли, кроме «Тревога!», нет сейчас в голове Семена. Не вспомнил он ни о своих злоключениях, ни о тапочках...

Пугает предрассветную темноту, окутавшую лесной военный городок, призывный вопль сирены. В направлении огневых позиций бегут в строю солдаты.

Бежит лейтенант Кириллов, застегивая на ходу шинель. Бежит лейтенант Самсонов.

Командный пункт, где получен сигнал о появлении неизвестного самолета. Заняты своим делом операторы.

На командный пункт заходит полковник Андреев. Дежурный — щеголеватый капитан — тревожно докладывает ему:

— Товарищ полковник, с «Рубина» сообщили, что неизвестный самолет вторгся в наше пространство и идет курсом на охраняемый объект. Станции обнаружения цель сопровождают. Получен приказ: при входе в зону уничтожить. Дежурным подразделениям приказ передан. Остальным объявлена боевая тревога. Докладывает дежурный капитан Великородов.

— Продолжайте работу. — Полковник отдает честь и подходит к планшетистам. В это время из динамика громкоговорящей сети раздается голос:

— Внимание, внимание! Ракетчикам — отбой. Неизвестный самолет перехвачен истребителями...

— Командуйте отбой, — приказывает Андреев. — Станциям продолжать работу до посадки самолета.

Говорливой толпой вливаются солдаты в казарму.

— Отбой! — весело командует Юрий Мигуль. — Сто двадцать шесть минут спать осталось!

Солдаты раздеваются.

Юрий Мигуль с любопытством наблюдает за Семеном Лагодой. Семен присаживается на табуретку у своей койки, чтобы разуться, и вдруг глаза его стекленеют. С недоумением смотрит на свои сапоги, поднимает растерянный взгляд на Юру, не в состоянии осмыслить происшедшее. Так окаменело и сидит с открытым ртом, ошеломленный воспоминаниями о вчерашних событиях... Встряхивает головой, будто прогоняет сновидение. Резко переводит взгляд на то место, где должны стоять тапочки. Но тапочек нет, и Семен, скривив в жалкой улыбке губы, рассматривает сапоги.

— Мои сапоги... — растерянно шепчет он.

Юрий Мигуль весь сотрясается от смеха.

— Откуда сапоги? — охрипшим голосом спрашивает у него Семен. — Где тапочки?

— Какие тапочки? — притворно удивляется Юрий.

Семен вскакивает и свирепо хватает Мигуля за грудки.

— Юрка! — плачущим голосом выкрикивает он.

— Тш-ш-ш, — успокаивает его Юрий, указывая глазами на солдат. — Командир полка приказал, чтоб ты утром... смерил... температуру, — прикладывает руку ко лбу Семена. — А сейчас спать.

Небольшой кабинет майора Оленина. Майор сидит за столом и рассматривает какие-то бумаги, а у стола стоит лейтенант Кириллов.

Заходит испуганный Семен Лагода. Дрожащим голосом докладывает:

— Товарищ майор, ефрейтор Лагода по вашему вызову явился!

— Хорошо, — отвечает Оленин и, бросив на Семена взгляд, говорит: — Жалко мне с вами расставаться, но что поделаешь...

Звонит телефон, майор тянется к трубке:

— Оленин слушает!.. Да...

— На сколько суток? — жалостливо спрашивает Семен у Кириллова.

— Насовсем, — уверенно отвечает Кириллов.

— То есть как — насовсем?! — Глаза Семена округлились.

— Выдержите, — говорит Кириллов.

— Что выдержу?!

— Экзамены.

Оленин кладет на аппарат трубку и, повернувшись к Семену, продолжает:

— Пришел вызов из ракетного училища. На экзамены поедете.

Лицо Семена постепенно светлеет, глаза искрятся радостью.

Семен Лагода и лейтенант Кириллов идут по ракетной позиции.

— В знакомые места еду, — Семен сияет от счастья.

— Туда, где рыба хорошо ловится и лилии на озерах растут? — посмеивается Кириллов.

Семен, точно споткнувшись, останавливается, с изумлением смотрит на Кириллова.

— А вы поверили, что я вас не узнал? — хохочет Кириллов.

Семен крайне смущен.

— Вы уж извините меня, товарищ лейтенант, — говорит он, не зная, куда деть глаза. — Сейчас я другой... А я вас сразу узнал.

— А Аню не узнал? — Кириллов с хитрецой смотрит на Семена.

Вновь изумлен Семен. Он силится что-то сказать, но только глотает воздух. Наконец выговаривает:

— Так Анна Павловна — та самая?! Которой вы лилии рвали?..

Из затемнения — покрытая лилиями гладь озера. Недалеко от берега сидит в лодке паренек и удит рыбу. На берег выходит из кустов Семен Лагода. Он в новенькой форме. На плечах — погоны лейтенанта.

— Эй, рыбачок! — зовет Семен. — Лодка нужна на пару минут!

— Всем лодка нужна, — спокойно отвечает паренек, не отрывая глаз от поплавков.

— Понимаешь, лилии до зарезу нужны, — продолжает втолковывать Семен.

— Всем лилии нужны.

— Эх ты, куркуль! — И Семен начинает расстегивать гимнастерку. Но вдруг опомнился, грозит рыбаку пальцем и застегивает ворот.

— Сеня, где ты? — слышится за кустами девичий голос.

— Здесь! — откликается Семен.

На берег выходит Полина — нарядно одетая, возбужденная.

— Ну, где твои лилии? — спрашивает она.

— Да вот куркуль лодки не дает, — смеется Семен.

— Обойдемся без лилий, а то придется новую комедию начинать. — Полина берет Семена под руку.

— Привет! — машут они рукой рыбачку.

1964 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

Повесть «Человек не сдается» Иван Стаднюк начал писать осенью 1945 года, а летом 1946 года был закончен ее первый вариант и отправлен из Симферополя, где автор продолжал службу в армии, в один из московских журналов. Рукопись была отвергнута, а ее содержание рецензент журнала осудил, как предвзятое. Тогда автор показал повесть жившему в Крыму П. А. Павленко. После ее прочтения известный писатель сказал начинающему литератору:

«...Я поверил всему, что здесь написано. Это — свидетельство очевидца... Но еще не время для появления такой повести или романа... Народ наш живет сейчас чувствами Победы. И пока не стоит омрачать эти чувства воспоминаниями о днях наших трагических неудач... А вот пройдет лет десять, может, чуть больше, ты заново перечитаешь повесть, и тогда она окажется ко времени».

Иван Стаднюк последовал совету опытного художника, и в 1955 году закончил работу над новой редакцией повести «Человек не сдается».

В этом раннем, но крупном в творческой биографии писателя произведении рассказывается о военных событиях двух первых недель после вторжения войск фашистской Германии на территорию СССР.

Впервые повесть была опубликована в 1956 году в сборнике «Люди с оружием» (изд-во «Молодая гвардия») и нашла широкий отклик у читателей, и известных критиков, и литераторов. Михаил Алексеев, например, писал, что, изображая картины боев 1941 года, И. Стаднюк «не приукрашивает действительность, не скрывает от читателей тяжких, порою трагических положений, в которых оказывались советские воины в начальный период фашистского нашествия. Но и не сгущает красок, не идет по ложному пути некоторых литераторов, которые в последнее время стали изображать 1941 год как сплошное беспорядочное бегство нашей армии, как сплошную неразбериху. Автор повести «Человек не сдается» показывает этот период, как самое тяжкое испытание моральных качеств советских людей, из которого они в конце концов вышли с честью»

(Михаил Алексеев. «Слово в строю», издательство «Современник», 1975 г.).

Критик Борис Леонов в своей книге «Главный объект», посвященной творчеству Ивана Стаднюка («Московский рабочий», 1979), говорит о повести «Человек не сдается»: «Но еще более убедительным кажется мне в выяснении художественных достоинств повести И. Стаднюка тот внутренний, сквозной лейтмотив произведения, который я назвал, используя слова Л. Толстого, мыслью народною о подвиге советского человека в годы великих испытаний (1941—1945). Это суровое слово большой правды человека, который прошел всю войну по фронтовым дорогам с первого ее дня и до последнего, победного. Завидная, счастливая судьба человека запечатлена в судьбе героя повести. Она определила и счастливую судьбу самой повести, которая много раз переиздавалась, переведена за рубежом, экранизирована и по сей день пользуется неизменным успехом у читателей».

Фильм «Человек не сдается» (производство белорусской киностудии «Беларусьфильм», 1960 г.) был первой художественной кинолентой в советском кинематографе о самом начальном периоде Великой Отечественной войны.

«Перед наступлением». Впервые повесть опубликована в 1956 году в сборнике «Люди с оружием» (изд-во «Молодая гвардия»). Она вошла во многие издания произведений писателя. «Перед наступлением» повествует о суровом солдатском быте, о нелегком ратном труде разведчиков, армейской дружбе и верности солдатскому долгу.

«Сердце помнит» написана в 1952 году (в первоначальном варианте повесть называлась «Это не забудется»). Впервые напечатана в 1952 году в «Библиотечке журнала «Советский воин», а затем включалась в состав ряда сборников автора.

Повесть «Следопыты» написана в самом конце 40-х годов. В основе ее сюжета — подлинный случай, состоящий из цепи событий, когда на Северо-Западном фронте вступили в противоборство войсковые разведки советской и немецко-фашистской армий.

Впервые повесть была опубликована в 1950 году (Воениздат), а в 1954 году в том же издательстве напечатана в дополненном и переработанном виде.

Читатель, вероятно, обратил внимание, что некоторые литературные персонажи Ивана Стаднюка переходят из повести в повесть. Например, генерала Рябова мы видим в повестях «Человек не сдается», «Перед наступлением», «Сердце помнит» и «Следопыты». В нескольких повестях действуют Павел Кудрин, Серафима Березина, Ирина Сорока. Этот прием позволяет автору не только изображать своих героев на разных этапах войны и в различных обстоятель-

ствах, но и сближает повести, делает их соседство более естественным и в целом «скрепляет» всю книгу.

«Плевелы зла» — маленькая повесть, написанная в 1957 году и в том же году опубликованная в журнале «Советский воин» под названием «Своими руками». Включалась во многие сборники, издавалась за рубежом. Повесть изображает деятельность военно-медицинских учреждений на фронте. Главные ее персонажи — военные хирурги.

По мотивам повести автором создана драма «Горький хлеб истины» в двух действиях, пяти картинах, с прологом и эпилогом (издана ВААПом в 1971 году). Поставлена в ряде театров страны и до сих пор остается в репертуаре. В этой драме автор еще более углубленно, чем в повести, исследует судьбу человека, попавшего в силу обстоятельств не на свое место, то есть на должность, которой он не соответствует по качествам своего характера, показывает, сколь отрицательно сказывается власть этого человека на порученном ему деле и на судьбах окружающих его людей. Автор беспощадно бичует практику избавления от плохих работников путем выдвижения их на новые должности или посылки на всякого рода «курсы усовершенствования», доводит драматизм ситуаций, созданный на примере из такой практики, до высшего накала.

Повесть «Максим Перепелица» рождалась из отдельных, появляющихся на страницах журнала «Советский воин» рассказов о деревенском пареньке, призванном в армию. Отдельной книжкой вышла в 1952 году в Военном издательстве и произвела на читателей большое впечатление романтической яркостью, искристым юмором, поэтичностью, картинами украинской природы и знанием быта армейских будней.

После появления этой повести, а вслед за ней четырех радиоспектаклей о Максиме Перепелице имя Ивана Стаднюка стало широкоизвестным у нас в стране, а позднее и в переводах повести, за рубежом. Этому также способствовала и доброжелательная статья в «Огоньке» (1952 г.) известного критика и литературоведа Александра Макарова.

В 1956 году повесть «Максим Перепелица» была экранизирована на «Ленфильме» и, тепло встреченная зрителями, до сих пор не сходит с экранов.

«Само же обращение Ивана Стаднюка к жизни современной армии в начале 50-х годов, — пишет исследователь творчества писателя Борис Леонов в книге «Главный объект», — было явлением знаменательным для литературы, которая впервые обратилась к армейским сегодняшним будням, в то время как в основном литература осваивала тему Великой Отечественной, перенося в день мира самоощущение радости выигранной битвы за жизнь на земле».

Повесть «Максим Перепелица» переведена на многие языки, в

том числе на болгарский, венгерский, немецкий, польский, чешский, румынский, китайский.

Киноповесть «Ключи от неба» написана в 1964 году. В интервью «Литературной газете» от 14 марта 1964 года писатель сказал: «Надо было садиться за вторую книгу романа («Люди не ангелы»). Однако я не мог не отдать должное военно-патриотической теме, которая является моей творческой судьбой, тем более что уже был выношен сюжет кинокомедии из жизни и боевой службы солдат — ракетчиков противовоздушной обороны страны. Как и полагается всякому военному человеку, сразу же засел за работу. Сценарий написан, принят к производству...»

Вскоре на экраны страны вышла кинокомедия «Ключи от неба» (Киевская студия художественных фильмов имени А. П. Довженко).

В 1970 году киноповесть вышла в сборнике, изданном Военным издательством.

СОДЕРЖАНИЕ

Стаднюк И. Ф.

С 76 Собрание сочинений: В 4-х т. Т. 2. Повести. — М.: Мол. гвардия, 1983. — 574 с.

В пер.: 2 р. 40 к. 100 000 экз.

Во второй том собрания сочинений вошли ранние произведения писателя. В них изображаются боевые дела советских воинов на фронтах Великой Отечественной войны, участником которой был автор. Повести «Максим Перепелица» и «Ключи от неба» — о солдатской службе в мирное время.

С $\frac{4702010200—023}{078(02)—83}$ Подписное

ББК 84Р7
Р2

ИБ № 3550

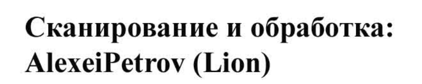
Иван Фотиевич Стаднюк

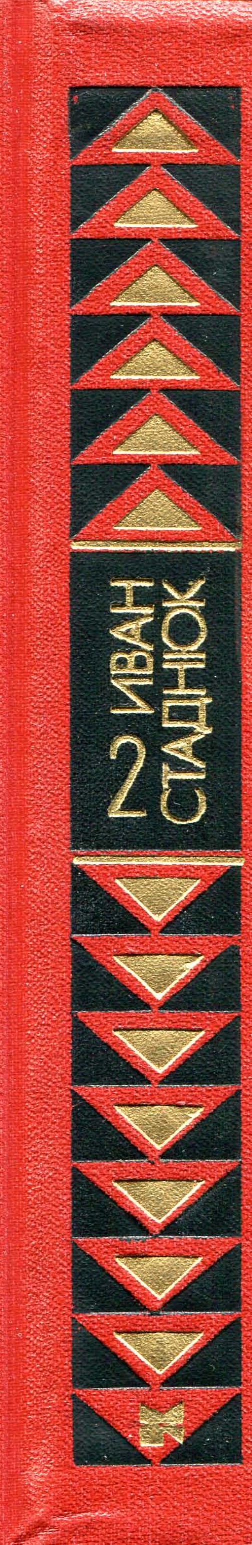
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Редактор **А. Петров**
Художник **М. Шевцов**
Художественный редактор **А. Романова**
Технический редактор **В. Пилкова**

Сдано в набор 07.07.82. Подписано в печать 19.01.83. А05019. Формат 84×108$^1/_{32}$. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 30,24. Учетно-изд. л. 32,2. Тираж 100 000 экз. Цена 2 р 40 к. Заказ 1195.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.


Сканирование и обработка:
AlexeiPetrov (Lion)



МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ